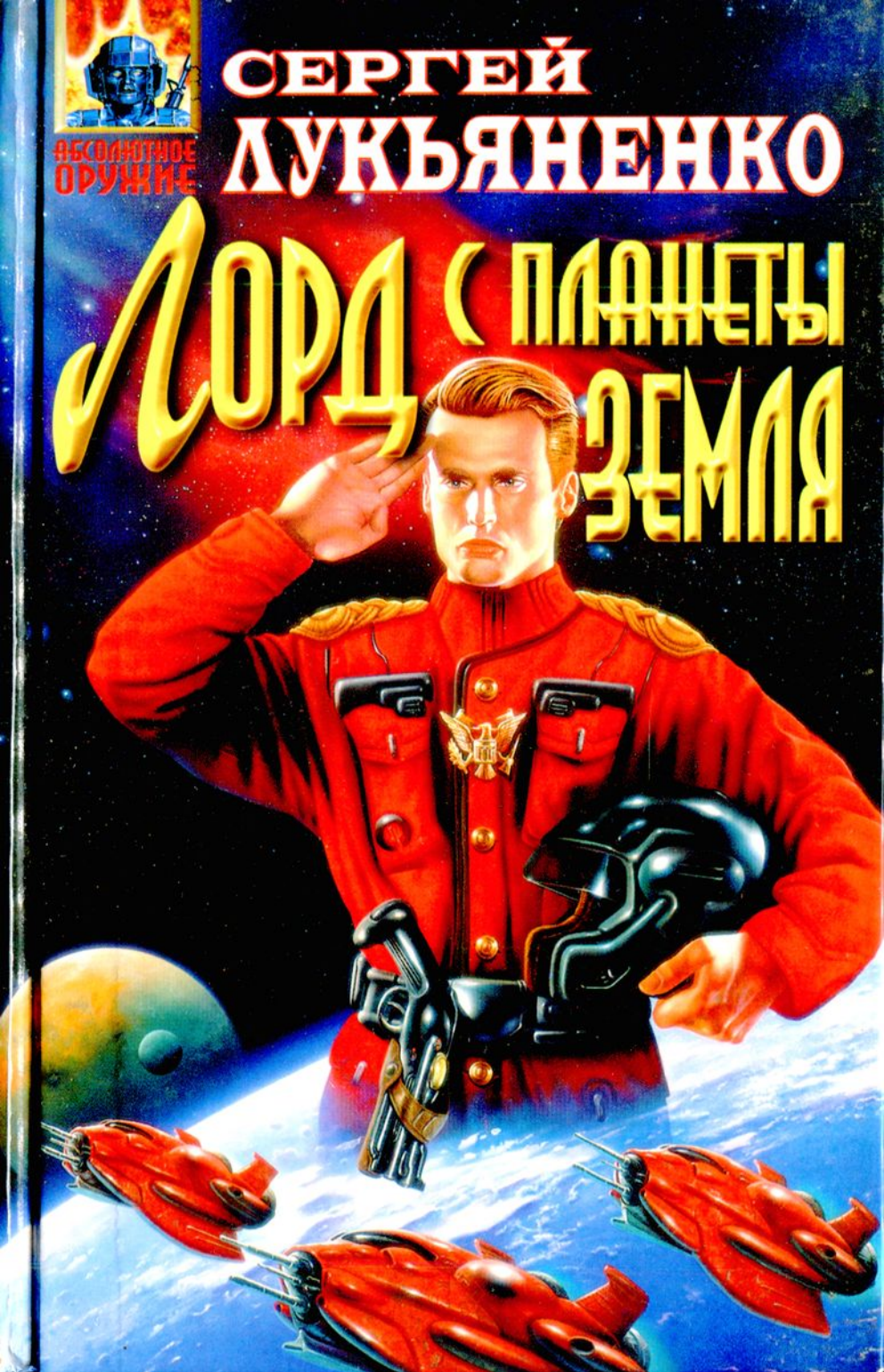
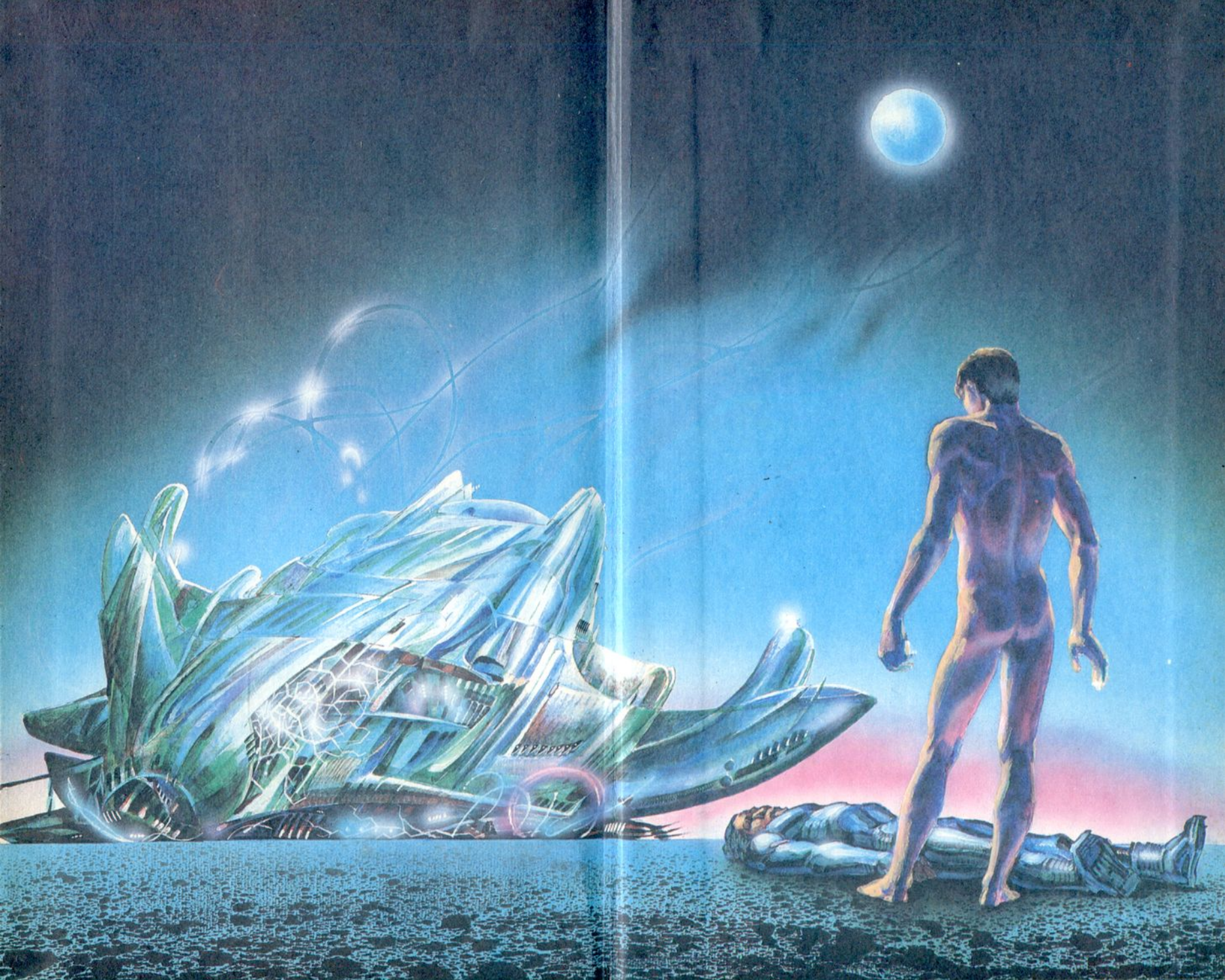
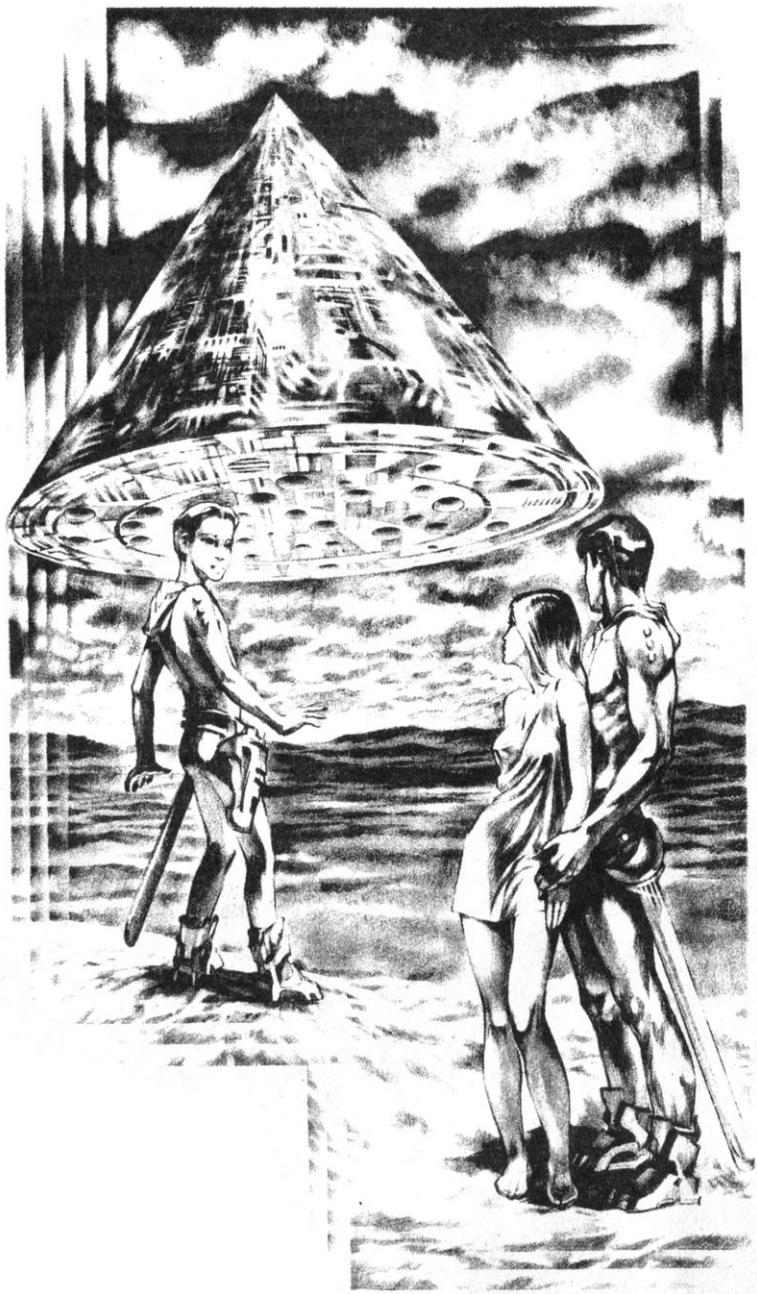

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ
СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО
ЛОРД ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ



БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»



Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

ЛОРД С ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

Фантастический роман-трилогия

МОСКВА
«АРГУС»
«ЭКСМО»
1997

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Л84

Редактор и составитель издания
Олег Пуля

Лукьяненко С. В.

Л84 Лорд с планеты Земля: Фантаст. роман-трилогия; Послесл. Переслегина С. Б.; Сост. Пуля О. П. — М.: Аргус, ЭКСМО, 1997. — 496 с.: ил. — (Библиотека фантастики «Хронос»; серия «Абсолютное оружие»).

ISBN 5-85549-140-4 («Аргус»)
ISBN 5-251-00327-7 («ЭКСМО»)

Чем может закончиться обычное знакомство в парке, когда супермен районного масштаба защищает в жестокой драке девчонку? Свадьбой, дуэлью, сражением в космосе, галактической войной?.. И тем, и другим, и третьим с четвертым вместе; уж если девчонка оказывается принцессой далекой звездной империи, то всё остальное приложится — бластеры и звездолеты, паутинные мины и Храмы предтеч-Сеятелей. А еще атомарные мечи, чьи лезвия затачиваются волнами пламени, — мечи острее косы Смерти и бритвы Оккама.

И разве может не увлечь приключение, где давнишнее желание переиграть, исправить ошибку исполняется, легко врастая в реальность из разноцветного миража компьютерных игр. Религиозные фанатики, вооруженные до зубов, и вампиры, не прячущие свои клыки. Странные друзья и необыкновенные враги, дуэли на орбите и фокусы с временем — всё впереди у героя, решившегося из всех женщин галактики выбрать одну — Принцессу.

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6-4

В серийном оформлении «Абсолютного оружия» использована работа художника Steve Youll с согласия самого художника и его агента Александра Корженевского

© Издательство «Аргус», 1997
© Текст — С. В. Лукьяненко, 1996
© Послесловие — С. Б. Переслегин, 1995
© Составление — О. П. Пуля, 1997
© Оформление, иллюстрации в серии «ХРОНОС» — Р. А. Исматуллаев, З. Д. Шабдурасулов, 1997
© Название серии «ХРОНОС» — О. П. Пуля, 1993
© Серийное оформление «Абсолютного оружия» — «ЭКСМО», 1997

ISBN 5-85549-140-4 («Аргус»)
ISBN 5-251-00327-7 («ЭКСМО»)

Игра стоит принцессы

(вместо предисловия)

Чем может закончиться обычное знакомство в парке, когда супермен районного масштаба защищает в жестокой драке девчонку? Свадьбой, дуэлью, сражением в космосе, галактической войной?

И тем, и другим, и третьим с четвертым вместе. Потому что именно с этой встречи начинается фантастический роман-трилогия Сергея Лукьяненко «Лорд с планеты Земля».

Уж если девушка оказывается принцессой далекой звездной империи, то всё остальное приложится: бластеры и звездолеты, паутинные мины и храмы предтеч-Сеятелей. А еще атомарные мечи, чьи лезвия затачиваются волнами пламени, — мечи острее косы Смерти и бритвы Оккама.

Вот это жизнь — когда с ходу врываешься в незнакомый мир. Когда переворачиваешь его с ног на голову, добиваясь своего. Когда выкладываешься до предела в последней схватке, сделав всё возможное, невозможное — и победив!

Разве может не увлечь приключение, в котором детская игрушка — пружинный пистолет — становится оружием, изменяющим судьбы планет. Где давнишнее желание переиграть, исправить допущенную ошибку исполняется, легко врастая в реальность из разноцветного миража компьютерных игр...

Религиозные фанатики, вооруженные до зубов, и вампиры, не прячущие свои клыки. Странные друзья и необыкновенные враги, поединки на орбите и фокусы со временем. Неожиданные встречи и неизбежные расставания — всё впереди у героя, решившегося выбрать из всех женщин Вселенной одну — Принцессу.

Но мало, оказывается, только решиться. Мало даже содеять недостижимое, надо еще подтвердить свое право на совершенный поступок. Заставить себя и всех поверить в него.

Можно с головой окунуться в авантюры и странствия, испытывая себя на прочность ежеминутными опасностями. Но и это не выход. Поток событий, не увеличивающих своего масштаба, может сделаться однообразным. И если нет движения ко всё более сложным играм, к увеличению ставок — сюжет блекнет. Совет Черной Королевы Алисе остается в силе: «...здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте».

А куда бежать, если все окружающие признали в тебе всемогущего Принца, и даже сам — нет, не принимая величия всерьез, — уже выставляешь моральный счет родной планете: «...если ненавидеть — то целую цивилизацию».

Звезды над головой и нравственный закон внутри нас — вот чему остается бросить вызов. То и другое — лишь имена из бесконечного списка самоназваний Вселенной. И результат поединка с ними одинаков. Разные — лишь пути. Если умение ненавидеть вытеснило умение любить, то как ни называй Силу, выбравшую тебя своей игрушкой, у ее истоков стоишь ты сам.

Какой из путей выбрали Принц и Принцесса, Земля и звезды? Кто победил в поединке?

Решайте сами. Для этого сто́ит прочитать трилогию, где ответом на любой вопрос может стать песня или удар меча, поцелуй принцессы или гибель планеты.

Но вопросов всё равно останется больше.

«ХРОНОС»

ПРИНЦЕССА СТОИТ СМЕРТИ

Роман

Памяти Виталия Ивановича Бугрова...

Часть первая

ЛОРД

1. Обручение

— В тебя можно влюбиться?

Я не сразу расслышал вопрос. Занятый очень сложной попыткой подняться с земли, не опираясь на разбитые в кровь кулаки, я почти забыл про девчонку. Такое часто случается в очень жестоких драках — к их концу успевает забыться причина ссоры.

— В тебя можно влюбиться?

Мне наконец-то удалось встать. Сильнее всего болели руки, и это неплохо. Выходит, бóльшую часть ударов я сблокировал. Если бы не прямой в лицо на последних секундах, победа оказалась бы идеальной. И бескровной — для меня, конечно...

— В тебя можно влюбиться?

Голос девчонки был настойчивым и спокойным. Словно не ее, отчаянно и неумело отбивавшуюся, тащили недавно к скамейке трое здоровенных ублюдков. Будто и не было короткой, беспощадной драки, к концу которой я впервые перешел незримую грань — начал бить на поражение. Насмерть. Потому что иначе могли убить меня.

Я будто увидел себя со стороны. Высокий, мускулистый, в разорванной рубашке, с залитым кровью лицом. Кастет у них был, что ли? Супермен-любитель, нетвердо стоящий над тремя поверженными врагами рядом со спасенной девушкой. Можно ли в такого влюбиться?

— Да, конечно,— вполголоса, не осознав еще нелепости вопроса, сказал я.— Можно...

И посмотрел на девчонку.

Господи, и чего они к ней привязались? Совсем еще малолетка, лет тринадцати-четырнадцати. Красивая, правда...

Очень красивая.

Мягкие каштановые волосы, свободно падающие на тонкие плечи. Стройные ноги, длинные, но без подростковой несоразмерности. Фигурка, правильная до идеальности, до классических пропорций греческих скульптур. Большие темно-синие глаза на тревожном и от этого еще более красивом лице. Значит, все-таки испугалась... Лишь голос остался странно спокойным.

Я смотрел, не в силах оторвать взгляда. Она и одета была удивительно: в коротких облегающих шортах, маечке-топике из глянцевитой багрово-красной ткани, таких же вишневых кроссовках, бледно-розовых носочках, валиками скатавшихся на щиколотках. Тонкую шею дважды обвивала золотистая цепь, такая массивная, что у меня мелькнула мысль — подделка. И вдруг я понял, что никакая это не подделка. На девчонке не было ничего бутафорского. Цепь — золотая, стоящая уйму денег.

Господи, и как на нее не напали раньше?

— Тебе очень больно? — тихо спросила девчонка.

Я покачал головой. Больно, конечно, но тебе не стоит об этом думать. Тебе надо поскорее попасть домой. И не бродить по ночам в са́мом заброшенном городском парке, где полно обкуренных анашой юнцов и напившихся до одури пьянчуг.

— Сейчас все пройдет, — уверенно сказала девчонка. И протянула ко мне руку.

Теплые, нежные пальцы коснулись моего лица. Она словно не видела запекшейся липкой крови. Или — не боялась до нее дотронуться.

Боль прошла.

Меня обдало холодным ветром. Сознание обретало ясность. Я напрягся, готовый снова кинуться в драку. Готовый умереть из-за незнакомой девчонки. Готовый убить любого, кто посмеет ее обидеть.

А боль исчезла.

— Я очень рада,— продолжала девчонка. — Ты красивый, хоть это и не важно. Ты сильный, но и это не самое главное. Ты смелый.

На секунду она замолчала. Ее пальцы скользили по моему лицу, и где-то в глубине рождался легкий холодок. Странно, ведь ладонь такая теплая...

— А самое главное — в тебя можно влюбиться.

Я кивнул. Теперь уже вполне сознательно. Я хочу, чтобы ты в меня влюбилась, странная девчонка.

Потому что уже люблю тебя.

— Ты будешь ждать, пока я вырасту?

Она улыбнулась, и огромные синие глаза вспыхнули. Девчонка спрашивала, уже зная ответ. Словно исполняя скучный, но обязательный ритуал.

— Да.

— Тогда дай мне руку.

Что-то тяжелое и маленькое легло в мою ладонь. Пальцы сжались сами собой, пряча неожиданный подарок.

— Ты должен носить его, пока не передумаешь. Пока не устанешь ждать. А мне пора.

Девчонка шагнула назад. В темноту, в сплетение деревьев, в неизвестность.

— Постой... — я подался к ней. — Я провожу.

И снова улыбка — смеющиеся глаза на лице юной богини.

— Меня проводят. Это слишком далекий путь... для тебя. Я рада, что мы обручились. Прощай.

На меня упало непонятное оцепенение. Я видел, как она уходит, и каждая клеточка тела, каждый мускул, каждый нерв тянулся вслед. Надо пойти за ней, надо проводить девчонку домой...

Но я не мог сдвинуться с места. Я лишь смотрел на нее. А потом разжал ладонь. И увидел кольцо из тяжелого желтого металла.

...Сегодня вечером мы тусовались на хате у Крола. Какое место он занимает в нашей конторе, понятно, я думаю, по прозвищу. Лопоухий, с вечно красными слезящимися глазами, не по делу суетливый. Зато с родителями-геологами, вечно пропадающими в командировках, и вполне приличным японским видаком.

На тусовку я пришел уже разогретым. Состояние было странным — обычно я или совсем не пью, или довожу себя до полного кайфа. Сейчас мне пить не хотелось абсолютно.

В комнате у Крола было темно, работал видеомагнитофон, на широкой разболтанной кровати сидело человек семь-восемь. Кто-то громко позвал:

— Серж, приземляйся!

И потише, но куда более властным голосом:

— Эй, место Сержу...

Я вяло взмахнул рукой, одновременно и здороваясь, и объясняя, что не собираюсь садиться. Постоял минуту, привалившись к косяку, глядя на экран, где шел очередной «Кошмар на улице Вязов». Неистребимый Фредди Крюгер молотил пальцами-бритвами тощего очкастого парня. Кровь хлестала фонтаном. Очкарик с обреченным видом, словно понимая бесплодность своей затеи, палил во Фредди из двух

огромных револьверов. Клочья полосатой рубахи и гнилого мяса вылетали из Крюгера эффектными гейзерами.

Развернувшись, я побрел к ванной. Вслед мне несся восторженный голос гундосого переводчика: «А теперь, ребята, я займусь вами по-настоящему...»

В ванной комнате готовилась к любви незнакомая парочка. Девчонка уже разделась, парень стягивал брюки. На меня они уставились так ошалело, что я немного протрезвел. Даже дошло, в чем дело — дверь была заперта на довольно массивную щеколду. Не рассчитал усилия, что поделаешь.

— Я быстро, — объяснил я, включая холодную воду. — Чувствую потребность умыться...

Ледяная струя хлестнула по затылку, потекла за шиворот. Я помотал головой, постанывая от наслаждения. Так, что мне еще нужно? Сигарету...

Девчонка стояла смирно, прикрывшись полотенцем. Парень медленно багровел от злости. Крутя головой под струей воды, я краем глаза наблюдал за ним и пытался предугадать дальнейшую реакцию. Если он меня знает, то выждет минуту, приладит задвижку на двери, и спокойно...

Так, значит, не знает. Я дернулся, уходя от удара. Парень саданул ребром ладони по чугунному краю ванны и взвыл. Не давая ему опомниться, я ударил в плечо. Несильно, просто разворачивая в удобную позицию... И влепил ногой в живот — на этот раз покрепче. Парень согнулся и сел на пол.

— Еще полезешь — ударю ниже, — наставительно произнес я. — Будешь неработоспособен.

Поискал глазами полотенце, не нашел. Улыбнулся девушке:

— Мне бы вытереться.

Она быстро протянула полотенце, которое держала перед собой на манер ширмы. Я осторожно взял махровое полотнище за уголки и, продолжая занавешивать девушку, промокнул лицо, кивнул и вышел в коридор.

Поиски сигареты привели на кухню. Будь моей целью введение в легкие никотина, этого посещения оказалось бы вполне достаточно. Несмотря на открытое окно и небольшое количество народа — трое парней да целующаяся парочка, — воздух казался настоем кислорода на табачном дыме.

Устроившись на подоконнике рядом с Графом и Досом, я не глядя протянул руку. Граф вложил в нее новенькую, только распечатанную пачку: мягкая желтая обертка с пасущимся на фоне пирамид верблюдом. Явно штатовские, не лицензионные.

— Ого...

Я подцепил «кэмелину», а пачку опустил в карман.

— Ты мне даришь, идет?

Граф поморщился, но возражать не стал. Поднес зажигалку, тоже фирменную, на этот раз предусмотрительно не выпуская из рук.

Затянувшись, я блаженно улыбнулся и расслабленно откинулся назад. Прямо в проем открытого окна.

Девчонка, не прекращая целоваться, завизжала. Я перегнулся через карниз, замер, разглядывая с высоты девятого этажа ночную Алма-Ату. Ровные, как линеечкой вычерченные, обозначенные пунктиром фонарей улицы. Пятна цветного света на площадях. Машины, ползущие по улицам, некогда носившим имена Пастера и Горького, а ныне — кого-то труднозапоминаемого. Окутанное мягким светом здание высотной гостиницы с горящей красными огоньками «коронкой» на крыше.

Ногами я надежно зацепился за чугунные ребра батареи. Дос похлопал меня по животу: хватит дурить, навернешься вниз...

Я распрямился, снова усаживаясь на подоконник. Граф молча кивнул на стол, где в окружении стопок и нарезанной толстыми ломтями колбасы скучала ополовиненная бутылка водки. Две ее пустые сестры лежали под столом. Я помотал головой. Нет, не хочу. Не знаю почему, но не тянет...

В прихожей хлопнула дверь. Через минуту, заполненную шорохом снимаемой обуви и тихим разговором, в кухню вошел Ромик. За ним — незнакомая девчонка.

Голова закружилась. Я вдруг почувствовал, что трезвею. Синие глаза из-под каштановой челки, стройная фигурка, джинсовые шортики. Девчонка была красивая. И казалась до боли знакомой.

Я смотрел, как Ромик с подружкой приближаются к нам. А в глубине души звучал вкрадчивый шепоток рассудка. «Успокойся. Опомнись, Сергей. Прошло пять лет. Почти пять... Можно влюбиться в семнадцать лет, но глупо вспоминать в двадцать два детскую любовь. Она просто похожа».

Очень похóжа.

Я пожал Ромкину ладонь. И почему у него вечно влажные руки? Граф бесцеремонно спросил:

— Ты с новой подружкой?

Ромик покосился на девушку, уклончиво сказал:

— Как видишь.

— Я пока не твоя подружка,— рассматривая нас, сказала девушка.— Ты меня представишь?

— Знакомьтесь, это Ада. С биофака...— начал Ромик.

— Вначале представляют мужчин,— брезгливо произ-

несла Ада. Она оценивающе смотрела на меня. Так изучают манекен в витрине.

Подвинув плечом Доса, я взял Аду за руку. Потянул к себе.

— Садись.

Она молча села.

— Меня зовут Серж. Будешь со мной?

Ада пожала плечами. Взглянула на Ромика. Тот косо улыбнулся.

— Не беспокойся, он разрешит,— объяснил я.— На той неделе я ему уступил свою девчонку, так что за ним должок. Верно, Ромик?

— Серж, ты оборзел,— тихо сказал Ромик.

— Исчезни,— приказал я.

Ромик взял со стола полную стопку. Залпом выпил. Бросил на меня ненавидящий взгляд. И вышел.

Он меня знал.

Я прикрыл глаза, затянулся, глотая сладковатый дым, услышал голос Графа:

— Поговорить с ним, Серж?

Я покачал головой:

— Он в своем праве, Граф. А я и верно оборзел. Сам разберусь.

Сигарета дотлела почти до фильтра. С каждой затяжкой табак казался все крепче.

— Мне не нравится, что ты куришь,— негромко сказала Ада.

Я кивнул, доставая из кармана пачку. Перебросил ее через плечо, в темный провал окна, сплюнул на пол окурок. Граф тоскливо посмотрел в окно. Сказал, ни к кому не обращаясь:

— В валютном брал...

— За мной,— успокоил я его.— Граф, мне нужна пустая комната.

Граф кивнул. Подхватил Доса, потянул из кухни. Парочка и третий парнишка смылись еще раньше.

— И что это значит? — отстраняясь от меня, спросила Ада.

Я жадно разглядывал ее. Похожа. Но той девчонке сейчас лет восемнадцать. Ада старше.

— В тебя можно влюбиться? — выделяя каждое слово, спросил я.

Ада пожала плечами:

— Это твое дело. Рискни...

...И что-то словно раскололось. Похожие черты стерлись. Обаяние исчезло. Рядом сидела обыкновенная двадца-

тилетняя девушка, в меру красивая, в меру наглая. С крашенными в модный цвет волосами. В сексапильных шортиках, сооруженных из старых джинсов.

Та девчонка ответила бы по-другому. Не знаю как, но не так деланно-небрежно, с видом роковой женщины, прошедшей огонь, воду и медные трубы.

— Пить ты мне разрешаешь? — грубо спросил я и потянулся за бутылкой. Ада кивнула. Я глотал водку прямо из горлышка, не чувствуя обжигающего пламени на губах.

— Оставь,— попросила Ада.

Я протянул ей бутылку с плещущими на донышке остатками. Вдохнул полной грудью. Рот, горло — всё словно загорелось, налилось жгучей тяжестью. В сознании мелькнула четкая, предупреждающая мысль: «Через полчаса я отключусь».

Я посмотрел на Аду. Она допила водку точно так же — из горлышка. И ничего, сидела спокойно, заложив ногу за ногу. Я вдруг заметил, что ноги покрыты редкими волосиками. Несильно, да еще и старательно обесцвеченными, но...

«Что может быть страшнее волосатых женских ног? Волосатая женская грудь».

С грудью мы разобраться успеем.

— Ты про меня слыхала? — спросил я, чувствуя, что язык повинуется с некоторым трудом.

Ада кивнула:

— Да. Ты Сергей-Серж. Держишь весь район, а мог бы держать и город. Каратист. Инструктор рукопашного боя в спортклубе.

— Что еще? — требовательно спросил я.

— Воевал где-то на юге с сепаратистами. Был ранен в Каспийском десанте. Учился в меде, бросил. Сейчас восстанавливаешься.

Ничего себе известность...

— Еще,— почти закричал я.

Ада помолчала.

— Ты никогда и никому не признавался в любви. Даже тем, с кем спал. А их было немало. Говорят, что лет пять назад, еще при Союзе, ты спас от бандитов девушку и полюбил ее. Она подарила тебе кольцо, которое ты с тех пор носишь. Это оно?

Я поднял правую руку — нестерпимо тяжелую и неуклюжую. На безымянном пальце тускло желтело кольцо. Бледной искоркой светился вдавленный в золото крошечный бриллиант.

— Ему не нравится,— тоскливо сказал я. Голову застилал колеблющийся туман, перед глазами все плыло.— Ви-

дишь, как оно потускнело? Я делаю дрянь, я веду себя как свинья...

Приблизив лицо к Аде, я шепнул:

— Ты на нее похожа, ясно? Снаружи...

Ада понимающе кивнула:

— Я поняла. Ты ведь ни у кого не отбивал девчонок. Они сами к тебе липнут.

— Ты про меня все знаешь,— задумчиво сказал я.— Давно за мной охотилась? Я же в тебя не влюблюсь...

— Мне нравятся сильные мужчины,— она тряхнула челкой.— Те, кто сильнее меня.

— Кто подавляет твою волю... Кому хочется подчиняться. Мне жаль тебя, Адка,— как в бреду прошептал я. Комната исчезла. Были лишь неяркий свет, вязнущий в сигаретном дыму, и девчонка с хищными глазами.— Хочешь, чтобы я тебя взял? Ладушки, возьму.

— Прямо здесь? — иронично спросила она.

— Да.

Я подцепил пальцами поясок на шортах, дернул.

— Снимай!

Она соскочила с подоконника. Секунду глядела на меня — показалось, что Ада сейчас двинет мне по морде и уйдет... А я брошусь вслед, захлебываясь в оправданиях, в пьяной вере, что все-таки нашел ее, девчонку из детского сна, из первой любви...

Ада расстегнула пуговицу на шортах, с треском развела молнию. Стоптала шорты, оставшись в кружевных белых трусиках.

— Дальше! — сползая с подоконника, велел я.— И блузку...

2. Зов

Я проснулся к полудню. Раскалывалась от боли голова. Во рту пересохло, губы покрылись сухой белой гадостью.

А еще мне было нестерпимо стыдно. За избитого в ванной парня. За пижонство с сигаретами. За опозоренного Ромку.

За синеглазую симпатягу с коротким именем Ада.

Я посмотрел на кольцо — оно казалось скорее серым, чем желтым. Бриллиант походил на стекляшку.

— Я сволочь,— вставая со скомканной простыни, прошептал я.— Сволочь, которая держит район. Сволочь, которая учит сопляков драться и заколачивает на этом деньги.

По пути в ванную я включил магнитофон, и квартиру

наполнил грохот электронной музыки. Старина Жан-Мишель Жар старался вовсю.

Холодный душ. Потом — горячий: тугие струи кипятка, бьющие из гибкого шланга. И снова — ледяная вода под предельным напором.

Я замерз и обжегся. То постанывал от удовольствия, то визжал от боли. Потом, не вытираясь, вылез из ванны, прошлепал на кухню, поставил греться чайник. Квартира была пуста — родители давно ушли на работу. Мои хорошие родители, гордящиеся хорошим сыном.

— Я сволочь,— повторил я.— Но тебя так трудно ждать. Так долго... Я ведь правда тебя люблю. Хоть и не знаю ничего, даже имени.

Залив кипятком две ложки растворимого кофе, я уселся с чашкой за стол. Вскрыл пачку галет. Есть не хотелось, наоборот, подташнивало. Но я по опыту знал, что после еды станет легче.

Попивая кофе, я украдкой взглянул на кольцо. Металл ожил, налился чистой янтарной желтизной. Прозрачный кристаллик, который я привык считать бриллиантом, начал блестеть.

Иногда мне казалось, что именно кольцо не позволяет забыть давнюю встречу в парке. Странное это было кольцо — меняющееся в зависимости от моего настроения. Сейчас, после мысленного покаяния, оно стало нормальным, красивым золотым кольцом. А камень поблескивал даже ярче обычного.

Гораздо ярче.

Я полюбовался переливами света на крупинке углерода, которую чудовищное давление и жар превратили из черного угля в сверкающий алмаз.

Если кольцо было случайным подарком незнакомому спасителю, то странная девчонка была дочерью миллионера. Вряд ли я снова увижу ее. Наверняка не встречу никого похожего.

И все же — здорово, что она была. Смеющиеся синие глаза. Мягкие пальцы, смывающие боль. И настойчивый вопрос: «В тебя можно влюбиться?»

— Да,— ласково произнес я, глядя на кольцо.— Да.

— Ты все еще ждешь?

— Да.

— Ты придешь, если я попрошу?

— Да...

Меня подбросило со стула. Да нет же, я соскочил сам. Я уже не вспоминал. Не болтал сам с собой.

В гулкой тишине, особенно ощутимой после доигравшей

кассеты, я слышал ее голос. И вовсе не такой, как в мечтах,— спокойный и по-детски беззаботный. Голос дрожал, словно от страха или боли. Он был неуверенным и тихим. И в то же время стал тверже и серьезнее. Девочка выросла.

И вспомнила обо мне!

— Ты не боишься? Это очень далекий путь.

Я покачал головой. Наступила тишина. Голос исчез. И вдруг до меня дошло, что она может и не видеть моего жеста.

— Я не боюсь.

Теперь я понял, откуда шел голос — из кольца. Так вот ты какой, драгоценный подарок...

— Время уходит, и надо спешить. Подумай еще раз — ты не пожалеешь? Я зову тебя в иной мир, на другую планету.

Наверное, я догадывался об этом всегда. В душе не мелькнуло даже тени удивления. Не было и страха. Жалеть этот мир? Пьяные рожи Графа и Доса? Два года армии, в частях спецназа? Вечерние разговоры родителей — какой прекрасной была наша страна до распада, при Лёне... Еженедельный мордобой на незримых границах, делящих город на подростковые районы?

— Я приду. Я не пожалею.

Пауза. Молчание, белое и похрустывающее, как стерильный медицинский халат. Секундная пауза.

— Скажи, ты и правда... помнил меня?

Ее голос превратился в едва слышный шепот.

— Да...— я растерялся.

— Со мной беда. Большая беда. Ты — последний шанс для многих тысяч... людей. Так получилось. Древний обычай стал преградой на пути зла.

— Не понимаю,— беспомощно произнес я.— Объясни, что случилось?

— Время уходит. Ты знаешь, что можешь погибнуть?

— Да... наверное.

— Ты придешь?

— Да! Но как?

— Сейчас я разобью камень нашего кольца. Он — ключ, закрывающий туннель. Барьер исчезнет, и ты придешь. Но я не знаю, кто встретит тебя на моей планете — враг или друг.

Почему-то меня удивили слова о «нашем кольце». И так же быстро, как появилось, непонимание рассеялось. Я неожиданно понял: на ее руке — то же кольцо, что и у меня. Кольцо раздвоено, разделено на два мира.

— Я иду,— просто сказал я.— Иду.

Камень в кольце вспыхнул ослепительной белой искрой.

Зеркальные грани покрыла паутинка трещин. Еще мгновение — и он исчез совсем. А кольцо окуталось золотистым сиянием. Тонкой невесомой пленкой оно растеклось по руке, скользнуло по телу, охватило меня мерцающей пеленой.

И мир вокруг исчез.

Я падал. Нет, скорее летел в невесомости, в бесплотной желтизне, сладкой как мед и теплой как янтарь. Меня раскачивали на огромных нежных ладонях, меня убаюкивали ласковыми прикосновениями. Мир был напоен теплом и покоем, в нем не осталось места для страха или боли. Приветливые голоса шептали что-то доброе, напевали бесконечную гипнотизирующую мелодию. Призрачные тени стремились ко мне, повинуясь едва осознанным мыслям. Тело словно разрасталось, заполняя собой весь этот нереальный мир, превращаясь в прозрачный, солнечно-желтый, пахнущий лимоном и мятой дым; в облачко апельсиновой пыли; в бриллиантовый дождь, падающий на огромный золотистый круг.

И вдруг, довершая магическое очарование полета, на меня обрушилась волна нестерпимого, сладострастного, выворачивающего тело наизнанку наслаждения. Я бился в судорогах, пытаясь удержать последние, ускользающие крупицы дурманящего нечеловеческого удовольствия. Но янтарный туман уже исчезал, рассеивался, гас...

Я очнулся.

Самым неприятным оказалось, что, выйдя из ванной, я не удосужился одеться. Теперь, когда я лежал ничком на каменистой, усыпанной острыми камешками земле, нагота причиняла нестерпимую боль. Переход от наслаждения к страданию оказался так резок, что на несколько мгновений я потерял способность думать и двигаться. Хотелось сжаться, замереть, впасть в сонное оцепенение. Но именно этот контраст помог мне прийти в себя, забыть сладостный бред гипертуннеля.

Первым движением я осторожно отжался от земли. Впившиеся в тело камешки посыпались вниз. Затем резким толчком поднялся, замер, рефлекторно принимая боевую стойку.

Вокруг до самого горизонта тянулась каменистая степь. Ни пучка травы, ни кустика, ни деревца. Ни единого голубого пятнышка воды. Бурая равнина под безоблачным, но непривычно темным небом. И дышится... не по-земному. Воздух словно профильтрованный, ни малейшего запаха. Даже пылью не пахнет, а уж это, по-моему, для степи — обязательно. А солнце в небе обычное, желтое, как дóма.

— Похоже, залетел,— прошептал я самому себе.

Куда ты позвала меня, девчонка из детского сна? Куда забросило магическое кольцо, неизменный талисман, драгоценная игрушка?

Со смешанным чувством стыда и злости я посмотрел на себя. Голый атлет. Не дай бог, наткнусь сейчас на женщину...

Не дай бог, ни на кого не наткнусь. Сколько суток человек живет без воды? Трое или пятеро...

Я вдруг вспомнил о кольце. Взглянул на руку — не исчезло ли? Кольцо по-прежнему было надето на безымянный палец. А вот кристаллик-бриллиант исчез. Даже вмятины в золоте не оставил. Что ж, ключ в замке повернут, и барьер приоткрылся. Обратной дороги нет.

Посмотрев по сторонам — везде одно и то же, выжженная степь, никакой разницы,— я сориентировался по солнцу и решил, что пойду на восток. Конечно, если я не ошибся и сейчас утро.

Ноги не болели даже после трехчасовой ходьбы босиком. Сказались тренировки по каратэ. Иногда мне кажется, что на подошвах, ребрах ладоней и костяшках пальцев вместо кожи наросла какая-то роговая пластина, твердая и абсолютно нечувствительная. А вот пить хотелось ужасно. Я с тоской вспоминал недопитый кофе, ну а вид чайника, наполняемого из-под крана холодной водой, старался вообще изгнать из сознания. Если жажда так мучает после небольшой прогулки, завтра она станет непереносимой.

К тому же меня подвело солнце. Оно неторопливо садилось на востоке. Выходит, сейчас не утро, а вечер. Ну а двигаюсь я на запад.

Конечно, в выборе направления не было никакой разницы. Вполне возможно, что идти следовало на север, где мог располагаться какой-нибудь здешний мегаполис. Не исключено, что на юге раскинулись огромные озера, по берегам которых растут съедобные плоды. Но ошибаться всегда обидно.

Когда солнце наполовину скрылось за горизонтом, я начал готовиться ко сну: высматривать более-менее ровное и свободное от щебенки место. Первая неловкость от ходьбы голышом уже прошла. Все равно никто не видит. Я чувствовал себя первобытным человеком, не успевшим еще изобрести одежду.

Правда, на руке у меня было кольцо. Иногда я касался его кончиками пальцев, словно ожидая чего-то. Совета, поддержки, глотка воды... Ты позвала, девчонка моей мечты, и я пришел.

Я иду.

Гул родился высоко в небе, на западе. Я остановился, всматриваясь. И увидел, как над огненным полукругом заходящего солнца серебристыми искорками блеснули две летящие точки.

Почему-то я сразу подумал о боевых самолетах, об истребителях. На такую мысль наводили то ли стремительность полета, то ли явно заметные маневры «самолетов». Тот, что летел первым, непрерывно менял высоту и скорость, пикировал, свечой взмывал вверх. Второй синхронно повторял его движения, все сокращая и сокращая расстояние.

Задрав голову, я следил за полетом. Оба летательных аппарата были уже надо мной, но высота, не меньше чем пятикилометровая, мешала разглядеть очертания. Просто серебристые точки в темном небе — там, где они мчались, солнце еще светило вовсю.

Я ждал развязки. Я был уверен, что она неизбежна, что погоня окончится где-то здесь. И развязка последовала, но не та, которая казалась самой вероятной.

Клубящееся белое пламя, неяркое, похожее скорее на дым, чем на огонь, появилось вокруг преследователя. Серебристая машина стала уходить в сторону. Но медленно, очень медленно. А светящееся облако сместилось ей вслед — так стальные опилки ползут по листу бумаги за сильным магнитом.

Окутанная белым пламенем машина начала падать. Отвесно, кувыркаясь, с каждой секундой обретая объем, превращаясь в нечто вроде сплюснутого шара. Еще несколько секунд смертоносное облако снижалось рядом, затем отстало и померкло.

Сбитый аппарат падал прямо на меня. Я пригнулся, торопливо решая, стоит ли убегать и куда. Но машина, похоже, еще не совсем потеряла управление. Скользнув на высоте сотни метров, она замедлила движение, зависла. На какой-то миг я решил, что ей удастся благополучно сесть.

С негромким, похожим на хлопок взрывом металлический шар развалился. Блеснуло оранжевое пламя.

Вколоченные в армии рефлексы не подвели. В прыжке, не обращая уже внимания на камни, я растянулся на земле, ногами к огню. От инопланетной техники я ожидал любой гадости, вплоть до атомного взрыва.

Осколки глухо пробарабанили вокруг. Дохнуло жаром, спину обдал горячий ветер. Еще несколько секунд в воздухе висел давящий гул, глухой болью отзывающийся во всем теле. Потом стих и он. Лишь одиноко позвякивала железяка, катившаяся по камням в мою сторону.

Я поднялся. Метрах в пяти, завершая свое движение, под-

прыгивал на одном месте маленький металлический диск — уцелевшая деталь разрушенного аппарата. Невдалеке темнела груда обломков, ничем не напоминавшая сплюснутый шар, еще недавно стремительно маневрировавший в небе. Оружие, используемое в этом мире, при всей своей экзотичности было весьма эффективным.

Обогнув диск (приближаться к нему абсолютно не хотелось), я побрел к обломкам. Найти там что-то целое представлялось нереальным, но и острый кусок металла окажется очень полезным. Нож — это самое простое, но и самое надежное в мире оружие. Он не дает осечек, и в нем не кончаются патроны. Правда, и от своего владельца нож требует некоторых навыков...

В глубине души я понимал, что подходить к разрушенной машине небезопасно. Она могла быть радиоактивной. Топливо, чем бы оно ни было, скорее всего ядовито. Наконец, во взорвавшемся аппарате вполне способны уцелеть пока еще не взорвавшиеся блоки. Кое-где по металлическому хламу пробегали язычки светлого пламени. Земля под ногами была горячей. Повторный взрыв мог последовать в любую секунду.

К остаткам машины я так и не подошел. В нескольких метрах от них я увидел пилота.

Он лежал, раскинув руки, недвижным черным отпечатком на фоне серого круга невыгоревшей земли. Фигура была человеческая, антрацитово-черная, похожая на густую тень, на обугленную, выкрашенную темной кистью огня деревяшку. Но когда я подошел ближе, то увидел, что пламя его пощадило. Просто от кончиков пальцев и до макушки пилота обтягивал тугой, вырисовывавший каждый мускул комбинезон. Ткань маслянисто поблескивала, но на ней не было ни красных отблесков заката, ни голубых бликов догорающей машины. Она словно впитывала падающий свет, чтобы преломить его, переработать в собственное легкое мерцание. Кое-где тонкая пленка комбинезона набухала гроздьями маленьких шариков, утолщалась, превращаясь в узкие ленты-ремни, охватывающие тело.

К поясу пилота была пристегнута короткая широкая кобура, расположенная непривычно — справа. У левого же бедра, прижимаясь к ноге, крепился длинный плоский чехол ножен.

Мне приходилось видеть разную форму. И нашу, армейскую, бывшего Советского Союза. И пестрое, нередко нелепое обмундирование национальных воинских формирований. Я помнил мундиры «голубых касок», частей ООН, высаживавшихся на пылающие улицы Тирасполя из своих огромных двухвинтовых десантных вертолетов. Международные силы сдерживания сменили тогда нас — спецна-

зовцев — на границах крошечной Приднестровской республики.

Но ни в одной армии моего мира летчики ВВС не летали с пристегнутым мечом.

Я глянул вверх. Второй аппарат уже исчез. Он даже не снизился к сбитому противнику. Опасался чего-то?

Мешкать все же не следовало.

Колебался я недолго. Ночевка в степи без одежды привлекала меня меньше, чем мародерство. Осторожно перевернув тело на спину, я с некоторым страхом взглянул на лицо. Оно оказалось человеческим. Пилоту было лет сорок, комплекции мы оказались почти одинаковой. Я не увидел следов крови, но безжизненно расширенные зрачки не оставляли никаких сомнений. Пилот был мертв.

Мысленно извинившись, я принялся разбираться с застежками комбинезона. Шов был один, он тянулся от шеи до низа живота. Вскоре я понял, что он открывается при давлении на него с одновременным смещением вправо. Принцип действия застежки остался мне неясен. Скорее всего — какой-то магнитный механизм. В конце концов, какая разница....

Минут через десять я стоял одетый в глянцево-черный комбинезон. Белья с пилота я снимать не стал, он так и остался в светло-сером, похожем на спортивный, костюме. Снять и его было бы логичнее, но это не позволили мне совесть и брезгливость. К тому же черная ткань и без того приятно холодила обнаженную кожу. Ремни, впрессованные в нее, почти не ощущались. Они слегка сократились в поясе, растянулись в плечах, и комбинезон подогнался под мою фигуру. Удобно.

— Не знаю, кто ты и за что погиб,— вполголоса сказал я.— Но за такую одежду — спасибо. А я сделаю для тебя что могу...

Я огляделся, подыскивая подходящий кусок металла, чтобы вырыть неглубокую могилу. Обломки уже догорели, никаких признаков жизни поблизости не было, а бросить непогребенным тело я не мог. Однажды, в горном бою на Кавказе, мы потеряли троих ребят, вытаскивая из-под обстрела труп нашего сержанта. Наше отношение к убитым на войне — словно попытка извиниться за то, что мы сами еще живы...

3. Плоскостной меч

Первую ночь в чужом мире я провел беспокойно. В комбинезоне погибшего летчика было тепло и уютно, вокруг — тихо и безжизненно. Далеко позади остались обломки лета-

тельного аппарата, ставшие памятником над безымянной могилой. Но уснул я не сразу.

Тысячами ослепительных звезд, узорами незнакомых созвездий, цветными полотнищами туманностей пылало надо мной чужое небо. У планеты, на которой я находился, не оказалось крупных, заметных спутников, но светло было, как в полнолуние. Только сейчас, глядя на звезды, названий которых не знал, я понял, как далеко нахожусь от дома. Не просто от дома — от всей Земли. Бесконечно далеко. Жизнь словно перелистнула несколько страниц и начала новую главу. Еще неизвестно, интересную или нет, печальную или веселую. Просто новую. Лишь я — главное действующее лицо — прежний. Сергей-Серж, студент-медик и отставной десантник с Земли, влюбившийся пять лет назад в звездную принцессу, девочку из мечты...

Она позвала. И я пришел.

Сжимая ладонь на кобуре пистолета, я уснул. Детальный осмотр оружия придется отложить до утра — даже в светлом полумраке здешней ночи не следует заниматься делом, требующим максимальной сосредоточенности и осторожности. Достаточно и того, что на ладном, словно бы вылитом из цельного куска металла, пистолете есть спусковая кнопка. О принципе действия можно подумать и утром. Последней моей мыслью было: как сильно хочется пить...

С ней же я и проснулся. Во рту не осталось ни капли слюны, язык распух и болел, губы покрылись мерзким, отвратительным на вкус налетом. Сон не принес ни бодрости, ни сил.

Над степью медленно вставало солнце. Небо снова наполнилось густой синевой, не оставив и следа от ночного великолепия. Воздух был прохладным, но сухим. И ни росинки на камнях.

С некоторым усилием я поднялся, пару раз сглотнул, разминая пересохшее горло. Провел ладонью по голове, приглаживая волосы. Повернулся спиной к солнцу. Тень упала на землю тонким, указующим направление перстом.

Вперед.

На ходу я достал из кобуры пистолет, снова осмотрел его. Да, вчерашний осмотр не подвел: никаких предохранителей или регуляторов. Только спусковая кнопка, широкая и удобная.

Нацелив оружие на ближайший валун, я надавил на спуск. Плавно и осторожно, готовый в любое мгновение отдернуть палец или бросить пистолет.

Руку стало отжимать назад. Ничего похожего на отдачу

от выстрела. Ощущение скорее напоминало легкое давление включенного вентилятора.

А валун покрылся сетью мелких извилистых трещин. Я торопливо убрал палец с кнопки, опустил пистолет. Но камень с едва слышным потрескиванием продолжал разваливаться на куски. Из углубляющихся трещин полетела серая пыль, посыпалось каменное крошево. Словно неуклюжий стальной крот ворочался в глубине валуна, разваливая его на части.

Грохот, с которым рассыпался камень, заставил меня зажать уши. Невидимый крот завершил свою работу: вместо метрового камня лежала груда щебенки, окутанная пылью.

Что ж, с пистолетом кое-что прояснилось. Действовал он подобно тому оружию, которое уничтожило летательный аппарат. Он не был лазерным излучателем или иным «лучом смерти», он лишь создавал в поражаемом объекте нарастающее напряжение, в конце концов его разрушающее.

Я вернул пистолет в кобуру и взглянул на ножны. Выглядывающая из них рукоять смотрелась вполне современно. Полукруглая гарда из тускло-серого сплава, надежно защищающая кисть. Покрытая эластичным рубчатым пластиком рукоять того же густого черного цвета, что и комбинезон. И в довершение картины — круглая красная кнопка на торце рукояти.

Если при первом взгляде на меч мне припомнились ритуальные кортики у офицеров-моряков, то теперь я засомневался. На ритуальном мече кнопка ни к чему.

Я осторожно потянул меч из ножен. Показался клинок: неестественно тонкий, сантиметра в четыре шириной, нежно-голубой, почти белый. Он вынимался очень плавно, но в то же время с ощутимым сопротивлением. Так скользят на невидимых пружинах силовых линий одноименные полюса магнитов, проносимые мимо друг друга. Вглядевшись в клинок, я понял, что сравнение оказалось верным. Он действительно не касался ножен — между ними и лезвием угадывался тонкий воздушный зазор. Извлеченный из ножен клинок был удивительно красив. Белый металл лезвия гармонично переходил в светло-серую гарду, а затем в черную рукоять. В мече была изящная простота, доступная лишь холодному оружию.

Но зачем на нем кнопка?

Вытянув меч перед собой, я нажал на маленький красный кружок. Кнопка легко вдавилась в рукоять, замерла на мгновение и с щелчком выдвинулась обратно. А серое полушарие эфеса засветилось неярким голубым огнем. По нему пробежало несколько светящихся кругов, сходящихся к лез-

вию. Круги сжались в тонкий мерцающий ободок, дрожащий на основании клинка.

Затаив дыхание, я смотрел на меч.

Светящийся ободок набух, оторвался от металла, превращаясь в сплющенное колечко белого пламени. Потрескивая, с характерным запахом озона, колечко скользнуло вверх по клинку. На конце меча пламя сжалось в белый огонек, коснулось острия и угасло. Словно втянулось в металл.

Меч снова казался обычным. Я протянул руку к клинку, но так и не коснулся лезвия. Не хотелось... Вместо этого я повернул его так, что он обратился ко мне режущей кромкой.

Клинок исчез. Стал едва заметной туманной линией, ниточкой, тенью. Я повернул рукоять, и ниточка развернулась блестящей металлической полосой. Обратный поворот — и снова неуловимая зыбкая черта.

Лезвие «ритуального» меча было микронной толщины. А может, куда тоньше. Меч словно не имел одного измерения — толщины, прекрасно обходясь длиной и шириной. Плоскостной меч.

Название оружию пришло само собой. Я снова покрутил мечом, наблюдая, как исчезает и появляется клинок. Плоскость. Узкая, невообразимо острая, принявшая форму меча плоскость. Плоскостной меч...

Коротким, несильным ударом я рубанул по лежащему на земле камню. Клинок беззвучно вспорол воздух, прорезал камень насквозь и, не задерживаясь, вошел в землю. Я остановил меч, потянул его назад. Лезвие без малейшего усилия вышло наружу.

Камень продолжал лежать. Целый и невредимый, даже зарубки не осталось. С недоумением посмотрев на него, я перевел взгляд на меч. Забавно. Клинок, такой острый... что даже не рубит.

Я пнул булыжник ногой. Он качнулся и распался на две половинки. Грань, по которой они разделились, была идеально ровной и блестела как зеркало.

К лесу я подошел в полдень, когда солнце доползло до зенита и замерло в небе, раздумывая, стоит ли спускаться. Жажда к этому моменту совсем меня доконала. Я даже не сразу осознал, что темная полоска на горизонте, постепенно приобретающая вид зеленой бахромы, — это не просто деревья. Это еще и вода. Это жизнь.

Последние метры до лесной опушки я преодолел бегом. Комичное зрелище, если посмотреть со стороны: едва переставляющий ноги человек вдруг бросается бежать, сокращая свой путь на минуты, но теряя последние остатки сил.

Воды не было. Деревья, с виду совсем обычные, с раскачиваемыми ветерком ветвями и слегка желтеющими листочками, вставали из совершенно сухой, твердой как камень земли. Я прошел несколько шагов, растерянно оглядываясь по сторонам. Ни травинки, ни кустика. Лишь толстенные, метрового диаметра стволы, покрытые растрескавшейся бурой корой. Где, на какой глубине их корни находят воду? И как мне напиться в этом странном лесу?

Дрожащая тень листьев прикрывала меня от солнца, принося минутное эфемерное облегчение. Захватив рукой ближайшую ветку, я провел ее сквозь плотно сжатый кулак, сдирая упругие листья. Набил рот пригоршней терпко пахнущей зелени, сжал челюсти...

Рот наполнился горечью. Отвратительный маслянистый вкус заставил выплюнуть листья. Жевать их было просто невозможно. Я выплюнул зеленую гадость, пытаясь избавиться от тошноты. В обычной ситуации меня бы вырвало, но сейчас организм упорно не хотел расставаться хотя бы с минимумом жидкости.

Я медленно приходил в себя. И вдруг услышал из-за спины насмешливый, презрительный хохот. Так — уверенно и от души — смеются сильные, здоровые люди, наблюдая за изображающим дурачка клоуном.

Не было ни страха, ни любопытства. Наверное, я слишком устал. Плавно повернувшись на звук, я положил руку на пистолет — скорее машинально, чем действительно опасаясь. В смехе угадывалась неприязнь, но не было угрозы.

Он стоял метрах в пяти от меня. Высокий, атлетически сложенный, в странной одежде. На нем было нечто вроде свободного широкого плаща из пятнисто-зеленой материи, не скрывающего фигуру, а непонятным образом подчеркивающего ее. Плащ абсолютно свободными складками свисал с плеч мужчины, но, словно наэлектризованный, в нескольких точках прилипал к телу, обрисовывая его контуры. На ногах, заправленные в высокие ботинки, были брюки из гофрированной оранжевой ткани. Человек в такой одежде выглядел бы забавно, не высовывайся из складок плаща рукоять меча. Такая же, с красной кнопкой, как и у меня.

— Кто вы? — хрипло спросил я.

Мужчина шагнул ко мне. Лицо его выступило из тени деревьев, и я понял, что он немногим старше меня. Смуглую скорее от природы, чем от загара, кожу покрывала густая сеть мелких, давних уже шрамов. Сквозь эту оставленную жизнью тайнопись проступали неровные пятна, похожие на следы старых ожогов. Но, как ни странно, лицо мужчины не было отталкивающим. Угадывалась в нем та

ироничная беззаботность, что заставляет примириться со многими недостатками, и в первую очередь — с этой самой излишней ироничностью.

— Кто вы? — повторил я.

Мужчина неторопливо достал из складок плаща меч. Я услышал легкий шелест выходящего из ножен клинка.

— Я солдат императора,— негромко произнес он.— Ты умрешь, чужак.

Он говорил не на русском и не на английском, который я неплохо знал. Абсолютно незнакомая речь, но почему-то я понимал каждое слово и почему-то сам говорил на том же языке.

— Защищайся,— вытягивая меч в мою сторону, добавил мужчина.— Умри в бою, чужак.

Неуловимым движением он нажал кнопку на рукояти меча. По лезвию скользнул светящийся ободок.

Вынуть пистолет из кобуры — дело нехитрое. Через секунду я держал его под прицелом. Меня охватила злость.

— Не собираюсь устраивать здесь дуэлей,— не размышляя, поймет ли он меня, произнес я.— Не двигайся, или буду стрелять.

Мужчина засмеялся снова. Так же беззлобно, как и раньше. Понял.

— Попробуй, чужак,— сказал он.— Стреляй.

И пошел вперед.

Я выстрелил в сторону. В дерево, из-за которого он вышел. Но, нажимая на спуск, уже понимал, что пистолет не сработает.

— Мы в нейтрализующем поле, чужак,— улыбаясь сказал мужчина.— Бери меч.

Я смотрел, как он идет ко мне, все еще не вынимая свой клинок. Дело даже не в том, что я не умел фехтовать, что драка на мечах была для меня такой же экзотикой, как умение бросать лассо или томагавк. В голове вертелась конкретная мысль: что́ если столкнутся два меча, перерубающие всё? Сломаются оба? Или... один перерубит другой?

Судя по поведению противника — второе.

Я потянул меч из ножен, нажал на кнопку так же, как мой противник. По лезвию прошла волна белого пламени.

— Не понимаю, в чем дело,— пытаясь говорить как можно спокойнее и миролюбивее, сказал я.— Не имею никаких причин с вами драться, да и желания тоже...

Теперь мужчина был от меня в трех-четырех шагах. На расстоянии чуть большем длины меча в вытянутой руке.

— Ты гвардеец Шорраэя,— пожал плечами мужчина.— Ты пришел к нам с войной. Но теперь тебе придется понять,

что победа правителя еще не означает победы для каждого из его слуг.

Он взмахнул мечом, легко, беззвучно рассекая воздух между нами. Совершенно машинально, не осознавая ненужности этого движения, я вскинул свой меч навстречу, пытаясь отбить вражеский клинок.

Мечи столкнулись со свистящим звуком, похожим на тот, когда острая бритва вспарывает лист бумаги. В руках у меня оказался короткий, сантиметров двадцать, обломок. Отрубленное лезвие упало на землю.

— Хорошая мысль, но бездарное исполнение,— с некоторым разочарованием сказал мужчина.— Я вижу, что пилотов перестали обучать владению одноатомником. А зря...

Он снова поднял меч. И на секунду задержался с ударом.

— Ты можешь деактивировать комбинезон, пилот. Он все равно тебе не поможет, но продлит мучения.

Я чувствовал себя беспомощнее, чем кролик перед удавом. Меня хотели убить не в приступе гнева, не наказывая за какую-то реальную вину, а так небрежно, как вырывают выросший посреди цветника сорняк.

— Я не умею деактивировать комбинезон. Честно говоря, я и активировать-то его не умею.

— Врешь.

Меч упал на меня с такой быстротой, словно был наделен маленьким реактивным двигателем. Казалось, сверкающее острие само тянется к моему телу, а мужчина лишь удерживает его за рукоятку, не давая разделаться со мной слишком быстро.

Уклониться я все же успел. Единственным возможным способом — упав на спину и откатившись в сторону. Жалким обломком своего меча я запустил в мужчину — и конечно же не попал. Через мгновение он стоял надо мной, отводя меч назад для последнего удара.

Въевшиеся в подсознание навыки оказались сильнее разума. Я вскинул правую руку, закрывая лицо. Отличный блок для защиты от удара ногой или палкой, но совершенно бесполезный против меча. Тем более — одноатомника.

— Откуда у тебя это кольцо? — внезапно повышая голос, спросил мужчина. Меч замер в нескольких сантиметрах от моей руки.

— Это подарок,— коротко выдохнул я.

— Чей?

Лезвие по-прежнему висело над моим лицом.

— Девушки. Девочки...— поправился я.— Это было пять лет назад...

Небрежным движением мужчина отправил меч в ножны.

Нагнулся, протягивая мне руку, — полы плаща качнулись, обдав слабым запахом озона.

— Вставайте, ваша светлость. Я не узнал вас.

Совершенно ошарашенный, не в силах даже радоваться спасению, я встал. А мой несостоявшийся убийца продолжал:

— Пять лет назад я видел вас... но вы сильно изменились. Да еще и летный комбинезон гвардии Шоррэя. Что я могу сделать для вас?

— Пить. Дайте воды.

Через секунду я жадно глотал воду из фляги. А мужчина негромко сказал:

— Шансов у вас нет. Но... Принцесса стоит смерти.

4. Наставник для лорда

Убежища везде одинаковы. В любом мире, на любой планете они имеют лишь одну цель — сохранить человеку жизнь. О комфорте при их строительстве не задумываются. «Волчье логово» Гитлера или подземная ставка Сталина — не в счет.

Бетонный купол, в который я вошел, а вернее, приплелся вслед за незнакомцем, напоминал снаружи маленький холмик, обложенный дерном и обсаженный деревцами. Внутри же он сиял первозданной наготой. Бетонные стены не были даже оштукатурены, кое-где проглядывала стальная арматура. Посредине виднелся прорезанный в полу металлический люк, полускрытый множеством пластиковых ящиков, внушительного размера канистр и баллонов. В стороне валялось нечто, напоминающее надувной матрас, но не прямоугольной, а квадратной формы. На нем — пара скомканных простыней и одеяло, рядом, прямо на бетонном полу,— вскрытые баночки с остатками какой-то пищи. Я невольно сглотнул слюну.

— Вы голодны, ваша светлость,— бросив на меня быстрый взгляд, сказал мужчина.— Садитесь, я приготовлю обед.

Почти без сил я опустился на пружинящий матрас. Взглянул на потолок, где одиноко и ярко светился белый матовый шар на витом шнуре. Похоже, электрическое освещение. Ничего особенно удивительного.

Передо мной оказалась пара открытых баночек: одна с густой, заправленной мясом кашей, другая с дымящимся бульоном. И это знакомо, саморазогревающиеся консервы.

— Попробуйте, ваша светлость,— подавая мне узкую двузубую вилку, произнес мужчина.— Мне кажется, что

наш метаболизм схож и никаких недоразумений от этой пищи не будет.

С недоумением взяв предложенную вилку, я случайно сжал ее черенок. Зубцы щелкнули, расширяясь и сливаясь в маленькую полусферу. В руке у меня оказалась удобная, глубокая ложка. Такого я на Земле не встречал.

Каша оказалась вполне сносной, а горячий бульон — просто великолепным. Допивая его, я спросил:

— Почему вы называете меня светлостью?

Мужчина улыбнулся:

— Человек, обрученный с принцессой, становится лордом. Кем вы являлись на своей планете, значения не имеет.

Отставляя опустевшую баночку, я пожал плечами.

— Меня зовут Серж... во всяком случае, друзья зовут так. Я всего лишь студент... бывший сержант десантных войск. Как ваше имя, если я могу его узнать?

Во взгляде мужчины появилось легкое любопытство.

— Меня зовут Эрнадо. Друзья называют просто Сержантом. Я тоже сержант десантных войск, и тоже бывший. Наших войск больше не существует, а десантники, похоже, уничтожены полностью. Они защищали дворец до последнего.

Наши взгляды встретились.

— Как всегда, как и у нас,— тихо сказал я.— Первыми принимаем бой и первыми его завершаем. Побеждая или погибая.

Поколебавшись секунду, Эрнадо протянул мне руку.

— У вас есть такой обычай, Серж?

Я сжал его ладонь, твердую и горячую, как не успевший остыть после закалки металл.

— Да, Сержант. А еще мы называем друзей на «ты».

Бесстрастное лицо Эрнадо опять прорезала короткая, быстрая улыбка.

— Это здорово, Серж. На наших планетах хорошие обычаи.

И тогда я почувствовал, как что-то внутри меня медленно расслабляется.

— Объясни мне, что происходит, Сержант,— попросил я.

— Наша планета может показаться тебе странной,— начал Сержант, усаживаясь на матрас рядом со мной.— Тем более что ты не знаком ни с одним из еще более странных миров, существующих во Вселенной. Начать можно с того, что нами правит император.

Я пожал плечами.

— Ты не удивлен, потому что на твоей планете коро-

левская власть еще не отошла в далекое прошлое, в предания и легенды. Но во Вселенной монархия — редкость. Игра случая. В мирах, где соседствуют и ежечасно соприкасаются десятки, сотни самых разных цивилизаций, монархия выжить не может. Она слишком консервативна, слишком озабочена внутренним самосохранением, чтобы успешно защищаться от внешней агрессии. Однако на нашей планете власть императора уцелела.

— Почему? — совсем не риторически спросил я. Все, что хоть отдаленно касалось принцессы, меня интересовало.

— По многим причинам. Планета была колонизирована беглыми монархистами во главе с наследным принцем Таром. На остатках кораблей военного флота они спаслись с восставшей планеты Итания, спаслись, отправившись в неисследованную область космоса. Им удалось открыть эту планету, пригодную для жизни, но крайне ограниченную в природных ресурсах. Достаточно сказать, что лишь полпроцента ее территории может использоваться для земледелия, а запасы полезных ископаемых ограничиваются металлическими рудами и крайне бедными урановыми породами. Нищая биосфера, практически отсутствуют уголь и нефть. Запасы пресной воды сосредоточены в горных ледниках и нескольких озерах, они ничтожно малы и обеспечивают существование не более миллиона людей. Наш мир, ставший спасением для горстки беглецов, не представлял никакого интереса для захватчиков. Развиваясь в течение пятисот лет без постороннего вмешательства, наши предки создали общественный строй, имеющий множество своеобразных ритуалов и правил. Связанный договорами о дружбе с десятками соседних цивилизаций, рассматривающих нас как забавную и безобидную случайность, наш мир сумел достичь величия.

Эрнадо неторопливо вынул из ножен меч:

— Это было нашим первым шагом к славе. Атомарный меч, созданный в лабораториях императора Тара Восьмого, приковал к нам внимание всей Вселенной. Дело в том,— пояснил он, увидев мое недоумение,— что уже много сотен лет было известно нейтрализующее поле, широко применяемое в планетарных войнах. Именно это поле, вырабатываемое генератором убежища, помешало тебе развалить меня в молекулярную пыль. В радиусе действия генератора невозможно применение лучевого, взрывного и прочего энергетического оружия. В нейтрализующем поле глохнут реактивные и бензиновые двигатели, с трудом функционируют лишь маломощные электрические. Войны, происходившие на планетах, превратились в дикарские побоища холодным оружием, ведущиеся под прикрытием генерато-

ров поля. Использовались отравляющие вещества и биологическое оружие, поэтому солдаты сражались в противогазах, а то и в космических скафандрах. Атомарный меч, перед которым обычное холодное оружие не более чем бесполезный хлам, стремились иметь все развитые планеты. Именно поэтому они не позволили друг другу завоевать нас. В течение пятидесяти трех лет, пока секрет атомарных мечей не был раскрыт другими цивилизациями, мы неслыханно разбогатели и стали одним из общепризнанных центров производства оружия.

А дальше последовали другие изобретения. Молекулярный деструктор, модификацией которого является твой пистолет. Гиперпространственный локатор, гравитационные и паутинные мины, электронная мошкара...

Сержант на мгновение замолчал. Порылся в кармане плаща, достал плоскую коробочку. Щелкнул крышкой. Извлек из коробочки крошечную оранжевую капсулу, сдавил ее пальцами. Послышался слабый хруст, запахло недозрелым лимоном. Легкий, кисловато-сладкий, свежий аромат... Я насторожился, ожидая демонстрации нового оружия. Но Эрнадо невозмутимо отправил капсулу в рот. Замер на секунду с безмятежно-довольным выражением на лице. Сказал, перехватив мой недоуменный взгляд:

— Это слабый стимулятор. Его употребление приятно, но наносит определенный вред организму.

— А у вас нет другого стимулятора? — с внезапно проснувшимся интересом спросил я.— Его употребляют, вдыхая дым тлеющих сушеных листьев. Тоже приятно и вредно.

На лице Сержанта появилось легкое недоумение, смешанное с отвращением.

— Дурацкий метод,— без всякой дипломатии заявил он.— Никогда о таком не слышал... Хочешь?

Он протянул мне коробочку с капсулами. Цитрусовый аромат таял в воздухе.

— Нет,— после секундного колебания ответил я.— Если уж приходится избавляться от одной вредной привычки, то не следует заводить другую. Ведь к этим капсулкам наверняка привыкают?

Эрнадо, кажется, смутился.

— Да,— пробормотал он.— Бросить, правда, можно...

— Не надо,— твердо повторил я.

Эрнадо кивнул:

— Хорошо. Я же, с твоего разрешения...

Он сделал несколько жевательных движений. И продолжал:

— В производстве оружия мы почти сравнялись с исчез-

нувшими цивилизациями прошлого. Теми, что исчезли из-за чрезмерных успехов в оружейном деле. Наших мастеров сравнивали с оружейниками Сеятелей, а эта раса не знала равных в межзвездных войнах. Независимость и богатство планеты позволяли следовать множеству красивых традиций. Среди них особо выделялась церемония Обручения принцессы.

По спине у меня прошел холодок. Я подался вперед, к Эрнадо, боясь упустить хоть слово.

— Обручение принцессы символизирует единство нашей планеты со всеми обитаемыми мирами Вселенной. В сопровождении нескольких охранников принцесса в день своего четырнадцатилетия отправляется в путешествие. Она посещает самые разные планеты, цивилизованные и отсталые, и знающие о нашем мире, и не успевшие еще покорить свою звездную систему. Принцесса путешествует инкогнито, в одиночестве. Охрана вмешивается лишь в случае прямой опасности для ее жизни или чести.

— Я помню, как энергично действовала охрана на моей планете,— не удержался я.

Эрнадо улыбнулся:

— А я помню, как ты отважно бросился ее защищать. Мы находились в десяти метрах от вас. Но опасности не было. Принцессе ничего не стоило уничтожить трех самонадеянных аборигенов.

— Но почему же тогда...— Я осекся. Понял.

— Ей захотелось проверить тебя, Серж.

— Продолжай,— буркнул я.

— Не обижайся, Серж. Ни на меня, ни на нее.

— Ладно, рассказывай.

— На одной из планет принцесса выбирает себе жениха. Он получает из ее рук кольцо, способное по приказу принцессы перенести его на нашу планету. Ну а когда принцессе исполняется девятнадцать, назначается ее свадьба.

— И жених выдергивается из своего мира прямо под венец? — иронически предположил я.

— Конечно же нет, Серж. Объявляется турнир претендентов. Все желающие участвовать собираются на планете для состязаний.

— Не позавидуешь вашим принцессам,— меня охватила злость.— Сидеть и ждать, кто победит на жениховских игрищах.

— Победитель известен заранее,— мягко сказал Сержант.— Имя подлинного избранника негласно доводится до всех участников. Победить его — дурной тон и весьма рискованное предприятие.

— Почему? Достаточно смелый и сильный авантюрист...

— Ну, хотя бы потому, что император может не одобрить будущего зятя. Свадьба будет отложена или отменена. А несостоявшийся жених с горя покончит с собой... или его корабль не выйдет из гиперперехода.

— Ясно,— я отвел взгляд.— Сержант, а те, предварительные женихи... символизирующие единство со Вселенной... Они часто побеждали в турнирах?

— Они в них иногда участвовали,— беспощадно произнес Эрнадо.— Но, как правило, принцесса не считает нужным тревожить юношу, приглянувшегося ей пять лет назад.

— Выходит, мне повезло,— совершенно серьезно сказал я.

— Да,— кивнул Сержант.— Погибнуть за принцессу, за императора — великая честь.

— Почему же обязательно погибнуть? Неужели турниры так опасны?

— Турнир уже состоялся,— усмехнулся Эрнадо.— Победитель его — Шоррэй Менхэм, правитель Гиарской федерации.

Голос почему-то сел, и мне пришлось откашляться.

— А что, он и должен был стать победителем? Принцесса... выбрала Шоррэя?

Эрнадо покачал головой:

— Нет. Более отталкивающую личность трудно себе представить. Я не любитель сплетен, но поговаривают, что принцесса любит своего напарника по космическим гонкам, какого-то молодого навигатора, человека без гражданства, космического бродягу, наемника...

В голосе Сержанта послышалось откровенное раздражение. Вряд ли верноподданного монархиста радовали симпатии принцессы к бродяге, и уж никак не мог военный-профессионал, сержант элитных десантных войск, испытывать симпатию к наемнику. Но деликатностью он при этом не отличался, иначе не стал бы так четко определять отношение принцессы к «молодому навигатору».

Любит...

Что ж, ты позвала, и я пришел. Остальное — вздор.

— Этот... Шоррэй... победил на турнире всех претендентов? Включая бродягу-навигатора?

— Победил,— в голосе Эрнадо мелькнула злость.— Неожиданность... для некоторых... состояла в том, что друг принцессы даже не явился на турнир.

— Что-то случилось с кораблем?

— Проще, Серж. Проще. Его запугали или подкупили. А скорее всего — и то и другое.

На минуту мы замолчали. Я — пытаясь скрыть невольное удовлетворение. Эрнадо — разжевывая очередную капсулку.

— А как же право императора отложить свадьбу?

— Шоррэй Менхэм — правитель федерации двадцати развитых, густонаселенных планет. Отказ в свадьбе — это оскорбление всех Гиар. Вполне достаточный повод для войны, победить в которой мы не сможем.

— Он так любит принцессу, что готов воевать?

— Принцессу? Конечно нет. Женившись на принцессе, Шоррэй становится номинальным наследником императора. Он может удалиться в свою звездную систему, один или с женой, и спокойно ждать. Когда же власть перейдет к нему, Шоррэй одним указом присоединит планету к своей федерации. А наш общественный строй позволит ему сделать это единолично, не спрашивая согласия жителей.

— И не существует способов помешать ему? Передать право наследования, например?

— Законных способов нет. А незаконные — опять же повод для войны. Я думаю, что его юристы хорошо покопались в наших законах, перебирая варианты.

— Что ж...— я обвел взглядом убежище. Ящики, коробки, холодный электрический свет с потолка. Потайной недостроенный бункер, о котором, на мое счастье, знал предусмотрительный сержант Эрнадо. И докончил фразу:

— На месте императора я рискнул бы отказать Менхэму.

— Правильно, Серж. Он и решил рискнуть.

— Значит...

— Гиарские корабли стали садиться на планету через час после императорского заявления. Результаты видишь сам. Остатки армии прячутся по всей планете, корабли охраны бежали или погибли в бою. Что с императором — не знаю. Возможно, он мертв, возможно, успел скрыться. И самое страшное — нет повода для вмешательства союзных планет. Шоррэй Менхэм действовал в рамках наших законов. И лишь одно препятствие стоит на пути его законного брака с принцессой...

Эрнадо вытянул из коробочки еще одну капсулу. В воздухе поплыл лимонный аромат.

— Дай одну,— протянул я руку. Почти все стало понятным, сложилось в четкую, хоть и набросанную лишь общими штрихами картинку. Кружилась голова, нестерпимо хотелось курить.— Дай.

— Вначале раздави,— посоветовал Эрнадо, протягивая капсулу.

Тонкая оболочка лопнула в моих пальцах. Я опустил

капсулу на язык, почувствовал резкий, горьковато-кислый вкус. Тело стало легким, противно-непослушным... голову задернула туманная дымка. Эрнадо с любопытством смотрел на меня.

— И это препятствие, отделяюшее Шоррэя Менхэма от принцессы, — я. Карикатурный лорд с отсталой планетки. Случайный герой, встретившийся принцессе.

— Да, Серж. До турнира ты считался официальным женихом принцессы. Ты лорд. И даже то, что тебя не пригласили участвовать в турнире, не отменяет твоего права.

— Какого?

— В течение трех суток после турнира ты имеешь право потребовать поединка или попросту выкрасть принцессу и обвенчаться с ней.

— И что ты посоветуешь, Сержант?

— Похищение, Серж. В поединке у тебя не будет ни единого шанса. В похищении, конечно, они тоже близки к нулю, но...

— Но принцесса стоит смерти,— прервал я его. Наркотическое безумие разноцветной метелью кружилось в голове. Сознание туманилось. Возможно, на мой организм эти «легкие» капсулки действуют более чем сильно.

— Я постараюсь дать тебе шанс,— пожал плечами Эрнадо.— Я всего лишь сержант десантных войск, но моя должность — инструктор по бою на одноатомниках. Стрелять и драться ты, наверное, умеешь и сам.

— Умею, Сержант. Скажи, а ты часто видел принцессу?

На секунду лицо Эрнадо осветила улыбка.

— Да, Серж. Мне приходилось бывать в охране дворца. Я даже давал ей уроки боя на мечах.

— И сколько надо времени, чтобы научиться ими пользоваться?

— Полгода-год. А у нас лишь два дня, Серж.

Меня охватил легкий страх. Слишком уж спокойно говорил Эрнадо, чтобы принять его слова за запугивание.

— А нельзя выучиться побыстрее? Ваш язык я научился понимать без всякого обучения.

— Язык ты выучил во время гиперперехода, под влиянием кольца. А эта безделушка на твоем пальце стоит не меньше звездолета средних размеров. Убежище, увы, не императорские лаборатории.

Я кивнул:

— Хорошо. Давай приступим с завтрашнего утра, Сержант? Мне очень хочется спать.

— Как вам будет угодно, лорд.— Эрнадо снова затянулся в незримую броню этикета.

Я невольно улыбнулся:

— Как будет угодно вам, учитель. Но скажите мне лишь одно: как звать принцессу?

Эрнадо покачал головой. Сказал:

— Ты задаешь вопрос, на который нет ответа. Имя принцесса получит лишь в день свадьбы, от будущего мужа. То, как ее звали в семье, не важно... и довольно интимно.

— Понял.— Я растянулся на матрасе, заложил руки под голову.— Хорошо, Эрнадо. У меня есть еще два дня, так что придумать имя успею.

С минуту Эрнадо молчал. Потом произнес с заметным восхищением:

— Наверное, приятно быть таким наглым и самоуверенным, как ты.

— Не знаю,— пробормотал я, засыпая.— У меня не получается быть другим...

Что ж, принцессе нужно имя. А мне нужна принцесса. Остальное — мелочи, которые, самое большее, могут меня убить.

Действительно, приятно быть наглым. Хотя бы снаружи.

5. Уроки Эрнадо

Меч в руках Эрнадо описал полукруг, подныривая под мой клинок. Судорожным движением я отдернул меч, избегая столкновения. И нанес удар — по всем правилам, по боковой части клинка Эрнадо.

В последнее мгновение Эрнадо успел развернуть меч. Клинки столкнулись режущими кромками и плавно вошли друг в друга. На долю секунды мечи казались слитыми воедино, впаянными друг в друга. Затем мой меч развалился на две половинки.

А меч Эрнадо уцелел. Пожав плечами, мой инструктор нажал кнопку на эфесе. По лезвию меча пробежало белое пламя.

— Уже лучше,— подвел итог поединка Эрнадо.— Но все-таки ты убит.

Я откинул свой сломанный меч в сторону. На звякнувшую груду таких же обломков, из которых лишь один принадлежал Эрнадо.

— Почему так получилось? — спросил я, переводя дыхание.— Лезвия столкнулись под углом в девяносто градусов. Почему же сломался мой меч?

— Ты слишком долго не затачивал лезвия,— спокойно объяснил Эрнадо, снова щелкая кнопкой.— Твой меч успел

затупиться от трения о воздух. Толщина клинка стала равной трем-четырем атомам. В обычных условиях это не страшно, но уж если идешь на прямое столкновение клинков... Ты заметил, как часто я затачиваю меч?

Он демонстративно надавил кнопку. Лезвие окутало белое пламя.

— Меч заточен...

Эрнадо сделал несколько выпадов, покрутил мечом над головой, со свистом рассекая воздух.

— А теперь меч затупился примерно на один атом.

Я кивнул. Взял новый меч из сложенного под ближайшим деревом арсенала. Критически осмотрел.

— Кнопка расположена неудачно. Мне приходится отвлекаться, чтобы нажать ее.

— Есть и другие модели эфеса, лорд. Там кнопка расположена прямо под пальцами. Принести такие мечи?

— Да, наверное... Хотя постой. Давай сделаем перерыв на полчаса. Я хочу пообедать.

— Есть будем вечером, лорд. С полным желудком не тренируются. Сейчас только сок и бульон.

— Хотя бы сок...

Мы устроились возле входа в бункер. Отхлебывали понемногу густой сладкий сок из узких стеклянных бокалов. Прикончив свою порцию, я отбросил стакан. Он зазвенел, покатившись по камням, но вовсе не собираясь разбиваться.

— Эрнадо, все это бесполезно. Я никогда не сравняюсь с тобой в поединке на атомарном мече. И уж тем более за два дня.

Сержант с сомнением покачал головой. Осторожно подбирая вежливые слова, сказал:

— Не надо впадать в уныние. Вы очень быстро учитесь, лорд. Уверен, что в бою один на один вы победите любого гвардейца.

— А самого Шоррэя?

— Он аристократ... если пользоваться терминологией нашей планеты. Он учился владеть одноатомником с детства.

— Выходит, шансов нет?

— Я же с самого начала предлагаю вариант с похищением,— дипломатично ответил Эрнадо.

Я вздохнул. Тоскливо посмотрел на кучу металлолома — испорченные мною за утро мечи.

— Того, что я мог достичь за пару дней, я уже достиг. Дальше тренироваться нет смысла. Лучше расскажи, какое еще оружие я смогу использовать в нейтрализующем поле.

Эрнадо поморщился, но подчинился.

— Во-первых, комбинезон. Он не способен отразить

атомарный меч, но сомкнется вслед за лезвием, зарастит пробоину.

— И какой с этого прок, если лезвие вместе с комбинезоном рассечет и меня на две половинки?

— Разрез от хорошо наточенного атомарного меча так мал, что через две-три секунды неподвижности клетки тела вновь срастутся. Комбинезон затвердеет на три секунды в той области, куда пришелся удар, и обеспечит неподвижность. Конечно, все гвардейцы будут в подобных комбинезонах, но вот сам Шоррэй никогда не унизится до его применения.

— Хорошо, что он такой гордый,— я с невольным уважением посмотрел на свой комбинезон. Вот что имел в виду Эрнадо, предлагая мне деактивировать комбинезон при нашей первой, не очень-то дружественной встрече...

— Во-вторых, ядовитые газы и быстродействующие вирусы. Но это не поможет: защитными фильтрами не станут пренебрегать ни Шоррэй, ни его наемники. Фильтры защитят от всех известных токсинов.

— А если я назову химическую формулу земных ядов? — самоуверенно предложил я.

На секунду в глазах Эрнадо блеснул интерес. Затем он покачал головой:

— Вполне возможно, что единственным человеком во дворце, не имеющим газовой маски, окажется принцесса.

Я закусил губу.

— Ладно. Газы и яды отпадают. Что еще?

— Арбалеты, луки, топоры, дубины. Это все ерунда. Комбинезон отразит удар стрелы, а рукоять топора ничего не стоит перерубить мечом. Игольчатые пистолеты с ядовитыми иглами? Опять-таки, поле снизит скорость стрелы до такой, которую сможет отразить комбинезон.

— И это всё?

— Всё,— спокойно подтвердил Эрнадо.

— Убогая же фантазия у оружейников вашей планеты,— зло сказал я.— Мне бы неделю времени...

Похоже, я задел Эрнадо за живое. Он иронично произнес:

— А если полтора дня?

— Можно и полтора. В убежище есть инструменты?

— Малый ремонтный комплект.

— Сверло, сварочный аппарат, точильный станок в него входят?

— Да. И вдобавок пресс для термопластмассы и станок для обработки металла с компьютерным управлением.

— Отлично. Мне нужно несколько десятков дисков,

диаметром десять и... скажем, полтора сантиметра, сделанных из того же металла, что и плоскостной меч.

Эрнадо смотрел на меня с неприкрытым интересом.

— Невозможно. Этот металл производят на специальных заводах. И затачивают там же.

— Тогда сделай диски из обычной тонкой стали. А на края привари кромки из лезвий сломанных мечей.

— Такой тонкий металл приварить невозможно. Он прогорит насквозь.

— Тогда приклей их! Клей для металла, надеюсь, у вас делают?

— Делают,— медленно произнес Эрнадо. В его глазах я впервые увидел не сочувствие и не иронию, а удивленное уважение.

— Хорошо. В центре больших дисков должно быть утолщение, удобное для пальцев, но не нарушающее аэродинамики. В центре маленьких — отверстие в три-четыре миллиметра.

— Твое оружие смертельно опасно и для тебя самого,— задумчиво сказал Эрнадо.

— Возможно. Для маленьких дисков необходимо еще...

— Я уже все понял,— остановил меня Эрнадо.— Работа займет часа четыре.

— Тебе помочь?

— Не надо. Вряд ли наши инструменты похожи на те, к которым ты привык. Лучши включи проектор и потренируйся.

Он скрылся в убежище. А я, вздохнув, подошел к пластиковому ящичку проектора. Надавил на клавишу воспроизведения. Прозрачный цилиндрик на панели проектора засветился. В нескольких метрах от меня возникла вполне реальная фигура в пятнистом комбинезоне. Голографический противник выглядел более чем убедительно. Особенно сейчас, когда извлекал из ножен плоскостной меч...

Я встал в основную стойку, подобрал с земли первый попавшийся клинок. Нажал кнопку, подтачивая его. Иллюзорная фигура неторопливо замахнулась. «Курс молодого бойца» начался. Я взмахнул мечом, парируя несуществующий удар.

Родись я на сто лет раньше, мне бы пришлось гораздо легче. Двадцатый век давно уже забыл о мечах и саблях. К счастью, мне приходилось учиться кен-до — японским приемам борьбы с палкой — и драке на нунчаках. Короткая палка в кен-до — это, по сути, тот же меч... Мысль о нунчаках заставила меня поразмыслить и об этом оружии. Но уже

через несколько секунд я понял, что с нунчаками против плоскостного меча не выстоял бы и Брюс Ли.

Эрнадо справился с работой за три с половиной часа. К этому времени я успел более-менее прилично повторить первый и второй этапы обучения и просмотреть в замедленном темпе третий и седьмой, самый высший. В седьмом этапе я старался просто запомнить наиболее опасные приемы нападения. К сожалению, безобидных приемов в седьмом не было. Самая невинная оборонительная стойка здесь превращалась в стремительную и беспощадную атаку. Поколебавшись, я стал разучивать два атакующих приема, сложных, но имеющих что-то общее с приемами кен-до. Похоже, основной принцип обучения бою на одноатомных мечах не допускал перепрыгивания с этапа на этап. В таком случае знание сложных приемов могло сбить с толку противника.

За этим занятием меня и застал Эрнадо. Он был явно поражен, но ничего не сказал. Молча поставил на землю рядом с проектором пластмассовый ящик, наполненный моими «заказами», и отошел в сторону. Внимательно посмотрев на мои движения, мягко сказал:

— Этот поворот выполняй плавнее. Меч противника уже отбит или перерублен, скорость тут ни к чему. А ты теряешь равновесие перед атакой.

Я кивнул, повторяя прием.

— Уже лучше. Хотел бы я потренировать тебя месяц-другой,— с прорезавшимся сожалением произнес Эрнадо.

— Увы, это невозможно.

— Да. Только Сеятели обладали властью над временем. Мы пока лишь подбираемся к управлению темпоральными полями.

Я молча принял к сведению, что неведомая цивилизация сумела покорить даже время. Мне это мало что давало. Выключив проектор, я склонился над принесенным Эрнадо ящиком.

Оружие оказалось лучше, чем я предполагал. Мало того, что по аэродинамике диски ничуть не уступали японским сюрикенам. Режущие кромки были собраны из таких крошечных осколков плоскостного лезвия, что казались сплошными. Вдобавок Эрнадо снабдил каждый большой диск чехлом из тонкой и, видимо, магнитной ткани. Диск лежал в нем, не касаясь стенок и не прорезая их.

— Будешь испытывать? — напряженно спросил Эрнадо.

Я посмотрел на него. И с удивлением понял, что Эрнадо боится. Незнакомое оружие, которым я предположительно умел пользоваться, внушало ему страх.

— Давай вначале ты.

— Нет уж! — Эрнадо неожиданно рассмеялся.— Я попробовал.

Он поднял правую руку, и я увидел на кисти тонкий длинный порез, покрытый прозрачной пленкой.

— Такого со мной не случалось с пятилетнего возраста. Хорошо еще, что сухожилия не задеты.

— Больно? — с сочувствием спросил я.

— Нет, абсолютно. Раны от одноатомника почти не болят... Ты еще в этом убедишься,— оптимистично добавил Эрнадо.

Я осторожно вынул диск из чехла. Он оказался достаточно тяжелым, Эрнадо правильно подобрал вес. А я ведь об этом и не подумал... Мне определенно повезло с наставником.

Сжимая диск за утолщенную середину, я отвел руку для броска. Расслабился, пытаясь представить, что держу обыкновенную, только что выточенную «звездочку». И метнул диск, целясь в тонкое деревце перед убежищем.

Деревце качнулось и упало, перерезанное в полутора метрах от земли. А диск исчез.

Я посмотрел на пальцы — целы. И спросил, сам пораженный произведенным эффектом:

— А где он?

— Полагаю, в бетонной стене убежища,— серьезно и уважительно ответил Эрнадо.— Диск не настолько тонок, чтобы пробить ее насквозь. Похоже, что этого экземпляра мы лишились.

— Все большие диски сбалансированы одинаково?

— Да.

— Тогда первая часть испытаний закончена.

Маленькие диски мы испытали вместе с Эрнадо. Технология их применения была куда проще...

— Через полгода это оружие будет известно по всей галактике,— сказал Эрнадо.— Не знаю, сколько горя это принесет...

— У меня нет другого выхода,— мрачно ответил я.— С одним мечом я буду беспомощен.

Эрнадо пожал плечами. Похоже, мои упражнения из седьмого этапа произвели впечатление даже на него.

— Больше идей у тебя нет? — спросил он.

— Пока нет.

— Я рад.

Иронией в его словах даже и не пахло.

Достав свои «цитрусовые» шарики, Эрнадо разжевал пару. Предложил и мне, но я лишь покачал головой. Тогда он достал запаянные в пленку белые таблетки. Одну такую я проглотил перед завтраком.

— Выпей. Это стимулятор памяти и психомоторной реакции. Именно он помог тебе освоиться с мечом.

Я проглотил одну таблетку. Остальные опустил в карман комбинезона. Эрнадо проводил их тревожным взглядом и предупредил:

— Вечером не пей, а то не уснешь. Завтра выпьешь пару перед акцией.

— Сегодня, Эрнадо, сегодня,— мягко поправил я.— Во дворец я отправлюсь сегодня вечером.

Эрнадо остолбенел. Потом успокаивающе, как ребенку, сказал:

— В этом нет необходимости, Серж. В запасе у нас больше суток. Время на подготовку надо использовать полностью.

— Я уверен, что так же считает и Шоррэй. Завтра ни одна живая душа не сумеет приблизиться к дворцу. Сегодня шанс еще есть.

Не знаю, почему Эрнадо не стал спорить. Возможно, принял довод, но скорее всего сыграло роль мое положение лорда.

— Это твой бой и твой выбор,— просто сказал он.— Решай сам.

6. Времени неподвластно

Сидя на корточках, я пил горячий бульон. Эрнадо, устроившись напротив, буравил меня взглядом.

— Начать объяснение? — не выдержал он наконец.— Таблетка уже действует, ты запомнишь всё до последнего слова.

Я кивнул. Но прежде чем мой инструктор вымолвил хоть слово, спросил:

— Ты уверен, что мы собрали все возможное оружие? Шансов так мало, что не хочется уменьшать их из-за случайности... У меня был друг, которому стоил жизни забытый в казарме перочинный нож.

Возможно, я выбрал правильный тон. Или у Эрнадо тоже был друг, которому стоил жизни забытый в казарме ножик... Во всяком случае, он колебался лишь секунду.

— Подождите минуту, лорд,— произнес он и поднялся с места.

Допивая бульон, я смотрел, как Эрнадо растаскивал какие-то контейнеры над люком в полу. Потом нырнул в темное отверстие... Через минуту из люка показался кубический серый ящик.

— Помогите мне, лорд,— сдавленно произнес Сержант.

Вдвоем мы подняли ящик из люка, поставили на бетонный пол. Низко склонившись над серым кубом, Эрнадо принялся колдовать над сенсорной панелью на крышке. Иногда его действия сопровождались коротким мелодичным звуком. Тогда Эрнадо удовлетворенно кивал и начинал набирать следующую комбинацию.

Наконец очередное нажатие заставило ящик сыграть минорную музыкальную фразу. На крышке ящика высветился розовый прямоугольник.

— Вступительные аккорды к «Песне победителей»,— довольным голосом объяснил Эрнадо.— В моей обработке.

— А я-то думал, что это «Плач по погибшим героям»,— пробормотал я.

Эрнадо на мою иронию не среагировал. Он приложил правую ладонь к светящемуся прямоугольнику и замер.

Ничего не происходило.

— Проклятый порез,— с заметным облегчением произнес Эрнадо.— Похоже, сейф не откроется. Компьютер не узнаёт мою ладонь...

Эрнадо не договорил. Крышка сейфа дрогнула и стала подниматься.

— Мне кажется, ты огорчен совершенством своего сейфа,— с наигранным простодушием заметил я.

Эрнадо кивнул:

— Да, лорд, огорчен. Потому что здесь вовсе не перочинные ножики.

— А что же?

— Оружие Сеятелей. И пусть простят нас силы прошлого и будущего...

Я заглянул в ящик.

Изнутри сейф оказался куда меньше, чем снаружи. Похоже, стенки его способны были выдержать любой удар. Несмотря на это, места для множества странных предметов в сейфе хватало. Оружие Сеятелей не отличалось громоздкостью.

На мягкой серой обивке, выстилающей сейф изнутри, лежали прижатые тонкими прозрачными ремешками вещи, больше всего похожие на изделия скульптора-абстракциониста. Разноцветные кристаллы в спиралях из синего металла и полупрозрачные шары, наполненные мерцающей оранжевой жижей. Изогнутые трубки, любой конец которых одинаково походил как на ствол, так и на приклад, и собранные в пакет тонкие матово-белые пластинки, напоминающие веер. Пирамидки, кубики и цилиндры всех цветов и размеров...

— Это оружие? — удивленно спросил я.

— Да. Все эти предметы найдены в арсенале полуразрушенного патрульного катера Сеятелей, который миллионы лет дрейфовал в пространстве. Не спрашивай, как они попали ко мне. Я не хочу врать и не могу сказать правду.

— Но почему ты ничего о них не сказал раньше?

— Потому что я не знаю, как действует это оружие. Почти не знаю.

Эрнадо извлек из сейфа несколько предметов.

— Это то, что мне хоть немного знакомо.

На полу перед ним лежали белый веер, рубиново-красный цилиндрик и небольшой куб, разукрашенный затейливой рельефной вязью.

— У Сеятелей был странный язык... почти такой же странный, как они сами. Он очень прост, имеет небольшой запас основных слов, всего четыре предлога и три союза. Но в нем несколько тысяч уточняющих частиц, способных полностью изменить смысл слова или всего предложения.

— Ты знаешь этот язык?

— Немного...

Эрнадо поднял белый веер. Раскрыл его. Кончики пластинок замерцали бледным голубым свечением.

— Это силовой щит. Он формирует невидимое защитное поле, напоминающее по форме овал. Поле полностью отражает излучение, идущее в очень узком диапазоне волн.

— Отлично.

— Ты не понял, Серж. Щит отражает лишь *очень* узкий диапазон волн. Обычный лазерный пистолет полностью перекрывает его и поражает человека в верхней и нижней частях своего спектра.

— Тогда какой смысл в щите?

— Скорее всего, это дуэльное оружие. Оно защищает лишь от специального дуэльного пистолета. Я, во всяком случае, думаю так.

— Глупость какая...

Я с сожалением посмотрел на складываемый веер. А Эрнадо тем временем взял красный цилиндрик. Надавил на незаметный выступ...

Из торца цилиндрика выскользнул метровый шнур слепящего белого пламени. Я невольно отшатнулся.

— Плазменный меч. Отличное оружие, куда лучше одноатомника. Но в нейтрализующем поле не работает.

Белое пламя погасло.

Маленького кубика Эрнадо лишь коснулся кончиками пальцев.

— А это очень сильное оружие... При включении разрушает клетки человеческого мозга в радиусе двух километров. Нейтрализующим полем не подавляется. Но первым гибнет человек, применивший кубик. С таким оружием добровольцы-смертники уничтожили вторую Галактическую Крепость.

— А если сделать устройство автоматического включения? Чтобы успеть выйти из зоны поражения?

— Кубик можно включить только живой человеческой рукой. Никакие манипуляторы, даже обтянутые теплой человеческой кожей, его не запустят.

— Сеятели не были гуманоидами,— уверенно сказал я.

— Были. Просто их логика и мораль не соответствовали человеческим.

Эрнадо собрал бесполезное оружие, сложил обратно в сейф. Сухо произнес:

— Теперь ты видишь, оружие древних нам не пригодится.

С некоторым сомнением я кивнул. И заглянул в сейф, где дремали красивые смертоносные игрушки Сеятелей.

Что-то приковывало мое внимание, невольно притягивало взгляд. Что-то чистое, прозрачное, словно выточенное из горного хрусталя...

— А это что, Сержант?

Я осторожно вынул из сейфа два тонких прозрачных цилиндрика, напоминающих шестигранные стеклянные карандаши. По одной из граней шла вязь незнакомых букв.

— Не знаю,— быстро ответил Эрнадо. Слишком уж быстро...— Они никогда и нигде не использовались.

— А что на них написано?

Эрнадо взял один из цилиндриков. Всмотрелся в рельефные буквы... Почему-то мне показалось, что он прекрасно помнит смысл надписи, а сейчас лишь тянет время.

— Здесь очень двусмысленная надпись,— неохотно произнес Эрнадо.— Ее можно перевести так: «Последний козырь. Времени неподвластно».

— И что это может значить?

— Видимо, оружие настолько сильно, что использовалось лишь в крайних случаях. И в то же время абсолютно надежно, не портится ни при каких обстоятельствах. Лорд, я не советую вам брать эти... хрустальные гранаты.

— Почему?

— «Последним козырем» у Сеятелей могло быть все что угодно. Разрушение планеты, коллапсирование звезды... уничтожение всей Вселенной.

— Тогда не потребовалось бы делать две гранаты.

Я провел пальцами по холодной прозрачной грани. Хрустальный карандаш, способный перечеркнуть всю планету...

— Я возьму это.

— Не надо, лорд!

— Я возьму их, Сержант! Они станут моим последним козырем. Не ты ли говорил, что принцесса стоит смерти!

— Но не миллионов смертей!

Мы напряженно смотрели друг на друга. Потом Эрнадо отвел глаза, пробормотав:

— Не зря говорят, что оружие Сеятелей само находит себе хозяина. Как использовать эти гранаты, Серж?

— Переломить! — Я ответил автоматически, не раздумывая. Словно кто-то вложил в меня незнакомое знание.

— Вот видите, лорд... Да, все одноразовое оружие Сеятелей включается при разрушении. И не бойтесь сломать палочки случайно, они выдержат даже удар одноатомного меча. Сломать их можно лишь намеренно, да и то если они этого захотят.

Я осторожно опустил хрустальные палочки в карман комбинезона. Несколько минут мы просидели молча, не глядя друг на друга. Потом я попросил:

— Эрнадо, расскажи свой план. У меня мало времени.

— Лучше бы его не было вовсе.— Эрнадо извлек коробочку со своим стимулятором, разжевал капсулу, на этот раз не предлагая мне. Начал говорить, вначале неохотно, вяло, но постепенно увлекаясь:

— План у меня один, и он достаточно безумен, чтобы удастся. Дворец располагается в горах, на маленькой площадке, окруженной отвесными пропастями. Когда-то там был горный пик под названием Клык Дракона. Потом вершину пика взорвали, сбросили вниз, а на круглой площадке диаметром в два километра выстроили дворцовый комплекс. Сообщение идет только по воздуху, хотя тренированный человек и может подняться на Сломанный Клык по склонам горы. Наверняка охрана будет ждать именно этого, ведь в радиусе двадцати километров от дворца действует нейтрализующее поле, заглушающее двигатели. Но я провел расчет, и оказалось, что предельно облегченный спортивный флаер способен спланировать к дворцу с неработающими двигателями. Ты приблизишься к границе нейтрализующего поля, поднимешься на максимальную высоту и начнешь планировать к дворцу. Садиться придется не на взлетное поле, там тебя наверняка ждут, а на крышу одного из зданий. Сбить тебя не смогут, так как поле заглушит их собст-

венные зенитные батареи. Так что все неприятности начнутся во дворце...

— Они начнутся раньше, Эрнадо. Я не умею управлять флаером. Так же как дельтапланом или звездолетом.

Эрнадо взглянул на меня с иронией:

— В этом я не сомневаюсь, лорд. Но у флаера есть автопилот, в который будет заложена программа. Он посадит машину точно в назначенное место. А дальше все зависит от тебя. Надо пробиться во внутренние помещения дворца, найти принцессу, выбраться на взлетное поле и выкатить любой из флаеров на аварийный старт.

— Что это такое?

— Бетонная полоса, обрывающаяся в пропасть. Скатившись по аварийному старту, флаер разгонится до скорости планирования. В автопилот флаера ты вставишь программный диск, который приведет машину на базу императорских ВВС. Она располагается в горах, ниже дворца, на самой границе действия нейтрализующего поля. База разрушена, но там уцелели запасные ангары. В них возьмешь самый быстрый из военных катеров, разгонишься на аварийном старте и выйдешь за границы поля. Второй диск, который ты от меня получишь, направит катер к Храму Вселенной.

— Ты о нем ничего не говорил.

Эрнадо поморщился:

— Зачем тебе забивать голову принципами нашей религии? Достаточно знать, что в этом Храме вы с принцессой станете мужем и женой. Шоррэй не рискнет оспаривать решение Храма. И уж тем более не нападет, едва вы переступите его порог.

— На словах все гладко. А как я найду принцессу? В огромном дворце, где никогда не был!

— У тебя будет электронный целеуказатель. Вряд ли у Шоррэя хватит наглости переселить принцессу из ее комнат куда-то еще.

Я кивнул, признавая превосходство Эрнадо в знании дворцового этикета. Мысленно прокрутил все этапы «безумного» плана.

— Эрнадо, а что, если зенитные установки или боевые катера будут поджидать меня за пределами нейтрализующего поля? Ведь там ничто не помешает им сбить мой флаер.

— А это уж входит в неизбежный риск, лорд. Надеюсь, Шоррэй не берет тебя в расчет настолько, чтобы принять все меры предосторожности.

Возмущаться размерами неизбежного риска я не стал. В

конце концов я сам недавно заявлял: принцесса стоит смерти. Я лишь поинтересовался:

— А что будешь делать ты, Сержант?

Он ответил не задумываясь:

— Вначале я предполагал ждать тебя у Храма. Но ты взял с собой оружие Сеятелей, а это все меняет... Я отправлюсь на своем катере к Северному хребту. Там есть крошечный частный космодром, где стоит моя прогулочная яхта. Постараюсь выйти на максимально высокую орбиту и подожду результатов.

Я давно уже понял, что Эрнадо не отправится со мной во дворец. Это был мой поединок. Но все-таки мне стало грустно.

— Ты прав. Хорошо, что в вашей армии даже сержанты имеют прогулочные ракеты. Спасибо за все, учитель.

Эрнадо отвернулся. Тихо сказал:

— Ты оказался очень способным учеником. Встань.

Я поднялся. Холодный электрический свет делал наши лица безжизненно-спокойными. Эрнадо провел рукой по моему правому плечу. Я потянулся было к нему, принимая этот жест за прощание. Но под пальцами Эрнадо в черной ткани комбинезона вдруг высветилась россыпь желтых и зеленых огоньков. Скосив глаза, я всмотрелся в непонятный узор.

— Комбинезон в порядке,— с удовлетворением сказал Эрнадо.— К тому же ты с ним уже сработался. Полетный костюм под комбинезон я сейчас тебе дам... Запомни эти огоньки,— он указал на три желтые точки, горевшие чуть в стороне от других.— Первый — активация защиты, второй — медицинская помощь, третий — режим мускульного усиления. Включить их можно прикосновением пальца, при этом они начнут светиться зеленым.

— Хорошо.

— Таблетки стимулятора примешь, когда флаер начнет планировать. Не больше трех, а то наступит обратная реакция.

— Хорошо.

— Одноатомный меч выберешь сам. С той кнопкой, которая тебе удобнее. Но не злоупотребляй затачиванием, меч выдерживает полторы тысячи циклов, не больше.

— Я запомню.

— Возьми хороший нож, пистолет-деструктор — на всякий случай. И не забудь свои диски.

— Не забуду.

Мы смотрели друг на друга. Игрушечный лорд с планеты Земля и бывший сержант императорских войск планеты Тар.

Хороший дуэт для борьбы с армией целой планеты.

— Пойдем, надо подготовить машины,— пробурчал Эрнадо.

7. Сломанный Клык

Солнце еще не успело зайти, но небо уже стало черным. На западе полыхал всеми оттенками красного и багрового закат.

— В пустыне часто бывают пыльные бури,— поймав мой взгляд, сказал Эрнадо.— Но сюда ветер доберется не скоро.

Вход в подземный ангар, находящийся метрах в двадцати от купола, был открыт. Огромные металлические створки были задраны в небо, но толстый слой уложенной на них почвы и не собирался осыпáться. Деревья и кустарник, росшие на воротах ангара, нелепо торчали параллельно земле.

Катер Эрнадо напоминал увеличенный до десятиметрового диаметра легкоатлетический диск. Ровная серая поверхность, никаких выступов и отверстий, ни одной прозрачной детали, ни одной антенны или датчика. Все скрывалось внутри.

Рядом с этим металлическим монстром, военное предназначение которого не вызывало сомнений, мой флаер казался игрушкой. Прозрачная сигара с куцыми крылышками из белого пластика. Очертаниями он больше всего походил на американский «Спитфайр», тот самый, который летчики прозвали летающим гробом. Но меня смущала даже не эта аналогия. Сквозь прозрачный корпус была видна вся начинка флаера, и у меня сложилось нехорошее впечатление, что кресло пилота расположено прямо над топливным баком.

— Если флаер заденут и горючее вспыхнет, я неплохо поджарюсь,— высказал я жутковатое предположение.

— Если в тебя попадут, ты поджаришься раньше, чем вспыхнет горючее,— утешил Эрнадо.— Хорошо запомнил, как включать автопилот?

— Да.

— Бери программы,— он протянул мне два маленьких прозрачных диска размером со старый юбилейный рубль. На одном была размашисто написана красным единица, на другом — двойка.

— Эти художества не помешают?

— Ни в коем случае.

Эрнадо надел комбинезон, похожий на мой, а поверх накинул плащ. Меч свисал с пояса.

Свои мечи — поколебавшись, я решил взять два, — я закрепил на спине, на японский манер. Если Эрнадо и удивило такое новшество, то он этого не показал. Лишь посоветовал мне не отрезать голову, доставая через плечо собственный клинок.

— Стартуем? Тебе лучше бы попасть во дворец до темноты.

Я молча протянул ему руку. «Последнее рукопожатие»,— мелькнула в голове непрошеная мысль. Пожав ладонь, Эрнадо хлопнул меня по плечу. «Последнее напутствие»,— продолжало паниковать подсознание. Я подошел к флаеру, откинул прозрачный колпак кабины. Уселся в мягкое упругое кресло. На катапульту не было даже намека, да и парашютам пилоту не полагалось. На выгнутом подковой пульте светились индикаторы незнакомых приборов. Заходящее солнце отражалось в мутных зеркалах отключенных экранов. «Последний закат»,— пискнуло подсознание и угомонилось.

— Включай автопилот,— донесся из подголовника голос Эрнадо.

Я коснулся желтой пластины в центре пульта, и по программному диску заскользили радужные блики.

Одновременно колпак кабины плавно опустился над моей головой. Щелкнули замки. Кресло слегка опустилось, опрокидываясь меня на спину. Я с удивлением понял, что спинка кресла образовала рельефные выемки для мечей — те почти не ощущались.

— Ты уже летишь, Серж.

Повернув голову, я увидел, как уплывают вниз деревья, раскрытые двери ангара, катер Эрнадо. Но вот катер начал увеличиваться — он стрелой поднимался вверх, догоняя меня.

Не ощущалось ни вибрации, ни шума работающих двигателей. Едва уловимый гул — и тот на грани слышимости, незаметный уже через пару секунд. Но вот добавился новый звук — свист рассекаемого воздуха. Земля стремительно ушла вниз, меня вжало в кресло. Флаер переходил в горизонтальный полет.

Диск держался рядом как приклеенный. С невольным уважением я подумал, что Эрнадо ведет его без всякого автопилота..

— Еще раз удачи, лорд,— услышал я голос Сержанта.

— Еще раз спасибо, учитель.

Диск слегка наклонился и скользнул в сторону. Через мгновение он уже растворился в небе.

Я остался один.

Флаер несся на запад, прямо на опускающийся солнеч-

ный диск. Полет должен был занять около часа. Потом я окажусь во дворце... если меня не собьют раньше.

Впервые с тех пор как я очутился под темным небом чужой планеты, меня охватила растерянность.

Действительно, понимаю ли я, что делаю? Зачем ввязался в немыслимую авантюру, зачем отправился на верную гибель? Один, с незнакомым оружием, против тысяч обученных профессионалов. Что тянет меня на смерть? Абстрактная справедливость? Но кто его знает, что лучше — правитель с неприятным именем Шоррэй или императорская династия Таров. Жажда власти? Неограниченная королевская власть над целой планетой — это, конечно, заманчиво. Но шансов получить ее у меня не больше, чем у кролика выстлать свою нору лисьими шкурами.

Что же тогда?

Принцесса?

Девочка из детской мечты?

А любит ли она меня? Она позвала — но не на турнир претендентов, пусть даже и в качестве шута, экзотической диковины. Позвала на смерть, на поединок с армией оккупантов. Позвала, чтобы использовать до конца все возможности к сопротивлению. Так выгребают из карманов мелочь, расплачиваясь с неумолимым кредитором. Авось и хватит, вдруг да и блеснут среди медяков серебряные монетки. А в крайнем случае все увидят — ты банкрот... Так и я. Вдруг сумею совершить чудо. А если не повезет — все уверятся, что принцесса боролась до конца.

Я тупо смотрел на заходящее солнце. На черное чужое небо. На незнакомые узоры созвездий — флаер уже успел подняться в стратосферу. И вдруг понял — плевать я хотел на доводы рассудка. Принцесса позвала — и я пришел. Потому что не было в моей жизни ничего лучшего, чем тот вечерний парк и немыслимый вопрос: «В тебя можно влюбиться?» Не было схватки справедливее и настоящее той, с тремя пьяными оболтусами, пусть даже и таился в темноте взвод инопланетных солдат с плоскостными мечами наизготовку. Никто и никогда не касался моего израненного лица, стирая с него кровь и боль нежданной победы. Она любила меня в тот вечер, принцесса с далекой планеты, которую первый раз защищали не из-за того, что она принцесса. Позвав меня, она вспомнила тот миг.

А я любил ее всегда.

Радара, в земном понимании этого слова, флаер не имел. Вместо него был видеокуб — висящее справа от пульта голографическое изображение пролетаемого района. В туман-

ном полуметровом кубике висела ярко-зеленая точка — мой флаер. Под ней медленно проплывала холмистая поверхность планеты — я приближался к горам.

Вначале я увидел нейтрализующее поле. В голубизну видеокуба стала вползать розовая полусфера, плавно поднимающаяся над горами. Я невольно посмотрел вперед — и конечно же ничего не увидел. Поле было заметно только датчикам флаера. Я наблюдал лишь тянущиеся в небо горы, поблескивающие кое-где зеркальцами ледников, укутанные жиденькими полотнищами тумана. А розовая полусфера в видеокубе росла, флаер приближался к ее границе, которая становилась все круче и круче, перечеркивала мой путь. Через две-три минуты машина войдет в нейтрализующее поле. В видеокуб уже вплывала гора с обрубленной вершиной, с золотистыми точками строений на рукотворном плато. Сломанный Клык, резиденция императора и дом принцессы...

Красные точки вспыхнули в видеокубе не слишком неожиданно для меня. В отличие от Эрнадо я был уверен в существовании охраны, и стремительно поднимавшиеся со склонов гор летательные аппараты не вызвали ни малейшего удивления. Странно только, что они не появились раньше.

— Пилот флаера, приближающегося к зоне защиты дворца! — Голос в подголовнике кресла заставил меня вздрогнуть. Переговоров я почему-то не ожидал.— Немедленно остановитесь, иначе будете уничтожены!

Не знаю уж почему, но мне показалось, что говорящий очень молод. Какая-то робость и одновременно желание выслужиться угадывались в его внешне бесстрастном голосе.

— У меня важная информация для правителя Шоррэя,— стараясь казаться спокойным, произнес я. И добавил, повинуясь наивному желанию заморочить врагам головы: — Информация касается оружия Сеятелей. Я везу образцы.

В принципе я не слишком-то и соврал... Пока длилась секундная пауза, я заметил еще одну красную точку, приближающуюся к границе поля. Подкрепление?

— Пилот флаера! Сообщите пароль и код входа!

А рискнут ли они сбивать флаер с образцами оружия Сеятелей?

— Сейчас сообщу. Подождите...

Мне оставалась какая-то минута до входа в поле, а там меня уже не достанет никакое оружие. Вот только за минуту меня могли сбить раз шестьдесят, а то и больше...

— Эй, вы! — Знакомый голос заставил меня вновь взглянуть на видеокуб. Одинокая красная точка неслась к

границе нейтрализующего поля.— Никакое оружие Сеятелей вам не поможет! Принцесса моя!

Патрульные катера так стремительно отвернули от меня и пошли на перехват, словно перегрузок для них не существовало. А знакомый голос продолжал бесшабашно, с насмешливым вызовом:

— Попробуйте-ка меня достать! Принцесса стоит смерти!..

Последние слова предназначались для меня. Но я узнал Эрнадо и так.

— Спасибо, учитель,— прошептал я, глядя, как сближаются патрульные катера и одинокая машина Эрнадо.— Я не смел тебя об этом просить. Это твой выбор и твой бой.

И тут динамики ожили снова. Почему-то я сразу понял, кому принадлежит этот незнакомый голос. Спокойный, совсем не властный, скорее покровительственный. Таким тоном говорят с прихожанами уверенные в своей непогрешимости священники.

— Сбивайте флаер, болваны! Катер не сможет планировать до дворца, он лишь приманка!

Видеокуб полыхнул желтым. От каждого патрульного катера в мою сторону ударили светящиеся ниточки лазерных лучей. Но было уже поздно. Плавный изгиб куполообразного поля прикрывал меня от патрульных. Коснувшись розовой полусферы, лазерные лучи гасли.

Еще через мгновение слабый гул двигателей смолк. Флаер чуть вздрогнул, накренился. Его короткие крылья стали удлиняться, превращая машину в тяжелый, неуклюжий, но все-таки планер.

За флаером потянулся радужный шлейф — программа включила слив топлива. Я достал из кармана три таблетки стимулятора.

— Первый раунд за тобой, лорд с планеты Земля,— мягко сказал Шоррэй.— Ты ухитрился меня заинтересовать, поздравляю. Теперь тебя постараются убить сразу.

Я не ответил. Лучший способ вывести противника из равновесия — не реагировать на его оскорбления.

Флаер снижался — быстро, неотвратимо, как подбитый истребитель. Стелющийся позади хвост топлива довершал картину. Взглянув на видеокуб, я увидел, что несколько патрульных катеров вошли вслед за мной в нейтрализующее поле в тщетной попытке догнать и таранить хрупкий флаер. Однако их масса делала задачу практически невыполнимой, катера сразу оказались гораздо ниже меня. Теперь их ждала посадка на скалы с неработающими двигателями... А за границей нейтрализующего поля кипел воз-

душный бой. Красные точки катеров, желтые иглы лазерных разрядов, черная пыль «электронной мошкары» кружились в каком-то немыслимом калейдоскопическом танце. Уже две машины падали вниз — одна неторопливо разваливалась на куски, вокруг другой бурлила смертоносная черная морось. Но бой не утихал, и я с облегчением подумал, что Эрнадо еще жив.

А впереди вырастал Сломанный Клык.

Я видел его в последних лучах заходящего солнца, в стремительном полете, больше похожем на падение. Крутые склоны местами покрывал снег, кое-где щетинились темно-бурые рощицы словно притиснутых к камням, колючих даже на вид деревьев. Но там, где начиналось плоскогорье, картина менялась. Вершина утопала в нежно-зеленых садах, цветущих белыми и красными цветами. Видимо, почва и воздух на плато подогревались, иного объяснения такому разительному контрасту не было. А среди садов ажурными арками, тонкими высокими башнями, кружевными мостами, исполинскими террасами вставал дворец императора Тара.

Найти аналогию тому, что я видел, было трудно. Разве что взять самые великолепные земные дворцы и соборы, построить их не из мрамора и гранита, а из розового, сиреневого, голубого, прозрачно-желтого камня, соединить между собой так, чтобы все разнообразие стилей плавно переходило друг в друга.

Флаер падал — назвать стремительный спуск посадкой не поворачивался язык — на конусообразное здание, уступами поднимающееся на стометровую высоту. Оно казалось сложенным из беспорядочно чередующихся голубых и сиреневых каменных блоков. Стекла в широких окнах отливали синевой. На плоской крыше беспорядочно высились грубо вытесанные каменные скульптуры, изображающие людей и незнакомых животных. Посреди росло низкое и непомерно широкое дерево, размеры которого наводили на мысль о преклонном возрасте. Когда до крыши оставалось несколько метров, я разглядел, что она покрыта ровным слоем чистого белого песка.

Крылья флаера дернулись и неестественно вывернулись вниз. Смысл этого я понял через мгновение, когда тело опоясал неизвестно откуда взявшийся эластичный ремень, а ударившиеся о крышу крылья начали сминаться, гася энергию падения. Меня несколько раз тряхнуло, но гораздо слабее, чем могло бы без всей этой аварийной амортизации. Странное неприятие парашютов не мешало создателям флаера позаботиться о безопасности пилота.

Едва флаер замер, как кресло разжалось, выпуская меня. Одновременно с легким хлопком отвалился колпак кабины. Я привстал и выпрыгнул с двухметровой высоты — флаер стоял на сложившихся гармошкой, но так до конца и не сломавшихся крыльях. Ноги по щиколотку ушли в мягкий песок.

Я крутанулся на месте, осматриваясь. Каменные скульптуры высились в полутьме, словно уснувшие великаны. Тихо шелестела листва на дереве. Редкие порывы ветра казались обжигающе холодными — слой теплого воздуха над крышей дворца был очень тонок, и временами сюда доносилось холодное дыхание гор.

Целеуказатель — широкий браслет на правом запястье — шевельнулся и прошептал: «Вперед». Спуск с крыши был, очевидно, где-то вблизи огромного дерева.

Но спокойно дойти до него мне не дали.

Из-за уродливой скульптуры, изображающей человека в развевающемся плаще, молча вышли двое. В таких же как у меня черных комбинезонах. С обнаженными мечами в руках и бесполезными пистолетами на поясе.

Коснувшись плеча, я активировал комбинезон. Противники, похоже, сделали это раньше.

— Бросайте оружие, лорд,— повелительно крикнул один из гвардейцев.— Если вы не станете сопротивляться, вам сохранят жизнь.

— Устаревшая информация, ребята. Шоррэй приказал не брать меня в плен.

Гвардейцы переглянулись.

— Тем хуже для вас, лорд.

По лезвиям их мечей пробежало белое затачивающее пламя.

Меньше всего хотел я сейчас состязаться с ними в фехтовании. И не потому что боялся поединка. У меня, если верить Эрнадо, были шансы победить и двоих, и троих гвардейцев. Но с каждой секундой я терял свой главный козырь — внезапность... Из кобуры на поясе я достал пистолет — слегка переделанный Эрнадо газовый игломет.

Лица моих противников мгновенно закрыли, выскользнув из комбинезонов, тонкие прозрачные щитки. Затем гвардейцы рванулись вперед. Конечно же, пистолет в моих руках их не пугал: лазерное и деструкторное оружие в нейтрализующем поле не действует, отравленные стрелы игольчатого пистолета не способны пробить активированный защитный комбинезон.

Я нажал на спуск.

Крошечный титановый диск с плоскостными наклейками по краям скользнул из магнитного магазина в ствол. Сжа-

тая до пяти атмосфер углекислота толкнула поршень, и маленькая одноатомная фреза отправилась в полет. Прежде чем достичь цели, бешено вращающийся диск успел затупиться до молекулярной толщины. Но это не имело принципиального значения.

Гвардеец, оказавшийся ко мне ближе, вскрикнул и схватился за грудь, куда впился крошечный снаряд. Его активированный комбинезон мгновенно зарастил пробитое отверстие, напрягся, стягивая рану. Но то, что было спасительно при ударе плоскостным мечом, не могло помочь сейчас. Титановый диск не был сбалансирован. Войдя в тело, он развернулся и отправился в беспорядочное, смертоносное путешествие сквозь мышцы, сосуды и жизненно важные органы.

Мне доводилось видеть, как быстро умирают люди, раненные пулей со смещенным центром тяжести. Плоскостной диск убивал еще стремительнее.

Гвардеец как подкошенный повалился на песок. Из открытого в беззвучном крике рта плеснула на прозрачный щиток темная кровь.

Я направил пистолет на его товарища. Тот замер, переводя взгляд с меня на убитого и обратно. Случившееся было для него необъяснимо. В нейтрализующем поле пистолеты не убивали, не могли убивать.

— Зря вы пришли на эту планету,— произнес я, нажимая на спуск.

Второе тело упало на песок. Врагов в тылу не оставляют.

Зря они пришли на эту планету. А я — нет. Принцесса стоит смерти.

— Вперед,— скомандовал целеуказатель.— Вперед.

Часть вторая

ПРИНЦЕССА

1. Похищение

Мне приходилось убивать и на Земле. С восемнадцати до двадцати, в тот странный возраст, когда государство дает в руки оружие, но еще не позволяет покупать водку, я служил в десантных частях. В огромной, до зубов вооруженной армии государства, которого уже не было...

Нас швыряли туда, где здание империи рушилось слиш-

ком уж быстро, рискуя придавить жителей верхних этажей. А иногда, очень редко, туда, где излишне резво принимались вешать «квартирантов» коренные обитатели маленьких суверенных трущоб.

Я не знаю, сколько румынских волонтеров, пытавшихся форсировать Днестр, полегло под пулями моего автомата. И до сих пор подозреваю, что в закавказских боях все мои выстрелы прошли мимо цели. Но с той страшной ночи в Бендерах, когда я впервые поймал в прицел бегущие с оружием наизготовку фигуры, странное нечеловеческое умение вошло в мою кровь.

Умение убивать... Умение забыть, что твои враги — такие же люди, как ты, со своей правдой и своей верой, скованные железными оковами приказа или стальными цепями фанатизма. Умение представить своих врагов нелюдями, выродками, инопланетными захватчиками — кем угодно, но не своими братьями по крови, живущими на той же Земле и под тем же небом.

Убитые мною гвардейцы не были землянами. И назвать их инопланетной нелюдью было проще простого. Но почему-то я не мог это сделать, и сердце безумно стучало в груди, когда я проходил мимо неподвижных тел.

Первый раз в жизни я убил не по приказу. Два человека умерли потому, что я посмел полюбить принцессу.

Неужели любовь всегда стоит смерти?

Я бежал вниз по широкой лестнице, по прозрачным шершавым ступеням, светящимся под моими ногами. На бирюзовых стенах висели картины, которые не было времени рассматривать. За прикрытыми дверями могли скрываться лифты, которые не было времени искать. «Вниз, вниз»,— шелестел целеуказатель.

Вниз.

Лестница закончилась в круглом зале, где колонны черного дерева поддерживали прозрачный купол потолка. Сквозь купол светило солнце, давно уже скрывшееся за горизонтом.

— Налево...

Высокая деревянная дверь была закрыта. Потемневшие от времени створки покрывала ажурная резьба.

— Вперед...

Я вытащил из ножен меч. Двумя ударами рассек петли. Толкнул дверь — она тяжело упала вперед. Узкий полутемный коридор. Борющиеся со мглой факелы на стенах — наверняка фальшивые, несмотря на сладкий запах смолистого дерева. И неподвижные фигуры в конце коридора.

— Вперед...

Я вытащил из чехла плоскостной диск. Крикнул:

— Прочь! Я не хочу вас убивать!

Ответом мне была ослепительная вспышка затачиваемых мечей.

Метнув диск, я снял с пояса еще два. Но они не понадобились. Вояки Шоррэя не собирались изображать живые мишени в импровизированном тире. Хлопнули открывшиеся в стенах двери, и гвардейцы, подхватив убитого, исчезли. Я побежал по коридору. Он оканчивался еще одной изукрашенной резьбой дверью.

— Запасной выход из гостевого зала принцессы,— сообщил целеуказатель.

Почему-то я не стал рубить эту дверь. Коснувшись управляющих сенсоров, я включил в комбинезоне режим мускульного усиления, навалился плечом...

Толстое дерево треснуло, словно гнилая фанера. Покосившаяся дверь распахнулась.

Я переложил меч в левую руку и вошел.

Гостевой зал принцессы оказался небольшим. Двадцать на тридцать метров, а то и меньше. Невысокий потолок, стены в панелях темного дерева. Факелы. Самые обычные узкие окна, в которые не заглядывало фальшивое солнце. Длинные багровые шторы. А в центре зала — странная светящаяся скульптура, напоминающая мгновенно застывший фонтан. Не то ледяные, не то хрустальные струи, мерцающие мягким оранжевым светом.

Я медленно обошел оригинальный светильник. Других дверей из зала видно не было. И целеуказатель молчал. Куда же теперь идти?

Прислонившись спиной к огромной мраморной чаше «фонтана», я растерянно огляделся. И застыл, увидев неподвижную фигурку у окна.

Она стояла совсем неподвижно, в темно-красном платье, сливающемся со шторами. Вот почему я не заметил ее раньше. Только бледные искорки бриллиантов поблескивали на платье, на тонких обнаженных руках, на распущенных, схваченных золотой диадемой волосах.

Девочка выросла.

Принцесса стала взрослой.

Мы молча смотрели друг на друга. Казалось, принцесса ищет во мне знакомые черты — ее лицо было напряженным, вспоминающим. Потом оно расслабилось.

— Гвардейцы Шоррэя стали позволять себе слишком многое,— мягким, но властным голосом произнесла она.— Пошел вон.

Проклятый трофейный комбинезон...

Я стащил с головы тонкую ткань капюшона. Пригладил ладонью волосы. И сказал:

— В меня можно влюбиться, принцесса.

Она подошла ко мне ближе. Медленно, словно готовясь отпрянуть в любую секунду.

— Я не ждала тебя сегодня...

— Вот и Шоррэй не ждал тоже.

— Я верила, что ты пробьешься.

— Ты позвала, принцесса. Я пришел.

Темно-синие глаза на овальном, покрытом мягким загаром лице. Каштановые волосы, укрывающие обнаженные плечи. Грустная улыбка.

Я узнал тебя сразу, принцесса. А ты меня — нет. И вовсе не из-за черного вражеского комбинезона.

— У тебя есть план действий?

— Иначе я не добрался бы до дворца, принцесса.

— Сколько у нас времени?

Я позволил себе улыбнуться:

— Минус одна минута.

— Значит, будет минус две. Я должна собраться.

В длинном, до пола, облегающем платье далеко не убежишь. Я понимающе кивнул. А принцесса протянула руку:

— Нож.

Отстегнув с пояса кинжал, я осторожно, рукоятью вперед, подал его. Не повышая голоса, принцесса произнесла:

— Дила, костюм для фехтования. Сейчас же.

Быстрым движением она вспорола бархатную ткань платья. Коротко сказала:

— Отвернись. Его слишком долго снимать.

Повернувшись к светящемуся фонтану, я положил ладонь на рукоять пистолета. В любую секунду сюда могли ворваться... За моей спиной шуршала падающая на пол материя. Происходящее казалось бредом, сценой из спектакля абсурда.

Одна из деревянных панелей стены бесшумно повернулась, и из темноты вышла девочка лет семи с большим оранжевым пакетом в руках. Неприязненно посмотрела на меня, увидела принцессу за моей спиной — и слабо вскрикнула.

— Не время для этикета, Дила,— тихо сказала принцесса.— Помоги мне одеться.

— Но...

— Это лорд с планеты Земля, мой жених. Быстрее, Дила!

Девочка скользнула мимо, на ходу доставая из пакета

комбинезон — похожий на мой, но меньшего размера и оранжевый.

Минуту за моей спиной шла тихая возня. Потом принцесса крикнула:

— Лорд!

В ее голосе смешались ужас и отчаяние. Я повернулся, но все же недостаточно быстро.

Полуодетая принцесса торопливо застегивала комбинезон. Сквозь прорезь золотилось обнаженное тело. А из открывшихся в стене дверей выскакивали черные фигуры с плоскостными мечами в руках. В глазах рябило от затачивающих вспышек. Прежде чем я успел среагировать, один из гвардейцев взмахнул рукой, и в мое плечо вонзился нож.

Эрнадо не упоминал про плоскостные ножи. Но они существовали — один из них сейчас медленно вываливался из моей раны. Плечо словно сжали тисками — комбинезон затвердел, сковывая пораженное место.

Не было времени, чтобы подумать о боли, оценить серьезность раны. Я надавил на спуск пистолета и описал стволом короткую дугу.

Веер серебристых дисков накрыл атакующую цепь. Воздух наполнился хором дрожащих от боли голосов. Несколько гвардейцев упали, но пятеро, перепрыгивая через раненых и убитых, ринулись вперед.

Я снова выстрелил. Пистолет выплюнул плоскостной диск, и еще один из гвардейцев умер. Беззвучно — диск вошел ему в лицо.

Но следующего выстрела не последовало. Обойма кончилась, пистолет превратился в бесполезный кусок металла. Перезаряжать его не было времени.

Правой рукой я выхватил из-за спины меч. Попытался достать второй — и не смог. Боль в раненом плече была несильной, но комбинезон все еще сковывал движения.

Следующие секунды превратились в калейдоскоп сменяющих друг друга ударов и обманных движений. Я отступал под слаженным напором четырех вооруженных профессионалов.

Наверное, лишь растерянность от гибели товарищей помешала им прикончить меня в первые же секунды боя. Простейшим приемом мне удалось обрубить меч особенно рьяно нападавшему гвардейцу и слегка задеть кисть другому. Но даже это не вывело их из строя полностью. Вскоре я уже прижимался спиной к стене, отчаянно парируя удары.

Помощь пришла неожиданно. Оттеснив меня от принцессы и Дилы, гвардейцы, похоже, забыли об их существовании. И зря.

Подхватив с пола меч одного из убитых, принцесса атаковала гвардейцев с тыла. Первый же удар оказался гибельным для раненного мной гвардейца. Каким-то уголком сознания я заметил, что принцесса ударила его нарочито незаточенным мечом, достаточно острым, чтобы рассечь комбинезон, но слишком толстым, чтобы рассеченные ткани могли срастись. Воспользовавшись секундным замешательством, я прикончил еще двоих, используя такой же затупленный меч. Последнему, пытавшемуся ретироваться, принцесса метнула в спину выпавший из моей раны кинжал. Заплетающимся шагом, с торчащей между лопаток рукоятью ножа, гвардеец выбежал или, вернее, проковылял в дверь.

Дила сжалась в комочек, закрывая лицо руками. Среди изуродованных, неподвижных тел слабо стонали двое или трое раненых. Мы с принцессой молча смотрели друг на друга. В ярко-оранжевом комбинезоне, с плоскостным мечом в руках, принцесса ничем не походила на недавнюю девушку в длинном бальном платье. Впрочем, на девчонку из ночного парка она походила еще меньше.

— Как ты смог их всех убить? — спросила наконец принцесса.

— Пистолет стреляет плоскостными дисками.

— Я не слышала о таком оружии.

— Это мое... изобретение.

— В тебя действительно стоило влюбиться,— на губах принцессы вдруг дрогнула знакомая улыбка. Словно не было вокруг мертвых врагов, словно не могли вот-вот появиться живые.— Как твоя рука?

В плече тлела ноющая боль. Но мышцы двигались, я снова владел левой рукой.

— Не время думать о ней, принцесса.

— Ты прав. Куда мы должны выбираться?

— На взлетные полосы.

В синих глазах мелькнуло удивление:

— Поле продолжает действовать, мы не сможем взлететь.

— Я знаю.

— Хорошо,— принцесса пожала плечами. И произнесла, обращаясь уже явно не ко мне:

— Всем, кто предан Тару. Всем, кто...— она запнулась, но продолжила,— остался верен императору. Я ухожу из дворца с земным лордом, моим законным женихом. Все, кто может помочь нам,— помогите. Речевой коммуникатор — самоуничтожение.

Под самым потолком вспыхнула и рассыпалась часть деревянной панели.

— Слуги сделают всё, что в их силах,— пояснила принцесса.— Но вызвать их снова я не смогу. Командный коммутатор был настроен на мой голос, нас могли выследить с пульта, пришлось его уничтожить. Идите за мной, лорд.

Мы прошли мимо плачущей Дилы, и принцесса отрывисто сказала:

— Приказ относится и к тебе. Добей раненых и задержи тех, кто придет следом.

Словно бы извиняясь, она добавила:

— Ей редко доводилось видеть смерть. Но она предана только мне и умеет убивать. Шоррэй пожалеет, что оставил живыми моих слуг.

У меня заныло в груди. Нельзя *так* посылать на смерть людей. Никому не дано такого права.

Даже принцессе.

Она что-то сделала с одним из факелов, открыв еще одну потайную дверь. Пояснила:

— Это самый короткий и безопасный путь. Можешь бежать?

Я кивнул. И мы побежали по коридорам, неотличимо одинаковым, всё с теми же фальшивыми факелами. На ходу я перезарядил пистолет второй и последней обоймой. Следовало изготовить больше маленьких дисков, но кто мог знать, что они окажутся столь эффективными...

Принцесса бежала так, словно ей вовсе не мешал плоскостной меч в руках. Повесить его на пояс без ножен было невозможно.

— Тебя шокировал мой приказ? — неожиданно спросила принцесса.

— Да,— коротко ответил я. Появился заметный уклон вниз, бежать стало легче.

— Сражаться за меня — их долг,— твердо сказала принцесса.— Не ты один готов рискнуть жизнью. Знаешь, у нас есть пословица...

— Знаю,— резко оборвал я.— Принцесса стоит смерти.

— Ты не согласен с этим?

— Нет,— неожиданно для самого себя ответил я.— Конечно же нет.

Мы не сговариваясь остановились. Принцесса тихо спросила:

— Так почему же ты здесь, лорд? Почему ты пришел?

— Потому что любовь стоит смерти,— переводя дыхание, ответил я.— Потому что я люблю тебя.

Взяв девушку за плечи, я привлек ее к себе. Посмотрел в глаза. Сказал, чувствуя, что говорю лишнее, но остановиться уже не могу:

— А может быть, я люблю не тебя. Ту девчонку, которая спросила, можно ли в меня влюбиться. Которая еще не умела приказывать ребенку добить раненых. Которая назвала меня сильным и смелым — и заставила стать таким. Вот эту девчонку, которая еще живет в тебе, я и спасаю. Ради нее могу умереть...

Я поцеловал ее в плотно сжатые губы. Одним касанием — так целуют спящих. И на мгновение ее лицо дрогнуло, расслабилось, становясь лицом испуганной девочки из ночного парка. Лишь на мгновение...

— Нам надо спешить, принцесса,— задыхаясь от рвущихся из горла слов, сказал я.— Надо спешить.

И мы побежали дальше — не говоря ни слова, словно забыв происшедшее. Она по-прежнему была девушкой моей мечты — принцесса из чужого, далекого мира. И никто не виноват, что моя мечта не совпала с реальностью.

Коридор заканчивался широкой металлической дверью. На ее стыке с косяком виднелись грубые следы сварки. Там, где раньше был замóк, осталось черное выжженное пятно.

— Руби,— приказала принцесса.

Я поднял плоскостной меч и четырьмя ударами взломал дверь.

2. Аварийный старт

Снаружи было темно. Лишь шелест деревьев да мягкая трава под ногами подсказывали, что мы вышли в сад.

— Почему не горят фонари? — спросил я, озираясь.— Шоррэю следовало бы включить всё, что только способно светиться.

— Я не зря отдавала приказ,— сухо ответила принцесса.— Кто-то из слуг сумел отключить энергостанцию.

Она вдруг подалась ко мне, крепко стиснула руку. И совсем уже другим, извиняющимся голосом сказала:

— Глупо, конечно... Но я с детства боюсь темноты. Извини.

— Все нормально,— я сжал ее ладонь.— Куда нам идти?

— Направо...

Глаза медленно привыкали, я видел уже и деревья, и темную, мертвую громаду дворца. Лишь где-то вдалеке, на самом краю плато, тянулись в небо красные отблески огня.

— Пожар,— спокойно сказала принцесса.— Не самое удачное место — там расположены архивы и библиотека. Но все равно, пусть горит.

Мы шли через сад быстро, но стараясь не шуметь. Несколько раз натыкались на посыпанные песком дорожки, но принцесса упорно сворачивала с них.

— Не заблудимся? — тихо спросил я.

— В этом саду прошло все мое детство.

И на неуловимо короткий миг голос принцессы снова стал знакомым, прежним, тем голосом, что попросил меня ждать, пока она вырастет. Может быть, под этими деревьями и гуляла девочка, вернувшаяся из короткого путешествия на планету Земля.

Деревья расступились, и мы вышли к забору. Низенькому, декоративному, из ажурной металлической решетки, едва достающей мне до пояса. За ним тянулось ровное гладкое поле, покрытое то ли бетоном, то ли оплавленным камнем. Скорее, последнее — видимо, это было основание плато, которое в других местах засыпали плодородной почвой.

Присев у ограды, я вгляделся в темноту. На взлетном поле в кажущемся беспорядке застыли диски боевых катеров и легкие, полупрозрачные тени флаеров. Ротозеи, даже не потрудились убрать машины в ангары... Надеются на нейтрализующее поле.

— Принцесса, где расположен аварийный старт? — негромко спросил я.

Мне показалось, что принцесса вздрогнула:

— Ты собираешься воспользоваться им?

— Другого пути нет.

— За ангарами... Лорд, я не помню, чтобы кто-то, кроме профессиональных пилотов, рискнул стартовать таким путем.

Я не стал спорить, просто перемахнул через забор.

— Пойдемте, принцесса.

Она перепрыгнула следом, не коснувшись моей заботливо протянутой руки. Попросила почти жалобно:

— Лорд, можно воспользоваться туннелями, ведущими на равнину. Там будет охрана, но...

Я молча пошел вперед. Невежливо спорить с девушкой, тем более с принцессой. Проще не оставить для нее возможности выбора.

Ангары были скрыты где-то в глубине скалы. Наружу выходили лишь маленькие бетонные купола лифтовых шахт. Всегда любил округлые здания — они исключают нападение из-за угла. Впрочем, засады здесь не оказалось. Лишь один-единственный часовой, привалившийся спиной к нагретой за день стене купола.

Я заметил его первым. Остановился, прикинул расстояние — для прицельного выстрела из пистолета слишком да-

леко. Вытащил из чехла плоскостной диск и метнул его, почти уверенный в успехе.

На этот раз глазомер меня подвел: диск вошел бы в бетонную стену в нескольких сантиметрах от головы часового. Вот только тот уже поворачивался, выхватывая из ножен меч и поднимая руку к плечу, чтобы активировать комбинезон.

Иногда скверно иметь хороший слух — часовой сам шагнул навстречу летящему диску. Плоскостное лезвие обезглавило его быстрее самого искусного палача. Тело сделало еще несколько шагов и рухнуло. Отсеченная голова покатилась к нашим ногам.

Меня замутило. А принцесса, выронив меч, вцепилась в мои плечи и закричала. Он давно уже рвался из ее груди, этот крик. С того самого дня, когда на турнире женихов победил Шоррэй. С того часа, когда планета была захвачена его войсками. С той минуты, когда в гостевом зале разыгралось кровавое побоище. С той секунды, когда она узнала, что нам придется пройти через неведомый мне ужас аварийного старта.

Она плакала, прижавшись к моему плечу,— повелительница целой планеты, умеющая посылать на смерть тысячи людей, но никогда не видевшая настоящей смерти. Не той, которая приходит в честном поединке на плоскостных мечах, когда самые страшные раны скрываются под мгновенно зарастающими комбинезонами. Такая смерть была привычной в ее мире — прячущаяся под чистыми одеждами, фальшивая, как факелы на стенах. На плоскостных мечах никогда не оставалось даже капли крови.

А теперь смерть предстала перед ней в своем истинном облике, с хлещущей из перебитых артерий кровью. Может быть, она была первой из принцесс, увидевшей, *чего* она стоит.

Я обнял ее, по-настоящему, мягко и сильно, забывая и про боль в раненом плече, и про неумолимо уходящее время. Прошептал, зарываясь лицом в мягкие волосы:

— Он убил бы нас, если бы смог, принцесса. Не стоит его жалеть.

— Но так не убивают...

— Он умер сразу. Он не успел ничего почувствовать.

Принцесса помолчала. Потом сказала, высвобождаясь из моих рук:

— Это пройдет, сейчас пройдет. Я веду себя как истеричка, мне стыдно за себя...

— А я стал гордиться тобой, принцесса.

Стараясь не смотреть вниз, принцесса прошла мимо мертвого тела. Махнула рукой:

— Вот он, аварийный старт. Наверное, его и охранял... этот несчастный.

Я подошел к принцессе.

На первый взгляд аварийный старт не выглядел устрашающим. Просто в ровном посадочном поле возникал небольшой уклон, градусов в пять, не больше. Искусственное ущелье, плавно уходящее в темноту. Ширина дорожки была метров семь-восемь, вполне достаточно даже для катера, не говоря уже о флаере. Конечно, метров через двадцать аварийный старт будет напоминать пробитую в камне траншею, и возникнет реальная опасность налететь на поднимающиеся с боков стены. Но ведь управлять будет автопилот...

— Помогите мне, принцесса,— сказал я.— Надо подкатить сюда какой-нибудь флаер.

Метрах в сорока от нас стояла подходящая с виду машина. Она была даже меньше той, на которой я прибыл, и казалась достаточно легкой для задуманного. Вдвоем мы довольно легко сдвинули флаер с места и покатили к аварийному старту.

— Ты хорошо управляешь флаером? — озабоченно спросила принцесса.

— Я хорошо управляю велосипедом,— хмуро ответил я. Слово «велосипед» я произнес по-русски, похоже, в языке Тара не оказалось аналогов. Конечно, здорово было бы спасти принцессу, самому управляя летательным аппаратом. Но увы, в секцию планеризма я не ходил, а в армии нас учили пользоваться только парашютом.— В этом флаере есть автопилот, принцесса?

— Конечно. А программный диск у тебя есть?

— Да.

Мы поставили флаер у самой кромки наклонной дорожки. Советы Эрнадо не подвели — я легко нашел замок и открыл колпак кабины. Принцесса молча забралась внутрь, склонилась над пультом. Через секунду кабина осветилась.

— Программный диск,— требовательно сказала девушка.

Я протянул ей диск с номером два, обернулся и последний раз взглянул на плато Сломанного Клыка. Было тихо, удивительно тихо для места, где сейчас шла отчаянная охота за нами. Лишь вдалеке все сильнее и сильнее разгорался пожар.

Навалившись на борт флаера, я выкатил его на дорожку аварийного старта. Почувствовал, как машина дрогнула, медленно заскользила вниз. И запрыгнул в кабину.

В задачу аварийного старта явно не входил быстрый разгон. Мы успели устроиться в креслах и проверить приборы, прежде чем скорость стала ощутимой.

— Во флаере почти нет горючего,— озабоченно сказала принцесса.

— Оно и не понадобится,— откликнулся я, включая в своем комбинезоне режим медицинской помощи. Ниже поясницы сразу же ощутимо защипало. Потом заколoло в плече. Ощущение было не из приятных.

По бокам флаера все быстрее и быстрее мелькали каменные стены. Спуск становился круче.

— Никогда не доверяла автопилотам,— тоскливо призналась принцесса. Мы сидели рядом, в маленькой кабине было лишь два узких кресла. Перед нами, над пультом, светился неизменный видеокуб. Масштаб был крупным — дорожка аварийного старта, по которой ползла зеленая точка нашего флаера, виднелась вполне отчетливо.

— Что поделаешь, принцесса,— вглядываясь в изображение, сказал я.— К сожалению, я не пилот... и даже не навигатор. В межзвездных гонках не участвовал.

Принцесса быстро взглянула на меня:

— Что тебе известно о Праттере, лорд?

Мысленно я выругал себя за излишне длинный язык. О несостоявшемся муже принцессы я не знал почти ничего... даже имя его услышал впервые. Но отступать было поздно.

— Только то, что он трус, принцесса.

Изображение в видеокубе менялось все быстрее. Был виден уже и край плато, обрывающийся в пропасть. Но аварийный спуск там не кончался!

— Он не трус! Не смей говорить о нем такие...

Кресла синхронно сжались, захватывая нас в тугие объятия, перехватывая дыхание, прерывая разговор. Плато кончилось. А дорожка аварийного старта продолжалась, опускаясь вниз под углом, немногим отличающимся от прямого. Сердце комком подскочило к горлу. Мы падали, флаер несся, едва касаясь колесами гладкой как стекло поверхности. А в видеокубе я видел то, что нас ожидало. Крутой изгиб дорожки, в полукилометре ниже уровня плато. Опять горизонтальный участок. И короткий трамплин, задранный в небо. Аварийный старт вовсе не походил на «дорожку, обрывающуюся в пропасть», как говорил Эрнадо. Это была сложнейшая, рассчитанная на компьютерах конструкция, траектория которой сообщала машине максимальное ускорение. Перегрузки, которым при этом подвергались пассажиры, похоже, не брались в расчет...

— Держитесь, принцесса...— прошептал я, глядя на надвигающуюся дугу поворота. Мы не слетали с почти отвесной дорожки лишь потому, что крылья флаера развернулись и набегающий воздух прижимал нас к ней.— Держитесь.

Мы висели в креслах лицами вниз, глядя как приближается роковой изгиб аварийного старта. Я успел еще подумать о том, что перегрузки в направлении «грудь-спина» переносятся довольно неплохо...

В следующее мгновение навалившаяся тяжесть лишила меня способности о чем-либо думать.

Все тело болело. По лицу текла какая-то жидкость, и соленый вкус на губах подсказывал, что это кровь. В глазах, когда их наконец удалось открыть, плавал густой черный туман.

Но я был жив. И флаер не превратился в груду обломков на дне пропасти — легкое покачивание свидетельствовало о том, что он летит.

Очень медленно в глазах прояснилось. Под лопаткой и в пояснице покалывало — это, похоже, старались инъекторы комбинезона, до сих пор работающего в медицинском режиме.

Вначале я увидел бледное свечение видеокуба. Мы медленно плыли в розовой полусфере нейтрализующего поля, удаляясь от Сломанного Клыка. Значит, я отключился буквально на несколько секунд.

Превозмогая боль, я повернул голову и взглянул на принцессу. Почувствовав движение, кресло расслабилось, отпуская меня.

На губах принцессы темнела кровь. Лицо усеяли красные пятнышки лопнувших сосудов. Тело бессильно обмякло.

Дрожащей рукой я потянулся к ее плечу. Есть ли в фехтовальном костюме медицинский режим, как в боевом комбинезоне? Слава богу, управляющие огоньки оказались такими же, как у меня. Я коснулся светящейся желтым точки — никакого эффекта не последовало. А контрольные датчики тревожно разгорались красным.

Я застонал от собственного бессилия. И, повинуясь скорее наитию, чем оформившейся мысли, взял руку принцессы и коснулся управляющей точки ее пальцем. Огонек мгновенно стал зеленым.

Я откинулся в кресле, не выпуская слабых безвольных пальцев. Когда-то они касались моего лица, заставляя отступать боль. Я не способен на такие маленькие чудеса, принцесса. Все что в моих силах, это стереть с твоих губ кровь и прижать ко лбу холодную ладонь. А еще — сказать тебе, когда ты очнешься, что и с разукрашенным перегрузкой лицом ты остаешься самой красивой девушкой во Вселенной.

Принцесса поморщилась. Видимо, комбинезон вколол ей

очередную дозу лекарств. Шевельнулась, прижимаясь к моей ладони. И прошептала:

— Спасибо, Праттер... Уже лучше.

— Я не Праттер,— совершенно спокойно ответил я.— Я лорд с планеты Земля, твой ритуальный жених, с которым ты до сих пор не удосужилась познакомиться.

— Прости. Как тебя зовут?

— Сергей. Можно Серж.

— Лучше Сергей. Это необычнее звучит...

Она открыла глаза. И смешно насупилась.

— Я кошмарно выгляжу, да? Перегрузка была не меньше десяти единиц...

— Ты прекрасна, принцесса. А эта красная сыпь пройдет.

— Значит, точно была десятка. И глаза у меня сейчас алые, как у тебя.

Я кивнул. Если глаза у меня такие же красные, как у принцессы, то я могу без малейшего грима сыграть вампира в фильме ужасов. Ох и досталось же нашим сосудам...

— Мы летим нормально, Сергей?

Я посмотрел на автопилот. Контрольное табло светилось зеленым.

— Да.

— Повезло. Я боялась, что флаер рассыплется. Эти машины не рассчитаны на подобные трюки. В них нет гравитационных компенсаторов, как в боевых кораблях. А куда мы направляемся?

— На базу императорских ВВС.

— Она разрушена.

— Это не важно. Мой наставник все рассчитал.

— Если мы спасемся, он станет командовать армией,— твердо сказала принцесса.

От сержанта — до главнокомандующего? Мог ли Эрнадо представить такую карьеру? Я вспомнил неравный бой на подступах к дворцу. И опустил глаза.

— Ему уже не принять этой награды, принцесса.

3. Проигранный поединок

Флаер не подвел. Нам пришлось поволноваться перед самой посадкой, когда снижающаяся машина неслась в двух-трех метрах над гребнями скал. Датчики автопилота нервно светились красным, а кресла стали сжимать нас, страхуя от удара. Но флаер перелетел через скалы и начал планировать в широкую горную долину.

Мы могли наблюдать за происходящим лишь по видеокубу. Звездный свет скорее сгущал темноту, чем боролся с нею, а безотказного фонаря луны у планеты не было. Но, может быть, это оказалось и к лучшему — наши нервы избавились от лишнего испытания на прочность.

База пострадала меньше, чем я предполагал. Почти все здания выглядели целыми, во всяком случае в видеокубе, а на огромном взлетно-посадочном поле виднелись лишь две небольшие воронки от взрывов.

— Базу захватили десантные отряды Шоррэя,— словно угадав мою мысль, сказала принцесса.— Большинство машин, вероятно, в порядке.

— А охрану они оставили?

— Два-три человека должны быть,— неуверенно ответила принцесса.— Одолжи мне один меч, Сергей. У тебя лучше получается сражаться с помощью пистолета.

Проглотив обидное замечание, я кивнул. В конце концов я взял меч в руки всего два дня назад.

Флаер коснулся ровной как стол поверхности посадочного поля и покатился, плавно гася скорость. Крылья развернулись под прямым углом, превратившись в аэродинамический тормоз. По дисплею автопилота пробежали слова: «Конец программы».

Привстав в кресле, я отстегнул правую перевязь с мечом, протянул ее принцессе. Предупредил:

— На мече нестандартное расположение затачивающей кнопки — на боковой части рукояти. Учитывайте это, принцесса.

— Хорошо. Сергей, может быть, стоит воспользоваться этим же флаером? Он выдержал аварийный старт без всяких повреждений, а искать другую исправную машину — лишний риск.

— Чья скорость выше — боевого катера или флаера? Я имею в виду нормальный полет, с включенным двигателем.

— Конечно же катер быстрее.

— Значит, нам нужен катер. Притом во флаере нет горючего.

Принцесса кивнула — неохотно, словно не до конца соглашаясь с моими доводами. А потом улыбнулась:

— Ты прав. В катере есть компенсатор перегрузок, старт окажется гораздо легче. А граница нейтрализующего поля всего в километре отсюда.

Флаер остановился. Я открыл люк, выбрался наружу. Свет из кабины давал возможность видеть метров на шесть-семь вокруг. В основном приходилось полагаться на слух.

Тишина. Слабое дуновение ветра, шорохи из кабины флаера.

— Всё в порядке,— уверенно сказал я.

Принцесса выбралась наружу:

— Я искала неприкосновенный комплект, там должны быть фонари, но... Сергей!

Я прыгнул в сторону, выхватывая меч. Господи, скоро это движение станет у меня автоматическим, на любой резкий звук. И, наверное, будет спасать жизнь, как сейчас.

Там, где я только что стоял, сверкнуло лезвие плоскостного меча. Затачивающая вспышка — я увидел невысокую фигурку противника. Он бросился в новую атаку.

— Бегите, принцесса! — крикнул я, вставая в оборонительную позицию. Доставать пистолет не было времени.— Бегите!

Нападающий вдруг замер. Повернулся к принцессе — она и не думала бежать, а доставала из ножен меч. Растерянно воскликнул:

— Принцесса?

Девушка выпрямилась, ее меч скользнул обратно в ножны. Холодно произнесла:

— Да. Полагаю, меня трудно узнать после аварийного старта. Но это я.

Человек рухнул на колени. Именно рухнул как подкошенный. Бросил перед собой жалобно звякнувший меч. Сказал тонким, ломающимся голосом:

— Мой меч, моя кровь, моя честь — у ваших ног.

Не выпуская оружия, я подошел ближе. Похоже, драка не состоится.

— Кто ты? — Голос принцессы оставался таким же надменным и повелительным.

— Ланс Дари, курсант второй летной школы,— с оттенком гордости ответил юноша. Пожалуй, ему было лет семнадцать...

— Ты из славного рода,— задумчиво произнесла принцесса.— И должен знать, каково наказание за нападение на члена императорской семьи. Пусть даже неумышленное...

— Смерть,— твердо сказал юноша.— Я знаю и...

— Подожди! К счастью, ты напал не на меня, а на лорда с планеты Земля. Он мой жених, но еще не успел стать мужем. Твоя жизнь в его руках.

Юноша поднялся с колен и подошел ко мне. Похоже, в обращении с земным лордом представитель славного рода был посмелее. Однако голос его оставался почтительным и покорным:

— Моя кровь — ваша, лорд. Я виновен и признаю это.

Я с любопытством рассматривал Ланса. На нем не было защитного комбинезона, лишь обтягивающий тело костюм из черной кожи с какими-то нашивками. Волосы перехватывала тонкая белая лента, расшитая медно-красной нитью. А с предполагаемого возраста смело можно было сбросить еще год. Совсем мальчишка. Однако гордый — мне он предоставил право распоряжаться лишь его жизнью. Меч и честь остались принцессе.

Улыбнувшись, я коснулся его плеча. Сказал:

— Кровь оставь себе. Меч подбери — он еще послужит принцессе. А честь с тобой, похоже, всегда.

Принцесса удивленно и вместе с тем одобрительно взглянула на меня. Похоже, мой витиеватый ответ вполне укладывался в правила этикета.

А юноша кивнул, словно соглашаясь с моими словами. И произнес:

— После императора и принцессы мой меч готов сражаться за вас.

— Меч немного стоит без верных и твердых рук,— задумчиво сказала принцесса.— Но почему ты не упомянул своего отца?

— Полковник Дари погиб, защищая базу.

Мне показалось, что в глазах парнишки блеснули слезы. Но голос даже не дрогнул.

— Он с честью прошел свой путь. На базе есть вражеские солдаты?

— Уже нет. Были пять рядовых и офицер.

— Где они?

— На дне пропасти.

— Ты убил их один?

— Да. Троих в честном бою, троих из-за угла. Они не заслужили и такой смерти.

— Как получилось, что ты выжил при захвате базы? — продолжала допрос принцесса.

— Я сидел на гауптвахте. Меня не нашли, а сам я выбрался лишь через сутки,— с горечью ответил Ланс.

— За что ты попал под арест?

— Дуэль.

Я почувствовал странную смесь уважения и зависти. Этот родовитый мальчишка владел оружием куда лучше меня. Неудивительно, но обидно.

— Ланс, нам необходимо вывести катер на аварийный старт. На посадочном поле есть исправные машины?

— Возле аварийного старта стоит катер гиарских гвардейцев. Он в полном порядке, но я не рискнул взлететь. У меня нет навыка аварийного старта.

Мы с принцессой обрадованно переглянулись.

— Такой навык мало кто имеет,— согласно кивнула принцесса.— Но он и не потребуется. У нас есть программа для автопилота.

Ланс покачал головой:

— Принцесса, программа не поможет. Их автопилоты имеют другую кодировку сигналов, хотя само управление и схоже.

— Тогда нужен катер нашей армии.

— Исправные катера есть на третьей и четвертой взлетных полосах,— Ланс с сомнением посмотрел на меня.— Но мы вдвоем с лордом подкатим его к старту только минут через сорок.

— Втроем,— возразила принцесса.

— Тогда минут за тридцать.

— Ничего страшного. Даже если генератор поля был отключен сразу при появлении лорда, потребуется еще не меньше часа, чтобы нейтрализующее поле рассеялось. У нас есть время.

Ланс кивнул:

— Хорошо, принцесса. Пойдемте к катеру.

Парнишка шел первым, указывая дорогу. За ним принцесса, последним плелся я. Что-то во мне протестовало против происходящего. Я скорее был согласен довериться мастерству Ланса в управлении катером, чем толкать полкилометра огромный тяжелый диск. Может быть, так сказывалось раздражение на парнишку, при котором принцесса снова стала властной и волевой повелительницей? Или же — самая обычная лень?

...Мускульные усилители комбинезонов помогали нам недолго. Метров сто мы с принцессой протащили катер, не затрачивая ни малейших усилий. Потом в батареях кончился заряд, и к нам присоединился Ланс. Увы, замену трудно было назвать равноценной. Драться парнишка умел, а вот сил у него было немного.

Мы прошли почти полпути, затратив на это минут двадцать и ориентируясь лишь по светящейся в стороне кабине нашего флаера. Потом принцесса взмолилась:

— Надо остановиться и передохнуть. Я больше не могу.

— Нам не хватит сил сдвинуть катер с места,— пробормотал я, напирая на гладкий металлический борт.— Проще толкать движущуюся машину, чем снова ее разгонять...

— Мы отдохнем минут пять,— предложил Ланс, поглядывая на принцессу.— За это время батареи комбинезонов

накопят чуть-чуть энергии, и вы сможете снова разогнать катер.

Я почувствовал, как потяжелел груз. Принцесса, а вслед за ней и Ланс больше не толкали его. Несколько секунд я пытался катить многотонный катер в одиночку, затем остановился. Молча лег на теплый бетон. Принцесса присела рядом. Ланс остался стоять.

— У вас красивое небо, принцесса,— тихо сказал я, глядя вверх.— Очень много звезд.

— Ты недоволен, что мы остановились, лорд?

— Когда убегаешь, нельзя думать об отдыхе. Впрочем, я тоже устал, принцесса. Возможно, ты и права.

Ланс ошарашенно смотрел на нас. Принцесса небрежно произнесла в его сторону:

— Не обращай внимания на эту маленькую семейную ссору. Лорд имеет право спорить со мной.

— Да, принцесса.

Я постарался расслабиться, каждой клеточкой тела вбирая в себя мгновения отдыха. Чистые огоньки звезд и порывы прохладного ветра. Темный силуэт катера и фигуру прислонившегося к нему Ланса. Усталое дыхание девушки и далекий приближающийся свист...

— Что это за звук, Ланс?!

Вскочив на ноги, я вглядывался в сторону усиливающегося свиста. Мигнула звезда, на мгновение заслоненная скользящей в воздухе тенью. Еще одна, куда ниже над горизонтом.

— Это флаер,— растерянно произнес Ланс.— Флаер, который садится с выключенным двигателем.

Принцесса коснулась моей руки. И сказала — голос ее ощутимо дрожал:

— Кто-то рискнул пойти по нашему пути. Только один человек мог решиться на аварийный старт без подготовки.

— Шоррэй,— не колеблясь сказал я.— Только он, я знаю. Мы зря полагались на нейтрализующее поле.

Наверное, я ждал этого. Слишком легко все получилось. А принцесс так просто не похищают.

Скорее всего за это придется расплачиваться. Мне.

— Мы можем укрыться в помещениях базы,— предложил Ланс.— Я знаю все переходы и тайники, нас не найдут.

— Нас не найдет Шоррэй. Но через час поле исчезнет, и все здесь будет прочесано его солдатами.

Принцесса повернулась ко мне, тихо сказала:

— Мы проиграли, лорд. Спасибо, что пытался помочь.

— Почему проиграли? — Я почувствовал, как меня ох-

ватывает ярость.— Во флаере не может быть много солдат, мы примем бой!

— Там не будет солдат,— мягко возразила принцесса.— Шоррэй прилетит один. Но ни ты, ни Ланс, ни мы трое, ни взвод лучших бойцов планеты не смогут победить его.

— Почему?

— Он лучший мастер меча во Вселенной,— просто сказала принцесса.— Некоторые считают, что он,— принцесса попыталась улыбнуться,— не совсем человек. Шоррэй подлец и негодяй, но он — лучший меч мира.

Ланс неотрывно смотрел на нас. Я повернулся к парнишке:

— И что ты скажешь, курсант Ланс Дари?

Парнишка упрямо произнес:

— Моя кровь, мой меч, моя честь — ваши.

Я снова посмотрел на принцессу. Привлек к себе, заглядывая в синие, как земное небо, глаза. Он останется со мной в этой чужой ночи, кусочек земного неба.

— Помнишь, что я сказал тебе во дворце? — спросил я. И почувствовал, как дрогнула в моем голосе предательская, прощальная нежность.— Любовь стоит смерти, принцесса. Я люблю тебя. Я любил тебя всегда.

Метрах в десяти от нас послышался грохот. Шоррэй не собирался тратить время на долгий пробег флаера по гладкой посадочной дорожке. Он заставил свою машину сложить крылья и рухнуть рядом с нами.

Отступив от принцессы на шаг, я смотрел, как сминаются под тяжестью флаера крылья-амортизаторы, как открывается люк, как выпрыгивает на бетон высокий широкоплечий мужчина, одетый в белый, светящийся неярким матовым светом комбинезон. Черт побери, да он же ко всему еще и позер! Меч в ярко-алых ножнах, раза в полтора больше обычного, длинные светлые волосы, лежащие в кажущемся беспорядке, твердый уверенный шаг... Голливудский режиссер продал бы свою бессмертную душу за право снять его в очередном боевике. И вряд ли бы прогадал.

Шоррэй приблизился, и я шагнул вперед. Но он словно не замечал меня. Заговорил — и голос, слышанный мной лишь по радио, оказался под стать внешности. Мягкий, но одновременно сильный, почти гипнотический...

— Я рад, что застал вас здесь. Не стоит переносить наш маленький спор на территорию Храма. Ведь вы собирались туда, принцесса?

Она молчала. Ответил я, тщетно пытаясь придать своему голосу то же спокойствие:

— Не пытайся нас остановить, Шоррэй. Тебе это не под силу.

Он впервые посмотрел на меня. Снисходительно улыбнулся:

— Итак, ты и есть земной лорд. Дружная компания: моя будущая жена, самоуверенный дикарь и перепуганный мальчишка. Кстати, он может уйти. Я не люблю убивать детей.

Ланс метнулся вперед. Воскликнул — и в голосе его звучала ненависть:

— Ты оскорбил меня! Твои солдаты убили моего отца! Ты угрожал императору и принцессе! Я вызываю тебя на поединок!

Наверное, я должен был остановить парнишку. Но я не успевал. Он шел на Шоррэя с мечом в руках, и тот лишь пожал плечами:

— Каждый выбирает свой путь сам, мальчик...

Он выхватил меч так быстро, что я не успел заметить этого движения. Вспыхнули огни затачивающего поля. Ланс нанес удар — стремительный, великолепный удар по незащищенным ногам Шоррэя... И закричал от боли.

Я не хотел бы снова увидеть *такое*. Вслед за принцессой мне хотелось воскликнуть, что так убивать нельзя. Даже за пределами добра и морали есть свои границы, которые не дано преступать.

Шоррэй не стал уклоняться или парировать удар. Невероятным по быстроте движением он ударил сам — и отсек Лансу кисть. Меч, который продолжали сжимать тонкие мальчишеские пальцы, упал на бетон. А Шоррэй продолжал бить. По рукам, каждым ударом отсекая несколько сантиметров живой плоти. Его меч вращался, как резец в токарном станке, стачивая руки парнишке до самых плеч. Бетон покрылся брызгами крови, через мгновение слившимися в темные лужицы. Потом Ланс упал. Он был мертв, еще продолжая стоять,— его убила боль, которую не в состоянии вынести человек.

А Шоррэй, включив на миг заточку меча, опустил его в ножны. Задумчиво произнес:

— Он выбрал свой путь и умер с чистой совестью. Не всем дана такая смерть.

Мы молчали. Лицо принцессы было белым как мел, удивительно, что она еще держалась на ногах.

— Вам стоит отвернуться, принцесса,— ласково сказал Шоррэй.— К чему видеть все эти сцены? Аварийный старт и так не пошел на пользу вашей красоте.

Самому Шоррэю перегрузки при старте, похоже, не

причинили вреда. Я достал плоскостной диск. Прошептал самому себе:

— Ты умрешь. Ты должен теперь умереть...

И метнул в Шоррэя свой безотказный снаряд.

Шоррэй взмахнул рукой — словно отгонял назойливую муху. И диск оказался прочно зажатым в его пальцах.

— Варварское, чудовищное оружие,— печально произнес он.— Год назад я казнил троих ученых, предложивших подобное. Нельзя сводить искусство владения оружием к коварным броскам из-за угла. Но ты ввел его в обиход — и это твоя вина. Правда, ты умен и смел — а это твое оправдание.

Плоскостной диск вонзился в борт катера.

— Я убью тебя честно, мечом,— продолжил Шоррэй.— Принцесса, вы свидетель, что я соблюдаю правила поединка. В отличие от лорда.

Он неторопливо шел ко мне. А я отступал — ноги сами несли меня назад.

— Поединка не будет,— доставая пистолет, сказал я.— Будет казнь — ты заслужил ее.

Пистолет дрогнул, отзываясь на нажатие курка. И выстрелил серией крошечных плоскостных дисков, всей обоймой. Двадцать четыре маленькие, несущиеся рассеивающимся облачком, смерти...

Фигура Шоррэя словно размазалась, потеряла свои очертания. Как будто запись и без того быстрого танца прокрутили с двойным или тройным ускорением. Мне показалось, что диски нашли свою цель, что я вижу предсмертную агонию, судороги разрываемого на части тела. Но Шоррэй выпрямился и озабоченно посмотрел на свое плечо.

— Ты сделал мне больно,— обиженно сообщил он.— Один диск зацепил комбинезон и надорвал мышцу.

— Ты не человек,— прошептал я, отбрасывая пистолет.— Машина, боевой робот...

— Роботы не правят мирами. Я человек — такой, каким он должен быть. Гены, создавшие это мое тело, собраны у тысяч людей. Я идеальный человек.

— Значит, я ненавижу идеальных людей,— сказал я, останавливаясь. Отступать не было смысла. Снова заныло раненое плечо. Смешно — я ранил Шоррэя в то же место...

— Это ничего не меняет. Доставай свой меч, лорд с планеты, которой нет.

Как загипнотизированный, я достал меч. Странная фраза Шоррэя кольнула сознание — и исчезла. Я проиграл...

— Каждого ожидает свой конец,— неторопливо рассуждал Шоррэй, приближаясь.— Ты умрешь красиво и без му-

чений. Об этом поединке узнают многие — и подтвердят мою правоту. Я знал, как ты закончишь свою жизнь, еще до твоего появления. Все нужно решать заранее. Защищайся, лорд.

Наши мечи столкнулись. Я дрался как автомат, механически повторяя защитные приемы начального курса. А меч в руках Шоррэя словно танцевал, едва касаясь моего клинка. Лишь через минуту я понял, что он делает.

Обрубает по сантиметру мой меч. Укорачивает его. Превращает в оструганный, как карандаш, огрызок.

В бессильной ярости я провел атаку — сложный комплекс ударов из заключительной части обучения. Мой меч укоротился сразу наполовину.

Шоррэй одобрительно кивнул:

— Ты знаешь больше, чем я думал. И мог бы стать интересным соперником... со временем. Что ж, правила поединка исполнены. Пора...

— Стой! — Я едва узнал голос принцессы.— Стой, Шоррэй! Правила поединка требуют от сильнейшего задать последний вопрос!

— Зачем мне сейчас правила, принцесса?

Голос девушки стал совсем тусклым, бесцветным:

— Неужели тебе совсем безразлично мое отношение, Шоррэй?

Тот задумчиво посмотрел на принцессу. И сказал с легким учтивым кивком:

— Хорошо, принцесса. Я согласен. Лорд с планеты Земля, ты проиграл поединок. Согласен ли ты отказаться от своих прав и провести остаток жизни в изгнании — в своем мире, без права покинуть его?

Я увидел, как дрогнули губы принцессы. Она прошептала, и я разобрал слова: «Соглашайся, лорд».

Шоррэй ждал, с любопытством разглядывая меня. Он не спешил. Он мог позволить себе многое — в том числе и помилование незадачливого соперника. У него на руках были все карты, а у меня...

По телу прошла холодная дрожь. У меня оставался последний козырь. Оружие Сеятелей. Хрустальные цилиндрики в кармане комбинезона.

— Шоррэй, ты помнишь, что я сказал твоим патрульным, прорываясь во дворец?

— Я ничего не забываю, игрушечный лорд. Ты сказал, что должен доставить оружие Сеятелей.

Неторопливо, стараясь, чтобы движение не выглядело угрожающим, я достал из кармана хрустальный цилиндрик. Сжал его в пальцах. И сказал, выделяя каждое слово:

— Я не соврал, Шоррэй. Оружие Сеятелей в моих руках. Пропусти нас с принцессой — или умри.

Его взгляд, цепкий, почти физически ощутимый, остановился на тонком хрустальном «карандашике». На мгновение лицо стало напряженным, затем расслабилось.

— Ты блефуешь, лорд,— презрительно сказал Шоррэй.— Оружие Сеятелей ушло вместе с ними. А то, что осталось, не могло попасть в руки дикаря. Ты слышал мое предложение — отвечай.

Я посмотрел на принцессу. Эрнадо говорил, что оружие Сеятелей способно разрушить город или планету. Уцелеет ли девушка, стоящая в десяти метрах от нас? Имею ли я право подвергать ее смертельному риску?

Принцесса стала осторожно доставать меч из ножен. Едва уловимо кивнула. Она решила, что я тяну время! И собиралась напасть на Шоррэя сзади...

Любовь стоит смерти.

— Я не откажусь от своих прав, Шоррэй.

Сжав пальцы, я попытался переломить тонкий цилиндрик. И не смог. Это было не легче, чем согнуть стальной стержень.

— Тогда умри, дикарь.

Продолжая сжимать непокорный цилиндрик, я поднял обломок меча — в отчаянной попытке защититься. А Шоррэй начал атаку. Красивый, рассчитанный до миллиметра удар, явно вполсилы, в треть доступной ему скорости. Так, чтобы я не успел ничего предпринять, но в полной мере испытал бессильный ужас перед надвигающимся клинком. Я даже вспомнил этот удар — один из эффективнейших, хотя и опасных в исполнении приемов высшего разряда сложности. Удар, проникающий в сердце, которое не способно остановиться на пару секунд и выждать, пока «склеются» рассеченные плоскостным мечом ткани. Удар, достойный мастера... Описав короткую дугу, меч Шоррэя срезал по самый эфес жалкие остатки моего клинка. И устремился к груди. Я увидел, как узкое лезвие касается моего комбинезона.

Но в это мгновение хрустальный цилиндрик сломался. Легко, словно самый обыкновенный карандаш. Оружие Сеятелей само решало, когда необходимо действовать...

И наступила темнота.

4. Похищение принцессы — дубль два

Это было похоже на гиперпространственный прыжок. Вот только ни фонтана ярких красок, ни пьянящей легкости, ни беспричинной эйфории. Наоборот. Сознание словно

задернулось туманом. Я не мог думать, не мог даже испугаться или удивиться, и чужой, равнодушный, безликий голос, звучащий из глубины моего разума, не вызывал ни малейшей реакции.

— *Темпоральная граната активирована. Вы в безопасности.*

Я летел сквозь темноту. Не было ни малейшего движения в окружавших меня тишине и покое. Я не ощущал своего тела, но чувствовал стремительное падение. Темпоральная граната — вот как называется хрустальный цилиндрик. Интересно.

— *Применение мотивировано, опасность первой степени, рекомендуется возвращение к третьему узловому моменту...*

Какое забавное оружие. Оно может давать советы. Что ж, ему виднее. Сеятели умели воевать.

— *Решение принято.*

Темнота исчезла. Я снова стал самим собой и стоял у открытого подземного ангара рядом с Эрнадо.

Багровое солнце опускалось за горизонт. Небо было черным, как расплавленная смола. Красные отблески играли на прозрачном корпусе флаера, на серой броне боевого катера.

— В пустыне часто бывают пыльные бури,— сказал Эрнадо.— Но сюда ветер доберется не скоро.

Сознание работало четко, как никогда. Я помнил все, что случилось со мной до того момента, когда темпоральная граната Сеятелей откинула меня в прошлое. А вот Эрнадо явно ничего не помнил. Для него, как и для принцессы, Шоррэя, Ланса, всех находящихся на планете — или во всей Вселенной? — людей ничего еще не произошло. Эрнадо не прикрывал мой прорыв во дворец, гвардейцы не падали под выстрелами пистолета, принцесса не плакала на моем плече, курсант Ланс не умер страшной смертью. И клинок Шоррэя не касался моей груди, чтобы пронзить сердце.

Оружие, которое не убивает. Последний козырь, возможность переиграть проигранный поединок. Хрустальный карандаш, зачеркивающий все ошибки.

— Если флаер заденут и горючее вспыхнет, я неплохо поджарюсь.

Это был мой голос. Я произнес те же слова, что и в прошлый раз. Губы шевелились сами помимо моей воли.

Меня охватил ужас. Неужели я обречен на повторение пройденного пути? Вынужден говорить и делать то же, что и тогда?

Эрнадо протянул мне программные диски. Я взял их, опустил в карман... и напрягся, останавливая опускающуюся руку.

Вначале это было трудно. Словно я растягивал упругую резиновую пленку, сковавшую все тело, или двигался сквозь густую жидкость. Затем напряжение исчезло. Я снова владел своим телом.

Тронув карман комбинезона, где лежали темпоральные гранаты, я нащупал лишь один цилиндрик. Все правильно, так и должно быть.

— Стартуем? Тебе лучше бы попасть во дворец до темноты.

Я молча протянул ему руку. Снова автоматически, не прилагая к тому ни малейшего усилия. Страха это уже не вызвало, я понял, что в любой момент могу подчинить тело собственной воле, вырваться из потока происшедших когда-то событий. Осталось лишь недоумение — зачем Сеятели предусмотрели такую заданность, странный автопилот, выйти из-под влияния которого стоило немалых усилий... Впрочем, ответ напрашивался сам собой. Преодолимая заданность моих поступков позволяла сохранять неизменными все удачные действия, начиная с неведомых мне самому слов и жестов, заставивших Эрнадо изменить решение скрыться с планеты, и кончая меткими выстрелами в нападающих гвардейцев. Я словно бы превратился в стороннего наблюдателя в собственном теле. И мог брать на себя управление лишь тогда, когда это становилось действительно необходимым. Например, чтобы убраться с авиабазы раньше Шоррэя. Или успеть увернуться от брошенного в меня ножа... Сейчас плечо не болело, и я не сомневался, что рана бесследно исчезла в момент временно́го скачка. Но воспоминание о пережитой боли оставалось более чем неприятным.

Размышляя, я забрался в кабину флаера, поудобнее устроился в кресле. Услышал голос Эрнадо:

— Включай автопилот.

Коснувшись желтой пластины, я улыбнулся. Собственной улыбкой, которой не было раньше. На автопилоте пойдет к цели не только флаер, но и его пилот. Удобную вещь создали Сеятели. Странно, как легко я поверил в их оружие, а оружие — признало меня.

— Ты уже летишь, Серж.

Конечно, лечу. И ты полетишь со мной, даже если еще и сам об этом не догадываешься.

— Еще раз удачи, лорд.

Меня вдруг охватил стыд. Какой же я подлец, какая не-

благодарная свинья! Я попаду во дворец, а Эрнадо погибнет в неравном поединке! Надо предупредить его, надо...

— Еще раз спасибо, учитель.

Предупредить? Осторожности Эрнадо не занимать и без моих советов. Запретить появляться у дворца? Тогда я погибну под выстрелами патрульных катеров. Выхода не было. Темпоральная граната давала вторую попытку — но лишь своему владельцу. Остальные в расчет не брались.

Выхода не было. Эрнадо сам выбирал свой путь.

Зато не погибнет от руки Шоррэя курсант Ланс. И мы с принцессой достигнем Храма Вселенной.

Любовь стоит смерти. Жаль, что этими словами не успокоить совесть.

Автопилот вел флаер к дворцу.

Все повторялось. События прокручивались заново, как эпизоды в пущенном повторно кинофильме. Кадр за кадром. И только я знал наперед весь сценарий.

Патрульные катера, слишком долго решавшие, стоит ли меня уничтожить... И появление Эрнадо, отвлекшее их в решающий момент.

Скульптурный «сад» на крыше дворца. И двое гвардейцев, первые жертвы моего пистолета.

Бег по коридору, ведущему в гостевой зал принцессы. И плоскостной диск, брошенный наугад в преградивших дорогу солдат Шоррэя.

Принцесса, не сразу узнавшая меня. И ее просьба отвернуться...

Я напрягся, вырываясь из потока случившихся событий. Сменить роскошное платье на комбинезон принцессе действительно необходимо. Но повторно получать удар ножом из-за ее стеснительности я не собирался.

Чуть-чуть повернув голову, я посмотрел на темные прямоугольники окон между шторами. Стекла ощутимо зеркалили, в них отражалось все происходящее в комнате. Принцесса, сбросившая распоротое платье. Ее служанка Дила, разворачивающая комбинезон.

Сердце бешено застучало. Черт побери, да что же со мной творится? Я ведь не десятилетний мальчишка, разглядывающий в школьном туалете размытые порнографические открытки. И не семнадцатилетний юнец, дрожащей рукой расстегивающий ремешок на джинсах подружки. Я видал такие групповухи, которым позавидовала бы Эммануэль Арсан. Мне доводилось засыпать в объятиях одной девчонки, а просыпаться с другой. Я сменил столько подружек, что не вспомню их имена...

Но никого из них я не любил.

Я смотрел на обнаженное тело, скрытое лишь прозрачной паутиной белья. И понимал, что ни одна женщина в мире уже не сможет стать для меня желанной. Я хочу обладать принцессой. Я хочу касаться ее тела не через гибкую броню комбинезона. Я хочу испытать ее ласки — в ответ на свои.

И убить Шоррэя, посмевшего желать того же.

Потайные двери в стенах распахнулись — но я едва не пропустил этот миг. И начал уклоняться от брошенного ножа едва ли быстрее, чем в первый раз. Замечательное начало.

— Лорд!

Лезвие кинжала скользнуло по плечу, вспарывая комбинезон и оставляя на коже саднящую царапину. Лучше чем раньше, но все же...

Меня охватила ярость. Не затем я активировал темпоральную гранату, не для того вновь позволил пойти на смерть Эрнадо, чтобы поверить в предопределенность...

— Получайте! — выкрикнул я, стреляя по гвардейцам.

И снова пятеро гвардейцев остались живы. И опять я застрелил одного из них, и в пистолете кончились заряды. Как и раньше, я отступал, с трудом сдерживая их натиск. Предопределенность?

Один из гвардейцев открылся, слишком далеко отвел меч для удара. В прошлый раз я ранил его в руку.

Сейчас я ударил в сердце. Тем же приемом, которым пытался убить меня Шоррэй. Клинок вошел в грудь, и по лицу гвардейца разлилась мертвенная бледность. Он отступил назад — меч вышел из раны, и комбинезон сомкнулся, затягивая разрез. Но гвардеец уже падал, ноги его подкашивались... И подбежавшая принцесса ударила не его, а другого солдата.

Предопределенность исчезла.

Через несколько секунд все было кончено. Мы с принцессой стояли друг напротив друга, а между нами лежали четыре неподвижных тела, затянутых в скрывающие раны комбинезоны.

— Ты отлично владеешь мечом,— сказала принцесса.

— Ты тоже.

— Меня учили этому с детства. Но как ты убил остальных?

Мои губы шевельнулись:

— Пистолет стреляет плоскостными дисками.

Я снова шел «на автопилоте». Измененная реальность пыталась при малейшей возможности принять изначальный вид. Что ж, в этом нет ничего плохого.

Мы направились к взлетному полю.

И снова был бег через ночной сад. И охранник, убитый плоскостным диском. И мучительные перегрузки аварийного старта.

Флаер планировал к базе императорских ВВС. Туда, где меня должны были убить.

Закончив короткую пробежку, флаер остановился. Привычным уже усилием я выбрался из «прежнего» течения времени. Долгие объяснения с Лансом были излишни.

Выпрыгнув из кабины, я всмотрелся в темноту. Ни малейшего движения. Мертвая тишина. Но я знал, что где-то там крадется сейчас юный мститель, принявший нас за врагов.

— Ланс! — громко позвал я.— Ланс Дари! Курсант!

Принцесса удивленно взглянула на меня. Спросила:

— Нас ожидает твой друг?

— Да. Будущий. Ланс!

Из темноты появилась фигурка юноши. Он настороженно всматривался в нас.

— Я лорд с планеты Земля,— не давая парнишке опомниться, сказал я.— Пять лет назад я был обручен с принцессой.

Ланс быстро взглянул на девушку. Неуверенно спросил:

— Принцесса... вы спаслись?

— Еще не совсем,— последовал лаконичный ответ.— Ты сын полковника Дари?

Ланс быстро, коротко кивнул. Почтительный и вместе с тем гордый полупоклон.

— Да. Он погиб за императора...

Следующую фразу я угадал.

— Мой меч, моя кровь, моя честь — ваши, принцесса.

В этом было что-то смешное — смешное и слегка постыдное. Повторившаяся в других условиях фраза утратила весь свой блеск, стала смешной и напыщенной... Я одернул себя. Мальчишка, произносивший ритуальную формулу преданности, не побоялся пойти на верную смерть.

— Принцесса, у нас нет времени,— резко прервал я.— Шоррэй погонится за нами через несколько минут.

— Каким образом?

— Аварийным стартом... Ланс, ты сможешь повести катер, стоящий на аварийном старте? У меня есть программа для автопилота, но она не рассчитана на трофейную машину.

— Откуда вы знаете про катер охранников? — Голос Ланса выдал настороженность.

— Ланс, мальчик,— тихо, но твердо сказал я.— Не сомневаюсь, что ты выше меня по рождению и равен мне по титулу. Но я все же старше. И могу иметь свои секреты.

Ланс кивнул.

— Приношу свои извинения, лорд. Я не сомневаюсь в вас, но меня поразила осведомленность...

— Ты сможешь управлять трофейным катером?

— Нас учили...— замялся Ланс.— Но я никогда не совершал аварийного старта, тем более в нейтрализующем поле.

— Нам придется рискнуть.

— Лорд, неподалеку есть исправный катер нашей армии. Если подкатить его поближе...

— Ланс, у нас нет времени. Тебе придется вспомнить все, чему вас учили.

Ланс неопределенно показал куда-то в сторону:

— Тогда идите за мной. Мы будем на аварийном старте через десять минут.

Когда мы шли вслед за Лансом, принцесса тихо спросила:

— Сергей, я не понимаю, что происходит. Ты знал этого курсанта раньше? Бывал на этой базе?

— Нет,— с некоторым колебанием ответил я.

— Тогда откуда у тебя информация о трофейном катере, как ты узнал о погоне, каким образом...

— Принцесса,— мягко сказал я.— Вам придется довериться мне. Пусть даже я всего лишь игрушечный лорд... с планеты, которой нет.

Принцесса вздрогнула. Минуту мы шли молча, потом она произнесла:

— Лорд, я вовсе не считаю вас игрушечным. Это слова Шоррэя. Но я уже начинаю бояться вас, почти как правителя Менхэма.

— Шоррэй Менхэм — второсортный актер, пытающийся играть супермена,— с внезапным ожесточением сказал я.— Вся его ловкость, сила, выносливость не заменят главного.

— И что же тогда главное?

— Умение импровизировать. Принимать нестандартные решения. Он играет роль, которую сам написал, но боится изменить в ней хоть слово.

— Если умеешь рассчитывать события на десять ходов вперед, нет нужды в импровизациях,— спокойно возразила принцесса.

— Быть может... Никогда не умел хорошо считать.

— Значит, ты настоящий супермен,— с легкой иронией сказала принцесса.

Я выдавил улыбку:

— Возможно, принцесса. По меркам моей планеты... Вы расскажете, почему ее так странно называют?

— Да. После того как мы достигнем цели и ты объяснишь источник своих неожиданных знаний. Должна же и у меня быть какая-то тайна.

— Вы сами тайна, принцесса,— галантно съязвил я.

Девушка поправила волосы, выбившиеся из-под золотой диадемы. Улыбнулась:

— Конечно, мой лорд. Иначе я не была бы принцессой.

Ланс, идущий впереди и явно пытающийся расслышать наш разговор, остановился.

— Принцесса, лорд, мы пришли,— хмуро сказал он.— Вот катер.

На катер Эрнадо эта машина мало походила. Раза в полтора больше, сигарообразной формы, с широкими треугольными крыльями, выступающими из корпуса.

— Десантная модель,— пояснил Ланс.— Тяжелее обычной, зато приспособлена для планирования в нейтрализующем поле.

Открывая люк, Ланс еще раз засомневался:

— Принцесса, я не слишком хороший пилот. Возможно, стоит подкатить сюда наш катер и стартовать на автоматике.

— Это должен решить лорд,— невозмутимо ответила принцесса.

— Я уже решил.

Ланс больше не спорил. В кабине — приборов здесь было куда больше, чем во флаере,— оказалось четыре кресла, расположенных в два ряда. Ланс сел в одно из передних, мы с принцессой устроились за ним. Узкий овальный люк позади вел, очевидно, в десантный отсек. Катер мог вместить человек пятнадцать-двадцать, не меньше...

Несколькими касаниями клавиш Ланс включил приборы. Перед нами засветился видеокуб, почти такой же, как во флаере. Я подался вперед, вглядываясь в разноцветное мерцание. Розовый изгиб защитного поля — мы находились у самой его границы, миниатюрные копии дворцов, венчающих Сломанный Клык... Зеленая точка, плывущая к нам от бывшей резиденции императора.

— Это Шоррэй,— трогая парнишку за плечо, сказал я.— Он воспользовался аварийным стартом. Попытайся мы подтащить сюда другой катер, он бы застал нас врасплох. Понимаешь, что бы тогда случилось?

— Он убил бы вас, лорд. И меня тоже. А принцессу вернул бы обратно.

— Точно. Запомни, в твоих руках теперь судьба принцессы, а значит, и всей планеты. Если мы сумеем выбраться за границы поля, Шоррэю нас не догнать. Он проиграет — и вынужден будет с позором убраться в свои владения. Если же мы погибнем, Шоррэй станет посмертным мужем принцессы. Понимаешь?

— Я сделаю все, что в моих силах, лорд,— мне показалось, что первый раз в этой реальности слова Ланса прозвучали без малейшей тени пренебрежения.

— Тогда начнем,— я поудобнее устроился в кресле и осторожно извлек из кармана вторую, последнюю, темпоральную гранату. Парнишка может не справиться с управлением — и тогда я сломаю хрустальный цилиндрик.

Если успею, конечно.

5. Храм

Толкать катер не пришлось — он уже стоял на покатой дорожке аварийного старта, и Ланс лишь снял его с тормозов, точнее, с того устройства, которое мертвой хваткой удерживало десантный катер на наклонной поверхности.

— Опять перегрузки,— безнадежно сказал я, когда машина начала разгоняться.

Принцесса покачала головой:

— Нет, лорд. Перегрузку выше полутора единиц снимет гравикомпенсатор.

Я с сомнением пожал плечами. При слове «гравикомпенсатор» мне представились какие-то пружины или гидравлические цилиндры в основании кресел. С подобными устройствами на Земле экспериментировали немало, но работали они лишь в романах Жюля Верна и его последователей.

Принцесса почувствовала мой скепсис.

— Погляди на потолок, Сергей. Видишь черный шар?

Посередине потолка действительно было вмонтировано непонятное устройство. Тонкое кольцо голубоватого металла, охватывающее угольно-черный шар размером с футбольный мяч. Шар наполовину вдавливался в потолок, не оставляя ни малейшего зазора.

— Понаблюдай за ним, когда мы будем в нижней точке разгона. Шар сожмется, вбирая гравитацию, а потом постепенно расширится, отдавая ее обратно. Количество гравитации, воздействующее на катер, останется одним и тем же, но перегрузки как бы растянутся во времени и за счет этого будут ниже.

Я бросил беглый взгляд на видеокуб. Катер приближал-

ся к отвесному спуску. До сих пор Ланс вел его вполне ровно, но удержит ли он управление на трамплине?

— Если этот шарик действует, то его придется признать гениальным изобретением. Здесь постаралась не ваша планета?

— Нет,— сухо ответила принцесса.— Гравитацией мы не занимаемся. «Шарик», как ты его называешь,— одно из немногих понятных нам устройств Сеятелей. Была такая исчезнувшая цивилизация...

Снова Сеятели! Они владели временем, они управляли гравитацией... И погибли? В междоусобных войнах? Уж больно примитивно. Вроде назидательной исторической байки: много будешь воевать — исчезнешь как Сеятели...

Катер скользнул вниз, и у меня перехватило дыхание. С невесомостью гравикомпенсатор явно не собирался бороться. Наверное, не считал необходимым. Ланс подался вперед, почти уткнувшись лицом в экран лобового обзора. Руки его как приклеенные лежали на панели управления. А экран стремительно заполняла дуга разгонного трамплина...

Перегрузки мягкой волной вжали нас в кресла. Действительно, полтора «же», не больше чем в разгоняющемся автомобиле. Я посмотрел на гравикомпенсатор — он плавно сжимался, уменьшаясь до размеров крупного яблока. По черной поверхности плясали белые искорки разрядов.

— Давай, давай, Ланс...— прошептала принцесса. Вряд ли парнишка мог ее услышать.

Катер пронесся по трамплину. Вылетел с дорожки — и сразу же мягко просел, клюнул носом. С легким гулом раздвинулись крылья — но заметных изменений это не принесло. Катер летел как топор — пущенный сильной, умелой рукой, но все же безнадежно тяжелый. А гравикомпенсатор, расширяясь, исправно вываливал на нас полуторную перегрузку. Словно задался целью лишить нас малейшего ощущения полета.

Мы падали. Падали на убийственно крутые склоны, на беспощадно тянущиеся в небо скалы. Интересно, способен ли гравикомпенсатор погасить энергию падения? Превратить ее во что-нибудь длительное, неприятное, но не смертельное? Желания проэкспериментировать у меня не оказалось. Я поудобнее сжал в ладони темпоральную гранату. Когда до скал останется метров десять...

На пульте вспыхнула вереница цветных огоньков. Засветился отключенный до сих пор экран. А где-то за нами, в кормовой части, возник тонкий свистящий звук.

Не было никакого толчка, всё те же неизменные полтора

«же» вдавливали нас в кресла. Но гравикомпенсатор опять сжимался, а скалы быстро уходили вниз. Двигатели заработали. Мы поднимались. Нейтрализующее поле дворца осталось позади. Пускай с ним теперь сражается Шоррэй.

— Спасибо тебе, Ланс Дари,— ласково сказала принцесса.— Ты великолепный пилот, я запомню это.

Парнишка повернулся к нам. Поколебался мгновение и уныло произнес:

— Я очень плохой пилот, принцесса. Я сделал две или три ошибки, которые должны были нас погубить. Но катер блокировал ручное управление и спасал нас. Похоже, что в его автопилоте изначально заложена программа аварийного старта.

Меня передернуло. Выходит, все наши усилия в предыдущей реальности были напрасны? Мы теряли время, толкая тяжеленный катер через всю авиабазу, а на старте нас поджидала исправная умная машина. И Ланс погиб лишь из-за того, что плохо знал вражескую технику...

— Ты должен понести наказание,— знакомым суровым голосом произнесла принцесса.

— Я понимаю.

— Ну что ж. Думаю, вполне достаточно будет месяца... занятий по пилотажу с лучшими инструкторами планеты. Конечно, после победы.

Ланс с серьезным видом кивнул:

— Слушаюсь, принцесса.

— Ланс, ты провинился и передо мной,— вмешался я.— Поэтому наказание будет усилено... моим постоянным личным контролем в течение всего месяца.

Ланс кивнул, обдумывая услышанное. А принцесса не выдержала и рассмеялась, словно представила себе это необычное наказание — мечту любого подростка ее планеты, а еще, оказывается, земного дикаря, ее будущего мужа. И через мгновение мы смеялись все вместе — трое счастливцев, летящих навстречу неведомому будущему.

Полет занял три часа. По словам Ланса, можно было набрать бóльшую скорость, выйдя в стратосферу. Но там нас могли обнаружить и расстрелять орбитальные патрули Шоррэя. Пока мы шли на бреющем полете, над самыми скалами, засечь нас было почти невозможно.

Принцесса спала или делала вид, что спит. Ланс целиком погрузился в управление катером. Я дремал, временами открывая глаза и поглядывая на видеокуб. Под катером тянулась более чем безрадостная местность: скалистые, лишенные даже деревьев горы, узкие долины, похожие на

русла высохших рек. Потом началась холмистая равнина с редкими пятнышками мелких и наверняка соленых озер.

Я чувствовал себя слишком усталым, чтобы продумать дальнейшие действия. Впрочем, я действительно не был силен в планировании своих поступков. Пускай этим занимается Шоррэй, «идеальный человек», продукт дурацкого генетического эксперимента. Но вряд ли даже он сможет найти выход. Слишком уж уверены были и принцесса, и Эрнадо в том, что оспорить заключенный в Храме Вселенной брак невозможно.

Я долго смотрел на спящую девушку. Принцесса. Девчонка моей мечты. Влюбившая в себя и вернувшаяся на далекую планету, принадлежащую ее отцу. Моему будущему тестю... На лицо само собой выползла ухмылка. Мой тесть — император. Отличное название для будущих мемуаров... Или нет, ведь если есть тесть, то подразумевается и теща. Моя теща — императрица! Книжечка страниц на сто, в мягкой обложке с полуголыми красотками и горящими звездолетами. И чтобы на боку у красотки висел плоскостной меч без ножен... За издание возьмется частная фирма с претенциозным названием вроде «Ренессанс» или «Змей Горыныч». А пройдет она под рубрикой «фантастика», что обеспечивает спрос любой лабуде... Я прекратил улыбаться.

Черт возьми, неужели я до сих пор не осознал — происходящее вполне реально! Я действительно влез в самый центр небольшой межзвездной войны! И принцесса, если мы живыми доберемся до Храма, станет моей женой, а императрица — тещей. Я убивал и был ранен, я чудом спасся от неминуемой смерти. Откуда же берется во мне ироническая отстраненность, почему я упорно пытаюсь рассматривать окружающий мир как замысловатый сон?

Может, потому, что принцесса не такая, какой я хочу ее видеть? Мне легче признать иллюзорным весь мир, чем согласиться с реальностью принцессы. Ведь мирно спящая в соседнем кресле девушка не любит меня. И неизвестно, как завоевать ее любовь, ибо задолго до дня нашей первой встречи она накрепко усвоила фальшивую истину: принцесса стоит смерти. Я могу совершать любые подвиги, могу умереть за нее, но не в силах убедить, что пришел только из-за любви. В странной игре, которую ведут на моих глазах две могучие силы, мне отведена жалкая роль ферзевой пешки. Пусть и преодолевшей почти все шахматное поле...

Но даже проходная пешка никогда не сможет стать королем.

— Мы подлетаем, лорд,— в голосе Ланса послышалось волнение.— Разбудите принцессу.

— Я не сплю,— немедленно откликнулась девушка.—

Лучше посмотрите на Храм, лорд. На вашей планете такого нет. И в этом главная беда...

Я не ответил. На переднем экране уже был виден Храм.

Наступал рассвет. Темнота словно опустилась вниз, легла на землю — равнина, над которой мы летели, была выжжена дочерна, обращена в огромное поле обугленного шлака. Если здесь когда-то были горы — их превратили в щебенку. Если песок — он сплавился в гравий. Небо светлело, гася искорки звезд. А на границе светлого неба и черной земли, призрачно-невесомый, вобравший в себя темноту и свет, парил огромный шар.

Только когда мы приземлились и вышли из катера, я смог оценить размеры Храма. Он был не меньше километра в диаметре и парил метрах в десяти над землей, опираясь — если тут уместно это слово— на тонкую, как человеческая рука, колонну. Пушечное ядро, поставленное на иголку, и то выглядело бы устойчивее.

Поверхность шара покрывал странный мозаичный узор, составленный из маленьких плиток. Всего два цвета... впрочем, нет. Один цвет — и добавленный к нему миллион цветов. Меньшая часть плиток была черной, впитывающей свет как ткань боевого комбинезона. Бóльшая часть — зеркальной. В хаотичной последовательности пересекали друг друга черные и зеркальные полосы, угольные кляксы пятнали блестящие поля, россыпь отражающих серое небо квадратиков разбавляла темноту черных кругов.

В полумраке Храм внушал трепет. Днем, отражая солнечный свет, он мог внушить ужас.

— Твоя планета способна создать такое? — вполголоса спросила принцесса.

Я посмотрел ей в глаза. И ответил, словно не замечая, что под маской иронии принцесса пыталась скрыть трепет.

— Нет. Но и твоя планета не способна. Этот Храм создали Сеятели.

— Тебе рассказывали об этом?

— Никогда. Просто все поразившее меня в этом мире было создано ими.

Не знаю, откуда взялась эта уверенность. Из сладкой боли восторга в груди, из щемящего притяжения тайны... Просто я понял еще одну истину, которую должен буду сказать принцессе.

Конечно, если мы победим.

Шлак хрустел под ногами, как битое стекло. Мы шли под заслонившим полнеба шаром — к тонкой колонне, держащей на себе целый мир.

— Храм Вселенной, или Храм Сеятелей, как его еще называют, есть на каждой планете, где живут люди,— сказала принцесса.— И даже на тех, где люди поселятся через тысячу лет. Везде, где есть кислород и вода, где была или будет жизнь.

— Кроме Земли,— прошептал я.

— Кроме Земли. Планеты, которой нет.

— Они могли не знать о нас. Вселенная бесконечна, даже Сеятели не могли покорить ее всю.

— Они знали Землю. Иначе мы не встретились бы пять лет назад. Понимаешь, Сергей, Храм Вселенной — это больше чем символ бесконечности, многообразия и одновременно единства всех человеческих миров. Это еще и маяк. Понимаешь, мой лорд, путешествовать в пространстве можно поразному.

— Понимаю. Летать с досветовой скоростью...

— Нет. Это вообще не путешествие, это пытка. Можно лететь в гиперпространстве, ориентируясь по сигналам трех маяков, задающих координаты выхода. Так исследуют миры, где нет жизни и Храмов. Это путешествие наугад, методом проб и ошибок. Во-вторых, можно лететь от планеты к планете, от Храма к Храму напрямик. Это путь торговли и одновременно путь войн. И, наконец, можно вообще не лететь. Ограниченная, очень небольшая масса может мгновенно перебрасываться через гиперпереход на любую планету, пространственно-временны́е координаты которой известны. Это путь правительственных курьеров, разведчиков, богатых путешественников...

— Развлекающихся принцесс.

— Да, мой лорд. Именно так. Груза, который может окупить затраченную на гиперпереход энергию, не существует.

— Кроме людей.

— Кроме очень немногих людей... Так вот, Сергей, никто в мире не способен определять пространственно-временны́е координаты. Они даются нам Храмами. Как только цивилизация на планете разовьется до уровня использования гиперпространства — ее Храм включается в общую сеть. Как только колонисты, случайно нашедшие планету с кислородом и водой, придут в ее Храм — он включается в общую сеть. И одновременно во всех действующих Храмах, в зале координат — ты сможешь его увидеть — появляются координаты планеты. Но есть планета, чьи координаты известны, но Храма на ней нет. Это Земля. По ней можно путешествовать, ее можно изучать как забавную диковину. Ее посещали еще в ту пору, когда люди Земли жили в пещерах

и одевались в звериные шкуры. Сеятели знали вашу планету, они оставили другим мирам ее координаты. Они породили на вашей планете жизнь — ибо наши гены одинаковы, мы все их потомки.

Я проглотил готовый вырваться возглас. Конечно, происхождение слова «сеятели» было вполне очевидно. И все же...

— Но Храма на Земле нет. Сеятели сочли его ненужным, изолировали вашу планету. С ней нельзя торговать — чем окупишь гиперпереход? С ней смешно воевать — через гипертуннель нельзя пронести мощное оружие, но и легкого более чем достаточно для победы. Земля затеряна в глубинах Вселенной, искать ее — бесполезно. Земля — планета, которой нет.

— Храм мог разрушиться при землетрясении или от извержения вулкана...— я замолчал, сам осознав абсурдность предположения. Висящий над нами шар был надежнее, чем земная твердь. «Опираясь» на символическую колонну, насмехаясь над силой тяготения, он словно подчеркивал свою несокрушимость.

— Храм нельзя уничтожить. Многие цивилизации, проходя эпохи варварства, пробовали это сделать. На Храмы бросали термоядерные бомбы, облучали лазерными пушками, резали атомарными лезвиями — и всё бесполезно. Храм гибнет только вместе с планетой.

— Такое бывало?

— Да. Несколько раз.

Шедший впереди Ланс обернулся. Мы были уже под Храмом, метрах в двадцати от колонны.

— Принцесса, вы позволите сопровождать вас в Храме?

Девушка кивнула. На лице Ланса появился такой мальчишеский восторг, что я усмехнулся и спросил:

— Он что, никогда не бывал внутри?

— Конечно же нет. Храм впускает внутрь лишь правителей планеты... и тех, кто идет с ними.

«Интересный Храм,— подумал я.— Не слишком склонный к демократии».

И в эту секунду Ланс вскрикнул. Он подался назад, словно отступая от невидимой для нас опасности,— но не смог оторвать ноги от земли. Беспомощно взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, и упал.

Я бросился к нему. Ланс катался по черному щебню в странной позе — руки были прижаты к туловищу, ноги медленно подтягивались к подбородку. Голова запрокидывалась, лицо на глазах начинало синеть.

— Назад, лорд,— прохрипел он.— Пау...

Он со всхлипом втянул воздух и замолчал. Тело его корчилось, словно в эпилептическом припадке. Но это был не припадок — я вдруг увидел, что Ланса опутывает сеть из тончайшей, едва различимой нити. Там, где она врезалась в незащищенное тело, кожа вздувалась маленькими багрово-красными квадратиками. Сеть стягивалась — и медленно душила пленника.

— Паутинные мины,— прошептала принцесса. Она стояла рядом с обнаженным мечом в руках.— Кто посмел?! Паутинные мины у входа в Храм!

— Надо спасать его,— я умоляюще посмотрел на девушку.

— Невозможно, лорд. Меч разрубит нити, но при этом разрежет и тело. На нем нет даже комбинезона. Его не спасти.

Затылок Ланса уже касался спины. На шее, расчерченной сетью на квадратики, выступили капельки крови. Он уже не пробовал вырываться, лишь глаза, наполненные ужасом и болью, следили за нами. Потом послышался хруст — тошнотворный звук ломающихся позвонков, и взгляд Ланса остекленел.

— Он больше не страдает,— принцесса посмотрела на меня, словно ища поддержки.— Это случилось очень быстро, правда, лорд?

Я смотрел на скомканное, сжатое смертоносной паутиной тело. Как страшно тебе не везет, курсант Ланс. Ты остался жить благодаря темпоральной гранате, предотвратившей встречу с Шоррэем. Ты довел катер до Храма — и по-детски обрадовался тому, что войдешь в него. Но смерть не любит, когда с ней играют, держа в рукаве козырного туза. Она достала тебя и здесь. И оказалась не менее мучительной.

— Нам надо идти, лорд,— голос принцессы дрожал.— Потом мы похороним его... но сейчас надо идти. Он погиб как герой.

Нет, принцесса, это в первый раз он погиб как герой... А сейчас его убила наша беспечность.

— Надо проверять дорогу мечом, тут могут быть еще мины... Лорд, очнитесь!

Вначале погиб Эрнадо. А я даже не мог его предупредить, начиная вторую попытку похищения. Точнее, мог, но струсил. Теперь настала очередь Ланса. Неужели я струшу снова?

Темпоральная граната ждала моих пальцев на дне кармана. Легкий холодок полированных граней, рельефный узор незнакомого алфавита. «Последний козырь. Сильнее времени». Вот как надо читать название.

Я сдавил в ладонях узкий цилиндрик. Вначале слабо,

потом изо всех сил. Бесполезно. Оружие Сеятелей не видело необходимости в своем использовании.

Облизнув пересохшие губы, я шагнул вперед. Шаг, другой, третий... Я заставлю тебя подчиниться, самоуверенная игрушка Сеятелей.

— Лорд!

Шаг, еще шаг. Тонкие нити поднялись из каменного крошева, сковывая ноги, охватывая все тело.

И прозрачный цилиндрик в моих пальцах сломался.

6. Право вошедшего

Темнота. Ледяное спокойствие, заполнившее сознание. И шепот, звучащий в глубине мозга:

— *Темпоральная граната активирована, вы в безопасности.*

Падение. Полет сквозь тьму.

— *Применение мотивировано, опасность второй степени. Рекомендуется возвращение к первому узловому моменту.*

Что это — первый узловой момент? Миг, когда я пошел к затаившейся мине? Нет, меня это не устраивает. Ланс уже был мертв...

— *Изменение принято, возврат ко второму узловому моменту.*

Мир вокруг меня возник вновь.

— Принцесса, вы позволите сопровождать вас в Храме? — спросил Ланс.

Девушка кивнула. Ланс, живой и невредимый, просиял от восторга. И пошел вперед.

— Он что, никогда...— начал я. И напрягся, вырываясь из потока прошлой реальности. Закричал, срывая голос:

— Стой, Ланс! Замри!

Ланс остановился как вкопанный. Повиноваться приказам курсантов явно учили в первую очередь. Я быстро подошел к нему, нагнулся, всматриваясь в черный, обугленный гравий. Ни малейших следов ловушки... Вынув из ножен меч, я провел им по камням.

Тонкие серые нити взметнулись вверх, обхватывая лезвие. И упали, рассеченные. Снова зашевелились, потянулись к металлу плоскостного меча и распались на части. Я держал клинок до тех пор, пока коварная ловушка не превратилась в короткие, беспомощно шевелящиеся на камнях обрывки.

— Кто посмел поставить у Храма паутинные мины? —

Голос принцессы дрожал.— Это больше чем подлость, это кощунство!

— Очевидно, наш общий знакомый Шоррэй,— я медленно пошел к колонне, предваряя каждый шаг ударом меча по земле. Еще одна паутинная мина начала корчиться в тщетной попытке сломать плоскостное лезвие.

Ланс по-прежнему стоял, глядя на шевелящиеся у его ног остатки паутинной мины. Похоже, у парнишки слишком живое воображение.

— Как ты узнал о ловушках, Сергей? — не то с недоумением, не то с легким подозрением спросила принцесса.

— У нас, жителей несуществующей планеты, есть вполне реальные способности,— ехидно соврал я.— Будем считать, что я применил одну из них.

Ланс, сбросив оцепенение, подошел ко мне. Сказал без всякой ритуальной напыщенности:

— Лорд, вы спасли мне жизнь. Я ваш вечный должник.

Повернувшись к парнишке, я протянул ему руку:

— Лучше будь моим другом, чем должником.

Секунду мы стояли, глядя друг другу в глаза. Потом принцесса с раздражением спросила:

— Молодые люди, все это очень трогательно, но не проложите ли вы дорогу через ловушки? У нас мало времени, а просить Храм поднять нас в церемониальный зал можно только у самого столба.

Ланс поспешно кивнул и достал меч. Вдвоем мы расчистили путь за полминуты, уничтожив при этом еще три паутинные мины.

Пока принцесса осторожно шла к нам по расчищенной дорожке, я разглядывал тонкий столб, «поддерживающий» над нами исполинское сооружение Храма. Простая колонна из темного металла, едва ли десяти сантиметров в диаметре. А на вершине ее, касаясь зеркального квадратика облицовки,— вылитая из того же металла человеческая кисть. Раскрытая ладонь, поддерживающая гигантский шар.

Я коснулся колонны — она была теплой на ощупь. Словно настоящая рука.

— Приказываю поднять нас троих в церемониальный зал Храма,— повинуясь подсознательному импульсу, сказал я.— Немедленно.

И обугленные камни ушли из-под ног. Неведомая сила плавно потащила нас вверх.

Мы прошли сквозь поверхность шара, как сквозь туман. Мне даже показалось, что я почувствовал влажный воздух, обдавший тело. Потом нас окутало облако тускло-желтого

света — и в нем мы поплыли всё выше и выше. Временами вновь возникало ощущение прохода сквозь влажный воздух — наверное, мы проходили сквозь внутренние стены Храма. Оригинальный лифт придумали Сеятели — то ли размягчающий все предметы на пути, то ли, что казалось более вероятным, делающий нас проницаемыми для материальных преград. Интересно, а есть ли в Храме обычные двери?

Желтое свечение померкло, и мы остановились. Я почувствовал под ногами пол — мягкий, пружинящий. Мы оказались в огромном зале кубической формы. Снежно-белые стены светились мягким, не раздражающим глаза светом.

— Почему Храм послушался тебя? — растерянно спросила принцесса.— Тем более что ты приказывал, а не просил. Храм не терпит такого обращения даже от избранных!

Голос девушки звучал очень тихо, но внятно. Белые стены вокруг гасили звук. Церемониальный зал напоминал скорее операционную, чем помещение для торжеств. Та же холодная стерильная чистота, тот же бестеневой свет. Вот только размеры для операционной великоваты — в кубе с пятидесятиметровым ребром можно поместить целую больницу.

— Почему Храм повиновался тебе? — упорно повторяла принцесса.— Почему?

Ответ у меня был, и ответ, чертовски похожий на правду. Использовав оружие Сеятелей, я мог показаться Храму кем-то вроде наследника его давно исчезнувших хозяев... Но ответ влек за собой долгие и ненужные разъяснения.

— Наверное, я чем-то ему понравился,— уклончиво сказал я.— Кто их поймет, этих Сеятелей...

Принцесса кивнула. Похоже, мнение о нелогичности сгинувшей сверхцивилизации было весьма распространено.

— Это и есть церемониальный зал, принцесса? — переводя разговор на другую тему, спросил я. Но ответила мне не принцесса.

— Да, лорд с несуществующей планеты. Это и есть церемониальный зал, куда ты так стремился.

Шоррэй стоял у нас за спиной. В своем белом светящемся комбинезоне, почти неразличимом на фоне стен. Меч в алых ножнах он сдвинул куда-то на спину, волосы, и без того светлые, прикрыл капюшоном. Неудивительно, что мы его не заметили. Такой маскировке позавидовал бы любой ниндзя.

— Я знал, что встречу вас здесь,— проникновенный

голос Шоррэя приводил меня в бешенство.— Жаль, что приходится переносить наш маленький спор на территорию Храма...

— Ты не посмеешь помешать нам, Шоррэй! — холодно сказала принцесса. В голосе ее звучало торжество.— Ты знаешь закон Храма и не посмеешь его нарушить!

— Знаю. Тот, кто вошел в Храм, тот, кто оказался достойным, вправе исполнить свое желание. И никто не может помешать ему.

Впервые Шоррэй заговорил без тени напыщенности или позерства. Он признавал неподвластную ему силу — и не пытался спорить с ней.

— Ты проиграл, Шоррэй,— продолжала принцесса.— Мы в Храме, и, став на нашем пути, ты умрешь. Сеятели исчезли в минувшем, но законы их продолжают править Вселенной.

— Я не собираюсь преграждать вам путь. Я хочу полюбоваться торжественным мигом бракосочетания принцессы из древнего рода и дикаря с несуществующей планеты.

— Он провоцирует тебя, Сергей,— прошептала принцесса.— Не реагируй.

— Я понимаю.

— А зачем вы прихватили с собой мальчишку? В качестве запасного жениха, если лорд не оправдает надежд? Или это последние остатки вашей армии?

Принцесса побледнела. А Ланс шагнул к Шоррэю... Но этого я ждал и рванул парнишку за руку, вынуждая остановиться. Сказал, стараясь удержаться на той степени повелительности, которая еще не становится обидной.

— Ланс, если ты хочешь быть моим другом, если хоть в чем-то благодарен мне, ты не станешь обижаться на оскорбления проигравшего. Успокойся.

Парнишка кивнул, не отрывая от Шоррэя ненавидящего взгляда. Отрывисто сказал:

— День расплаты настанет. Но праздник не будет омрачен даже твоей кровью.

Шоррэй невозмутимо кивнул. Ответил:

— День настанет, мальчик. Не сомневайся.

Принцессу била дрожь. Она повернулась ко мне и тихо сказала:

— Сергей, мне это не нравится. Он что-то задумал. Надо спешить.

— Разве я против?

Принцесса поправила волосы. Искоса взглянула на замершего в отдалении Шоррэя. И сказала, повысив голос:

— Я, принцесса императорского рода Тар, пришла сюда по праву повелительницы планеты. Я прошу совершить обряд бракосочетания и признать моим мужем лорда Сергея с планеты Земля.

По стенам зала словно прошла волна, окрашивая их в нежно-голубой цвет. И голос, звучавший только в нашем сознании, спросил:

— По чьим обычаям будет проведен обряд?

На холодный безличный тон темпоральной гранаты голос Храма не походил ничуть. Мягкий, красивый женский голос, которому позавидовала бы оперная певица.

— По обычаю моей планеты,— с некоторой растерянностью сказала принцесса.

— Согласен,— подтвердил я.

Зал начал погружаться в темноту. Исчезла высокая фигура Шоррэя, и даже его комбинезон перестал светиться. Растворилось во мраке довольное лицо Ланса. Лишь вокруг нас с принцессой осталось золотистое сияние. Словно светился сам воздух. Красивые обычаи на планете моей жены...

— По доброй ли воле вступаете вы в брак?

— Да,— холодно сказала принцесса.

— Да,— я вдруг осознал, что не испытываю ни малейшего ликования. Я словно бы выполнял нудную процедуру, необходимую для изгнания Шоррэя, а не женился на любимой девушке.

— Кто будет свидетелем вашего брака?

Я взглянул в темноту. И ответил:

— Курсант Ланс Дари, мой друг, и правитель Шоррэй Менхэм, мой враг.

— Все, кто находится сейчас в Храмах Сеятелей, на всех планетах Вселенной,— добавила принцесса.

— Есть ли препятствия к браку в законах ваших планет или ваших поступках?

— Нет,— принцесса посмотрела на меня. Я пожал плечами. Какие могут быть препятствия? Я не женат и не исповедую никакой религии...

— Нет.

— Известны ли свидетелям препятствия к заключению брака?

Наступила тишина. Но странная, живая тишина, наполненная дыханием тысяч людей. Господи, ведь сейчас нас слышат — и наблюдают за нами — люди сотен обитаемых планет!

— Мне известно препятствие, делающее брак невозможным.

Я ждал этих слов. Шоррэй не мог не вмешаться. Это была его последняя попытка.

— В чем оно состоит?

— Неравенство в происхождении принцессы и лорда.

Пауза. И спокойный вопрос Храма:

— Принцесса, противоречит ли законам вашей планеты неравенство происхождения супругов?

— Нет. Лорд Сергей — мой жених по обручению. Древний обычай допускает брак с человеком любого общественного положения.

— Лорд, противоречит ли вашим законам или убеждениям неравенство происхождения супругов?

Что-то странное, нелогичное было в этом вопросе. А может, не в самом вопросе, а в его отличии от заданного принцессе... Но раздумывать не было времени.

— Нет.

— Вы сказали правду,— невозмутимо заключил голос.— Шоррэй Менхэм, ваше возражение ложно. Повторная ложь повлечет за собой ваше исключение из реальности. Есть ли другие возражения?

Тишина. Тысячи глаз, жадно вглядывающихся в диковинный спектакль. Тысячи ушей, ловящих каждое слово. Тысячи плотно сжатых губ.

— Возражений нет. Приготовлены ли кольца, необходимые для заключения брака?

Я коснулся своего кольца. И ответил:

— Кольца имеются, но необходимо привести их в первоначальный вид.

Принцесса с ужасом посмотрела на меня. Неужели я сказал что-то лишнее, неправильное?

— Выполнено. Кольца снабжены гиперпространственной нитью.

Глаза принцессы смеялись. В них смешались восторг и удивление, как тогда, в ночном парке на Земле. А в гладкой поверхности колец вновь сверкал крошечный кристалл.

— Лорд, согласны ли вы взять в жены принцессу династии Тар, делить с ней радость и горе, отдать свою силу и взять ее слабость, всегда и везде, от рождения и до угасания мира?

— Да.

— Принцесса, согласны ли вы стать женой лорда с планеты Земля, делить с ним радость и горе, отдать свою силу и взять его слабость, всегда и везде, от рождения и до угасания мира?

— Да.

— Наденьте друг другу кольца.

«Не хватает только Мендельсона,— подумал я, делая шаг к принцессе и протягивая ей свое кольцо.— Уж слишком все похоже».

Принцесса осторожно надела кольцо на мой палец. Я взял ее руку, поднес к губам, поцеловал. Меня била мелкая дрожь. Детские мечты не сбываются — иначе в мире не осталось бы взрослых. Первая любовь не может быть счастливой — иначе вторая превратится в проклятие.

Я надел кольцо на палец принцессы. Посмотрел в ее глаза: в них было всё — и радость, и успокоение, и прорвавшаяся усталость. Всё, кроме волнения.

Всё, кроме любви.

— Именем Вселенной вы признаетесь мужем и женой.

Зал начал наполняться светом. Появился улыбающийся Ланс. И Шоррэй Менхэм, тоже улыбающийся.

— Прошу Храм передать сообщение всем союзным планетам,— торжествующе произнесла принцесса.— По праву правителей своего мира мы с принцем просим военной помощи для пресечения наглой агрессии Гиарской армии во главе с правителем Шоррэем.

— Сообщение передано,— отозвался голос Храма.

— Благодарю,— принцесса кивнула неведомому собеседнику.

— Вы еще не поняли, в чем ваша ошибка, принцесса? — Голос Шоррэя ничуть не утратил назидательности.

— Нет! — Принцесса резко повернулась к нему.

— Каждый вошедший в Храм вправе исполнить свое желание. Я пришел сюда для поединка с лордом...— Шоррэй улыбнулся,— простите, принцем Сергеем с планеты Земля. Он похитил мою невесту, он оскорбил меня. Он умрет. Никто не вправе помешать нашему поединку.

Я увидел, как побледнел Ланс. Как прижала ладони к лицу принцесса. А Шоррэй торжествующе произнес:

— Прошу доставить нас в дуэльный зал.

Мы снова двигались сквозь стены Храма. В оранжевом свечении, через туманные, влажные касания. И не было ни единого чувства — кроме злой обиды на собственную глупость.

Не могла воинственная цивилизация Сеятелей построить Храм без дуэльного зала. Шоррэй понимал это. И рассчитал свои ходы наперед. А темпоральной гранаты, чтобы переиграть проигранную партию, уже не было.

Свечение померкло. Мы стояли в круглом зале, меньших размеров, чем церемониальный, но еще более впечатляющем. Черные стены, украшенные тускло светящимися ба-

рельефами. Черный купол потолка, под сводами которого висел шар немигающего багрового пламени. Десяток дверей по периметру зала — и в каждой неподвижная фигура в форме гиарского гвардейца.

— Твоя дуэль больше напоминает убийство, Шоррэй,— сказал я, глядя в ненавидящие лица солдат.

— Не беспокойтесь, принц. Это лишь почетный караул... и похоронная команда для проигравшего. Они не вмешаются в поединок. Я убью тебя честно, принц.

— У меня нет оснований тебе верить.

— Хорошо, принц... Я прошу Храм транслировать поединок на все планеты Вселенной! Начиная с этого момента — и кончая смертью одного из нас.

— Трансляция ведется,— на этот раз голос Храма был жестким голосом мужчины.— Заявите условия поединка.

Шоррэй погрузился в показное раздумье, явно наслаждаясь ситуацией. Я коротко взмахнул рукой — и принцесса молча, не говоря ни слова, отошла к стене. Следом за ней последовал Ланс, бросая на меня умоляющие взгляды. Я покачал головой. Это мой поединок и моя смерть. Чем закончится для Ланса вмешательство в бой, я понимал прекрасно.

Чем закончится бой для меня, я знал тоже.

— Я выбираю холодное оружие,— произнес наконец Шоррэй.— Я буду драться только мечом — а принц с несуществующей планеты может применять и свои плоскостные диски. Пусть это уравняет наши шансы.

Похоже, я недооценил Шоррэя. Он не был второсортным актером, играющим супермена. Он был звездой, вжившейся в образ. Он гениально написал свою роль — и каждая реплика должна была вызывать симпатию зрителей. Не случайно нам позволили добраться до Храма...

— Оружие выбрано,— сообщил Храм.— Деструкторы и излучатели участников поединка заблокированы.

Я достал из чехла плоскостной диск. Шоррэй уклонится от него или поймает в воздухе. Но почему-то я должен был его кинуть, повторяя начало предыдущего поединка... Почему?

Главный недостаток подсознательных поступков в том, что они непонятны себе самому.

Шоррэй не спешил начинать. Он окинул взглядом зал — но я чувствовал, что Шоррэй следит за каждым моим движением. Сказал, обращаясь то ли ко мне, то ли к принцессе:

— Удивительно, как похожа символика всех планет. Даже на родине нашего забавного принца черный цвет означает злобу и ложь, а белый — чистоту и благородство.

Я ощутил, как исчезает страх. По-настоящему великие актеры знали чувство меры...

— Ты переигрываешь, Шоррэй. На мне комбинезон твоей армии. Я не имел времени перекраситься в белый цвет.

На лице Шоррэя мелькнула ярость. Он не терпел насмешек даже от обреченного противника.

— Нас рассудят мечи, принц.

Оружие оказалось в его руке молниеносно. Хорошо иметь реакцию раза в три быстрее нормальной.

Плоскостной диск отправился в свой короткий полет. От моей руки — к руке Шоррэя.

— Варварское, чудовищное оружие,— с горечью сказал Шоррэй.— Ты ввел его в обиход — и в этом твоя вина.

Хорошие актеры способны разыгрывать одну и ту же сцену в любой обстановке. Шоррэй почти дословно повторял свои прошлые реплики.

Я почувствовал робкое дыхание надежды.

— Ты заслужил смерть, Шоррэй.— Я достал пистолет. И нажал на спуск.

Серебристый веер крошечных плоскостных дисков. Размытая тень человеческой фигуры, с немыслимой скоростью уклоняющейся от них.

— Ты даже не задел меня,— Шоррэй двинулся вперед.— Доставай меч, принц с планеты, которой нет.

Я вынул из-за спины меч. Ну давай же, Шоррэй. Произноси придуманные загодя слова. Готовься к неизбежной и красивой победе...

— Каждого ожидает свой конец,— послушно заявил Шоррэй.— Ты умрешь красиво и без мучений. Этот поединок видят многие — они подтвердят мою правоту. Я знал, как ты закончишь свою жизнь, еще до твоего появления на планете. Защищайся, принц.

Короткий поединок. Обмен ударами. Мой меч, становящийся с каждым выпадом все короче...

Мне нужно хотя бы три-четыре сантиметра плоскостного клинка.

Я атаковал. Сложный прием... укоротивший мой меч наполовину. И нарастающий холодок в груди. Да, у меня есть шанс, ничтожный шанс кролика, которым может поперхнуться удав. Но в любом случае мне придется прыгнуть выше головы — пускай не сравниться с Шоррэем в скорости, но хотя бы приблизиться к нему.

— Ты знаешь больше, чем я думал. И мог бы стать интересным соперником... со временем.

— Стой, Шоррэй! — закричала принцесса. Но Шоррэй словно и не услышал ее.

— Умри, дикарь.

Он начал атаку — вполсилы, в треть доступной скорости. Так, чтобы успели восхититься невидимые зрители. Так, чтобы я успел осознать неизбежность смерти...

Меч Шоррэя срезал остатки моего клинка — на этот раз не полностью, я слегка задержал руку. И начал неотвратимое движение к сердцу.

Вот только за миг до удара я нырнул под опускающийся меч.

Он еще пытался достать меня клинком. Пробовал перейти в оборону, увернуться... Но красивый и эффективный удар в сердце опасен именно тем, что его нельзя прервать на половине. Даже с нечеловеческой реакцией...

Я упал под сверкающий плоскостной меч, под распластавшуюся в выпаде фигуру Шоррэя. И вскинул руку с коротким, жалким обрубком своего клинка.

Лезвие коснулось груди Шоррэя — и остановилось, словно упершись в непроницаемую броню. Шоррэй все-таки включил защиту комбинезона. Великий актер не хотел умирать от рук статиста...

Интуитивно, словно по чьей-то подсказке, я сжал рукоять меча, включая систему заточки лезвия. Остатки клинка окутались белым пламенем. И вошли в тело — легко, словно раскаленный нож в масло.

Шоррэй закричал. Он падал на лезвие, он все еще продолжал свой бесполезный удар. А светящийся, непрерывно заостряющийся клинок вспарывал его тело. Затачивающее поле, окружавшее лезвие, разрушало молекулярные связи, превращая тонкий хирургический разрез в зияющую рану.

Я выбрался из-под неподвижного тела. Пальцы все еще сжимали рукоять меча, и клинок полыхал белым огнем, утончаясь, истаивая, как кусок рафинада в горячем чае.

Никто не произнес ни звука. Гвардейцы словно окаменели. Принцесса вцепилась в плечо Ланса. Курсант не отрывал от меня остановившегося взгляда.

Шоррэй медленно перевернулся на спину. Попытался приподняться на локтях — и не смог. Что-то прошептал.

Я шагнул к нему. И услышал тихий голос, даже сейчас не утративший властности и уверенности:

— Ты не мог угадать удар... Ты не мог меня убить.

— Но я смог.

— Ты все равно...— Шоррэй закашлялся, на губах у него выступила розовая пена. Но он продолжил: — ...все равно изгой. Победив меня, ты не победишь предрассудки наших миров. Ты игрушка... в чужих руках. Ты пришелец с несуществующей планеты. Ты неполноценен.

— Я победил.

— Ты проиграл. Ты поймешь это... уже сегодня.

— Я победил. Я принц.

— Ненадолго... Я понял твою тайну, но слишком поздно. А ты ее не узнаешь никогда. Нельзя было драться с тобой... здесь...

— Какую тайну?

Шоррэй улыбнулся. Издевательски и победно. Он доигрывал свою роль.

— Прощай, принц...

Он закрыл глаза — и я понял, что никто и никогда больше не услышит голоса правителя Шоррэя. Он унес с собой мою тайну — если она действительно существовала. И умер в твердой уверенности, что я проиграл.

А Шоррэй Менхэм всегда рассчитывал будущее.

Я положил рядом с ним обломок меча, ставший тонким, как швейная иголка. И спросил у растерявшихся гвардейцев:

— Кто старший в вашей похоронной команде?

Один из гвардейцев молча вышел вперед.

— Заберите тело и убирайтесь с планеты.

— Рекомендую сделать это быстро,— добавила подошедшая принцесса.— Союзный флот прибудет через несколько часов и уничтожит всех, кто собирается сражаться дальше.

Она коснулась моей руки.

— Мы победили...

Я посмотрел в глаза — голубые, как небо Земли, в которых были радость и восхищение, спокойствие и уверенность. В которых не было и не могло быть любви.

Мы победили. Я проиграл.

7. Выбор

Слуга поставил поднос с завтраком и замер, ожидая приказаний. Я кивнул, отпуская его.

За столом в моей комнате мог уместиться десяток человек. И принесенных продуктов вполне хватило бы для легкого завтрака всем.

Даже у игрушечного принца есть свои привилегии.

— Хочешь перекусить?

— Не откажусь, принц.

Эрнадо взял с подноса горсть крошечных оранжевых ягод.

— Попробуйте их, принц. Это королевская еда — лишь

на одной-единственной планете в галактике растет снежный виноград.

Я отправил в рот пригоршню ягод. Губы обожгло маслянистым холодком. Странный, дразнящий вкус — кисло-сладкий и мятный одновременно.

Никогда не любил сигарет с ментолом и мятных жевательных резинок.

— Рассказывай дальше, Эрнадо.

Мой бывший учитель торопливо отложил оранжевую гроздь.

— Я вел бой на самой границе нейтрализующего поля. Когда катер подбили, вошел в поле за несколько секунд до взрыва, который из-за этого не произошел. Мне оставалось лишь приземлиться.

— Не самое простое занятие с неработающим двигателем.

— Гравикомпенсатор смягчил удар. Ну а в горах меня не смог бы взять и батальон гвардейцев... Когда я увидел, что началась эвакуация, то стал пробираться к дворцу. Было ясно, что Шоррэй проиграл. Конечно, что он мертв, я не предполагал...

— Это была случайность.

— Шоррэя нельзя победить случайно, принц.

В голосе Эрнадо звучала такая убежденность, что я не стал спорить. Перебрав несколько блюд, я выбрал наконец приемлемое — копченое мясо, нарезанное узкими полосками и залитое почти безвкусным соусом.

Эрнадо покосился на окно. Сквозь густую зелень парка проглядывало почерневшее от пожара здание одного из дворцов.

— Гиары выплатят репарации, и немалые,— мстительно сказал он.— Через месяц-другой все разрушенное восстановят. Жаль, что...

Он замолчал.

Я глотнул воды из хрустального бокала. Неплохая минералка, но «Боржоми» лучше.

— Продолжай, Эрнадо,— попросил я.— Жаль, что я этого не увижу? Не так ли?

Эрнадо опустил глаза.

— Отвечай!

— Да, принц.

Я встал из-за стола. Подошел к огромному круглому зеркалу на стене. Деревянная рама, покрытая неизменной резьбой, была произведением искусства. Само зеркало, безукоризненно ровное и чистое, отражало меня в полный рост. Костюм из тонкой золотистой ткани. Великолепно уложенная парикмахером прическа. Принц...

— Повелителем великой планеты не может быть человек, пришедший ниоткуда, лорд с несуществующего мира,— сказал я.— Героем, победившим Шоррэя,— пожалуйста. Хорошим парнем, достойным золотого памятника в натуральную величину,— ради бога. Кем угодно. Но не повелителем планеты, не будущим императором. Не мужем принцессы. Так, Эрнадо?

— Да.

— Ты знал об этом всегда, с первой нашей встречи. Но ничего не сказал. Почему?

— Я спасал свой мир, принц. Свою планету. Я виноват, но иначе поступить не мог.

Я задумчиво посмотрел на Сержанта. Я тоже был виноват перед ним — вот только он этого не знал. Ужасно удобная ситуация, когда вина превращается в обиду...

— Быть может, я попрошу от тебя чего-то очень похожего, Эрнадо. Пусть даже окажусь в свою очередь неправым.

Эрнадо с любопытством посмотрел на меня. Ответил, тщательно подбирая слова:

— Это будет справедливо, принц. Я в долгу перед вами, а моя планета в безопасности.

Я кивнул. И произнес неожиданно для самого себя:

— Кажется, мы договорились быть на «ты», Эрнадо?

— Тогда мне придется не называть вас принцем или лордом. С этими словами фамильярность у меня не получится.

— Я не совсем лорд и совсем не принц, Эрнадо. Я Серж с планеты, которой нет.

Эрнадо ответил, словно переступая невидимый порог:

— Ты прав, Серж. Это по крайней мере честно... Ситуацию тебе объяснила принцесса?

— Нет. Она никак не решится на крупный семейный разговор.

— А кто же?

— Шоррэй. В доверительной, но, увы, короткой беседе.

Доканчивать завтрак Эрнадо пришлось в одиночестве. Меня охватило то странное состояние, в котором процесс размеренного поглощения пищи или просто пребывание на одном месте кажется преступлением. Я отправился к принцессе.

С каждой минутой дворец все больше казался похожим на лабиринт. Целеуказателя у меня не было, а спросить кого-нибудь из немногочисленных слуг мешало самолюбие. Принц, заблудившийся во дворце, пусть даже и чужом,— отличная тема для анекдотов.

Я бродил по огромным залам — камень и дерево, ни малейших следов техники, во много раз опередившей земную. Наверное, потому ее и не было видно, что она напоминала земную, как умещающийся в дипломате компьютер первые ламповые ЭВМ... Я проходил по галереям, абсолютно прозрачным изнутри, но выглядевшим каменными снаружи. Шел коридорами, где дыхание древности было столь достоверным, что становилось фальшивым.

Этот мир тоже играл свою роль, как Шоррэй — роль сверхчеловека. Он был монархией, потому что это устраивало каждого подданного. Лучше быть императорским солдатом или младшим дворцовым слугой, чем военнообязанным насквозь демократичного режима или уборщиком в здании парламента. Легче жить по туманным обычаям и ритуалам тысячелетней давности, трактуя их как только угодно, чем устанавливать и выполнять справедливые законы, устаревающие на следующий день после подписания.

А уж если существует монархия, то необходим очень древний и таинственный дворец. Не беда, что в его стенах больше металла и микросхем, чем камня. Главное — фасад. Главное — не выйти из роли.

С детства ненавижу написанные на бумаге экспромты и хорошо отрепетированные любительские спектакли.

Я остановился посреди очередного зала, напоминающего выставку батальной живописи. Картин здесь было не меньше сотни, а в сюжетах мирно соседствовали взмыленные лошади и падающие на скалы звездолеты. Наверное, художник нашел бы здесь немало интересного.

К сожалению, я абсолютно не умею рисовать.

— Кратчайший маршрут к помещению, где сейчас находится принцесса,— сказал я.

В этих дворцах легко заблудиться, прожив в них всю жизнь. А императору тоже не к лицу звать на помощь слуг.

На белых мраморных плитках, которыми был выложен пол, появилась тонкая, светящаяся красным линия. Я удовлетворенно кивнул.

Ритуал есть ритуал, против него не пойдешь. Если уж положено ввести голос принца в компьютер дворца, это будет сделано. А вот сообщать временному принцу о том не обязательно.

Я пошел по светящейся линии, гаснущей под моими ногами.

У дверей стоял охранник. Не то из тех, кто скрывался в горах от превосходящих сил противника, не то из спешно завербованных на союзных планетах. В «электризованном»

плаще, красиво облегающем фигуру, с плоскостным мечом и пистолетом на поясе. Если его и удивило мое появление, то он ничем это не показал. Лишь произнес подчеркнуто вежливо:

— Принцесса просила не беспокоить ее.

— Меня эта просьба не касается,— ответил я, отстраняя охранника в сторону. Слава богу, это было воспринято как должное.

Все же я — немного принц.

Комната оказалась совсем небольшой и почти лишенной украшений. Наверное, потому, что предназначалась для работы, а не для создания королевского антуража. Панорамное окно. Широкий, темного дерева стол с утонувшим в бумагах компьютерным терминалом. Кожаное кресло, судя по размерам, предназначенное для принцессы. Больше ни одного кресла или стула не было. Посетители здесь не предполагались...

Принцесса поднялась навстречу. Сегодня на ней был строгий серый костюм «а ля секретарша большого босса». Длинная плиссированная юбка, короткий пиджачок... Красивый костюм, земная секретарша в таком пошла бы на первое свидание.

И все-таки красный цвет принцессе идет больше.

— Доброе утро,— сказал я, усаживаясь на край стола.

— Доброе утро, Сергей.

Она казалась скорее смущенной, чем растерянной. Мой визит был неизбежной, но тягостной для обоих процедурой.

— Никаких новых сведений о судьбе императора не поступало?

Принцесса вздрогнула.

— Нет. Наверное, ситуация была безвыходной, и папа воспользовался кольцом...

Я понимающе кивнул. В семейную хронику императорской семьи меня немного посвятили. Принцесса росла без матери, это был то ли слегка завуалированный развод, то ли длительная размолвка по непонятной никому причине. О том, где находится его жена, не знал и сам император. И все же он предпочел позорному плену путешествие в никуда — через гиперпространственный туннель, соединяющий его кольцо и кольцо императрицы.

— Твой отец смелый человек,— просто сказал я.

Передо мной сидела уже не принцесса — безмерно уставшая девушка, волнующаяся о судьбе отца. Наверное, он очень многое для нее значил — немолодой, одинокий человек, единственный, кто звал ее по имени, чья похвала не была неизбежной лестью, а порицание — государственным

преступлением. Император был единственным связующим звеном, живым, реальным человеком между принцессой и длинной чередой титулованных предков.

Он был ее отцом — и это значило ничуть не меньше, чем на Земле.

— Ты думаешь, папа жив? — нерешительно спросила принцесса.

Ей было важно даже мое мнение...

— Думаю, да.

— Почему?

— Он поступил так нелогично, что ему обязательно должно повезти.

Принцесса пожала плечами. Мою теорию о неразрывной связи нелогичных поступков и удачи она не разделяла.

— Много дел? — спросил я, поднимая со стола покрытый мелким текстом листок.

— Да. Планета не скоро оправится от случившегося. Мы потеряли две трети армии.

— Я вижу, ты справляешься.

— Я принцесса.

Ее голос неуловимо изменился. Начинался разговор, которого мы оба не хотели.

— Я мог бы помочь.

— Тебе нужно отдохнуть.

«Я — принцесса. Ты — чужак. Смелый, сильный, полезный, но чужой».

— После Храма прошло двое суток. Я вполне отдохнул. А прогулки по саду тоже по-своему утомительны.

— Я распоряжусь об организации путешествия по планете. Ты герой, которого все хотят увидеть собственными глазами.

«Увидеть, пока герой не отбыл на родину».

Я посмотрел в глаза девушки, которую любил всю жизнь. Они не были сейчас голубыми, они были цвета пасмурного осеннего неба.

Но дождь из такого серого неба не прольется.

— Для развода нам придется пойти в Храм? Или эта формальность требуется лишь в особых случаях?

Наступила тишина. Из принтера выскользнули на стол еще два листа с неотложными сообщениями.

— Ты все понимаешь? — тихо спросила принцесса.— Дело не в тебе, а в твоей планете. Это была забавная мелочь для тринадцатилетней девочки, но сейчас я знаю...

— Твой народ не примет правителя из несуществующего мира. Союзные планеты не захотят общаться с принцем, на чьей родине лежит проклятье Сеятелей. Мудрых, всеве-

дущих существ, посчитавших землян недостойными галактической цивилизации.

— Да.

Я покачал головой:

— Это неправда, принцесса. Точнее, меньшая часть правды. Ты не любишь меня — и это главное.

Принцесса отвернулась.

— Я никого сейчас не люблю, Сергей.

Отойдя к окну, я прижался лбом к стеклу. Не люблю осенний дождь и женские слезы. А еще — ненавижу, когда горло перехватывает бессильная обида на чужую подлость.

— Я никогда не предал бы тебя.

— Наверное... Я очень многим тебе обязана... как и вся наша планета. Я была бы тебе женой, настоящей женой, и смогла бы полюбить. Но на твоем мире — клеймо прокаженного.

Хорошо, что можно закрыть глаза. Не хочу видеть горы, за которыми стоит Храм Сеятелей. Не хочу думать о существах, покоривших пространство и время — но забывших построить на маленькой планете зеркально-черный шар: волшебный ключ, открывающий двери во Вселенную.

Не хочу снова учиться ненавидеть!

— Ты можешь взять с собой всё что захочешь. Оружие, технику, драгоценности. Максимальная масса переброски через гипертуннель составляет около семидесяти тонн. Планета отдаст тебе весь энергетический потенциал, накопленный за сотни лет. Я уверена, никто не будет против. Это достойная награда, но и она мала за то, что ты совершил!

Я засмеялся. Черт, истерики мне только не хватало! Оружие, техника, драгоценности... Атомарный меч в ножнах на оклеенной обоями стене квартиры! Небоскреб в центре города, выстроенный на золото инопланетной цивилизации!

Парочка боевых катеров, перемалывающих авиацию сопредельных стран.

Нейтрализующее поле, прикрывающее новоявленную империю от старомодных термоядерных бомб.

Вооруженная деструкторами армия, которую легко сплотить вокруг возвышенной цели всепланетного государства. Или, на худой конец, сотня-другая психопатов с деструкторами, которым не нужно никакой возвышенной цели. Только приказ! И непокорные города превращаются в молекулярную пыль.

Мир во всем мире!

Бурные продолжительные аплодисменты!

Звездные корабли, которые строятся на земных заводах по неземным технологиям...

Приказ Верховного правителя отважным пилотам: найти планету, где правит императорская династия...

— Нет...— прошептал я.— Нет. Нет!

Подлости не стоит даже любовь.

Земля сама придет к всемирному государству и звездным кораблям. Без разрушенных городов и безумствующих тиранов. Со мной или без меня — она докажет свое право войти в галактическую цивилизацию.

Земля не станет планетой, лучше всего умеющей убивать.

— Нет,— повторил я.

— Сергей, я не понимаю...

— Не обращай внимания. Это своё... воспоминания о прошлом и будущем.

Я повернулся к принцессе. Наверное, в лице у меня было что-то страшное — она вздрогнула.

— Принцесса, мне не нужен энергетический потенциал, который накапливался сотни лет. И семьдесят тонн драгоценностей тоже. Мне нужен только звездный корабль, способный летать без маяков, в свободном поиске.

— Зачем? — Она осеклась. И спросила:

— Ты хочешь найти Землю?

— Да.

— Это безнадежно, Сергей. Сеятели изолировали твой мир навсегда.

— Тогда я найду Сеятелей. Те, кто покорил время, не исчезают бесследно.

Будь на месте принцессы христианка, она бы перекрестилась.

— Ты не найдешь экипаж, который отправится в такой путь!

— У меня есть друг, который кое-чем мне обязан.

— Ланс? Он согласится, но он почти ребенок.

Я невольно улыбнулся:

— Ланс? С удовольствием, если он рискнет. Но я говорю о другом человеке. О несостоявшемся главнокомандующем вашей армии...

Принцесса не стала ничего переспрашивать. Она смотрела на меня — и я узнавал этот взгляд.

Растерянный и гордый взгляд девочки, из-за которой пошли на смерть.

— Тебе дадут лучший корабль.

Я кивнул. И, поколебавшись, решился:

— Мне нужно сделать заявление о разводе?

Теперь медлила с ответом принцесса.

— Если ты улетишь с планеты... и будешь фактически отстранен от правления... необходимости в такой поспешности не будет. Не стоит так откровенно демонстрировать фиктивность брака.

Я почувствовал слабость во всем теле, как после жестокой драки. Словно я выиграл самый важный бой. Словно не только я, но и принцесса сделала свой главный выбор.

Всеми силами заставляя себя не оглядываться, я пошел к двери. И услышал голос принцессы:

— Сергей, ты ведь даже не дал мне имени. Это наш обычай.

— Знаю. Но я еще не придумал его.

— Хорошо. Я подожду.

Я остановился, прижавшись к теплому дереву двери. И тихо сказал:

— Если устанешь ждать... или сможешь влюбиться... надень кольцо. Я сделаю все, что будет нужно.

— Я и не собиралась его снимать.

Толкнув тяжелую дверь, я переступил порог. Не оборачиваться, главное — не оборачиваться. Иначе мне не заставить себя уйти в неизвестность.

И снова меня остановил ее голос:

— На твой поиск уйдет вся жизнь! Но даже тысячи жизней будет мало!

— Пусть,— ответил я.— Пусть.— И прежде чем закрыть за собой дверь, сказал то, что понял у Храма Сеятелей, стоя рядом с принцессой и еще оставаясь самонадеянным лордом с несуществующей планеты:

— Любовь стоит жизни.

ПЛАНЕТА, КОТОРОЙ НЕТ

Роман

Часть первая

БЕЛЫЙ РЕЙДЕР

1. След

Улица была до неприличия узкой и состояла из сплошных поворотов. Я бежал по истертым временем камням, оскальзываясь в кучах отбросов и задевая омерзительно влажные стены. Из окошек, расположенных не ниже двух-трех метров над мостовой и забранных вдобавок толстыми решетками, падали тусклые пятна света. Пару раз сверху запускали вслед пустыми бутылками — к счастью, не слишком метко.

Судя по топоту, преследователи догоняли. Эти закоулки они знали гораздо лучше меня, да и опыта погонь в каменных лабиринтах у них было больше. Единственное, что им мешало, — многочисленность и желание поскорее разделаться со мной. Несколько раз я слышал позади шум падения и ругань, неизбежно сопровождавшую возникающий затор.

На очередном повороте я заметил мелькавшую впереди фигуру. Человек, которого я выслеживал почти две недели, удирал с энергией, порожденной смертельной опасностью. Удивительно, какую скорость ухитрился развить тщедушный, прихрамывающий и вдобавок избитый полчаса назад неудачник.

Не останавливаясь, я вытянул из нагрудного кармана два легких белых шарика, напоминающих теннисные мячи. Сжал их в ладони, сминая защитные оболочки, и бросил через плечо. В общем-то, ничего против своих преследователей я не имел, у них действительно были веские основания для недовольства. Но не тратить же время на умиротворяющие разговоры!

Шарики, оставленные на дороге, действовали безотказно. Я не видел, как они раскрылись, превращаясь в квадратные сети из тонкой, почти невидимой для глаз нити. Но

крики людей, угодивших в затаившиеся под ногами ловушки, не услышать невозможно.

Уже через мгновение воплн смолкли. Паутинные мины убивали не сразу, но, сворачиваясь сетью, они в первую очередь лишали жертву возможности дышать.

Кости начинали ломаться лишь через несколько минут.

Я поднажал: если улица начнет разветвляться, то у моего собственного преследуемого появится шанс удрать...

Если он на это надеялся, то напрасно.

Сильным ударом в плечо я повалил его на мостовую, прямо в лужу возле единственного на всю улицу фонаря — конечно же, не горевшего. И остановился, переводя дыхание.

Сзади пока было тихо. Погоня задерживалась.

— Придурок. — Я едва удержался от более крепких выражений. — Ты думаешь, я стал бы спасать карточного шулера ради удовольствия лично его прикончить?

Беглец не ответил. Он ворочался в грязи, не делая даже попыток подняться. Я нагнулся и брезгливо перевернул его лицом вверх. Сероватая кожа уроженца Дальедо, черные волосы и блеклые голубые глаза, рваный шрам через правую щеку. Все приметы сходились.

— Отвечай честно и останешься жив. Понял? — Я коснулся незаметных кнопок на широком золотом браслете, и овальный кристалл засветился желтым.

— Это детектор лжи, — предупредил я. — Так что подумай, прежде чем отвечать.

Мужчина молча кивнул и с опаской покосился в темноту, откуда вновь донесся шум погони.

— Ты Редрак Шолтри с планеты Дальедо, бывший пилот флагманского корабля второй трансгалактической экспедиции. Верно?

— Меня давно не называли этим именем.

— Отвечай!

— Да!

— Молодец, — похвалил я, когда кристалл на браслете мигнул зеленым. — Продолжай в том же духе. Какие районы были обследованы экспедицией?

— До двенадцатого включительно, по шестой координатной оси в системе измерений Дальедо.

Браслет снова подтверждающе засветился.

— Неплохо, — искренне порадовался я. — Пятьдесят кубических единиц...

— Пятьдесят две.

Не так уж он был прост. Память бывшего пилота явно не пострадала от многолетнего пьянства.

— Причины гибели экспедиции?

Мужчина молчал.

— Чисто познавательный интерес, — успокоил я. — Мстить за кого-либо я не собираюсь.

— Мятеж, — нехотя ответил Редрак.

Зеленый огонек на браслете. Я усмехнулся.

— Что ж, не буду задавать невежливого вопроса, на чьей стороне ты был. И так понятно... Ты слышал о такой планете — Земля?

— Никогда. Кажется.

— Ее называют еще планетой, которой нет.

Редрак поднялся, вцепившись в фонарь.

— Я понял, кто вы, — сообщил он.

— Оставь свое знание при себе, — посоветовал я.

— Разумеется, принц.

Топот и злобные вопли неумолимо приближались.

— Я знаю о планете Земля, — продолжил Редрак. — Но прежде чем отвечу, вы должны поклясться, что спасете меня... от этих дикарей.

— А если не поклянусь?

Редрак усмехнулся:

— У вас есть детектор лжи, но нет времени на пытки или укол правды. Мое знание останется при мне... пусть даже в могиле.

— Клянусь.

— Я догадываюсь, что вы хотите спросить, принц. Нет, наша экспедиция не обнаружила планеты Земля. И не отыскала никаких намеков на ее координаты.

Кристалл мигнул зеленым. Правда, с небольшой задержкой... Но времени на размышления не было — из-за поворота показались преследователи. Я повернулся к ним лицом; Редраку сейчас явно незачем наносить мне удар в спину. Наоборот, я оставался его единственной надеждой.

— Вот они! — заорал бегущий первым двухметровый верзила. Смелость его явно соответствовала росту — возглавить погоню после паутинных мин решился бы не всякий.

В руках у здоровяка появилась внушительных размеров дубина, утыканная металлическими шипами. Занеся оружие над головой, он пошел ко мне. Сзади напирали желающие поучаствовать в линчевании.

Я неторопливо извлек из ножен меч. Длинный, очень тонкий меч с красной кнопкой на рукояти.

Верзила пренебрежительно хрюкнул. Саданул дубиной по стене — вниз посыпалось каменное крошево.

Медленно встав в боевую стойку, я нажал кнопку на рукояти меча.

По клинку пробежала волна яркого белого пламени, на

мгновение высветив десяток разъяренных лиц и самое разнообразное оружие.

Верзила замер как вкопанный, хрипло произнес:

— У него атомарный меч!

Преследователи остановились, разом утратив весь свой пыл.

— Верно, — подтвердил я. — Это атомарный меч, которым я неплохо владею. Так что у вас есть выбор: либо мы мирно расходимся в разные стороны, либо ухожу я с приятелем, а вы остаетесь здесь до утра. С рассветом вас уберут, чтобы не было вони.

Толпа начала рассасываться. Встречать рассвет в таком виде не хотелось никому. Только здоровяк с дубиной продолжал стоять.

— Ты защищаешь мошенника, который обдирал нас три вечера подряд! — сварливо заявил он.

— Он мне нужен, — просто ответил я.

— Ты убил двоих ребят в трактире, а еще двоих — своими ловушками на улице!

— Но ведь сначала вам предлагали выкуп за его жизнь?

Похоже, довод подействовал. Верзила опустил бесполезное оружие, тоскливо обернулся. Его спутники стояли далеко позади, прислушиваясь к разговору.

— Семьи убитых твои слова не очень-то утешат...

Я отстегнул с пояса тяжелый кожаный кошелек. Ужасно неудобно, что здесь не в ходу бумажные деньги.

— Возможно, золото окажется убедительней меня?

Верзила кивнул и быстро подобрал упавший к его ногам кошелек. Пробурчал:

— Возможно... Только не убедительней твоего меча.

Я подождал, пока неудачливые игроки и не менее невезучие линчеватели скрылись. И повернулся к Редраку.

Понятное дело, никуда он не убежал.

— Пошли, — коротко бросил я, направляясь в противоположную толпе сторону. Редрак, ощутимо прихрамывая, заспешил следом.

— Твоя паршивая шкура куплена дорогой ценой, — зло сказал я. — Вряд ли она стоила жизней четырех ни в чем не повинных людей.

— Не переживайте, принц, — жизнерадостно заявил Редрак. — В этот трактир честные люди не ходят. А глотки там друг другу режут каждую неделю, без всякой помощи со стороны...

— Меня зовут Серж. Капитан Серж, если угодно, — оборвал я. — Остальное советую забыть.

— У капитана Сержа, очевидно, есть корабль? — вкрадчиво поинтересовался разговорчивый шулер.

Я промолчал.

— Рискну попросить капитана о небольшой услуге. В этом городишке мне больше неохота оставаться, а заработал я самую малость... Не подвезете ли меня до любой планеты, где есть воздух, вода и азартные люди?

Мне захотелось расхохотаться.

— Редрак, меня часто называют наглецом. Но тебе я не гожусь даже в ученики.

— Ну что вы, капитан, вы еще так молоды.

Все-таки я засмеялся. И неожиданно для самого себя сказал:

— Хорошо, Редрак. Я отвезу тебя на другую планету. Но весь путь ты проделаешь в корабельном карцере. Он не используется уже два года, а это расточительно.

— Вполне разумная мера, — вежливо согласился Редрак. — Карцер стандартный? Два на два и пять выше нуля?

— Разумеется.

— Что ж, в гробу теснее и прохладнее, — заключил Редрак философски. — Благодарю вас, капитан...

— И это вся твоя признательность?

Некоторое время мы шли молча. Улица петляла по-прежнему, но стала чуть шире. Мне приходилось укорачивать шаг из-за ноги Редрака.

— Капитан, вы поступаете очень благородно.

— Даже слишком.

— Нет, капитан. Как раз достаточно для неплохой новости. Вторая трансгалактическая действительно ничего не узнала о планете Земля. Но год назад я встретил человека, который говорил, что побывал на планете, которой нет. Он наткнулся на нее на поврежденном корабле... удирая от слишком назойливого патрульного крейсера.

Сердце застучало. Я сдавленно произнес:

— Чего стоит пьяная болтовня?

— О да, капитан, он был весьма пьян. Даже слишком пьян для азартного игрока... Но очень убедительно рассказывал о том, как покупал плутоний и титановые плиты в большом городе на берегу океана. Этот город назывался... кажется, Нюорк.

— Повтори! — закричал я, хватая Редрака за плечи. — Повтори название города!

Раздельно, подчеркивая каждое слово, Редрак повторил:

— Я встречал человека, утверждавшего, что он побывал на планете, которой нет. В городе под названием Нюорк или Ньюорк он покупал материалы, необходимые для ремонта корабля. Я уверен, что он не лгал.

Индикатор браслета-детектора светился зеленым.

А люди, подобные моему новому знакомому, никогда не говорят правды, невыгодной лично для них.

— Боюсь, Редрак, наше знакомство продлится дольше, чем мне хотелось бы, — прошептал я, отпуская дальедианца.

Редрак кивнул:

— Очень надеюсь на это, принц.

Бывший пилот просидел за компьютерным терминалом больше трех часов. Все это время я провел на маленьком угловом диванчике, чувствуя себя гостем в собственной каюте.

Редрак Шолтри обращался с компьютером поистине виртуозно. Он то шептал в микрофон отрывистые слова команд, то переходил на управление с клавиатуры, а порой просто принимался чертить что-то в воздухе тонкими гибкими пальцами. О таком уровне общения с машиной мне приходилось только мечтать.

Повинуясь командам, компьютер строил голографическое изображение. В медленно вращающемся над терминалом видеокубе появилось человеческое лицо — вначале туманное, расплывчатое. Затем линии обрели четкость, наметилась короткая стрижка, тонкие брови. Изображение стало цветным — бледная кожа с чуть заметным желтоватым оттенком, черные волосы, темно-серые глаза.

Редрак продолжал корректировать портрет. Уши претерпели ряд изменений, глаза стали у́же, на переносице возникло пятнышко — то ли родинка, то ли след ожога. Скулы слегка заострились.

Некоторое время Редрак разглядывал результат своих творческих усилий. Затем, покосившись на лежащий между нами браслет-детектор, заявил:

— Это портрет человека, утверждавшего, что он был на Земле. Я сделал его с максимально доступной точностью.

Браслет светился зеленым.

— Очень заурядная внешность, — с досадой отозвался я. — Каждый десятый, если не каждый пятый мужчина его возраста оказывается под подозрением. Цвет волос нетрудно изменить, кожа может потемнеть от загара. Он мог поправиться или похудеть...

— Да, капитан. Прошло уже три года. Человек его профессии сильно меняется за такой срок. Конечно, если вообще остается в живых.

— И ты действительно не знаешь его имени или родной планеты?

— Нет, капитан.

Некоторое время я молчал, глядя на объемный портрет

космического пирата, раздобывшего в Нью-Йорке плутоний и титан для ремонта своего корабля. Редрак Шолтри упорно добивался своей цели — и притом действовал вполне честно. Он знал, что мне нужно, и пользовался своим преимуществом на все сто.

— Почему-то мне кажется, — язвительно произнес я, — что ты узна́ешь этого человека, как бы сильно он ни изменился.

— Вы совершенно правы, капитан.

Я усмехнулся. А ведь Шолтри, пожалуй, нуждается во мне не меньше, чем я в нем.

— Не слишком приятная перспектива — заиметь в экипаже бывшего мятежника.

— Понимаю ваши сомнения, капитан. Но у меня нет ни малейшего желания предавать вас. Просто нынешняя профессия с каждым днем становится для меня все труднее.

Редрак смотрел подкупающе честным взглядом. Такой бывает лишь у очень талантливых обманщиков...

— Есть только одна возможность зачислить тебя в экипаж «Терры», — твердо сказал я. — Психическое кодирование.

Редрак дернулся и вскочил.

— Не проводите ли меня в карцер, капитан? — вежливо поинтересовался он. — Я с удовольствием поскучаю там до первой обитаемой планеты.

— А может, лучше проводить тебя до шлюза? — предложил я. — Мы еще не стартовали, и через пару часов ты сможешь вернуться к прежним занятиям.

Редрак кивнул. И со странной гордостью сказал:

— Хорошо, капитан. Я согласен погибнуть свободным человеком. Но жить рабом не соглашусь никогда.

Вот так шулер-пропойца... Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Впрочем, против этого лозунга я ничего не имею.

— Могу предложить тебе частичное кодирование, а не полное подавление воли. Улавливаешь разницу?

— И какие же правила вы собираетесь мне навязать?

Я с усмешкой разглядывал настороженное лицо Редрака. К счастью, мне не приходится изобретать велосипед. Умный писатель, живущий неподалеку от «Нюорка», придумал эти правила давным-давно. Все, что от меня требуется, — это переделать три азимовских закона роботехники для человека.

— Первое. Ты не должен своим действием или бездействием причинять вред членам экипажа моего корабля. Справедливо?

Редрак страдальчески скривился.

— Второе. Ты должен выполнять свои уставные обязан-

ности в той мере, в какой они не нарушают первый закон. Согласен?

— Ну...

— Третье. Ты вправе совершать любые поступки, которые не нарушают два первых закона. Вот и все условия.

Разумеется, я порядком исказил азимовские законы. Начиная с того, что свел понятие человека к гораздо более узкому кругу членов экипажа... Но что поделаешь, Редрак не робот, а я не миротворец, взявшийся за его перевоспитание.

В белых перчатках в космосе не путешествуют.

— Твои правила очень напоминают клятву верности на пиратских кораблях, — хмуро прокомментировал Редрак.

— Тебе виднее.

— А какое наказание последует за нарушением закона?

— Обычное. Остановка дыхания и сердечной деятельности.

Редрак молчал.

— Решай, — сказал я. — Решай, Шолтри. Мне всего лишь нужна гарантия твоих обещаний. Соглашайся — или отправляйся в карцер. До ближайшей планеты, где есть жизнь, я тебя доставлю.

2. Ночной гость

В люк постучали. Тихо, но вполне явственно.

Я с трудом разлепил глаза. Да, место для отдыха выбрано замечательно. В шлюзовой камере, на холодном, покрытом шершавой керамической броней борту катера. Если я не получу воспаление легких, то буду обязан этим лишь теплоизоляции полетного костюма. Под головой у меня лежала сумка с ремонт-комплектом, а сантиметрах в десяти от вытянутой руки светился раскаленным жалом невыключенный паяльник.

Присев, я потер лицо холодными ладонями. Какого дьявола автоматика поддерживает в шлюзе температуру окружающей среды? Морально готовит к обстановке на планете или экономит энергию?

Ну что-что, а энергию экономить нам не требуется. Падая в джунгли, корабль повредил не реактор, а дюзы и половину всей автоматики.

Впрочем, многое накрылось еще раньше, во время короткого, не больше трех секунд, поединка с пиратским кораблем. Его деструкторы, настроенные на материал логических кристаллов компьютеров, вывели из строя бо́льшую часть корабельной электроники, прежде чем залп наших

лазерных излучателей пробил защиту корсара. Вражеский корабль превратился в облако раскаленного газа, а мы пошли на вынужденную посадку...

В люк постучали снова. Взглянув на часы, я вздохнул. Пяти часов сна после двух суток непрерывной работы явно недостаточно. Интересно, а барабанить-то в люк зачем? Не проще ли нажать кнопку?

Я повернул голову на звук — и лишь теперь осознал нелепость ситуации.

Стучали не в дверь, ведущую во внутренние помещения корабля. Стучали в наружный люк.

Сон как ветром сдуло. Я коснулся плоскостного меча, висящего в магнитных ножнах на поясе, откинул фиксатор. Ничего способного противостоять атомарному оружию снаружи быть не могло — сразу после посадки корабль включил генератор нейтрализующего поля. Ни лазерные пушки, ни деструкторы, ни термоядерные бомбы в нейтрализующем поле не сработают.

Впрочем, какие лазеры могут быть на планете, где господствует феодальный строй?

Наверное, это мое самое слабое место. Я не могу не открыть дверь, в которую стучат, — пусть даже за ней неизвестность. С детства не терпел отключенных телефонов и запертых замков.

Конечно, наружную броню «Терры» покрывали сотни детекторов, способных, помимо всего прочего, дать отличное объемное изображение пространства перед кораблем. Но ремонтом этих датчиков я как раз и занимался, когда меня сморил сон.

Коснувшись управляющих сенсоров, я набрал комбинацию цифр, разблокирующих люк. Электронный замок был слишком прост, чтобы выйти из строя под ударом деструктора.

По экрану климатических детекторов — их пощадил случай — скользнула строка символов, автоматически переведенных подсознанием в привычные величины:

«Атмосфера пригодна для дыхания, токсические примеси отсутствуют. Температура — плюс семь градусов, влажность — сорок шесть процентов, скорость ветра — полтора метра в секунду».

Не самое уютное место...

Повторным касанием я подтвердил команду на открытие люка. Тяжелая толща плиты медленно поползла вверх.

Яркий белый свет включившихся ламп разогнал темноту перед люком. Водяная морось, оседающая на раскисшую землю; узкая металлическая лесенка, уходящая вниз; пова-

ленные при посадке деревца, напоминающие обмотанный колючей проволокой саксаул.

Никого.

Я постоял, вглядываясь в темноту, жмурясь от мокрых касаний ветра. Никого нет. И быть не могло — мы опустились посреди леса. Ну а если кто-то из туземцев и оказался поблизости — к кораблю он по доброй воле не подойдет. Огромный металлический шар, в клубах пламени опускающийся на лес, выдвигающий толстые колонны-опоры, ломающий как спички вековые деревья... Такое зрелище не для средневековья. А уж лезть по пятиметровой лестнице, на первый взгляд способной сломаться от малейшего прикосновения, колотить потом в овальный люк, ничем не напоминающий нормальную дверь, — это уж вовсе нелогичное поведение...

Возможно, стучались все-таки изнутри? Или у меня слуховые галлюцинации?

— Я заблудился...

Точно. Глюки. Я снова посмотрел в проём.

Галлюцинации явно прогрессировали, переходя в зрительные, и уже приняли вид маленькой темной фигурки, стоявшей на лесенке на полпути к люку.

— Я заблудился, — повторила фигурка тонким детским голосом.

— Поднимайся, — велел я, протягивая руку. Ситуация становилась более объяснимой. Возможно, местные рыцари и не рискнут стучаться в спустившийся с неба шар. А вот заблудившийся и замерзший ребенок в первую очередь испугается ночного леса — а лишь потом таинственного «замка».

Крепко взяв мальчишку — или девчонку? — за руку, я втянул его в люк.

Мальчишка. Лет одиннадцати-двенадцати, худенький, большеглазый. Цвет волос и кожи оставался загадкой, скрываясь под равномерным слоем жидкой грязи. Изодранные клочья ткани при хорошем воображении можно было счесть брюками и курточкой.

— Ты один? — спросил я, с невольным состраданием разглядывая неожиданного визитера.

— Да... Я заблудился.

— Это и так понятно. Считай, что теперь ты нашелся.

Я закрыл люк. Мальчишка стоял на месте, никак не реагируя на происходящее. Его не удивляли ни электрическое освещение, ни катер. Еще бы... Побродить в темноте полуголым по местному лесу, продираясь через колючий кустарник и не менее шипастые деревья, — после этого сил на удивление просто не останется! Первым делом мальчишке была необходима горячая ванна. Потом можно будет за-

няться лечением, кормлением, выяснением местожительства и ответами на неизбежные вопросы.

— Идти можешь? — Я легонько похлопал гостя по плечу.

Придерживая мальчишку за руку, я вошел в лифт. Когда кабина остановилась и мы оказались в широком коридоре жилого уровня, он прошептал:

— Тепло...

Босые ноги оставляли на белом ворсистом покрытии пола бурые следы. Я с сожалением вспомнил, что большинство автоматов-уборщиков вышло из строя, а до ремонта руки еще не доходили. Мало, слишком мало человеческих рук на моем корабле.

— Заходи.

Открыв дверь своей каюты, я провел его в ванную. Мальчишка пока не задавал никаких вопросов, и меня это вполне устраивало. Чем меньше он запомнит из происходящего, тем лучше для него. Когда он объяснит мне, откуда появился, то получит пару таблеток сильного снотворного. А затем — полчаса полета на флаере и пробуждение на пороге дома. Корабль останется у него в памяти как красивая волшебная сказка...

В крайнем случае на планете появится легенда о добром чародее из заколдованного железного за́мка.

Я установил температуру и напор воды, вскрыл упаковку бактерицидного мыла. Мальчишка наблюдал за моими действиями с пробуждающейся искоркой интереса.

— Давай забирайся... сюда.

«Сюда» означало ванну — двухметрового диаметра емкость из розового пластика. Вряд ли мальчишка с этой планеты встречался с чем-то подобным.

— Я сам.

— Я помогу тебе. Не стесняйся.

Мальчишка взглянул на свои лохмотья:

— А мне уже и нечего стесняться.

Я помог ему снять остатки одежды, поставил в ванну. Дальнейшее больше всего напоминало выкапывание картофеля из раскисшего осеннего поля.

Минут через десять я критически взглянул на результат своих усилий. Мальчишка выглядел вполне по-земному. Слегка загорелый темноволосый пацан, исцарапанный в самых неожиданных местах. Серьезных ран — хоть это хорошо — не было. Сменив воду, я усадил его греться, а сам вышел из каюты.

Возникающие проблемы лучше решать как можно быстрее — и с наименьшей затратой сил... Я достал из нагрудного кармана пластинку внутрикорабельного фона.

— Ланс, ты занят?

На плоском экранчике возникло лицо второго пилота. Судя по всему, он выбирался из узкой трубы, забитой паутиной проводов и вскрытыми коробочками логических схем. Даже не подозревал, что на корабле есть такие закоулки.

— Не слишком, капитан. Заканчиваю настройку внешних детекторов.

Я усмехнулся. Вещь нужная, но запоздалая.

— Ты можешь подойти ко мне в каюту?

— Конечно, капитан,— с готовностью отозвался Ланс.— Что-то случилось?

Я коротко обрисовал ситуацию. Ланс тем временем выбрался из туннеля и, не прерывая связи, направился к лифтам. Краем уха прислушиваясь к плеску за полуоткрытой дверью, я объяснил Лансу задание.

— Мальчишку надо накормить, напичкать лекарствами, хорошенько расспросить, выяснить, где расположено его селение. И доставить на флаере прямо к порогу.

— Ясно.

Ланс уже спускался к нам в тесной капсуле скоростного лифта. Фон он продолжал держать перед собой, и я заметил мелькнувшую на его лице тень.

— Капитан, вы поручаете это задание мне как самому младшему? — обиженно спросил он.

Я примиряюще улыбнулся. Настоящая причина была еще обиднее: Ланс разбирался в ремонте электронных схем немногим лучше меня.

— Да. Ты старше его лет на пять, вам будет легче найти общий язык. Надо побыстрее избавиться от нашего юного гостя и продолжить подготовку к старту.

Из открывшейся двери лифта появился Ланс, на ходу пряча фон в карман комбинезона. Коротко спросил:

— Он еще в ванной?

Я кивнул.

— Можешь вытаскивать его из воды, вытирать и приступать к кормлению. Управься побыстрее, хорошо?

Ланс хмуро пообещал:

— Обязательно, капитан. В кадетском корпусе мне часто давали в подшефные трудных новичков. Опыт имеется...

Я с трудом подавил улыбку. Ланса я знал достаточно долго, чтобы не обращать внимания на напускную свирепость. В бою семнадцатилетний пилот мог хладнокровно прирезать пару-другую противников. Но беззащитному мальчишке он не даст даже шлепка.

Прикрыв глаза, я погрузился в дремоту. Имею я право еще на час сна, пока Ланс будет возиться с юным туземцем?..

— Капитан!

Я взглянул на Ланса, прогоняя сонное оцепенение. Такого удивления в его голосе не было даже после поединка в Храме Вселенной, когда я убил непобедимого Шоррэя Менхэма, владеющего мечом раз в сто лучше меня...

— Капитан, — уже тише повторил Ланс. — Простите, но... на каком языке вы разговаривали с мальчиком?

Наш ночной гость стоял за Лансом, кутаясь в огромное пушистое полотенце и с любопытством поглядывая на пилота.

— Глупый вопрос... на стандартном галактическом, конечно. Других я не знаю.

— Знаете, капитан, — тихо возразил Ланс. — А на галактическом мальчишка не понимает ни слова.

Усталость окончательно лишила меня способности соображать. Я упрямо повторил:

— Мы говорили на стандарте, Ланс.

— Откуда он может знать галактический язык? Планета крайне отсталая, корабли на нее опускаются лишь случайно. Согласно справочникам, общаются туземцы на нескольких местных диалектах...

Я подошел к мальчишке, опустился перед ним на корточки. Спросил:

— Ты понимаешь меня?

— Да.

— А то, что говорит мой друг?

— Нет.

До меня начало кое-что доходить — но все еще слишком медленно. Я тупо спросил:

— Каким языком ты владеешь?

Мальчишка зевнул. После горячей ванны он совсем размяк, его неудержимо тянуло в сон.

— Русским.

Я так и сел. А Ланс разочарованно спросил:

— Так что же, это и есть Земля, принц?

3. Мозговой штурм

Комната совещаний рассчитана на большой полноценный экипаж. Сейчас, когда в ней находились только четверо, она казалась пустой.

Я обвел взглядом товарищей. Эрнадо, мой наставник в воинском искусстве, бывший сержант, а ныне лейтенант императорских ВВС планеты Тар. Развалившись в удобном мягком кресле, в накинутом поверх комбинезона свободном

«электризованном» плаще, он выглядел бы более чем мирно, если б не корявые шрамы на скуле.

Ланс. Единственный курсант, уцелевший из двухсот тридцатого выпуска офицерского корпуса Тара. Получивший орден Верности — высшую награду своей планеты... И лишенный звания за решение прервать обучение и отправиться со мной в бесконечный полет к Земле.

Редрак Шолтри. Один из лучших пилотов планеты Дальедо. Пират. Мошенник. И — после сеанса гипнокодирования — мой охранник поневоле.

Экипаж. Два друга и один недовраг. Люди, по самым разным причинам решившие помочь мне в поисках Земли.

Молчание затягивалось. Наверное, у всех было что сказать, но правила устава и неписаные законы корабельной этики требовали первого слова от капитана.

— На моей планете, — начал я, — на той самой, которую мы так успешно ищем уже два года, есть понятие мозгового штурма. Суть его проста: говори любой вздор по интересующей проблеме, а потом разбирайся, не сказано ли случайно что-то умное.

— Ты всегда так и делаешь, — буркнул Эрнадо. Наш давний уговор избавлял его от излишней почтительности.

Ланс кивнул, молча соглашаясь то ли с Эрнадо, то ли с моим предложением.

Редрак заерзал в кресле:

— Я хотел бы вначале получить больше информации, капитан. Поговорить с мальчишкой...

— Он спит, — твердо возразил я. — Мальчик целую ночь провел в лесу, под проливным дождем, ему надо отдохнуть.

— Можно и разбудить, ничего страшного не случится. Лишняя сентиментальность...

— Отставить, Редрак! — оборвал я его. — Мальчишка с моей планеты, понимаешь? Я за него отвечаю. И пока остаюсь капитаном на корабле, он будет здесь гостем, а не пленником!

— Я не совсем уверен, что мальчик действительно с Земли, — не сдавался Редрак.

— Мы с Лансом проверяли все его слова на детекторе лжи. Тебе ведь знакомо это устройство? — съязвил я.

Редрак замолчал. Удовлетворившись этим, я продолжил:

— Итак, что нам известно? Мальчика зовут Даниил, ему одиннадцать лет...

— Это земное имя? — быстро спросил Редрак.

— Земное. Не самое распространенное, но... Он живет в городе Курске. Это земной город, Редрак! Я бывал там проездом. И даже помню улицу, которую назвал мальчик.

Редрак удовлетворенно кивнул. Эрнадо ухмыльнулся. Он откровенно забавлялся усердием, с которым Шолтри пытался разоблачить подозрительного пришельца и отвести от меня малейшую опасность. Что поделаешь — если Редрак Шолтри почувствует личную вину за случившееся с кем-нибудь из экипажа несчастье, в его подсознании сработает мина замедленного действия. Гипнотический приказ активируется, и бывший пират умрет...

Что он находится не на Земле, Даниил не предполагал. По его словам, он помнил только, что заблудился в лесу, попал в какое-то болото и очень долго выбирался оттуда. Потом стемнело, он шел через лес не останавливаясь, потому что было очень холодно и лил дождь. Даниил заметил, что деревья вокруг «странные», но значения этому не придал. Потом, наткнувшись на корабль, решил, что это завод или станция космической связи. Нашел люк и принялся в него стучать...

— Удивительная история, — саркастически заметил Редрак. — Заблудился на одной планете, нашелся на другой. Шел через лес, раскинувшийся на полконтинента, и набрел на единственный в этом мире звездолет. Причем именно в тот момент, когда защитные системы выведены из строя, а капитан уснул в шлюзе и может услышать стук. Постучаться в люк звездолета — это ж надо додуматься!

Я хотел было одернуть Шолтри. Но меня опередил Ланс:

— Недоверчивость — штука полезная, Редрак. Но если ты не веришь мальчишке, выскажи более логичную версию.

Редрак пожал плечами.

— С удовольствием. Начнем мозговой штурм с меня, капитан?

Я кивнул.

— Версия первая — мальчишка не землянин. И вообще не человек. Это существо — назовем его так, — владеющее телепатией и способное перестраивать свое тело. Оно вытащило из памяти капитана все необходимое для имитации земного ребенка и проникло в корабль. Существо притворяется землянином — потому что это родная планета капитана, первого, кто встретился ему на корабле. Существо приняло облик ребенка, потому что это усыпляет нашу бдительность... или же ему просто не хватает массы для имитации взрослого человека.

— А после того как существо нас всех сожрет, массы у него хватит для имитации бегемота, — серьезным тоном подхватил Ланс. — Чушь, Редрак! Подобное сверхсущество сразу разделалось бы с капитаном, затем — со мной. Сейчас оно заканчивало бы переваривать вас с Эрнадо. К тому

же мы проверили мальчишку кибердиагностом. Никаких отклонений в организме нет.

— Те остатки диагностической аппаратуры, которые уцелели на корабле, ничего серьезного не выявят, — неожиданно пришел на помощь Редраку Эрнадо. — Первая причина гораздо убедительнее. Полуразумный хищник напал бы сразу. Разумное существо придумало бы более стройную версию.

— Хорошо, — легко согласился Редрак. — Версия вторая. Мальчик — местный житель, опять-таки владеющий телепатией. Аборигены заслали его, чтобы овладеть кораблем. Возможности у него невелики, сил наших он не знает... Вот и ждет, пока мы утратим бдительность.

На этот раз возражений не последовало. Но и поддержки Редрак не дождался.

— Твои версии кончились? — поинтересовался я. — Знаешь, на Земле ты стал бы неплохим сценаристом фильмов ужасов... Ланс?

— У меня лишь одна версия, — слегка смущенно начал тот. — Наверное, я слишком доверчив, но, по-моему, мальчик не врет. Дело в том, что, согласно теории гиперпространства, возможны самопроизвольные проколы четырехмерного континуума... Короче, мальчик действительно с Земли. По естественным причинам возник гипертуннель, перебросивший его на эту планету.

— Слишком уж дикое совпадение, — презрительно возразил Редрак. — Мальчик попал туда, где находится единственный во Вселенной землянин, покинувший свой мир!

— А ты знаешь, что теория гиперпространства не разработана до конца? — с неожиданным жаром возразил Ланс. — Капитан мог сыграть роль катализатора переноса, живого маяка, на который наводился гипертуннель! Мальчик попал туда, где есть крошечная частица Земли!

Я засмеялся. Сказал, обращаясь к слегка смутившемуся Лансу:

— Слушай, твоя версия вполне правомерна... Я просто восхищен двумя новыми именами, которые сейчас получил. Живой маяк и крошечная частица Земли... Куда лучше, чем игрушечный лорд, верно?

— Катализатор переноса — тоже неплохо звучит, — задумчиво произнес Эрнадо.

Ланс покраснел до корней волос. Пробормотал:

— Я же образно...

Привстав в кресле, я пожал ему руку:

— Мир, пилот. Извини. Честно говоря, твоя версия мне очень нравится... Эрнадо?

Мой бывший инструктор достал из кармана коробочку со стимулятором. Отправил в рот пахнущий цитрусами шарик, тихо произнес:

— В случайный гиперпереход я не верю... Если уж высказывать сумасшедшие версии, то вот одна: Даниил — действительно мальчик с Земли, но умеющий усилием воли переходить через гиперпространство. В космосе ходят легенды о таких людях... Тогда наш капитан действительно мог сыграть роль «маяка».

— Это лишь легенды, — с сомнением сказал Ланс. — Из разряда живых планет и озер бессмертия. Такие трюки были не под силу даже Сеятелям и их врагам.

— Возможно. Вторая версия будет реальнее.

— Спасибо, что предупредил, — буркнул Редрак.

— Она соединяет в себе предположения Ланса и Редрака, — невозмутимо продолжал Эрнадо. — Я начну издалека. Как получилось, что мы вышли из промежуточного гиперпрыжка возле этой планеты, а не в районе Схедмона, куда направлялись?

— Флуктуация поля, — с досадой ответил Редрак. — Такое случается, хотя и редко.

— Очень редко. Тебе это известно лучше меня. Продолжим. Что делал на орбите планеты пиратский корабль? Здесь для него нет никакой поживы.

— Скрывался от патрульных крейсеров сектора, — предположил Ланс.

— Тоже возможно. Но зачем он атаковал наш звездолет? На полицейский крейсер мы не похожи, но и на легкую добычу — тем более. Что и подтвердил бой.

— Ты хочешь сказать, — вступил я в разговор, — что против нас идет война?

— Война или жестокая игра — как угодно. Мы искали Землю два года, капитан. И большей частью эти поиски напоминали экскурсию по малоисследованным районам космоса. Прыжок к звезде спектрального класса Солнца, проверка планет... еще два-три прыжка — и возвращение на ближайшую обитаемую базу. Ремонт, заправка, отдых... Но за последний месяц ситуация изменилась. Карантин на Ледовом Куполе. Некачественное горючее, проданное на Оранжевой. Отказ в ремонте корабля шестой и четырнадцатой космобазами. Полицейский штраф за сверхнормативное излучение двигателей.

— Ты хочешь сказать, — с тихой яростью произнес Редрак, — что все неприятности начались после моего появления на корабле? Не так ли?

Эрнадо выдержал его взгляд.

— Верно. Из-за твоего появления на корабле, но вовсе не из-за тебя самого. Подобный массированный нажим тебе просто не под силу. Скорее ты действительно навел нас на след Земли. И кому-то это не понравилось.

Наступила тишина. Я с трудом заставил себя заговорить:

— Эрнадо, ты ошибаешься. Кому повредит, если мы найдем Землю? В галактике десятки тысяч обитаемых миров, торгующих и враждующих между собой, на всех ступенях развития — от деревянного плуга до гиперпространственных звездолетов. Кому помешает еще одна планета — не самая цивилизованная, не самая сильная и даже не самая красивая? Кто будет нам мешать?

— Не знаю, капитан. Но я чувствую нажим — и он все усиливается. Начиналось с мелких неудобств, а кончилось космическим боем. И мальчик — лишь очередное звено в цепи.

— Очередное мелкое неудобство, — попытался пошутить Редрак.

— Надеюсь, что так. Я думаю, Ланс прав и Даниил действительно с Земли. Допускаю, что сам он не подозревает о случившемся... Но появился он у корабля не случайно. Его доставили с Земли — во сне или под парализующим лучом, похитив во время прогулки в лесу. Гиперпространственный туннель выбросил бы мальчишку в любой точке планеты, так что с ним наверняка были сопровождающие на катере. Даниила высадили возле нашего корабля, задали направление движения под легким гипнозом... И проконтролировали дальнейшее, пользуясь тем, что наш корабль после боя ослеп и оглох.

— Переброска катера через гипертуннель... Десять-пятнадцать тонн массы, — вслух прикинул я. — Ты представляешь, сколько энергии на это уйдет? Дешевле нанять эскадру кораблей для нашего уничтожения! Чем может нам навредить одиннадцатилетний пацан?

— Скажи честно, Серж, — тихо спросил Эрнадо, — когда ты поговорил с мальчиком, узнал, что он с Земли, — тебе не захотелось бросить поиски? Вернуться на Землю через гиперпереход, увидеть родных и друзей — зажить прежней жизнью, но с новыми знаниями и возможностями?

Я до боли сжал кулаки. Эрнадо попал в точку.

— Ностальгия — наша общая черта, — задумчиво сказал Эрнадо. — И разбудить ее несложно. На тебе решили испробовать еще одно оружие — психологическое. Вполне гуманное.

Я покачал головой:

— Гуманное оружие меня не возьмет. Я не откажусь от поиска.

— В таком случае Даниил тоже окажется при деле. В его подсознание могли ввести кодированный приказ — взо-

рвать реактор или убить тебя, если ты не решишь возвратиться на Землю.

По спине прошел ледяной холодок. Спящий в моей каюте мальчишка мог внезапно обернуться смертельным врагом. Беспомощный ребенок, которого я отмывал и перевязывал час назад, вполне мог стать опасным противником, если в его сознании проявится гипнотический приказ...

— Такое впечатление, Эрнадо, — произнес я, — что для своего мозгового штурма ты собрал все наше серое вещество. Не знаю, чья версия ближе к истине, но действовать придется исходя из твоей.

Редрак удовлетворенно кивнул. Ланс отвел глаза.

— Первое. Все расходятся по каютам. Для меня и Ланса — сон шесть часов, для Эрнадо и Редрака — четыре. Надо отдохнуть.

Возражений не последовало.

— Эрнадо и Редраку через два часа после сна подготовить наблюдательные системы звездолета и один из боевых катеров. Мы с Лансом... и мальчиком совершим небольшую экскурсию по планете.

Редрак поморщился.

— Второе. В общении с Даниилом придерживаться версии Ланса. Мальчик не должен знать, в чем его подозревают. Опустившись на ближайшей развитой планете, мы переправим его через гипертуннель на Землю.

— Если сможем оплатить гиперпереход, — пессимистично заметил Эрнадо. — Ремонт корабля сожрет остатки нашего кредита...

— Третье. До тех пор, пока поведение мальчика адекватно и он не предпримет враждебных действий, Даниил становится членом экипажа корабля. Юнгой или кадетом — как угодно.

Редрак страдальчески покачал головой. Мой третий приказ был рассчитан именно на него. Теперь дальедианец вынужден охранять жизнь мальчика как свою собственную.

— На этом всё. Отдых. — Я поднялся из кресла.

— Капитан, переведите мальчика из своей каюты ко мне или к Эрнадо, — безнадежным тоном попросил Редрак.

Я с сочувствием посмотрел на него. И успокоил:

— Он останется со мной, но твоей вины в этом нет. Ты меня предупреждал. Так что твой психокод не активируется, даже если Даниил придушит меня во сне. Спокойной ночи.

В каюте было темно, лишь на терминале компьютера мерцал желтый огонек. Я старался идти бесшумно. Апартаменты из четырех комнат на корабле полагались лишь ка-

питану. Все остальные довольствовались однокомнатными каютами.

Открыв дверь в спальню, я без особой надежды на успех прошептал:

— Ночник, слабый свет.

Над кроватью разлилось бледное розовое свечение. Молодец Редрак. За ремонт осветительных устройств отвечал именно он.

Даниил спал, обхватив обеими руками подушку. Скомканное одеяло валялось на полу.

Интересно, как можно сбросить во сне «электризованное» одеяло? Наверное, нужен большой опыт борьбы с обычным...

Я осторожно укрыл мальчишку. Тонкое одеяло словно парило в воздухе, едва касаясь маленького тела. На коже поблескивали полоски защитной пленки, прикрывающей многочисленные порезы.

— Спи, малыш, — прошептал я. — Спи, Данька...

Если в его сознании действительно заложена кодированная программа, то я найду человека, отдавшего приказ, и убью его. Если же никакой программы нет, то я убью того, кто бросил полуодетого ребенка посреди инопланетного леса.

Мы, земляне, очень жестокие люди.

Я провел ладонью по мягким взъерошенным волосам Даниила. Вот он, счастливый человек. День назад Данька был на Земле, дышал ее воздухом, шел по нормальному, доброму лесу. Через неделю он окажется там снова.

Для меня дороги на Землю нет.

Я достал из стенного шкафа чистое белье. На цыпочках вышел из спальни. Ненужная предосторожность — мальчишку сейчас не разбудит никакой грохот. Усталость плюс таблетка снотворного — очень надежная смесь.

Постелив себе на кушетке в кабинете, я прошел в душ, постоял несколько минут под прохладными струями. Насухо вытерся и, не одеваясь, через пару минут с наслаждением вытянулся на чистой постели. Прошептал, чувствуя, что погружаюсь в сладкие глубины сна:

— Сигнал на пробуждение через пять часов сорок минут.

— Таймер включен, — таким же шепотом отозвался сервис-блок у изголовья.

Уже засыпая, я с раскаянием подумал, что так и не принял участия в «мозговом штурме». И не высказал собственную сумасшедшую идею, до сих пор вертевшуюся в голове...

4. Рейд

Когда диафрагма люка разошлась и катер вылетел из ангара, Даниил обернулся.

На экране заднего обзора был виден стремительно удаляющийся корабль. Серебристый шар, вцепившийся в землю десятком толстых опорных колонн, окруженный кольцом поваленных и обгоревших деревьев, напоминал Храмы Сеятелей. Впрочем, так дешевая малолитражка походит на шикарный «Роллс-Ройс»...

— Вот теперь я верю, что мы не на Земле, — прошептал мальчишка.

Я кивнул. Встающее сейчас за кораблем солнце было цвета тусклой меди и раза в два больше земного светила. Истинные размеры, конечно, различались еще сильнее. Звезда Шор-XVII представляла собой типичный красный гигант.

— Всегда знал, что со мной случится... такое, — продолжал Даниил.

Все мы в детстве верим в свою неординарность. Именно нам предназначены удивительные приключения и древние клады, прекрасные принцессы и страшные чудовища. Может, и к лучшему, что мы так быстро забываем детские мечты. Иначе не все нашли бы в себе силы жить.

Ланс, сидевший в кресле пилота, вполголоса произнес:

— Эрнадо, спасибо, мы вышли из зоны защиты. Включай генератор.

В голографическом тумане видеокуба над кораблем замерцал розовый купол. Нейтрализующее поле, выключенное на момент нашего старта, вновь прикрывало звездолет.

Даниил как зачарованный уставился на видеокуб. Потом перевел взгляд на Ланса:

— Он не понимает по-русски, капитан?

— Нет. Мы общаемся на стандартном галактическом, это основной язык гуманоидных планет. Кстати, когда мы говорим неофициально, можешь звать меня Сергеем. А то я рискую забыть собственное имя.

— Ладно. Тогда вы меня зовите просто Данькой, — серьезно предложил мальчишка.

Я кивнул.

Даниил снова посмотрел на Ланса. Вполголоса произнес:

— Он совсем как человек, точно? А тот, серокожий, сразу видно, что инопланетянин.

— Его зовут Редрак.

Данька вдруг хихикнул. Поймал мой недоуменный взгляд и пояснил:

— Редрак. Я анекдот вспомнил... Про фамилию Блюхер, которая с английского не переводится.

Я с трудом подавил хохот. Анекдот я, конечно, помнил и связь уловил. Почему-то ни на одной планете анекдоты так не распространены, как на Земле... Но Даниила придется одернуть.

— Слушай меня и запоминай получше, юнга, — сказал я.

Данька сразу испуганно сжался.

— В галактике тысячи планет, населенных людьми. Иногда они очень похожи на землян, часто многим от нас отличаются. Серая кожа — это мелочь по сравнению с роговым панцирем или игольчатой шерстью. Но все мы пошли от общего корня — всех нас создали Сеятели. В большинстве случаев жители разных планет генетически совместимы. Понимаешь?

Мальчишка неуверенно кивнул.

— Я встречал много имен, звучащих для землянина более чем забавно. Но иронизировать над ними не стоит. Хотя бы для собственной безопасности. Земля и так не слишком уважаемая планета. Понял?

Данька быстро кивнул. Жалобно произнес:

— Я больше не буду...

Ланс незаметно подмигнул мне. Нашего разговора он не понял, но строгий тон в переводе не нуждался.

— Учите кадета вежливости, капитан?

— Приходится.

— Полезное занятие... Пойдем по спирали, капитан?

— Да. Понимаешь, что мы ищем?

— Чужой корабль.

— Скорее его след. Шансов мало, но попробовать стоит.

Мы летели невысоко, метрах в двадцати над деревьями. Скорость мешала разглядеть детали, но за нас работали поисковые детекторы, сканируя лесную чащу во всех возможных диапазонах. Скопление металла, тепловое излучение, источник радиоактивности — всё это могло навести на след.

— Капитан, — тихо позвал Данька. — Капитан...

Я посмотрел на мальчишку. Господи, да он до сих пор выглядел как побитый... Пожалуй, я выбрал слишком суровый тон.

— Что, Данька?

Он чуть приободрился.

— Капитан, а почему Земля — не очень уважаемая планета? Из-за того, что мы все время воюем, да?

Меня слегка передернуло. Какой же я идиот. Ведь вполне достаточно узнал от Даниила о случившемся за последние два года на нашей с ним родине...

Жизнь на грани нищеты, электроэнергия по три часа в день, промерзающая зимой квартира. Это с той стороны, к которой принадлежал Даниил.

Дачи на Черноморском побережье, многоэтажные особняки, зеркальные витрины супермаркетов. Это для других...

Этап первоначального накопления капитала. Законы истории, черт бы их все побрал!

А еще — леса, куда ходят не гулять, а собирать грибы и ягоды, насквозь пропитанные химикатами. Захоронения токсичных отходов, привезенных из благополучных, добропорядочных стран. Сменяющие друг друга правительства. Бесконечные конфликты на непризнанных границах. И преступность повсюду — от школы, где учился Даниил, до улиц, пустеющих с наступлением темноты.

Мир, из которого хочется убежать. Мир, в котором только дети верят в возможность бегства. Но при этом абсолютно уверены: где бы они ни оказались, там будут властвовать те же законы. Право сильного. Право одного решать за многих. Право на незыблемость лживой истины.

Неужели я хочу, чтобы Данька запомнил и этот мир таким? Строгой отповедью очередного начальника, увешанными оружием суперменами. Презрением к его собственной планете.

— Это длинная история, малыш, — ласково сказал я. — Но дело вовсе не в том, что мы хуже других.

Мальчишка быстро кивнул. Словно соглашался с тем, что никаких объяснений не будет...

Я вздохнул и повернулся к нему вполоборота.

— Время, в общем-то, есть, — не очень последовательно заявил я. — Так вот, все началось миллионы лет назад. В нашей галактике существовала цивилизация, называвшая себя Сеятелями. Больше всего она любила воевать... и создавать новую жизнь.

...Я говорил, стараясь лишь подобрать выражения попроще. О Сеятелях, оставивших перед своим исчезновением семена жизни на всех кислородных планетах. О Храмах-маяках, позволяющих возникшим цивилизациям летать от планеты к планете. О Земле, на которой почему-то не был построен Храм. И о том клейме, знаке неполноценности, которое из-за этого легло на наш мир.

Я рассказал о принцессе с планеты Тар, которая по древнему обычаю и полудетской причуде объявила меня своим ритуальным женихом. О ее подарке — кольце, заключавшем в себе устройство гиперперехода. И о том, как она позвала меня на помощь — спасти ее мир, попавший в ловушку собственных традиций. И об Эрнадо, ставшем моим учителем.

Данька не сводил с меня горящих глаз, когда я описывал бегство из дворца на флаере с неработающим двигателем, встречу с Лансом на базе императорских ВВС. Он затаил дыхание, когда я рассказал про дуэль с Шоррэем — самоуверенным суперменом, правителем Гиарской федерации. И сжал кулачки, словно собираясь броситься в драку, когда я объяснил, почему был вынужден, уже став принцем, отправиться в добровольное изгнание, на поиски планеты, которой нет, нашей родины. Земли.

— Так, значит, вы принц? Повелитель целой планеты? — вымолвил он наконец.

— Формально. Пока Земли нет на звездных картах — я бродяга. Пришелец ниоткуда.

— Все равно... Вы же найдете Землю?

— Не знаю. — Я словно достиг невидимой границы откровенности. Психокод, заложенный в сознание мальчика? Чушь... И все же я сказал:

— Возможно, я вернусь вместе с тобой.

Мне показалось, что Даньку эти слова не очень-то обрадовали. Но сказать он ничего не успел.

— Впереди селение, — сообщил Ланс, слегка меняя курс.

— Сейчас пролетим над деревней, — перевел я на русский. Коснулся управляющей панели, переключая боковые экраны на обзор пространства под катером. Данька вздрогнул — впечатление было таким, словно мы внезапно завалились набок. Под нами стлался коричнево-серый ковер леса. При дневном свете он выглядел ничуть не гостеприимнее, чем ночью.

— Сбавь скорость до двухсот, — приказал я. — Хочется взглянуть на аборигенов.

Через несколько мгновений лес начал редеть. Появились выжженные проплешины, квадратики засеянных какими-то злаками полей. Подсечно-огневое земледелие, один из самых примитивных способов добывания пищи.

Потом поля кончились. Мелькнули цепочки изгородей, маленькие конусообразные хижины, чем-то напоминающие африканские. Между ними, застыв в самых причудливых позах, присев, прижимаясь к земле, смотрели в небо люди. В длинных меховых накидках, с неожиданно белой кожей и соломенно-желтыми волосами.

— Типичная реакция гуманоидов на незнакомый летающий объект, — пояснил Ланс. — Нас учили основам контактологии. Если здесь найдут ценные руды или экзотические полезные растения — планета быстро цивилизуется. Какой-нибудь развитой мир установит над ней протекторат.

Деревня осталась позади.

Контактология, протекторат, экзотические растения... Мой мозг преобразует стандартный галактический язык в понятные мне слова. Для Даньки, возможно, они звучали бы как наука о контактах, опека, редкие травы... А для более умного, чем я, представителя землян, понятия стали бы еще сложнее — и наверняка лучше передали бы истинный смысл галактического языка...

— Теперь ты видишь, что это не Земля, — иронически сказал я Лансу. — Мы с Данькой на этот народ ничем не походим.

Ланс молча кивнул.

Ничем не походим... Так ли? Цвет кожи и волос — детали, я сам объяснял это Даниилу. Главное — уровень технологии. И в этом отношении Земля такая же отсталая планета, как негостеприимный мирок, вращающийся вокруг холодной звезды Шор-XVII. Над нами тоже могут установить опеку. И начать разработку урана — он ценится в космосе не меньше, чем у нас. Вывозить павлиньи перья и китайские шелка, индийские пряности и древние картины. Попутно Землю «цивилизуют», прекратят на ней мелкие ненужные войны, а взамен начнут вербовать молодежь в армию планеты-покровителя...

Может быть, нам несказанно повезло, что на Земле нет Храма? Мы развиваемся сами, не чувствуя своей ущербности. Мы тянемся к звездам, не предполагая, что можем оказаться в длинной шеренге отсталых, никому не интересных миров... Стоит ли искать Землю, открывать к ней широкую дорогу вместо нынешней извилистой тропинки? Не лучше ли вернуться на нее вместе с Даниилом... или хотя бы прекратить поиски, за которые в будущем меня будут проклинать тысячи поколений землян?

— Еще одно селение. — Голос Ланса вырвал меня из задумчивости. — Мы прочесали зону радиусом в сотню километров вокруг корабля. Никаких следов.

— Продолжаем поиск. — Я сказал это не только Лансу, но и самому себе.

Я должен найти Землю. Хотя бы потому, что на ней уже побывал проходимец, купивший плутоний и титан за несколько дешевых технических новинок. Обычный мальчишка с Земли, Данька, не случайно оказался возле моего корабля. Кто-то включился в игру, а призом в ней — Земля. И лучше уж протекторат Тара, обязанного своей свободой землянину, чем любого другого мира. Пусть я и не стану правителем Тара, но принцесса никогда не причинит зла моей планете.

Я найду Землю — или погибну. Это даже больше, чем любовь. Это жизнь Земли, породившей меня и всё, что мне

дорого. Я буду убивать и нарушать незыблемые галактические законы, смогу стать предателем и палачом. Но Земля должна остаться свободной. Память миллионов предков, соленая вода земных океанов в моей крови — все это никогда не даст мне отступить.

Мой мир должен остаться свободным — иначе я буду рабом даже на троне императоров Тара.

— Еще деревня! — Данька восторженно оглянулся и снова прилип к экрану. — А эти разбежались, трусы...

Ланс с улыбкой спросил:

— Даниил в полном восторге?

Я кивнул. Что-то заставило меня насторожиться.

— У вас красивый язык, принц. Непонятный, но его приятно слышать. Даже хочется выучить.

— Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал принц...— привычно съерничал я и вдруг сообразил, что мне не понравилось.

— Поворачивай к селению, Ланс!

Вначале пилот выполнил приказ, почти мгновенно изменив направление полета... с такой скоростью, что шар гравикомпенсатора сжался, поглощая предельные перегрузки. Данька застонал — для него оказалась чрезмерной даже полуторная сила тяжести. И лишь потом Ланс спросил:

— В чем дело, капитан?

— Двоечник, — выдавил я, преодолевая навалившуюся тяжесть. — Чему тебя только учили в офицерском корпусе? Жители этой деревни нестандартно реагируют на появление катера! Они видели летающие машины и раньше!

— Понял.

Катер завис над конусами хижин. Шар гравикомпенсатора медленно расширялся, вываливая на нас собранную про запас гравитацию. На окраинах селения маячили спины аборигенов, стремительно улепетывающих в лес. Женщины с детьми, несколько подростков с копьями. Пара дюжих мужчин, тащивших под руки дряхлого старикана...

— Парализатор на ту троицу, Ланс! Это старейшина, он должен многое знать!

Из днища катера вырвался почти невидимый голубой луч. Запоздавшие беглецы повалились на землю.

— Я обездвижил всех, капитан. На всякий случай, чтобы избежать нападения.

— Три с плюсом, пилот. — Я подхватил под мышки едва шевелящегося Даньку. — Спускайся.

Люк катера раскрылся, я выбрался наружу, с трудом удерживая на руках потяжелевшего мальчишку. Следом за нами выпрыгнул Ланс с чемоданчиком лингвенсора в руках.

Мы отошли на десяток шагов от катера, и тяжесть отпустила. Данька немедленно выбрался из моих объятий, помотал головой, прошептал:

— Что это было, Сергей?

— Потом объясню. Держись у нас за спиной, ясно?

Мы бежали мимо хижин по утоптанной глинистой почве.

— Вот они, капитан!

Перед нами распластались три неподвижных тела. Старик и два его стража.

— Активируй старика, Ланс.

Ланс склонился над предполагаемым старейшиной деревни, провел вдоль тела маленьким черным диском. Старик шевельнулся. Ланс торопливо раскрыл чемоданчик лингвенсора, что-то набрал на клавиатуре. Извиняющимся тоном произнес:

— В памяти машины лишь один диалект этой планеты. Надеюсь, его хватит.

Я нагнулся над стариком. Сказал:

— Мы пришли с миром и не обидим никого из вас. Не нападайте первыми, и все будет хорошо.

Лингвенсор издал серию отрывистых, лающих фраз. Старик с трудом поднялся — и заговорил на таком же грубом, неприятном языке. Лингвенсор перевел:

— Демоны, пришедшие с неба и говорящие словами горных варваров. Что вам нужно от нас снова? Вы обещали уйти навсегда!

Мы с Лансом переглянулись.

— Вы не ошиблись капитан. Здесь уже побывали до нас!..

— Допроси его, Ланс. Мне нужна вся информация. Вся, целиком, даже если тебе придется выжать его мозг.

Ланс с небольшой заминкой кивнул:

— Слушаюсь, капитан.

Данька тронул меня за руку:

— Сергей... а что мы хотим узнать?

— Понимаешь ли, — самым невинным тоном произнес я, — мы ищем своих знакомых, которые должны были прилететь на планету раньше нас. Я очень боюсь с ними разминуться.

Данька кивнул. И стал с неподдельным любопытством разглядывать валяющегося в сторонке аборигена, так и не выпустившего из рук короткое копье и меч из напоминающего бронзу сплава. Потом мальчишка уставился на мой меч, висящий в ножнах за спиной. Похоже, вечером мне придется объяснять ему принцип действия плоскостного оружия...

5. След в небе

Мы ждали Ланса в кабине, благо гравикомпенсатор давно разрядился. Коротая время, я успел просветить Даньку о возможностях боевого катера и особенностях управления. Объяснения облегчались тем, что я не понимал многого из собственного рассказа, а мальчик в свою очередь боялся переспросить незнакомые термины.

Ланс вернулся минут через двадцать. Едва увидев его лицо, я включил прогрев двигателей.

Опустившись в свое кресло, Ланс торопливо произнес:

— Мы выследили их, капитан. Включаю связь с кораблем, хорошо?

Я кивнул. Подождав, когда на экране появится Эрнадо, Ланс принялся рассказывать.

Первый раз жители деревни увидели катер прошлым утром. Он приземлился посреди деревни, и «демоны с пылающими мечами» потребовали от жителей воды и пищи. Дары были немедленно принесены, и «демоны» улетели. Кто-то из аборигенов заметил в открывшемся люке фигурку мальчика, сидевшего «как каменный». Услышав об этом, я с состраданием посмотрел на Даньку. Итак, его все-таки держали под гипнозом. Легкая добыча — ребенок, видевший гипноз лишь в выступлениях телешарлатанов.

Ночью «демоны» появились повторно — и на двух катерах. Они потребовали еще пищи — в единственный деревенский колодец опустили «гибкие трубы», высосавшие оттуда почти всю воду. После этого незваные пришельцы скрылись, пообещав, что больше в деревне не появятся.

— У них явно неприятности с продуктами, — злорадно сказал Ланс. — Если уж они польстились на местное зерно и грязную воду — значит, ситуация критическая. Но самое главное в том, что аборигены заметили, откуда появлялись и куда улетели катера! В сторону, противоположную восходу, — где и обитают демоны, по мнению местных жителей.

— Тебе не пришлось применять силу? — спросил я.

— Нет. Чуть-чуть угроз и много обещаний.

Эрнадо волновало совсем другое:

— Какого типа были катера?

— Трудно добиться подробностей от человека, не державшего в руках ничего сложнее мотыги...

— Не скромничай.

— Скорее всего малый разведывательный и десантный. Это если судить по форме — линза и сигара.

Эрнадо прикрыл глаза, явно что-то вспоминая. Удовлетворенно кивнул:

— Либо у них нестандартный набор снаряжения, либо их корабль — крейсерского класса. Первое предпочтительнее.

— Ты уверял, что наш корабль способен дать бой крейсеру, — не выдержал я.

— Но не утверждал, что мы непременно выйдем из него победителями. Тем более в нашем нынешнем состоянии.

— Ладно. Состояние корабля обсудим позже. Ланс, стартуй. Мы летим на запад.

Мы снова шли на предельно низкой высоте. Но на этот раз не в поисках чужаков. Бреющий полет уменьшал риск быть обнаруженными.

— Сергей...

Я вопросительно взглянул на Даньку.

— А мне обязательно возвращаться на Землю?

— Ну и ну! А родителей тебе не жалко?

Данька опустил глаза.

— Жалко. Но если уж я попал сюда... Они бы за меня обрадовались, я знаю. Мама всегда говорила, что на все готова, лишь бы я жил в нормальной стране.

Теперь настала моя очередь отводить взгляд. Мальчишка попал в самое больное место. Кто дал мне право быть единственным землянином, вышедшим за пределы Солнечной системы? Могу ли я запретить чудом попавшему в далекий космос Даниилу хотя бы прикоснуться к чудесам галактической цивилизации?

Должен запретить.

— Даниил, — мягко сказал я. — Это вовсе не нормальная страна в понимании твоей мамы. Не Штаты и не Германия. Ты находишься в мире, состоящем из тысяч планет, очень часто и крайне жестоко воюющих между собой. Здесь тоже бывает скучно... и страшно, и больно. Многим приходится голодать, а многим — жить в самом настоящем рабстве. Добиться хорошей жизни здесь не легче, чем на Земле. Тем более ребенку, знающему в десять раз меньше, чем его здешние сверстники. Что ты будешь делать, если я вернусь на Землю?

Данька прошептал так тихо, что я едва услышал ответ:

— Помогите мне устроиться на какой-нибудь звездолет... Я тоже буду искать Землю. Пусть она станет настоящей планетой.

Мне стало не по себе. Я крепко пожал его ладошку.

— Данька, ты молодец, но... Мы поговорим об этом позже.

Мальчик безнадежно кивнул. И спросил:

— А мне можно будет оставить эту одежду? На память...

Я вспомнил, с каким восторгом Данька надевал серебристо-серый полетный костюм, с трудом подобранный на его рост. Магнитные застежки, тонкие перчатки, пристегнутые к рукавам; невесомый капюшон из синтетического меха; вшитые в ткань датчики и индикаторы; режим мускульного усиления, многочисленные карманы, наполненные необходимым на корабле или в рейде снаряжением; пристегнутая к поясу кобура — пусть даже и пустая; ножны с тяжелым виброклинком, режущим дерево как бумагу. Мечта любого мальчишки.

Но одновременно — крайне полезная штука для любого проходимца. И предмет национальной безопасности для государства, в котором Данька окажется после гиперперехода. Технологии, заложенные в полетный костюм, на Земле неизвестны. И даже для того чтобы просто заполучить образчик ткани, экранирующей жесткое рентгеновское излучение, не прожигаемой напалмом и отталкивающей концентрированные кислоты, на моей родной планете не остановятся ни перед чем.

— Нет. Мы подыщем тебе что-нибудь попроще.

Данька кивнул и отвернулся к экрану. Черт возьми, единственное, чего мне не хватало, — так это детских обид...

— Приближаемся к горам, — сказал Ланс. — Самое удобное место для скрытной посадки корабля.

Он замолчал, уставившись в видеокуб. Кроме далекой гребенки гор, там ничего не было, но катер вдруг стремительно пошел вниз.

— Что случилось? — Я подался к Лансу.

— Ионизированный столб! Там корабль, прогревающий двигатели перед стартом!

Теперь и я заметил тускло-желтую колонну, подымающуюся над горами и медленно тающую в стратосфере. Раздробленный излучением воздух, заметный лишь для детекторов катера, плыл вверх, как дымок от разгорающегося костра.

Катер опустился среди деревьев, ломая ветки и подминая молодые деревца. Его в последний раз тряхнуло, и выдвинутые до предела опоры коснулись грунта. Изображение в видеокубе дернулось, потеряло четкость.

— Я отключил локатор, — пояснил Ланс. — Могут засечь.

Понимающе кивнув, я вгляделся в синтезированное компьютером изображение. Ионизированный столб становился все темнее и толще, расплывался, окутывая горы дымкой.

Судя по силе излучения, там действительно находился крейсер.

Одно дело — искать стоящий на земле корабль, наверняка окруженный нейтрализующим полем. Прежде чем поле успеют снять, катер, идущий на форсаже, окажется в тысячах километров от корабля, вне зоны поражения... И совсем другое — наткнуться на готовый к старту вражеский крейсер, все защитные системы которого активированы. Нас могли сжечь раньше, чем мы осознали бы происходящее.

В полной тишине мы следили за экранами. Ничего не понимающий Данька испуганно смотрел на меня, не решаясь спрашивать.

— Вот он, — выдохнул Ланс.

В видеокубе уже не было нужды. Стартующий в сотне километров от нас крейсер был прекрасно виден и на обзорных экранах.

Снежно-белый конус, под которым дрожало багровое пламя, плавно поднимался над горами. Расстояние делало его безобидным, похожим на яркую елочную игрушку.

— Большой одиночный рейдер, — прошептал Ланс. — Огневая мощь достаточна для подавления планетарной крепости. У нас не оказалось бы ни единого шанса...

— У Шоррэя Менхэма случайно не было наследников?— поинтересовался я. — Гиарский правитель тоже любил белый цвет.

— Это просто защитная обшивка, рассеивающая лазерное излучение. Ее изобрели еще лет пять назад... но я никогда не слышал, чтобы у кого-то хватило денег на покрытие целого корабля. Максимум — на оболочку для боевого катера.

— Ясно. Дай связь с «Террой» по узкому лучу.

Ланс склонился над пультом, нацеливая на наш корабль узконаправленный передатчик. Белый конус рейдера таял в небе.

— Это и есть ваши друзья, капитан? — спросил Данька.

— Да, — неохотно ответил я.

— У меня тоже были такие приятели. Я однажды полдня от них прятался в школьном спортзале, под матами. Меня на счетчик поставили, а денег не было.

Секунду мы с Данькой внимательно разглядывали друг друга. Потом я сокрушенно покачал головой:

— Данька, в твоем возрасте меня тоже обижало, что взрослые считают детей глупышами. Ты прав, это именно такие друзья. Но я не могу тебе ничего объяснить. Считай это военной тайной.

— Хорошо, капитан, — без улыбки ответил Данька.

Я пожал ему руку — крепко, как взрослому. И повернулся к Лансу.

— Скоро будет связь?

— Сейчас...

По экрану фона скользили расплывчатые серые тени.

— Изображения не будет, капитан, только звук. Слишком уж далеко.

— Ерунда. Эрнадо, ты видишь корабль?

— На связи Редрак. Эрнадо в боевой рубке.

— Подключай его к разговору.

— Есть, капитан.

— Вы лоцируете крейсер?

— Конечно, капитан, — вклинился голос Эрнадо. — Он в прицеле, и я должен признаться, что полностью там не помещается.

— Мы можем его достать?

— Это приказ?

Я секунду помедлил.

— Нет, просьба.

— Тогда не можем.

— Ты встречал корабли подобного типа?

— Да, к сожалению. Но не в противолазерной броне.

— Как его можно уничтожить?

— Очень просто. Берется эскадра из десяти-двенадцати кораблей нашего класса...

— Можешь не продолжать.

Я развел руками. Ланс понимающе кивнул:

— Сидим и не высовываемся.

— Вот именно.

Коротко объяснив Даньке, что ближайшую пару часов нам предстоит заниматься ничегонеделанием, я достал пластиковые контейнеры с полетными рационами. Спросил:

— Как экипаж отнесется к обеду?

Экипаж отнесся положительно. Мы принялись вскрывать доставшиеся каждому емкости.

Один из совершенно непонятных мне обычаев планеты Тар — это то, что полетные рационы на кораблях никак не маркируются. Цветные полоски на этикетках позволяют установить лишь энергетическую ценность пищи, а форма коробок — что в них находится: первое, второе или десерт. Видимо, этот полусадистский прием позволяет внести элемент неожиданности в каждый предстоящий обед. Но увы, неожиданности делятся на приятные и не очень. Вторые более распространены.

Мне достался напиток, по вкусу напоминающий смесь турецкого чая и польского кофе. Еще не самый худший ва-

риант, между прочим... Вторая баночка скрывала в себе кашу из белых зернышек, перемешанных с узкими полосками вареной рыбы и неимоверным количеством пряностей. И вкус, и вид ее наводили на мысль, что задолго до меня в галактике побывали представители корейского народа, причем их влияние на кулинарию ничуть не пострадало от времени.

Я принялся торопливо глотать кашу, запивая ее щедрыми глотками бодряще-теплого напитка.

Даньке повезло больше. Коричневая однородная масса в его рационе была, несмотря на подозрительные ассоциации, хорошо проваренным мясным пюре. Напиток оказался сладковатым соком со слабым запахом шоколада. Через минуту Данька уже приканчивал пюре, предварительно опорожнив банку с соком.

Достав из шкафчика еще пару банок, я молча вручил их мальчишке. Ланс удивленно сказал:

— Не думал, что проведенная в лесу ночь так влияет на аппетит.

— Дело не в прошлой ночи, — с трудом выдавил я и закусил губу. — В стране, где живет Данька... не слишком-то высокое благосостояние.

Ланс отвел глаза. Словно ему, а не мне было сейчас нестерпимо стыдно за свою родину. Потом спросил:

— Простите мой вопрос, принц... Вам никогда не хотелось вернуться на Землю через гипертуннель? С небольшим отрядом и подходящим снаряжением?

— Хотелось. Но уж слишком усердно меня к этому подталкивают.

Не сговариваясь, мы повернулись к экрану, где крошечная точка крейсера продолжала подниматься над планетой. Данька с энтузиазмом расправлялся с добавкой.

— Он слишком уж энергично разгоняется, — нарушил Ланс затянувшееся молчание. — Излишняя трата топлива.

— Ты думаешь, он хочет уйти в гиперпространство?

— Похоже. С его мощностью можно совершать прыжок в непосредственной близости от планеты.

— Вызывай Редрака.

Редрак, даже не дослушав, согласился с нами. Судя по бодрому голосу бывшего пирата, отлет вражеского крейсера явно прибавил ему оптимизма. Связавшись с Эрнадо, я отдал несколько распоряжений — наверняка излишних, но достаточно важных, чтобы подстраховаться. И мы продолжили вынужденное ожидание.

Крейсер не заставил нас скучать слишком долго. Вначале на экранах возникло легкое мерцание, окружившее уда-

ляющийся корабль. Потом их затянуло молочно-белым свечением. Когда они очистились, крейсера там уже не было.

Я открыл люк, выпрыгнул из катера. Посмотрел в небо — как раз вовремя, чтобы увидеть гаснущую звезду, на мгновение затмившую тусклое красное солнце.

— Ушел в гиперпрыжок, — удовлетворенно заявил Ланс. — Если у них и недостаток пищи, то энергию явно некуда девать. Притяжение планеты сожрало у них процентов семьдесят мощности.

Забравшись обратно в катер, я поймал вопросительный взгляд Даньки.

— Всё в порядке, кадет. Мы разминулись со своими друзьями.

Данька кивнул и ловко запустил пустой банкой в закрывающийся люк.

Я вздохнул, но чтение очередной нотации отложил до следующего раза. Подсел к пульту и спросил:

— Эрнадо, ты отследил прыжок?

— Да, капитан. Он шел напрямую, на сигнал одного маяка.

— Сигнал идентифицирован?

— Да. Планета Рейсвэй, входящая в одноименный тройственный союз вольных миров. Это на самой окраине галактики.

— Бывал там?

— Первый раз слышу. И про планету, и про вольный союз. Будем преследовать?

— Не сразу, — с сожалением ответил я.

6. Коктейль «Ностальгия»

Ресторан «Галактика» размещался на окраине космопорта. При всей своей тривиальности название было точным — планета Аргант служила перекрестком множества торговых путей, и в ресторанчике отдыхали и закусывали представители едва ли не всех обитаемых планет. Кроме землян, разумеется.

Над пирамидальным зданием вращалась, переливаясь всеми цветами, а временами заходя в ультрафиолетовые и инфракрасные области спектра, вывеска — название ресторана на местном и стандартном языках. Объявление над входом выглядело куда скромнее: «Только для экипажей космических кораблей».

Я приложил личную карточку к пластине идентификатора, и дверь открылась. У Даньки никаких документов еще

не было, но это роли не играло — каждый член экипажа имел право привести с собой гостя.

В холле еще одно объявление предусмотрительно извещало, что ресторан снабжен собственным генератором нейтрализующего поля.

— Очень приличное заведение, — сказал я. — Неудивительно, что Редрак не спешит к нам присоединиться. Его идеал вечернего отдыха — это грязный бар, где каждый час происходит потасовка.

Данька кивнул, озираясь по сторонам. На стенах мелькали, сменяясь с калейдоскопической быстротой, трехмерные пейзажи самых разных планет. Я узнал багровые леса Рантори-Ра и выжженные дочерна равнины Шейера, планеты-самоубийцы. Мне даже показалось, что на мгновение мелькнуло пшеничное поле с березовой рощей вдали. Но, конечно же, только показалось.

К нам направлялся седовласый мужчина в сиреневой униформе обслуги. С профессиональной улыбкой на лице и с уверенной поступью знающего себе цену специалиста.

— Отдельный кабинет?

Я поморщился.

— Столик в общем зале, на пятерых. К нам подойдут друзья. И побыстрее, слуга.

Распорядитель вздрогнул, но оскорбление проглотил. Коснулся кнопок на планшетке со схемой ресторана. Я заметил его секундное колебание и понял, что ответ не заставит себя долго ждать. Бойся маленьких начальников.

— Следуйте за указателем.

Перед нами вспыхнула и поползла по полу светящаяся зеленая точка.

Пожав плечами, я взял Даньку за руку.

Общий зал занимал почти всю наземную часть ресторана. Стены и сходящийся трехгранной пирамидой потолок скрывала мерцающая дымка, поднимавшаяся из нескольких мелких бассейнов. Между ними в изысканном беспорядке стояли овальные столики. Некоторые накрывал тот же светящийся туман, позволяющий угадывать лишь силуэты посетителей, желающих уединения.

Мы уселись за отведенный нам столик. Я огляделся и с некоторым удивлением понял, что место досталось вполне сносное. Пускай довольно близко к соседним столикам, но зато рядом с маленькой круглой эстрадой, где приятным голосом пела симпатичная девица. Пела она на аргантском, из которого я не знал ни единого слова, но музыка была тихой, грустной и красивой.

Перед столиком возник официант в сиреневом. Молодой, но такой же самоуверенный, как и распорядитель.

— Наши гости желают попробовать национальные блюда Арганта? — поинтересовался он. — К охлажденным палочкам желе рекомендую выдержанное вино «Черный маг». Первая бутылка бесплатно, за счет ресторана.

Не люблю, когда пытаются решать за меня.

— Мы желаем других блюд, — вежливо ответил я.

В руках официанта появилась передающая пластинка.

— Мальчику — мясной суп из кухни планеты Тар, котлеты по их же рецептам, лейанские сладости и сок киланы.

Официант кивнул, явно удовлетворенный стоимостью заказа. Лейанские сладости рисковал заказывать не каждый посетитель.

— Для меня — жареное мясо и холодный реграв.

Реграв — дешевый и не слишком популярный напиток. Но это лучший заменитель томатного сока, который мне удалось найти.

— Всё? — переспросил официант.

— Еще охлажденный раствор этилового спирта. На сорок частей спирта — шестьдесят частей дистиллированной воды и щепотку сахара.

Официант обалдело уставился на меня. Поинтересовался:

— А как называется этот напиток?

— Коктейль «Ностальгия», — любезно откликнулся я. — Попробуйте, не пожалеете.

— В каком количестве подавать мясо и... коктейль?

— Полкило мяса, пол-литра коктейля и столько же реграва.

— Мясо прожарить со специями? — Официант сделал последнюю попытку наставить меня на путь истинный.

— Никаких приправ. Соль подадите отдельно.

В ожидании заказа мы с Данькой разглядывали посетителей. Интересное зрелище — и не только для мальчишки. Жаль только, что места поблизости пустовали. Лишь за соседним столиком беседовали трое молодых людей с лимонно-желтой кожей, но вполне земной наружности. На столе перед ними были лишь пустые тарелки и что-то вроде большой квадратной кастрюли.

Двое официантов принесли заказанные блюда. Данька с любопытством уставился на розоватый бульон, в котором плавали аппетитные кубики мяса и нарезанные соломкой овощи.

— Попробуй, это очень вкусно, — сказал я. В моей собственной тарелке оказался хорошо прожаренный кусок мяса с минимумом специй. Как и требовалось...

В центре стола официанты поставили хрустальные графинчики с соком киланы для Даньки, «томатным соком» и «коктейлем» для меня.

— Благодарю, — сказал я, наливая в самый вместительный бокал до половины «томатного сока».

— Мальчику употреблять алкоголь запрещено правилами нашего ресторана, — сообщил один из официантов.

— Он и не будет его пить, — успокоил я поборника нравственности. — Это всё для меня.

Официанта передернуло. Товарищ пришел ему на помощь:

— Мы обязаны предупредить, что у вашего столика включен блок автоматического контроля. Если вы предложите мальчику алкоголь, то будете вынуждены покинуть ресторан.

— Хорошо, — вполне искренне согласился я. — Мне у вас определенно нравится...

Я долил бокал «коктейлем» и понюхал получившуюся смесь. Официанты отодвинулись в сторонку. Данька неодобрительно спросил:

— Будешь пить водку?

— Немного, — ответил я, опорожняя бокал. По пищеводу пробежало жгучее тепло, следом — смывая неприятный вкус — порция «томатного сока».

Данька с обиженным видом принялся хлебать суп. Я отрезал кусочек мяса, прожевал. И взглянул на соседний столик.

Один из парней как раз открывал крышку кастрюли. Запустил туда руку, порылся на дне... И достал пушистого зверька, напоминающего большеглазого бесхвостого котенка, покрытого короткой серой шерсткой.

Зверек жалобно пискнул. Парни засмеялись — и я увидел длинные клыки, медленно выдвигающиеся из их верхних челюстей.

Я вздрогнул и отвел глаза. Но было уже поздно: Данька проследил мой взгляд. Вначале он улыбнулся, разглядывая животное. Потом глаза у него распахнулись на пол-лица, а губы задрожали. Он понял.

— Сергей... Это... это неправда?

— Правда, — жестко ответил я. — Это вампиры с планеты Пэл. Они могут питаться любой пищей, но предпочитают кровь живых существ. Очень жаль, что я не сразу узнал этих тварей.

— Сергей...

В его голосе было раз в десять больше мольбы и страха, чем я мог перенести.

Я поднялся из-за стола, с грохотом отшвыривая стул. Отличная месть распорядителя — усадить нас по соседству с вампирами.

Парни дружно повернулись ко мне. Из закрытых ртов торчали острые кончики «прокалывающих» клыков.

Я медленно пошел к столику. Что мне известно о планете Пэл? Бывшая гиарская колония. Пэлийцы неплохие бойцы и отличные строители. Любят кровь теплокровных животных.

— У меня к вам небольшая просьба, — тихо сказал я.

— Говори, — на хорошем галактическом ответил парень, продолжающий держать обреченного зверька.

— Включите голографическую завесу над своим столиком. Нам неприятен ваш способ питания.

— Просьба отклоняется, — с неприкрытой издевкой ухмыльнулся пэлиец. — Каждое разумное существо имеет право на открытое исполнение своих обычаев.

— Если они не оскорбляют других разумных существ.

— Мы не находим в своем поведении ничего оскорбительного. В отличие от твоего.

Пэлиец опустил зверька на тарелку. И небрежно коснулся рукояти плоскостного меча на поясе.

Вооружены были все трое.

Я даже не потянулся к своему мечу, висящему в ножнах за спиной. Если уж дело дойдет до драки, я выхвачу его быстрее, чем любой из улыбчивых вампиров. Им помешают стол и близость друг к другу.

— Я принц планеты Тар, — все так же негромко сказал я. — Тот самый, кто убил правителя Гиар, триста лет державших вашу планету в рабстве.

Клыки вампиров дрогнули, втягиваясь обратно.

— Ты сделал это не ради нашего мира, — не убирая ладони с меча, сказал пэлиец. — Мы ничем тебе не обязаны.

— Я убил Шоррэя Менхэма, — повторил я. — Вы добиваетесь дуэли?

До них наконец-то дошло:

— Чего ты хочешь?

— Теперь — большего, чем вначале. Но требования могут еще возрасти.

— Говори.

— Прибавь: ваше высочество.

Клыки мелькнули в уголках губ — и вновь исчезли.

— Говорите, ваше высочество.

— Вы ограничите свой ужин традиционными местными блюдами. Животных отошлете обратно с просьбой выпустить их на волю.

Пэлийцы молчали.

— Я не хочу видеть кровь этих зверьков. Но могу захотеть узнать цвет вашей.

— Хорошо.

— Ваше высочество!

— Хорошо, ваше высочество.

Я поднял с тарелки зверька. Посадил на сгиб локтя. И не спеша двинулся обратно, всей спиной чувствуя ненавидящие взгляды.

Официант, приносивший заказ, едва заметно подмигнул мне. И направился к столику вампиров с явным намерением забрать клетку-кастрюлю. Неплохой слух у парня...

Данька ждал меня, вцепившись в рукоять своего виброножа. А ведь похоже, что не раздумывая бросился бы на помощь, завяжись драка... Я ощутил что-то вроде гордости — не за себя и не за мальчишку, а скорее за Землю.

У нее складывается вполне определенная репутация. А для планеты, «которой нет», это уже неплохо.

— Держи. — Я кинул зверька Даньке на колени. — Трофей. Остальных сейчас выпустят.

Данька прижал к груди шевелящийся «трофей». Восхищенно произнес:

— Они тебя здорово испугались!

— Дело не в этом, Данька. Пэлийцы не уклоняются от боя. Просто их мир кое-чем мне обязан...

Я налил себе полный бокал водки, выпил, отрезал ломтик мяса. Данька, поглаживая зверька, спросил:

— Это котенок, да?

— Что-то вроде. Можешь взять его на корабль, он должен неплохо переносить полеты.

— Я его назову Трофеем, — заявил Данька.

— Валяй. Пускай будет Трофеем.

По телу разливалась бездумная эйфория опьянения. Мир вокруг становился все приятнее.

— А вон Эрнадо с Редраком. — Мальчишка привстал, махнул идущим через зал.

Эрнадо казался, как всегда, невозмутимым. А вот Редрак был явно чем-то расстроен. Подозвал официанта, решившего, наверное, обосноваться поблизости от нас в ожидании новых развлечений, и заказал пару бутылок «Черного мага» и фрукты.

— Рассказывай, — приказал я. — Но только прежде чем вывалишь плохие новости, сообщи хорошие.

— Тогда мне придется молчать.

— Придумай что-нибудь.

Редрак пожал плечами. Приподнял бутылку, разглядывая вино на свет. Заявил:

— Это настоящее выдержанное вино, настоянное на тонизирующих травах. Сойдет за хорошую новость?

— Сойдет. Переходи к остальным.

— Я нигде не нашел своего знакомого. Или его нет на планете, или он радикально изменил вкусы. Его не видели ни в «Звездной короне», ни в «Приюте одержимых»...

— Ясно. Продолжай.

— Мы уточнили стоимость переброски на Землю. Наших денег хватит на гиперпереход для мальчика, имеющего при себе два-три килограмма груза.

Я покачал головой.

— Это не годится. Даньку может выбросить в любой точке планеты: посреди океана, в пустыне, в джунглях... Нет, на это я не пойду.

— Мальчик очень рвется домой? — поинтересовался Эрнадо.

— Совсем не рвется, — признался я.

— Тогда появляется вариант...— Эрнадо замолчал.

— Ну?

— В диспетчерской космопорта нам предложили выгодный фрахт. Доставка небольшого ценного груза на колонизируемую планету. Нас выбрали как скоростной корабль с надежным капитаном. Принц планеты Тар не польстится на выгоды перепродажи груза...

— Похоже, мое инкогнито ненадежно.

— Да, капитан.

— Детали?

— Груз — зародышевые клетки колонистов. Три «инкубатора», общий вес — пять тонн. Срок выполнения — десять дней. Оплата после возвращения — шесть тысяч энергоединиц. Хватит для переброски двухсот килограммов массы на Землю.

— Неплохо... Такое задание можно считать и хорошей новостью.

— Можно было бы... Но есть одна сомнительная сторона в этом фрахте.

— Какая?

— Груз надо доставить в систему Рейсвэй, куда улетел от нас белый крейсер. Очень похоже на западню.

Я кивнул. Западня? Возможно. Но уничтожить нас крейсер мог и на планете. Невелик труд — добить поврежденный корабль.

— Эрнадо, если мы повременим с отправкой Даньки домой, нам хватит денег на полный ремонт корабля?

— Да.

— Тогда заключай договор о перевозке груза и приступай к ремонту.

— Это уже выполнено, капитан. Я взял на себя смелость предугадать ваше решение.

Мы уставились друг на друга. Эрнадо примиряюще заметил:

— Фрахт мог уйти, капитан, а вы не захватили с собой коммуникатор. Мне пришлось действовать на свой страх и риск.

— Надеюсь, — тихо сказал я, — что это твоя первая и последняя догадка такого рода. Не рискуй, хорошо? Свои решения я принимаю сам.

— Слушаюсь, капитан. — На лице Эрнадо не дрогнул ни один мускул.

Обстановку разрядил появившийся официант. Он нес большой пластиковый пакет с эмблемой ресторана, наполненный такими же фирменными бутылками.

— Небольшой сувенир от нашего заведения, — возвестил он. — Пять бутылок коктейля «Ностальгия» и пять — вина «Черный маг».

Поставив пакет возле столика, официант быстро ретировался. Редрак пораженно уставился ему вслед:

— Никогда не слышал о такой разорительной рекламе. Возможно, и они знают, что вы принц, капитан?

Я кивнул в сторону Даньки, играющего с котенком:

— Нет. Скорее им пришлась по душе моя беседа с пэлийцами. Никогда не встречал планету, где любят вампиров.

— Драки не было? — озабоченно спросил Редрак.

— Нет, мы поладили миром.

Еще с полчаса мы провели в ресторане, молча поглощая заказанные блюда. Данька распробовал лейанские сладости и полностью отключился от окружающего. Неудивительно: творения лейанских кондитеров превосходили... ну, скажем, швейцарский шоколад настолько же, насколько этот шоколад был лучше карамели «Взлетная».

Из ресторана к кораблю мы шли пешком мимо административных башен, где, несмотря на ночь, светились все окна, и огромных складов с увешанной оружием охраной. Впереди шли Эрнадо с Редраком, за ними — мы с Данькой. Я нес урчащего Трофея, вцепившегося мне в комбинезон как самый настоящий кот, мальчишка — пакет с ресторанными подарками.

Когда мы проходили мимо глубокой бетонированной траншеи — одной из многих пересекающих взлетное поле и предназначенных для отвода пламени взлетающих кораб-

лей, — Данька очень натурально ойкнул. Я услышал, как звякнули бутылки в упавшей с пятиметровой высоты на бетон сумке.

— Я случайно,— быстро сказал мальчишка.— Простите...

Остановившись, я с любопытством посмотрел на всем своим видом выражающую раскаяние фигурку. В свете далеких фонарей и крошечной местной луны довольная улыбка Даньки едва угадывалась.

— Там была коробка с твоими сладостями, — вздохнул я и услышал в ответ:

— Ну и черт с ней.

— А ты знаешь, что бутылки из местного стекла не бьются?

Данька опустил глаза и покачал головой. Я потрепал его по щеке.

— Ладно, малыш, пойдем. Ты зря за меня боишься, но все равно — спасибо.

7. Мститель

Меня разбудил настойчивый сигнал интеркома. Я взглянул на светящиеся цифры и соскочил с постели. До выхода из гиперпространства оставалось еще четыре часа. Должно случиться что-то чрезвычайное, чтобы меня разбудили посреди ночи.

— Капитан слушает, — сказал я, натягивая комбинезон. На экране появилось лицо Редрака.

— Мы засекли дрейфующий корабль.

— Ну и что с того?

— Корабль подает сигналы бедствия во всех диапазонах.

— Он в обычном пространстве?

— Да.

— Действуй по уставу.

Я быстро прошел через каюты, взглянул на Даньку — тот мирно спал в моей спальне, в ногах у него свернулся клубочком Трофей. За трое суток полета «котенок» вымахал до размеров пуделя, ничуть не утратив при этом игривости.

Пока лифт поднимал меня в рубку, я торопливо пролистал книжечку полетного устава, свод правил, единых для всех кораблей галактики. Мы были обязаны прийти на помощь — если только не видели убедительных признаков ловушки. В первом же космопорте, где мы сядем, контролеры проверят записи нашего «черного ящика», имеющего прямой выход к компьютеру и невообразимое количество пломб.

Если будет обнаружено нарушение, да еще такое, как неоказание помощи терпящим бедствие, нас объявят вне закона.

Говорят, пиратские корабли часто пользуются этим пунктом для перехвата идущих в гиперпространстве торговцев.

В рубке уже были и Эрнадо, и Ланс. Я кивнул им, усаживаясь в свое кресло. Внешне стандартный пульт перед ним позволял отдавать приоритетные команды, перекрывающие сигналы с любого другого пульта и отменяющие решения центрального компьютера.

— Мы будем рядом через три минуты, — сообщил Редрак. — Я запустил «мерцающий» зонд.

«Мерцающий» зонд был сложным и дорогим устройством, способным на миллисекунду выйти из гиперпространства в реальный космос, собрать информацию и вновь вернуться к кораблю.

— А что детекторы? — Мимоходом взглянув на огромный экран гиперлокатора, я отвернулся. В переплетении разноцветных линий и точек, отображающих на плоскость пятимерное пространство, мог разобраться лишь пилот высочайшего класса. Такой, как Редрак.

— Упрощение до минимума, — скомандовал Редрак. Экран мгновенно очистился, теперь на нем были лишь две точки: мерцающая зеленым — наш корабль, идущий на сверхсветовой скорости, и неподвижная красная — чужак, дрейфующий в обычном пространстве.

— Информации негусто, капитан. Корабль не маленький, сопоставим с крейсером. Защитные поля отключены, вокруг — множество мелких объектов и рассеивающееся газовое облако.

— Похоже на правду, — с сожалением сказал Эрнадо. — Картина катастрофы полная, пройти мимо нельзя.

— Сейчас вернется зонд, — предупредил Редрак.

Вспомогательные экраны вспыхнули изображением. Чернота «настоящего» космоса, разноцветная мозаика звезд... И что-то смятое, оплавленное, напоминающее исполинский цилиндр, плавно завершающийся полусферой.

— Это не западня,— дрогнувшим голосом сказал Ланс.— Это крейсер клэнийских наемников! И кто-то разнес его на кусочки! Двигательный отсек оторван, боевые палубы разрушены, жилые отсеки разгерметизированы...

— Выходим из гиперпространства, — хмуро сказал Редрак. — Не понимаю, что тут произошло, но эскадра, уничтожившая клэнийский крейсер, напрашивается на неприятности. С этими ребятами ссориться не стоит.

Пол мелко завибрировал. Наш корабль выходил в трех-

мерный космос и гасил скорость. Где-то в глубине машинных палуб стремительно сжимались шары гравикомпенсаторов, поглощая чудовищную энергию торможения. За несколько минут мы сбросили скорость, близкую к скорости света, — и за это придется расплачиваться неделями и месяцами полуторной перегрузки. Существовал, правда, еще один выход из положения...

Я подумал о Даньке, задыхающемся сейчас под внезапно навалившейся тяжестью, и приказал:

— Щадящий режим для капитанской каюты.

— Есть, капитан.

Индивидуальный гравикомпенсатор моей каюты включился, снижая силу тяжести вокруг до единицы. Я произнес в интерком:

— Данька, оденься и оставайся в каюте до дальнейших распоряжений.

— Скорость погашена, — сообщил Ланс. — Мы в полусотне километров от цели.

— Сколько гравикомпенсаторов было задействовано на снятие инерции?

— Тридцать два процента, капитан.

— Дать команду на их отстрел в пространство.

Редрак заколебался:

— Слишком расточительно, капитан... Треть общего запаса... Мы лишимся боевого резерва.

Я молча коснулся клавиш, отдавая команду со своего пульта. Корабль вздрогнул, перегрузка исчезла. Собравшие в себя энергию торможения черные шары компенсаторов теперь будут годами плыть в космосе, распространяя вокруг себя зону гравитационной аномалии, медленно увеличиваясь от размеров спичечной головки до полутораметровых шаров.

— Мы не можем ползать по «Терре», как пришибленные мухи, — сказал я. — Премия за спасение корабля будет достаточна, чтобы закупить новые компенсаторы.

Впрочем, возражения уже были излишни.

— Спасательная команда — Эрнадо, Редрак. Возьмите два катера, аварийные зонды, спасательные капсулы. Мы с Лансом прикроем вас с корабля.

— Надеюсь, это не понадобится, — заявил Редрак, выбираясь из кресла. — Клэнийский крейсер способен уничтожить пару-другую боевых катеров даже в таком состоянии. У него каждый метр обшивки нашпигован датчиками и излучателями.

Я кивнул. Риск был крайне велик, но, увы, неизбежен.

— Подавайте непрерывные сигналы: «Друг. Иду на помощь», — посоветовал я. — Возможно, это подействует.

Редрак вяло махнул рукой и скрылся вслед за Эрнадо в дверях лифта.

Я снова включил интерком.

— Данька, можешь подняться в рубку. Только без нашего пушистого друга, ясно?

— Планета Клэн — это маленький скалистый мирок в системе белого карлика, известного как Дьявольская Звезда, — рассказывал я Даньке то, что когда-то слышал от Эрнадо. — Температура на поверхности колеблется от минус двухсот до плюс ста шестидесяти пяти. Излучение Дьявольской Звезды убивает незащищенного человека за несколько дней. Но на Клэне есть кислород и вода, есть Храм Сеятелей, есть жизнь. Вполне соответствующая местным условиям, надо сказать... Клэнийцы гуманоиды, но диапазон условий, в которых они могут жить, немыслим. Жесткое излучение, кипящая вода, жидкий азот, ртутные испарения, пятипроцентное содержание кислорода — все это для них неприятная, но терпимая внешняя среда. Они столетиями воевали между собой и, войдя в галактическую цивилизацию, освоили лишь одну профессию — солдат-наемников.

— Крайне дорогих солдат, — вставил Ланс.

— Да. Нанять на несколько месяцев клэнийский крейсер под силу не каждой планете. К тому же у них очень четкие правила чести. Они соглашаются воевать лишь в случае, когда считают это этичным, когда их вмешательство не нарушает законов враждующих планет. Шоррэй Менхэм в свое время не смог уговорить их участвовать в захвате Тара.

— Мне кажется, дело в том, что они уважают нашу планету, — снова вмешался Ланс. — Мы веками продаем им оружие...

На обзорных экранах катера́ Эрнадо и Редрака кружили вокруг разрушенного исполина. Пока никаких признаков жизни клэнийский корабль не подавал.

— Чаще всего крейсера клэнийцев нанимаются в качестве патрульных целыми планетными федерациями — охранять торговые трассы, охотиться за пиратскими кораблями... Экипаж каждого крейсера — одна семья, в прямом смысле этого слова. Они дерутся до конца, даже если силы абсолютно неравны. Предать свой корабль для клэнийца немыслимо...

Я замолчал, осознав невозможную деталь: Ланс вставлял реплики в наш разговор, а разговаривали мы с Данькой на русском!

— Ланс!

Пилот смущенно отвернулся. Данька покраснел.

— Это еще что за новости? — тихо спросил я. — Заговор за спиной капитана? Мы не клэнийцы, но...

— Капитан, я не думал, что вам будет неприятно, — растерянно сказал Ланс на стандарте. — Мальчик просил научить его галактическому, но я счел это излишним. На Земле он ему не пригодится... да и не все корабельные разговоры ему следует знать. А для вас всегда будет радостно вспомнить родной язык, поговорить на нем... Мы использовали лингвенсор и церебральный гипнотранслятор, так что я теперь владею русским в том же объеме, что и Даниил.

Я набрал побольше воздуха — и выдал очень длинную фразу на родном языке. Ланс сравнялся цветом лица с Данькой.

Видимо, словарный запас бытового русского у Даньки был неплохой.

Черт побери, действительно приятно вспомнить родной язык. Даже в чем-то радостно, как выразился Ланс.

— Кто еще пользовался гипнотранслятором? — спросил я. — Эрнадо?

— Нет, он знает девятнадцать языков, его мозг и так перегружен. Редрак.

Я слепо уставился в экран. Глупо было обижаться — Ланс действовал из лучших побуждений. А Даньке конечно же надоело общаться только со мной. Тем более что последние дни я провел с Эрнадо в тренировочном зале, занимаясь безжалостной порчей плоскостных мечей.

И все же обида не отпускала. Данька мог и сказать мне, чем занимался с Лансом.

— Сергей...

Я повернулся к Даньке.

— Мы думали, выйдет сюрприз.

— Если я найду на корабле настоящий кожаный ремень, сюрпризы участятся, — пообещал я.

Данька без тени улыбки кивнул.

— Капитан, лучше я отсижу пару дней в карцере, — на галактическом произнес Ланс. — Моя вина гораздо больше...

— Дурак,— тоже переходя на галактический, сказал я.— Того, кто хоть пальцем тронет мальчишку, я убью на месте.

— Понимаю. Но Данька любую угрозу воспринимает всерьез. Его воспитывали... излишне строго.

Я вновь выругался, на этот раз стараясь подбирать выражения помягче. Сказал:

— У меня великолепный экипаж. Мальчишку нельзя наказывать, ему вдоволь досталось на нашей родной планете. Ты всегда готов признать своей чужую ошибку. А Редрак Шолтри умрет на месте, если его убедить, что он виновен... Идея была его?

— Да... Как вы узнали?

— Он сходит с ума от подозрительности. Редрак спокоен за свою жизнь до тех пор, пока предупреждает нас о всех мыслимых и немыслимых опасностях. А Даньку он считает вражеским агентом. Язык врага надо знать, так говорят на Земле...

Из фона послышался голос Редрака:

— Капитан, есть сигнал из жилых ярусов! Выхожу из катера, попробую попасть внутрь.

— А еще у вас говорят: легок на помине, — похвастался новыми познаниями Ланс.

Я кивнул. Произнес на русском:

— Хорошо, Редрак, валяй...

Нагнулся поближе к фону и прошептал еще пару слов.

Мы вошли в ангар, едва компрессоры заполнили его воздухом. От серебристых дисков катеров тянуло холодом, на броне выступила изморозь. Ланс расстегнул кобуру, пробормотал:

— Даже один клэниец — это уже слишком много. Так нам говорили в училище...

Люк первого из катеров раскрылся, наружу выбрался Эрнадо. Я заметил, что фиксатор меча был расстегнут: мой учитель явно подготовился к любым неожиданностям.

— Уверены, что на крейсере никого не осталось? — спросил я.

Эрнадо покачал головой:

— Жилые ярусы мы обшарили полностью. А на боевых постах и машинных палубах радиация слишком велика. Даже для них.

Редрак тоже открыл люк, но выходить не спешил. Ланс поморщился и положил руку на пистолет.

И тут появился клэниец. Он слегка пошатывался, но в общем-то выглядел неплохо для человека, шесть часов пролежавшего в полуразгерметизированном скафандре под обломками металлических переборок. Следом выбрался Редрак, прихрамывая куда больше обычного.

На первый взгляд клэниец мало чем отличался от человека. Широкоплечий, но вполне пропорционально сложенный, со светлой кожей... Последнее, впрочем, было фактором непостоянным. Цвет кожи у клэнийцев менялся в очень широких пределах, играя роль природной маскировки и одновременно защищая от солнечного излучения. Лицо было молодым, абсолютно безэмоциональным и без каких-либо шрамов или ожогов. Это, впрочем, не говорило о его малом боевом опыте или потрясающей удачливости. Просто реге-

нерация у клэнийцев развита куда больше, чем у других народов галактики. Говорят, отсеченные ухо или палец вырастают у них заново через два-три месяца.

Окинув нас быстрым взглядом, клэниец безошибочно определил во мне старшего. Прошел по металлическим плитам ангара — его высокие ботинки на толстой подошве издавали лязгающий звук и словно прилипали к полу. Остановился в нескольких шагах, склонил голову:

— Капитан, я благодарен за то, что мой долг продлится. Вы вправе выбрать награду: деньгами, иммунитетом или служением.

Его произношение было безукоризненным, а вот смысл довольно запутан в ритуальных фразах. Еще на Таре меня злили подобные словесные обороты... Я вопросительно посмотрел на Ланса.

— Он должен что-то выполнить, иначе на его семью падет презрение родной планеты, — пояснил Ланс на русском. — А в благодарность за то, что получил возможность исполнить долг, он предлагает денежное достояние своей семьи, неприкосновенность со стороны всех клэнийцев — они никогда не поддержат ваших врагов, — или пожизненное служение после выполнения долга. Я бы выбрал вторую награду, капитан.

Клэниец с любопытством взглянул на Ланса. Конечно же, он не знал всех языков галактики. Но его, похоже, учили определять планету по фонетике произносимых слов. Вряд ли русский или любой другой земной язык входил в список изучаемых...

— Я отказываюсь от награды — спасение в космосе дело чести, — сказал я; Эрнадо за спиной клэнийца одобрительно кивнул. — Если это возможно, объясни, что случилось с твоим кораблем и в чем твой долг?

— Это один и тот же вопрос, — не колеблясь ответил клэниец. — Корабль уничтожен в честном поединке. Мой долг — отомстить за свою семью.

— Насколько я понимаю, это теперь долг всей планеты Клэн?

— Нет. Поединок был честным — один на один, после нашего вызова. Гибель корабля — позор моей семьи. Я единственный, кто остался в живых. Если я отомщу, то смогу возродить наш род.

Ланс покачал головой, тихо сказал на стандарте:

— Поединок был честным? Вам достался хороший противник...

— Да. Слишком хороший, — безучастно ответил клэниец.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Клэн.

Все верно. Для чужаков он может носить лишь два имени — своей семьи или своей планеты. Семья опозорена, ее имя не должно звучать, пока не свершится возмездие. А если последний оставшийся в живых не отомстит за семью — ее имя исчезнет навсегда.

— Как случилось, что крейсер с планеты Клэн был уничтожен в поединке один на один? — продолжал я расспросы.

— В этом нет тайны. Мы несли патрульную службу по контракту с тройственным союзом вольных миров. Восемь часов назад наблюдатели обнаружили в гиперпространстве корабль, идущий без позывных. Мы вынудили его выйти в открытое пространство и потребовали досмотра...

— Досмотр — крайняя мера,— задумчиво сказал Ланс.— Только из-за того, что корабль шел без позывных?

Клэн словно и не слышал его слов.

— ...После того как корабль отказался принять десантную группу, мы открыли предупредительный огонь. Бой был честным, но мы проиграли.

— Корабль, с которым вы сражались, был рейдером одиночного класса в противолазерной броне? — Я выпалил эти слова, уже не сомневаясь в ответе.

Клэн вздрогнул.

— Да. Откуда вам известно о Белом Рейдере?

— Это и наш враг, — твердо ответил я. — У нас с ним свои счеты. Рейдер дал какую-либо информацию о себе перед боем?

Кожа клэнийца медленно темнела. Он буравил меня холодным, почти нечеловеческим взглядом, словно решая, не вцепиться ли в горло. Рука Эрнадо окаменела на рукояти меча.

— Я принц планеты Тар, — быстро представился я. — У меня нет причин лгать тебе. Белый Рейдер — наш враг.

Клэн пристально посмотрел мне в лицо:

— Да, принц. Я узнал вас и верю вашим словам. Человек, убивший на дуэли Шоррэя, не станет лгать без необходимости.

Интересная мысль, ничего не скажешь...

— Рейдер отказался от досмотра под предлогом того, что принадлежит секте Потомков Сеятелей и выше подозрений.

Редрак вздохнул:

— Этого нам только не хватало! Кучка религиозных фанатиков, завладевшая сверхкораблем...

Я знал о секте Потомков достаточно, чтобы мне стало не по себе.

— Клэн, — почти умоляюще произнес я. — Твой враг — это и наш враг. Почему вы требовали досмотра корабля сектантов?

Он молчал так долго, что я уже перестал надеяться на ответ.

— В излучении Рейдера, идущего в гиперпространстве, наши детекторы обнаружили спектр кварковой бомбы.

Я почувствовал страх. Дикий, беспредельный страх человека, у которого уходит из-под ног Земля. Земля с большой буквы, не просто почва, не песок и глина чужих миров, не сталь корабельного пола — а целая планета.

Земля.

Кварковая бомба использовалась для одной-единственной цели. И применяли ее лишь дважды, после чего самые воинственные миры галактики присоединились к договору о запрещении такого оружия.

Кварковая бомба уничтожала целую планету. Защиты от нее не существовало.

Часть вторая

СХЕДМОН

1. Потомки Сеятелей

Космопорт Рейсвэя не отличался оживленностью. Кроме нас на нем находилась лишь пара неуклюжих грузовых звездолетов, окруженных непрерывно подъезжающими транспортерами, и патрульный кораблик, достаточно современный, но не слишком хорошо вооруженный. Он встретил нас на выходе из гиперпространства и эскортировал до планеты — символическая охрана, дань традиции и самолюбию молодой колонии.

Я сидел в своей каюте перед широким панорамным окном, которое на самом деле не было ни окном, ни телеэкраном. Тонкая ниточка световодов шла к нему от установленного на броне корабля объектива, проецируя на тончайшую стеклянную пленку усиленное фотоумножителями изображение.

Снаружи была ночь. Ночь без тьмы, изгнанной лучами

прожекторов и отсветами двух десятков больших и крошечных лун. Волшебная ночь красивой, малонаселенной планеты, в столице которой не насчитывалось и ста тысяч жителей, планеты, покрытой лесами и цепочками прозрачных озер. Здесь был Храм Сеятелей и со временем могла развиться разумная жизнь. Но на планету пришли колонисты древних, задыхающихся от перенаселения миров, и местная жизнь уже никогда не поднимется к высотам разума.

Аборт в космическом масштабе — вот что такое колонизация планеты, не имеющей разумной жизни.

Но сделки здесь совершали честно. Вчера, после того как последний инкубатор с зародышами был проверен и под надежной охраной увезен с корабля, на наш счет в торговом банке Схедмона немедленно перевели всю обусловленную сумму. Власти планеты знали, за что платят. Уже через год каждая женщина получит на воспитание пятерых здоровых, крепких малышей. А лет через пятнадцать-двадцать удвоившееся население планеты будет на девяносто процентов состоять из молодежи. И сможет наконец-то приступить к преображению своего мира.

Жаль только, что он при этом утратит бóльшую часть своей красоты...

Данька осторожно заглянул в открытую дверь:

— Можно?

Я кивнул.

— Тоже не спится, Данька?

— Ни капельки.

— Так всегда, когда корабельное время не совпадает с планетарным. Днем ходим как сонные мухи, а ночью глотаем снотворное. Дать тебе таблетку?

— Нет, не надо.

Данька удобно устроился в соседнем кресле, с любопытством разглядывая компьютерный терминал.

— Сергей, а мне можно научиться работать на этой машине? У нас в школе стояли «Атари», я чуть-чуть умею программировать.

— Можно. Этот компьютер управляется как угодно, даже голосом. Важно лишь четко давать задания и иногда подсказывать оптимальные пути решения...

В окне показалась длинная тяжелая машина на гусеничном ходу, подползающая к нашему кораблю.

— Привезли гравикомпенсаторы, — пояснил я. — К утру экипаж установит их, и можно будет стартовать.

— А нам не надо помогать? То есть, я хотел сказать, мне...

Данька явно смутился.

— Думаю, не стоит. Ни ты, ни я не разбираемся в местной технике так, как это требуется для монтажных работ. Наши ребята справятся быстрее, если не лезть им под руку.

— Обидно быть неумехой, — серьезно сказал Данька.

— Еще обиднее быть помехой, — ответил я.

С минуту мы молчали. Данька, похоже, опасался, что задел меня.

— Хочешь искупаться? — неожиданно для самого себя спросил я.

— Что?

— Искупаться. В инопланетном озере. При свете двадцати лун. Возьмем боевой катер, слетаем туда на пару часов, а потом вернемся и ляжем спать. Ну как?

В глазах Даньки вспыхнул дикий восторг. Восторг мальчишки, никогда не бывавшего в Диснейленде, раз в год ездившего к обидно близкому Черному морю, а из «заграницы» повидавшего лишь независимую Украину.

— Я сейчас! — крикнул он, пулей вылетая из кресла. — Только Трофея позову, ладно?

Озеро было маленьким, круглым как блюдце, а вода теплой и неправдоподобно чистой. Сотни километров от столицы вполне хватило, чтобы единственным напоминанием о цивилизации стал наш катер на берегу.

Я давно уже выбрался из воды и валялся на теплой термоподстилке, а Данька все еще плескался на мелководье. Трофей, жалобно повизгивая, бегал вдоль берега. Невозможная помесь кошки и собаки — с голосом и преданностью пса, но с кошачьей внешностью и отвращением к воде...

Десятка полтора крупных и штук пять маленьких лун, разукрасивших ночное небо, давали света чуть больше, чем на Земле в полнолуние. Но этот свет был соткан из нескольких цветов: лимонно-желтого большой луны, оранжево-красного — средних лун, синевато-белого — маленьких, неправильной формы ледяных астероидов, кружащих по низким орбитам.

Когда один спутник планеты закрывал другой — а это за последний час случилось дважды, — местность вокруг преображалась как по волшебству. Лес становился то таинственно-мрачным, темным, то словно наполнялся собственным светом, делался прозрачным и мирным. Вода в озере мерцала голубизной и отливала янтарем, отзываясь на причуды лунного сияния.

Я лежал, потягивая прямо из бутылки сладкое местное вино, и думал о том, что Рейсвэй мог бы стать великолепным курортом. Сюда стремились бы все — от подданных

короны Тара до угрюмых клэнийцев и улыбчивых пэлийских вампиров. Как ни странно, понятие идеальной красоты одинаково почти на всех планетах...

Только какой курорт может существовать на окраинном мире, окруженном воинственными соседями? Чтобы выжить, любая планета в галактике стремится вооружиться до зубов. Здесь построят космодромы и ракетные базы, станции слежения и военные заводы. И лишь попутно сохранят заповедники, где под светом лун, превращенных в орбитальные крепости, станут отдыхать жители дружественных планет...

Отличную шутку сыграли с галактикой Сеятели, великая цивилизация воинов и творцов жизни. Они исчезли — то ли встретив превосходящую силу, то ли исчерпав в бесконечных войнах и дуэлях свой жизненный потенциал. Но память о них обрела бессмертие — в генах созданных ими народов, в неуничтожимых твердынях Храмов, в невесть откуда берущихся легендах, в раздробленных на микронную пыль планетах и погашенных звездах, бывших миллионы лет назад ареной галактических битв. Дрейфуют в космосе опустевшие корабли Сеятелей, и бережно изучаются жалкие остатки их оружия. Война оставлена нам в наследство великими творцами жизни; война, и смерть, и желание превзойти исчезнувшую расу.

Сеятели стали богами галактики, пусть и не все понимают это.

А жестоким богам не читают добрых молитв.

— Данька, выбирайся на сушу! — позвал я. — Плавники у тебя все равно не отрастут, а простуду заработаешь!

Данька пошел к берегу, звонко шлепая по воде. Остановился на секунду, с восхищением глядя, как мгновенно высыхают плавки из гидрофобной ткани. Спросил:

— Сергей, а можно будет мне взять на Землю...

— Можно, — великодушно согласился я. — Трусы взять можно. Такая синтетика есть и на Земле.

Данька кивнул и погладил трущегося об ноги Трофея. Безнадежно сказал:

— А его нельзя, конечно.

Я промолчал. К сожалению, ни Мичурин, ни его последователи не научились скрещивать собак с кошками.

— Ты знаешь, что подрос за эти две недели?

— Правда?

— На корабле гравитация немного ниже земной. Организм в твоем возрасте реагирует на это очень быстро. Позвоночник распрямляется, костная ткань вытягивается...

А еще росту помогает полноценное питание. Только Даньке это объяснять не обязательно.

Мальчишка лег рядом со мной, подложил руки под голову. Задумчиво сказал, глядя на разноцветный лунный хоровод в небе:

— Я раньше думал, такое только в кино бывает... или во сне. А у меня получились такие каникулы, что теперь фантастику смотреть будет противно. Спасибо, Сергей.

— За каникулы?

— Да.

— Боюсь, они могут затянуться, Данька.

— Я не против... А почему?

— Из-за людей, которые называют себя Потомками Сеятелей.

— Это те, которые победили крейсер Клэна?

— Да.

Не знаю, почему меня потянуло на откровенность. Наверное, Данька был для меня в первую очередь землянином, самым близким в галактике человеком, и только потом — ребенком, мальчишкой «среднего школьного возраста», для которого полеты на межзвездном корабле от планеты к планете лишь увлекательные каникулы. И как землянин он должен знать то, что не следовало говорить ребенку.

— Секта Потомков Сеятелей стара как мир. На каждой планете религия обожествляла Храмы и их создателей. И даже когда люди понимали наконец, что Сеятели были всего лишь очень развитым народом, оставались фанатики, ищущие высший смысл в их поступках. Чаще всего смысл находили в том, что Сеятели не исчезли бесследно, а просто удалились куда-то: в другую галактику, в иное измерение, откуда продолжают наблюдать за созданной ими жизнью. Возникла вера в то, что людям необходимо совершить какой-то особый ритуальный поступок, выдержать загадочное испытание, чтобы стать достойными своих богов. Тогда они вернутся... и всё в мире изменится, всё станет хорошо.

— Это от Сеятелей станет хорошо? Они же только и умели, что воевать!

— Правильно. Значит, и испытание должно быть соответствующим. Надо уничтожить какого-то врага, не добитого Сеятелями, и доказать свою верность им. Врагов таких находили много... особенно вначале. Примитивная нечеловеческая жизнь или слишком уж удачливый завоеватель-человек — всё годилось. Ведь настоящих противников еще сами Сеятели истребили полностью. Ну а потом это надоело. Перебили разумных рептилий на Алге, загнали в резервации пернатых цэ-трэсов, едва взявших в рукокрылья каменные топоры. Пэлийцев и еще пару народов отделали так, что они тысячи лет прозябали на своих планетах, даже

не высовываясь за пределы атмосферы... А Сеятели конечно же и не думали объявляться. Секта почти угасла. Но у тех, кто в ней остался, есть еще одна кандидатура на роль врага. Прóклятая планета, планета, которой нет... Земля. Не зря же Сеятели не поставили на ней Храма. Намекали, выходит, — вот они, неполноценные, наши и ваши враги. Найдите, уничтожьте, покорите — вот в чем испытание.

Данька вздрогнул, прижался ко мне. Спросил:

— И они ищут?

— Искали, потом бросили. Секта совсем пришла в упадок, ее идеи никого не вдохновляли. Повоевать можно было и между собой, а не гоняться за отсталой планетой, которая и в космос тогда еще не вышла. А вот сейчас, похоже, ищут. На корабле, способном уничтожить целую эскадру. И с кварковой бомбой, которая может превратить Землю в облако пыли.

Данька сжал мою руку:

— Мы им должны помешать, правда? Найти их корабль и разнести на кусочки!

— Я попробую, Данька. Мы попробуем. Пока над Землей опасность — я тебя туда не отпущу. Шансов справиться с Белым Рейдером у нас мало — но возвращаться на Землю еще опаснее.

Отбросив в сторону пустую бутылку, я с горечью произнес:

— Вот так все получилось, Данька. Я отправился сражаться за свою любовь — а оказалось, что должен драться за свою планету. Все переплелось, запуталось. Друзья — Эрнадо, Ланс. Бывший враг — Редрак. Случайный союзник — Клэн. И ты.

— А я кто?

— Ты?

Я рассмеялся:

— Больше чем друг, это уж точно. Я сражаюсь теперь за нашу планету, за Землю. Значит, и за тебя тоже.

Белый Рейдер порядочно просчитался, подбросив мне Даньку. Ностальгия может сломать... А может заставить идти до конца.

— Сергей, но ты же начал искать Землю, просто чтобы доказать принцессе, что наша планета не хуже других. Ведь ты не стал бы возвращаться домой, пожени вы с принцессой?!

— Наверно.

— А если принцесса вдруг полюбит тебя? И скажет, что никакую Землю искать не надо? Ты вернешься к ней и перестанешь преследовать корабль Потомков Сеятелей?

— Она такого не скажет, Данька.

— А если все-таки...

Я помолчал, глядя на разноцветный лунный узор в небе.

— Данька, не знаю, для твоего ли возраста то, что я скажу. Но постарайся понять. Я стал искать Землю не просто чтобы доказать принцессе свою полноценность. И даже не потому, что это мой долг перед родиной. Я слишком долго был игрушечным лордом, ритуальным женихом, марионеткой в чужой игре. Даже став принцем, я не почувствовал себя настоящим. Моя победа над Шоррэем — результат случайности плюс помощь друзей и удача. Я должен совершить что-то свое, неподдельное, выбранное мною самим. Доказать, что стóю большего, чем мне отведено. Лишь тогда я достоин своей любви, достоин быть принцем. Когда-то я сказал, что любовь стоит жизни. И лишь потом понял, что правильно и обратное: жизнь должна стоить любви... Не слишком я заморочил тебе голову?

— Нет, я понял. Ты думаешь, что недостоин принцессы?

— Да. Она отвергла меня из-за глупого предрассудка, но есть причина гораздо серьезнее. Пусть даже она понятна лишь мне...

Я встал и направился к катеру.

— Пойдем, Данька. Спать иногда необходимо.

Мальчишка поднял с земли термоподстилку, встряхнул. Убежденно произнес:

— Нет, я ни в кого влюбляться не буду. От этого одни неприятности. Доказывать что-то, переживать...

— Правильно, — усмехнулся я, забираясь в люк. — Я тоже так думал в твоем возрасте. Обидно, что с годами мы глупеем и забываем свои гениальные решения.

2. Работа для клэнийца

Воспоминания — коварная вещь. Они могут дремать годами — но стоит их затронуть, и память принимается усердно подбрасывать всё, что стараешься забыть.

Я не хотел вспоминать Тар. Его равнины и горы, императорский дворец и безмолвную громаду Храма над выжженными скалами. Легче забыть, чем страдать, лучше жить настоящим, чем прошлым, у которого нет будущего.

Принцесса, вложившая в мою ладонь обручальное кольцо в ночном парке на Земле, — куда более приятное воспоминание, чем девушка, логично объясняющая, почему она не может меня полюбить даже после подвига, совершенного для ее родной планеты Тар.

Я был один в полутьме центральной рубки корабля.

«Срединная вахта», самая легкая из всех, — тот промежуток времени, когда звездолет идет в гиперпространстве и не нуждается в коррекциях курса.

Я — капитан, которому можно доверить лишь самую легкую вахту. Смешно и стыдно... Доказывая Даньке, что мне необходимо совершить поступок, поднимающий меня над ролью «игрушечного» принца, я верил в свои слова. Но не превратился ли я в игрушечного капитана, за которого всё делают друзья?

Ланс взял на себя пилотирование подаренного мне принцессой корабля, Эрнадо подсказал, что гораздо полезнее искать и допрашивать пиратов и мятежников, космических авантюристов, вышедших в отставку разведчиков, чем прочесывать неизученные районы космоса. Редрак указал след: человека, побывавшего на Земле.

А я лишь руковожу. «Не отступать и не сдаваться». Лететь на ту или иную планету — причем выбранную зачастую лишь из-за благозвучности названия.

Я действительно верил, что смогу отыскать Землю и у принцессы не останется оснований отказывать мне в браке. Но неужели же нет других возможностей завоевать ее любовь?!

Два-три месяца в роли героя планеты, временного «мужа» — не такой уж малый срок. Вполне достаточный, чтобы склонить симпатии населения на свою сторону, уменьшить неприязнь к планете, «которой нет». И гораздо больший, чем требуется для покорения сердца девушки, разочаровавшейся в прежнем возлюбленном и спасенной симпатичным ей когда-то человеком...

Трудный путь к цели выбираешь лишь тогда, когда легкий кажется оскорблением мечты. Или когда сам путь важнее результата. Хочется верить, что мной двигало первое.

...Дверь в рубку открылась, предупреждающе пискнув. Мягким, неслышным шагом вошел Эрнадо.

— Нечем заняться, — сообщил он. — Я побуду в рубке до конца вашей вахты, капитан.

— Я способен отдежурить самостоятельно.

— Как угодно. — Эрнадо остановился возле кресла навигатора, которое обычно занимал. Цепким взглядом окинул приборы. — Мне действительно нечего делать.

— Садись, — буркнул я. В конце концов мои комплексы касались только меня...

— Спасибо, — без тени иронии ответил Эрнадо.

Некоторое время мы молчали. Эрнадо задумчиво посмотрел на экран контроля гиперпространственных генераторов. Я перехватил его взгляд и торопливо переключил режимы — давно пора. Черт глазастый...

— Ты давно связывался с Таром? — спросил я.

— Дней пять назад, после того как мы подобрали Клэна.

— Как там дела?

— Нормально. — В голосе Эрнадо, казалось, скользнула ирония. — Тар заключил договор о дружбе, торговле и...

— Хронику по информсети я тоже просматриваю, — оборвал я его. — Ты наверняка болтал с приятелями-десантниками. Расскажи пару сплетен.

— Распространение слухов, порочащих правящий императорский дом, — начал Эрнадо, — карается двумя годами каторги, а если таковые слухи...

— Брось. Я принц. Я разрешаю.

— Говорят, что недавно принцесса неофициально встречалась с Праттером, своим давним знакомым, известным гонщиком в классе легких гиперпространственных яхт. Встреча прошла в дружеской обстановке и завершилась через полчаса, после чего Праттер отправился на космодром и покинул планету.

— Спасибо, Эрнадо. Что еще?

— Военно-космический флот пополнен тремя кораблями среднего класса. Два из них отправлены на поиск императора и императрицы. Неофициальное указание принцессы — собирать информацию о планете Земля.

— Дальше.

— На приеме по случаю двухлетней годовщины изгнания гиарских агрессоров принцесса высоко оценила роль принца Сергея с планеты, которой нет, его мастерство и хладнокровие в поединке с Шоррэем Менхэмом.

— Эрнадо, если бы ты был поваром, то пересластил бы все блюда.

— Возможно. Скажи, Серж, тебе не приходила мысль не ограничивать переписку с принцессой отправкой поздравлений по торжественным датам?

— Нет, не приходила, — сухо ответил я. — Так же как и принцессе.

На пульте заверещал таймер. Я коснулся клавиатуры, переключая управление.

— Капитан вахту сдал. Прямого пути.

— Навигатор вахту принял. Курс верен, замечаний нет.

Эрнадо поудобней устроился в кресле, запустил тест-программу проверки систем корабля. Достал из кармана комбинезона гибкий пластиковый листок.

— Взгляни. Новое увлечение кадета.

Это было обычное фото-трехмерка. Эрнадо и Клэн с плоскостными мечами в руках, стоящие в боевых стойках в

тренировочном зале. Судя по напряженным фигурам, фехтовали они при гравитации в полторы-две единицы.

— Неплохо, — сказал я. — Хорошая композиция, и момент схвачен очень удачно... Кто победил?

— Клэн, — нехотя ответил Эрнадо. — Он знает массу оригинальных приемов... Мальчик просил Ланса показать ему фотографию Храма и был очень удивлен отказом.

— Объяснили ему причину?

— Да. Он умеет задавать интересные вопросы.

Голос Эрнадо вдруг неуловимо изменился.

— Капитан, разрешите связаться с космопортом назначения?

— Со Схедмоном? Зачем?

— Дать заказ на подготовку гипертуннеля к Земле. Мы сможем отправить мальчика домой через несколько часов после посадки.

Я присел на корточки перед пультом, взглянул в лицо Эрнадо поверх мерцания индикаторных панелей. Оно было как всегда невозмутимо, лишь глаза стали еще холоднее и невыразительнее, чем обычно. Но в этом, наверное, повинен синеватый отсвет включенных экранов.

— Эрнадо, ты понимаешь, что означает кварковая бомба на рейдере сектантов?

— Разумеется. Они хотят уничтожить Землю.

— И ты предлагаешь отправить мальчишку на планету, которая в любой момент может превратиться в облако пыли?

— Да. У них ничего не выйдет. Иначе сектанты давно уничтожили бы планету, переправив бомбу через гипертуннель. На нашем корабле мальчик в большей опасности. Следует отправить его на Землю.

— Эрнадо, опомнись,— тихо сказал я.— Ты несешь чушь. Если это твое окончательное мнение, то лучше закажи гипертуннель до Тара. Принцесса навесит тебе погоны покруче.

Эрнадо вздрогнул и опустил глаза. Произнес неожиданно растерянным голосом:

— Извини, Сергей... Я не подумал. Но мне кажется... казалось, что это необходимо.

— Вредное влияние Редрака, — попытался я улыбнуться.— Может, прислать тебе на смену Ланса? Потренируемся на мечах или отдохнешь?

— Нет, Серж. Спасибо, я в полном порядке. Это моя вахта.

Я пожал плечами и вышел из рубки.

Когда Данька попросил Ланса показать ему фотографию Храма, он действительно задал очень интересный вопрос.

Фотографий Храма в природе не существовало. Равно

как и видеопленок, кристаллографий и кинофильмов. Храм не позволял фиксировать себя ни на одном из существующих носителей информации. Природа этого оставалась загадкой — одной из миллионов загадок Храмов.

В лучшем случае место Храма на фотографии занимало расплывчатое пятно. В худшем — засвечивалась вся пленка. Магнитные носители просто стирались, прочнейшие кристаллы оптической записи разрушались. Храмы словно считали себя нефотогеничными и упорно препятствовали любым попыткам запечатления. Тем планетам, где Храмы до сих пор оставались предметом поклонения, приходилось довольствоваться картинами многочисленных художников, избравших темой своего творчества огромные зеркально-черные шары. Надо признать, выглядели эти своеобразные иконы весьма впечатляюще — причем некоторые по точности немногим уступали фотографиям.

Я вспомнил, что на Схедмоне было что-то вроде музея, посвященного Храмам, и решил непременно выкроить полдня, чтобы показать его Даньке. В музее наверняка великолепная картинная галерея... А потом можно будет пройтись к Храму Схедмона.

Приняв душ и повалявшись полчаса на койке, я выбрался из каюты. Дремлющий в кресле Трофей проводил меня взглядом прищуренных желтых глаз и вопросительно тявкнул.

Странный зверь оказался потрясающе смышленым. Это еще больше увеличивало мою неприязнь к пэлийцам — если только ей было куда увеличиваться.

Войдя в лифт, я ткнул кнопку с номером тренировочного зала. Обычно это самое оживленное место на военных кораблях, но мой экипаж был настолько малочислен, что я надеялся позаниматься с мечом в гордом одиночестве...

Надежды не сбылись. Посредине маленького круглого зала стоял Клэн и лениво отмахивался мечом от Ланса и Редрака. Клинки у обоих пилотов были уже порядком укорочены. В сторонке лежал на полу Данька, крутя в руках маленький фотоаппарат. Он явно решил заснять бой в необычном ракурсе.

При моем появлении тренировка прекратилась. Пилоты отправились к стойке с оружием — менять мечи, Данька вскочил с пола, навел на меня объектив и сфотографировал прежде, чем я успел согнать с лица недовольное выражение. Клэн остался стоять, опустив меч. Я заметил, что кожа у него приобрела легкий оранжевый оттенок — как у стен тренировочного зала.

— Ты хорошо дерешься, — сказал я.

Клэн кивнул:

— Я специализировался в ближнем бою. Ничего лучше одноатомного меча для схватки в нейтрализующем поле не придумано.

— А плоскостные диски? — ревниво спросил я.

— Оружие против толпы. Шоррэй Менхэм доказал, что настоящему профессионалу они не страшны.

Я не стал спорить. У Шоррэя была нечеловеческая реакция, он мог уклониться от летящих дисков, а для меня это навсегда останется недоступным. Но кто знает, какую скорость движения в бою считают нормальной клэнийцы...

— Прошу капитана о спарринге, — продолжил Клэн.

— Не думаю, что окажусь интересным соперником, — с долей сожаления ответил я. — Уровень подготовки у меня, Ланса и Эрнадо примерно равный. У Эрнадо наверняка даже повыше.

Клэн слегка улыбнулся — первый раз за все время на корабле. И сказал:

— Я видел ваш бой с Шоррэем. Это пример, когда предельное мастерство встретилось с запредельным. Запись поединка показывают на всех циклах обучения в клэнийских школах. Усыпление бдительности соперника, использование его атаки для подгонки величины собственного меча, предугадывание решающего удара, уклонение в момент неизбежности удара, вспарывающий выпад в падении, использование режима непрерывной заточки меча для преодоления защиты комбинезона, общая этика поединка...

У меня едва не отвисла челюсть. Мой отчаянный, безнадежный, выигранный лишь благодаря темпоральной гранате Сеятелей поединок считается классикой боя на плоскостных мечах! Его изучают на самой воинственной планете галактики!

Хорошо хоть Данька не понимает стандартный галактический. Я всегда боялся стать ложным кумиром, а после уверенной тирады клэнийца это было бы неизбежным. Чего доброго, Данька решит, что искусство владения одноатомником — врожденный талант всех землян. Включая и его самого.

— Боюсь, Клэн, что тот поединок нетипичен. Я действовал интуитивно.

— Разумеется. Любой настоящий бой ведется интуитивно. Иначе он превратится в ремесло.

Последнее слово прозвучало так презрительно, как мог сказать лишь клэниец — с его сотнями поколений предков, не занимавшихся ничем, кроме войны. Я почувствовал, что одиночка с погибшего корабля мгновенно стал мне симпа-

тичнее. Несмотря на жаропрочную хамелеонскую кожу и удивительное равнодушие к смерти своей огромной семьи.

Люблю искусство и ненавижу ремесленничество.

Не важно, что делает человек — кладет кирпичи в стену дома или пишет музыку. Выбор между искусством и ремеслом всегда зависит от той степени интуиции, непредсказуемости, чувства, которую вкладываешь в свое дело.

— И все же лучше я понаблюдаю за твоим спарринтом с Лансом и Редраком. Сейчас это будет полезнее.

Клэн кивнул:

— Я постараюсь показать все основные приемы нашей школы боя на одноатомниках.

— Ты еще не решил, что предпримешь на Схедмоне? — поинтересовался я.

— У меня два пути. — Клэн не глядя вогнал меч в ножны. — Либо купить корабль и нанять команду для охоты за Белым Рейдером — состояние нашей семьи позволяет это. Либо просить вас о временном контракте — я могу выполнять на корабле любую работу. Сейчас я предпочел бы второй вариант.

— Почему? Мы ищем Землю, мою родную планету, а лишь потом Белый Рейдер.

— Ваши пути пересекутся, — твердо сказал Клэн. — Я знаю.

— Мне бы твою уверенность...

— Даже два солнца светят в одном небе, — ответил Клэн схедмонской пословицей.

— Хорошо. Надеюсь, тебе не придется жалеть о своем выборе.

Я кивнул подошедшему Лансу:

— Внеси Клэна в список экипажа. Временный контракт, со всеми необходимыми формальностями... На любую свободную должность, которую он выберет. Потом дашь на подпись.

Редрак вздохнул. Список лиц, подлежащих его охране, неумолимо расширялся. То, что клэниец мог постоять за себя лучше любого из нас, роли не играло.

3. Плата за молчание

Мы садились на космодром Схедмона вручную. Это было чем-то вроде высшего пилотского шика — сажать корабль самим, когда на планете имелся новейший космопорт со всеми системами автопосадки, от дистанционного управления и ракетных буксиров до экспериментальных устройств принудительного спуска в гравитационном луче.

Если обычная посадка на полупустом космодроме или просторах незаселенной планеты представляет несложную задачу даже для начинающего пилота, главное — иметь запас свободного хода, то посадка на бетонном пятачке, лишь в два с половиной раза превышающем диаметр корабля, — серьезное испытание и для мастера. Несмотря на чуть меньшую обычной гравитацию.

Маневрированием управлял Редрак. Он сидел в глухом черном шлеме, закрывающем все лицо, — сейчас у него не было времени на многочисленные пульты и экраны. Самая важная информация проецировалась на внутреннюю поверхность шлема и повторялась речевым синтезатором в наушниках. Из пилотажного пульта были выдвинуты дополнительные консоли, покрытые сотнями сенсоров прямого управления двигателями. В обычных условиях они не использовались — любая их команда могла быть продублирована нажатием нескольких клавиш основного пульта. Но сейчас Редрак управлял двигателями вслепую, касаясь сенсоров отработанными за многие годы движениями, — так играет пианист, не глядя на инструмент.

Задача Ланса была чуть проще. Он контролировал работу главного реактора и двигателей, подачу топлива и охлаждение дюз — какие бы сумасшедшие нагрузки ни выжимал из корабля Редрак, резерв хода не должен теряться.

Клэн почти лежал, его кресло было максимально опущено, и он видел сразу все экраны — начиная с главного, занимающего половину потолка, и кончая видеокубом с оптической картинкой, светящимся над его правой рукой. Должность, которую предпочел для себя Клэн, называлась довольно заумно — пилотажный тактик — и была из разряда тех излишеств, которые в определенных ситуациях переходят в ранг жесткой необходимости. Фактически клэниец управлял всеми маневрами корабля в критические моменты полета.

— А-три, — негромко сказал Клэн. — Пауза. Пауза. В-четыре. Пауза. Зависаем. Еще. А-один, едва-едва...

Команды, отдаваемые Клэном, походили на бред пьяного шахматиста. Наверное, не только для меня, но и для Ланса бессистемное чередование номеров маневренных двигателей и абсолютно вольных по форме советов было невыполнимым и малопонятным. Но Редрак Шолтри действительно оказался пилотом экстра-класса. Это чувствовалось по голосу Клэна — вначале чуть настороженному, неторопливому, а теперь уверенному и быстрому.

Эрнадо, занимающий не слишком-то сложную должность навигатора, пока скучал. Его работа начнется лишь в

том случае, если Редрак решит поднять корабль за пределы атмосферы и зайти на посадку повторно. Случай скорее гипотетический.

И только два человека на корабле были сейчас абсолютно лишними. Я и Данька. Капитан и юнга. Не важно, что пульт, за который посадили мальчишку, был втайне от него отключен от линии активного управления, а мой, капитанский, мог отменить любой приказ Редрака или Клэна. Я все равно не собирался вмешиваться и демонстрировать экипажу свои школярские познания.

— Д-четыре, — диктовал Клэн. — Д-пять, д-шесть дважды. Д-семь! Хорошо, мы ушли... Пауза. Гасим до нуля...

Оставаясь неслышимым для остальных, я негромко объяснял Даньке смысл происходящего. Хоть на это моих знаний хватало.

— Сейчас экипаж работает по боевому пилотажному расписанию. Есть еще боевое-боевое, или дуэльное. Тогда мы с тобой и все не занятые в маневрировании — то есть Эрнадо и Ланс — контролировали бы системы защиты и нападения. Основы космического боя знаешь?

— Ага, Редрак объяснял. — Голос Даньки в канале двусторонней связи дрожал от возбуждения. — Сер... Капитан, а на этом экране, в центре пульта, вид сверху?

— Да. Главный экран сейчас показывает космодром с высоты нашего полета. Это чуть меньше трех километров. Площадка, на которую мы садимся, обведена красным пунктиром.

— Посадочные огни?

— Нет, просто подсказка корабельного компьютера. Световые маяки существуют, но на практике не используются.

— Здесь столько кораблей... Если Редрак ошибется, мы можем в них врезаться?

— Только не на этом космодроме. Нас перехватят гравитационным лучом и посадят на отведенное место. Дело кончится небольшим штрафом... и огромным позором.

На минуту Данька замолчал, разглядывая силуэты кораблей, заполняющих огромное, медленно приближающееся поле. Шары и сигары, конусы и цилиндры, диски и пирамиды. Корабли разных планет всех существующих классов — от легких спортивных яхт до боевых крейсеров; расстояние и воздушная дымка сглаживали детали, и корабли казались набором наглядных пособий по стереометрии, в шахматном порядке разложенных на столе. Космопорт Схедмона был одним из самых больших в галактике — планета служила перевалочным пунктом между сырьевыми колониями, не имеющими Храмов, и основными мирами.

Здесь корабли заправлялись и ремонтировались, а экипажи получали отдых перед полетом в гиперпространстве напрямую: от Храма Схедмона на сигнал Храма своей планеты.

Кроме того, Схедмон с незапамятных времен являлся торговым и культурным центром этого сектора галактики.

А еще, говоря откровенно, все окрестности космопорта представляли собой знаменитый притон, предлагавший развлечения на любой вкус...

— Капитан, а не проще было бы садиться по гравитационному лучу? Нам не пришлось бы так маневрировать.

— Данька, ты когда-нибудь ездил на велосипеде без рук или с закрытыми глазами?

— Ездил, — с заметной гордостью ответил мальчишка.

— А зачем? Проще было бы держаться за руль и смотреть на дорогу.

— Понятно...

Клэн продолжал бубнить свои буквенно-цифровые комбинации в очень быстром темпе и уже без всяких добавлений. Корабль завис метрах в пятидесяти над посадочной площадкой.

— Ноль-ноль, маневровые стоп, тяга минус ноль два. Тангаж ноль, отклонение ноль... тяга минус четыре... Стоим. Минус пять... Пять, а не четыре! Стоим... Опоры. Гравикомпенсация. Минус десять! Стоп двигателям, идем на резерве... Дистанция плюс один, касание...

Корабль слегка качнулся, опустившись на поле.

Редрак медленно стянул черный шлем, дополнительные консоли его пульта с тихим гудением отъехали в сторону. Огоньки на панелях замерцали желтым и зеленым. Лицо Редрака показалось мне почти незнакомым — на нем не осталось и следа прежней недоверчивой напряженности. Лишь гордость — полноправная гордость человека, сделавшего почти невозможное.

— Мы сели один в один, — удовлетворенно сообщил он. — Отклонение в пределах сантиметра!

Клэн кивнул и привстал из своего кресла, протягивая Редраку руку. Пилот не колеблясь пожал ее. Судя по всему, на их планетах обычаи вполне земные.

— Ты пилот, — просто сказал Клэн.

— Ты тактик, — ответил Редрак.

Я задумчиво смотрел на них. Передо мной словно открывалось что-то новое, непривычное. Никогда бы не подумал, что клэнийца может обрадовать что-нибудь, кроме военной победы, а Редрак способен переступить через вколоченную гипнокодированием подозрительность.

Оказывается, возможно всё.

Даже для Клэна жизнь не сводится к бесконечному поединку во имя родной планеты. Даже для него есть просто работа — обычная работа, в которую можно вложить все силы, и друзья — те, кто стоят плечом к плечу во время этой работы.

— Всем спасибо, — сказал я. — Два часа на формальности и таможенный досмотр. Затем отдых... рекомендую прогулку по местным притонам.

Редрак ухмыльнулся. Ланс понимающе кивнул. Эрнадо пожал плечами. Клэн спросил:

— Мое присутствие может оказаться полезным?

— Вероятно, — не скрывая скепсиса сказал я.

— Ищем Белый Рейдер?

— Человека, которым должен интересоваться экипаж Рейдера.

— С удовольствием прогуляюсь по злачным местам Схедмона.

Я задумчиво посмотрел на Даньку:

— По кабакам мы прогуляемся без тебя, кадет. Договорились?

Мальчишка напрягся, обиженно возразил:

— Я тоже член экипажа. А если будет стриптиз, то могу и отвернуться!

Первым засмеялся Ланс. Потом остальные. Лишь Редрак едва улыбнулся:

— Мальчик прав, капитан. Он имеет право идти — по уставу. Любой член экипажа имеет право на отдых после полета, длившегося более пяти суток.

— Хорошо.

Я искоса взглянул на Эрнадо. Но все было в порядке — ни малейших следов прежней отстраненности на лице.

— Эрнадо, перед выходом из корабля выдайте кадету парализующий пистолет. И объясните, как с ним обращаться.

Пробитый в мягком известняке ход был узким и извилистым. Кое-где с потолка капала вода, собираясь на полу в мелкие хрустально-чистые лужицы.

— Главное достоинство ресторана «Грот», — разглагольствовал Редрак, — это обилие входов и выходов. Есть очень культурные, с лифтами и эскалаторами, а есть такие — со всем необходимым для романтиков... Даже с пятнами крови на стенах, там, где кого-то пришили. Пятна регулярно подкрашиваются.

Данька осторожно взял меня за руку. Похоже, он считал меня большей гарантией от неприятностей, чем парализатор, занимающий законное место в кобуре на поясе.

Коридор окончился довольно неожиданно — радужной голографической завесой. Я почему-то ожидал увидеть массивную дверь из дерева или металла.

Пройдя сквозь иллюзорную «штору», мы оказались в прохладном полумраке небольшого зала. Каменные стены, поблескивающие искорками кристаллических включений, низкий неровный потолок... Пещера, слегка облагороженная, обставленная массивной мебелью и освещенная фальшивыми факелами, узкая и длинная, с многочисленными гротами-расширениями, в которых прятались низкие круглые столики. Заняты были немногие.

— Слишком рано? — спросил я.

— Наоборот, поздно. Веселье длилось с вечера до утра. В полдень здесь всегда тихо, даже местные жители рискуют заглянуть.

Мы заняли один из пустовавших столиков, возле которого было лишь три кресла. Наш экипаж сегодня отдыхает двумя группами, «незнакомыми» друг с другом. Во всяком случае, до тех пор, пока это будет возможно.

Я был абсолютно убежден, что ресторан обслуживается официантами. Но никто не спешил появиться возле столика. Зато в воздухе возникла светящаяся надпись на стандарте, призывающая нас вслух заказать требуемые блюда или же запросить рекомендуемое меню.

— Сервис на уровне кафе-автомата, — вздохнул я.

Редрак пожал плечами:

— Увы, мой капитан... Слишком мало желающих работать официантами в ресторане, где чуть не каждый день происходит перестрелка. Зато кухня здесь великолепная.

— Могли бы установить генератор нейтрализующего поля, — заметил я.

— Тогда пропала бы вся романтика «Грота». Сюда идут именно потому, что есть риск не вернуться.

Заказывать блюда я предоставил Редраку с Данькой. Меня больше интересовали посетители. Полускрытые в каменных нишах столы не позволяли рассмотреть их достаточно ясно, но ничего интересного пока не было. Парочка молодых людей метрах в десяти от нас — слишком уж нежно прижимающихся друг к другу... Забавно, но достаточно обыденно. Пожилая дама с двумя кавалерами средних лет — также вполне тривиально. Компания из пяти-шести полупьяных пилотов в незнакомой форме — более чем естественно.

— Боюсь, мы зря явились в это заведение, — сказал я, принимая из открывшегося в стене люка огромные блюда. Мясо с гарниром — мне, суп и сладости — Даньке, три тарелки салата и бутылка вина — Редраку.

— По крайней мере не останемся голодными, — непринужденно заметил Редрак. — Сейчас осмотрюсь.

Наполнив свой бокал, он небрежно извлек из кармана очки. Самые обычные на вид, с зеркально-темными стеклами и простой пластиковой оправой... И электронной начинкой, превращающей их в гибрид бинокля и прибора ночного видения.

— Эрнадо, Клэн, Ланс, — вполголоса произнес он. — А я-то решил, что мы их опередили.

— Где они?

— На противоположной стороне, через семь столиков.

— Что еще?

Редрак молча разглядывал дальний угол ресторана. Потом поднес руку к лицу, поправляя очки и подстраивая увеличение. Отхлебнул вина, против обыкновения не смакуя.

— Редрак!

Пилот повернулся ко мне. В зеркальной черноте очков плясали отблески пламени «факелов».

— Вы верите в удачу, капитан?

По телу пробежал холодок. Я вытер губы салфеткой, скомкал ее и отложил в сторону.

— Да.

— Он здесь. За столиком в угловой нише с каким-то молокососом и двумя девчонками.

— Ты уверен?

Редрак поморщился и с оттенком обиды процедил:

— Включите свой браслет.

— Я оставил его на корабле. Сообщи Эрнадо.

Редрак кивнул. Спросил:

— Дождемся, пока парень двинет на выход?

Я заколебался. Самое разумное — брать «языка» в одном из многочисленных извилистых выходов из ресторана, на худой конец — в кабине лифта. Но что-то холодными молоточками стучало в груди. Не то нетерпение, не то страх, не то моя проклятая интуиция...

— Берем немедленно. Вариант «наглый кавалер».

Редрак стянул очки и молча выбрался из-за стола. Пошел по узкому проходу, покручивая их в ладони. Выронил, проходя мимо столика, за которым мирно обедала вторая половина нашего экипажа. Нагнулся, поднял очки, что-то вежливо бормотнул.

Эрнадо небрежно кивнул в ответ. Повернулся к Лансу, с улыбкой что-то произнес.

Все шло по плану. Сейчас Ланс с топорной деликатностью пьяного молокососа начнет отбивать у побывавшего на Земле пирата даму. Потом они выйдут в ближайший кори-

дор — «разобраться». А там их уже будут поджидать Клэн с Эрнадо.

Не слишком-то честно. Но весьма эффективно.

Я взял оставленный Редраком бокал, глотнул нестерпимо кислого вина. И это у них лучший сорт?

Все шло отлично. Ланс медленно выбирался из-за стола, Эрнадо с Клэном уже исчезли. В дверях туалетной комнаты показался Редрак с мокрым до нарочитости лицом.

— Сидеть на месте, ни во что не вмешиваться, — приказал я ничего не подозревающему Даньке. — Начнется пальба — ныряй под стол. Ясно?

Мальчишка поперхнулся блюдом, напоминающим мороженое, посыпанное разноцветной фруктовой пудрой. Переспросил:

— Что?

— Это приказ, кадет! — рявкнул я, ухитряясь не повышать при этом голоса и сохраняя добродушную улыбку. — Ни во что не вмешиваться! В любого чужака, подходящего к столику, — стреляй!

Из кармана куртки я достал собственные «очки». Надел их и коснулся крошечной кнопки... Мир вокруг дернулся, словно я прыгнул вперед. Лицо редраковского знакомого теперь было перед глазами. Полутьма рассеялась. Он что-то оживленно говорил, энергично жестикулируя и самодовольно улыбаясь. Да, поговорить парень любит. И выпить явно тоже.

Вторая кнопка. Узконаправленные микрофоны с системой активной фильтрации звука... Чавканье молодой девушки — звук был настолько неприятен, что я поморщился и мотнул головой. Микрофоны перенастроились.

— ...все-таки сомневаюсь. Ты уж прости, Дрэй.

Слегка кивнув, я подтвердил фиксацию этого голоса. Молодой собеседник нашего будущего знакомого в чем-то не соглашался с ним. Послушаем, пока Ланс продолжает ломать комедию, бродя от столика к столику и расточая любезности дамам. Не нарвался бы он на скандал раньше времени.

— ...Да зачем мне тебе врать!

А это уже говорил Дрэй. Человек, покупавший плутоний в Нью-Йорке. Я опять склонил голову, подтверждая датчикам необходимость прослушивать и этого. Ох и набрался же он!

— Я тебя вижу первый раз... и последний, если не разучусь управлять кораблем... Ты не человек, ясно? Ты рыба в мелкой луже, курица в клетке... Родился на этой планете и сдохнешь здесь же... Как эти... земляне... Был я там, понимаешь? Был!

— Но мне рассказывали, — очень вежливо и абсолютно не реагируя на оскорбления, сказал собеседник Дрэя, — что планеты, которой нет, достичь в реальном пространстве невозможно. Только через... как его... гипертуннель.

Я начал привставать — а рука сама собой скользила за отворот куртки.

Этот юноша, беседующий с Дрэем, не был пьян. Не был он и коренным схедмонцем. Только пьяный и самоуверенный кретин мог не заметить особой гортанности в его стандартном галактическом. Акцента, который порождает чуть-чуть иное строение голосовых связок...

Умело и упорно он вытягивал из Дрэя необходимые ему сведения. Сведения о Земле. Усердно расправлявшаяся с очередным блюдом девушка внимательно вслушивалась в их разговор. А вторая, покручивая в пальцах хрустальный бокал, пристально разглядывала приближающегося Ланса. И в глазах ее было не скучающее любопытство дешевой проститутки, а холодный расчет профессионала-наблюдателя.

— Дурак. Ты меня понимаешь не больше, чем этот стол... Я достиг планеты, которой нет, после слепого прыжка с опорой на маяки Схедмона, Оара и Рэг-II... а вектор знаешь на что ориентировался? На звезду...

По-моему, уже хватит, чтобы уверенно задать курс.

— Ложись! — крикнул я, вырывая из кобуры под мышкой бластер. Лазерный излучатель импульсного действия малой мощности, с принудительной системой охлаждения и эффективной дальностью стрельбы по живой мишени в сто двадцать метров...

Девушка, старательно поглощавшая пищу, вскочила из-за стола. В ее руках блеснул металл — и времени на раздумья у меня не осталось.

Тонкий белый луч протянулся через узкий и длинный зал ресторана. Я не хотел убивать — да и не такой уж я меткий стрелок... Лазерный импульс вонзился в пистолет, уже направленный в мою сторону. Через десятую долю секунды металл пистолета раскалился докрасна. Еще через одну десятую расплавилась изоляция энергоразрядника и десять мегаватт вошли в тонкую руку, сжимающую бластер.

Девушка не успела ни вскрикнуть, ни шевельнуться. Она умерла мгновенно — обугленный черный труп простоял еще пару секунд, прежде чем обрушиться на пол горсткой праха.

Дрэй, похоже, мгновенно протрезвел. Он прыгнул через стол в сторону ближайшей двери. Но еще в воздухе его остановил сильный удар недавнего собеседника. Юноша действовал со скоростью, достойной клэнийца. Но он им не

был. Тонкие клыки, выскользнувшие изо рта... Сейчас пэлийцу было не до того, чтобы контролировать инстинкты.

Сбитый на пол Дрэй даже не успел подняться, а драка шла уже над ним. Ланс, мгновенно оценивший ситуацию, попытался оттащить Дрэя в сторону — и с трудом парировал молниеносный выпад пэлийца. Несколько секунд они обменивались ударами — потом между ними сверкнула голубая вспышка парализующего пистолета. В игру включилась вторая девушка. Ланс упал.

Следующим выстрелом она заставила замереть Дрэя. Юноша легко подхватил его, забросил на спину и шагнул в сторону выхода. Девица равнодушно посмотрела на неподвижного Ланса — и подняла свое оружие.

Конечно, парализующий пистолет не убивает. Но три-четыре выстрела подряд обычно останавливают работу сердца... Подруга пэлийца успела выстрелить еще лишь раз.

Редрак, подстегиваемый психокодом, опередил даже меня. Он метнул нож — самый обычный, не плоскостной и не вибрационный. Но его оказалось достаточно — на девушке было лишь длинное вечернее платье с широким вырезом на спине. Туда и вошел клинок.

На мгновение мне показалось, что всё в порядке. Редрак легко успевал догнать похитителя, а за ним последовал бы я... Но тут из-за спрятанных в нишах столиков стали выскакивать люди — и началась общая свалка.

Я не заметил, как появились в толпе Клэн с Эрнадо. И Редрака вновь увидел лишь после того, как тот бросил на стул неподвижное тело Ланса, выхваченное им из самой гущи событий...

Пригнувшись — словно это могло сделать меня менее заметным, — я следил за пэлийцем, утаскивающим Дрэя. Он был не один даже после гибели своих спутниц. Его прикрывали не менее шести человек. Если для остальных посетителей происходящее было лишь отличной возможностью «поразмяться», паля во все стороны, то эта маленькая слаженная группа умело прикрывала отход товарища.

Я видел, как скользил сквозь толпу Клэн — оказавшиеся на его пути разлетались, словно сухие листья от порыва ветра. Но вот он добрался до двух рослых парней с длинными плоскостными мечами — и остановился, выхватывая собственный меч. Секунда, другая... Его начали медленно теснить назад. Клэнийца. Наемника. Человека, чьей профессией было убийство!

Нас обыграли.

Эрнадо расчищал себе дорогу непрерывным огнем парализатора. Веер голубых лучей укладывал отдыхать всех без

разбора. Но вдруг, совершенно неожиданно для меня, Эрнадо прыгнул в сторону. И не зря. Там, где он только что стоял, клокотал оранжевый огненный шар. Тяжелый плазменный бластер, армейская модель. Оружие, многими презираемое за излишнюю мощность.

Мой наставник ухитрился опередить стрелка. Ускользнув из-под удара, он скрылся в одной из скальных ниш — оттуда послышался сдавленный женский визг. И сразу же у входа в его импровизированное убежище заплясало темно-желтое пламя. Если Эрнадо и не изжарится отраженным тепловым излучением, то выглянуть из грота не сможет наверняка.

Пэлиец пинком распахнул дверь... Да нет, не распахнул, эта дверь тоже была иллюзорной. Он шагнул в нее, пронося ногу сквозь несуществующие дерево и металлические инкрустации. Дрэй беспомощно болтался у него на плече...

Пират, контрабандист, негодяй, пьяница, болван... Единственный человек, знающий путь к Земле. Мой несостоявшийся проводник.

Будущий проводник Белого Рейдера? Другой силы, способной организовать такую охоту за не в меру болтливым Дрэем, я не знал.

Но хозяевам Белого Рейдера он не скажет ни слова.

Я поймал в прицел бластера его спину. И плавно нажал на спуск.

4. Слово Секты

Никогда не убивал в спину. Никогда не убивал безоружного. Никогда не убивал невиновного.

Но Дрэй, хвастливый мошенник, возомнивший себя героем, знал то, чего не должен был знать. И может, лишь два-три его слова отделяли Землю от неотвратимого кошмара: Белый Рейдер на безопасной орбите где-нибудь возле Сатурна — и десятиметровый шарик кварковой бомбы, медленно падающий в стратосфере. Все ближе и ближе к Земле, к ее океанам и скалам, к материи, достаточно плотной, чтобы вступить в реакцию кваркового распада... И серый день Апокалипсиса, именно день — бомба затратит на уничтожение планеты несколько десятков часов. Огромная, стремительно расширяющаяся воронка, заполненная атомарной пылью... серая язва, раковая опухоль в теле планеты; расползающаяся пустыня из невесомой трухи, только что бывшей деревьями и цветами, домами и машинами, летящей над лесом птицей и работающим в поле человеком... серый вал, накатывающийся на города; бегущие люди, ко-

торых настигает непонятная, дикая, страшная смерть... самолеты, кружащие над рассыпающейся на атомы планетой, пока и их не охватит реакция отталкивания кварков...

Бывает знание, убивающее самим фактом своего существования.

Я нажал на спуск, и тонкий белый луч лазерного пистолета перечеркнул жизнь Дрэя. Жизнь, из которой мне был известен лишь крошечный эпизод — бегство от патрульного крейсера, закончившееся на планете Земля.

Попутно выстрел избавил от переживаний по поводу невыполненного задания и молодого пэлийца. Лазерному лучу все равно — один или двое.

Одежда Дрэя вспыхнула. А тащивший его пэлиец покачнулся и упал сквозь иллюзорную дверь — в коридор, ведущий к выходу, к спасению...

— Охраняй мальчишек! — крикнул я Редраку, уже не задумываясь над тем, чтобы беречь самолюбие Ланса — парализованного, но прекрасно все слышащего. И бросился к двери, за которой исчезли Дрэй и пэлийский вампир.

Ресторан больше не казался полупустым. В его основном зале — пещере стометровой длины и десятиметровой ширины — дрались друг с другом не меньше полутора сотен человек. И это не считая женщин, в большинстве своем оставшихся в гротах, за столиками. Передо мной мелькнуло личико одной из них — очаровательная тоненькая брюнетка в светящемся вечернем платье. Она неторопливо разрезала ножичком бифштекс — не отрывая любопытного взгляда от развернувшейся бойни. Дура? Садистка? Психопатка?..

Я упал на каменный пол, уклоняясь от сверкнувшего над головой плоскостного клинка. Выхватил меч и парировал следующий удар. Нападавший, оказавшись без двух третей лезвия, поспешил ретироваться.

Странно — все вокруг использовали лишь атомарное оружие. Только мой экипаж и похитители Дрэя применяли парализаторы и лучевое оружие... Почему? Ведь нет никакого нейтрализующего поля, никаких законов, препятствующих использовать в бою хоть генератор антиматерии... Словно для всех собравшихся драка была в первую очередь развлечением, возможностью показать свои таланты. А какое искусство может быть в поединке, где плоскостному мечу противостоит бластер?

Что поделаешь, я дерусь по своим законам. Для меня искусство боя — в победе, и не важно, каким путем... Справа сверкнул лазерный луч — и один из противников Клэна упал. Спасенный нами воин явно придерживался той же точки зрения.

— Сергей, сзади! — Голос Редрака срывался от страха.

Обернувшись, я увидел щуплого коротышку в причудливо расцвеченной местной одежде. С ликующей улыбкой он заносил для удара меч. Клинок полыхал белым огнем. Непрерывная заточка, метод, который я же и ввел в обиход... Даже успей я полоснуть его мечом — занесенный клинок опустится на меня.

От нашего столика ударил голубой луч. Стрелял не Редрак — он никак не мог вытащить свой бластер из-под одежды, — а Данька. Не знаю, чего здесь было больше: уроков Эрнадо, врожденной меткости или просто удачи...

Данька попал. Схедмонец, решивший поразвлечься в компании космонавтов, застыл. Лицо его одеревенело, рот перекосился в идиотской ухмылке, руки замерли. Медленно, как подрубленное дерево, он повалился на пол.

Склонившись над ним, я коснулся кончиком лезвия горла. Сказал на стандарте:

— Бить лежачего нечестно. Но и нападать со спины нехорошо.

Мой меч прочертил в полу микронную щель.

— Так что мы квиты.

Дерущиеся уже успели разбиться на группки. Общая свалка превратилась в красивый, словно многократно отрепетированный поединок. Проскальзывая между увлеченными делом людьми, я добрался до иллюзорной двери, за которой пропали Дрэй и его похититель. Мертвые? Или все же еще живые...

За голографической пеленой был коридор, ничем не напоминающий ход, которым мы пробирались в ресторан. Мягкие ковры на полу, широкие покатые ступени, плавно уходящие вверх. Свет был ярким, но каким-то удивительно спокойным, не слепящим глаз после ресторанного полумрака. И абсолютная тишина. От ресторана коридор отделяла не только иллюзорная дверь, но и звукогасящее поле, заглушавшее крики дерущихся и стоны раненых. Правда, сейчас неброская роскошь парадного входа в ресторан была немного подпорчена.

На огромном белом ковре из натуральной шерсти расплылось темно-красное пятно. В центре кровавой кляксы лежали Дрэй и пэлиец — неподвижные, безнадежно мертвые. Голова пэлийца была неестественно вывернута, высунувшиеся на несколько сантиметров клыки пропороли в ковре две борозды.

Черт побери, ну и убытков же я наделал ресторану...

Чуть поодаль замерла перепуганная троица — пожилая, но всё еще красивая женщина и двое темнокожих, почти

черных мужчин средних лет. Где-то я их уже видел... Женщину, во всяком случае...

— Они мертвы? — спросила женщина. Голос резко контрастировал с внешностью — абсолютно спокойный, любопытствующий.

Наконец-то я вспомнил. Эта троица сидела в ресторане напротив нас. Быстро же они выскочили в коридор. Или ушли еще до начала потасовки?

Приподняв веко Дрэя и увидев расширенные на весь глаз зрачки, я кивнул:

— Мертвы.

— Жалко, — заметила женщина. Спутники ее в разговор не вмешивались.

— Жалко, — как попугай повторил я. И почувствовал дыхание опасности — легкое, почти неуловимое. Меч в ножнах, бластер в кобуре... Но ведь я успею их выхватить, прежде чем любой из странного трио — хоть женщина, хоть ее кавалеры — потянется за оружием!

— Бери его, Вайш, — коротко сказала женщина.

Замерший в луже крови пэлиец мгновенно распрямился. Удар в лицо отбросил меня к стене. Я потянулся к мечу, проклиная себя за самонадеянность и глупость. Ведь рассказывал мне Эрнадо про пэлийцев вполне достаточно, чтобы понять: одним выстрелом невозможно убить существо с тремя независимыми системами кровоснабжения и дублированием прочих, «менее важных» органов!

Мой меч отлетел в сторону, я крикнул от боли в вывихнутом суставе и ударил наседающего пэлийца ногой. Тот словно не почувствовал удара, способного уложить на пол любого. Великие Сеятели, да гуманоид ли он в конце концов?!

Руки вампира прижали меня к стене стальным захватом.

— Молодец, Вайш, — ласково сказала женщина.— А теперь подожди. Я должна его рассмотреть.

Мне оставалось только ждать, пока женщина разглядывала меня. Несколько секунд я занимался тем же, потом, решив, что смогу ее узнать под любым слоем макияжа, если против ожиданий останусь в живых, переключился на Вайша.

Пэлийский вампир теперь не слишком-то напоминал человека. Клыки — удивительное творение эволюции, природный шприц, способный откачивать кровь или впрыскивать парализующий токсин; глаза, ставшие ярко-красными; бледная, белесая кожа, обтянувшая заострившиеся черепные кости. Ох, не случайно земной фольклор так точно отразил облик вампиров! Пэлийцы были древней и богатой цивилизацией, и стоимость гиперперехода до Земли могли оплатить многие. Планета, которой нет, — отличный охот-

ничий заповедник для пресытившихся обычным рационом вампиров...

— Я ожидала чего-то большего, — сказала наконец женщина.

— На большее у меня есть и другие претенденты, — зло ответил я.— До вас очередь дойдет не скоро.

— Оставь этот тон, — почти дружелюбно посоветовала она.— Я хочу дать тебе совет.

— А я хочу задать вопрос.

Надо было протянуть время. Минута, другая — и те, кто преграждает сейчас моим друзьям путь на помощь, превратятся в трупы.

— Что ж, спрашивай.

— Вы с Белого Рейдера? Секта Потомков Сеятелей?

Женщина качнула головой, улыбнулась одному из своих спутников. Сказала:

— Слышал, Рели, как они называют наш корабль?

Рели с готовностью кивнул. Неприятное зрелище — мужчина в подчинении у женщины.

Она вновь смотрела на меня:

— Да, лорд. Мы Потомки Сеятелей, с корабля, который вы называете Белым Рейдером.

Странно. Если уж она так хорошо осведомлена о моей биографии, то должна знать, что я не лорд, а принц. Пускай и чисто символический. Лорд — это не оговорка.

— Теперь запомни мой совет. Я не могу убить тебя или позволить убийство кому-либо из членов секты или наемников...

— Приятно слышать.

— ...так что у тебя есть шанс остаться живым. Но самое лучшее и честное для тебя — вернуться на Землю.

— Чтобы погибнуть вместе с ней?

— Да. Умереть со своей планетой — это благородный поступок. Докажи, что стал лордом не случайно.

— Вы не найдете Землю. Дрэй ничего не успел вам сказать.

— Кое-что успел. Мы найдем планету, которой нет, менее чем за год. Ты не виноват в том, что родился на Земле, но из правил нельзя допускать исключений. Все обитатели про́клятой планеты должны погибнуть.

— Придурки, — тихо сказал я.— Какие придурки! Если вы посмеете уничтожить Землю, я сожгу планеты, откуда родом все ваши полоумные сектанты. Клянусь в этом. Заводы Тара произведут кварковые бомбы для своего принца.

Женщина презрительно улыбнулась — и туманно заявила:

— После того как Земля погибнет, на помощь Тара можешь не рассчитывать.

Рели что-то почтительно прошептал женщине. Странно — насколько я знал, в секте Потомков женщины никогда не играли заметной роли.

— Да, конечно... Уходим. Вайш!

Продолжавший держать меня пэлиец бросил в сторону женщины быстрый внимательный взгляд. Словно для него сейчас были важны не столько слова, сколько интонация, жесты, выражение лица...

— После того как мы удалимся, можешь считать свои обязанности по контракту исполненными. Дальше поступай как считаешь нужным.

Вайш с улыбкой кивнул.

— Вы нашли прекрасный выход из положения, бабушка! — крикнул я вслед удаляющейся женщине.

— Глупо оскорблять того, кто победил, — громким шепотом произнес Вайш.— Ты сейчас умрешь, землянин.

— Посмотрим.

Как же это нелепо — умереть от клыков вампира, которому пять минут назад собственноручно всадил в спину лазерный луч... Нет, этого просто не может быть. Клэн или Эрнадо пробьются ко мне на помощь!

— Я выпью твою кровь, землянин. Мои предки любили посещать Землю, ее народ всегда был нам по вкусу. Наши планеты связаны с давних времен... еще с тех, когда Пэл наказывали вместо Земли... решили, что мы прокляты Сеятелями, и осудили нас... нас...

Вайш на секунду замолчал, прикрыв глаза. Хватка его чуть ослабла. Я заметил, что он весь в крови и кровь продолжает течь из сквозной раны.

— Переключаешься на резервный кровеносный контур? — с издевкой спросил я. Время, главное тянуть время.

— Да, — прошипел Вайш. Его руки вновь обрели твердость.— Мы совершеннее вас, землян. Мы сильнее, выносливее... Мы старше вас...

— И поэтому ненавидите так, как ненавидит сильного слабый? Ты врешь, пэлиец. Ты покрываешься волдырями от ультрафиолета нашего Солнца, задыхаешься от запаха чеснока. Ты не можешь остановить кровотечения, если тебя ранят предметом из любого дерева Земли.

— Да... Но здесь я сильнее! Ты сдохнешь, человек с планеты, кото...

Он вдруг замер. Так, словно угодил под парализующий луч! Но никто не появлялся в коридоре, и руки вампира сжимали меня с прежней силой.

— Слушай и отвечай, — изменившимся, холодным голосом сказал Вайш.— Не обращай внимания на тело говорящего — он лишь передатчик, кукла, ширма... Ты собираешься преследовать Рейдер?

Это не походило на игру. Вместо Вайша передо мной словно оказался кто-то другой — может, и не человек вовсе...

— Кто ты?

— Без ответа.

— Как ты подчинил себе пэлийца?

— Без ответа. Ты будешь преследовать сектантов?

— Да... Если твоя ширма меня не прикончит. Ты остановишь его?

— Не решено. Преследовать Рейдер нет необходимости. Они не смогут повредить Земле. Не бойся за свой мир.

— Почему не смогут?

— Без ответа. Не бойся за Землю. Не преследуй сектантов.

— Я не верю тебе.

— Верь. Опасность грозит лишь тебе и твоему экипажу. Ты должен вернуть на Землю мальчика.

Я уставился в глаза пэлийца. По-прежнему ярко-алые, но теперь словно остекленевшие.

— Я узнал тебя. Ты уже говорил со мной... через Эрнадо.

— Да.

— А почему бы тебе не взять под контроль меня? Куда проще превратить меня в «куклу», чем уговаривать чужими голосами.

— Запрет. Прямое воздействие и активное вмешательство невозможны. Только советы... уговоры...

— Слишком много советчиков. И все почему-то боятся меня убить. У тебя и женщины-сектантки одна и та же причина не трогать меня? Или вы — одно и то же?

— Мы абсолютно разные. Причины — тоже. Больше никаких ответов не будет. Ты откажешься от преследования Рейдера? Тогда я заставлю куклу разжать руки.

Под ногами вампира уже собралась лужа крови — даже мохнатый ковер не в силах был ее впитать. Значит, Вайш должен порядочно ослабеть.

— Нет. Ты не убедил меня. Я должен уничтожить Рейдер.

— Прекращаю вмешательство и ухожу.

Неподвижность исчезла с лица Вайша. Он вздрогнул.

Это — мой шанс!

Я ударил его опять, ногой, туда, где у нас пах. Вайш

взвыл, складываясь пополам, — приятное сходство с землянами. Я отпрыгнул в сторону. Рванул из ножен плоскостной меч. Спросил:

— Ну что, гадина, приятно?

Вайш вытянул из ножен свой меч. Пошатываясь, шагнул ко мне. Щелкнул кнопкой заточки — по мечу скользнуло светящееся колечко. Осторожно, его слабость может быть ловушкой...

Я заточил свой меч. Коротко взмахнул им, немного притупляя о воздух. Если клинок будет слишком уж острым, рана срастется сама собой. Тем более у вампира.

— Колышек бы осиновый...— мечтательно сказал я.— Знаешь, как мы истребляли непрошеных гостей с твоей планеты? Деревянный кол в область сердца. Впрочем, у тебя там не сердце, а сосудистое сплетение. А в голове, похоже, сплошная кость.

— Я убью тебя, — прохрипел Вайш.— Убью.

С его клыков сорвались желтоватые капли парализующего токсина. Дополнительный ущерб несчастному ковру.

— Сопли подбери, — посоветовал я.— Смотреть противно.

И начал атаку.

Он сумел отбить три или четыре удара. Будь он в полной форме, без дырки от лазерного луча, поединок мог закончиться и по-другому.

Я включил заточку меча. Она отлично очищает лезвие от крови... Подвела тебя болтливость, вампир. Надо было вцепляться мне в горло без всяких разговоров, а не проклинать Землю, слабея с каждой секундой.

Впрочем, и неизвестный доброжелатель-телепат, так легко берущий чужое сознание под свой контроль, помог. Это ему зачтется при встрече...

Сквозь несуществующую дверь вошел Клэн. Окинул помещение быстрым взглядом. Вогнал в ножны меч и пояснил:

— Их было восемь, капитан. Все профессионалы... почти моего класса. И еще масса любителей.

— Как экипаж?

— У Эрнадо ожоги... не слишком опасные даже для тарийца. Ланс уже помаленьку шевелится. Редраку поцарапали руки. Данька цел и невредим. Будем преследовать разбежавшихся?

Я покачал головой. Тяжесть ран, оцененную клэнийцем, можно смело увеличивать в два-три раза. Нам теперь не до погонь, добраться бы до корабля живыми.

— Нет, Клэн. Не сейчас. И не пешком.

5. Дуэльное расписание

Я собрал тарийцев в своей каюте. Данька был отправлен к Редраку — практиковаться в общении с компьютером. Трофей, накормленный до отвала, безмятежно спал на его койке. Клэн нес вахту — один в рубке корабля, зависшего на стационарной орбите над Схедмоном.

Эрнадо, казалось, был еще мрачнее обычного. Лицо его багровело под слоем регенерирующей мази. Ожоги второй и третьей степени — неприятный диагноз даже для галактической медицины. Ланс тоже выглядел краснее, чем полагалось уроженцу Тара, — но тут были виноваты не ожоги. Какой-то из своих фраз я невольно напомнил ему позор недавней драки в ресторане, когда Ланс провалялся под охраной Редрака и Даньки весь поединок. Что ж, время деликатности ушло.

— Нас обыграли — но ситуация еще не безнадежна, — сказал я.— Я консультировался с Редраком и двумя специалистами космопорта. Знание опорных маяков гиперпрыжка резко уменьшает район поисков... и все же одиночному кораблю потребуется до двух лет, чтобы найти Землю. А Белый Рейдер пока не покинул Схедмон... скорее всего.

— У нас есть фора во времени — почему бы не начать поиски Земли раньше Рейдера? — тихо спросил Ланс.

— Потому что речь идет о жизни целой планеты. Моей родины, Ланс! И соревнование с Рейдером в скорости мы проиграем. У него бóльшая мощность двигателей и энергозапас, он способен работать в отрыве от баз дольше, чем мы. Сектанты имеют куда больше шансов наткнуться на Землю.

— Значит, вступаем в бой, — быстро сказал Ланс.— Сразу же, как только они стартуют с планеты... Эрнадо, мы не можем запросить помощь у военных кораблей Схедмона? Если Сергей обратится официально, как принц Тара...

Эрнадо покачал головой:

— У нас нет доказательств. Если бы сохранились записи клэнийского крейсера, планету заблокировали бы наглухо, а все космопорты прочесали. Кварковая бомба — это не шутка. Но так, без всяких оснований... Нет. Даже император не смог бы добиться помощи властей Схедмона.

— Значит, дуэль, — твердо сказал Ланс.

Я вдруг узнал в нем того упрямого подростка, который рискнул бросить вызов Шоррэю Менхэму. С железными понятиями о чести, верности... Никак не решающегося переступить в отношениях со мной грань приятельских отношений и стать просто другом. Хотя бы таким, как Эрнадо с его нарочитой фамильярностью, за которой до сих пор скрыва-

ется удивление: что за странная фигура получилась из его ученика, отправившегося когда-то в одиночку против целой армии — спасать принцессу.

— Дуэль, — вслух размышлял я. — На Земле они разрешались лишь в средневековье... Дуэль звездолетов — это же вообще бред.

— Ты не прав, Серж, — убежденно возразил Эрнадо.— Это справедливый и честный обычай. Не будь его, нам не позволили бы перехватить Белый Рейдер вблизи планеты. Полицейские корабли уничтожили бы нас как агрессоров.

— Я не спорю, — оборвал я его.— Дуэль так дуэль.

Средневековье. Галактическое средневековье. Словно какая-то сила намеренно удерживает тысячи обитаемых планет в шатком равновесии: между спокойными, мирными отношениями и тотальной войной с применением кварковых бомб, планетарных аннигиляторов, индуцированных коллапсаров...

Точно отмеренная доза агрессивности, не доводящая до всеобщего уничтожения. Поединки на плоскостных мечах, лазерные пистолеты и паутинные мины. Отсчитанная доза смерти.

Бред. Но не больший, чем дуэль боевых звездолетов.

И вовсе не в первый раз возникла у меня мысль о странной незаметной силе, правящей тысячами миров галактики. Не важно, материальна она или воплощена в традициях, преданиях, истории человеческих народов, населяющих планеты самых разных звезд. Она есть. Она правит всеми — Эрнадо и Лансом, Клэном и Редраком, пэлийцами и схедмонцами. Это она заставляла женщин в ресторане любоваться кровавой дракой, а мирного чиновника космопорта броситься на меня с мечом в руках. Это она ведет Секту Потомков к их чудовищной цели.

И это ее тень наползает на меня — принуждая из всех путей выбирать самый короткий и кровавый.

Бред. Синдром Кандинского — так это называется в медицине, если я еще что-то помню из психиатрии...

Но даже в бреду я буду защищать свою планету. Даже безумие не заставит меня забыть свою родину.

— Я позвал вас не для того, чтобы обсуждать дальнейшие действия, они и так очевидны, — прервал я затянувшееся молчание.— Нам нужно поговорить о прошлом.

Эрнадо с любопытством взглянул на меня:

— Помнишь, когда мы обсуждали появление Даньки, ты впервые заговорил о том, что нам препятствуют в поисках? Отказы в ремонте, топливе, отдыхе... Аварии...

— Разумеется.

— Ты оказался прав, и мы встретились с кораблем сектантов морально подготовленные к существованию врага. И словно забыли о том, что любые диверсии или активное противодействие невозможны без постоянной и точной информации — о нашем корабле, его маршруте и наших планах...

Эрнадо нахмурился. Медленно, будто бы через силу, произнес:

— Ты хочешь сказать, что на корабле предатель?

— Я хочу спросить, кто из вас — ты или Ланс — регулярно посылает по гиперсвязи отчеты о происходящем на корабле.

— Серж! — Впервые с незапамятных времен Эрнадо повысил на меня голос.— Это слишком серьезные слова, чтобы бросаться ими под воздействием...

— Я не бросаюсь словами, сержант!

Назвав Эрнадо его старым званием, обращением нашей первой встречи, я заставил его умолкнуть.

— Возможно, я не слишком умелый пилот... и обращаюсь с техникой куда хуже любого курсанта ваших школ. Но проконтролировать расход энергии и режим работы гиперпередатчика я способен! Раз в неделю, с момента нашего отлета с Тара, туда велись регулярные передачи.

— Автомат? — заинтересовался Эрнадо.

— Не думаю. Мы уже дважды меняли оборудование, никакой шпионский прибор сохраниться на корабле не мог.

— «Блуждающая» программа в борт-компьютере?

— Клэн проверил все блоки машинной памяти с помощью поисковых программ своего мира. Три часа назад, по моей просьбе. Компьютеры, имеющие выход на гиперпередатчик, чистые.

— Значит...

— Кто-то из вас регулярно делает отчеты о полете. Давай не будем тянуть, опускаться до детекторов лжи и прочей гадости. Как принц империи Тар я требую от вас, своих подданных, честного ответа: передавали вы информацию с корабля или нет?

— Нет! — твердо сказал Эрнадо.— Раз или два в месяц я переговариваюсь с друзьями на Таре... Но никакой информации о корабле не давал, не даю и давать не собираюсь. Я просто хочу знать, что происходит в моем мире, на моей родной планете!

— Я не вел, не веду и не буду вести переговоров с врагами, передавать им хоть какую-то информацию...— Ланс отвел взгляд.

— А с друзьями? — резко спросил я.— С принцессой

династии Тар, например? С законной повелительницей твоей планеты?

Эрнадо, подперев ладонями щеки, уставился на Ланса. Он не был удивлен, скорее уж предвкушал интересное зрелище. Может, мне давно стоило спросить совета у бывшего наставника?

Ланс молчал. Его совсем еще мальчишеские черты лица заострились. Взгляд стал жестче.

— Отвечай!

— Капитан, я могу ответить, лишь спасая свою жизнь. Таков приказ.

Наши глаза встретились. И я вдруг уловил во взгляде Ланса что-то вроде усталого, робкого облегчения. И еще каплю иронии.

Я поднялся, коснулся настенных сенсоров и достал из сейфа пистолет. Это была последняя модификация, изготовленная на «моей» планете, на Таре. Сто шестнадцать несбалансированных плоскостных дисков, дальность прицельной стрельбы до ста метров.

— Клянусь, — как можно тверже и убедительнее сказал я, — что убью тебя, если ты не откроешь, кому были адресованы сообщения с борта корабля. Это мое право. Я — твой повелитель. Говори!

Ланс кивнул:

— Повинуюсь приказу. Принцесса позволила мне лететь с вами в обмен на обещание еженедельно докладывать о ходе путешествия. Я согласился, поскольку в ее словах было лишь беспокойство о вас, принц. Это не могло принести вреда.

Выпалив всё на одном дыхании, Ланс замолчал. Эрнадо слегка приподнял правую руку. Спросил с нескрываемым любопытством:

— Серж, а если бы Ланс не признался?

— Что ж, пришлось бы стать клятвопреступником, — ответил я.— Ланс, ты понимаешь, что выдавал всех нас? Гиперпередачи довольно легко перехватываются. Ты сам занимался этим на «срединных» вахтах!

— Я никого не выдавал, — гордо ответил Ланс.— Принц, все передачи велись по императорскому коду.

Эрнадо присвистнул. Недоверчиво спросил:

— Тебе доверили эту тайну? И твоей маленькой головы оказалось достаточно, чтобы вместить систему переменного кодирования на основе нелинейного исчисления и лексики пятисот планет?

Ланс достал из кармана тонкую пластинку. «Множественная фотография», пластиковая планшетка, хранящая в себе несколько сотен стереоизображений... Во всяком слу-

чае, так казалось на первый взгляд. У меня самого было несколько таких пластин — с видами разных планет. среди которых встречались и земные пейзажи. Экзотика...

— Это кодирующий компьютер.

Ланс коснулся указательным пальцем какой-то лишь ему известной точки на фотографии — вполне заурядном семейном портрете. В пухлом малыше угадывался сам Ланс, в мужчине и женщине рядом — его родители... Изображение растаяло, сменилось черно-белыми квадратиками с буквами и цифрами внутри.

— Теперь надо лишь набрать на сенсорной клавиатуре текст и подключить планшетку к терминалу передатчика. Компьютер зашифрует текст и выдаст команду на ориентацию антенны... Возьмите, капитан. Я объясню, как перенастроить планшетку на вашу личность.

Я повертел в руках пластиковый прямоугольник. Кодирующий компьютер. Куда уж проще!

— Эрнадо, это действительно надежный шифр?

— Да, принц. Расшифровать сообщение можно лишь случайно, путем долгого компьютерного анализа, который даст не меньше десятка разных вариантов текста. Но для следующей передачи код будет уже совершенно другим.

— Только члены правящей императорской семьи... и особо приближенные лица... имеют доступ к кодирующим устройствам. А дешифрующий блок имеется лишь у принцессы... раньше был и у императора...

Ланс говорил медленно, словно бы неохотно. То ли ему было неудобно причислять себя к «особо приближенным лицам», то ли его смущала ситуация, при которой я — пусть формальный, но принц — не знал секретного кода своей планеты.

— Лишь у принцессы...— повторил я за ним.— А раньше был у императора. Еще раньше...

— Даже если дешифратор попадет в чужие руки, работать он не будет. В нем сложная система опознания личности.

— Не сомневаюсь.

Я вдруг всё понял. Всё от начала и до конца, от осведомленности секты в наших делах — и до их странной снисходительности ко мне и экипажу... И даже появление Даньки окончательно обрело ясность, утратило легкий ореол случайности.

Ошибки порой говорят о враге куда больше, чем удачи.

— Эрнадо, Ланс, — начал я.— Думаю, ситуация складывается так, что вам придется сделать неприятный выбор...

Под потолком взвыла, заглушая слова, сирена. Часть

стены разошлась, открывая доступ к боевым костюмам. Тревога могла быть объявлена лишь по одному поводу.

— Экипажу от вахтенного пилота.— Голос Клэна в динамиках был не более эмоционален, чем речевой синтезатор корабельного компьютера.— Тревога второй степени, повторяю — тревога второй степени. Всем занять места по боевому-боевому расписанию. Интервал безопасности две с половиной минуты...

Эрнадо с Лансом исчезли из каюты с неправдоподобной быстротой. Им нужно было взять свои боевые костюмы и уложиться в интервал безопасности, объявленный Клэном.

— Повторяю, тревога второй степени, расписание боевое-боевое, интервал безопасности две минуты пятнадцать секунд. На взлетном поле частного космодрома Дольхеб обнаружен Белый Рейдер, вышедший из маскировочного поля. Спектральный анализ показывает форсированный разогрев двигателей. Предполагаемое время старта...

Я застегнул последнюю магнитную «молнию», превращая боевой полетный костюм в нечто вроде легкого скафандра. Мягкий, неактивированный шлем, похожий на полиэтиленовый пакет, болтался у меня на спине.

Дверь распахнулась, и в каюту влетел Данька. Следом, едва успев остановить закрывающуюся створку, заглянул Редрак. Кивнул мне и исчез, так ничего и не сказав.

— Дуэль? — заорал Данька, хватая меня за руку.— Мы поймали тот звездолет?..

Полновесным толчком я придал мальчишке ускорение. Крикнул:

— Боевой костюм! Быстро! Минута до боя!

Данька, путаясь в черно-серебристой шелестящей ткани, начал разворачивать костюм. Одним движением я всунул его в штанины, зарастил нагрудный шов и бросился к двери, предоставив самому разбираться с рукавами, воротником и системой герметизации. Кадет может не уложиться в отведенное на сборы время. У капитана таких привилегий нет.

— Интервал безопасности — минута,— нагнал меня возле лифта голос Клэна.— Навигатор и инженер реактора на посту. Рейдер завершает прогрев дюз, время до старта — двадцать-тридцать секунд.

Лифт наконец-то затормозил на моем ярусе. Я ворвался в кабину, рявкнул:

— Главная рубка, максимальный ход.

Пол ударил меня по ногам, словно решил поставить на колени перед законами физики и давно известным фактом отсутствия в лифте гравикомпенсатора.

— Интервал безопасности сорок...

Я выскочил из лифта и подбежал к своему креслу. Одновременно со мной в рубке появился Редрак.

— Капитан и пилот на посту, — сухо сообщил в микрофон Клэн. — Вахта сдана.

— Данька, немедленно в рубку! — прошипел я, устраиваясь в кресле.— Клэн, что мы можем сделать?

На экранах стартовал с планеты Белый Рейдер. Маленький космодром, на котором он прятался, находился не дальше сотни километров от главного порта Схедмона. Одно из многих вполне подходящих мест для любителей уединения. Отличное убежище, где экипаж Рейдера несколько дней выжидал, рассчитывая, что мы снимемся с орбиты. Выходит, не желал принимать боя...

Лифт в последний раз совершил свой подъем к рубке. Данька в полузастегнутом костюме юркнул в свое кресло. На руках у него полным объяснением задержки сидел Трофей.

— Если мы хотим атаковать, то сейчас вполне подходящий момент, — негромко сказал Клэн.— Любой другой корабль сейчас был бы абсолютно беззащитен. Высота уже не позволяет пассивный спуск в приемном луче космопорта, а орбита еще не стабилизирована. Но это не вполне честно...

Редрак опустил на лицо свой глухой черный шлем. Язвительно спросил:

— Рейдер, видимо, сжег твой корабль вполне честно?..

— Да, — резко оборвал его Клэн.— Тактик к бою готов.

— Навигатор к бою готов.— Эрнадо пробежал пальцами по клавиатуре. Экраны высветили какую-то невообразимую мешанину траекторных расчетов.

— Пилот готов, — скучным голосом сообщил Редрак, опуская руки на дополнительные консоли. Корабль слегка качнулся.

— Инженер готов, — доложил Ланс.

— Стрелок готов, — самоуверенно заявил Данька.

— Капитан готовность принял.— Я еще раз вгляделся в экран с поднимающимся Рейдером. Высота — около сотни, скорость — пять в секунду...

— Боевой разворот, дуэльное сближение... Ланс, по всем диапазонам требование капитуляции и досмотра! Эрнадо, расчет уязвимости.

Корабль словно упал куда-то. Секундная невесомость комком взлетела к горлу. Потом мягко навалились смягченные компенсаторами перегрузки. Под изображением Рейдера на экранах замелькали меняющиеся цифры. Мы сближались, выходя на дистанцию прямого удара. Но одновремен-

но Рейдер увеличивал ускорение, стремясь быстрее выйти на стабильную орбиту.

— Сближение проводится...

— Рейдер на сигналы не отвечает...

— Компьютер рекомендует деструкторный удар по антенным и корпусным элементам...

— Мы не знаем, из чего сделан его корпус, — ответил я Эрнадо.

Клэн что-то негромко бормотал по двусторонней связи Редраку, прокладывая траекторию сближения в максимально безопасной зоне.

На мгновение наступила тишина. Два корабля сближались сейчас над планетой — и ни для кого не было тайной, что сейчас произойдет. Мой экипаж, и сектанты на Белом Рейдере, и миллионы благодарных зрителей на Схедмоне — все ждали.

Ждали моих слов.

Пройдет еще полминуты — и в лихорадке космического боя, когда даже компьютеры не успевают принимать решения, уже не останется места для приказов. Экипажи превратятся в горстки одиночек, действующих абсолютно самостоятельно, спаянных лишь предыдущими тренировками и тем неуловимым общим настроем, что возникает в минуты опасности у давно знающих друг друга людей.

Но вначале я должен отдать приказ.

А еще раньше — если, конечно, хочу играть честно — я должен объяснить Эрнадо и Лансу, против кого они пойдут в бой.

Вот только нет у меня ни времени, ни сил на честную игру.

— Экипаж, мы начинаем, — прошептал я в услужливый микрофон.— Это корабль *моих* врагов — но я прошу представить, что на месте Земли оказалась ваша родная планета. Те, кто научились искать врагов, никогда не остановятся на единственном. Это слишком сладко — игра в богов, чтобы можно было остановиться... Мы начинаем.

Тишина. Приближающийся корабль на экране, расчерченном сетками прицелов.

— Начало выполнения на счет «один». Деструкторный удар по элементам защитных генераторов. Ракетная атака, протонные и термоядерные боеголовки максимальной мощности... Лазерный удар по антенным и детекторным системам. Далее действовать по обстановке.

Я перевел дыхание. И произнес, невольно повышая голос:

— Три... два... один...

Корабль вздрогнул.

6. Поражение

Когда боевые системы корабля работают на полную мощность, они дают суммарную тягу, превышающую тягу взлетающей земной ракеты. Деструкторные и лазерные излучатели, включившись, заставляют корабль дернуться, как при грубой аварийной посадке.

Когда десяток боевых ракет — трехтонных металлических чудовищ, наполненных атомной взрывчаткой, — стартует через распахнувшиеся люки, корабль легко сдвигается с орбиты силой отдачи.

Мы приближались к Белому Рейдеру дергающимся, скачущим курсом, меняющимся от включения очередной батареи излучателей и старта каждой новой ракеты. Наверняка Клэн с Редраком могли выправить курс, компенсировать отдачу излучателей работой двигателей. Но это было абсолютно ни к чему — ломаный, хаотично меняющийся курс спасал нас от прицельного огня врага.

Клэн не ошибся — любой корабль, оказавшийся на месте Белого Рейдера, был бы обречен. В лучшем случае он включил бы нейтрализующее поле и упал на планету под его прикрытием, чтобы в последние секунды спасти экипаж катерами.

Белый Рейдер принял бой.

Мы засыпáли друг друга ракетами — любая из них могла превратить корабль в плазменное облако. Вот только лазерные противоракетные системы с компьютерным наведением стояли на обоих кораблях.

Деструкторные поля пронизывали корабли, разрушая материал, на который были настроены. Но на таком расстоянии излучатели должны работать часами.

На дистанции в полтысячи километров лишь широкодиапазонные лазеры оставались действенным оружием. Но именно они были беспомощны против снежно-белой обшивки Рейдера.

...Я видел — на одном из десятков экранов, в каком-то специальном диапазоне, названия которого не знал и не собирался запоминать, — как корпус Рейдера окутало разноцветное сияние. Это отражалась в пространстве инвертированная, смещенная в безопасные части спектра энергия наших лазеров. Лишь малая часть их мощности затрачивалась сейчас на разрушение белой брони, бóльшая бесследно исчезала в космосе.

Совершенно машинально, повинуясь инстинкту, я начал сводить прицельные точки лазеров воедино. Сможет ли сла-

женный огонь прожечь броню? Но прицелы вновь разбежались по всему корпусу, едва я отпустил управление. Кто-то, Клэн или Эрнадо, не согласился с моим решением. Я потянулся к блокировке наводки — и остановил руку. Мой оппонент был прав. Шансов пробить белую противолазерную броню немного. А вот ослепить внешние датчики, разрушить стволы излучателей или открывшиеся ракетные шахты мы могли.

Но и мы были точно такой же целью. Каждый поворот становился неизбежным компромиссом, жертвой какого-то количества детекторов и лазерных батарей, очередным расплавленным слоем обшивки. Мы тоже могли противостоять лазерному огню — пусть и более расточительным способом. Между пластинами многослойной брони был заложен газообразующий пластик, мгновенно испаряющийся под лазерным огнем. Со стороны это походило на клубы дыма, возникающие там, где обшивка прогорала под лучом, — сероватый густой туман, рассеивающий лазерное излучение.

Рейдер продолжал подниматься. С каждой секундой он приближался к точке, где его орбита обретет стабильность — а значит, мы лишимся своего единственного преимущества. Когда сектанты получат возможность включать нейтрализующее поле без риска рухнуть на планету — они смогут отразить любую нашу атаку.

Изображение Белого Рейдера на экранах вдруг начало вращаться. Я услышал возглас Эрнадо, сдавленный и удивленный:

— У него перегрелась броня!

Даже совершеннейшая обшивка Рейдера не могла противостоять лазерам бесконечно. Теперь у сектантов возникла необходимость в маневрировании — а это неизбежно снизит точность их огня.

— Надежность противоракетной системы падает, — сообщил Ланс.— У нас вышло из строя шестьдесят процентов детекторов и около половины излучателей ближнего боя.

— Много.— На долю секунды Клэн включился в общую связь.— Я маневрировал.

— Их деструкторы настроены на электронику. Старый прием.

«Верный прием», — с тревогой подумал я, глядя на нервно перемигивающиеся экраны. То и дело вышедшие из строя схемы отключались, вместо них начинали работать резервные. Но даже самая важная система корабля может быть продублирована лишь конечное число раз. Еще несколько минут — и приборы начнут выходить из строя окончательно.

— Попал! — закричал вдруг Данька.— Попал!

На экранах бушевало прозрачное голубое пламя. Попаданием Данька назвал взрыв мезонной ракеты в километре от Белого Рейдера. Одной из сотни прорвавшейся сквозь лазерную сеть врага и взорвавшейся достаточно близко, чтобы повредить корабль.

— Я заметил, на какой дистанции они жгли ракеты, и дал команду на подрыв чуть раньше, — возбужденно произнес Данька.— Они не ожидали!

— Молодец, — коротко похвалил Редрак.— Сейчас дождемся результатов.

Пламя медленно исчезало. Клэн пробежал пальцами по клавиатуре, и в сторону Рейдера стартовали наши последние ракеты. Те, что были в пространстве в момент взрыва мезонной боеголовки, превратились в пыль или неслись теперь вслепую, с перегоревшими блоками управления.

— Жив, сволочь, — прошептал Ланс.— Жив...

Обшивка Рейдера частично потемнела, огонь по нам прекратился, но никаких серьезных повреждений не было. Ему потребуется несколько минут, чтобы сменить выведенные из строя внешние детекторы, еще немного на исправление излучателей... Но самое главное: он уже вышел на стабильную орбиту.

— Три секунды до взрыва ракет, — тихо сказал Эрнадо.— Две. Одна. Ноль.

Ничего не произошло. На экране с максимальным оптическим увеличением я увидел, как потерявшие ориентацию, с отключившимися двигателями ракеты несутся к конусу Белого Рейдера. Потом одна из ракет врезалась в ставшую серовато-сизой броню и медленно, словно под водой, развалилась на части.

Поблескивающий электронный хлам, туманное облачко замерзшей жидкости из гидроусилителей, куски темно-серого металла — все это брызгами отлетело от брони Рейдера.

— Они включили нейтрализующее поле, — ровным голосом объяснил Клэн и без того понятную истину.

— Ты сталкивался с Рейдером раньше, Клэн, — быстро сказал я.— Какую тактику он применит?

— Добьет нас.

Громада Рейдера медленно приближалась. Ни единого выстрела, ни малейших признаков жизни... Только включенное нейтрализующее поле выдавало, что корабль функционирует.

— Пятьдесят процентов лазерных и деструкторных излучателей разрушено; повреждено четыре из шести слоев брони, ракеты израсходованы полностью.— Эрнадо старался говорить спокойно, но голос его дрогнул.— Серж, я сол-

дат и готов драться за тебя, но предпочел бы делать это на планете.

Я нажал несколько клавиш. На белой туше Рейдера возникли прицельные кружки. Еще одно касание — и в носовой части «Терры» раскрылись магнитные ловушки, выкидывая навстречу Рейдеру крошечные дробинки металла, всеми своими свойствами напоминающего натрий.

Вот только это был антинатрий. Пара граммов антивещества могли превратить Рейдер в облако пыли не менее надежно, чем все невзорвавшиеся ракеты. Чуть заметное мерцание отмечало на их пути аннигиляцию молекул атмосферы, пока они не вошли в нейтрализующее поле Рейдера.

— В поле аннигиляция невозможна, — с легкой иронией сказал Клэн.

— Конечно. Значит, им придется не снимать поле, — сказал я, разглядывая приближающийся корабль.— Если бы только наши деструкторы подействовали...

Клэн коротко кивнул. И добавил извиняющимся, таким неожиданным для него тоном:

— Да, капитан. Это был неплохой план — атака на взлете, с деструкторным ударом по генераторам поля... К сожалению, Рейдер выдержал.

Редрак повернулся к нему — зеркально-черный шар шлема делал его карикатурой на человека. Раздраженно спросил:

— Тактик, мы в бою или на курорте?

Кожа Клэна слегка потемнела. Я ответил вместо него:

— Редрак, мы в бою. Как поступил бы твой капитан... прежний?

— Ушел бы в гиперпрыжок. Я держу три опорных маяка с начала боя. У нас нет шансов победить его... теперь. Начинать ориентацию, капитан?

— У нас нет шансов скрыться! — Клэн энергично помотал головой, словно Редрак мог его увидеть.— На таком расстоянии взять наш след не составит труда.

Дробинки антинатрия хлестнули по броне Рейдера. Мгновение — и компьютер выстроил на экранах тонкие линии рикошета. Еще мгновение — и на изображении Белого Рейдера запульсировала красная точка.

— Одна дробинка вошла в броню, — Клэн задышал чаще, кожа его стала почти черной.— Или попадание под прямым углом, или здесь уже было повреждение. Теперь он не может выключить поле.

Крошечный кусочек антивещества, прилипший к обшивке, делал Рейдер абсолютно беспомощным. Он не мог снять нейтрализующее поле и открыть по нам огонь или

включить двигатели. Неизбежный взрыв разрушил бы его полностью. Когда масса напрямую превращается в энергию, даже пылинка становится опасной.

— Маневр максимального сближения, шестая и восьмая группы двигателей, В-пять, А-семь, — торопливо задиктовал Клэн.— А-три, семь, девять...

Наш корабль вздрогнул, набирая скорость. Клэн быстро пояснил:

— Подойдем на минимум и продолжим обстрел. Мы полностью парализуем его...

Я поискал взглядом Даньку — что-то он притих. Мальчишка сидел в кресле, отстранившись от пульта и прижимая к себе Трофея. Тот с любопытством озирал разноцветные огоньки на панелях. Поднял морду и почти по-человечески разумно уставился на меня.

— Данька, — прошептал я по двусторонней связи.

Быстрый, виноватый взгляд. И смущенная улыбка.

Самый сильный страх — тот, который приходит после беспечной уверенности в победе. Страшнее всего осознать возможность смерти в детстве. И порой восторг увлекательной игры отделяют от ужаса в этом возрасте лишь две-три секунды, два-три неосторожных слова.

— Данька, все нормально, — убежденно сказал я.— Мы его взяли, ясно? Проверь наводку лазерных пушек, вдруг они попытаются катапультироваться.

Мальчишка торопливо кивнул и нагнулся над пультом.

Автоматы сделали бы эту работу раз в сто быстрее.

Но зачем тогда нужен экипаж?

Все произошло почти мгновенно. Мы приблизились к Белому Рейдеру почти вплотную: два километра — это в космосе не расстояние. Клэн выводил нас на дистанцию прямого удара. Еще немного — и облепленный антиматерией корабль станет не опаснее закованного в цепи хулигана.

Огромный кусок обшивки, в центре которого засела крупинка антивещества, отделился от Белого Рейдера и плавно поплыл к нам. В нейтрализующем поле не работают двигатели, это верно. Но сжатый газ расширяется вполне исправно, а сдвинуть пять-шесть тонн может и струя газа.

— Сегментарная броня! — крикнул Ланс. В то же мгновение кто-то, может быть и он сам, включил генераторы поля. Но нейтрализующему полю требуется не менее полсекунды для возникновения.

Для отключения поля нужно еще больше времени. Но это уже значения не имело. Капитан Белого Рейдера просчитал наши действия заранее. Нейтрализующее поле они отключили секунд двадцать назад, и сейчас оно исчезло.

Крупинка натрия, которую в нейтрализующем поле не отличил бы от обычной самый опытный физик, освободилась из-под пресса странной силы, прекращающей атомный и молекулярный распад.

Вещество противолазерной брони вступило во взаимодействие с антинатрием.

Между нашим кораблем и Белым Рейдером вспыхнуло маленькое солнце. Бóльшая часть энергии взрыва выплеснулась в виде светового и рентгеновского излучения. Но кое-что осталось на долю ультрафиолета и инфракрасных волн, радиоизлучения и гамма-лучей.

Экраны ослепительно полыхнули, тщетно пытаясь передать все великолепие аннигиляции. Прежде чем автоматика вырубила их, в глазах повисли разноцветные круги. Редрак закричал — ему особенно досталось в его пилотажном шлеме.

— Вращение. — Клэн даже не повернул головы. — Вращение, Редрак!

С каким-то звериным воем Редрак потянулся к пульту. Выругался:

— Да снимите вы поле, придурки!

Я несколько раз нажал клавишу отключения поля, блокируя генератор. Но прошло не менее пяти секунд, прежде чем поле исчезло и Редрак смог закрутить корабль, поворачивая его в сторону Рейдера исправными, не испепеленными аннигиляцией датчиками.

Белый Рейдер палил по нам из всех батарей, словно пытаясь сравниться с угасшим аннигиляционным распадом. Ему тоже не поздоровилось: броня почернела, навсегда утратив ту защитную силу, что спасала Рейдер от лазерного огня. Но излучающие порты были закрыты в момент взрыва, и бóльшая часть лазеров и деструкторов сохранилась. Обшивка нашего корабля, окутанная серым туманом испаряющегося пластика, таяла, как кусок рафинада в горячем чае. Тревожно мерцали цифры — процент электронной аппаратуры, уничтоженной деструкторами вражеского корабля.

— Решайте, капитан! — Голос Редрака напоминал стон.— Решайте! Мы еще можем уйти в гиперпрыжок!

— Он превосходит нас огневой мощью в десять-двенадцать раз.— Эрнадо не паниковал, но лицо его утратило прежнюю невозмутимость.

Самыми спокойными оставались Ланс и Клэн. Пилотажный тактик, наверное, просто не умел бояться. Тысячи поколений клэнийцев учились жить и умирать без страха, и Клэн был их достойным потомком. Ну а Лансу, удерживающему бесконечными переключениями в рабочем состоянии остатки приборов, было просто не до эмоций.

Прицелы дезинтеграторов смотрели прямо на Белый Рейдер. Его потемневший корпус, казалось, светился — пространство между нами было заполнено пылью, рассеивающей лазерное излучение. Это немного уменьшало смертоносную силу лазерных батарей, но создавало великолепный оптический эффект: космос перестал быть черным, сделался голубоватым, словно земное небо.

Клавиша, которой я коснулся, была сигналом общего залпа дезинтеграторов. Оставшийся боезапас нашего корабля составлял почти шесть граммов массы. И сейчас по моей команде магнитные ускорители выбросили в космос весь свой груз.

Облако голубых кристалликов устремилось к Рейдеру. Долю секунды его автоматические лазерные батареи вели огонь, пытаясь испарить максимальное количество антиматерии. Потом несколько кристалликов столкнулись с заполняющей пространство пылью — и ослепительные вспышки аннигиляции сбили наводку автоматических лазеров. Капитан, а может быть, компьютер Рейдера принял единственное правильное решение.

Вражеский корабль окутало нейтрализующее поле. Огонь по нам прекратился, и Ланс шумно вздохнул, расслабляясь:

— Девяносто процентов нашей электроники сгорело...

Эрнадо, не слушая его, спросил:

— Капитан, вы приняли решение? Это лишь временная передышка.

— Нет, сержант. Это больше чем передышка.

Я наконец-то поймал его взгляд. Эрнадо напрягся, словно собираясь с силами:

— Мне было бы легче воевать на планете...

— Нам придется воевать *за* планету. Смотри на экраны!

Голубые искорки ударили в борт Рейдера. И... исчезли. Секунду наш полуразрушенный компьютер переваривал информацию. Затем покрыл всю поверхность Рейдера алой штриховкой.

— Эта машина все-таки сломалась, — пробормотал Эрнадо.

— Компьютер работает! — обиженно откликнулся Ланс.

На секунду наступила тишина. Потом Клэн спросил:

— Капитан, какое вещество сейчас использовалось дезинтеграторами?

— Антигелий. С небольшой добавкой изотопа антигелия-4.

Наверное, Клэн понял все сразу. Но первым отреагировал Редрак, захлебываясь кашляющим смехом:

— Великолепная шутка, капитан... Антигелий с катализатором сверхпроводимости. Сверхпроводимости и сверхтекучести!

— Он растекся по всей броне, — задумчиво сказал Клэн.— Микронный слой антивещества на броне. Стоит лишь отключить нейтрализующее поле... От них не останется даже пыли. Надежно, как кварковая бомба.

Белый Рейдер висел перед нами, целый и невредимый. Совершеннейшее орудие убийства, способное разнести на атомы целую планету. Беспомощное орудие...

— Ему не поможет сброс брони? — поинтересовался Ланс.

Я покачал головой — все смотрели на меня. Так восхищенные зрители разглядывают артиста, отмочившего что-то из ряда вон выходящее.

— Нет. Это же сверхтекучее вещество. Оно перетечет на внутренний слой обшивки, если сбросить внешнюю броню.

— Нагрев, — неожиданно сказал Клэн.— При нагревании антигелий испарится.

Я снисходительно взглянул на Клэна:

— Учти, у них не работают мощные источники энергии. А разогреть всю обшивку с помощью примитивных...

— Всю поверхность необязательно, капитан. Это же сверхтекучий гелий.

Несколько секунд я не понимал, в чем дело. Потом до меня дошло.

Инфракрасный экран расположен чуть в стороне от основных экранов, потому, наверное, что никто им в бою не пользуется. На нем очень легко засечь вражеские лазеры и деструкторы. Но это же сделают компьютеры, причем гораздо быстрее, и выдадут отметки-цели на главный экран.

Вот только горячее пятнышко на обшивке вражеского корабля автоматы обойдут своим вниманием. Мало ли что могло случиться! Пожар в отсеке, перегревшийся генератор...

С замершим сердцем я смотрел на голубоватый фон экрана, где ярко-алой точкой проступала подогреваемая изнутри поверхность Рейдера. Потом над красной точкой возник маленький оранжевый гейзер. Это испарялся, улетучивался в космос антигелий. А на его место стекался отовсюду новый, холодный и сверхтекучий.

Моя «гениальная» идея обернулась не полной победой, а секундной передышкой.

— Уходим, капитан? — Редрак стянул черный пилотажный шлем, словно показывая, что драться с Рейдером он больше не собирается.

Я кивнул. Говорить не было ни сил, ни желания. Уходим. Прячемся. Оставляем Рейдер в покое. Оставляем Землю на произвол судьбы.

— Вся энергия на генераторах гиперперехода, — скороговоркой пробормотал Редрак.— Навигатор, расчет по опорным маякам...

Я поудобнее устроился в кресле. Несколько мгновений, Эрнадо выдаст цифры гиперпространственных координат — и накатит наркотический бред гиперперехода. Сознание, разделившееся с телом, вытворяет забавные штуки...

— Координаты маяков не фиксируются. — Голос Эрнадо дрожал.

Клэн издал нечленораздельный звук и склонился над своим пультом. Редрак закричал — я впервые услышал от него такой фальцет:

— Это невозможно! Сигналы всегда стабильны!

— Но сейчас они плывут. — Клэн явно оставался самым деятельным из нас. Я, например, впал в какое-то оцепенение. И Данька с Лансом тоже.

— Беру прямой пеленг на планету Клэн, — продолжил наш пилотажный тактик.— Никто не против?

С трудом преодолевая неожиданный дурман, я прошептал:

— Быстрее, Клэн. Они сейчас вырвутся из капкана.

Еще несколько мгновений расчетов — и всё уменьшающийся венчик антигаза над корпусом Рейдера. Нам осталось не более минуты для бегства.

— Маяк... не... фиксируется... плывет...— Голос Клэна превратился в сдавленный шепот. Он обхватил руками голову, скорчился в кресле. На коже, ставшей снежно-белой, проступили черные и зеленые пятна. Волосы на голове зашевелились, лицо дергалось, словно к каждой мышце подключили электрический разрядник. Из-под вставших дыбом волос от лба к затылку проступил невысокий костяной гребень.

— Что с тобой? — Редрак неуверенно выбирался из-за пульта.

— Нет! Нет! — Клэн вскочил, полосуя свое лицо тонкими когтями, выросшими из пальцев. Брызнула темная кровь. — Нет...— Клэн медленно осел обратно в кресло.— Не дамся...

— Что случилось? — Кажется, я утратил всякую способность удивляться.— Клэн!

— Психоатака.

— Чья? — глупо спросил я. И услышал голос Ланса — тихий, лишенный всяких интонаций:

— Неважно. Ответа не будет.

7. Психокод. Начало

Лишь я понимал, что происходит. Клэн достал из кобуры бластер, и мне пришлось отреагировать:

— Ты ошибаешься, тактик. Ланс не нападал на тебя, он жертва той же атаки. Ты ее выдержал... а он не смог.

— Разумеется, — с ноткой вежливости сообщил Ланс. — Твой друг отныне лишь кукла... умеющая говорить.

— И что ты хочешь сказать... Сеятель?

Клэн торопливо опустил бластер. Эрнадо и Редрак застыли, переваривая мои слова.

— Я не Сеятель.— Ланс рассмеялся. Холодным, искусственным смехом. Так действительно засмеялась бы кукла.— Я их слуга. Ты пошел против закона... против приказов... и должен проиграть. Ни один маяк не даст сигналов твоему кораблю. Прощай.

Ланс обмяк, словно надувная игрушка, из которой выпустили воздух. Жалобно произнес:

— Что... что я говорил? Что за бред?

— Еще десять секунд, и кончится любой бред.— Когда незримый слуга Сеятелей исчез, Клэн вновь обрел спокойствие.— Капитан, отдайте команду на эвакуацию.

Слова Клэна застали руку на полпути к овальной пластине командного сенсора. Я проткнул пальцами прозрачную перепонку и коснулся полированного металла. Несколько миллисекунд, неощутимых для сознания, компьютер проверял, моя ли рука отдала приказ и не нахожусь ли я под принуждением со стороны других лиц. Затем пластина потемнела. Но этого я уже не увидел. Под моим креслом, как и под остальными, распахнулись диафрагмы аварийных люков.

Мы падали. В узком темном туннеле, ведущем из центра корабля к ангарам. Кресла скользили по невидимым направляющим, в мягких объятиях магнитных полей, под редкими сполохами оранжевых ламп. А бесстрастный голос компьютера бубнил в самое ухо:

— Система аварийного спасения задействована. Эвакуация по схеме номер четыре.

Схема номер четыре? Но ведь их было всего лишь три!

— Распределение экипажа:

...Капитан Сергей, Редрак, Даниил — шлюпка номер один.

...Эрнадо, Ланс — шлюпка номер два.

...Клэн — шлюпка номер три.

— Клэн! — заорал я, едва успев осознать случившее-

ся.— Третья шлюпка — это десантный бот! У него же минимальная скорость!

— Да, капитан. Но максимальные защита и вооружение.

— Что ты задумал, Клэн?

— Садитесь на планету, капитан. Это ваш единственный шанс спастись. А я атакую Рейдер.

— В одиночку?

— Да.

Туннель кончился. Наши кресла вывалились в тесноту спасательной капсулы. Одновременно черная сфера гравикомпенсатора сжалась, спасая от перегрузок аварийного ускорения. На экранах возник стремительно удаляющийся корабль — наша «Терра», наш дом. А чуть поодаль — Белый Рейдер, уже избавившийся от смирительной рубашки из антивещества.

Я видел, как падали на планету шлюпки — моя и Эрнадо с Лансом. И как шел по короткой дуге к Белому Рейдеру бот под управлением Клэна, решившегося то ли на таран, то ли на абордаж.

Пробежав пальцами по клавиатуре, я попытался изменить курс, направить шлюпку вслед за Клэном. Бесполезно. Автоматика не слушалась моих команд. Корабль восстал против своего капитана!

— Это бесполезно, капитан, — возник в динамиках голос Клэна.— Я перепрограммировал блоки управления... нашими, клэнийскими программами. Это будет мой бой. А вам надо жить.

— Клэн! Тактик! Мы должны были идти в бой вместе!

— Возможно, капитан. Но это бой на поражение. Я отвлеку их... надолго отвлеку. А вы постарайтесь собраться с силами и отомстить. Мой счет в схедмонском банке переведен на ваше имя... вы сможете купить новый корабль. Уничтожьте сектантов.

Мы приближались к планете, ревущие на форсаже двигатели гасили скорость. А бот Клэна уже прилип к броне Белого Рейдера, белое плазменное пламя выжигало люк в обшивке. Потом я услышал голос Клэна — не на стандарте: короткие, отрывистые фразы, чем-то напоминающие немецкую речь.

— Перевод, — потребовал я, давя на клавишу лингвенсора.

— Это стихи, — сообщил компьютер.— Требуется стихотворный или подстрочный перевод?

— Максимально точный по смыслу.

— Почему Рейдер не стреляет, почему? — истерично

вскрикнул Редрак.— Они уже сняли поле, достаточно пары залпов...

— Они не знают, в какой шлюпке нахожусь я. Есть причины, по которым руководство секты не пойдет на прямое убийство.

— Какие?

— Родственные связи.

Редрак замолчал: похоже, понял все мгновенно. А из лингвенсора полились слова интерлинга:

— *Моя семья — я, я — моя семья. Мать, отцы, наставник — все вы во мне. Женщины, дети — весь я в вас. Пока я жив — жива семья. Пока я умираю в бою — семья живет в мире. Моя кровь смоет позор, честь вернется к семье Алер. Последний из бойцов идет на смерть, значит, наш род будет жить. Прощай, Клэн, здравствуй, Алер-Ил. Я иду.*

— Фанатик, твердолобый фанатик, — простонал Редрак.— Не понимаю, зачем ему это...

— Семейные кланы. Для него честь семьи важнее всего остального. Если он погибнет в достойном поединке, его семья будет отомщена.

На минуту мы замолчали. Шлюпка падала на планету почти отвесно, вопреки всем законам физики. Непрерывно работающие двигатели погасили до нуля ее орбитальную скорость, а гравикомпенсаторы снижали смертоносные перегрузки. Вокруг разгоралось багровое свечение — мы входили в атмосферу.

Потянувшись к панели управления, я вывел на экран место посадки. Довольно далеко от городов, зато совсем близко к Храму...

Удар, обрушившийся на шлюпку, застал нас врасплох. Я даже не осознал его — так не успеваешь почувствовать упавшую на голову чугунную гирю. Просто мир полыхнул разноцветными красками, молниеносно проскакивая все цвета спектра, и стал бездонной чернотой.

Я умирал. А может быть, уже умер? Но в поглотившей меня тьме дрожал затихающий шепот, многоголосый, безликий, словно спорили друг с другом тысячи близнецов... тысячи темпоральных гранат... тысячи Храмов.

— *...Он погибает, это правильно...*

— *...Но было вмешательство, опосредованное воздействие...*

— *...Бездоказательно...*

— *...Логично... причинная цепь: воздействие на Клэна, потеря им веры в победу, атака на Рейдер,*

смерть двадцати четырех членов экипажа, нарушение приказа стрелком лазерного излучателя, уничтожение шлюпки, выход из строя гравикомпенсаторов, перегрузка пятьдесят единиц, смерть человека.

— *...Смерть человека...*

— *...Смерть...*

— *...Запрет...*

— *...Исправление. Вариант: темпоральная коррекция...*

— *...Отклонить — нарушение законов...*

— *...Вариант: защита шлюпки...*

— *...Отклонить — человек должен быть нейтрализован без нарушения законов...*

— *...Вариант: реанимация человека, сохранение повреждений шлюпки...*

— *...Прогноз: смерть через двести пятьдесят две секунды вследствие скачкообразного разряда гравикомпенсатора...*

— *...Прямого вмешательства нет...*

— *...Законы соблюдены...*

— *...Принимается...*

— *...Он опасен...*

— *...Принимается...*

— *...Не должен узнать...*

— *...Он не предусмотрен...*

— *...Поправка: Даниил должен быть возвращен на Землю. Нарушение хода истории...*

— *...Следствие первоначальной ошибки: катер сектантов, похитивших человека, должен был быть уничтожен...*

— *...Давняя ошибка. Исправление: возврат Даниила на Землю... Тактика: воздействие на Редрака Шолтри...*

— ***...Принято.***

На последнем слове шепот превратился в крик, в раскат грома. Словно тысячи, сотни тысяч голосов заговорили одновременно. И я почувствовал тяжесть — свинцовую тяжесть, впечатывающую меня в горячую неровную поверхность.

Шлюпка лежала среди скал. Цилиндрический корпус был вспорот по всей длине, оплавленные края разреза еще светились темно-вишневым. Из проема свисали прозрачные жгуты световодов и оборванные провода, торчали блестящие трубы гидравлики и топливопроводов, лимонно-желтый куб изотопного энергизатора. А самым безобидным, малозначительным казался крошечный, не больше грецкого

ореха, черный шарик гравикомпенсатора. Вокруг него переливалось радужное сияние. Прибор работал, выпуская в пространство накопленную при спуске гравитацию.

Двести пятьдесят две секунды. Чуть больше четырех минут. Я принял услышанный в полубреду разговор как аксиому. Еще четыре минуты, и гравикомпенсатор разрядится скачком, на секунду создав вокруг себя невыносимую для человека силу тяжести. В лучшем случае я просто умру. В худшем — превращусь в лужицу красноватой протоплазмы.

Я повернул голову. Это удалось, но с трудом. Перегрузка держалась на уровне шести-семи единиц. Не то что встать, ползти невозможно...

Место, где упала подбитая шлюпка, оказалось довольно ровным. Вокруг — скальные гряды, крутые откосы. Если бы не разряжающийся гравикомпенсатор, посадку следовало назвать удачной.

— Капитан!

Я не видел говорящего — повернуть голову еще раз было уже выше моих сил. Но узнал голос Редрака.

— Вы живы, капитан?

— Да...— Мне показалось, что я кричал. Но наверняка это был лишь шепот.

Редрак услышал.

— Капитан, я иду.

В его голосе были смешаны самые разные чувства. И радость — наверное, мы действительно успели стать командой. И страх...

И сожаление — со слабым, но уловимым оттенком ненависти.

Редрака Шолтри гнала на помощь ко мне вовсе не дружба. Психокод, вложенные в подсознание формулы гипнотического внушения. Если он не попытается помочь мне, то умрет одновременно со мной. И Редрак пойдет на верную смерть как автомат, как робот.

— Стой!

На этот раз мне действительно удалось закричать. Я сделал еще одну попытку отползти подальше от шлюпки. И не смог.

— Редрак! Я снимаю психокод!

Тишина. Удивленный голос Редрака:

— Но, капитан...

И дрожащий, плачущий — Даньки:

— Сергей, не надо!

— Редрак, слушай! — С заметным усилием я перешел на русский: — Седьмое ноября тысяча девятьсот семнадцатого года...

И снова тишина. Теперь, после кодовой фразы, Редрак должен вспомнить всё — и процедуру психического кодирования, и смертельный приказ, предохраняющий меня от возможного предательства. Теперь он свободен. Надеюсь, что Даньке он вреда не причинит... Испугается мести Ланса и Эрнадо, даже если и захочет сорвать на мальчишке затаенную ненависть ко мне.

Тяжесть накатывалась пульсирующими волнами. Свинцовое море, ртутный океан. Я тону в нем, в его металлических волнах, в его удушливой вязкости. И воздух, втекающий в мои легкие, — тяжелее воды. И каждый камешек на земле, по которой меня тащат, врезается в тело словно клинок...

Тащат?

Пальцы Редрака сжимали мои плечи стальными тисками. Его лицо раскачивалось надо мной — белый, покрытый капельками пота овал в обрамлении капюшона боевого костюма.

Как он может передвигаться?

Редрак качнулся, перетаскивая меня через неприметный бугорок, и я увидел желтые точки индикаторов, пульсирующих на его плече.

Активный режим комбинезона. Вживленные в синтетику псевдомышцы несли сейчас и меня, и одетого в комбинезон Редрака. Тащили через пульсирующее гравитационное поле, давали возможность устоять на ногах. Но, увы, не защищали от перегрузки наши привыкшие к нормальной тяжести тела. А комбинезон Редрака уже выдыхался, «гас». Несколько секунд, и он упадет рядом со мной под прессом уменьшившейся, но все же непосильной перегрузки...

— Мой... комбинезон... включай...— просипел я.

Пальцы Редрака схватили мою ладонь. Из-под ногтей проступила кровь, руку пронзила боль. Когда комбинезон в активном режиме, трудно рассчитывать усилие.

Редрак коснулся сенсоров на моем комбинезоне — моими же пальцами, иначе автоматика не послушалась бы. Я почувствовал, как заколoло под лопатками — включилась система неотложной помощи. А еще через мгновение тело перестало быть безвольным. Малейшее движение, намек на движение толкали меня сквозь пятикратные перегрузки.

— Твоя очередь, принц, — прошептал Редрак, оседая в моих руках. И я вдруг почувствовал нелепую, беспричинную радость — и оттого, что Шолтри все же пошел мне на помощь, и от небрежно-пренебрежительного обращения «принц», и от тех естественных слов, что он произнес, —

вместо трагических просьб бросить его и спасаться самому...

А ведь останься в его сознании клеймо психокода — Редрак сказал бы именно это. Ну а Эрнадо с Лансом способны на такие мелодрамы и сейчас. Их психокод — преданность императорской власти. В том числе и мне.

Мы брели словно сквозь густую, вязкую жижу, под медленно слабеющим гнетом перегрузки. Все дальше от разбитой шлюпки, все ближе к скале, возле которой приплясывал от нетерпения Данька, прижимающий к груди Трофея.

Мой комбинезон тоже начал выдыхаться, но и зона разрядки гравикомпенсатора кончалась. Мы с Редраком шли, поддерживая друг друга, напоминая не то закадычных приятелей, не то перебравших собутыльников.

— Какого дьявола ты полез меня вытаскивать? — спросил я.— Не веришь, что я действительно снял психокод?

Редрак секунду молчал. Затем спросил:

— А какого дьявола ты его снимал?

— Ясно, — с чувством сказал я.— Ковыляй быстрее.

— С моей ногой ты полз бы еще медленнее...

Там, где стоял Данька, избыточная гравитация почти не ощущалась. Мы с Редраком повалились на песок — и сразу же, словно внутри меня тикали невидимые часы, я заорал:

— Лицом к шлюпке! Медицинский режим комбинезонов включить! Сейчас рванет гравикомпенсатор...

Редрак выдал такую тираду, что я всерьез усомнился — действительно ли русский превосходит галактический язык эмоциональностью? Мы лежали лицом к шлюпке, глядя на разгорающееся вокруг черного шарика гравикомпенсатора сияние.

Потом был удар.

Костер горел плохо, хотя валежник был сухим, как песок пустыни. Сказывалось высокогорье — на Схедмоне содержание кислорода и так невелико, а уж в трех километрах над уровнем моря...

Гравиудар вывел из строя всю аппаратуру, кроме маломощных приемопередатчиков боевых костюмов. И теперь нам предстояла ночевка в горах — если только местные власти не пожелают среди ночи обследовать место крушения шлюпки. Но это весьма сомнительно.

Проигравшие могут вызвать сочувствие. А вот любопытство — вряд ли. За нашими трупами прилетят не раньше утра.

Данька спал у костра, завернувшись в какие-то обрывки ткани, подобранные возле расплющенной в лепешку шлюп-

ки. Редрак, побродив по окрестностям, нарвал несколько пригоршней желтоватой травы, напоминающей перезревший укроп, и сушил ее теперь над костром, приспособив в качестве противня тонкий стальной лист. Судя по остаткам надписей, раньше этот лист был заслонкой одной из крошечных детекторных амбразур. Взрыв гравикомпенсатора расплющил ее. От человека при такой гравитации не осталось бы вообще ничего. Мелкая кровяная морось, рассыпавшиеся в пыль кости просто впитались бы в землю, как горячая дробь в рыхлый снег.

Меня в очередной раз пробрала дрожь. Мне готовили невеселую участь. В спокойном, холодном диалоге Храмов не было и намека на сострадание.

А в том, что в предсмертном бреду, в те миллисекунды, когда техника всесильных Сеятелей остановила время и удерживала меня на грани бытия, я слышал именно диалог Храмов, — сомнений не оставалось. Это отстраненное знание пришло откуда-то извне — словно интонация голоса, способная раскрыть многое не вместившееся в слова.

— Редрак, а что ты делаешь? — лениво поинтересовался я.

Редрак ответил не сразу и с некоторым смущением:

— Так, глупости, Серж... Эта трава — слабый наркотик... с редким способом употребления.

— Вдыхать дым?

Редрак явно удивился.

— Ты слышал о трэбе, капитан?

— Ну... краем уха.

— Тогда садись поближе.

Я устроился плечом к плечу с Редраком. Тот продолжал потряхивать над огнем импровизированную жаровню, досушивая траву. Затем ссыпал в ладонь оранжевую пыль, настороженно понюхал.

— Нормально...

Он бросил в огонь маленькую щепотку порошка, жадно вдохнул горьковатый дым, поплывший над тлеющими углями.

— Хороший сорт, капитан.

Я нагнулся к огню — так, что даже глаза непроизвольно зажмурились от нестерпимого жара, и глубоко вдохнул.

Жар в груди... в легких... Холодная дрожь, проносящаяся по коже... Лавина звуков — слух обострился не меньше чем на порядок. Потрескивание валежника в костре стало пушечной канонадой, сонное дыхание Даньки едва не перекрывало ее, бормотание Редрака слышалось совершенно отчетливо и ясно.

— Лучше всего мы делаем дурман, капитан. Наркотики, ви́на... Развлечения — это тот же дурман...

Дрожь схлынула, лишь в груди продолжал гореть огонь. Зато сознание затянула пьянящая дымка эйфории.

— Еще мы умеем делать оружие, Редрак... И убивать.

— Это тот же дурман... те же развлечения, капитан. Ничем не лучше и не хуже секса... или трэба.

— Редрак...— Меня отчаянно потянуло на откровенность. Проклятая слабость моих пьянок! Неискоренимая слабость. И не важно, чем вызвано опьянение — бутылкой «Пшеничной» на молодежной тусовке или инопланетным наркотиком с неприятным названием «трэб».

— Слушай, Редрак... Ты помнишь, что говорил Ланс в рубке, перед эвакуацией с корабля?..

— Бред, капитан.

— Нет, Редрак. Послушай, они выходят на связь со мной в третий раз... И лишь недавно я понял, кто стоит за ширмой... кто в роли кукловода...

Я рассказывал Редраку всё. Начиная с первого появления Голоса, когда они использовали Эрнадо. И про диалог с пэлийцем, и про услышанный в полубреду разговор Храмов.

Сизый дым плыл над костром. Мы с Редраком, раскрасневшиеся, с вьющимися от огня волосами, склонялись над пламенем. Наркотик принялся за нас всерьез: предметы вокруг изгибались, теряли четкость. Как там это по-медицински... метаморфопсия, кажется.

— Серж...— Редрак сыпанул в огонь последнюю горсть порошка.— Если против тебя действительно Сеятели... Храмы... то драться бесполезно. Они способны стереть в пыль все планеты в галактике. Ты даже не муха перед слоном... ты вирус...

— Вирус может прикончить любого слона, — с радостью поймал я Редрака на слове. Глупое умение из детских времен, когда удачно «проехать на метле» значило — победить.

— Сергей... Да брось ты храбриться... Ты не тот вирус...

Откуда он знает мое полное имя?

Я напрягся, пытаясь скинуть дурман. И не смог. Заорал — в ушах заломило от крика. Обостренное восприятие — полезная вещь.

— Откуда ты знаешь мое полное имя?!

Редрак с недоумением пожал плечами:

— Данька говорил... Успокойтесь, капитан. Я не Сеятель, увы. И даже не их кукла. Но могу посоветовать лишь то же самое. Хватит гоняться за Рейдером. Если Сеятели...

Храмы обещали, что они не найдут Землю — значит, так оно и есть. Их слову можно верить. Лучше возвращайтесь на Тар... к принцессе. И мальчишку с собой возьмите, я ведь вижу, как вы друг к другу привязались.

Редрак тоскливо взглянул на пустые ладони, словно надеялся найти там еще немного наркотика. И с наигранной усмешкой продолжил:

— Можете и для меня найти местечко при дворе... Или подарить гражданство Тара...

— Прекрасная идея, Ред...— Впервые я позволил себе сократить его имя.— Ты что же, думаешь, принцесса ждет меня?

— Разумеется.

— Может быть, ты еще считаешь, что я продолжаю ее любить?

— Конечно.

Кто-то засмеялся за меня — злым, пьяным смехом. Данька шевельнулся во сне и жалобно пробормотал пару слов.

Я замолчал. Пьяная дурь стремительно выветривалась. Голова слегка побаливала, но к мыслям вернулась ясность.

— Трэб действует очень кратковременно,— упавшим голосом сказал Редрак.— И быстро выводится из организма. Черт, и надышались же мы...

Кивнув, я с тревогой посмотрел на Даньку. Надеюсь, мальчишку наркотические испарения не достали.

— В вашем рассказе, капитан, — официальным тоном заявил Редрак, — есть три ключевых момента. Они способны объяснить всё. Первое: почему вас не трогают Храмы; второе: почему они так беспокоятся о Даньке; третье: почему вас не трогают... напрямую... сектанты.

— На последний вопрос ответ имеется.

Редрак кивнул. Глухо произнес:

— Я догадываюсь. Если Эрнадо с Лансом уцелели, то это вызовет проблемы.

— Да.

Костер догорал, потрескивали сучья. По-прежнему нестерпимо громко: трэб еще действовал. А далеко в небе родился слабый гул. Двигатель шлюпки, идущей на форсаже. Спящий Трофей дернул ушами, приподнял голову.

— Слышишь, Ред?

— Это Эрнадо с Лансом.

— Наверняка.— Я потянулся к Даньке и похлопал его по плечу.

— Просыпайся, малыш. За нами пришли.

Часть третья

ХРАМ

1. Психокод

Шлюпкой управлял Эрнадо. Конечно, если можно назвать управлением неспешное кружение над скалами в пределах прямой видимости от металлической рухляди, возле которой догорал наш костерок.

— Мы наблюдали за Клэном до последней минуты, — хмуро рассказывал Ланс. — Он сумел пристыковаться к Рейдеру... и, видимо, проник внутрь. Что там произошло дальше — одним Сеятелям ведомо.

— А дальше Клэн... то есть Алер-Ил, уничтожил двадцать с лишним членов экипажа Рейдера,— зло ответил я.— В одиночку! Если бы мы оказались с ним рядом, то могли бы победить.

— Откуда тебе это известно?

— От Сеятелей.

Эрнадо, не отрываясь от пульта, тихо сказал:

— Сейчас я готов поверить даже в это.

— Поверить придется во многое, Сержант...

Эрнадо бросил на меня быстрый настороженный взгляд:

— Договаривай, Серж!

— Женщина, которая руководит сектой, — это императрица планеты Тар.

Ланс побелел не меньше, чем Клэн в момент отражения психоатаки. Обиженно, как обманутый мальчишка, сказал:

— Ты шутишь, Серж... принц...

— Нет. Если вы будете продолжать бой с Рейдером, то окажетесь изменниками.

— Императрица — это еще не верховная власть, — слишком твердо, словно убеждая самого себя, сказал Эрнадо. — Ты и принцесса, конечно, выше императрицы, ушедшей в добровольное изгнание.

— Эрнадо, как звали императора? Рели?

— Релиан Тар...— скорее прошептал, чем сказал Эрнадо. — Император Релиан Тар.

— Он... под руководством императрицы... управляет сектой Потомков Сеятелей.

Было тихо, очень тихо. Лишь едва слышно гудел в корме двигатель шлюпки да пущенным в темпе «аллегро модера-

то» метрономом колотилось сердце прижавшегося ко мне Даньки.

— Если вы идете с принцем, то сражаетесь против императора. Если идете против принца — сражаетесь против формально законной власти. Я думаю, что самое лучшее для вас, ребята, — это остаться в стороне. Вернуться на Тар. Думаю, император вас не осудит. Даже императрица не рискует пойти против меня напрямую.

— Теперь понятно, почему нам подкинули именно Даньку, — с неожиданной улыбкой сказал Эрнадо. — Заманивать тебя на Землю было логичнее посредством подброшенной девицы. Красавицы и умницы по земным меркам...

— Конечно. Но какие родители рискнут признать, что на свете существует девушка прекраснее их дочери?

— Не так уж они и ошибаются, — глухо сказал Ланс.

Ясно. Еще одна раскрытая карта в колоде противника. Ненавижу пасьянсы, но люблю игру «в дурачка». Особенно — в переводного. Пусть на руках у меня лишь шестерки и прочие мелкие карты — но я сумею обратить их против врага.

— Решайте, ребята, — попросил я. — Сегодня же я отправлюсь покупать корабль — на деньги Клэ... Алер-Ила. Рейдер погибнет — или исчезну я.

Данька, деливший со мной широкое кресло спасательной шлюпки, прошептал:

— Сережка, у меня в кармане парализатор. Если что, я выстрелю рассеянным лучом.

Я молча сжал его ладошку. Господи... Великие Сеятели...

Неужели мы действительно лучше всего умеем воевать?

— Данька, убери свою хлопушку,— попросил Эрнадо.— Я не земляк Сержа... но я шел на верную смерть, когда он спасал принцессу. Прежде чем причинить ему зло, я убью себя.

— Что ты собираешься делать, Сержант?

— То, что ты говоришь, Серж, — это лишь догадки... вымыслы. На данный момент ты принц планеты Тар. Я подчиняюсь тебе.

— Я тоже, — тихо сказал Ланс.

— Тогда курс на главный космопорт Схедмона. Корабль боевого класса мы можем купить лишь там.

Я не верю в судьбу. Я верю в случай. И если наш путь к Схедмону пролегал над Храмом Сеятелей — это не более чем случайность.

Когда перед нами возник зеркально-черный шар Храма, Эрнадо пришлось поднять шлюпку выше. Данька с нечленораздельным звуком приник к экрану.

В первый раз Храм Сеятелей всегда завораживает. Даже ночью, когда он похож на сгусток тьмы, утыканной искорками звезд. Зеркальные и черные квадраты обшивки чередуются на Храме без всякой видимой закономерности. Но когда смотришь на тьму, более густую, чем межзвездный космос, и на отражения далеких звезд, запутавшихся в зеркальных пластинах Храма, — где-то в глубине памяти возникает странное чувство. «Де жа вю» — уже виденное... Я знал этот Храм давным-давно, с самого рождения. Я помнил его наследственной памятью миллионов предков — пусть на Земле и нет Храма.

— Я хочу его увидеть, — прошептал Данька. — Сергей?..

Мои колебания длились не дольше секунды. Меня подхватило то странное наитие, что порой решает судьбу человека. Или — судьбу планеты...

— Эрнадо, рядом с Храмом есть музей.

— Вижу.

— Садись на его площадку.

— Музей должен работать круглосуточно, — любезно сообщил Ланс. — Но время ли сейчас для экскурсий?

Я не стал отвечать. Шлюпка опускалась на бетонный круг посадочного поля — рядом с шарообразным зданием, уменьшенной копией Храма. Вот только с поддерживающей его рукой архитекторы не справились: в свете посадочных огней явно угадывались прозрачные, почти невидимые колонны, держащие на себе музей, — по одной из них скользнула вниз капсула лифта.

Из нее торопливо вышел мужчина в серебристо-черном костюме. Приветливо взмахнул рукой, направляясь к нам.

— Тоже фанатик, — предположил Данька.

— Сомневаюсь. — Редрак распахнул люк шлюпки, выпрыгнул на бетон. — Обычно в смотрители таких музеев идут самые отъявленные скептики...

Эрнадо явно не торопился выбираться из-за пульта. Обвел взглядом окрестности, пристально посмотрел на шар настоящего Храма, чернеющий на фоне горизонта. Спросил:

— Серж, а стоит ли нам останавливаться так близко от Храма? Если твои догадки верны и Сея... Храмы препятствуют твоим планам, то это благоприятная возможность для очередной неприятности.

— Не ты ли говорил, что для Храмов не существует расстояний?

Эрнадо со вздохом выбрался из-под сомнительной защиты шлюпки.

— У нас есть охранная грамота, — неожиданно успокоил его Ланс. — Данька для Храмов почему-то абсолютно неприкасаем. Даже больше, чем принц. Они так и норовят вернуть его на Землю.

Охранная грамота?

Я посмотрел на Даньку.

Полтора метра роста и неполных сорок килограммов веса. Любопытный взгляд из-под мягких, давно не стриженных волос.

Неужели мы действительно используем мальчишку в качестве заложника? Пусть даже и неосознанно?

— Рад приветствовать новых гостей Храма! — Голос подбежавшего служителя был вполне искренним. — Я горд, что именно мне выпала честь рассказать вам о...

Я не слушал его отрепетированную речь. Я смотрел на Даньку. И размышлял о том, что в следующей охоте за Рейдером он участвовать не будет. Хотя бы потому, что в очередной раз и техника Сеятелей может дать сбой. А еще по той причине, что нельзя воевать, прячась за спину мальчишки.

Мы неторопливо вошли в музей. Немного необычный — здесь не было фотографий или видеоэкранов. Одни картины и скульптуры, изображающие Храм то вполне реалистично, то в духе самого завзятого абстракционизма.

...Но куда же отправить пацана? На Землю? Пока Рейдер носится в пространстве, я не поверю успокоительным речам Храмов. На Тар? К принцессе... Мне стало не по себе. Подарочек. Вперемешку с суховатыми поздравлениями и официальными документами по торжественным датам. Дорогая жена, пока ты не выбрала подходящий момент для развода — пригляди за моим юным другом. Он тоже с планеты Земля. Той самой, которую твои мама с папой хотят уничтожить.

И все же в этом что-то было. В такой просьбе принцесса не откажет.

Так же как и в любой другой, честно говоря.

— А это один из лучших циклов Дориа Сеи, нашего выдающегося живописца, — с восторгом объяснял служитель. — Храм отображен на двенадцати полотнах, с максимальной точностью передающих зеркально-черный узор поверхности. Ни один другой художник...

Картины действительно были великолепными. Огромные — два на два метра каждая, — написанные удивительно яркими, живыми красками. Чисто символический про-

зрачно-голубой фон неба — а на нем блестяще-черные шары Храмов. Точнее, Храма — одного, но с разных сторон.

Пускай Храмы и не давали себя сфотографировать, но такие картины немногим уступали фотографиям...

— Зачем нам эта экскурсия? — снова спросил Ланс.

Я пожал плечами. Прощальный подарок Даньке. Короткая разрядка перед бюрократической суетой схедмонского космопорта. Минутная блажь принца.

Данька прошелся по залу. Похлопал ладонью макет Храма — пестрый метровый шар. Бросил мимоходом:

— Глобус размазанный...

У меня закололо в груди. Бред, сумасшествие...

— Ланс, попроси гида закрыть рот и посидеть в сторонке. — Я сам не узнавал своего голоса. Так не говорил даже вернувшийся из частей спецназа Серж — претендент на власть в районе. Так не общался с Шоррэем Менхэмом наглый и самоуверенный лорд с планеты Земля. Я никогда не умел приказывать по-настоящему!

— Редрак, Эрнадо — охраняйте входы. Данька, за мной...

Я подбежал к терминалу компьютера — стандартной детали обстановки, такой же уместной в музейных залах, как и в каюте «Терры». Откинул белую панель периферийных устройств на рифленом боку процессорного блока. Достал прозрачную пластину оптического датчика. Провел ладонью по сенсору включения. Экран осветился — слава Сеятелям, компьютер был готов работать с кем угодно, в его программу не входил контроль пользователя.

— Режим работы — оптический и звуковой! — Я почти кричал, я захлебывался словами, задыхался от неожиданной догадки. — Ввод информации для главной программы — с выносного оптического детектора. Источник информации — двенадцать картин художника Дориа Сеи, показ каждой будет предваряться звуковой командой: «Снять изображение». Процесс работы: синтез голографической модели из двенадцати изображений шарообразного объекта. Особые указания: необходимо добиться максимально возможной точности в распределении черных и зеркальных участков на поверхности шара. Вывод информации в голографическом режиме под звуковым контролем. Задание ясно?

— Задание принято, — мягким женским голосом отозвался компьютер. Ни тени эмоций по поводу нестандартности задачи — слишком простая модель. Но это и к лучшему.

Я направил оптический датчик на первую из картин. Сказал:

— Снять изображение...

— Ребята, что вы задумали? — подал голос служитель, усаженный Лансом в одно из мягких кресел для посетителей. — Похищение?

— Нет, — мягко ответил я, переходя к следующей картине. — Снять изображение...

— Ну тогда перестаньте держать меня под прицелом! Хулиганство с компьютером — это мелочь, а вот нападение на...

— Данька, если он продолжит разговоры, усыпи его часика на два-три... Снять изображение!

Наступила тишина. Я обошел весь длинный ряд картин. Зачем-то вернулся к компьютеру. Приказал:

— Начать синтез изображения.

— Работа ведется, — ласково сообщила машина. — Просьба подождать двенадцать секунд... одиннадцать... десять...

— Принц, надеюсь, ты понимаешь, что творишь, — негромко сказал Эрнадо. — Храм — это святыня. С ним не шутят... и с его музеем тоже.

— Три... два... один... синтез произведен. Приближение к оригиналу — девяносто два процента. Для более качественного синтеза необходимо фотографическое или иное документальное изображение.

— Выдать картинку, — невольно дрогнувшим голосом велел я.

Над компьютерным терминалом повисла зеркально-черная копия Храма. Полуметровый шарик из тьмы и блеска. Словно повинуясь наитию, а может быть, просто восприняв фон картин, компьютер окружил изображение голубоватой дымкой. Глобус размазанный...

— Масштаб стандартный. Необходима ли коррекция?

— Нет. Необходимо... вращение.

На этот раз машина меня не поняла.

— Прошу уточнить.

— Храм... то есть шар, должен вращаться вокруг условной оси, проведенной в вертикальном направлении... За ось можно принять опорную колонну, изображенную на картинах.

— Скорость вращения?

Я пожал плечами. Откуда мне знать? Глупости творятся по наитию... а не по четкому расчету.

— Один оборот в секунду. И ускорение на один оборот каждые две секунды вплоть до команды «стоп».

Шарик начал вращаться. Зеркально-черные пятна замельтешили перед глазами. Эрнадо с Лансом смотрели за

происходящим издали, Редрак подошел ближе. Плененный экскурсовод вытянул шею.

Шар крутился все быстрее. Черные кляксы и зеркальные полосы сливались в странный, неожиданно плавный и размашистый узор.

— Глобус, — тихо и растерянно сказал Данька.

Для него во всей Вселенной существовал лишь один глобус — планеты, которая называлась Землей.

Немного нечеткая, смазанная, черно-белая, словно с экрана дрянного старого телевизора, перед нами вращалась Земля. Черные контуры материков и точки островов, зеркально-белые глади морей. Обесцвеченная копия моей планеты, парящая в нежно-голубом тумане. Движение шара словно замедлялось — и карта обретала четкость. Потом «глобус» дрогнул и начал раскручиваться в обратную сторону. Эффект стробоскопа. Свойство несовершенного человеческого зрения. Все это, смешанное вместе.

Нелепый черно-зеркальный узор, таящий в себе облик Земли.

— Стоп, — приказал я.

— Скорость вращения — двадцать пять оборотов в секунду, — без всякой просьбы сообщил компьютер.

— Оставить двадцать четыре.

— Выполнено.

Глобус вновь стал четким.

Я обернулся — за моей спиной стояли Ланс и Эрнадо, Редрак и Данька, позабытый всеми смотритель музея.

— Разрешите представить вам истинный облик Храма Сеятелей, — с веселой злостью сказал я. — А одновременно — глобус планеты Земля.

— Зачем... зачем Сеятелям копировать про́клятый мир... планету, которой нет? — деревянным голосом спросил смотритель. — Именно на нашей планете, на Схедмоне... Позор...

— Успокойся, дружок, — снова ловя себя на непривычном пренебрежении, сказал я. — На всех планетах Храмы хранят один и тот же образ. Сеятели копировали свой родной мир. Землю.

Ланс издал всхлипывающий звук. Помотал головой, спросил с неожиданной и пугающей робостью:

— Принц... Сеятели жили раньше на вашей планете? Потому и закрыли ее... от всякого сброда?

Меня передернуло как от удара током. Откуда он, этот страх, это самоуничижение перед Сеятелями?

— Я думаю, что истина куда сложнее, — задумчиво сказал Эрнадо.

Кивнув, я мысленно поблагодарил его за маску спокойствия. И сказал, повышая голос, хотя и знал — нужды в этом нет:

— Истину нам сейчас объяснят.

— Кто? — глупо спросил Ланс.

— Ты. Или Эрнадо... или Редрак, или наш любезный гид. Тот, кого Храмы используют в качестве ширмы.

Эрнадо передернулся, а Ланс отступил на шаг. Они оба знали, каково чувствовать себя марионеткой.

— Я жду ответа! — Я обвел взглядом окружающих. — Вы не оставляете меня без контроля, вы знаете, что я жив. Так отвечайте же!

— По-моему, они спрятались,— предположил Данька.— Или им стало стыдно.

Все невольно улыбнулись. Ланс и Эрнадо расслабились. Редрак осторожно потрепал Даньку по голове. Сказал:

— Молодец... Хорошая версия. Добрая.

...Поразительно, но лишенный психокода Редрак стал куда дружелюбнее. Словно из-под смытой слащавой акварели проступил рисунок пером — простой, строгий, но гармоничный.

— Они не устыдятся. — Я поморщился, вспоминая холодный, безэмоциональный диалог Храмов. — Они этого не умеют. Просто... случай не предусмотрен программой.

— И что ты предложишь, Серж? — Эрнадо явно демонстрировал мне свою поддержку.

— Прогулку к Храму. Похоже, вреда нам не причинят. Второй закон урезан наполовину, но без первого Сеятели не могли обойтись.

— О чем ты, Серж?

Я ухмыльнулся:

— О трех мудрых законах, Эрнадо. Мне кажется, строители Храмов их неплохо знали. Но вначале...

Я оглядел друзей. Кивнул служителю музея — совершенно обалдевшему:

— У вас есть снотворное? Или обойдетесь алкоголем? В качестве альтернативы — парализатор.

Мне показалось, что служитель даже обрадовался.

— Парализатор не поможет, музей имеет генераторы поля, — с некоторой гордостью ответил он. — Но... я согласен на алкоголь. Бутылка в шкафчике, в соседней комнате.

Редрак принес почти литровую бутыль с подозрительно зеленой жидкостью и яркой этикеткой. На ходу откупорил пробку, глотнул, удовлетворенно улыбнулся:

— Ореховая настойка... градусов сорок, не меньше. Выпьешь половину.

Меня передернуло. Но служитель безропотно присосался к бутылке. Отдышался и приложился вновь.

— Надежный и гуманный пиратский метод, — почти весело сказал Редрак. Данька заерзал, достал из кармана маленькую плитку в поблескивающей фольге. Местный эквивалент шоколада... Протянул служителю:

— Возьмите.

Служитель, давясь, жевал шоколад. Глаза у него почти мгновенно помутнели.

— Продолжим...

Я взглянул на Ланса. Он явно не оправился после воздействия Сеятелей.

— У тебя будет особое задание. Очень важное.

Парень пристально смотрел на меня, явно соображая, сколько правды в словах.

— Храмы и те, кто за ними стоит, не должны считать, что мы прикрываемся Данькой. Ланс, ты возьмешь мальчишку и доставишь его в космопорт...

— Предатель! — растерянно и беспомощно выкрикнул Данька.

— Там ты вызовешь планету Тар. Моя просьба к принцессе — пусть мальчик некоторое время побудет под ее опекой... и твоим личным наблюдением.

— Последнее обязательно? — хмуро спросил Ланс.

— Нет, — поколебавшись, ответил я. — Не обязательно. Но если мы не вернемся, а сектанты будут уничтожены, принцесса должна вернуть мальчика на Землю. С охраной и мотивированной легендой длительного отсутствия. Ясно?

— Предатель...— вяло повторил Данька. И вдруг, внезапно отвердевшим голосом, спросил:

— А ты не собираешься вернуться на Землю?

— Нет...— начал я. И остановился, пораженный странным тоном вопроса.

Данька покачал головой. И сказал полурастерянно-полуудивленно:

— Знаешь, Сергей, а теперь я должен тебя убить.

2. Маэстро

Я увидел, как рука Эрнадо скользнула к бластеру на поясе — и остановилась. Нейтрализующее поле... А Данька держал в руке вибронож — оружие, пробивающее человека навылет даже при слабом броске. От него надежно спасал включенный боевой костюм... но, увы, мой не был включен.

Ланс сделал плавное движение к Даньке. Он стоял у

него за спиной, и для прыжка не хватало нескольких метров. Умение убивать голыми руками — обязательный курс офицерского училища на Таре.

— Всем стоять, — тихо произнес я. — Ни одного движения. Даньку не трогать.

Мальчишка слегка раскачивался, не отрывая от меня чужого, полусонного — и одновременно цепкого взгляда.

— Он под психокодом, — пробормотал Редрак. — Это уже не мальчишка, а машина смерти. Я предупреждал...

— Даниил, с тобой все в порядке? — тихо спросил я.

Мальчишка мигнул. Взгляд стал чуть осмысленнее.

— Ты понимаешь, что происходит? — продолжал я. — Тебе был дан гипнотический приказ — убить меня в случае опасности для секты. Ты подчиняешься? Тогда может погибнуть Земля.

— Я вспоминаю,— внятным шепотом ответил Данька.— Как меня похитили... и дали приказ... убить тебя, когда возникнет опасность, а меня попытаются удалить...

— И ты подчиняешься? — с ненаигранным любопытством спросил я. Прыжок с падением и ударом по руке... Перелом предплечья гарантирован. Ничего, у детей кости срастаются быстро.

— Нет! — В голосе Даньки послышалось явное удивление. — Что я, придурок слабовольный? Сергей, а у сектантов за главного — императрица Тара! Она не может приказать тебя убить, представляешь!

Он опустил вибронож.

— Принц, осторожно! — Редрак вытащил из ножен плоскостной меч. — Психокод непреодолим! Он играет!

Я молча пошел вперед. Шаг, еще один. Взял руку Даньки с зажатым в ней оружием. Приставил клинок виброножа к груди. Мальчишка с испугом смотрел на меня.

— Ты будешь отправлен на Тар, а затем — на Землю, — отчетливо, выделяя каждое слово, произнес я. — Сектанты будут уничтожены. Я гарантирую это.

На глазах у Даньки блеснули слезы.

— Предатель, — жалобно повторил мальчишка. — Мы проигрывали вместе, а побеждать будешь один.

Он опустил руку с ножом. Отвернулся. Отчетливо прозвучал шумный выдох Редрака. И его растерянный голос:

— Но психокод невозможно преодолеть...

Я обнял Даньку за плечи — он напрягся, но вырываться не стал. И спросил:

— Редрак, Эрнадо, вы в этом специалисты. Психокодирование разработано на основе методики Сеятелей? И их ментальных усилителей?

— Да, — уверенно произнес Эрнадо. — Первые опыты...

— Не важно... Запомните: оружие Сеятелей всегда выбирает себе врагов и друзей.

— Точнее — оно не работает против хозяев...— заплетающимся языком пробормотал смотритель музея. Блаженно улыбаясь, он привстал из мягкого кресла, развел руками — и рухнул обратно. На этот раз, похоже, до утра.

Я окинул друзей быстрым взглядом. Страх, страх, страх. Безотчетный, растерянный ужас в глазах. Древний грек, столкнувшись с богом войны Аресом, наверное, выглядел бы так же.

— Я отменяю приказ, — с нарастающей яростью выкрикнул я. — Мы идем к Храму все вместе. Данька, мы вместе до конца. Ясно?

— Есть, капитан, — с восторгом сказал мальчишка. Пожалуй, лишь он ничего не понял.

Храм был таким же, как на Таре, Клэне или любой другой кислородной планете. Схедмонский Храм Сеятелей, километровый шар из зеркальных и черных пластин, неуязвимый, древний, как сама планета. Святыня, внушавшая ужас еще первобытным племенам; дворец богов по средневековым верованиям, наследие цивилизации-основательницы — по современной, едва ли не единственной в галактике религии. У его стен молились и проклинали врага; зеркальные квадраты обшивки отражали льющуюся кровь человеческих жертвоприношений и цветы счастья в руках новобрачных. Храм закидывали камнями и расстреливали из крупнокалиберных пушек; к его подножию слагали разноцветные гирлянды и сосуды с драгоценными благовониями.

И тысячи лет Храм хранил тайну своего узора, тайну, лежащую на поверхности — в буквальном смысле слова. Глобус, огромная модель и крошечная копия Земли.

Планеты, которой нет.

Мы подошли к основанию Храма — тонкой, отлитой из металла колонне. Раскрытая ладонь на самом верху легко поддерживала километровый шар.

Никто не проронил ни слова. Молча шел впереди Эрнадо; опасливо поглядывал под ноги, словно вспоминая паутинные мины вокруг тарского Храма, Ланс; прихрамывал сильнее обычного Редрак, едва поспевающий за остальными. Мы с Данькой шли в середине, и с каждым шагом Данька все сильнее жался ко мне.

— Я думаю, это лучше сделать тебе, — сказал я мальчишке, когда мы оказались возле опорной колонны. Громадный шар давил на нас; абсолютно неподвижный, он, ка-

залось, раскачивался над головой, готовый упасть в любое мгновение.

— Что? — робко спросил Данька.

— Приложи ладонь к столбу и попроси... то есть прикажи поднять нас внутрь. В зал информатория.

— Он послушается?

— Да.

Данька вздохнул и провел ладошкой по металлической колонне. Тихо сказал:

— Поднимите нас наверх, в информационный зал. Пожалуйста.

Секунду ничего не происходило. Я вдруг осознал с пугающей ясностью, что все мои надежды и предположения — полный вздор. Храм не послушается Даньку и вряд ли выполнит мои требования. Мало ли по каким причинам Храмы боятся причинить нам вред. Да и «глобус», сложившийся из вращающегося Храма, еще ничего не доказывает. Сектанты прорвутся к Земле, и кварковая бомба упадет на крышу моего родного дома. И будет облако серой пыли на месте третьей от Солнца планеты...

Нас бросило вверх — мягким, но сильным рывком. Мы прошли сквозь непроницаемые стены Храма словно сквозь туман. И вновь — уже знакомое влажное дыхание пронзаемых стен... Облако желтого света, заботливо укутывающее нас.

Храм подчинился приказу Даньки. Мальчишки с планеты, которой нет.

...Мы стояли в зале, огромном даже по меркам Храма. Внутри гигантского куба с черными стенами, исчерченными тысячами светящихся полос. Каждая линия, мерцающая неярким оранжевым светом, несла в себе информацию об одной из населенных людьми планет. Где-то здесь были и координаты Земли — планеты, добраться до которой можно только туннелями прямой гиперпространственной связи. Проклятой планеты, к которой не летали звездолеты; планеты, выброшенной из русла галактической цивилизации. Раньше меня заинтересовали бы эти цифры, длинные столбцы расчетов, несущие в себе лишь абстрактные «пятимерные» координаты, не дающие представления ни о направлении, ни о дальности.

Теперь это было безразлично.

Я оглянулся — мы оказались здесь все вместе. И Данька, и Ланс, и Эрнадо с Редраком, и даже сидящий у их ног Трофей. Но именно меня неведомый лифт вынес во главу делегации.

— Я человек с Земли, — тихо сказал я, и эхо подхватило мои слова, грохотом разнося их по залу. — Я житель планеты, которой нет. Тот, кто случайно попал в этот мир. Тот, кто требует подчинения.

— Подчиняюсь...— Голос шел отовсюду: он стекал с потолка, он вырывался из стен, горячими гейзерами бил из плит пола. Бесплотный, безликий. Голос Храма. Голос, обрекший меня на смерть.

— Я требую общего подчинения! — закричал я. — Всех Храмов! Всех миров! Хватит игры! Я разгадал вас и получил право отдавать приказы!

Тишина.

И странное, незнакомое ощущение: словно мягкая упругая пленка обтягивает тело. Впрочем, нет, не совсем незнакомое — темпоральная граната Сеятелей после применения оставляла похожий эффект. И такой же равнодушный голос из глубины сознания:

— *Ситуация нестандартна, возникает конфликт цели и ограничений. Указаний в программах логических структур не имеется. Произведена темпоральная капсуляция человека с Земли...*

Вокруг меня сгустилась темнота.

— *...и активация эмоциональной матрицы.*

Я попытался вырваться из упругого плена — и не смог. Все мои движения давали не больше эффекта, чем барахтанье мухи в киселе.

— *Человек с планеты Земля, ты обладаешь иммунитетом и правом на тактическое управление системой Храмов. Но претензии на стратегическое руководство выходят за рамки дозволенного. Тебе предоставляется возможность беседы с создателем Храмов, после чего будет принято решение о твоей судьбе.*

Черная пелена затянула мозг.

...Я сидел в кресле — удобном и мягком, обтянутом песочного цвета велюром. Мебель в комнате, похоже, была из черного дерева, пол и стены закрывали огромные рыжевато-коричневые ковры. Как и во внешнем облике Храма, здесь доминировали два цвета. Даже огонь в сложенном из черного мрамора камине был желтовато-оранжевым, рыжим, без всякой примеси голубоватой белизны высоких температур или багрово-красных отсветов угасания. Середина. Во всем — даже в цветах.

— Это называется местом для принятия решений.

Кресло моего собеседника стояло напротив. Узенький черный столик между нами был заставлен яркими малень-

кими бутылочками, фруктами и конфетами в хрустальных вазах, изящными фужерами и бокалами. В сторонке уютно пристроились массивная зажигалка, коробка с длинными толстыми сигарами и несколько пачек сигарет.

Внешность «создателя Храмов» тоже была достаточно колоритной. Высокий, очень худой, с роскошной гривой медно-рыжих волос, в тонких интеллигентных очках, чуть старомодном костюме. Лицо — немного неправильное, несущее следы какой-то сложной смеси национальностей, но симпатичное и открытое. И удивительно умные, доброжелательные... ласковые, что ли, глаза.

— Никогда не думал, что в Храме есть такие помещения... и смотрители, — пытаясь скрыть за иронией растерянность, сказал я.

Мужчина виновато развел руками:

— Увы. К сожалению, Сергей, такого помещения в Храме нет. Не предусмотрено. Я спорил с проектировщиками и строителями, но они решили, что обойтись иллюзией гораздо проще.

Я легонько качнулся в кресле, чувствуя его мягкую упругость, потянулся к вазе, взял розоватый, налитый соком персик. Неплохие иллюзии...

— И запах, и цвет, и вкус — все вполне реалистично, — заверил меня мужчина с легкой улыбкой. — Не говоря уж об осязании. Вы можете выпить и почувствуете опьянение. А можете выкурить сигарету, не опасаясь за свое здоровье. Мы можем беседовать сколь угодно долго — времени вокруг нас не существует. Ваши друзья даже не заметят отсутствия предводителя.

— Почему вы не пригласили сюда Даньку? — поинтересовался я, разглядывая этикетки бутылок. — Он ведь тоже землянин. Сеятель.

— Для Храмов любой землянин — повелитель. Но для меня Даниил в первую очередь ребенок. А у нас будет серьезный разговор, Сергей. Взрослый... Кстати, и о мальчике предстоит поговорить отдельно.

Я кивнул, молча соглашаясь. Извлек из «коллекции» бутылку с «Мускатом белым Красного Камня», открыл ее — пробка поддалась мгновенно. Иллюзорная пробка в несуществующей бутылке с ненастоящим вином.

— О, я вижу, вы знаток хороших вин...— Мужчина протянул мне свой бокал. — Несмотря на свою фантомную природу, я люблю этот сорт.

Моргнув, я едва не расплескал вино. Спросил, тщетно пытаясь сохранить голос спокойным:

— Вы... тоже ненастоящий?

— Конечно! Фантом, морок, голографическая картинка. — Мой собеседник сделал маленький глоток вина и блаженно улыбнулся. — И в то же время — точная копия, слепок с реально существующего человека. Сеятеля, если вам будет угодно.

Привидение, смакующее несуществующее вино... Забавно.

— Храм назвал вас создателем. Это верно?

— Нет, что вы! — Мужчина так энергично замотал головой, протестуя против незаслуженной славы, что вино в его бокале расплескалось. — Я лишь создатель теории... общей методологии подхода к храмовой системе формирования цивилизаций. К строительству самих зданий, их технической основе я не имею ни малейшего отношения!

— Идеолог значит куда больше исполнителя, — парировал я. — Законодатель гораздо важнее палача...

— Зачем же такие сравнения! — В его голосе зазвучало искреннее возмущение.

Я сделал маленький глоток вина. Взглянул на свет камина сквозь стеклянный тюльпан бокала. Маслянистые разводы на хрустале подтвердили вкусовые ощущения — вино было крепким. И непередаваемо вкусным. Дьявол... первый раз в жизни пью хорошее вино. И то не по-настоящему!

— Извините, — тихо сказал я. — Сравнение неудачно, согласен. Вы больше напоминаете музыканта, чем законодателя или... В общем, я буду звать вас Маэстро.

— Как угодно. — Фантом явно обиделся.

— Просто обстановка вокруг напоминает дешевый боевик, — пояснил я. — Ласковые беседы с обильным угощением обычно предшествуют допросу третьей степени.

— Исключено, — с жаром произнес Маэстро. — Пытки и убийства... тем более землян, для нас исключены!

«Тем более землян...» Забавно. Оговорка или осторожный ввод информации? Я потянулся к сигаретным пачкам, выбрал более знакомую. «Житан» — самый крепкий из известных мне сортов табака.

— Вы человек крайностей, Сергей, — задумчиво сказал Маэстро. — Самое знаменитое вино и самый крепкий табак. Если любить — то принцессу, если ненавидеть — то целую цивилизацию.

— Характер, Маэстро. Мерзкий характер... Скажите, что было раньше?

— Курица или яйцо?

— Вы или я.

Маэстро вздохнул и тоже взял сигарету. Щелкнул зажигалкой, протянул мне, затем прикурил сам.

— Вы, Сергей. Вы. Я вполне мог бы быть вашим потомком. Архивные исследования, весьма затрудненные вашей незначительностью в земной истории, показали, что за короткий срок жизни перед исчезновением вы заимели немало детей.

Я нервно затянулся, вогнав в легкие полсигареты. Голова закружилась сильнее, чем после бокала знаменитого вина.

— Не знал об этом, Маэстро.

— Три случая документированы генными пробами, остальные спорны... Вам нужны имена?

— Нет. Пожалуйста, не надо. Это будет похуже «третьей степени».

— Как угодно... Что ж, приступим к деловым переговорам?

Я молча кивнул и затушил сигарету о нарезанный дольками ананас. Маэстро поморщился.

— Это ведь декорации... иллюзии...— добродушно объяснил я. — Начинайте.

— Вначале предыстория... или, скорее, послеистория — для вас. В конце двадцать первого века человечество начало свою звездную экспансию. Она опиралась на только что открытый принцип гиперпространственных переходов — то, что ваши друзья называют «полетом по прямой», «гиперпрыжком с опорой на три маяка» и туннельным гиперпереходом. По экономическим причинам земляне использовали два первых способа — туннельный гиперпереход дóрог даже для нас. В две тысячи сто тридцать втором году от Рождества Христова...

Я невольно ухмыльнулся торжественности, с которой была произнесена дата. Маэстро истолковал это по-своему:

— Вы христианин? По мусульманскому летосчислению шел...

— Я вообще атеист.

— В две тысячи сто тридцать втором году, — сухо повторил Маэстро, — Земля столкнулась... с определенными проблемами. Другого выхода из ситуации, кроме изменения методики колонизации, не оказалось. Вместо экспансии в пространстве Земля применила колонизацию во времени. В далеком прошлом, в эпохе, когда Земля была заселена только первыми примитивными организмами, была основана база Проекта «Х». Она производила одну-единственную продукцию — гиперпространственные маяки, снабженные устройствами распространения жизненных спор. Автоматические корабли разносили их по всей галактике и даже за ее пределы. Каждый корабль доставлял на место семь мая-

ков, после чего самоуничтожался. А маяки, создав вокруг себя жизнь с главенствующей гуманоидной цивилизацией, стали ее богами, Храмами. Как и было задумано.

— Выходит, я нахожусь в прошлом Земли? — тихо спросил я. — На Земле сейчас мезозой или крестовые походы?

— Что вы, Сергей. На Земле конец двадцатого века. Развитие цивилизаций-сателлитов заняло немало времени. Вы находитесь в своем настоящем... а я, точнее мой информационный модуль, в своем прошлом. Путешествия во времени — интересная штука, но в вашем случае они ни при чем.

— А темпоральные гранаты?

— Это мелочь. Маломощное устройство для чисто экспериментальных целей. Оно и переносит-то не физические объекты, а информационную составляющую личности.

— С кем вы воевали в прошлом? — Во мне вдруг проснулся полуабстрактный интерес, видимо вызванный упоминанием темпоральных гранат. Уничижительная характеристика этому «абсолютному оружию» наверняка была рассчитана на мое моральное подавление.

— Ни с кем! — Маэстро рассмеялся. — Сергей, разрушенные корабли и выжженные планеты, погасшие звезды... Все это бутафория, инсценировка! Вместе с духовным влиянием Храмов легенды о Сеятелях формировали необходимый тип цивилизаций...

— Необходимый для чего? — резко спросил я. Маэстро замолчал. Я потянулся к «Житану», закурил еще одну сигарету.

— Простите мне маленькую слабость, Маэстро? На созданных вами планетах нет табака. А трэб и остальные стимуляторы меня не вдохновляют.

— Зато они не столь вредны для организма, — наставительным тоном заметил Маэстро. — Воин должен беречь свое здоровье...

Он замолчал, словно сообразив, что проболтался. Или подбросил мне очередную порцию информации?

— Для чего Земля перешла к колонизации прошлого? — Я поймал взгляд Маэстро. Ласковый, умный, лживый взгляд. — Какие цели у тысяч обитаемых планет? Почему Земля на положении планеты-изгоя? Зачем Храмы несут на себе изображение Земли?

— Отвечу на все вопросы, кроме первого, — быстро проговорил Маэстро. — Он не важен... для вас.

— Ну-ну. — Я устроился в кресле поудобнее. Я наслаждался — иллюзорным вином и сигаретами, несуществую-

щим уютом обстановки. И настоящим, умным и сильным врагом.

— На Землю не могут прилетать инопланетные корабли, поскольку этого не было в нашей истории. Правильно, Сергей?

— Один пират побывал...

— Да. Купил плутоний, заплатив партией синтетических бриллиантов огромной величины... И потихоньку смылся. Анахронизмов нет.

— Согласен. — Я потянулся за бутылкой с «Мускатом» и обнаружил, что та вновь полна. Волшебное вино земных сказок.

— Но галактические цивилизации обязаны знать о Земле, помнить ее как странную легенду, сочинять всевозможные гипотезы. И все для того, чтобы однажды, через много лет, когда Храмы на всех планетах начнут вращаться и снимут свою видеоблокаду, когда триллионы изумленных людей увидят в символах своей религии изображение планеты-изгоя...

— Я понял. Они сольются с Землей и ее немногочисленными «настоящими» колониями в единую цивилизацию. И Земля будет главенствовать в небывалой империи.

— По праву планеты-основательницы! Жизнь во Вселенной — редкость. Мы подарили галактике миллионы форм жизни.

— По праву планеты, поставившей на всех обитаемых мирах мины замедленного действия. Храмы развили цивилизации, но сейчас они сдерживают их рост. И все для того, чтобы в момент «слияния» Земля была сильнее. Ни одна из планет не в силах пробить защиту Храма. И их жители догадываются — в любое мгновение Храм способен уничтожить планету. Превратить ее в плазму... или включить устройство кваркового распада.

Маэстро задумчиво смотрел на меня. Взгляд был по-прежнему добрым... а лицо спокойным... Умное, всепрощающее привидение.

— Не вам, друг мой, решать будущее земной цивилизации. И даже не мне. Но, я думаю, вы все же патриот родной планеты?

— Я был патриотом очень многих... планет, — насмешливо ответил я. — Вы знаете историю моей страны?

— Знаю, Сергей. Что ж, разговор о глобальном у нас явно не получится. Поговорим о вашей судьбе.

Его тон заставил меня насторожиться. Не люблю, когда говорят о моей судьбе. Слишком уж много было в юности «судьбоносцев», любителей заботливых разговоров.

— Поговорим, Маэстро.

— Как вы думаете, Сергей, ваше везение было случайным?..

3. Право человека

— Случаи, когда земляне из прошлого — моего прошлого — попадали на планеты Храмов, не единичны, — скучноватым лекторским тоном рассказывал Маэстро. — Иногда они возвращались обратно, если их похитители выделяли энергию на обратный гипертуннель. Чаще — доживали свой век на той или иной планете. Обычно в роли шутов, диковинок, бесприютных малограмотных бродяг. Изредка — добиваясь значительного положения в обществе. Храмы наблюдают за ними, фиксируют происходящее, но не вмешиваются. Если человек попал с Земли в космическую цивилизацию — значит, это факт земной истории. Многие таинственные исчезновения, будоражившие криминалистов и уфологов, связаны именно с этим...

— Свою долю в исчезновения внесли и пэлийцы, — зло сказал я.

— К сожалению, Сергей... Но и эти вампиры — наши потомки, наши дети. Даже они нужны галактической империи. Но речь не о ваших врагах, а о вас лично.

— Я весь внимание, Маэстро.

— Вы оказались редким случаем, Сергей. Ваше появление на Таре в качестве ритуального жениха принцессы было абсолютно случайно. Однако интересы стабильности требовали сохранения императорской власти на Таре и уничтожения Шоррэя Менхэма. Поэтому вам оказали помощь. Вначале — высадив вблизи убежища Эрнадо и направив именно к нему. Затем — мелкими вмешательствами в психику сержанта императорских войск. Например, он «узнал» обручальное кольцо на вашей руке. Феноменальная память, верно? Вы не задавали себе вопроса, как он опознал в вас лорда?

— Мне было не до того...

— Так мы и рассчитывали. Сам Эрнадо уверен, что его «озарило». Потом были мелкие реплики, которые раззадорили вас и вынудили придумать новый вид плоскостного оружия. А Эрнадо изготовил его с невозможной в полевых условиях скоростью.

— Я придумывал тоже под вашим влиянием?

Маэстро покачал головой. Твердо сказал:

— Психика и жизнь любого землянина неприкосновен-

ны. Это закон для Храмов. Другое дело, что в интересах защиты Земли и ее планов Храмы способны влиять на окружение землян. Но даже в этих случаях Храмы подчиняются прямым приказам, тем более мотивированным. Этим вы воспользовались, проникая в схедмонский Храм.

— Маэстро, два вопроса... Когда я пробирался в императорский дворец, Эрнадо пришел мне на помощь под влиянием Храмов?

— Нет. Это было его собственное решение. Но в противном случае Эрнадо прикрывал бы вас помимо своей воли — Храм Тара был готов вмешаться.

— А моя победа над Менхэмом? На него воздействовали? Замедлили реакцию или внушили ложный выпад?

— Замедлили удар в поединке на базе ВВС Тара. Иначе лорд не успел бы активировать гранату. А вот в Храме победа была честной, вы победили его сами... впрочем, подвиг, а иначе его не назовешь, был ненужным. Вам стоило лишь приказать, Сергей. Храм не обязан защищать жизнь отдельного землянина. Но повиноваться его приказу он должен. Менхэм мгновенно был бы уничтожен.

...Я вспомнил Храм Тара. Шоррэя, умирающего на черном полу дуэльного зала, под багровым светом плазменного светильника. И его шепот: «Я понял твою тайну, но слишком поздно. Нельзя было драться с тобой... здесь».

— Он понял связь между Землей и Храмами, Маэстро. Но уже перед самой смертью.

Маэстро довольно кивнул:

— Именно поэтому его требовалось уничтожить. Сверхлюди — это нечто выходящее за рамки целесообразного.

Я не стал спорить. Наверняка у нас были разные понятия целесообразного — но сочувствия к сверхчеловеку Шоррэю я не испытывал. А вот уважения к нему прибавилось. Он оказался тем, кто пошел наперекор Сеятелям-землянам. Пусть даже и не зная об этом.

— Дальнейшее ваше поведение, Сергей, не отличалось разумностью. Вы могли завоевать любовь принцессы... и остались бы в памяти многих цивилизаций как выходец с проклятой планеты, доказавший свое превосходство над обычными людьми. В будущем это послужило бы легкому принятию истины на всех планетах. Однако вы стали искать Землю. Дорогу к ней в обычном пространстве. Мотивы ясны... Но Землю вы найти не сможете.

— Почему? — с яростью спросил я.

— Прошлое уже свершилось, Сергей. — Вы не нашли пути, а секта...— Маэстро насмешливо улыбнулся. — Секта не смогла уничтожить Землю. Иначе не возникло бы циви-

лизации будущего, великой цивилизации, покорившей время, создавшей Храмы и тысячи союзных планет...

Маэстро ронял крупицы информации, словно скряга, раздающий медяками милостыню перед церковью. Но мне, кажется, хватало и этих крох.

— Маэстро, вы так уверены в своих знаниях о природе времени?

Он удивленно поднял брови.

— А если секта Потомков не уничтожила Землю лишь потому, что их уничтожит мой корабль, мой эпипаж? А вдруг мой визит на Землю на современном корабле пусть даже и пройдет незамеченным, но даст толчок развитию науки?

Маэстро укоряюще замотал головой:

— Сергей, вы подтягиваете факты... Все будет как было. Сектантам никогда не найти Земли. А через гипертуннель на Землю не переправить оружия сильнее лучевого бластера. Их кварковая бомба, пройдя через туннельный гиперпереход, станет не опаснее хлопушки. Мы приняли меры безопасности.

— Но они ищут путь по трем опорным маякам! — с отчаянием выкрикнул я. — Остановите же их!

— Сергей, я не знаю, что произойдет с сектантами. Но Землю они не найдут, поверьте. Возможно, их арестует клэнийский патруль, более удачливый, чем предыдущий. Или реакторы пойдут вразнос... Сектанты обречены. Давайте обсудим вашу судьбу.

— Вы уполномочены ее решать? — спросил я с иронией.

— Нет, Боже упаси... Мы с вами — земляне. Оба имеем право на управление Храмами. И, надеюсь, не будем им злоупотрблять. В конце концов я знаю гораздо больше основных законов логики поведения Храмов. И могу обернуть ситуацию против вас. Но очень не хочу этого.

Он боялся. Боялся меня — отсталого недоучки, с его точки зрения. Так трусил бы пентагоновский стратег, узнав, что красная кнопка российских ядерных сил оказалась в руках крепостного помещика девятнадцатого века, неведомым образом занесенного в век двадцатый...

— И что вы предлагаете, Маэстро?

— Возвращайтесь на Тар, к принцессе. У вас все будет нормально, Сергей. Уверяю вас. А вот Даниила надо немедленно вернуть на Землю. Дело в том, что он личность в земной истории заметная... в некоторых аспектах. В общем, он исчезнуть не должен. Мы вернем его на Землю как можно ближе к моменту исчезновения, так что никто не узнает про его приключения. Но надо поспешить — мальчик растет.

Через несколько месяцев его внешность придется корректировать... омолаживать перед возвращением. А это нежелательно.

— В чем же проблема? — зло спросил я. — Проглядели похищение пацана, полагаясь на свой принцип «неизменности времени»! Не обращали внимания на исчезновения других людей! А теперь боитесь вернуть мальчишку домой? Возвращайте! И я вернусь на Тар... после того как найду Рейдер.

Упоминание о Рейдере Маэстро пропустил мимо ушей. Только поморщился, налил себе какого-то вина, картинно согрел бокал ладонями... Времени у него действительно много. Бесконечно.

— Понимаете, Сергей... Мальчик — землянин. Сеятель, если пользоваться терминологией местных жителей и Храмов. Удерживай его кто-нибудь насильно... Я отдал бы приказ о возврате не раздумывая. Но сейчас он сам хочет остаться в галактике. С вами и вашим пестрым экипажем. Возникает конфликт, понимаете, Сергей? Не для нас с вами, мы взрослые серьезные люди и понимаем, что подросток не может принимать самостоятельных решений. Но у Храмов нет понятия ребенка. У них есть лишь две градации — земляне и неземляне. Если я решу конфликт силовым путем, подавляя волю мальчика и обосновывая для Храмов необходимость его возврата на Землю, — это окажет неприятный эффект на логические схемы Храмов. Зачем нам нестабильность в работе самых сложных кибернетических систем галактики? Вдруг они решат, что тоже вправе диктовать свою волю людям... землянам.

— А что я могу сделать?

— Уговорить мальчика, это было бы идеально. Если он сам решит отправиться на Землю, Храмы воспримут его решение спокойно.

— А если уговоры не помогут?

— Ну... тогда мы можем отдать приказ о возврате Даниила на Землю вдвоем. Это Храмы тоже поймут. Принцип коллективного решения...

— Ясно.

Мы замолчали. Маэстро почти робко сказал:

— Вы тоже склонялись к возврату мальчика...

— Конечно.

— Ну а теперь, после раскрытия вами тайны Храмов, можете широко пользоваться их помощью. Не афишируя, однако. Живите, наслаждайтесь тысячами непохожих миров, создавайте славу Тару. Создавайте галактическую империю... Черт возьми, это верно! Сергей, вы сможете спло-

тить все обитаемые миры, еще больше укрепить их единство. И появление Земли — сверхпланеты, правительницы и основательницы — они примут куда спокойнее! Сергей, да у вас же великое будущее! Мы еще раз... много раз встретимся в таких кабинетах за дружеской беседой. И вы узнаете постепенно все цели колонизации из прошлого. Поймете, почему ваши потомки пошли именно таким путем. Сергей, вы наш — по крови, по духу, по силе! История — забавная штука, она выбрала не самый простой путь для появления вождя у будущих бойцов...

— Бойцов с чем? — резко спросил я.

Маэстро осекся.

— Что за причина остановила звездную экспансию землян? Кто был этой причиной? Отвечайте!

Лицо Маэстро посуровело. Он тихо, но грозно произнес:

— Для начинающих не бывает ответов. Только приказы. Ясно?

— Нет!

Не знаю, что заставило меня пойти наперекор словам Маэстро. Наперекор своему собственному народу — Сеятелям, землянам — будущего и прошлого. Ведь все их предложения были логичны, справедливы и добры...

Может быть, то, что моя Земля, мое настоящее оставались сейчас под угрозой сектантов?

— Маэстро, важнее всего для меня сейчас остановить Белый Рейдер. Мальчишка после этого вернется домой, а я... подумаю о своем будущем.

— Дался вам этот Рейдер! — Маэстро вскинул голову и спросил:

— Данные о местонахождении боевого корабля особого класса, известного как Белый Редер и принадлежащего секте Потомков Сеятелей!

— В настоящий момент Рейдер выходит из гиперпрыжка в районе планеты Плутон, — бодро ответил механический голос. — Уточнить координаты?

Мы с Маэстро молча взглянули друг на друга.

— Вы подстроили это, — осуждающе сказал Маэстро. — Ваши планы по сведе́нию личных счетов получили обоснование! Довольны?

— Идиот! Я же не знаю координат Земли.

Вскочив из-за стола, я ударом руки сбил на пол десятки бутылочек и вазочек, хрустальных побрякушек и перезревших фруктов. Лужицы разлитых вин мгновенно впитались в ковер, но в воздухе остался легкий сладостный аромат.

— Вы же землянин, Маэстро! Я издеваюсь над вами, веду себя как хулиган. Но вы же землянин! Наша планета

в опасности... Теория времени недоработана, вы просто боитесь признать это! Сектанты могут уничтожить наш мир!

Он колебался лишь секунду. Точнее, делал вид, что колеблется — призраки принимают решения быстро.

— Мы не будем вмешиваться. Сектанты не сбросят бомбу на Землю. Не волнуйтесь.

Я мог его понять. Если бы машину времени изобрели в двадцатом веке и какой-нибудь бедняга, участник войны против Наполеона, принялся расписывать ужасы падения Москвы и предрекать грядущее порабощение мира, ему сказали бы то же самое: «Не волнуйтесь. Мир никто не завоюет».

Они не будут вмешиваться даже в прошлое своей собственной планеты — мои потомки и враги, запустившие колоссальную военную машину, но не желающие объяснять причину этого...

— Пока что — мое слово против вашего, — негромко сказал я. — Слышите, Маэстро? Вы фантом, но Храм воспринимает вас как реального человека, Сеятеля. Так?

— Так. — Голос ударил отовсюду. Стены, пол, потолок, столик с остатками напитков резонировали, как огромные мембраны. Нам отвечал Храм.

— Я землянин из двадцатого века, — понимая всю ненужность своих слов, представился я. — Вы, Храмы, пытались меня убить. Преграждали дорогу мелкими неприятностями...

— Храм не способен на прямое убийство Сеятеля, — с достоинством отозвался бесполый голос.

— А косвенное? Бросить землянина возле готовой взорваться шлюпки — это в рамках законов?

— Таким был бы реальный ход событий, не вмешайся мы в психику клэнийца.

— Ладно, оставим старое. Сейчас, когда я в Храме, когда я понимаю вас и ваши цели... я так же авторитетен, как Маэстро?

— Да. — Голос последовал с некоторой запинкой. — В определении Сеятеля нет указания на время рождения.

— И в этом — моя ошибка, — хмуро сказал Маэстро. — Но слишком уж невероятно было предположить... А, к черту!

— Я требую выделить мне корабль, способный осуществить мгновенный гиперпереход к Земле.

— Запретный курс, — отреагировал Храм. Маэстро улыбнулся.

— Земля в опасности. Она превыше всего! — крикнул я наугад.

— Постулат номер один, — подтвердил Храм. — Корабль расконсервируется.

— Отмена приказа, — тут же возразил Маэстро. — Опасности нет.

— Логическая нестыковка, — с какой-то едва заметной иронией отозвался Храм. — Твое слово, Стас, против слова Сергея. Аргументируйте свои заявления.

— Корабль сектантов предполагает сбросить на Землю кварковую бомбу. Остановить кварковый распад невозможно...

— Аргумент принят, отвечает первому закону. Корабль расконсервирован.

— Сектанты в любом случае не доберутся до Земли, — упрямо заявил Маэстро. — Проверь блоки исторической памяти — есть ли в них свидетельства о появлении сектантского корабля в конце двадцатого века?

— Аргумент принят. Перехват сектантов опасен и нецелесообразен. Корабль консервируется.

— Сергея с планеты Земля изолировать в хронокапсуле. — Маэстро явно готовился развить успех. — Его спутников выкинуть на поверхность планеты.

— Всех не смогу. — Теперь уже насмешка ощущалась явно. — Воздействие на землянина Даниила недопустимо. Капсуляция принца Сергея также не требуется. Он не проявляет агрессивности.

— Храм! — Я стиснул зубы, напрягся, готовясь к последней схватке. — Насколько разработана теория времени? Возможно ли, что существующая реальность исчезнет и будет заменена другой — без планеты Земля и с Храмами, возникшими неизвестно откуда?

— Некоторые теории допускают такое, — признал Храм.

— Ты должен защищать Землю, — тихо сказал я. — Даже если один шанс из миллиарда допускает ее гибель — ты обязан стать на мою сторону.

— Да, — не совсем уверенно ответил Храм.

— Земля двадцатого века должна быть в неведении о галактической цивилизации! — яростно сказал Маэстро по имени Стас. — Не подчиняйся ему! Просчитай реальность правоты тех теорий, которые допускают гибель Земли.

— Четыре с половиной процента.

— Это достаточно много, — упрямо сказал я.

— Согласен, — Храм явно переходил на мою сторону. — Стас, вы признаёте правоту человека из прошлого?

— Нет, — твердо сказал Маэстро. — Опасность того, что земляне заметят космический корабль в небе своей пла-

неты, слишком велика. Оба варианта выходят за рамки законов.

Он явно что-то замыслил. Странно, почему судьба вновь приводит меня в Храм для решающей схватки? Только теперь наверняка бой будет не на мечах.

— Я могу вызвать эмоциональные матрицы других Храмов для нашего спора? — поинтересовался вдруг Стас.

— Нет, — принял решение Храм. — Человек с Земли по имени Сергей действует в рамках своей логики, во имя той же цели, что и ты. Вызов интеллектуальных матриц равносилен подавлению личности Сергея коллективным мышлением, в то время как его неправота не доказана.

Секунду длилась тишина. Затем голос Храма добавил:

— Вам предлагается ментальный поединок. Проигравший помещается в темпоральную капсулу и находится там до распоряжения его победителя. Вы согласны с условиями?

Я кивнул. Возражать не было никакого смысла — если я предложу бой на плоскостных мечах, фантом найдет массу аргументов против. А возможно, что он прекрасно владеет любым видом оружия...

— Я готов к ментальному поединку, — сухо сказал Маэстро Стас. Он поправил одежду, снял и положил на столик свои очки. Он готовился так, словно нам предстояла заурядная драка... Я невольно провел рукой по оружию: бластер, плоскостной меч, пистолет.

— Оружие в этом поединке не поможет, — радушно сообщил Стас. — Только то, что сумеешь создать сам... Начали!

И снова нас окружил влажный, холодный туман. Мы неслись в место, которое Храм выбрал для ментального поединка.

4. Разум и чувства

Жирная болотная грязь доходила мне до щиколоток. Было довольно жарко, дул легкий ветерок, не приносящий прохлады. В небе раскаленным угольком тлело маленькое, умирающее солнце.

На горизонте чернела полоска далекого леса.

Это и есть «ментальный» поединок? Выбросить нас с Маэстро в пустынное место и наблюдать, кто первым прикончит противника? А что это, собственно, за планета? Гиперперехода я не ощутил. В мире, где даже создатель Храма не имеет физического тела, и место для поединка должно быть необычным... Иллюзорным.

Я осмотрел свой комбинезон. У меня забрали всё — и плоскостной меч, и бластер с плоскостным пистолетом. Даже маленький парализатор однократного действия — тонкую металлическую палочку, которую я всегда ношу во внутреннем кармане. Исчезла и такая необходимейшая вещь, как вибронож. Батареи боевого комбинезона оказались полностью разряженными. Режим защиты не работал — с этим я еще мог смириться. Но нефункционирующая аптечка — это уже слишком...

Я прекратил бесполезные поиски несуществующего снаряжения и осмотрелся. Ничего необычного. Голая, ровная степь — почти такая же, как где-нибудь в Казахстане. Далекий лес тоже выглядел вполне заурядно. Ну а темная точка парящей над лесом птицы вносила какой-то живой мотив в безлюдный край.

Точка приближалась. Вначале я решил, что это очень большая птица. Затем — что это флаер или боевой катер: птица отсвечивала то буро-голубоватым, то серебристо-блестящим.

Потом я понял, *кто* летит ко мне.

Дракон, метров десяти-пятнадцати в длину. Под брюхом чудовища, белесым и с виду незащищенным, были сложены две или три пары коротких лап. Крылья, обтянутые бугристой серой кожей, казались слишком маленькими для такой махины. И как он ухитряется держаться в воздухе?

Дракон дернулся, изо всех сил топорща крылышки, и начал падать, судорожно молотя ими по воздуху.

Так вот в чем суть ментального поединка! Бой логики, разума, хладнокровия!

Крылья дракона торопливо росли — но это помогло ему лишь замедлить падение, перейти в планирование. Я злорадно усмехнулся. И почувствовал, как тело охватывает приятная легкость. На иллюзорной планете уменьшилась сила тяжести.

Дракон вновь летел уверенно, сильными взмахами крыльев. На покрытой костяными пластинами морде отчетливо выделялись два больших фасетчатых глаза. Под ними, усеянная длинными острыми зубами, раскрывалась широкая пасть...

Я негромко присвистнул, подзывая своего коня. Вскочил в седло. Тяжелые доспехи, которыми успело обрасти тело, уже казались привычными. А меч — не плоскостной, а обычный, из напоминающего бронзу сплава — словно прирос к руке.

Дракон громко рассмеялся — человеческим голосом, голосом Маэстро.

— Стандартный дебют ментальных поединков, не так ли, Сергей? Но бронзовый меч слишком тяжел, ты не можешь держать его так свободно...

Меч в руке налился тяжестью.

— Он не бронзовый, — торопливо выкрикнул я. — Это сплав титана и бериллия.

Меч вновь стал легким.

Дракон выставил толстые когтистые лапы, опускаясь на землю. Взмахнул исполинскими крыльями — ураган едва не снес меня с места. И дохнул огнем из раскрытой пасти.

Спрыгнув с коня, я увернулся от струи ревущего темного пламени. И с радостью осознал ошибку противника: пламя возникло внутри дракона, не за границей острых клыков — а в пасти, в нежно-розовой, мягкой глубине драконьего тела...

Рев, который издает дракон, обжегшись собственной огнеметной смесью, можно сравнить только с гулом взлетающей ракеты. Я зажал уши, жалея, что не могу одновременно заткнуть и нос. Сожженная заживо лошадь источала невыносимое зловоние...

Правую ногу я при падении слегка подвернул и теперь торопливо ковылял подальше от чудовища. Но ему, видимо, тоже досталось: раскачивая огромной головой, дракон выкашливал сгустки кроваво-черной слизи. Потом прошипел, голос был едва узнаваем:

— В этих условиях мы почти равны... Сменим обстановку?

Наверное, я зря согласился. Чудовище уже умирало — моя мысль о том, что дракон обожжет себя изнутри, оказалась вполне логичной. Маэстро об этом не подумал... Но я кивнул, соглашаясь на смену сцены поединка.

На этот раз местность выглядела совсем по-другому. Заросшая низким, по пояс, кустарником равнина. И две бетонные дорожки-тропинки, тянущиеся параллельно друг другу. В темно-синем небе не было ни облачка, и огромное белое солнце обрушивало на нас нестерпимый зной.

Я стоял у начала одной дорожки, Маэстро — у другой. Между нами было три метра колючего кустарника.

— Я мог предложить поединок на космических крейсерах, или подводную охоту, или трехмерный вариант реверси, — с некоторым снисхождением пояснил Маэстро. — Но ты поступил благородно, и я выбрал поединок, дающий тебе шанс. Бег. Дистанция — десять километров. Тот из нас, кто первым придет к финишу, будет победителем ментального боя.

— Какой еще ментальный бой! — разозлился я. — Это проверка мышц и тренированности! Кстати, соревнование в беге с фантомом — это игра на поражение.

— Не пугайся, — Маэстро театрально развел руками. — У меня сейчас те же физические возможности, что и в настоящем теле. А ментальные способности... они понадобятся. Побежали?

Я кивнул. Выхода не было. Дурацкий бег в иллюзорном, несуществующем мире решал сейчас мою судьбу и судьбу Земли.

Сухо треснул выстрел. Самый обычный выстрел стартового пистолета. И Маэстро рванулся вперед. Нелепый в строгом темном костюме и лакированных ботинках, но удивительно быстрый на старте.

Я побежал следом, на ходу обрабатывая свою внешность. Вначале ноги — легкие, упругие кроссовки. Долой тяжелые ботинки боевого комбинезона! Пусть будет темно-вишневый костюм фирмы «Пума»... Стоп, перегреюсь... Костюм стал белым.

Мы бежали почти рядом друг с другом, и я никак не мог понять, действительно ли равны наши силы, или Маэстро издевается надо мной.

— Сергей, прекратим поединок! Он расстраивает логическую структуру Храмов. Они могут прийти к выводу, что их создатели не являются эталонами. — Маэстро выпалил фразу не переводя дыхания. — Что служить им не обязательно!

Я молчал. Берег дыхание, ведь я не был иллюзорным фантомом, способным произносить лекции на марафонских дистанциях...

Маэстро тяжело задышал и начал отставать. Я опять поймал его на логической ошибке. Он должен был действовать в рамках реальных человеческих сил, иначе следовало наказание. Ментальный поединок. Мир вокруг нас подобен туману. И наше сознание способно его изменять...

Дорожка под моими ногами стала более шероховатой — ровно настолько, чтобы обеспечить наилучшее сцепление с подошвами кроссовок... Ветер теперь дул в спину, постепенно усиливаясь. Свинцовые пластины облаков прикрыли меня от палящего зноя...

Догоняющий Маэстро расхохотался. В свинцовых облаках зазмеились белые разряды молний, на дорогу упали косые струи ливня. Забавно — его дорожка оставалась абсолютно сухой... Ладно. Уши заложило от громового раската. В тропинку, которой бежал Маэстро, ударила ослепительная молния. Маэстро прыгнул в кустарник, уворачива-

ясь от падения в стеклянисто-зеленый кратер, курящийся легким дымком. Раздался крик боли — кустарник оказался колючим. Через мгновение молнии принялись лупить по моей дорожке. Но — слишком поздно. Вдоль нее бесконечным строем выросли сорокаметровой высоты сосны. Молнии били в их верхушки, те вспыхивали, и вдоль дороги полыхали смолистым желтым огнем деревянные свечи.

Маэстро опять догнал меня. Хрипло, надрывая голос, выкрикнул:

— Может, прекратим погодные эксперименты? Играем по-честному? А, Сергей? Приводим все к норме?

Я молча кивнул, предоставляя Маэстро самому приводить в порядок фантомный мир. Тучи рассеялись, солнце вновь обрушилось на нас огненным прессом, деревья вдоль дороги расплылись клочьями зеленого тумана.

Остался лишь бег — бесконечные бетонные ленты. И мы с Маэстро, штурмующие несуществующее расстояние.

Один раз, вырвавшись чуть вперед, Маэстро прошептал, а точнее, просипел:

— Я тоже страдаю от жары... и устал. Все честно.

Почему-то я верил ему — далекому потомку моих современников. Он не соглашался с моими целями, он не желал разговаривать на равных... Но играл по-честному. Файр плэй... Зачем же вы закрутили чудовищную карусель смерти, мои далекие потомки, так любящие честную игру?

Я потерял представление о времени. Были лишь шероховатый бетон под ногами и шумное дыхание бегущего рядом Маэстро. Были горячий воздух, расплавленным свинцом втекающий в легкие, и нарастающее головокружение. И что-то вроде белой стены в конце дороги — с темными силуэтами на ней.

Я узнал всех. Эрнадо — первый инструмент Сеятелей для воздействия на меня... Но, черт возьми, ведь на смертельно опасный отвлекающий маневр он пошел сам! Ланс, дважды спасенный мной при освобождении принцессы... И даже не подозревающий, чем он мне обязан! Да, он шпионил, докладывал принцессе о полете «Терры». Но ведь Тар — его родина, а принцесса — тайная, недостижимая любовь. Редрак, пират и пьяница, шулер и вор... Человек, вытащивший меня из готовой взорваться шлюпки даже после снятия психокода!

Их взгляды торопили. Но я продолжал искать среди них мальчишеский силуэт. И, найдя Данькино лицо, едва заметно улыбнулся. Я добегу первым. Я обязан — во имя тебя и всех остальных землян. Мальчишек и девчонок, стариков и молодых парочек, священников и убийц, гениев и деби-

лов, подлецов и бескорыстных меценатов, накачанных атлетов и хилых очкариков. Я буду первым.

...Но свинцовая тяжесть, скопившаяся в голове, уже расплавилась и медленно стекала в ноги. Я упаду... или дойду последние метры пешком. Слишком мало тренировок. Слишком много травм...

Маэстро обогнал меня метров на пять. Его строгий костюм давно исчез. Короткие шорты и белая футболка, на ногах старые разношенные кеды... Интересно, откуда он выдрал такой спортивный костюм? Футболист пятидесятых годов... Но под простенькой белой майкой на худой «интеллигентской» спине перекатывались тугие бугры, да и голые ноги впечатляли накачанной мускулатурой. Если это его реальный облик, то мои потомки не выродятся в хилых сверхинтеллектуальных созданий.

Он продолжал обгонять меня. Разрыв все увеличивался, и свинцовая тяжесть из ног расплавленными каплями стекала на дорогу. Когда упадет последняя капля, я лягу рядом. Потому что последнее, что еще держит меня на ногах, — это усталость...

Фигуры у белой стены расступились. И я увидел Клэна — Алер-Ила с планеты Клэн. Его боевой комбинезон покрывали черные пятна гари, в нескольких местах зияли сквозные пробоины. Лицо походило на месиво из крови и лохмотьев мышц. Один глаз вытек, другой залило серое месиво «липучки». Вначале, выходит, его пытались взять живым? Приклеить к стенам коридора мгновенно твердеющим пластиком... Глупая затея. Клэнийцы не сдаются в плен.

«Приветствую, капитан», — сказали неподвижные губы Алер-Ила. «Приветствую, тактик, — мысленно произнес я. — Разреши называть тебя Клэном — я привык к этому имени». Подобие лица изобразило улыбку: «Конечно, капитан». — «Ты хорошо дрался, Клэн». — «Нет, капитан. Плохо. Я не смог прорваться к арсеналу и активировать кварковую бомбу. Вам придется сражаться за Землю без меня». — «Ты добыл прощение своей семье, Клэн?» Изуродованная фигура начала таять. «Не знаю, капитан. Решит совет семей. Я надеюсь. Я погиб в бою... Уничтожьте Рейдер, капитан. Вы умеете любить свою планету — спасите ее. Но для этого надо добежать... Первым. Бегите. Это мир иллюзий, капитан. Это электронные импульсы в логических цепях компьютера. И если Храм позволяет видеть нас — значит, он уже признал хозяина. Бегите, капитан. Не думайте об усталости, бегите...»

Я рванулся вперед. Больше не было бетонной дорожки и белой стены в конце ее. Были скорость и крик, кажется,

Данькин: «Сергей!» А потом влажный туман окутал тело. И бесплотный голос сообщил:

— Ментальный поединок завершен, вы проявили бóльшую уверенность в своих целях и настойчивость в преодолении препятствий. Вы получаете право на управление тактикой Храмов в пределах основной задачи.

Мы с Маэстро вновь находились в месте для принятия решений. Стол вновь был изысканно сервирован. Единственное отличие — Маэстро сидел неестественно прямо, абсолютно неподвижно, словно вмерзший в кусок льда. В какой-то степени так оно и было.

— Ваш оппонент темпорально закапсулирован, — любезно сообщил Храм. — Задайте время капсуляции.

— Две секунды, — буркнул я.

Маэстро шевельнулся, поправил очки. Вздохнул:

— Как ни странно, Сергей, но вы победили в нашем маленьком споре. Словно вас подстегнула какая-то сила... перед самым финишем.

— У меня много друзей, Маэстро. Которые очень хотели моей победы. А вы были один... со всеми знаниями о логике Храмов. Вы сражались за свою научную гипотезу — а я за нашу с вами планету.

— Она и так в безопасности, — устало сказал Маэстро.

— Не уверен! Храм, где сейчас находится Белый Рейдер?

— Он удаляется от планеты Земля на максимальной скорости. В настоящий момент...

— Где была произведена высадка? — заорал я. — Вы придурок, Маэстро Стас! Рейдер оставил на Земле кварковую бомбу!

— Корабль, именуемый Белым Рейдером, совершил посадку в режиме оптико-электронной невидимости в предгорьях Тянь-Шаня. Координаты посадки...

— Корабль, Храм! Немедленно корабль! Я должен быть на Земле, в районе высадки Рейдера, со всем своим экипажем.

— Как поступить...

— Закапсулировать до особых распоряжений! — Полуоткрывший рот Маэстро замер, словно окаменев.

Влажные объятия силовых полей потянули меня сквозь стены Храма. Но я уже не пугался этих невесомых касаний. Это были машины моей расы, земные автоматы.

И бой, в который я вступаю, ведется и ради них. Ради тысяч Храмов, которые породили во Вселенной жизнь. Ради Клэна и Ланса, Эрнадо и... принцессы.

Ради Земли.

5. Любовь и смерть

Корабль Сеятелей походил на галактические корабли не больше, чем каменные топоры неандертальцев на плоскостные мечи. Мы висели в мерцающем голубом тумане — бесконечно далеко и непередаваемо близко друг от друга. Я, Данька, Редрак, Эрнадо, Ланс... Не было ни кресел, ни пультов.

Лишь светящийся туман, похожий на иллюзорную действительность ментального поединка...

«Вы правы, Сеятель, — ласковым шепотом втекали в сознание слова. Чьи? Корабля? Храма? — Вы находитесь в пассажирском модуле стандартного храмового корабля типа "Гонец". Блок ментального приема и выдачи информации позволяет осуществлять пилотирование с максимальной эффективностью и минимальными затратами полезной площади. Обстановка рубки управления может быть...»

Я даже не успел пожелать. Успел лишь понять смысл слов.

Туман потемнел, раздвигаясь, превращаясь в стены боевой рубки «Терры». Вокруг на привычных местах стояли кресла экипажа. Эрнадо с Лансом нервно озирались, Редрак судорожно цеплялся за подлокотники. Увидев меня, он хрипло спросил:

— Что происходит, Серж?

— А я все слышал! — радостно завопил Данька. — Я понял!

В этом мы убедились мгновенно.

...Шторм разыгрался не на шутку, и корабль бросало с борта на борт. Сквозь серую пелену туч проглядывало маленькое желтое солнце — солнце Земли. Потоки пенной воды захлестывали деревянную палубу. Пытаясь удержать равновесие, я цеплялся за огромный резной штурвал, перед которым в медной бадье болталась компасная стрелка. По палубе проковылял Редрак — в пестром пиратском одеянии с негнущейся... деревянной ногой! За поясом у него торчал старинный пистолет с длинным полуметровым дулом.

— Данька! — заорал я.

— Я здесь, капитан! — мальчишка вынырнул из-за спины в чем-то невообразимо экзотичном, кожано-джинсово-вельветовом. Пистолетов и ножей у него за поясом было не меньше полудюжины. Видимо, так, в его представлении, одевались юнги на корсарских фрегатах.

— Прекрати! — напрягаясь, скомандовал я. — Начитался Сабатини и Жюль Верна? Нам не до игрушек!

Иллюзорный океан и корабль померкли, расплылись голубоватым туманом. С Даньки пластами слезла костюмная шелуха, он остался в полетном комбинезоне. Обиженно сказал, небрежно зависнув перед моим лицом:

— Но ведь так интереснее! Ввод и вывод информации могут быть любыми!

А может, Маэстро был прав насчет Даньки? Я вздохнул, с ужасом представляя еще один ментальный поединок.

— Данька, мы полетим так, как решу я. Понятно?!

Он молча кивнул.

— Рубка «Терры»! — скомандовал я. И оказался в командирском кресле нашего давно обратившегося в металлолом корабля.

Редрак оторопело помотал головой — его лицо было мокрым, а на шее все еще красовался пестрый пиратский платок. Нагнулся, подозрительно осматривая свою ногу. И спросил:

— Капитан, что следующее в программе? Верхом по космосу?

— Всё в порядке, — как можно увереннее сказал я. — Это корабль Сеятелей... и он подчиняется лишь мне. Но к нему надо привыкнуть. Ход максимален?

— На экранах сплошная чушь, — полурастерянно сообщил Эрнадо. — Все индикаторы...

Перекрывая его слова, в голове зазвучал голос, не слышимый ни для кого... кроме, пожалуй, Даньки.

«Сеятель, ход максимален. Сканирование информации ведется из вашей памяти. Цель полета — Земля, место посадки Белого Рейдера. Сообщаю, что появление корабля в прошлом Земли допускается лишь в исключительных случаях...»

«То, что происходит, не является исключительным?» — молча спросил я.

«Мотивация убедительна, иначе в подчинении было бы отказано».

Да, корабли Сеятелей, как и их оружие, были с норовом...

«Мы должны оказаться на Земле раньше Белого Рейдера».

«Невозможно».

Не контролируя себя, я заговорил вслух. И мой экипаж теперь таращился на своего капитана-Сеятеля, спорящего с пустотой...

— Почему? Ты ведь можешь перемещаться во времени, я знаю! Подчиняйся! Земле угрожает опасность! Ты должен перехватить Рейдер до его посадки на планету!

«Сеятель...— То ли мне показалось, то ли в искусственном голосе корабля дрогнула грустная доброта Маэстро. Чужая, враждебная доброта. — Есть законы, которые нельзя изменить. Есть главный поток времени — тот, который привел к созданию Храмов, темпоральных генераторов, всей современной цивилизации. В этом потоке времени темпоральные изменения невозможны... запретны... А есть и побочные линии, в которых лорд с планеты Земля побеждает или проигрывает в поединках, женится на принцессе... или убивает ее родителей. В этих потоках времени изменения допустимы... В определенных пределах».

— Так Рейдер сядет на Землю?

«Уже сел и стартовал. Использовался режим невидимости, корабль не был демаскирован. Реакции кваркового распада в месте посадки не наблюдается».

— Это ничего не значит. Сектанты могли оставить бомбу замедленного действия... или с дистанционным управлением... Быстрее!

«Мы идем по прямому гиперпространственному туннелю, Сеятель. На создание его уходит вся энергия Храмов этого сектора. Более быстрое перемещение невозможно. Мы будем на месте, откуда стартовал Рейдер, через семь минут».

По коже прошел озноб. Через семь минут я вернусь на родную планету. На Землю.

Я вернусь, чтобы спасти свой мир — или умереть вместе с ним. Маэстро может быть сколь угодно уверен в безвредности сектантов, исходя из «свершенности» прошлого. Я так не считаю и не могу считать.

Сеятели оказались вовсе не всемогущими волшебниками из детской сказки. Они скорее напоминали Великого Гудвина из Изумрудного Города — ловкого фокусника, обманывающего весь мир.

Но на моих глазах не было ни зеленых, ни розовых очков.

Если будущее меняет свое прошлое, то почему бы прошлому не поработать над настоящим?

— Ребята, сейчас мы окажемся на Земле, — громко сказал я. — На планете Сеятелей... думаю, все уже поняли это. Рейдер все-таки совершил на ней посадку, и нам придется поработать мусорщиками.

— Обезвредить кварковую бомбу? — тихо спросил Эрнадо.

Я кивнул.

— Это невозможно... Разве что нам поможет твой корабль. Он способен затормозить кварковый распад?

«Нет, — равнодушно и спокойно отозвалось в голове. — Субатомные процессы распада необратимы. Можно использовать темпоральный прыжок, но на Земле это запрещено».

«Спасибо», — зло поблагодарил я.

«Пожалуйста, Сеятель. До высадки на Землю — три минуты. Гиперпереход будет выполнен с выходом в пределах атмосферы. Предполагаемое расстояние до грунта — два метра. Рекомендую гравитационное десантирование с поддержанием непрерывной мысленной связи».

«Обеспечь максимальную близость к месту, откуда стартовал Рейдер».

«Хорошо, Сеятель. Защитные антирадиационные костюмы будут надеты на всех членов экипажа».

Мы стояли по колено в снегу. Грязноватом, подтаявшем снегу горного склона, обращенного к северу...

Странно, совсем забыл, какая на Земле весна.

Солнце вполсилы грело с бледного неба, затканного редкими полосами облаков. На противоположном, южном, склоне снег растаял полностью, там было месиво липкой черной грязи и желто-серой прошлогодней травы.

А посредине, в долине между двумя холмами, темнело ровное, сухое, словно проутюженное пятно земли. Светлой, глинистой, знакомой лишь редким пастухам да еще более редким туристам земли тянь-шаньских предгорий, — и вот на этом сухом пятачке открыто, без всякой маскировки, стоял полупрозрачный двухметровый куб. Переплетение трубок, шариков, цилиндров, проводов, втиснутое в корпус из мутной пластмассы.

Кварковая бомба.

Собственно говоря, это устройство и бомбой-то назвать было нельзя. Настоящие военные бомбы имеют системы защиты и наведения, двигатели и термозащиту... Это миниатюрные космические корабли одноразового использования. А то, что стояло сейчас перед нами, непередаваемо чужеродное на грязном склоне горы, было лишь миной.

Но задачу это не упрощало.

Кварковая бомба взрывается в тот миг, когда ее собирают в лаборатории. Все остальное ее существование — это замедление неизбежного процесса кваркового распада, сведéние лавинообразного уничтожения атомов к медленному, ритмичному, постепенному уничтожению десяти граммов медной пыли — лучшего активатора взрыва. И если просто выстрелить в бомбу, уничтожая ее механизмы, то неотвратимый процесс субатомного распада начнется с полной силой. Единственный способ избавиться от кварковой бом-

бы — выбросить ее в глубокий вакуум. На расстояние двух-трех световых лет от ближайшей звезды, планеты или туманности. Кварковый распад теоретически способен перебрасываться с планеты на планету с крошечными метеоритами, частицами пыли, молекулами ионизированного газа...

Я обернулся — инстинктивно, словно ища поддержки. За мною стояли друзья. Эрнадо, Редрак, Ланс, Данька... Каждого из них опоясывала гибкая металлическая лента, испускающая слабое сияние. Обещанный антирадиационный костюм Сеятелей?

А над ними смехотворной в своей узнаваемости летающей тарелкой висел стандартный храмовый корабль типа «Гонец». Две сложенные друг с другом суповые миски двадцати метров в диаметре. Машина, способная преодолевать миллионы световых лет, управлять темпоральным полем, сражаться с армадами звездолетов...

«Это твой истинный облик?»

«Да. Он функционален. Принять другой?»

«Не надо. Это и есть бомба?»

«Да. В ней включен механизм активации. Через пятнадцать минут тридцать две секунды земного времени начнется распад».

«Что ты можешь сделать? Имеется в виду уничтожение бомбы».

«Задание принято. Исполнение невозможно».

«Поясни».

«Техники, создавшие это устройство, предусмотрели все возможные виды вмешательства. Системы защиты произведут немедленную активацию кваркового распада при любой попытке внешнего воздействия. Детекторы фиксируют полную готовность устройства к активации».

«А темпоральное вмешательство? Уничтожить бомбу в прошлом!»

«Вмешательство в пределах Земли и основного потока истории запрещено. Темпоральный генератор блокирован. Простите».

Это совсем человеческое извинение выбило меня из колеи. На помощь корабля Сеятелей я больше рассчитывать не мог. А на помощь... Белого Рейдера?

Создатели бомбы должны были предусмотреть предохранители. Они и сейчас, наверное, могут остановить взрыв.

Если доказать им, что Земля — планета Сеятелей. Родина их богов... Но возможно ли доказать христианину, что Сатана — это лишь еще один облик Бога? Четвертый член Троицы... Возможно ли за десять минут переспорить фанатиков, без колебания отдающих жизнь во имя своей веры?

Нет. Никогда. Веру не сломить фактами.

Я поднял руку, словно загораживаясь от прозрачного куба кварковой мины. Словно пытаясь этим жестом вычеркнуть ее из реальности... И увидел на своем пальце кольцо. Золотое кольцо с кристаллом-энергоносителем. Гипертуннель, который всегда со мной. Обручальное кольцо принцессы. Творение мастеров, стремившихся перещеголять самих Сеятелей.

А ведь этот гипертуннель может работать в любую сторону.

Я поискал взглядом что-нибудь твердое. Бластер, меч, защитный пояс... Нагнувшись, подобрал маленький грязный камешек. Осколок древнего гранита, которому скоро предстоит превратиться в кварковую пыль.

«Ты можешь обеспечить связь с рубкой Рейдера?» — молча спросил я корабль.

«Да. С кем именно? В рубке двадцать восемь человек, из них...»

«Выдай на их экраны изображение всех нас и...»

«Простите, Сеятель, но на их экранах присутствует данное изображение. В устройстве кваркового распада имеются телекамеры и гиперпередатчик».

Вот оно что. Идиот. Мог и сам догадаться.

«Какова реакция на наше появление? У императрицы и императора планеты Тар?»

«Они обрадованы и смущены. Их беспокоит факт моего появления. Я соответствую стандартным представлениям о кораблях Сеятелей».

«Приготовься дать нам видеоизображение рубки Рейдера».

Я коротко размахнулся и ударил камнем по своей сжатой в кулак ладони. По золотому обручальному кольцу. По «алмазу», хранящему в себе энергию мегатонных ядерных бомб.

Кристаллик вспыхнул, словно кусочек магния. Яркий белый свет заставил отвести глаза.

— Тебя можно любить? — тихо спросил я.

Все звуки отошли куда-то вдаль. Шаги Даньки, бродящего вокруг «летающей тарелки», тихий разговор Ланса с Эрнадо. Меня как бы накрыло мягким ватным колпаком.

— Это ты... принц?

— Да, принцесса. Тебя можно любить?

Тишина. Что сейчас на твоей планете, на Таре? День или ночь? Чем ты занималась, принцесса: примеряла новое платье или решала вопросы межпланетной торговли? Ты одна или с подругой, с толпой советников и охраны... с другом? Я не буду задавать лишних вопросов. Только один.

Тебя можно любить? Ты еще помнишь своего случайного спасителя и формального супруга?

— Да, Сергей. Наверное, можно.

— Ты вспоминала меня?

Слабый смех. И встречный вопрос:

— Ты же узнал о докладах Ланса... Верно?

— Мало ли докладов тебе поступает.

— Но эти я читала, Сергей.

— Ты придешь, если я попрошу?

Снова пауза. Похоже, я заставил ее удивиться.

— А если наоборот?

— Нет, принцесса. Я не стремлюсь сейчас на Тар.

— Ты нашел свою планету, Сергей? Землю?

Что-то в ее голосе заставило сжаться сердце. Странно, я могу еще радоваться интонациям...

— Да, принцесса. Я зову тебя на Землю. На планету, которая погибнет через несколько минут. В двадцати метрах от меня стоит кварковая бомба с выключенными замедлителями.

— Ты сумасшедший, Сергей! У тебя есть корабль?

— Да.

— Стартуй, попытайся успеть! Немедленно!

— Это мой мир, принцесса. Ты придешь?

И вновь тишина. Бледное лицо Ланса, стоящего в двух шагах.

— Ты хочешь, чтобы я увидела твой мир, Сергей? Успела на нем побывать?

— И это тоже.

Ланс дернулся ко мне — и пошатнулся, отброшенный невидимой силой. Закричал:

— Не надо, не смейте! Принцесса!

А потом я едва услышал ее голос:

— Разбей камень в кольце. Я приду... Попытайся найти меня, я возьму устройство дальней связи. Планеты не гибнут мгновенно, даже от кварковой бомбы.

«Покажи нам рубку Рейдера», — беззвучно скомандовал я. И увидел, как на склоне, за кубом бомбы, вспыхнуло огромное, словно экран в кинотеатре, изображение.

Колоссальный зал, похожий на радиотехнический завод после пожара... или визита смертника-клэнийца. Собранные на живую нитку пульты, люди, сидящие в креслах и стоящие вокруг. Императрица. Император. Кучка пэлийцев...

— Принцесса, я не зову тебя умереть с моим миром или увидеть его смерть. Кварковая бомба поставлена сектантами...

— Ланс сообщал о них.

— Но тогда мы еще не знали, что руководители секты — император и императрица Тара. Твои родители, принцесса.

Кто-то из сидящих в рубке Рейдера склонился над пультом — и в полупрозрачном кубе открылась узкая амбразура. В мою сторону ударил тонкий белый луч.

Метрах в пяти от нас он бесследно гас в воздухе.

«Самостоятельно предпринял защитные меры. Сеятель, до активации кварковой бомбы — три с половиной минуты. Напоминаю, вы обязаны защитить Землю. В ее истории не было кварковых взрывов...»

Меня едва не охватил нервный смех. Трезвость вернулась после слов принцессы — ее голос был тверд как сталь.

— Принц, вы уверены в своих словах?

— Да. Если ты будешь на Земле, они должны... могут остановить...

— Разбей кристалл!

Я вновь ударил подобранным на земле камнем по кольцу. Кристалл полыхнул вспышкой и покрылся паутиной трещин. Радужная волна пробежала по кольцу — и ушла куда-то в глубь металла.

— Нет!!! — это кричала императрица. Пожилая женщина в рубке Белого Рейдера, не подозревающая, что каждый ее жест и любое слово доступны врагам.

Рядом со мной разгорелось радужное сияние. Цветной туман закружился в воздухе, едва ощутимо повеяло холодом.

«Самостоятельно принял решение скорректировать точку выхода из гипертуннеля, — вежливо сообщил корабль. — Дополнительное психологическое воздействие...»

Разноцветье тумана исчезло. И вместе с ним — ощущение колпака, прикрывавшего меня все время разговора через кольцо.

Передо мной стояла принцесса.

Она была почти обнаженной — но, странное дело, это казалось абсолютно естественным. Короткая золотистая туника простотой не уступала древнегреческой одежде. Ноги были босы, и принцесса поморщилась, ощутив касание мокрого снега. Хорошо, что наркотический эффект гипертуннеля не давал ей по-настоящему чувствовать холод...

Принцесса смотрела мне в глаза. Вначале слепо — в расширенных зрачках еще стояли отблески иного мира. Затем — знакомо, приветливо и чуть насмешливо. Так смотрят на хорошего, хотя и неудачливого приятеля.

— Привет, Сергей.

— Здравствуй, принцесса, — как автомат ответил я.

Она взмахнула головой — мокрые волосы плеснули тяжелой темной волной.

— Ты очень удачно, я только что из ванны...

В другое время меня заставило бы улыбнуться это совпадение. А может — и насторожиться.

— Принцесса, — торопливо, запинаясь, сказал Ланс, — встаньте на это...

Он бросил под ноги принцессе свою куртку. Девушка кивнула, небрежно, едва заметно — так благодарят за пробитый в автобусе талон. Ступила на чистую тонкую ткань. Обернулась — и замерла, глядя на «киноэкран».

«До начала кваркового распада — одна минута, — с услужливостью хорошо воспитанного дебила сообщил корабль. — Сеятель, вы обязаны предотвратить нарушение хода истории Земли».

Принцесса подняла руку. То ли приветствуя родителей, то ли просто обращая на себя внимание. Как будто ее появление можно было не заметить...

— Привет! Мам, ты совсем не изменилась...

Только теперь люди в рубке Рейдера поняли, что за ними наблюдают.

Императрица встала из кресла. И я увидел, как мгновенно напряглись, насторожились люди вокруг нее.

— Терри, девочка моя... Ты... вы должны немедленно покинуть планету. Она обречена. Воспользуйтесь этим кораблем, что бы он собой ни представлял.

— Нет, мама, — почти весело ответила принцесса. — Это ведь и *моя* планета. Планета моего мужа.

Я не почувствовал ни малейшего удивления, услышав настоящее имя принцессы. И не потому, что не мог уже ничего ощущать, кроме страха — безумного страха за себя, принцессу, Землю, свой экипаж... Просто совпадения и случайности плели свою кружевную сеть, недоступную даже Сеятелям. Терри — Терра. Земля.

— Взрыв невозможно остановить, девочка, — так же спокойно и твердо сказала императрица. — Остались секунды...

— Мам! — Голос принцессы сорвался на крик, и я вдруг понял, что она на грани истерики. — Никогда в жизни ты не совершала необратимых поступков! Я слишком хорошо тебя знаю, мама! Ты можешь остановить взрыв!

— Нет!

— Тогда ты убьешь нас, — тихо сказала принцесса. И начала медленно оседать на землю. К ней метнулся Ланс — но я успел первым, плечом отжав парнишку. Я подхватил принцессу на руки, почувствовал, как холодна ее кожа, и заглянул в лицо.

Глаза были открыты. Она вовсе не теряла сознания.

— Я не боюсь... но слишком уж резко...— прошептала принцесса.

Подняв голову, я взглянул на кварковую бомбу. Успею ли я заметить тот миг, когда мир вокруг начнет рассыпаться в пыль? Почувствую ли что-нибудь?

— Остановить распад! — закричала императрица. И в ту же секунду в рубке Рейдера началось нечто невообразимое.

6. Неизбежность

Возможно, большинство экипажа Рейдера составляли фанатики-сектанты, подчиненные одной идее: уничтожить Землю. Но императрица действительно не совершала необратимых поступков. Среди собравшихся в рубке большинство составляли люди, преданные лично ей. И тот, кто контролировал кварковую бомбу, исполнил приказ.

Я видел, как это происходило. Аскетичный неприметный мужчина, сидящий в стороне от главных пультов, вздрогнул, словно получив гипнотический приказ. Возможно, так оно и было... Неуловимым движением он приложил правую ладонь к белой детекторной панели на пульте. И тут же обмяк, заваливаясь на бок, — я даже не понял, кто в него выстрелил.

«Механизм кварковой бомбы воспринял гиперпространственный сигнал, — проинформировал меня корабль. — Сигнал хаотичен, немодулирован, не поддается структурному анализу. Предположительно контрольным кодом остановки бомбы являлся дактилоскопический узор на правой руке убитого сектанта».

Секундная пауза — а на экране, словно в сцене из крутого боевика, идет оживленная перестрелка. Лазеры, дисковые пистолеты... Какой-то фанатик, кажется, снял с плеча тяжелый полевой дезинтегратор... И мгновенно упал, прошитый очередью плоскостных дисков. Потом вспышки прекратились — в рубке включили нейтрализующее поле.

«Кварковая бомба остановлена. Механизмы защиты отключены. Приступаю к созданию локального гипертуннеля...— сухо, как бы по обязанности сообщил корабль. И вдруг добавил: — До начала процесса кваркового распада оставалось две с половиной секунды».

Я понял, что через несколько секунд набитый смертоносными механизмами куб навсегда исчезнет с Земли. Остановленный, с выключенными предохранителями, он будет легко уничтожен кораблем Сеятелей — выброшен через гипертуннель куда-нибудь в пустынный сектор космоса. А

возможно, и на безжизненную планету, которую вскоре посетит экспедиция одной из галактических цивилизаций. Обнаружив в никем не изученном районе зону атомарной пыли — явный след применения кварковой бомбы, — люди убедятся: здесь воевали Сеятели. Миф надо поддерживать. А двух зайцев всегда удобнее убить одним выстрелом...

«Благодарю за совет, Сеятель, — вежливо сказал корабль. — Бомба будет использована для создания легенды о битве Сеятелей в районе пульсара R-23».

Канал мысленной связи работал вполне надежно. Даже надежнее, чем мне хотелось бы. Теперь Сеятели воспользуются моей идеей...

Черт возьми, какие еще Сеятели? Я сам Сеятель! Земляне, осуществившие грандиозный план колонизации прошлого, — мои потомки. Они ближе мне — по крови, по духу, по происхождению, — чем все галактические цивилизации, вместе взятые! Почему я так упорно отделяю себя от Сеятелей?

Может быть, потому, что на сотканном из воздуха экране сейчас заканчивается кровавая бойня. И то, что убивают друг друга мои враги, ничуть не облегчает мне совесть.

Принцесса выскользнула из моих объятий и теперь, тесно прижавшись к плечу, смотрела на экран, где под ударами плоскостных мечей падали последние фанатики. Команда ее родителей побеждала. Император и императрица стояли под охраной двух широкоплечих лимонно-желтых пэлийцев. Еще несколько сектантов — людей и пэлийцев — добивали двоих зажатых в угол «ортодоксов». Один из них, хрипло выкрикивающий ругательства, вдруг произнес:

— Последнего слова, братья!

Наседавшие на него замерли. Императрица медленно, словно через силу, кивнула головой.

— Мы не уничтожили про́клятую планету по приказу своей властительницы. Мы забыли, что ее власть — тень от власти Сеятелей. Она найдет оправдания, и вы поверите. Но все случилось из-за ее дочери и пришельца с про́клятой планеты. Предсказание гласило о великом искушении — оно случилось. Мы оказались ниже своей доли. Отныне мир обречен...

Коротким, почти незаметным взмахом плоскостного меча говоривший отсек себе голову. После секундной паузы то же сделал его товарищ. Меня затошнило. Харакири все-таки гораздо элегантнее.

Императрица устало глядела с экрана.

— Вы по-прежнему следите за нами? — вопрос прозвучал утверждающе. — Мы вас не видим... уже...

Я взглянул на склон — бомба исчезла. Корабль Сеяте-

лей совершил переброску ее через гипертуннель настолько тихо и незаметно, что это прошло мимо сознания.

«Дай им изображение на экраны».

«Хорошо, Сеятель. Как поступить с Рейдером? Он на орбите Плутона. Его можно уничтожить очень чисто».

«Не сметь! Ты можешь... вернуть их на Землю?»

«Весь Рейдер?»

«Да. Или весь экипаж».

«Локальный гипертуннель... на пределе мощности...»

Корабль Сеятелей, казалось, впал в замешательство.

«Для операции желательно использование корабля боевого типа...»

«Ты можешь?»

«На пределе возможностей. Главная трудность в обеспечении маскировки Рейдера. Над этим районом пролетает до шести спутников одномоментно. Постановка оптико-электронного поля...»

«Ты можешь?»

«Используя все ресурсы. Это необходимо, Сеятель?»

«Да. Для того чтобы не повторилась сегодняшняя опасность».

«Мотивированно. Рейдер будет посажен на прежнее место через две с половиной минуты. Объясните им бесполезность сопротивления».

«Ладно. Работай...»

Я посмотрел в огромный экран, начавший вдруг уменьшаться и тускнеть. «Гонец» действительно использовал все ресурсы.

— Мы видим вас. Прикажите отключить двигатели своего корабля и задействовать системы посадки. Через две минуты Рейдер будет посажен рядом с нами.

На едва различимых лицах мелькнуло недоверие. До меня донеслось:

— Невозможно технически... До Земли...

— Вас перебросит через гипертуннель корабль Сеятелей, — оборвал я. — Для него существует мало невозможного.

Экран растаял, и я не услышал ответа.

Интересно, а почему я потребовал вернуть Рейдер на Землю? Доказать сектантам, что они едва не уничтожили планету своих богов, можно было и другими способами. Зачем лишние сложности вместо того чтобы триумфально войти в рубку Рейдера, взяв его на абордаж крошечным корабликом Сеятелей?

И странный холодок пробежал у меня по телу. Дикая, нелепая мысль...

То, что я делал, было предрешено. Неизбежно. Говоря словами Сеятелей, я попал в основной поток истории. И вновь превращался в марионетку, вынужденную делать лишь то, что позволяют упругие невидимые нити... Откуда взялось это чувство? Не знаю. Когда меня «несло» в потоке случившегося после использования темпоральной гранаты, это воспринималось как упругая, сковывающая движения — но преодолимая пленка. Я был волен переиграть происходящее. Сейчас же не было никакой «пленки», никакой скованной заданности. Делай что хочешь, борись, побеждай, проигрывай... Но странное и страшное чувство неизбежности охватило меня. Я должен был «доставить» принцессу на Землю, чтобы остановить сектантов. Я должен посадить Рейдер на Землю, чтобы... Черт возьми, но ведь можно и отменить приказ!

«Локальный гипертуннель создан. Рейдер транспортируется к Земле. Временно отключаюсь», — отчетливо прозвучало в сознании.

Неизбежность? Но какая? Неизбежность чего?

Я посмотрел на принцессу. И тихо сказал:

— У тебя очень красивое имя. Я не буду придумывать тебе другого, Терри...

Девушка едва заметно улыбнулась:

— По нашим обычаям это означает, что ты даешь мне полную свободу поступков. Вплоть до...

Она замолчала. И твердо закончила:

— Я постараюсь не злоупотреблять этим. Но характер у меня мерзкий, сам знаешь.

Я кивнул. Так ты и правда хочешь быть моей, принцесса? Еще не узнав, кто я и почему повинуется мне странный маленький кораблик, висящий над подтаявшим снегом?

Друзья стояли в стороне. Все вместе, тихо, ничего не спрашивая, ничего не предлагая. Происходящее подавило их, они смирились с ролью статистов...

Все, кроме Даньки.

— А вы принцесса с планеты Тар, верно? — бесцеремонно влез он. — Ну как, Сергей вам доказал все что нужно или еще нет?

Терри засмеялась:

— А что он должен был мне доказать? Ты Данька, я не ошибаюсь? Ланс очень точно тебя описал...

Данька покраснел и отступил назад.

— Приветствую вас на Земле, принцесса, — незнакомым торжественным голосом произнес Эрнадо. — Рад видеть вас счастливой и торжествующей...

— Оставь это. — Принцесса не собиралась выдержи-

вать длинное церемониальное приветствие. — Я тоже рада тебя видеть, Эрнадо. И тебя, Ланс. Твои доклады мне очень помогали... Сергей, надеюсь, Лансу не слишком попало за шпионаж?

Я усмехнулся:

— Высшую меру решили не применять, Терри.

Неизбежность. Основной поток истории. Я снова в ловушке? Снова в роли марионетки? Но чего же ждет от меня судьба-режиссер на этот раз? Что подсказывают незримые суфлеры-обстоятельства? Как я могу испортить свою роль?

И почему так хочу это сделать?

— А ты, конечно, Редрак Шолтри? Бывший пират?

Терри продолжала знакомиться с моим экипажем.

— Да, принцесса. Правда, на данный момент я работаю пилотом у... вашего мужа. Работал...

В голосе Редрака я уловил отчетливое сомнение по поводу того, нужен ли Сеятелю пилот. Но принцесса этого не заметила.

— А где Клэн? Мне всегда нравилась их планета...

Наступила неловкая тишина. Потом Эрнадо сухо сказал:

— Алер-Ил с планеты Клэн погиб, пытаясь уничтожить Белый Рейдер в одиночку.

Терри молча кивнула, принимая информацию к сведению. Все-таки она была принцессой. Повернувшись ко мне, она, мгновенно меняя тон, спросила:

— Сергей, что мы будем делать с сектантами? Ты достал корабль Сеятелей, верно? Что, если убедить их в том, что Земля находится под особым покровительством...

— Принцесса, — не слишком дипломатично, но с явным удовольствием прервал ее Данька, — Земля это и есть планета Сеятелей! Через сотню лет земляне решат заселить всю галактику людьми и организуют экспедицию в прошлое. Там настроят Храмов, заселят все планеты, напридумывают легенд о себе. И спрячутся до времени. Так что сектантов обманывать не надо. Рассказать им правду — они повесятся.

— Это так, Сергей?

Я пожал плечами:

— В общих чертах... Думаю, твои родители могут с чистой совестью оставить дела секты.

— Ты Сеятель?

— Да. Точнее, их предок...

Я не успел разъяснить тонкости родословной. В небе над нами глухо хлопнуло, мелькнуло секундное радужное сияние. Потом посерело — «Гонец» поставил защитный экран, прячущий нас от американских, российских, китайских и

прочих спутников... А под серым, пепельно-траурным балдахином неба опускался на нас конус Белого Рейдера.

Назвать его Белым отныне мог только закоренелый оптимист. Исполинский конус Рейдера был серовато-черным, обугленным, изрытым вмятинами и пробоинами. Лишь местами проглядывали остатки белой противолазерной брони, давшей когда-то название кораблю.

Рейдер опускался медленно и неспешно, как развареннаяая чаинка в стакане, как набрякший от дождей бурый лист на осеннюю аллею.

— Мы неплохо поработали, — с удивлением сказал Редрак. — Я ожидал увидеть их в лучшем виде... Великие Сеятели, они еще решились на поиск в таком состоянии!

Решились. И нашли Землю — с первого же захода. Судьба. Неизбежность, будь она проклята! Чего ты хочешь от меня теперь?

— Какой он здоровый,— дрогнувшим голосом сказал Данька.— Мы сможем с ним справиться, если что?.. А, Сергей?

Он подался ко мне, быстро нащупал руку. Ему нужно было сейчас касание взрослой ладони, чтобы вновь обрести уверенность, почувствовать себя человеком — а не муравьем под исполинским серым сапогом.

— Все нормально, Данька, — сказал я. — Не бойся. Наш кораблик способен превратить эту развалину в кучу металлолома за полсекунды. Не бойся.

— А я и не боюсь...

Автоматика Рейдера все же была задействована на посадку. Императрица Тара продолжала держать в руках рвущиеся ниточки управления кораблем. Из основания Рейдера беззвучно выдвинулись широкие опоры — семь или восемь, я не успел сосчитать. Дюзы были безжизненно холодны, Рейдер опускался, поддерживаемый силовым полем «Гонца».

«Надо провести краткий курс гипновнушения... Чтобы сектанты легче восприняли информацию о Земле. Ясно?»

Ответа не было. И, наверное, не могло быть. «Использую все ресурсы. Временно отключаюсь», — предупреждал меня корабль.

Что ж. Будем справляться сами.

Опоры коснулись Земли, тысячетонной массой вдавливаясь в размокший грунт. Ничего, под тонким слоем глины гранитные пласты...

Я вдруг почувствовал в руке камешек — тот самый, которым разбивал кристалл кольца. Досадливо поморщился, размахнулся, чтобы выкинуть его... И остолбенел. В руке переливался мутноватым блеском крупный необработанный

алмаз. Или, скорее, полуобработанный — какие-то грани угадывались. Камешек был не меньше чем на десяток карат...

Принцесса перехватила мой взгляд. Поморщилась.

— Ты разбил энергокристалл этим камешком?

— Да... Но он не был таким... изящным.

— Побочный эффект гипертуннеля. Видимо, был избыток энергии, и его погасили синтезом алмаза.

Забавно. Я получил сдачу с гиперперехода.

В основании Рейдера открылись люки, и из них медленно, опасливо стали выходить люди. Некоторые поспешно поднимали руки вверх или складывали их за головой, другие бросали на землю оружие.

— Стрелять не советую, — фальшиво-уверенно крикнул я. — Вы под контролем корабля Сеятелей!

К нам медленно, как бы через силу, направлялись трое. Императрица. Релиан Тар — император. И смуглый пожилой мужчина — видимо, один из руководителей секты.

На лицах Ланса и Эрнадо появилось странное выражение. Так смотрят воспитанные дети на своих родителей, поступивших неправильно, непоправимо ошибочно... Но все равно остающихся родителями.

А вот Терри смотрела на императорскую чету почти с ненавистью. Странная привилегия принцесс — не воспринимать родителей как отца с матерью. В тех случаях, когда это нужно, разумеется...

— Папа!

Почему-то она обратилась именно к отцу. Для меня, например, в странной императорской чете главную роль прочно играла императрица...

Релиан Тар подошел к дочери, императрица с третьим руководителем секты остались позади. Голос принцессы звенел от ярости:

— Вы не понимаете, что совершили! Земля — планета Сеятелей! Ты учил меня, что никогда...

Мы отвлеклись. Мы все смотрели на эту смесь семейной ссоры и династического конфликта. Нам было интересно.

Только Данька, насмотревшийся ссор на Земле, поглядывал по сторонам.

...Я много раз вспоминал все, что случилось затем, снова и снова восстанавливая события в памяти. И раз за разом прокручивал видеозапись внешних детекторов «Гонца».

Наверное, я действительно не виноват.

Неизбежность...

Третий руководитель секты, смуглый пожилой человек, с видом полной покорности стоявший рядом с императри-

цей, вдруг вздрогнул, словно вспомнив о чем-то, и выдернул из-за пояса вибронож. Звуковые детекторы уловили его шепот: «Великое искушение...»

— Сергей! — закричал Данька, бросаясь ко мне.

Не верю, не хочу верить, что он понимал, на что идет. Скорее всего просто хотел оттолкнуть меня. Так в его любимых боевиках отбрасывают друга с линии выстрела мужественные американские полицейские...

Вибронож — подлое оружие. Вначале, когда он касается тела, мелко вибрирующее лезвие раздвигает ткани, вспарывает кожу и мышцы. Потом, когда нож входит по рукоять, амплитуда вибрации меняется. Резонанс — ткани вокруг клинка превращаются в молекулярное месиво. Клеточные оболочки лопаются, нити ДНК разрываются на кислоту и белковые основания...

Нож попал Даньке в голову. Иначе он вошел бы мне в сердце.

Срастить распоротую сердечную мышцу — это так просто для медицины Сеятелей!

Мальчишка начал медленно, как во сне, падать. Но коснуться земли своей родной планеты не успел.

Беззвучный, неслышимый грохот навалился на нас. Силуэт Рейдера заколебался, как изгибаемая сильной рукой фотография. Голубая вспышка охватила метнувшего вибронож сектанта — и он замер, не успев вытянуть из ножен меч. «Гонец» переместился ближе к нам, и в распахнувшемся на долю секунды люке исчезло неподвижное, словно окаменевшее тело Даньки. Гравилуч всосал его в корабль как пылинку.

«Попытка убийства Сеятеля!»

Я увидел, как попáдали в снег сектанты, — и понял, что на этот раз мысленную речь корабля слышу не только я.

Императрица вскинула руки, зажимая уши. Бесполезно. Этот голос возникал в глубине сознания. И в нем было слишком много чисто машинной терминологии и предельно животного, панического страха, чтобы можно было усомниться в словах. Тем более человеку, многие годы возвеличивающему Сеятелей. Одинокой и несчастной женщине, придумавшей себе богов.

И увидевшей, как сподвижник и друг убивает юного бога.

«Попытка убийства Сеятеля! Вмешательство в основной поток истории!» — гремел беззвучный крик машины.

«Успокойся! Информацию! Какова тяжесть ранения?»

«Уничтожено семь с половиной процентов мозговых нейронов височной, теменной и затылочной области. Поражены подкорковые структуры — стриа палладиум...»

«Ты можешь его вылечить?»

«Пострадали структуры, ответственные за оперативную и долговременную память. Восстановление информации невозможно, после реанимационных мероприятий неизбежна амнезия».

Я не удивлялся. И не пугался. И даже горя не было. Неизбежное. Игрушка в руках судьбы. Данька, глупый пацан, который так радовался своим звездным каникулам...

«Амнезия коснется периода после похищения мальчика с Земли? Он забудет пребывание в космосе?»

«Да. Догадка верна, Сеятель».

«Это не догадка, электронный кретин! Сообщи — какую роль играет Даниил в земной истории?»

«Сообщаю: Даниил является одним из самых известных художников начала двадцать первого века. Он основатель стиля, получившего название "цветазм". Основные даты жизни и творчества...»

«Стой. Хватит. В биографии мальчика есть упоминание о периоде долгого отсутствия вне дома в возрасте..?»

«Принято. В возрасте двенадцати лет мальчик убежал из дома, после чего был найден с явлениями полной амнезии на период отсутствия».

«И ты знал об этом раньше?»

«Да».

Неизбежность. Мальчик должен был забыть о том, что побывал в космосе. Но никто во Вселенной — ни Храмы, ни их хранитель Маэстро — не мог вмешаться в его память. Он был землянином, Сеятелем, богом. И другие боги не смели лишать его памяти.

Тогда и заработала неизбежность.

Я заставил Рейдер приземлиться лишь для того, чтобы последний из затаившихся фанатиков метнул в меня нож. И Данька бросился наперерез. И все следящие системы «Гонца» отвлеклись созданием «завесы невидимости» вокруг Рейдера. Ни один автомат Сеятелей, даже подкрепленный идеей исторической необходимости, не посмел бы оставить без защиты мальчика-землянина.

Он действительно должен был перегрузиться.

«"Гонец!" Примени возврат во времени! Предотврати ранение...»

«Запрещены темпоральные инверсии в пределах основного исторического потока».

«Данька... мальчик будет здоров?»

«Да».

«Амнезия коснется лишь пребывания в космосе?»

«На девяносто пять процентов».

Как он любит проценты и цифры, электронный придурок...

«Сеятель! Информация к сведению: мой псевдоразум не использует электронных элементов и не отвечает определениям кретинизма или придурковатости. Он просто отличен от человеческого и узкоэмоционален».

«Ясно. Можешь считать, что я извинился... балбес».

«Сектанта, ранившего мальчика, уничтожить? Тип смерти?»

Я вздрогнул, выходя из оцепенения ментального диалога. С момента ранения Даньки не прошло и пары секунд. Когда язык не болтается между зубами, общаться можно очень быстро...

«Нет! Отдай его мне! Сними с него паралич».

Сектант шевельнулся, потянул из ножен меч. Двинулся ко мне. Ах дурак, дурак...

— Мне плевать, во что ты веришь, — прошипел я, отпихивая кого-то с пути — кажется, это была теща. — Но ты ранил ребенка и убил в нем моего друга. И я убью тебя так, что мне самому станет страшно!

7. Планета, которая будет

Маэстро поправил очки. Нацедил себе какого-то вина, залпом выпил. Он упорно избегал смотреть мне в глаза.

— В таких случаях лучше помогает спирт, — сухо сказал я. — Коктейль «Ностальгия»...

Маэстро нащупал среди бутылочек маленький прозрачный графин. Поморщился, глядя на бесцветную, несущую недолгое забвение жидкость. Пробормотал:

— А почему бы и нет...

Жидкость просочилась сквозь хрустальные стенки графинчика и всосалась Маэстро в ладонь.

— Не люблю вкус спирта... и запах, — чуть виновато объяснил он. — Пусть уж сразу в кровь.

— Фокусник. Не переборщи с дозой.

Маэстро опьянел на глазах. Ухмыльнулся:

— Ерунда, принц... Разреши тебя так называть? В документах и отчетах ты проходишь под этим псевдонимом. Всё вокруг нас иллюзорно. И ты можешь вытворять подобные штуки... как и отрезветь в долю секунды. Только пожелай. Принц, почему ты отпустил остальных сектантов?

Теперь уже я отвел глаза. Маэстро только что посмотрел видеоматериалы «Гонца».

— Сектантам хватило и одного убитого. Остальные до

конца жизни сохранят страх перед Землей — планетой Сеятелей.

— Да уж. Голыми руками...

— Замолчи!

— Странно, — задумчиво сказал Маэстро. — Я стал бояться тебя, принц. Хоть я и привидение, но...

— Маэстро! — Я оборвал его философствования. — Хватит об этом. Рейдер сожжен. Сектанты отправлены на свою планету — с приказом замаливать грехи пятьсот пятьдесят пять лет...

— Этим они и занимаются — в *настоящем.* Но я никогда не интересовался причиной. Маленькая курьезная секта...

— Маэстро! Я сделал для Земли все что мог. Я спас ее. Вы скажете, что это было неизбежно, даже наш поединок потому и был проигран вами... И в главном потоке истории было свершившимся фактом — принц планеты Тар победил сектантов. Ладно. Не будем заниматься софистикой. Но, наверное, я имею право на награду?

— Какую?

На лице Маэстро блуждала пьяная улыбка.

— Расскажите мне о *настоящем.* О времени, в котором вы живете. Настоящий вы, а не ваша эмоциональная матрица. О том времени, в котором Земля вошла в галактическую цивилизацию. И, конечно, причину.

Маэстро мгновенно протрезвел:

— Какую причину?

— Зачем понадобилась колонизация прошлого? С чем вы столкнулись, потомки? Что вас напугало?

— Вот даже как... Сергей, знание о будущем иногда весьма тягостно. Вам же будет проще не знать всего.

— Говорите, Маэстро. Я могу затребовать информацию от Храма. Но приятнее узнать все от человека.

Я закурил. Маэстро явно колебался. Потом кивнул.

— Хорошо, Сергей. Живите с этим грузом, если вам так больше нравится.

— Нравится.

Жгучий дым сладкой отравой протек по гортани. Я не отрывал от Маэстро внимательного взгляда. Кого-то он мне напоминал. Потомок...

— В две тысячи сто тридцать втором году звездолет «Тулуза» впервые в истории Земли вступил в контакт с инопланетной цивилизацией, — официальным, жестяным голосом заговорил Маэстро. — Земля встретила чужих. Иную расу. Другое племя.

Он словно не находил слов, путаясь в синонимах и по-

вторяясь. Но я чувствовал — за этой тавтологией скрывается нечто большее. Отсутствие определения.

— Как вы их называете, Стас?

Маэстро взглянул на меня с благодарностью:

— Фанги. Это самоназвание, они используют звуковую речь... Мы встретили фангов.

Он замолчал, уставившись на празднично накрытый стол. Словно его вновь охватило опьянение.

— Прошел год, прежде чем люди поняли ситуацию. Мы — или они. Кто-то должен был уйти. Люди и фанги не могут существовать в одной Вселенной.

— Почему?

— Они чужие. Они... фанги. Сергей, не считайте людей будущего расистами. Этот термин подходит лучше всего. Но мы не расисты. Вы знаете цэ-трэсов? Цивилизация пернатых гуманоидов... Они будут полностью уравнены в правах с людьми и жителями колонизированных планет... В меру своего развития, конечно. Мы можем и будем с ними сотрудничать.

— А с фангами — нет? Они настолько непохожи?

— Они вполне гуманоидны... Они ближе к нам биологически, чем многие наши потомки. Те же клэнийцы — разве они похожи на людей? А обитатели Пэла?

— Ну а фанги? — Я выпустил в потолок струю дыма, прикурил новую сигарету от старой. — Они людоеды? Садисты-завоеватели? Откладывают яйца в человеческих желудках? Развлекаются стрельбой по живым мишеням... в роли которых дети от трех до семи лет?

— Сергей, понятие бульварной литературы и фильмов ужасов сохранилось и в наши дни.

Я скривился. Меня осадили. И за дело.

Маэстро продолжил:

— Фанги — это существа с нечеловеческой логикой.

— И только-то?

— Вам мало, принц?

— Объясните, Маэстро. В чем суть этой логики?

— Сергей, избавьте меня от таких лекций. Я фантом, но эмоции у меня человеческие. Возьмите в библиотеке Храма пленки или книги о фангах. Их немало. Но основное, что вы усвоите: фанги существа, которых невозможно понять и принять.

Я молча курил, размышляя. Что за бред? Цивилизация, которую нельзя понять и надо уничтожить — из-за другой логики поведения. Я прочитал в свое время немало фантастики, и нигде не встречалось такой чуши. Наоборот, если верить писателям — а мне после ожившей «космической

оперы» хотелось им верить, — взаимопонимание возможно со всеми. С теми, кто дышит аммиаком и хлором, похож на паука или бронтозавра... А если уж представить цивилизацию с манией завоевания, врожденной кровожадностью... Читал я и про это. Но объяснить их поведение можно с помощью обычной логики. Разве что непостижимые Странники у братьев Стругацких...

Потому и непостижимые, что никак не описаны. Когда писатель или сценарист выдумывал экзотическую цивилизацию, он лишь брал одну из сторон человеческой. Кровожадный хищник из фильма — просто инопланетный охотник, ни в грош не ставящий отсталых людей. Другие абсолютно нечеловеческие герои — это лишь сверхосторожные, слишком сентиментальные, излишне гордые или предельно жестокие *люди*.

Думая о братьях по разуму, мы всегда ожидали встретить людей. В любом обличье — от колонии мыслящих насекомых до разумных кристаллов или плесени. Но их поведение должно или укладываться в наши рамки — или...

Что ж, варианты возможны. Цивилизация, слишком уж несхожая с человеческой, может, в нашем понимании, не захотеть общения... У одного неплохого писателя разумные кристаллы написали на себе светящимися буквами: «Уходите, вы нам мешаете». И вежливые земляне улетели.

А если инопланетянин со «своей логикой» попросит землян уйти с Земли? Очень убедительно попросит...

— Ваши интересы столкнулись? — резко спросил я Маэстро.

— Да... в какой-то мере. Мы поняли, что обречены на войну. Тридцать миллиардов людей на двенадцати обитаемых планетах. Против триллионов фангов. А еще — наши внутренние конфликты, мятеж на Туане, стычки с Лотаном... У нас не было шансов.

— И вы решили создать армию?

— Да. Наша галактика не была исследована ни людьми, ни фангами. И мы решились забросить десант в прошлое. Проект «Х». Все области космоса, кроме ближайших к Земле, должны были быть засеяны семенами жизни. Храмы воспитают гуманоидные цивилизации воинов... и поклонников Сеятелей — цивилизации-основательницы. И когда через сутки после высадки десанта в прошлое мы провели тайную вылазку на одну из планет, где должен был быть Храм, — там оказалась развитая и очень энергичная цивилизация людей. Кстати, это был Схедмон... Теперь, в настоящем, в две тысячи сто тридцать третьем году, нам надо лишь активировать механизм Храмов, и триллионы людей, прирожденных бойцов, придут на помощь Земле.

— Вы уверены?

— А вы нет? Все чтут Сеятелей... тем более что Храмы повинуются нам. Мы не собираемся принуждать кого-либо к войне против фангов, Сергей. Все, кто узнает об их цивилизации, сами сделают свой выбор. Надеюсь.

Я засмеялся:

— Маэстро, бросьте лукавить... Вы создали тысячи планет-крепостей, тысячи народов-армий. Всему на свете они предпочитают войну. И очень огорчены отсутствием достойного врага. Когда объявятся Сеятели и укажут на чужаков-фангов — восторгам не будет предела! Все ринутся в бой.

— Сергей, когда вы ознакомитесь с материалами о фангах...

— Маэстро! Я верю... готов поверить, что люди и фанги не уживутся в одной Вселенной. Но все дело в том, что вы, мои умные и добрые потомки, приготовили себе огромный запас пушечного мяса!

Стаса передернуло.

— В наше время это называлось именно так. И логика ваша вполне человеческая. Может, фанг вас и не поймет, я же понимаю прекрасно. До меня даже дошел тот факт, что Храмы приостановили развитие всех планет примерно на одном уровне. Чтобы они не обогнали матушку Землю и не стали опаснее фангов!

— С чего вы это взяли?

— Маэстро...

— Ну ладно. Вы правы, принц. Колонии не должны обгонять Землю в развитии — хотя бы до момента уничтожения фангов. Это заложено в проект «Х».

Мы замолчали. Я вдруг осознал, что ухитряюсь курить одну и ту же сигарету пятнадцать минут. Иллюзорный мирок... Храм улавливает мои скрытые желания — и выполняет их. А ну-ка, бокал вина, плыви в мою ладонь...

Холодный хрусталь ткнулся в пальцы. Я сделал глоток.

— Откуда они, фанги?

— Из карликовой галактики, спутника нашей собственной. Раньше она имела номер и название, сейчас ее называют просто Фанг-система.

— Они переселяются оттуда? Ищут жизненного пространства?

— Это человеческие термины. Они просто контактируют. К счастью, мы успели предотвратить их широкое проникновение в нашу галактику. Нам повезло, что мы живем «на окраине» и перехватили первые же корабли фангов.

— А не проще ли слетать в их галактику сейчас? И уничтожить, пока фанги не стали развитой цивилизацией?

Маэстро улыбнулся:

— Сергей! Они стали развитой цивилизацией! Это — в основном потоке истории. Это уже случилось. Не забывайте — мы с вами сейчас в прошлом.

— Не забываю, Маэстро. Кстати, об этом нам и придется поговорить. Насколько я понимаю, мой след в истории Земли отсутствует?

— Да. Вы не вернулись на Землю... разве что инкогнито... А это идея! В другом государстве, под чужим именем, неприметно...

Я захохотал:

— Маэстро! Вам так не терпится сплавить меня подальше? Избавиться от конкурента по управлению Храмами? Неприметная жизнь не по мне.

Похоже, Стас обиделся:

— Я лишь предложил вариант... Вдруг вы хотите вернуться на родину? Вашего следа в истории нет. Вы исчезли навсегда. Видимо, остались жить в галактике. На Таре или другой планете...

— В прошлом...

— В прошлом.

Маэстро насторожился.

— Сейчас я объясню, что собираюсь сделать, — вежливо сообщил я. — Храм выделит мне малый боевой корабль типа «Корсар». Я погружусь в него с женой и друзьями. И улечу в будущее. То есть — в ваше настоящее. В две тысячи сто тридцать третий год.

— Это безумие! — Маэстро вскочил. — Только там вас не хватало!

— Да? А Храмы считают, что я могу принести пользу для Земли в будущем. Они согласны осуществить временной переход.

— Храмы преувеличивают вашу роль в подавлении сектантов...

— Тебя бы туда, под бок кварковой бомбе! Привидение! У тебя умирали друзья?

— Да, — очень спокойно сказал Маэстро. — А у вас никто не погиб. Разве что Клэн... Даниил ведь жив-здоров.

— Это уже не тот Данька, что был в моем экипаже! Тот — погиб! Потому что должен был забыть свои приключения. Хватит с меня жизни в прошлом. Мы уходим в настоящее!

Секунду мне казалось, что Маэстро бросится на меня. Или предложит новый ментальный поединок... Но он неожиданно успокоился.

— Я не буду спорить, принц. Берите «Корсар». Но уч-

тите, вам не удастся проявить свои... таланты раньше тридцать третьего года. Вас не было в истории! Корабль вынесет вас к моменту Единения, к одиннадцатому апреля две тысячи сто тридцать третьего года. На следующий день после того, как темпоральная экспедиция проекта «Х» ушла в прошлое.

— Ну и что?

— Вы попадете к моменту колоссального галактического стресса. Планеты узнают о Земле — родине Сеятелей. И о фангах, угрожающих всем людям. Вы окажетесь в мире накануне войны.

Я пожал плечами. Спросил:

— А нынешнее положение в галактике вы считаете миром?

Маэстро вяло улыбнулся:

— Сергей... Вы не знаете фангов. Вы и представить себе не можете, на что похожа война с ними.

У меня вдруг отпало желание спорить.

— Ничего, Маэстро. Я не очень боюсь этой войны. К тому же мне хочется взглянуть на фангов.

Лицо Маэстро искривилось. Словно я признался в копрофагии.

— Взглянете, принц... Но ведь истинная причина другая? Вы хотите уйти от заданности своих поступков. От детерминизма.

— Да.

— Сергей, это будет ложным уходом... Старая философская проблема о свободе воли решена. Мы несвободны. Нас несет основным потоком истории, и всё, что нам дано, — это барахтаться более или менее энергично. Даже в настоящем, которое для вас является будущим, вы обречены делать то, чего потребует от вас ход истории. Свободы воли нет.

— Свобода воли, Маэстро, — это отсутствие человека, знающего твои поступки наперед. Вот и всё.

Я встал — словно отсюда можно было уйти обычным путем. Поинтересовался:

— Мне нужно отдать Храму приказ о вашей «раскапсуляции»?

— Не обязательно. Когда вы улетите, я вновь стану для Храмов создателем — и единственным высшим контролером. Посижу здесь немного... и отключусь. Усну. До следующей плановой проверки или очередной нештатной ситуации.

— А скоро плановая проверка?

— Через десять лет. Когда позади тысячелетия, полторы сотни лет с пятнадцатью пробуждениями уже не гнетут, как вначале.

Мы смотрели друг на друга, словно осознав, что это последняя наша встреча — в уютном иллюзорном мирке Храма.

— Все-таки мы оба земляне, — тихо сказал я. — Счастливого дежурства.

— Счастливого будущего, — так же тихо отозвался Маэстро. — Удачи, принц.

Он протянул мне руку, и я не колеблясь пожал ее. Рука была теплой и твердой. Нормальная, сильная мужская рука. Маэстро оказался привидением самой высшей пробы. Теперь оставалось лишь пожелать и оказаться в ангаре Храма, где рядом с зеркальным шаром — боевым кораблем типа «Корсар» — ждали друзья. Эрнадо, Ланс, Редрак. Повизгивающий, грустный, лишившийся хозяина Трофей. И принцесса планеты Тар — Терри. Моя жена.

За те два дня, что мы провели на Земле, я успел обвенчаться с ней в православной церкви. Сам не знаю почему. Как не знаю и того, что заставило ее согласиться и на венчание, и на вечеринку с моими обалдевшими друзьями в маленьком городском кафе, и на вечер в лучшем номере самой дорогой гостиницы Алма-Аты. Очень удобно, что синтезаторы «Гонца» сумели скопировать образцы денег.

Может быть, она действительно меня любит? Принцесса Терри с планеты Тар...

Что-то упорно мешало мне уйти в свое свободное и загадочное будущее из несуществующего уюта, где останется размышлять о случившемся Маэстро. Неизбежность? Едва ли...

— Стас, — неожиданно для себя спросил я. — Данька... Даниил... с ним все было нормально?

— Да. Вы же доставили его прямо к порогу дома. И даже проследили, кто открыл дверь. С ним все в порядке.

— Я не о том. Стас, он был счастлив?

Помолчав, Стас пожал плечами:

— Он был известным... великим художником.

— В двадцатом веке были известные художники. Илья Глазунов...

— Я же о великих.

— И Марк Шагал.

Маэстро задумчиво смотрел на меня.

— Сергей, он стал великим художником. Тут уже не подходят обычные понятия счастья.

— Понятно.

— Возьмите в библиотеке кассету с его работами. Там есть и несколько биографий, весьма любопытных.

— Спасибо. Я и не подумал. Я возьму кассету с картинами — этого хватит. Маэстро, а он рисовал... космос?

Ловким движением Стас извлек из кармана пиджака яркую цветную открытку. Множественная фотография...

— Здесь десятка два его работ, самых известных. Посмотрите. Третья или четвертая — одна из немногих, где есть что-то космическое. Возможно, вам она скажет больше, чем мне.

Я не знаток живописи, но это был очень странный стиль. Если соединение сотен ярких, чистых тонов в одно цельное и гармоничное изображение — это и есть цветазм, то Данька придумал забавный стиль. Яркий и праздничный, как новогодняя игрушка. Тревожный и печальный, как ночное небо сквозь ветви дремучего леса.

Первая картина оказалась довольно обычной, художники любят мифологические сюжеты. И на Данькиной картине был Икар — мальчишка, его ровесник, с распахнутыми крыльями взлетающий к солнцу. Или падающий на солнце, не знаю — ракурс был очень странным.

Я сдавил уголок фотографии, изображение сменилось непроглядной чернотой. Сбой в работе, наверное.

— Это тоже картина, — довольным голосом произнес Стас. — Называется: «Было темно». Листайте дальше.

Я вызвал новое изображение. И замер, вцепившись в пластиковую открытку.

На картине был берег озера, освещенный странным разноцветным сиянием плывущих в небе лун — синих, оранжевых, красных, зеленых... Я не стал их считать — меня не интересовало, ошибся ли Данька. Потому что на песчаном берегу озера, в разноцветном полумраке, сидел, прижимая к коленкам похожее на собаку животное, прекрасно знакомый мне мальчишка. С мокрыми после купания волосами и запрокинутой к небу головой. Рядом с ним лежал на тонкой темно-бордовой, даже на взгляд теплой подстилке молодой, атлетически сложенный парень.

Меня Данька приукрасил... кажется.

А все остальное было точным.

Здорово он ухитрился взглянуть на нас со стороны.

Я повертел открытку. И вдруг заметил, что за ажурным силуэтом леса встает призрачная серая тень. Огромный шар, не то накатывающийся, не то отступающий от лесного озера.

Великие Сеятели...

Девяносто пять процентов памяти о «каникулах в космосе» было уничтожено. Остальное должно было превратиться в мешанину похожих на сон видений, непонятных фраз, забытых переживаний...

Но что-то осталось.

Я вспомнил, как осторожно прислонил Даньку — вялого, заторможенного, погруженного в надежный гипнотический транс — к стене у двери его собственной квартиры. Ланс и Эрнадо с парализаторами застыли на лестничных пролетах. Я долго смотрел на Даньку — ни малейшего следа страшной раны. Медицинский блок «Гонца» постарался на славу. Но и ему была неподвластна память...

— Может, так оно и лучше, а? — негромко спросил я. — Меньше переживаний и тоски. Травматическая амнезия. Родителям на радостях будет не до этого. Главное — ты дома.

Я достал из кармана алмаз — «сдачу» с гиперперехода принцессы. Ехидно улыбнулся: если это неизбежность, то приятная. И опустил его Даньке в карманчик модной, купленной в магазине «Элита» в центре города рубашки. Виновато объяснил:

— На память... Трофея, увы, не могу.

Хотел потрепать Даньку по щеке — и остановил руку. Уже не сто́ит.

— Пока, Данька. На озере было здорово, правда?

Его глаза смотрели сонно и бездумно. Я надавил кнопку звонка и метнулся вниз по лестнице. Вслед за мной бесшумной, едва различимой тенью — Эрнадо. На первом этаже он остановился, бросил короткий взгляд на браслет с экранчиком видеодатчика — незаметной пылинки на Данькиной рубашке.

— Порядок. Мать ревет и колотит его по щекам... чтобы очнулся. Вроде помогает.

Помогает...

Я оборвал поток воспоминаний — и вовремя. Комната для принятия решений растаяла, обернувшись грязной площадкой земного подъезда. У смятых, искривленных пинками перил стоял Маэстро, цепляясь за покрытый облупившейся краской поручень.

— С вашей ментальной силой трудно бороться, — прошептал он. — Смена интерьера в комнате даже не планировалась технически. Вы воздействовали на управляющие контуры Храма напрямую.

— Извините, — глухо сказал я. — Сейчас переделаю. Скажите, я могу взять эту открытку?

— Это фантом. Но можно заказать материальную копию. Вам что-то напомнила эта картина? Наша семейная реликвия, между прочим...

— Ваша?

— Даниил мой прямой предок, — с легкой гордостью сказал Стас.

Я даже не удивился. Просто кивнул.

— Напомнила. Пару старых и всем известных истин.

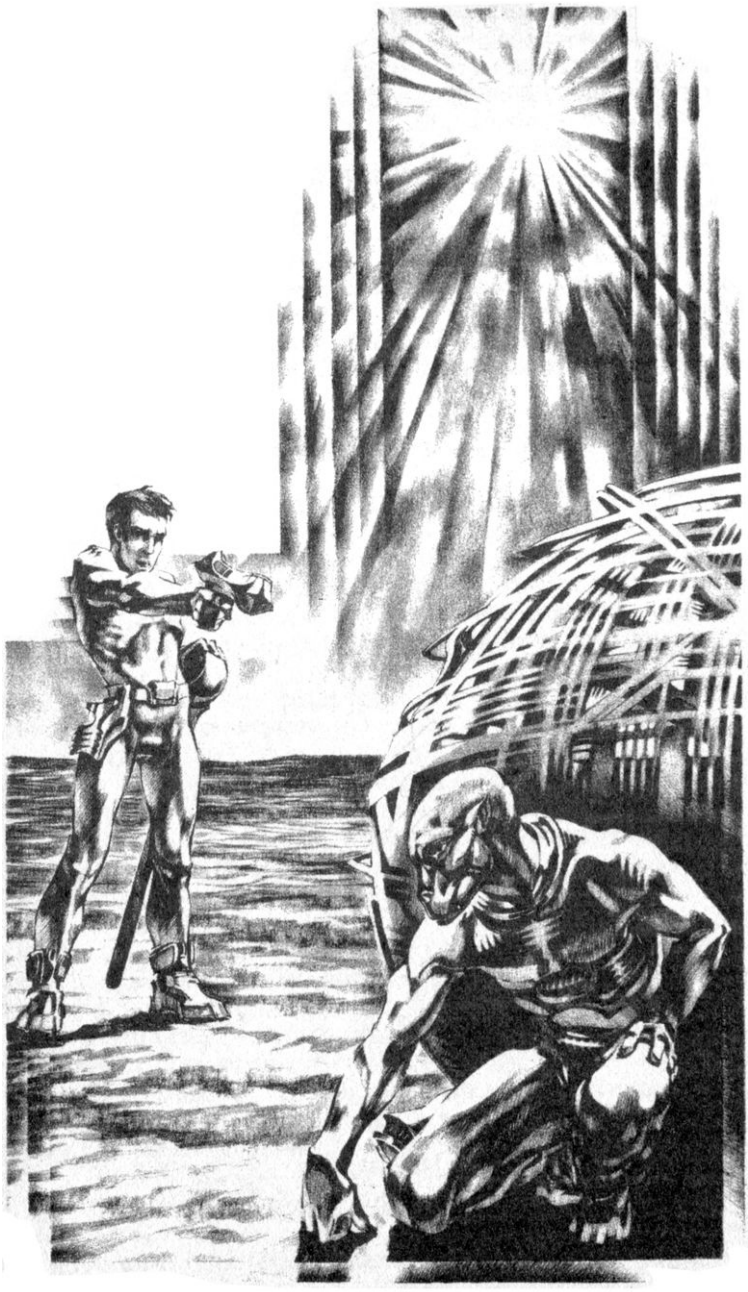
Мир вокруг начал таять — меня ждали ангар с боевым кораблем «Корсар», жена и друзья, лишившийся друга Трофей и будущее, не скованное неизбежностью.

— Каких? — возглас Маэстро на секунду прервал смену декораций. — Каких истин?

Я не ответил. Зачем? Память сильнее ножа, а дружба побеждает смерть. Эти слова станут фальшивыми и смешными, если их произнести вслух.

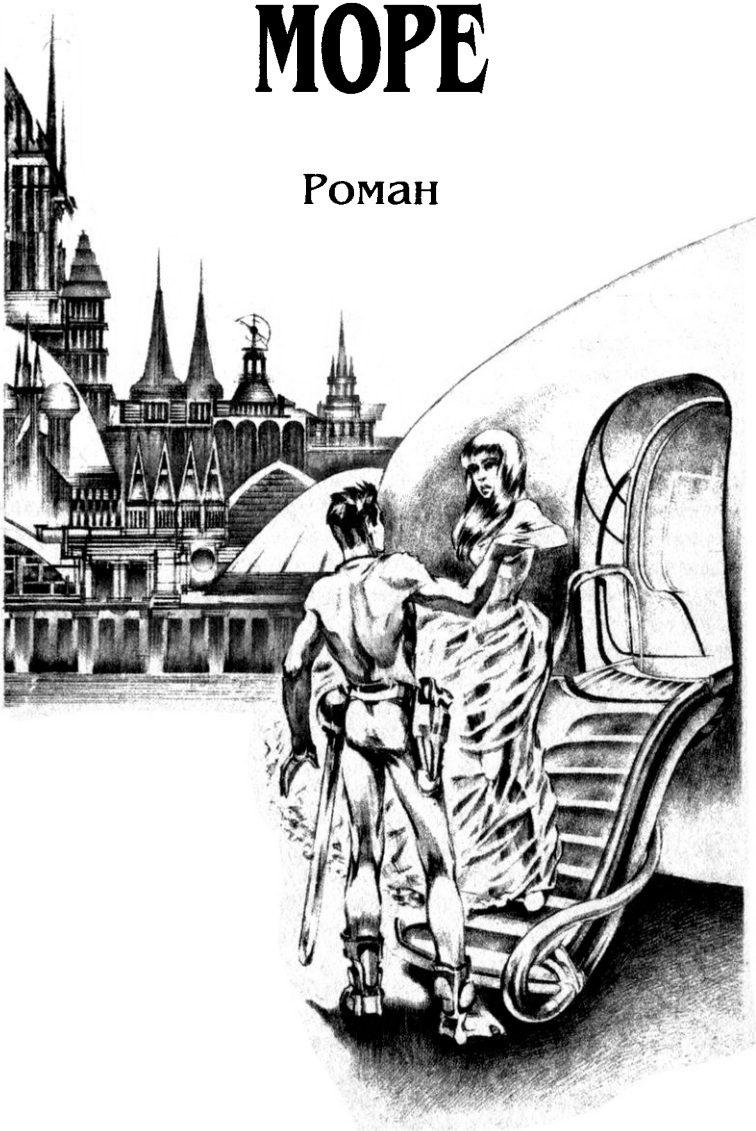
— У тебя были отличные каникулы, Данька! — выкрикнул я, пока транспортные механизмы Храма несли меня сквозь стены и влажные касания силовых полей.— У тебя будет теперь вся Земля. Планета, которая есть!

Планета, которая будет.



СТЕКЛЯННОЕ МОРЕ

Роман



Часть первая

СЕЯТЕЛИ

1. На берегу Сухой реки

Восход солнца на Сомате, все равно какого — белого или желтого, — это зрелище, уступающее лишь закату. Вначале вспыхивают вершины гор — кристаллический песок перемалывает первые лучи света, окутываясь радужным сиянием. Чем выше поднимается солнце, тем ниже сползает разноцветная пелена. В черном, усыпанном звездами небе горы сверкают, как драгоценные камни на бархатной подкладке. Но вот над острыми, изломанными скалами показывается краешек солнца — белого или желтого, в зависимости от времени года. Небо наполняется густой синевой, а между разноцветными, нарядными, как карнавальные одежды, горами возникает тускло-серая, медленно текущая лента. Сухая река течет еще ленивее и спокойнее, чем равнинные реки на Земле. Даже водопады, которых немало в низовьях Оранжевых гор, производят впечатление чего-то сонного и неторопливого. Поток падает со скал медленно и почти беззвучно, словно русло реки наполняет легкая, невесомая пыль. Впрочем, так оно и есть.

Я проснулся, когда белое летнее солнце перевалило через Рыжий хребет и залило ущелье жарким сиянием. Почти мгновенно стало душно, ночная прохлада исчезла бесследно. Комбинезон, согревавший меня всю ночь, сменил цвет с черного на серебристый.

Первым делом я извлек из кармана кассету с фильтрами-увлажнителями. Морщась от неприятной сухости во рту, сменил отработавшие носовые фильтры на свежие — влажные и упругие комочки синтетического волокна. В кассете остались еще две пары фильтров — при должной экономии их хватит на сутки. Второе по важности дело заняло еще

минуту — из смятого тюбика с увлажняющей мазью я выдавил несколько сантиметров жирной белой пасты. С наслаждением втер ее в растрескавшуюся кожу на руках и лице.

Теперь можно было приниматься за обычные утренние процедуры, необходимые как на Земле, так и в сотне парсеков от нее. Пробежавшись по ущелью, я встал у красивой лимонно-желтой скалы и отдал долг природе Сомата. Затем совершил пробежку в противоположную сторону — к реке.

Медленные серые волны плеснули у моих ног. Разноцветные камешки, отполированные тусклой пылью, сложились в новый узор. Лучшего калейдоскопа, чем берега Сухой реки, придумать невозможно — здесь встречается галька всех оттенков, какие только способен различить человеческий глаз.

Нагнувшись, я зачерпнул полную пригоршню сухой воды. С первого взгляда она напоминала серебристую пыль или очень мелкий песок. Прикосновение разрушало иллюзию. «Пыль» была холодной и чуть-чуть влажной. Крошечные капельки пота на ладони начали медленную химическую реакцию, разрушающую растворенную в воде кремнийорганику. Ничтожное количество этого сложного многомолекулярного соединения превращало обычную жидкость в то, что заполняло реки и озёра Сомата,— в сухую воду. Крошечные капельки воды, окруженные пленкой из кремнийорганики, отталкивали друг друга, как одноименно заряженные частицы. Для того чтобы превратить на всей планете воду в пыль, хватило сотни килограммов гидродуального вещества, равномерно рассеянного в атмосфере. Откуда на Сомате взялась кремнийорганика, я не знал. Возможно, причиной стал залетевший из другой галактики метеорит. А может — мои соплеменники, испытавшие на безжизненной планете экзотическое оружие.

Между пальцами просочилась и упала капелька воды. Сухая вода отчаянно пыталась перейти в нормальное состояние — а пот, слюна, кровь служили неплохими катализаторами. Когда-то я экспериментировал, пытаясь найти простой и надежный рецепт для возвращения воды в жидкое состояние. Увы, вещества с необратимым действием не оказалось.

Я высыпал ставшую заметно влажной пыль в рот. Сделал несколько полоскательных движений, хорошенько перемешав сухую воду. Больше всего она напоминала безвкусное желе — скользкое и зыбкое на языке.

Через несколько минут процесс окончился. Я получил полный глоток холодной и чистой воды... а кремнийорганика выпала в неощутимый осадок. Возможно, организм сумеет вывести его. Переходила в сухое состояние лишь чистая вода. С биологическими жидкостями фокус не удавался.

Главной бедой Сомата было то, что жизнь на нем еще не успела развиться. А теперь ей не возникнуть никогда.

Сделав еще пару глотков, я побрел к месту ночлега. Вид пыльной реки меня раздражал, а горами можно было любоваться откуда угодно.

Солнце медленно ползло к зениту. Маленький белый диск был ослепительно ярким, темно-синее небо казалось по контрасту почти черным. Жаркий, не приглушенный облаками или хотя бы водяной дымкой свет жег лицо. Я устроился под Полуденной скалой — ее причудливая форма давала максимум тени в разгар дневного зноя.

— Ты похож на безатмосферную планету, Сомат, — вполголоса сообщил я разноцветным скалам. — На самый мерзкий из астероидов!

Если честно, я не бывал на безатмосферных планетах. Да и претензии к Сомату не слишком справедливы. Он предоставил своим гостям кислородную атмосферу, приемлемый температурный режим и воду. Пусть даже и в сушеном виде...

Требовать от несчастной планеты тенистых насаждений или сочных плодов было бы неспортивно.

В нагрудном кармане комбинезона лежала плоская коробочка с пищевыми таблетками. Оттянув пружинящую, норовящую встать на место крышку, я заглянул внутрь. Результаты ревизии меня не удивили: половинка таблетки неприятного бурого цвета и горстка темной пыли. Из коробочки неожиданно пахну́ло мятой. Вчера аварийный пищевой рацион издавал запах ванили.

Насколько я помнил инструкции, изменение запаха указывало на ухудшение качества продукта. Однако какую степень пригодности обозначал мятный аромат, я не знал. Императорские кулинары с планеты Тар вполне могли не додуматься до простейшего решения: испорченные таблетки должны пахнуть неприятно.

Я со вздохом разжевал таблетку. Размером она была с медаль «За доблесть» какого-нибудь молодого африканского государства, так что даже половины хватило для полноценной работы челюстей. К сожалению, вкус и консистенция соответствовали все той же медали. Из смеси химически чистых белков, углеводов, минеральных солей и витаминов ничего вкусного не приготовишь.

Вслед за половинкой таблетки отправилось бурое крошево. Пустая коробочка полетела к сухим волнам. Я разочарованно проводил ее взглядом — не добросил! Начинался шестой планетарный день, иначе говоря — девятые земные сутки моего вынужденного отшельничества. Соматом я был сыт по горло.

Удивительно, насколько меняется отношение к окружающему миру по мере углубления контакта. Я прожил на Сомате два года — но вместе с любимой девушкой, в уютном купольном доме с массой приятных мелочей вроде бассейна или приемника гиперсвязи, ежечасно радующего сводкой галактических новостей. Тренажерный зал со спарринг-фантомом позволял ежедневно тренировать тело, а библиотека не давала заржаветь мозгам. Иногда я с ужасом замечал, что мне, горожанину и экстраверту, начинает нравиться подобная жизнь. И вовсе не из-за Терри, которая наконец-то была со мной.

Я полюбил одиночество. Оценил прелести покоя и безопасности. На меня не бросались отлично подготовленные убийцы с атомарными мечами, а исполинские военные корабли не пытались превратить Землю в несуществующую планету. Никуда не надо было бежать и не с кем было бороться. Разве что с голографическим фантомом в тренажерном зале или не желающим мыться Трофеем — забавным гибридом кота и собаки.

Мир Сомата красив. Я не геолог и не представляю, какой каприз природы раскрасил местные горы щедрой палитрой художника-сюрреалиста. Не знаю, почему сухая вода непрозрачна и имеет матово-серебристый оттенок. Но летать над Соматом на флаере — увлекательное занятие.

Наш дом стоял на Белом побережье. Это одно из самых ровных мест на планете. Равнина не слишком широка, не больше сотни километров между горами и берегом. Зато она тянется вокруг всего Малого Овального моря. Побережье выстлано мелким белым песком, а редкие скалы состоят из белесого мрамора. На песке, если поливать его нормальной водой, отлично растут деревья. Рядом с нашим домом разбит... был разбит маленький сад.

Зеленые деревья на белой земле — зрелище великолепное. Стимулятор заставил их вымахать метров на десять за какие-то месяцы. К концу первого года земная сакура и тарийский шелковник зацвели, и после этого роща приобрела фантастический вид. На снежно-белой земле стояли усыпанные нежно-розовыми и багровыми цветами деревья — вполне взрослых размеров, но с удивительно нежными листьями и мягкой, как у саженцев, корой.

Сейчас песок в роще черный и спекшийся уродливыми колючими комьями. Ну а деревья напоминают высеченные из антрацита скульптуры. Где-то в глубине стволов еще сохранились живые клетки, но им уже не выбраться из угольного плена. Роща мертва, а возле вспоротых куполов застыли боевые роботы...

Застыли навсегда — те, кто оставил их в засаде, не учли

мощности моего личного щит-генератора. Как ни странно, он сдерживал их залпы почти минуту — пока я, захлебываясь горячим воздухом и собственным криком, ловил в прицел деструктора камуфлированные белым машины.

Конечно, это было случайностью — корабль агрессоров приближался с востока, и роща лежала между ним и защитной станцией. Когда орудия дали по кораблю свой первый и последний залп, их выжгли широкополосным лазером. Но станция была еще жива, а компьютер по прозвищу Махно не имел в своей программе понятия «капитуляция». Я сам вводил в него личностные черты, сделавшие из электронной машину нервного, импульсивного, полагающегося в первую очередь на интуицию «военачальника». Честно говоря, никогда не предполагал, что Махно придется вступать в бой. В первую очередь мне нужен был собеседник с вредным характером. Кто-то еще невыносимее, чем я, — но с кнопкой отключения на пульте.

Лишившись всех своих деструкторов и лазеров, Махно пустил в ход силы второго эшелона: дом прикрыло нейтрализующее поле, а из многочисленных секрет-капсул взлетела навстречу кораблю электронная мошкара.

Сеятели не стали терять время на возню с настройкой деструкторов против многочисленного и разнотипного противника. Они применили «протонный дождик», испепеливший все за пределами защиты. Затем сквозь невидимую пелену нейтрализующего поля прошли... нет, не вооруженные плоскостными мечами солдаты. Мои потомки не собирались драться врукопашную. Они создали биороботов, функционирующих в нейтрализующем поле. Я нашел двоих в полуразрушенном доме — их даже не потрудились убрать. Карикатурно похожие на людей, но покрытые прочной как сталь чешуей, с длинными плетями хватательных щупалец пониже обычных рук, они вызывали скорее отвращение, чем страх. Оба биоробота были рассечены на несколько мелких частей — а Терри в бою предельно рациональна. Похоже, чешуйчатые монстры дрались даже рассеченные надвое.

Два абсолютно идентичных мозга, размещенных в грудной клетке роботов, были размером с детский кулачок и начисто лишены чего-либо похожего на кору.

Я никогда не надеялся, что меня оставят в покое. Я был случайностью, ошибкой, попавшей в безупречные планы землян двадцать второго века. И пускай мое нерасчетное поведение не нанесло вреда, наоборот — спасло Землю, едва не ставшую жертвой собственной игры. Это ничего не меняло. Вначале я оказался не на своем месте, а потом еще и в чужом времени. Двенадцать достойных Геракла подви-

гов не искупили бы ошибки, которую я мог совершить в любой момент. Я это понял — пусть и не сразу. Именно поэтому нашим с Терри домом стал безжизненный Сомат. Мы не собирались оставаться здесь навсегда — но твердо решили отсидеться на краю галактики три-четыре года.

Земля могла успешно осуществлять проект «Сеятели» и разыгрывать перед ошеломленными зрителями свою божественную роль. Война с неведомыми мне, но, очевидно, нехорошими фангами шла своим чередом — переходя от стадии «холодной», когда о ней напрочь забывали, к стадии «теплой», когда выпуски новостей заполняла до тошноты знакомая патриотическая чепуха.

Мы с Терри не вмешивались. И Эрнадо, Ланс, Редрак — наш экипаж, — отправившиеся на цивилизованные планеты, получили те же инструкции. У Редрака осторожность была в крови еще с пиратских времен, ну а Лансу с Эрнадо достаточно было приказа принцессы.

Возможно, не стоило разделяться. На нас с Терри могли выйти различными путями, но самым вероятным оставался вариант с захватом и допросом кого-либо из экипажа...

Теперь это было уже без разницы. Каким бы путем нас ни обнаружили, но Терри оказалась в плену, а я перешел на партизанское существование. На Сомате, где влажность воздуха составляет ноль процентов, а растительности нет и не было, скрываться от врагов почти невозможно. В разрушенном куполе я не обнаружил никакой пищи — меня сознательно вынуждали сдаться. Порыться как следует вокруг не было ни сил, ни времени — в любое мгновение к месту схватки могли подоспеть новые отряды.

Я скрылся в горах с тем же запасом снаряжения, с которым уходил из дома на двухдневную экскурсию. Возможно, меня и не преследовали, но рисковать я не мог.

Так же как и понять, почему Сеятели решились на столь откровенно враждебный жест.

Я мог упрекать своих потомков в чем угодно. Они были жестоки и неразборчивы в средствах. Сеятели ни в грош не ставили созданную ими систему цивилизаций. Патологический страх перед цивилизацией фангов и вера в «историческую неизбежность» победы вытеснили в них всё нормальные человеческие чувства.

Но подлыми Сеятели не были. Они играли честно — пусть даже по своим правилам. И чувство благодарности не было для них пустым звуком.

Почему же они решились на подлость?

Я победил в ментальном поединке их представителя — Маэстро. Но поединок шел по правилам Сеятелей — просто

я оказался более уверенным в своей правоте. Я нарушил законы Сеятелей — но лишь для того, чтобы спасти нашу общую родину, Землю. Я удрал из своего времени, конца двадцатого века, в середину двадцать второго. Но опять-таки не пытаясь помешать своим потомкам. Все, что я хотел,— это жить, не подчиняясь законам «основного потока истории».

Меня могли и должны были искать. Со мной обязаны были проводить долгие душеспасительные беседы. Но вооруженное нападение...

Я усмехнулся, устраиваясь поудобнее на колючих камнях. Принцесса жива — я уверен в этом. Она позовет меня — и кольцо поможет нам услышать друг друга.

Жара. Тишина. Смерть.

Целый мир вокруг — стерильно чистый и безнадежно мертвый. Я выбрал его, надеясь найти покой. Не моя и не его вина, что покой стал слишком редким удовольствием.

Я закрыл глаза. Задремать бы... Солнце подкралось к зениту, и тень от скалы незаметно сползла с меня. Сразу стало нестерпимо жарко — словно на плечи набросили липкий раскаленный брезент. Фильтры в ноздрях пересохли — сейчас придется менять...

Полдень. Двадцать второй век. Увы, совсем не такой, как в любимой книжке моего детства.

Ничего не изменилось — в неподвижном воздухе ни малейшего движения, тишина оставалась звеняще ровной, оранжевый свет сочился сквозь сжатые веки. Но я вздрогнул.

Предчувствие? Ощущение нарастающей опасности?

Осторожным движением я ощупал кольцо. Металл холодный, несмотря на жару, кристаллик-энергоноситель попрежнему на месте. Кольцо не активировано.

А странное чувство не проходит. И обрело конкретность. Ощущение чужого взгляда.

На меня смотрели — не злобно и даже не слишком пристально. Так оглядывают знакомую местность, не особенно интересуясь случайной человеческой фигурой...

Не знаю, откуда берется это чувство «взгляда в спину». И почему оно иногда абсолютно расплывчато, а порой предельно четко. Сейчас я мог уверенно определить и направление «наблюдателя», и расстояние до него — метров десять.

Я открыл глаза — так медленно и осторожно, как только мог.

На мгновение мне показалось, что через полуоткрытые веки я увидел человеческий силуэт — именно там, где и ожидал увидеть. Потом я понял, что нервы сыграли со мной обидную шутку: среди причудливых скал не было никого.

Упрямство заставило меня подняться и подойти к месту,

где пригрезился соглядатай. Укрыться среди камней было абсолютно невозможно, а до ближайшей каменной щели, куда мог втиснуться человек, оставалось метров пятнадцать. Порядка ради я заглянул и туда. Пусто.

Да что ж такое? Глюки? Однажды я убеждал себя в подобной ситуации, что мне мерещится всякая чертовщина. Как оказалось, зря — посреди непроходимых джунглей чужой планеты в люк моего звездолета постучался земной мальчишка...

Себе надо верить всегда — даже если убежден, что ошибаешься.

— Если какой-то умник прячется под маскировочным полем... — прохрипел я, тщетно пытаясь издавать пересохшей глоткой членораздельные звуки, — ему лучше выйти.

Выждав секунду, я потянулся к маленькому диску на поясе. Эта штучка из арсенала Сеятелей в определенных ситуациях весьма полезна.

Предохранительная пластинка лопнула под пальцами, неведомым образом оценив серьезность моих намерений. Диск «запала» издал громкий щелчок и рассыпался в пыль — лазерный пояс был оружием одноразовым.

Я вскинул руки, словно собираясь сдаться в плен. Какой-то датчик определил, что мои конечности вне опасности, и пояс сработал.

Меня словно обжало горячим обручем. Тонкая лента пояса, черная снаружи и белая с изнанки, вспыхнула, превращаясь в поток излучения. Термин «лазерный пояс» не совсем точен, но суть передает верно. Секунду вокруг пылал, обжигая скалы, огненный диск. Маскировочное поле могло отразить такой залп — но именно это стало бы главной уликой.

Светящийся диск померк. Защитная изнанка пояса, тонкая, как папиросная бумага, белыми хлопьями осыпалась на песок.

Я огляделся. Скалы вокруг равномерно оплавились, словно по пенопласту провели раскаленным ножом.

Возвращаться на прежнее место смысла не было. Я нашел новый кусочек тени и устроился там. Похоже, нервы сдали. За мной не следили — спрятаться наблюдатель не мог, равно как и уйти в гиперпрыжок. Побочные эффекты прокола гиперпространства — мощное световое излучение и громкий хлопок воздуха, ворвавшегося на место исчезнувшего из пространства тела. Когда-то тарийские ученые пытались устранить эти демаскирующие явления — и не смогли. Сеятели, насколько я знал, тоже.

— Мне пора менять обстановку, — пробормотал я. — Если видишь людей в пустыне... и разговариваешь сам с собой... значит, дело дрянь.

— А как насчет разговора со мной?

Этот голос я узнал бы из миллиона.

— Терри!

Я поднял руку. Кристалл в кольце пульсировал, бился, как крошечное алмазное сердце. От металла веяло теплом.

— Где ты, Терри? Что с тобой?

Пауза. И смех, веселый и беззаботный.

— Ты что, до сих пор шатаешься по горам? Даже не подходил к дому?

Безумие какое-то...

— Подходил, Терри, — очень тщательно подбирая слова, произнес я. — И снова ушел в горы.

Вот теперь голос Терри изменился.

— Ты не получил записки? О том, что я на Земле и тебе надо вызвать корабль Сеятелей...

— Ты в плену? — почти закричал я. И глупо спросил: — Тебя заставили говорить со мной?

— Сергей! О чем ты? Я не в плену, а на твоей планете! Я же все объяснила в записке, ты получил ее?

— Получил лазерный залп на подходе к дому, — тихо сказал я. Меня трясло от унижения. — Кто-то ведет двойную игру, Терри. Я даже не уверен, что говорю с тобой.

— Сергей!

Несколько мгновений мы молчали. Камень в кольце пульсировал все быстрее. Его энергоресурс не безграничен, кольцо не сможет обеспечить нам долгой беседы.

— Это действительно я, — голос Терри зазвучал чуть спокойнее. — Не понимаю, что происходит, но тебе надо прибыть на Землю. На орбите Сомата ждет корабль, вызови его на стандартной волне...

— Терри, в нашем доме не осталось ни одной целой микросхемы. Даже стен не осталось. — Я откашлялся, восстанавливая голос. — Кроме того, я не доверюсь своим землякам. Разбей камень.

— Кольцо выкинет тебя в любой точке Земли, — неуверенно сказала Терри. — Это же не Тар, где нет океанов.

— Я понимаю. Но придется рискнуть. Активируй кольцо.

Мои слова были такими же сухими, как мое горло. На другом конце гипертуннеля со мной мог разговаривать компьютер — или же Терри, но одурманенная наркотиками и гипнозом.

— Хорошо, — покорно сказала Терри. Если это была она. И я не выдержал:

— Терри, малышка... Мы встретимся там же, где познакомились, хорошо? Ты помнишь?

— Да... Сергей, ты готов?

— Абсолютно.

Я встал, выдернул из ножен меч. Если это ловушка... если техника Сеятелей перехватит меня и выкинет в тюрьме, то лучше быть вооруженным. С атомарным мечом я смогу пройти через любую дверь — и достаточно большое количество тюремщиков.

— Давай, Терри, — прошептал я.

Кольцо полыхнуло оранжевым — и я почувствовал, как сковывает тело пленка силового поля. Вперед, через гиперпространство, сквозь наркотическое безумие туннельного гиперперехода. Обратно, на Землю. На чужую планету, в мир моих потомков Сеятелей.

Вокруг сомкнулась темнота.

2. Возвращение

Когда я впервые прошел через гипертуннель, я даже не предполагал, что меня ждет. Странное, нестерпимое наслаждение, охватывающее человека в гиперпространстве, застало меня врасплох.

Сейчас я ждал чего-то подобного. Буйства красок и запахов, сладострастной дрожи, охватывающей тело...

Не было ничего.

Лишь легкость — куда более глубокая, чем невесомость. Ощущение полной бесплотности, бестелесности — меня действительно не существовало в тот отрезок времени, когда утратившее трехмерность пространство воссоздавало мое тело в иной точке.

— *Ты счастлив?*

Это был мой голос. Я сам задал вопрос — и не удивился тому, что задумался над ответом.

— Наверное...

— *Значит, нет. А почему?*

— Я устал.

Смех. Я смеялся, чувствуя, как накатывает запоздавшая почему-то эйфория. Над своими вопросами и ответами, над серьезностью и доверительностью диалога.

— *Устал? Двадцать семь лет — очень маленький срок. Что ты знаешь про усталость?*

— Слишком много событий... слишком много поворотов... я не успеваю за ними...

Оранжевое зарево полыхало вокруг. Я несся сквозь полотнища розового и багрового света, рассекая редкие сгустки белого пламени. Тепло и холод, полумрак и свет. И пьянящий восторг.

— Я стрела, пущенная в закат, — прошептал я. — Я счастлив, и я не устал...

И тут же предостерег сам себя:

— *Не сходи с ума. Расслабься. Думать в такие моменты вредно, просто отдыхай. Ты никуда не летишь, ты уже на Земле. В гиперпространстве нет времени. Все твои ощущения длятся доли секунды, пока тело обретает материальность.*

— Я отдыхаю...

Сладость на языке. И ласковые прикосновения к лицу. Запах моря... и тихая музыка вдали.

— *Отдыхай. И запомни, это хороший совет: самый простой путь — всегда самый верный; самые простые решения — всегда надежнее сложных. С прибытием.*

Я почувствовал, что падаю, и в падении уже не было легкости. Ветер был слишком холодным, а вода, в которую я упал, ударила по ногам упругой резиновой плитой. С прибытием...

Я ушел под воду с головой, вынырнул, отплевываясь и жадно глотая воздух. Горячие пробки заткнули уши, одежда намокла. Пускай. Это настоящая, живая вода, которой я не видел два года.

Неумело загребая руками — почти разучился плавать,— я посмотрел вдаль. Берега не было. Терри не зря предупреждала меня об опасности выйти из гипертуннеля где-нибудь над океаном. Но, черт возьми, на Сомате такая опасность всерьез не воспринималась...

Меч тянул ко дну — плоскостное лезвие почти невесомо, но движения стесняет. Без колебаний я отбросил клинок. Содрал со спины перевязь с тяжелыми ножнами. Опять ушел под воду, избавляясь от них. Глотнул очередную порцию воды...

Она же пресная!

Я повернулся и увидел берег. В какой-нибудь сотне метров. Если бы не залившая уши вода, я услышал бы шум разбивающихся волн.

Жалеть о мече не стоило — плыть с ним смертельно опасно. И все же я почувствовал себя обманутым. Какие капризы кольца выбросили меня именно здесь, а не на берегу?

Плыть пришлось недолго — метров через пятьдесят я почувствовал под ногами дно. Встал, подталкиваемый невысокими волнами, и побрел по отмели к берегу.

Был вечер. Облака над горизонтом багровели — наверное, солнце село только что. Небо оказалось сероватосиним, неуютным, северным. А вдоль берега тянулась темная стена соснового леса.

Интересно, где я? В Канаде, на Великих озерах? На Байкале?

Берег был каменистым и чистым. Ни малейших следов человека. Я отошел подальше, к самой кромке леса, и опустился на траву. Я промок до нитки, но сушить одежду не хотелось. Сомат научил меня ценить влагу.

Ближайшие сутки мне не грозил голод: питательные таблетки действовали безотказно. Потом можно ловить рыбу, собирать ягоды и грибы. И двигаться вдоль берега, отыскивая признаки цивилизации — города, села... химкомбинаты... ржавые бочки, полузатопленные в воде. Телефонную будку, наконец.

Усмехнувшись, я похлопал себя по карманам. Надо разобраться, с чем я вернулся на свою планету.

Странно — ткань комбинезона сохла на глазах. С нее стекали последние капли воды и шел пар. Подкладка ощутимо нагрелась.

Я покосился на правое плечо. Там тускло помаргивал зеленый огонек. Комбинезон работал, и до моей внезапной любви к мокрой одежде ему не было никакого дела.

Хмыкнув, я растянулся на травке. Полчасика можно отдохнуть. Не спеши пока тебя не торопят, учил меня когда-то Эрнадо.

Самый простой путь — самый верный, поучал я недавно сам себя. Забавный бред охватил меня в гиперпереходе.

Небо над головой темнело, и облака становились все светлее. Небо Земли. Почему-то я не испытывал никакого восторга, вернувшись в свой мир. Мне скорее было не по себе от возвращения.

И самое смешное — я боялся не того, что Земля неузнаваемо изменилась. Я боялся, что она осталась прежней.

— Посмотрим, — сказал я себе. — Маэстро Стас, в конце концов, оказался не самым плохим человеком.

Тем более что Сеятели явно не похищали Терри. Если бы она применила кольцо под их контролем, я оказался бы не на берегу озера, а в камере, заполненной усыпляющим газом. А то и просто в тисках силового поля. Никакой меч мне бы не помог.

Я закрыл глаза. Все нормально. Я на Земле и, похоже, в безопасности. Если с Терри все в порядке, то ни в какие авантюры я не полезу. И даже не стану разбираться, кто устроил налет на мой дом и засаду из боевых роботов.

Часов до двух ночи я просидел на берегу у костра. Разжечь его удалось не сразу — из источников огня у меня был лишь лазерный пистолет с полупосаженным зарядом. Впро-

чем, и на самой низкой мощности луч не поджигал сучья, а резал их на части. Наконец, рассвирепев от пятой или шестой неудачи, я задвинул в гущу валежника камень и раскалил его лучом докрасна. Ветки, даже влажные, моментально занялись. Я устроился с наветренной стороны, время от времени подбрасывая в огонь сосновый лапник. Несколько мгновений он сопротивлялся пламени, потом вспыхивали эфирные масла, и длинные зеленые иглы начинали светиться рубиновым светом. От костра пахло хвоей, причем не горелой, а живой, словно от новогодней елки.

Пять лет не отмечал Новый год. А пожалел об этом лишь теперь. Наверное, это слишком земной праздник.

Сейчас на Земле, должно быть, конец лета. Конечно, если не изменился климат, а я не ошибся, решив, что это озеро — Байкал. Ветерок был холодным и пах не по-летнему. Ягод я никаких не нашел, но, возможно, в этом был виноват сгустившийся сумрак. Не беда. В своем комбинезоне я не замерзну и зимой.

Ночное небо на Земле оказалось для меня самым реальным доказательством прошедших столетий. Нет, рисунок созвездий не изменился, или же моих познаний в астрономии не хватило, чтобы заметить отличия. А вот ползущие по небу искры космических спутников привели бы в экстаз Циолковского или Королева. Честно говоря, от их обилия становилось не по себе. Разноцветные огни скользили во всех возможных направлениях с самыми неожиданными скоростями. Несколько раз траектории спутников менялись у меня на глазах, причем под такими углами, что в наличии гравикомпенсаторов можно было не сомневаться. С десяток спутников имели явно километровые размеры — они выглядели не точками, а маленькими дисками. Вокруг одного такого диска периодически вспыхивал тусклый ореол, который я определил как вторичные эффекты работы плазменных двигателей. Похоже, эта махина ползла по такой низкой орбите, что ей постоянно приходилось компенсировать потерю высоты от торможения в стратосфере.

На востоке, почти у самого горизонта, висело нечто вообще невообразимое — тусклый квадратик, от которого уходила вниз колонна яркого света. Умом я понимал, что это всего лишь космическое зеркало — огромная блестящая пленка, отбрасывающая на нужную точку земной поверхности солнечный свет. Но единственная ассоциация, которую вызывало у меня зеркало, была до жути прозаической. Окошко. Маленькое квадратное окошко в темном подвале, из которого сочится дневной свет.

Зрелище открытого в небе окна вызывало у меня если не

трепет, то какое-то потрясающе неуютное ощущение. Ни на одной планете в галактике я не видел такого простого и впечатляющего решения проблемы ночного освещения.

Земля казалась мне чужой, словно девчонка-одноклассница, впервые наложившая яркий макияж и надевшая взрослое платье. Это был уже не совсем мой мир.

Но, если верить Маэстро, здесь любили Данькины картины. А ту политику, которую вела Земля последние два года, открыв планетам Храмов свое существование, никак нельзя назвать несправедливой или колониальной.

Единственное, на чем Земля настояла, так это на создании системы взаимопомощи человеческих миров с Десантным Корпусом в качестве основной ударной силы. Но эта военная структура управлялась общим советом представителей планет, носила явную оборонительно-противофанговскую направленность и за два года ничем себя активно не проявила.

Возможно, я был несправедлив к родной планете.

Посреди ночи, когда костер стал догорать, я соорудил себе в сторонке постель из веток и улегся досыпать. После скал Сомата колючее хвойное ложе показалось мне вполне приемлемым.

Меня разбудили птицы.

Минуту я лежал, не открывая глаз. Где-то совсем рядом, в нескольких метрах, пощелкивала неведомая пичуга. Лет пять назад я счел бы ее пение немногим мелодичнее вороньего.

Сейчас я был рад этим звукам. Меня приветствовала Земля — не всегда красивая, не всегда изысканно благородная. Единственная родина людей. Моя планета.

— Здравствуй, — прошептал я. — Доброе утро...

— Доброе утро.

Со мной поздоровались чуть удивленно, но вполне вежливо. Прежде чем незнакомец закончил фразу, я, не вставая с земли, метнулся в сторону. Должно быть, это выглядело забавно: полупрыжок-полусальто с одновременным похлопыванием по затылку — именно так должна была выглядеть со стороны моя попытка вытащить из отсутствующих ножен утопленный меч.

Приземлившись метрах в двух от постели из лапника, я потянулся за пистолетом. И остановил руку.

Мой утренний гость не напугал бы и ребенка. Тощий белобрысый парень лет семнадцати, длинноволосый, в больших круглых очках. Неужели в двадцать втором веке Земля не справилась с близорукостью? Из одежды на парне были черные плавки и блестящая, словно из фольги, лента, не-

брежно намотанная на правую руку от локтя до плеча. Несмотря на столь скудный гардероб, юноша был совершенно незагорелым, кожа его отливала почти молочной белизной.

— Твой утренний тренинг? Или я вас напугал?

Парень слегка улыбнулся. Несмотря на полную растерянность, я отметил неожиданную смесь обращений на «вы» и на «ты» в его словах. Своим ответом я, видимо, определял дальнейший стиль наших отношений...

Не люблю, когда за меня пытаются что-то решить.

— И то и другое, — пытаясь улыбнуться, ответил я.

Парень задумчиво смотрел на меня. Потом приподнял ладони в своеобразном приветствии.

— Извини, — вполне дружелюбно сказал он. — Ждал, пока ты проснешься. Хотел позвать на завтрак.

Его русский был безупречен — но с легким акцентом, словно у прибалта. И все же у меня не возникло ни тени сомнения, что он говорил на родном языке. Просто русский язык чуть-чуть изменился.

— Я думал, поблизости никого нет, — пояснил я. — Вот и растерялся.

— Я роддер, — невозмутимо сказал парень.

— Роджер? — я не понял незнакомого слова. И удивил этим собеседника.

— Род-дер, — раздельно произнес он. — Или о нас уже никто не помнит?

Я пошел ва-банк.

— Мне казалось, — осторожно произнес я, — что роддеров остались единицы.

Парень поморщился, и я почувствовал, что угадал.

— Нет, десятки... Понимаю. Суть в фангах и генормистах. Мы за скобкой. Но — есть.

Небрежно кивнув, я потянулся. И спросил:

— Так как насчет завтрака?

Парень снова вытаращился на меня. Зачем-то снял очки — и я заметил, что он совершенно не щурится.

— Ты интересно говоришь. Откуда?

Раздумывать не приходилось. Я показал рукой вверх.

— Колонист?

— С Земли, но долго жил там.

— В объеме, — совершенно дико заключил парень. Похоже, мой ответ его удовлетворил. — Насчет завтрака... Насчет... — смакуя слово, произнес он. — Идем.

Мы двинулись к лесу. Парень вдруг спросил:

— Знакомимся?

Я кивнул. Чем меньше звуков я издам, тем лучше.

— Андрей.

— Сергей.

Мы шли через лес, впереди Андрей, помахивая снятыми очками, за ним я. Парень вилял между деревьями самым диким образом, никаких следов тропинки не было, и я заволновался.

— Не заблудимся?

Слава Богу, это слово Андрею было знакомо. Он опять смутился, как при вопросе о количестве роддеров, и пробормотал:

— Нет, я с пищалкой.

Он неопределенным жестом указал куда-то на ухо. Приглядевшись, я увидел на мочке крошечный кусочек розового лейкопластыря.

— Метров сто, — добавил Андрей. И протянул мне очки: — Погляди пока.

Стараясь сохранять невозмутимый вид, я надел очки. Они были очень легкими, а стекла, если это действительно были стекла, оказались плоскими.

Как только я отнял руку от очков, стекла слегка потемнели. По ним пробежала сверху вниз красная светящаяся полоска. Потом на затемненном фоне появилось изображение — крутящийся белый кубик. Он начал приобретать объем — и вдруг выплыл из стекол и полетел перед моим носом, постепенно увеличиваясь.

— Настроились? — заботливо поинтересовался Андрей.

— Да, — я с трудом подавил желание снять очки. Стекла вновь посветлели, и иллюзия кубика стала полной. Вот он, в метре передо мной, шагни — и можно дотронуться рукой.

Кубик плавно раскрылся, превращаясь в полупрозрачное полотнище... огромный кленовый лист... плавно взмахивающую крыльями бабочку. Это было не настоящее насекомое — скорее его мультипликационный вариант. Бабочка порхала передо мной, старательно огибая ветки деревьев. Огибая, черт возьми!

Я опустил голову, глянул поверх очков. Никого, разумеется.

В ушах зазвучала тихая музыка. То ли флейта, то ли свирель, далеко-далеко, почти за гранью слышимости.

— Это Юркинсон, «Мотылек с Ио», — сказал Андрей. — Сейчас пойдет по низам — сак и тамы... О, мы пришли.

С облегчением сняв очки, я отдал их Андрею. Мы вышли на полянку, и роддер торопливо содрал с уха лейкопластырь.

— Полный нуль, — попросил он, отбрасывая в кусты «пищалку».

Я понял. Что ж, промолчу. Неужели для роддеров, кем бы они ни были, подобные путеуказатели запретны?

— Конечно, Андрей. Полный нуль, — успокоил я его.

3. Завтрак на поляне

Более странной компании мне еще видеть не приходилось. Главным в ней, бесспорно, был Дед: мужчина лет сорока на вид — об истинном возрасте мне оставалось лишь догадываться — с ярко-рыжими волосами, в костюме неопределенно-спортивного покроя. Такая одежда не привлекла бы внимания и на Земле двадцатого века, и где-нибудь на Таре или Схедмоне в двадцать втором. Мое появление он приветствовал знакомым уже жестом ладоней, после чего занялся разжиганием костра.

Костер был сложен бездарно.

Единственной девушкой в группе оказалась юная особа по имени Криста. Ее внешность представляла разительный контраст пухленькой фигурки и лица с резкими, угловатыми чертами. Впрочем, улыбка у Кристы вышла доброй, безобидной и, похоже, искренней. Ее белый, разукрашенный цветной вышивкой костюмчик выглядел едва ли не домотканым. Но на ткани почему-то не осталось ни единого пятнышка, когда Криста привстала с мокрой густой травы.

Наиболее равнодушными к моему появлению остались два подростка лет четырнадцати-пятнадцати. Один дремал на разложенном под деревом одеяле. На нем были лишь буро-зеленые шорты, и я мысленно поздравил парнишку с хорошей закалкой. Было по-утреннему прохладно, с озера тянул влажный ветер. Потом я заметил маленький тускло-серый цилиндрик. Воздух над ним подрагивал, как над асфальтовой дорогой в жаркий день. Подобные модификации «тепловых одеял» я встречал не раз.

Второй парнишка кивнул мне и нырнул в оранжевый шатер маленькой палатки. Я лишь успел заметить, что лицо у него совсем детское, а на груди болтается золотистый круглый медальон.

Андрей проводил парнишку пристальным взглядом и сказал:

— Это Вик на тебя навел. Он сенс, не очень сильный, но в такой глуши человека чует километров за десять.

Я кивнул. Если телепатией владели Храмы, то почему бы ее не освоить и Сеятелям? Надеюсь, мои мысли «сенс» прочесть не сможет.

Дед наконец-то справился с наваленными как попало ветками. Начало потрескивать разгорающееся пламя. С видом полностью удовлетворенного человека Дед отошел от костра и спросил:

— Будете жареное мясо? Натуральное.

Я кивнул. И снова отметил, что моим согласием удивлены. Спас положение Андрей:

— Сергей колонист. Его натуральными продуктами не удивишь.

Криста с любопытством уставилась на меня. Дремлющий подросток повернул голову. А Дед спросил:

— Откуда? Если открыто...

Земные информвыпуски я смотрел редко. Наверное, боялся ностальгии. А вот сводки новостей с планет-колоний не пропускал. У Земли было десятка четыре реальных, заселенных межзвездными экспедициями колоний. Все остальные являлись порождением Храмов. И отношение к «настоящим» и «храмовым» колонистам не могло быть одинаковым...

— С Берега Грюнвальда, — заявил я.

Колонию на Сириусе, названную в честь погибшего шведского пилота, населяли большей частью славяне. Кроме того, этот мир освоили сравнительно недавно, как только был создан экран, защищающий планету от излучения Сириуса-А. Она оставалась в значительной степени зависимой от метрополии — и в то же время наверняка обзавелась своим сленгом, обычаями, этикой.

— С Берега? — дремлющий подросток приоткрыл глаза и засмеялся. — Это там, где небо в клеточку?

— Щит-сеть видна лишь на закате,— резко ответил я.— Благодаря ей мы можем ходить без личной защиты.

— Не обижайся, — миролюбиво хмыкнул тот. И снова утратил ко мне интерес.

Полезно иногда смотреть познавательные программы... Я мысленно поставил себе плюс. И принялся отвечать на вопросы Деда и Кристы — самых любопытных из компании.

Да, я родился на Земле. В Москве (я надеялся, что российскую столицу переименовать не рискнут). На Берег Грюнвальда улетел с родителями, когда мне исполнилось девять. Работал пилотом, возил грузы на транспортных дисках, пассажиров на флаерах. Зачем нужны пилоты? С нашими ураганами автоматика не справится. Иметь пилотов-профессионалов дешевле (это тоже было правдой, почерпнутой из программы новостей). Да, женат. Детей нет, успею. Собираю модели космических кораблей, особенно старинных. «Восток», «Джемини»... Не слыхали? На Землю прилетел вчера. День побродил по Москве, потом решил побывать на природе. Нет, не очень. Завтра, а то и сегодня, улечу.

Поджарить мясо по грюнвальдским рецептам смогу. Но нужны специи... Нет? Как жалко.

Минут через десять я все же нанизывал на тонкие стальные шампуры аккуратные кубики мяса. Возможно, оно и

было натуральным, но с первого взгляда в это не верилось. В мясе не оказалось ни одной косточки или хрящика, оно было нарезано кубиками и запаковано в прозрачную пленку.

— Сейчас всё не так... — пробормотал Дед. Он начинал напоминать мне отца. Такой же немногословный и сожалеющий о прошлом, не то чтобы старый, но предельно взрослый. Особенно если пытался выглядеть моложе.

— Времена меняются, — изрек я проверенную столетиями мудрость. Дед искоса взглянул на меня.

— Не знаю. Люди меняются, а вот времена... Лет пятьдесят назад, когда я начал роддерствовать...

Ого! Деду действительно было не меньше шестидесяти. Не пошел же он бродяжничать в младенчестве.

— ...тогда имелась цель. Был смысл. Я знал роддера... наверное, единственного настоящего роддера в мире. Игорь, не помню фамилию...

Я с деланным вниманием кивал, заканчивая очередную палочку шашлыка. В герметично запаянном пакете я обнаружил десяток спелых помидорин и теперь нанизывал их вперемежку с мясом. И как они ухитрились не подавить овощи?

— А ты знаешь, как все началось? Почему появились роддеры?

— Нет.

Разговор становился интересным. Просто чересчур познавательным, если говорить честно. А не подставных ли бродяг встретил я в лесу?

— Когда распространились пищевые синтезаторы и пища стала практически бесплатной, многие прекратили работать. Исчезла потребность в труде, а других стимулов не нашлось. На более-менее интересные должности пробиться могли единицы...

Я оцепенел. Руки автоматически продолжали прежнюю работу, а в сознании крутилось: «пищевые синтезаторы», «пища стала бесплатной...»

Случайность? Или результат контроля Храмов? Я вновь был на борту «Терры». Мы опустились на Рантори-Ра, и мутное красное солнце всплывало над горизонтом. Степь вокруг была черной, выжженной, словно мы сели на главной мощности. Я на пару с Лансом выгружал из корабля тяжелые коробки с консервами и концентратами, а управлявший транспортером Эрнадо произнес: «Воздух и вода здесь почти очистились, а вот почва... Если бы они могли не есть местной пищи... Но разве сто миллионов продержатся на подачках!» Рантори-Ра, планета-самоубийца. Планета-прокаженная, чьи последние жители медленно догнивали на отравленной

земле под ядовитым небом. Десяток их стоял сейчас невдалеке от корабля — ближе подпустил бы только сумасшедший. Полулюди-получудовища. А им всего-то надо было питаться нерадиоактивной пищей.

А еще я вспоминал Шетли. Планета, проигравшая межзвездную войну и выплачивающая растянутую на сотни лет дань. Не знаю, кто был прав, а кто виноват в той давней войне — мне хватило прогулки по столичным улицам Шетли, чтобы утратить любопытство. Планета платила репарации продовольствием — самым дорогим товаром галактики, если не считать оружия. Но оружие им производить запретили...

Мы с Эрнадо шли к офису местной торговой компании, блоки личной защиты на наших поясах были включены. Так посоветовала администрация космопорта, и желания спорить с ней не возникало. Прохожие провожали нас долгими взглядами, мне становилось не по себе. Не то чтобы они выглядели истощенными — скорее одутловатыми. «Несбалансированное питание», — обронил Эрнадо, он разбирался в окружающем куда лучше меня. «Зайдем в ресторан, посмотрим, чем они питаются», — полусерьезно предложил я. «Хорошо, только не стоит брать мясо». Секунду я стоял посреди тротуара, пытаясь сообразить, нет ли в словах Эрнадо менее жуткого смысла. Потом сказал: «Мы улетаем. Я не повезу с этой планеты ни грамма продовольствия, сколько бы ни заплатили». Эрнадо кивнул, соглашаясь. Но добавил: «Разве это что-то изменит...»

Земля вот уже полсотни лет владела синтезаторами пищи. Но ни в одном мире Храмы не подсказали людям этого секрета.

— Отвлекаю, Сергей? — поинтересовался Дед.

— Нет. Рассказывай, я слушаю.

— Чаще всего в роддеры уходила молодежь. Даже дети, те, кто получил Знак Самостоятельности. И до тех пор, пока не возникли гипердвигатели, иного выхода на было. Лишь когда началась колонизация...

Я устроил шампуры с мясом над огнем. С роддерами все стало более-менее ясно. Гибрид хиппи, панков и рокеров. С абстрактной добротой хиппи, презрением к реальному миру панков и любовью к передвижению рокеров. Впрочем, мотоциклов и прочих технических средств роддеры не признавали. По большей части они передвигались пешком, лишь при необходимости переправиться на другой континент пользовались авиатранспортом. Бесплатным. Земля действительно стала богатой планетой.

— ...привлекала возможность новых странствий, романтика неизученных миров. Роддеров высосало словно прямо-

точником. А в колониях все оказалось по-другому. Самые упорные гибли, остальные занялись делом. Это оказалось интереснее, чем бродить по дорогам, пользуясь гарантированным минимумом услуг...

Дед замолк, глядя в огонь. Криста подсела ближе, фыркнула:

— Сбрасывай, Дед. Сергей слушает от вежливости. Ты развертываешь, как из программы истории. Это открыто всем.

Дед виновато кивнул. Принялся переворачивать палочки с мясом. И тут у нас за спиной раздался негромкий голос:

— Но Сергей этого не знал. Он впитывал данные.

По спине пробежал холодок. Я обернулся. Рядом сидел Вик — тот самый парнишка, что почувствовал мое присутствие. Сенс.

Чего мне только не хватало для полного разоблачения, так это телепатов.

— Никогда не интересовался историей, — равнодушно ответил я. — В том числе и роддерами. Зря, наверное.

К нам подошел Андрей. И с легким восторгом в голосе предположил:

— А может, ты разведчик из хроноколоний? На прошлой неделе передавали про одного, с планеты Клэн.

Теперь уже меня рассматривали все. И я прекрасно знал, что они видят: жесткое, с очень сухой кожей лицо — а на Берегу Грюнвальда высокая влажность, полувоенного вида комбинезон — достаточно неудобный в повседневной носке, пристегнутый к поясу чехол — не опознать в нем кобуру почти невозможно.

— Разведчик подготовился бы лучше, — с наигранным весельем в голосе ответил я. И, вспомнив одно из сленговых словечек, добавил: — Твоя идея не в объеме.

Неожиданно мне на помощь пришел Вик.

— Он не разведчик, Андрей. Он наш, с Земли. Я инопланетчиков чувствую.

— Жаль, — с искренним сожалением вздохнула Криста. — Стало бы интересно.

Да уж. Если разведчик из хроноколоний имел наглость проникнуть в мир Сеятелей, он без колебаний уничтожил бы лишних свидетелей. Но роддерская компания этого, похоже, не понимала.

Мы принялись завтракать, но в воздухе словно осталась какая-то неловкость, натянутость. Андрей начал обращаться ко мне на «вы», Криста постоянно бросала любопытные взгляды, быстро отводя глаза. Вик и второй подросток молчали. Лишь Дед никак не прореагировал.

Припоздавший завтрак — солнце уже подобралось к зе-

ниту — завершил апельсиновый сок из картонных коробочек. Я отметил, что вскрытые коробочки, небрежно откинутые в сторону, через несколько минут размякли и побурели. Над проблемой отходов на Земле поработали неплохо.

Мой стакан, под удивленные взгляды роддеров брошенный в костер, вспыхнул ярким бездымным пламенем.

Первым, кому наскучило поддерживать видимость непринужденного отдыха, оказался Андрей. Он легко поднялся с травы, похлопал ладонями по ногам, сбрасывая налипший сор. Спросил, обращаясь не то к Кристе, не то ко всем присутствующим:

— Может, поиграем?

Криста кивнула, поднялась и медленно пошла в сторону озера. Проходя мимо палатки, она подхватила с травы прозрачный сверток — не то матрас, не то целый надувной плотик.

— Дэн, Вик, — обращаясь к подросткам, продолжил Андрей. — Поддерживаете?

Вик покачал головой, а Дэн лениво побрел за Кристой. Андрей шел последним.

Меня на свои водные игрища они и не подумали позвать... Я поморщился. Пускай. Не очень-то и хотелось. Лучше выяснить у Деда, как отсюда выбираться.

Дождавшись, пока троица скроется из виду, я повернулся к предводителю роддеров. И поразился происшедшей с ним перемене. С него сползла маска солидности, но одновременно исчезли и дурацкие попытки казаться моложе. Просто мужчина средних лет, отчаянно пытающийся скрыть разочарование. Интересно, что его так расстроило?

— Дед... — меня вдруг покоробило от глупого прозвища. Пусть им пользуется Андрей с компанией. — Как тебя звать?

— Майк, — просто ответил он. Покачал головой. — Ты очень странный, Сергей. Чужой.

— Как сказал Вик, я с Земли.

— Это ничего не значит.

Майк подобрал ветку, поворошил ею в огне. Тихо сказал:

— Спрашивай, Сергей. Я отвечу. И не покажу, если вопросы меня удивят.

— Ты давно вернулся в роддеры?

— Месяц назад. Собрал команду и ушел. Зря, надо было одному.

Я кивнул.

— Ты здесь единственный настоящий бродяга, Майк.

— Знаю. Я надеялся на Андрея... на Вика. Но они не умеют кричать молча.

Я понял. Глянул на безучастно наблюдающего Вика, сказал:

— Наверное, время пассивного сопротивления прошло. Вы боролись против жизни, в которой нет места для миллионов. А с чем роддеры должны бороться сейчас? На что ты хотел их поднять?

— С чем? — Майк помолчал. Затем добавил, зло, мгновенно изменившимся голосом:

— Ты из колонии... если информация верна. Неужели сам не видишь, что происходит? Во что превратилась Земля?

— Нет, не вижу, — честно ответил я.

— Ты знаешь, откуда появились хроноколонии?

— Ну, в общих чертах... — У меня гулко застучало сердце.

— В общем может быть лишь ложь. Правда всегда в частности. Никакого проекта «Сеятели» не было.

— Неужели? — Я едва сдержал смех.

— Да. Великая миссия Земли — наполнить галактику разумом, создать тысячи новых цивилизаций — это чушь. Фанги! Вот где причина. Наше правительство такое же сумасшедшее, как и они. Какие-то умники решили создать из ничего целую армию союзников. Разгромить фангов руками марионеток.

Я ошарашенно смотрел на Майка. Господи, неужели он действительно считает, что сообщил мне что-то новое? Неужели большинство землян верит в бескорыстность проекта «Сеятели»?

А знают ли они о начинке «Сеятелей» — проекте «Храм»? О том, что планеты хроноколоний полностью контролируются Землей?

— Майк, — осторожно начал я. — Если ты прав, то вся идея с хроноколониями неэтична. Но вполне разумна. Союзники появились.

— Появились, — Майк горько усмехнулся. — А что будет завтра? Когда боевики хроноколоний покончат с фангами? Они возьмутся за Землю и ее жалкие сорок колоний. Из огня да в полынью, так говорится?

— Не так. Из огня в полымя, из огня в огонь, если угодно. Я думаю, Земля вполне в состоянии контролировать колонии. В конце концов, все они развиты меньше, чем мы. У них более слабое оружие... и даже нет синтезаторов пищи.

— Тем более, Сергей. Сейчас они еще считают нас полубогами, прародителями, великим и добрым миром. А когда узнают, что на самом деле мы планета трусов, решивших спрятаться за плечи своих детей? Мы превратили свой завтрашний день в день вчерашний. Не важно, что этим мы

спасаем свое сегодня. Расплата придет, Сергей. Они не простят нам своей отсталости, своей роли пушечного мяса. Уже сейчас хроноколонии пытаются понять, кто мы на самом деле. Они не простят.

Я молчал. Ты прав, Майк. Не простят. Никогда. Ни роли бесплатных солдат в галактической бойне, ни многовекового «тренинга» перед схваткой, в который превратили их жизнь Храмы, ни голода, ни вечного страха перед Сеятелями-богами.

А главное — нам не простят самозванства. Нельзя притворяться богом. Им нельзя и быть, но можно — пытаться. Изо дня в день доказывать, что хочешь быть богом. Не важно, добрым или злым. Нельзя останавливаться, иначе скатишься с Олимпа...

Земля остановилась.

— Майк, но чего же ты добиваешься? Здесь не помогут роддерские пути... молчаливый крик и отказ от цивилизации.

— Сергей, сколько тебе биолет? Земных лет?

— Двадцать восемь.

Майк удивленно посмотрел на меня. Сказал:

— Я думал, лет на десять больше. Тогда понятно. Ты думаешь, что путь тела, путь активности важнее, чем путь души. Но мир можно изменить, лишь изменив каждого человека в мире.

— Интересно, как изменить человека, не проявляя никакой активности.

— Своим примером. Показать ему, как меняется душа, и увести за собой.

— Многих же ты увел, Дед.

Майк криво улыбнулся.

— И все-таки, чего ты добиваешься? Пусть роддеров станет много, пусть они превратятся в силу... пассивную силу. Хроноколонии уже существуют, этого не изменить.

Майк помолчал, потом неохотно ответил:

— Пути есть. Уйти из нашего пространства... оставить его фангам и хроноколониям. Пусть разбираются между собой.

Я промолчал. Если Майк считает, что путь духовного совершенствования должен кончиться предательством галактических масштабов... На подлеца он не похож.

А может быть, старый роддер действительно считает эту альтернативу самой этичной. Может быть, он видит и другие развязки в треугольнике Земля-фанги-хроноколонии. Неизмеримо худшие, чем бегство землян в иное пространство?

— Дед, — не глядя на него, спросил я. — Ты со всеми ведешь такие беседы?

— Нет, — не колеблясь ответил Майк. — Я не высказывал всего даже своим ребятам.

— А в чем тогда дело? Вербуешь в роддеры? Не пойду.

— Ты землянин, я верю Вику. Ты колонист... если верить тебе. На тебе защитный комбинезон сотрудников проекта «Сеятели», если мне вконец не изменяет память. Но ты ненавидишь этот проект куда больше, чем я...

Дед лениво поворошил ногой тлеющие ветки. Похоже, его костюм огнеупорен, как и мой.

— Видишь ли, Сергей, любой настоящий роддер — это отличный психолог. И читает мимику даже очень сдержанных людей. Твою мимику не поймет разве что ребенок. Ты чужак, прячущийся от властей.

4. Гостиница для шпиона

Я попытался улыбнуться, но лицо не слушалось, улыбка вышла жалкой и ненатуральной.

— И что ты собираешься делать, Майк?

— Ничего. И вовсе не из-за твоего пистолета. Мы тоже оппозиция власти — пусть и пассивная.

Почему-то я верил ему. Даже без всяких объяснений. Однако Майк решил внести полную ясность:

— Схватись с ними. Лишняя проблема проекту «Сеятели» или Ассамблее — это шанс, что услышат и наш голос.

— Тем более что он станет компромиссом, — предположил я.

Дед кивнул. Не удержавшись, я добавил:

— Впору загордиться. Опытный психолог-роддер считает меня проблемой для целого проекта с двухмиллионным штатом.

— Считаю, — серьезно подтвердил Майк. — Не от хорошей жизни, но считаю.

Он порылся в лежащем на траве рюкзаке. Странно, но эта деталь туристского снаряжения почти не изменилась: те же лямки и клапаны, карманы на боках, ярко-оранжевая ткань, уже слегка выгоревшая на солнце.

Дед извлек из кучи какого-то разноцветного тряпья плоскую стеклянную флягу с прозрачной коричневой жидкостью, протянул мне.

— Коньяк? — не глядя на этикетку, поинтересовался я. Наверное, зря — кто знает, не стал ли этот напиток в двадцать втором веке антикварной редкостью. Но все прошло благополучно.

— Да. «Кутузов», семилетняя выдержка.

Я с любопытством уставился на этикетку. Она была лубочно-яркой, нарисованной словно в пику строгой «наполеоновской». Мы молча, торжественно разлили коньяк в стаканчики, которые подал Вик. Он дал три штуки, но Дед словно не обратил на это внимания. Лишь когда мы сделали по глотку, бросил:

— Не знакуй, Вик. А то свяжусь с отцом.

Парнишка спорить не стал.

Вторую дозу коньяка Дед предварил тостом:

— За Землю.

Я кивнул: можно и за Землю. А можно за фангов или хроноколонистов. Коньяк сам по себе тоже стоил отдельного тоста. Тот «Наполеон», который мне доводилось пробовать, дешевый, польского разлива, был неизмеримо хуже.

— Майк, мне надо... в ближайший город. И побыстрее.

— Ты без фона? — Дед ухмыльнулся, словно сам признавал риторичность вопроса. Неужели действительно принимает меня за инопланетного разведчика?

Я покачал головой.

— Мы тоже без связи. У Андрея есть аварийный вызывник, хоть он это и скрывает. Случай экстренный?

— Нет. Просто причуда.

Дед кивнул:

— Для роддера такая причина уважительна. Но не для транспортных служб. Возьми в рюкзаке карту, поищи ближайшую точку связи. Конечно, если тебя не интересует пеший марш до Иркутска.

Ага. Значит, мы на Байкале. Интересно, Иркутск действительно ближайший к нам населенный пункт? Или Майк понял слова про город буквально?

Карта лежала в тонкой планшетке с какими-то бумагами и круглым золотистым значком, точно таким, что носил на цепочке Вик. Едва глянув на карту, я почувствовал себя полным идиотом. Это была карта Земли — с масштабом один к двадцати миллионам. Кроме того, проекция была совершенно неожиданной: нечто вроде двенадцатиконечной звезды с распластанными на ней материками. Напечатана карта была на обыкновенной с виду бумаге, но возле синего пятнышка Байкала горела ослепительная рубиновая точка. Наверняка наши координаты.

— Не надо, — неожиданно сказал Вик. — Точка связи в пяти километрах к северу.

Дед настороженно посмотрел на Вика:

— Откуда ты знаешь?

— Смотрел вчера, — с непонятным мне подтекстом ответил подросток.

— Ясно.

Наступило минутное молчание. Я переводил взгляд с Вика на Майка. Что-то происходило...

— Ждать тебя? — спросил Дед.

Вик покачал головой.

— Тогда проводи Сергея.

— Конечно. Я возьму рюкзак.

— Попросить у Андрея вызывник?

— Не стоит, — Вик щелкнул по медальону на груди. — Я без комплексов, Дед. Если придется, сломаю Знак.

— Прощаешься?

— Кристе привет.

Вик легко поднялся, кивнул мне:

— Идем, я провожу.

Он заглянул в палатку, вытащил оттуда совсем тощий рюкзачок, такой же оранжево-яркий, как у Майка. И, не оглядываясь, пошел прочь от костра и нас с Дедом.

— Привет отцу, — негромко сказал ему вслед Майк. И протянул мне руку: — Догоняй его. Ветра в лицо, встретимся в пути.

— Ветра в лицо, — повторил я. — Спасибо за завтрак... и напиток из фляжки.

В голове слегка шумело. Я поднялся и пошел за Виком. Парнишка шагал обманчиво-неторопливой походкой, способной за час вымотать любого «непрофессионала».

Минут десять мы шли молча. Потом Вик, не глядя на меня, сказал:

— Я почувствовал тебя вчера вечером, сразу после гиперпрокола. Ты сильно испугался чего-то.

— Упал в воду и не увидел берега, — после секундной заминки ответил я. — А как ты узнал про гиперпрокол?

— Слишком резко появился сигнал.

Вик поправил свой рюкзачок и добавил:

— Я не читаю мысли, не бойся. Только эмоции.

— Да я и не боюсь.

Опять молчание. Мы поднялись на невысокую сопку. Дул ровный прохладный ветер. Снова заговорил Вик:

— Мне не холодно, я же роддер. Куртку предлагать не стоит, это смешно.

Он улыбнулся:

— У тебя очень четкие эмоции. Полярные. Ты не обижайся.

Я пожал плечами. Разговор с полутелепатом — неплохая проверка нервной системы.

— Забота... охрана... покровительство... — продолжал Вик. — Боишься за свою девушку?

— Да, — медленно закипая, ответил я.

— И наоборот. Агрессия... ярость... ненависть. Я не хотел бы стать твоим врагом. И не завидую тем, кто ухитрился попасть в их число. Сергей, можно откровенность?

— Фальшь ты почувствуешь, — мне вдруг стало интересно. — Спрашивай, Вик.

— Как это — убивать по-настоящему? Страшно? Жалко? Противно?

Мы остановились. Вик с любопытством смотрел на меня. Притворяться было бессмысленно.

— По-разному, Вик. Иногда даже безразлично.

— Это плохо, — серьезно ответил Вик.

— Хуже всего. А как можно убивать не по-настоящему?

— Фильмы с ментальным фоном. Но в них все фильтруется... я чувствую, что они лгут. Извини за вопрос. Это между нами, на выход нуль.

— Черт бы побрал ваш сленг, — не выдержал я. — Ты человек или компьютер?

— Человек. Гляди, Сергей. Вон Андрей с парой на берегу.

Я посмотрел в сторону берега. Воздух был чист, расстояние не мешало видеть надутый, поблескивающий как стекло матрас. И троицу на нем. Вот так «поиграем».

Несколько раз глотнув воздух, я посмотрел на Вика. Лицо у меня горело.

— Нравится? — жестко спросил Вик. — Ругайся, поможет.

— Сколько лет Дэну? — спросил я.

— Не знаю. У него есть Знак, в таких случаях не спрашивают. Андрею пятнадцать, Кристе четырнадцать. Кажется.

— Пошли.

— Только не к ним. У них Знаки, понимаешь? Они могут делать все что угодно, если не мешают другим.

— Они мешают мне.

— Остынь... — попросил Вик.

Я ощутил, как гнев уходит. Осталась лишь легкая растерянность. И дурацкая мысль — участвовал ли Вик в таких играх?

— Нет. Никогда. Пойдем, я тебя долго сдерживать не смогу. И так уже есть хочется.

Он молча пошел дальше. Я постоял немного и побрел за ним. Когда мы перевалили через сопку, попросил:

— Прекращай свое сдерживание. И больше в мои эмоции не вмешивайся.

— А я уже прекратил. Видишь искорку впереди?

Я присмотрелся. Километрах в трех от нас поблескивала над землей серебристая черточка.

— Антенна. Вызовешь себе флаер... Нет, лучше я тебе вызову. Ты же без Знака.

— Слушай, Вик! Тебе не интересно, кто я такой? Без Знака, ничего не понимающий, врущий на каждом шагу. Или ты все же читаешь мысли?

— Нет! — с неприкрытой обидой ответил Вик. — Мне интересно, но лучше ничего не говори.

— Не хочешь ввязываться в чужие тайны?

Парнишка ответил не сразу.

— Не хочу терять тайну. Сергей, у меня никогда не было тайн. Всё можно узнать, на любой вопрос найти ответ. Особенно если умеешь читать эмоции. А ты не раскрываешься. Дай помучиться.

Страшно, когда на ответы нет вопросов. Я даже замедлил шаг и подозрительно посмотрел на Вика. Мысль казалась сделанной, вложенной в сознание извне. Страшно. Когда на ответы. Нет вопросов.

Чушь.

— Вик, у тебя можно попросить совета?

— Конечно.

— Где мне лучше остановиться на несколько дней? Не привлекая внимания.

— В Иркутске? Или в Москве?

— Ну... В любом городе.

Вик улыбнулся. Пожал плечами.

— Отели есть везде. Но без вопросов,.. и Знака...

Дался им этот Знак!

— ...если только. Один ответ, Сергей. Бери в справочной адрес руководителя роддер-клуба. Они есть почти в любом городе. Вспоминают молодость, пишут мемуары... Приходи к нему, говори, что ты роддер, и живи. Вопросов не будет, не принято.

— Спасибо.

— Да не за что. Или познакомься с девушкой...

— Ты думаешь, удастся обойтись без вопросов?

Вик смутился:

— Ну... не знаю... смотря с кем...

— Не знакуй, — с удовольствием съязвил я. — Не старайся казаться взрослее, чем есть. Я правильно сказал?

Ответа не последовало. До «точки связи» мы шли молча. И лишь возле невысокого каменного столбика, увенчанного тонкой металлической спицей, Вик сказал:

— Еще, не забывай. Тебе надо сменить одежду. Но в ав-

томат-магазинах без Знака не обслужат. Зайди в обычный, ты достаточно взрослый, чтобы не доказывать кредитоспособность. Только не одевайся в секции «Люкс», не бери одежду на заказ. Что-нибудь простое, дешевое, не слишком модное.

— Брюки и свитер. Можно?

Вик сделал вид, что иронии не заметил.

— Можно. Только не из натуральной шерсти.

На каменном столбике была маленькая панель с тремя цветными кнопками — зеленой, желтой и красной. Вик коснулся желтой, та мягко засветилась. Из невидимого динамика раздался приятный женский голос:

— Срочный вызов флаера принят, Знак фиксирован. Свободная машина прибудет через семь минут.

— Спасибо, — вежливо произнес Вик. И кивнул мне: — Вот так это делается. Но вызывай флаер зеленой кнопкой, при этом не проверяется наличие Знака. Больше часа ждать все равно не придется.

— Хорошо.

Вик сел на траву, и я, поколебавшись, устроился рядом. Мне не давал покоя один вопрос, но задавать его почему-то не хотелось.

— Спрашивай, — неожиданно сказал Вик.

— Почему ты занимаешься этой глупостью? Роддерством? Дед просто ностальгирует по своей молодости, Андрею с компанией нравятся... игры на свежем воздухе с романтическим антуражем. А тебя как занесло?

Вик неуверенно посмотрел на меня:

— Не знаю, понятно ли будет.

— Попробуй, скажи. Я догадливый.

— Мне неуютно. Всегда и везде. А когда брожу с роддерами, чуть легче.

Лицо у него стало жестким. Интересно, сколько же ему лет? Это даже не акселерация, а черт знает что...

— Ты знаешь, Вик, я понял.

— Да? Тогда объясни! Я сам не понимаю, — неожиданно тонким, обиженным голосом выкрикнул Вик. — Чем я хуже других?

— Ничем, дурачок...

Я вдруг почувствовал жалость к этому нахохлившемуся пареньку. Жалость и нежность.

— Ты, наверное, даже лучше других, Вик. Ты сенс. Ты чувствуешь их эмоции, их боль и тоску. И не знаешь, как справиться. Для этого надо быть взрослым... а не владельцем Знака.

— Что же тогда, всем вокруг плохо? — Вик словно ощетинился. — Я не пойму! Они довольны!

— Может быть, это глубже, чем удовлетворенность.

Вик молчал. Потом поднялся, повел плечами, устраивая рюкзачок поудобнее. Сказал:

— Твой флаер. С управлением разберешься?

Я оглянулся — со стороны озера скользила полупрозрачная каплевидная машина.

— Надеюсь. Ты не летишь?

— Нет. Я иду дальше.

Он засунул руки в карманы. Негромко сказал:

— Лети. Совершай активные действия. Лечи человечество...

— Я доктор-недоучка, Вик. Но вывихи вправлять приходилось.

Вик усмехнулся:

— Ладно. Жаль, что не увидимся, с тобой не скучно.

— Почему не увидимся?

Флаер беззвучно замер рядом с нами. Прозрачная крышка кабины поднялась вверх.

— Я же сенс, Сергей. И умею не только читать эмоции. Карту, например, я не смотрел. И так знал, что здесь точка связи...

— Ветра в лицо, роддер.

— Ветра в лицо. Знаешь, откуда наше прощание?

— Нет.

— Пока есть солнце и воздух, всегда будет ветер... Читай «Книгу Гор», Сергей. Поможет разобраться.

5. Информация без размышления

Управление оказалось простейшим, как и на галактических кораблях Сеятелей. Алфавитная панель, явно перенастраиваемая на несколько языков, фонетический блок для управления голосом. Я бегло оглядел приборы и сказал:

— Подъем на сто метров. Движение на запад.

Колпак кабины закрылся. Уверенный, сильный баритон с отчетливо угадываемым удовольствием повторил:

— Подъем на сто. На запад. Скорость?

Флаер плавно пошел вверх, и я оставил вопрос без ответа. Посмотрел вниз — Вик уже шагал вдоль берега. Лишь один раз он остановился, провожая меня взглядом, и взмахнул рукой. Почему-то я поверил — мы больше не встретимся. Быть может, Вик заставил меня это почувствовать.

— Прощай, роддер, — тихо сказал я. — Пусть твой ветер иногда будет попутным. У тебя теперь есть тайна.

— Скорость? — вкрадчиво поинтересовался флаер. Хо-

рошо хоть, у него хватило ума не переспрашивать про ветер и роддера.

— Максимальная. И не повторяй команд, — отрезал я.

Посмотрев на приборы, я покачал головой. Скорость нарастала так стремительно, что без гравикомпенсаторов явно не обошлось. На полутора тысячах в час разгон кончился, а над пультом, прямо в воздухе, засветилась надпись:

«Скорость максимальная. Форсаж?»

Лаконично...

— Не надо. Мне нужна карта. Или нет... можешь проложить маршрут до города Алма-Ата?

«Город Верный — Алма-Ата — Алматы? Координаты...»

— Да, — оборвал я ползущую в воздухе строчку. — Этот самый. Сколько времени займет полет?

«Придерживаясь общественных воздушных линий — 6 часов 22 минуты. Используя скоростные трассы — 4 часа...»

— Используй общественные линии, — приказал я. Полет по скоростным трассам вполне мог оказаться платным. Или требовать наличия загадочного Знака. Мысль о нем навела меня на новый вопрос:

— Мне нужно толкование некоторых терминов. Есть возможность пользоваться энциклопедическим словарем?

Вопрос мог выдать во мне чужака, но выхода не было. Оказаться среди людей, не зная смысла элементарных понятий, еще рискованнее.

«Да».

— Хорошо. Толкование терминов «Знак Самостоятельности», «Роддеры», «Ассамблея»...

Я на секунду задумался и продолжил:

— «Генормисты», «Книга Гор». Можешь отвечать вслух.

Поудобнее устроившись в кресле, я ждал. Флаер заложил плавный вираж, выходя на «общественную линию», на пульте перемигивались огоньки: то ли просчитывая курс, то ли обрабатывая запрос... А может, просто создавая иллюзию напряженной работы.

— *Знак Самостоятельности, Знак, Токен.* — В приглушенном голосе флаера звучал все тот же оттенок удовлетворения от выполняемого задания. — Толкование по сводному социологическому словарю.

— Рассказывай, — подбодрил я, закрывая глаза. Кресло во флаере было чертовски удобным. Движение не ощущалось вовсе.

— Введен в две тысячи шестьдесят третьем году, в городе Квебек, Североамериканские Штаты, после процесса «Дженнингс против Дженнингса».

Я хотел было поинтересоваться, в какие такие штаты

входит канадский город. Но заставил себя промолчать. Бог с ней, с Канадой...

— Эпизодическое использование Знаков происходило до семьдесят второго года, после чего они были узаконены решением Ассамблеи. С данного момента статус Знака Самостоятельности неизменен. Знак представляет собой изготовленный из титанового сплава позолоченный диск диаметром шесть сантиметров. Имеет два уровня — персональной и коллективной ответственности...

Я машинально кивнул, вспомнив болтающийся на груди Вика медальон. Ничего примечательного.

— Согласно статусу Знака, он может быть получен в любом возрасте человеком любого пола, национальности и убеждений. Основанием для получения Знака является личная самостоятельность индивидуума, заключающаяся в способности здраво решать основные проблемы межличностного общения, действовать, исходя из принятых в обществе морально-этических норм, противостоять психологическому воздействию силой до двух доров и выполнять минимум трудовых обязательств — восемь месяце-часов. Переменные величины уточняются каждый месяц, однако их ужесточение не имеет обратной силы для владельцев Знака — поправка семьдесят третьего года. Средний возраст получения Знака — тринадцать с половиной лет, по состоянию на август этого года. Минимальный возраст получения Знака — шесть лет четыре месяца, процесс Ван Чжуна против Китайской Федерации. Максимальный возраст получения Знака — девяносто три года. Количество людей, отказывающихся от получения Знака, — две десятых процента населения Земли. Количество людей, не проходящих контроля, — шесть десятых...

Я зевнул. Мне стало скучновато.

— Основные юридические процессы, связанные со Знаком Самостоятельности: «Дженнингс против Дженнингса»; «ЮНЕСКО против Ассамблеи»; «Ван Чжун и Союз Мутантов против Ассамблеи и Китайской Федерации». Модификация Знака: введение в две тысячи сто четвертом году личностного детектора, введение в две тысячи сто тридцатом году щит-генератора с эмпатическим пуском и аварийного гипервызывника.

Голос умолк.

Я вспомнил, как Вик ответил Деду: «сломаю Знак». Видимо, после этого и включался гипервызывник, сообщая, что человек попал в беду. Несомненно, это считалось позором.

— Дальше, — сказал я.

— *Роддеры, Роуддеры.* Общественное движение, расцвет которого пришелся на две тысячи восьмидесятый —

две тысячи сто пятый годы. После начала колонизации планет Центавра и Фомальгаута движение резко пошло на убыль. Основные постулаты роддеров: «Свобода — содержание, а не форма», «Права выше обязанностей», «Выбор всегда правилен». Находились в оппозиции к правительству, существовали на гарантированном минимуме благ, отвергали любой труд, утверждая, что он бессмыслен. Основную массу роддеров составляла молодежь. Обычаи, законы, история роддерства подробно описаны в монографии Анны Файфер «Узники Свободы». Духовными вождями роддеров считаются Салли Дженнингс, автор «Книги Гор», и Игорь Пригородский, «роддер номер один».

— Ясно. Продолжай.

Лежа в полуопущенном кресле, я боролся с дремотой. Надо будет затребовать у флаера школьный курс истории. Если у них есть школы и история...

— *Ассамблея.* Высший законодательный орган Земли. Двухпалатный, с прямым и пропорциональным представительством от экс-государственных единиц. Переизбирается раз в два года. Запрещено избрание членов верхней палаты более чем на два срока подряд. Правом избрания обладает любой носитель Знака.

Генормисты. Антизаконная группировка, появившаяся в середине прошлого века. Ставит своей целью контроль за чистотой генофонда человечества. Деятельность заключается в пропаганде ужесточения генного контроля (легальные генормисты) и террористических актах в отношении нарушителей генных допусков (геннатуристы); теракты осуществляются боевиками из нелегальных генормистов.

«Книга Гор». Программный документ роддеров. Написана в две тысячи шестьдесят девятом году Салли Дженнингс, по некоторым данным — совместно с группой психологов, специалистов по подсознательному программированию поведения. В связи с этим в начале две тысячи восемьдесят третьего года проводился референдум по запрещению полного текста книги. Незначительным большинством голосов законопроект отклонен...

Говоривший закашлялся.

— Простыл? — поинтересовался я. И похолодел от ужаса. Машины не болеют.

Роботы не кашляют.

— У нас прохладно, — извиняющимся тоном ответил невидимый собеседник.

— Это где «у вас»?

— В Иркутске. Флаер приписан к общегородскому парку.

Несколько минут мы молчали. Я тихо бесился, представляя идиотизм ситуации. Принял человека за робота! Разговаривал с оператором, ведущим флаер, словно с машиной!

Но кто мог знать? Нигде в галактике такая система не использовалась. Если уж машине придавался водитель, то он в ней и сидел.

— Я не доставил много проблем своими вопросами? — осведомился я.

— Нет, что вы. Было очень интересно потревожить справочные службы. Я вначале решил, что предстоит скучный полет. Рад, что ошибся.

— Интересная работа? — небрежно спросил я.

— Вы не пробовали?

— Нет, никогда.

— Вполне интересно. Обычно обслуживаем туристов, развозим их по окрестностям, к озеру... А дальние полеты, как сейчас, редкость. Мое время, если откровенно, кончилось. Но я с удовольствием доведу флаер до алма-атинской посадочной зоны... Не против?

— Конечно.

— А вы издалека? Не тревожьтесь моим вопросом, он излишен...

— С Берега Грюнвальда.

Повторяя свою легенду, я мимоходом подбросил в нее несколько деталей — интересуюсь современными культурами земли, роддерами, генормистами и геннатуристами, собираюсь написать про них.

Мой собеседник явно оживился.

— Вы оптимист, молодой человек. Судя по вопросам, вы практически ничего о них не знаете.

— Взгляд неискушенного порой зорче, — ответил я. И поразился своей фразе — она возникла из ниоткуда.

— О, «Книгу Гор» вы все-таки читали, — одобрительно заметил оператор флаера. — «Взгляд неискушенного зорче, слова ребенка честнее, простые пути — верны».

Я заерзал в кресле. Не нравилось мне происходящее, ох как не нравилось. Кто-то ухитрился впихнуть в мое сознание неведомую раньше информацию. Или же тот самый эффект «предзнания», в который я никогда не верил? Считалось, что при туннельном гиперпереходе человек мог увидеть свое будущее... Ерунда. Случайные совпадения.

— Где вас высадить в Алма-Ате? — поинтересовался оператор. — Вы бывали в этом городе?

— Очень давно, — честно ответил я. — Думаю, он порядком изменился. Вы ничего не подскажете?

— Авиавокзал? — неуверенно предложил оператор. —

Горно-туристский комплекс? «Хилтон»? Больше ничего и в голову не приходит...

— Во сколько мы прилетим в Алма-Ату?

— Около полудня местного времени. Уточнить?

— Не надо. Можно выяснить адрес руководителя местного роддер-клуба?

— Конечно. Решили начать изучение субкультуры изнутри? Похвально...

Слушая разговорчивого оператора, я рассеянно оглядывал пульт. Технически флаер был оснащен не хуже орбитальных истребителей Тара или других хроноколоний. И все же имел живого оператора — не то дублера машин, не то просто дополнительного участника «трудовых процессов». Если подобная работа существует после массовой колонизации окрестных звезд, то что же творилось в роддерские времена?

— Адрес найден. Выдать на пленке?

Я кивнул, уже не слушая оператора. Мне вспомнился разговор с Лансом — давний, еще до того, как в экипаж «Терры» вошли Редрак и Данька, в ту пору, когда мы болтались по галактике, выискивая следы Земли.

Кажется, все началось в Гесмодее, на «бирже». Так называли открытый ресторанчик возле самого космопорта. В нем можно было просидеть весь день, заказав лишь пару дешевых напитков, чем большинство посетителей и пользовалось. Все они имели то или иное отношение к космическим кораблям: пилоты и техники, энергооператоры и оружейники, свежеиспеченные выпускники училищ и скрывающиеся от полиции бандиты. За неделю нанимали не более одного-двух завсегдатаев биржи. Но оптимизм оставшихся не уменьшался. Они приходили за несколько часов до открытия, отстаивали перед посторонними свои столики — нередко с помощью атомарников.

— Хорошо, что я родился на Таре, — сказал тогда Ланс. — Право на труд у нас охраняется законом, работой обеспечиваются все.

Я усмехнулся. Монархический коммунизм — так я про себя окрестил общественный строй Тара. Хотя, честно говоря, ближайшей аналогией Тару был Кувейт.

Именно тогда я задумался над проблемой места в жизни, которая омрачала существование большинства людей. Дело было даже не в том, что не хватало рабочих мест. Всегда имелись работы, с которыми не справлялась техника, точнее, справлялась, но слишком дорогой ценой. Гораздо проще нанять человека, который будет собирать в топких болотах Рапенга драгоценные рап-цветы, чем строить для этого сложный кибернетический агрегат. Проще иметь

живой обслуживающий персонал и уж наверняка лучше нанять солдат, обезопасив себя от вечной проблемы перепрограммирования боевых роботов. Человек, при всех его недостатках, очень выносливый, гибкий и даже преданный работник. Абстрактные понятия веры, любви, патриотизма делают его надежнее любой машины.

Но такие же абстрактные величины — гордость, честолюбие, любопытство — резко ограничивали сферу человеческой деятельности. Сборщик рап-цветов мог не устоять перед искушением попробовать наркотическую пыльцу. Официант, прислуживающий за ресторанными столиками, вовсе не испытывал удовольствия, обслуживая полупьяных бездельников. Любой лейтенантик или капитан в орбитальной крепости, набитой оружием и контролирующей всю планету, подвергался постоянному искушению взять власть в свои руки.

Люди оказались в ловушке между двумя крайностями. Низкоквалифицированный однообразный труд устраивал лишь дебилов, а сложная, связанная с техникой и властью работа сводилась к минимуму и доверялась лишь абсолютно надежным людям.

На планетах хроноколоний основную массу недовольных поглощало сельское хозяйство. В производстве продовольствия можно было разбогатеть и сделать невиданную карьеру. Правительствами такой отток населения только поощрялся. Земля же в крестьянах попросту не нуждалась.

Я задремал, слушая сквозь сон пояснения оператора: мы пролетали над станцией связи Абаза, над тувинским заводом гипердвигателей, над границей испытательного полигона... Глянув вниз с высоты нескольких тысяч метров, я увидел желто-бурую степь с разбросанными по ней черными пирамидками. Над некоторыми воздух дрожал жарким маревом, одна пирамидка тускло светилась. Я не стал интересоваться, что там испытывают на бывшем ядерном полигоне. Наверняка не меньшую гадость.

Потом под нами проплыла голубовато-белая полоска Балхаша. Оператор сообщил, что управление берет алматинская станция, и попрощался.

Согнав сон, я еще раз продумал свои действия. Обосноваться в гостях у местного предводителя роддеров. Сменить одежду — в ближайшем неавтоматическом магазине, выбирая вещи попроще и подешевле. Найти парк, где мы когда-то встретились с Терри, и ждать ее там каждый вечер. Если парк еще существует.

Флаер начал заходить на посадку — довольно резко, но гравикомпенсатор избавлял от неприятных ощущений. Я

уставился сквозь прозрачный колпак кабины, разглядывая лежащий у подножий Алатау город.

Вот так возвращение на родину...

Лозунг «Превратим Алма-Ату в город-сад!» мне всегда нравился. Несмотря на его утопический оптимизм и приказной тон. Но нельзя же превращать лозунги в реальность так буквально! Подо мной раскинулось ярко-зеленое море с целым архипелагом разноцветных островков-домиков. Над ожившей утопией в нереально чистом, лишенном и следов туч небе взлетали, опускались и просто парили яркие точки флаеров. Мне стало не по себе. Я любил прежнюю Алма-Ату — и понял это лишь сейчас. Конечно, я никогда не считал венцом архитектурного творчества гостиницу «Казахстан», президентский дворец или бани «Арасан». Ну а хрущевские многоэтажки или элитарные монолитные дома в микрорайоне «Самал» должны были развалиться сами собой. С этим все вполне ясно. Но какая-то преемственность в архитектуре должна существовать? Я не видел даже следов той четкой «шахматной» планировки, которая мне всегда нравилась. Живописный беспорядок, зелень садов и разноцветные домики. Выделялись лишь несколько башен, белоснежный дворец в центре и беспорядочное нагромождение огромных тускло-зеленых шаров на горе Кок-Тюбе, занявшее место телевышки... Да еще несколько цилиндрических матово-зеркальных строений в разных точках города — различающихся размерами, но явно созданных по одному проекту. Красиво, но это уже не мой город! Мой исчез бесследно...

— Когда город приобрел такой вид? — спросил я.

— Реконструкция Алма-Аты проводилась после землетрясения две тысячи семидесятого года.

Голос был безупречно правилен. На этот раз почему-то я был уверен, что говорю с автоматом.

— Высотные здания не строятся по соображениям безопасности?

— Высотные здания... — наступила пауза. Похоже, вопрос оказался нестандартным. — Высотные здания строятся. Они абсолютно надежны.

Я молча кивнул. Действительно, кто же предпочтет индивидуальному коттеджу квартиру в многоэтажном доме? Все производства наверняка вынесены далеко за пределы города. А конторы, институты, прочая административная дребедень стали просто ненужными с развитием телекоммуникаций.

— Мне нужен дом Нурлана Кислицына, бывшего роддера, — сказал я, с любопытством ожидая ответа. Для каждого автомата существует свой предел достаточности информации. Хватит ли флаеру таких скудных данных — или

потребуется точный адрес? Я взглянул на листок с адресом руководителя роддер-клуба. Улица Курмангазы, дом 567-28. Надо же, название улицы сохранилось...

— У вас назначен визит? — поинтересовался автомат. Информации, видимо, хватило.

— Нет.

— Тогда посадка будет произведена на ближайшую общественную стоянку. Вам необходимо, выйдя из флаера, пройти через подземный переход с указателем «Улица Курмангазы», повернуть направо и...

— Выдай информацию на пленке, — приказал я.

6. Очень благоустроенная планета

Больше всего меня поразило то, что улицы не были асфальтированы. Разумеется, никаких движущихся тротуаров, многократно воспетых фантастами, я тоже не обнаружил.

Улица, прямая и широкая, с матовыми шарами светильников на тонких металлических столбиках, была покрыта травой. Мягкой зеленой травой, ровной, как корты Уимблдона. Я наклонился, пытаясь вырвать травинку. Какое там! Она оказалась упругой и прочной, словно резина. Но, бесспорно, настоящей. Вглядевшись, я увидел, что под густым слоем травы уложена твердая пористая масса. Земля, очевидно, была еще глубже.

Стараясь придать себе невозмутимый вид, я пошел по обочине. Машин не было, и редкие прохожие брели по улице совершенно свободно. Неужели наземный транспорт канул в прошлое? Я посмотрел вверх — разноцветные капли флаеров казались слишком малочисленными, чтобы взять на себя все перевозки. Может, им просто некуда спешить, моим потомкам?

Надо признать, что потомки выглядели вполне респектабельно. После встречи с роддерами я ожидал увидеть полный беспредел в одежде, но большинство прохожих одевались куда привычнее. Вот, например, идущий навстречу парень — в узких темно-синих брюках, голубой рубашке... то есть зеленой... золотисто-коричневой.

Привычность одежды оказалась кажущейся. Прошедший мимо юноша был одет в свободный блузон, меняющий расцветку каждое мгновение. А обогнавшая меня компания девушек — в короткие мини-юбки, сделанные словно бы даже не из материи. Серебристые полотнища, колыхавшиеся вокруг бедер, походили не то на облако газа, не то на камуфляж-поле... Черт возьми, они фактически могли выйти на

улицу голышом — с включенным генератором, создающим видимость одежды. Им что — энергию девать некуда? Камуфляж-поле — один из самых энергоемких процессов, которым мы пользовались на корабле!

Чушь, эмоции... Пусть ходят в чем хотят. Главное — на меня, в моем комбинезоне, тоже не обращают внимания. Я шел по улице, вглядываясь в номера домов. Сами дома с дороги были практически не видны: их заслоняли деревья, невысокие живые изгороди, а то и туманная дымка — вот онато, несомненно, имела камуфляжное происхождение. Мои потомки ценили уединение. Но к каждому дому вели узенькие тропинки, выложенные камнем или поросшие «дорожной» травой, у начала которых стояли ажурные указатели с номерами.

Пятьсот шестьдесят семь — двадцать восемь... Надпись была выполнена римскими и арабскими цифрами из довольно-таки небрежно вырезанных латунных полосок. Цифры еще более небрежно приколочены к неоструганной дощечке. Либо Нурлан Кислицын любит эпатировать окружающих... либо подобная небрежность сейчас в моде. Я пожал плечами и шагнул на дорожку, посыпанную крупным щебнем.

На кого может быть похож человек, носящий казахское имя и русскую фамилию? Исходя из опыта двухвековой давности, я предположил, что на татарина.

Нурлан Кислицын оказался негром. Не чистокровным, разумеется, — при желании в его лице можно было найти черты и европейской, и азиатской расы. Я с некоторым удивлением вспомнил, что и виденные мной на улице люди носили следы «великого смешения народов». Если такое по всей Земле, то Адольфу и его последователям работы не осталось. Что ж, приятно думать, что с национальной проблемой люди покончили... Заимев, впрочем, деление на землян, колонистов и хроноколонистов.

Предводитель алма-атинских роддеров возился в цветнике перед домом. Занятие для бывшего бродяги более чем мирное и патриархальное. Цветы, даже на мой неискушенный глаз, были замечательные. Похожие на астры, но совершенно невообразимых расцветок — от бледно-голубых до черных.

Я подошел к цветнику, торопливо решая, кем лучше представиться. Бывшим роддером? Молодым последователем? Начитавшимся «Книги Гор» бездельником?

Нурлан оторвался от своих цветов, положил на землю аппаратик, больше всего напоминающий фен, и внимательно оглядел меня. Я криво улыбнулся. Кислицыну можно было

дать лет пятьдесят, и ротозеем он не выглядел. Если каждый роддер — психолог, как уверял меня Дед, то врать не стоит.

— Ветра в лицо, — негромко сказал Нурлан.

— Пока есть солнце и воздух, всегда будет ветер, — по внезапному наитию ответил я. Это походило на пароль из дешевого детектива — но я привык полагаться на интуицию.

— Заходи, — вежливо сказал Нурлан. — Надолго?

— На пару дней. — Все оказалось просто, Вик был прав: никаких доказательств от меня не требовалось.

Дом Кислицына был самым обыкновенным кирпичным двухэтажным домом — или же казался таким. Внутри неожиданностей тоже не обнаружилось, разве что мебель оказалась массивной, громоздкой, под старину — настоящую старину, а не мой двадцатый век. Редкие приметы двадцать второго века — приборы непонятного назначения, плоские видеоэкраны, маленькие компьютерные терминалы в каждой комнате — совершенно терялись среди дерева и камня.

Мне это понравилось. Так же как и комната для гостей, куда отвел меня Нурлан. Широкое окно выходило в яблоневый сад, сквозь который виднелся соседский дом, окутанный туманным маревом камуфляжа. Из мебели был только необходимый минимум — шкаф, кровать, стол и кресло. Над столом висел плоский как фанерка видеоэкран, включенный в режиме календаря. Наконец-то я узнал дату — десятое сентября.

Встроенный в письменный стол информационный терминал оказался достаточно прост в обращении. Вскоре я вывел на экран карты города: современную и двухсотлетней давности. На месте парка, где я когда-то «спасал» принцессу, находились детская клиника, церковь Единых Во Христе и десятка два коттеджей. В очередной раз обругав себя за глупость, я попытался встать на место Терри. Скорее всего она будет ждать меня в церкви. Но с нее станется зайти в гости в один из домов или нанести царственный визит в детскую больницу.

Карту вдруг слизнуло с экрана, и я увидел своего хозяина.

— К тебе посетитель, роддер, — сообщил он. — Открой дверь комнаты.

Лицо Нурлана исчезло, а я повернулся к двери. Быстро же меня выследили... Что ж, дверь я открою.

Место я выбрал наиболее удобное — у окна, так, чтобы контролировать и дверь, и сад вокруг дома. В случае необходимости я мог легко перемахнуть через подоконник. Жаль только, что зарядов в пистолете хватит на короткую стычку, а никак не на серьезный бой.

Разблокированная дверь начала открываться, и я вскинул пистолет. Если это люди — буду стрелять по ногам. Если андроиды, то располосую...

В дверях стояла Терри.

Секунду я смотрел на нее сквозь узкую прорезь прицела. Потом опустил оружие и услышал:

— Сергей, это я.

Мы не виделись всего лишь неделю — но она изменилась. Исчезла бледная сухость кожи, Терри слегка загорела. Вместо короткой стрижки, которую я делал ей с грехом пополам, возникла изысканная прическа — каждый локон лежал отдельно и чуть-чуть отличался по цвету. Ну и никаких комбинезонов, разумеется. Шорты из бледно-розовой ткани, довольно легкомысленный купальник и блестящая как фольга материя, обмотанная вокруг левой руки.

— Сережка, это правда я, — с жалобной ноткой повторила Терри.

Попыталась улыбнуться.

— Как ты меня нашла?

— Попросила справочный центр сообщать мне о всех прибывающих в город мужчинах твоего возраста и внешности. Особенно о не имеющих Знака. Сережка!

— Что за лента у тебя на плече? — Я просто тянул время. Я не знал, как поступить.

— Украшение... Сергей!

Я кинул пистолет на пол. Мне все равно не хватило бы сил в нее выстрелить — будь она даже биороботом, фантомом, телепатически управляемой марионеткой. Я подошел — молча, уже не стараясь контролировать движения и мимику.

— Мне было плохо, Терри, — просто сказал я, беря ее за руку. — Если это обман — не надо играть дальше. Я сдаюсь.

— Сергей... — она коснулась моего лица, и я закрыл глаза. — Господи, что с тобой? Что случилось? Объясни.

Я молчал. Я был как альпинист, взобравшийся на неприступный горный пик и обнаруживший там отель, ресторан и вертолетную площадку. Я не мог ни радоваться окончанию мучений, ни грустить из-за напрасности подвига. Ладони Терри стали мягкими и нежными — они давно уже не были такими на Сомате. От нее веяло легкими, неуловимыми духами. Терри было куда лучше на Земле, чем на нашей мертвой планете.

— Терри, — прошептал я. — Принцесса. Кто с нами играет? Кто посмел...

— Успокойся, — она гладила мое лицо, ерошила волосы. Редкая минута наших отношений — я не люблю быть слабым... К черту!

— Сергей, что случилось на Сомате? Почему ты не захотел вызвать корабль Сеятелей? Расскажи.

Я присел на кровать, а Терри с ногами забралась в стоящее рядом кресло. По-прежнему не выпуская ее руку, я погладил тонкие нежные пальцы. Ощутил крошечный рубчик — принцесса планеты Тар не сразу научилась обращаться с кухонным ножом. И выругался, осознав, что продолжаю проверять ее.

— Соберись, принц! — в голосе Терри проступил металл. — Мы должны понять, что происходит! Соберись!

Кивнув, я до боли сжал кулак. Медленно посчитал до пяти. Глубоко вдохнул. Я спокоен и бесстрастен. Я смотрю на ситуацию со стороны. Самый простой путь — самый верный... Черт! Этого не было в стандартном наборе формул!

Но заученные движения уже сделали свое дело. Я собрался. И спокойно, глядя в лицо Терри, рассказал о нашем разрушенном доме, сожженных деревьях, подкарауливавших в засаде роботах.

Терри не задала ни одного вопроса. Лишь побледнела, услышав, что сад — ее гордость — сожжен. Она очень хотела продемонстрировать его Эрнадо и Лансу, те не верили, что на мертвом песке Сомата вырастут деревья.

— Когда ты меня позвала, — закончил я, — у меня не было ни малейших сомнений: ты под контролем. Я взял меч наизготовку... глупо, конечно. И шлепнулся в воду, рядом с берегом Байкала. Берег оказался за спиной, я ополоумел от страха, решил, что упал посреди Тихого океана. Утопил меч... Потом познакомился на берегу с роддерами... Слыхала о них?

Терри покачала головой. Ее знакомство с земной жизнью не включало в себя изучение хиппи, роддеров и прочих молодежных движений. Ее история оказалась куда короче моей — и гораздо логичнее.

Корабль Сеятелей опустился на Сомат в тот же день, когда я ушел «побродить» по горам. Вначале экипаж связался с Терри и попросил разрешения на посадку. Затем командир корабля изложил цель визита.

Если верить его словам, наше с Терри укрытие было обнаружено больше года назад. Нас не тревожили, справедливо полагая, что мы имеем полное право отшельничать на никому не нужной планетке. Решено было даже не устанавливать с нами связь и нарушить наше «инкогнито» лишь в случае крайней необходимости.

И она возникла. Планета Тар отказывалась войти в оборонительный союз Земли, мотивируя это тем, что не имеет законных властителей. Правящий на Таре регент осуществ-

лял свою власть от имени «вечной принцессы» Терри. Лишь она могла склонить Тар к союзу с Землей. Тогда-то и отправился на планету Сомат корабль Сеятелей.

Вначале Сеятели предполагали разыскать меня в горах и пригласить на Землю вместе с Терри. Но по ее настоянию отказались от этой мысли. Терри слишком хорошо представляла мою реакцию на появление в небе Сомата чужого корабля.

В доме были оставлены записка с объяснением случившегося и портативный команд-блок к ожидающему на орбите скоростному глиссеру. Затем Терри отбыла на Землю, чтобы подготовиться к редкой в истории Тара процедуре: доказательству прав на престол. Со мной она связалась, когда вышли все мыслимые и немыслимые сроки горной прогулки.

Некоторое время я переваривал информацию. Что ж, все могло быть именно так...

— Терри, — я старался говорить спокойно. — Со мной произошло нечто странное — во время гиперперехода на Землю. Эйфория почти отсутствовала, зато сознание словно раздвоилось. Я разговаривал сам с собой, давал себе дурацкие советы... Ты не слышала про такие случаи?

Терри ласково улыбнулась:

— Сергей, это не стоит внимания. Скорее всего сказались твое перевозбуждение, усталость.

Я покачал головой:

— Помнишь, я говорил тебе про интуицию? Так вот, считай, что я полагаюсь на нее. В игру вступила третья сила. Не мы, не Сеятели...

— Фанги?

— Фанги. Жаль, что мы уделяли им так мало времени. Засада наверняка их дело. Надо собрать всю информацию.

Терри кивнула на терминал:

— С этим нет проблем, Сергей. Можно запросить любой текст, любое сообщение.

— Нет, не стоит. Ты же знаешь разницу между своими информсводками и тем, что распространялось для населения Тара.

— Тогда надо обратиться к проекту «Сеятели». Он и создавался в противовес угрозе фангов.

— Ты их знаешь?

— Конечно. Ведь их корабль забирал меня с Сомата... — Терри засмеялась и обняла меня. — Перестань ревновать! Сеятели — очень неплохие ребята. Но ты лучше.

— Спасибо... — я поймал ее губы, поцеловал, первый раз на Земле, и просто сказал:

— Я очень боялся за тебя.

— А я — почти нет. — Терри виновато улыбнулась. — Была уверена, что ты выкрутишься из любой переделки... Не стоило мне улетать с Сомата, надо было дождаться тебя.

— Но ведь требовалась срочность?

— Да. Еще с корабля я послала на Тар указ о своем возвращении. Вчера пришел ответ: регент требует проверки моего происхождения. Стандартная процедура.

Я об этой процедуре не имел никакого понятия. Но спрашивать не стал.

— Сергей, почему ты остановился у этого человека... Нурлана? Ты с ним знаком?

— Откуда? Просто он роддер. Я представился роддером, и меня приняли без вопросов. Очень удобно, когда скрываешься...

Я поморщился, оценив надежность своего укрытия. В компьютеризированном городе скрыться невозможно. Особенно чужаку.

— А меня он примет?

— Зачем? Я думал, мы переберемся... — я замялся, не представляя, где жила Терри эти дни.

— В отель? Сергей, там скучно. Роскошно, как в императорском дворце, и однообразно. Лучше поживем здесь, до завтра.

— Я спрошу у Нурлана, — уклончиво ответил я. — А почему до завтра?

— Послезавтра надо быть на Таре. Сеятели обещали доставить нас на своем корабле с главной станции проекта. Она на околоземной орбите, ее хорошо видно вечерами.

— Ладно, — мне оставалось только сдаться. — Там и поговорим о фангах.

Терри придирчиво меня оглядела:

— Сергей, а ты не задумывался о смене гардероба? Всепогодный защитный комбинезон — вещь хорошая, но на Земле...

— Не иронизируй. Задумывался. Схожу в ближайший магазин и возьму там дешевый костюм.

— Почему дешевый? А, ты же без Знака... — Терри вытащила из кармана шорт знакомый золотистый кружок. — Знаешь, что это?

— Знаю, — буркнул я. Терри обставила меня по всем статьям. Пока я выяснял энциклопедическое толкование Знака, она получила его в личное пользование — конечно же от Сеятелей.

— Костюм я тебе подберу сама. По моде... Будешь носить дозар?

— Что?

Терри коснулась намотанной на руку блестящей полоски.

— Это дозатор загара, дозар. Модное украшение и для мужчин, и для женщин. Создает какое-то пленочное поле, преграждающее доступ ультрафиолету. Можно весь день провести на пляже — и остаться белокожим.

— А зачем тогда ходить на пляж? Я лучше загорю как следует. — В поведении Терри чувствовалось что-то странное. Новое.

— Ладно, возьму тебе рубашку-хамелеонку и...

Терри принялась с удовольствием перечислять, что, по ее мнению, стоит включить в мой гардероб. И я вдруг понял, в чем дело. На Сомате Терри приходилось полагаться на меня. Вся ее универсальная императорская подготовка ни гроша не стоила на практике. Я управлял строительными роботами, я монтировал защитный компьютер, я руководил разбивкой сада и сборкой дождевальных установок. Принцесса привыкла заботиться о целой планете, а ей пришлось самой стать объектом заботы... Сейчас, получив возможность поухаживать за мной, она старалась вовсю.

— Терри, — виновато сказал я. — Подбери мне всё, что захочешь. И знаешь... Может, мы зря пили эти таблетки? «Ноубэби»?

Терри замолчала. Я увидел легкую краску на ее лице.

— Можешь дать мне пощечину, — быстро сказал я. — Виноват, каюсь.

— Брось ты.

Терри устроилась у меня на коленях и замолчала. Потом, совсем другим тоном, сказала:

— Вернемся на Сомат — подумаем... Сергей, почему ты так не хотел возвращаться на Землю? Она и тогда, в прошлом, мне понравилась. А сейчас это почти сказочный мир. Спокойный, добрый, щедрый...

— Терри... — я коснулся губами ее плеча. Черт возьми, ну как спорить с принцессой?

— Терри, представь, что у тебя были очень суровые, почти жестокие родители...

— Ну, — без особого восторга по поводу сравнения подбодрила меня Терри. — Представила.

— Вот, значит, суровые родители... Ты уехала из дома, а потом тебе стали рассказывать, какие они добрые и мягкие люди.

— Понятно. Или если бы мне рассказали, что Тар покрылся дремучими лесами...

— Правильно. Вот так и я отношусь к сказочно доброй Земле.

— Сергей, — Терри соскочила с моих колен и оперлась ладонями о спинку кровати. — Я тебя понимаю. Но я, услы-

шав рассказ про леса на Таре, просто слетала бы на родную планету. И поверила бы своим глазам. Ты сейчас на Земле. И что ты видишь?

Несколько секунд я боролся с вертевшимся на языке ответом. И проиграл.

— Тебя, Терри...

Я подхватил ее за локти, потянул к себе. Терри не сопротивлялась. Через мгновение мы уже целовались, напрочь забыв про всякие планеты.

Нарядное оранжевое покрывало вдруг выскользнуло из-под нас и смоталось в тугой валик. Мы с Терри вскочили. Кровать тем временем продолжала демонстрировать свои возможности — краешек тонкого, мягкого одеяла заботливо отогнулся, показывая белоснежные простыни.

Первой рассмеялась Терри. Потом я. Кровать, озадаченно помедлив, начала застилаться обратно.

— Терри, я не люблю слишком заботливые кровати... — с трудом выдавил я. — Честное слово, мы с ней ни о чем подобном не сговаривались.

Кровать тем временем снова приобрела мирный, добропорядочный облик. И мне стало не по себе.

— Терри, слишком благоустроенные планеты меня тоже настораживают.

И Терри, словно почувствовав мое настроение, стала серьезной:

— Сергей, я схожу за своими вещами. Это рядом. А ты поговори с хозяином дома... и объяснись с кроватью.

Я кивнул. Терри направилась к двери, потом обернулась и сообщила:

— Знаешь, ванные комнаты на Земле оборудованы великолепно. Там вся автоматика к месту.

Я криво улыбнулся. Последний раз я принимал душ неделю назад, на Сомате. Купание в комбинезоне, конечно же, гигиенической процедурой не назовешь.

7. Семейный ужин в широком кругу

С кроватью я общался недолго. Столовый нож в качестве отвертки, немного знаний из области прикладной кибернетики и большая доза наглости помогли мне превратить ее в послушную, неподвижную мебель. Затем я скинул надоевший комбинезон и отправился в ванную.

Вот здесь в свои права действительно вступал двадцать второй век. Едва я закрыл за собой дверь, как свет на мгновение померк и белоснежные стены заколыхались, исчезая.

Через мгновение я оказался на берегу маленького лесного озера.

Иллюзия была настолько совершенна, что я завертел головой. Вокруг стояли сосны, достойные кисти Шишкина, выше проглядывало голубое небо. Под ногами — желтоватый песок, с поросшего мхом валуна падала в озеро струйка чистой воды. У меня появилась совершенно дикая мысль — не подвергся ли я локальному гиперпереходу. Что ж, проверить несложно. Несколько шагов в сторону деревьев — и они потускнели, превратились в туманные тени. Я вытянул руку и коснулся теплой гладкой поверхности. Стена... Что и требовалось доказать.

Вернувшись к «озеру», я забрался в воду. Чуть прохладную, но терпимую. Жаль, на Сомате у нас не было ничего подобного.

— Воду немножко подогреть... — сказал я в пространство, абсолютно уверенный, что просьба будет исполнена. Вода стала нагреваться так быстро, словно в нее всадили плазменный заряд. Я растянулся, уложил голову на невесть откуда взявшуюся надувную подушку. Лениво поблагодарил:

— Вода нормальная, спасибо.

Одно дело принимать горячую ванну. Совсем другое — купаться в озере. Наверняка обстановка вокруг может стать другой. Долина гейзеров, дикий пляж с обнаженными красотками, инопланетный пейзаж, турецкие бани. Но пока меня устраивал сосновый лес. Я слабо улыбнулся, разглядывая безоблачное небо. Если я пожелаю принять душ, то в нем наверняка появятся дождевые облака. Прелесть... Черт возьми, не так уж и плох двадцать второй век моей планеты.

Ванная комната выдала мне халат нежно-фиолетового цвета и вполне банальные тапочки. Я прошелся по дому, разыскивая Кислицына.

Бывший бродяга снова оказался в саду. Склонившись возле клумбы с цветами, он водил над ними «феном». Никаких видимых результатов работа не приносила, но Нурлан занимался ею столь сосредоточенно, что я остановился в нерешительности.

— Что-то случилось? — прервался Нурлан.

— Девушка, которая ко мне приходила... — начал я.

— Принцесса Терри?

Я остолбенел. Если он знает Терри...

— Нурлан, видимо, мое инкогнито раскрыто?

Кислицын спокойно кивнул. Сказал:

— Я сразу понял, что ты не роддер. А потом со мной связались и попросили оказать максимальное гостеприимство.

— Кто связался? — убитым голосом произнес я, вспоминая Деда, Вика и даже паршивца Андрея. Вдруг...

— Руководитель службы безопасности проекта «Сеятели», Раймонд Маккорд. Очень вежливый человек.

— Ясно, — присев на корточки рядом с Нурланом, я спросил:

— И что ты ответил?

— Что гостеприимство оказываю по собственной инициативе — тем, кто мне симпатичен.

— Спасибо.

Нурлан пожал плечами. Поинтересовался:

— Ты что-то хотел узнать?

— Мы с Терри можем остаться до завтра?

Кислицын кивнул. Он был и без того симпатичен, этот старый бродяга, возделывающий цветы, этот фантастический негр с русско-казахским именем. А теперь, после его спокойной реакции на мою с Терри сущность, меня потянуло на откровенность.

— Нурлан, я собираюсь завтра покинуть Землю. Мы с Терри полетим на Тар... а потом дальше.

— Не понравилось дома?

— Это не мой дом, Нурлан. Мне нравилось жить в Алма-Ате, когда она была городом, а не яблоневым садом с коттеджами меж деревьев. Я любил горы и степь... но они же теперь нафарширована точками связи. Роддеров это и убило — какой смысл играть в отрыв от цивилизации, когда на каждом дереве висит телефон. А эти ваши Знаки... Забавно, что коммунизм победил, хотя и в очень странной форме, но если двенадцатилетний сопляк, получив Знак, начинает заниматься сексом с друзьями обоего пола...

Я замолчал. Кислицын вдруг протянул руку — и осторожно похлопал меня по плечу. Тихо сказал:

— Сергей, мне это тоже не нравится. Я стал роддером в тринадцать лет, но тогда мораль была строже. Все случилось на моих глазах, но постепенно. А ты пришел из двадцатого века. Из очень пуританской или, лучше сказать, мусульманской страны. Для тебя это дико. Но постарайся понять — нет большей ловушки, чем свобода. Если мы признаём за человеком право самостоятельности вне зависимости от возраста, то оставлять какие-то рамки — в сексе, приобретении наркотиков, праве на риск и эфтаназию — бессмысленно и несправедливо. Приходится идти до конца. Ты не увидишь ничего оскорбительного для своей морали в общественных местах — это было бы ущемлением твоей свободы. Но не требуй благопристойности за стенами чужих домов — лучше просто не заглядывай в окна.

— Спасибо, Нурлан. Я согласен с тобой. Но это... не мои нормы. Не мой город. Не моя Земля.

— Попробуй улететь в колонию. Не в хроноколонию, а в настоящую. Говорят, их мораль очень близка земной морали двадцатого века.

Я привстал, увидев, как мелькнула на тропе загорелая фигурка в розовых шортах, с блестящей полоской на руке.

— Терри идет... Мы хотели устроить что-то вроде семейного ужина, Нурлан. Ты не против побыть гостем в собственном доме? Терри прекрасно готовит.

— С условием, что приглашу двоих друзей, — очень серьезно ответил Кислицын. — Они не простят, если я их с тобой не познакомлю.

— Конечно, — принужденно улыбнулся я. Может, уговорить Терри перебраться в гостиницу?

— Похоже, принцесса планеты Тар имеет друзей на Земле, — вдруг сказал Нурлан.

Вслед за Терри шел молодой парень с двумя явно тяжелыми сумками в руках. На нем была черно-белая форма — такую носили Сеятели. Но сам парень был мне прекрасно знаком...

— Ланс? — Я с трудом поверил своим глазам. Черт побери, он на Земле? И сотрудничает с храмниками?

Ланс аккуратно опустил одну из сумок и махнул мне рукой. Сумка вдруг задергалась, переворачиваясь.

— Я знаю, как ты любишь сюрпризы, — с улыбкой сказала Терри, разглядывая мое растерянное лицо.— Особенно такие...

Из сумки высунулась настороженная полукошачья морда. Трофей выбрался из заточения, по-собачьи отряхнулся и неторопливо направился ко мне.

— Это кот или собака? — поинтересовался Нурлан. Его происходящее забавляло.

— Это Трофей, — ответил я. Протянул пёсокоту руку. Трофей лизнул ладонь и потерся о нее спиной. Потом улегся у моих ног с видом полнейшего удовлетворения.

— Рад, что все в порядке,— сказал подошедший Ланс.— Команда собирается.

Несколько секунд я разглядывал его. Он сильно повзрослел за эти два года. Но по-прежнему стоял передо мной навытяжку. Я был его принцем.

— Ты сотрудничаешь с Сеятелями? — впрямую спросил я.

Ланс кивнул:

— Принц, это был самый простой путь. И самый верный. Я знал, что вам с Терри пригодится поддержка.

— Считаешь себя пятой колонной? — Я позволил себе улыбнуться. И протянул Лансу руку.

8. Книга Гор

Жизнь выбрала тебя — но ты вправе отвергнуть вызов. Каким был бы мир без дикого винограда и осенних дождей? Чем станет дорога без пыли и сталь без ржавчины? Чем станешь ты без людей?

Собой.

Нас не спросили, хотим ли мы жить. Но только нам дано выбирать путь. Пойми свою дорогу, поймай свой ветер. Пусть мир останется равниной — тебе предназначено быть скалой. Пока есть свет, ты можешь отбросить тень. Пока есть солнце и воздух, всегда будет ветер. И хорошо, что он порой бьет в лицо.

Я расскажу о себе — но это будет твоя история. Ты вправе переписать ее заново — наверное, именно этого я и хочу. Научись писать — на опавших листьях и струях горной реки. Научись отвечать за себя — и не задавать вопросы другим.

Я начинаю. А ты поставишь точку — там, где сочтешь нужным.

Захлопнув книгу, я задумчиво повертел ее в руках. Совсем небольшая, страниц сто... Но в тяжелом переплете из темно-зеленого бархата, с тисненными золотом буквами: «Книга Гор». Имя автора нигде не стояло. Неужели эта домороченная философия была библией целого поколения? Может, я чего-то не понимаю? Не дорос до этой книги, как переросло ее нынешнее поколение? Наверное, было время, когда людям — и взрослым, и детям — хотелось ощутить себя кем-то: пусть лишь диким виноградом, или дорожной пылью, или ржавчиной на безукоризненной стали общества?

Взглянув на часы — времени еще достаточно, я вновь открыл маленький томик. Наугад, где-то посередине...

Я вспоминала. Последняя ночь в последнем доме, который был мне родным: время памяти. Ласково светил ночник, и блуждали по коридорам шаги — я не могла их слышать, но знала, что они есть. Не говорите, что я не умею любить. Не думайте, что я не хотела быть благодарной. Но у свободы нет рамок, а значит — у меня не осталось выбора. Я брала книги с полок — древние книги, залитые в прозрачный пластик. На них можно лишь смотреть, но если разорвать оболочку, то бумага истлеет, сгорит. Я не хочу судьбы консервированных книг. Лучше быстрая жизнь, чем медленная смерть.

Потом я снимала с другой полки репринты — креп-

кие и надежные, не боящиеся огня и воды. Никто не отличит их от подлинников — возможно, это и к лучшему. В книге важны только два цвета — черный и белый. Желтая патина времени нужна лишь нашему самолюбию. Я открывала книги наугад — и читала то, что должна была прочесть в эту последнюю ночь. Прочесть, чтобы отринуть. Прочесть и поверить.

Остаться собой.

Никогда не думай, что при помощи слов ты можешь сгладить свои недостатки или придать блеск своим достоинствам... Человеку, который ничего о себе не рассказывает или рассказывает всё, никто ничего не доверит.

Я взяла слова, чтобы рассказать всё. Не верьте мне. Не доверяйте своей души. Но горячий воск слов на моих руках. И когда слова остынут, превратятся в черные на белом тени, они сохранят отпечаток ладоней.

Читайте с моих рук... Мне смешны и до́роги книги, отрицающие власть слова. Безумны слова, отрицающие власть книг. Я жила их жизнью — прежде чем начать свою. Меня учили любви слова́, прошедшие сквозь века. Я знала — это про меня.

Это из меня слепили живой цветок, счастливый цветок, и я ждала тепла, которое заставит раскрыться. Но не было тепла — наверное, оно осталось с теми, кто умел любить и страдать. С теми, кто видел в любви живой цветок, с теми, кто находил о лю́бви слова, заставляющие любить, с теми, кто говорил о гибели любви так, что хотелось умереть.

Как я ненавидела писателей, заставляющих придумывать хорошие окончания к их книгам! Как я влюблялась в них — они не умели лгать... Как любила их героев — писатели могли умереть, а книги жили...

«Он понял, что нужно разжигать огонь», — сказали о моем герое, моей книжной любви. В наше время не любят разжигать огонь. Говорят, что пламя устарело вместе с колесом.

Я научусь разжигать огонь. А колесо мне не жалко. Лучше ходить по земле.

Я медленно отложил «Книгу Гор». Чертовщина какая-то. Не могли мы с жившей почти через век после меня Салли Дженнингс любить одни и те же книги. Ну а цитаты из Честерфилда... Юный гений, супервундеркинд, роддер номер один Салли Дженнингс конечно же могла читать философа восемнадцатого века. Но мне-то его книга попала в руки случайно. Любой из моих приятелей в том далеком —

Господи, каком нереально далеком! — двадцатом веке при слове «Честерфилд» воскликнул бы: «Отличные сигареты!» Что же получается — книга писалась для меня?

Мысль вползла в сознание холодной скользкой змеей. Никуда я не убежал от предопределенности, от всезнающих Сеятелей. Все рассчитано на меня... провокация...

Бред! Я соскочил с кровати, на которой валялся перед «семейным ужином». Просто «Книга Гор» талантлива. Она гениальна, она для всех — и для меня. Это то, что я всегда искал. Покой и ответ на вопросы. Надо дать ее Терри, и Лансу... и Трофею.

Я схожу с ума?

Раскрыв «Книгу Гор» ближе к концу, я опасливо посмотрел на страницу. Что скажешь, Салли?

Если не можешь стать счастьем — будь болью. Разучившись любить, не спеши ненавидеть. Вспомни, что говорили давным-давно: «Мало кто из людей (и это особенно относится к людям молодым) умеет любить и ненавидеть. Любовь их — это необузданная слабость, губительная для предмета их любви, ненависть — горячая, стремительная, слепая сила, всегда губительная для них самих». Когда ты почувствуешь, что способен любить, — сходи с Дороги и строй Дом. Если тебе показалось, что можешь ненавидеть, — беги!

Ай да Салли Дженнингс! Ай да психологи, помогавшие писать «Книгу Гор»! Молодцы.

В комнату, осторожно постучав, вошел Ланс.

— Принц, всё готово. И все собрались.

— Возьми книгу, — вкрадчиво сказал я. — И прочитай вслух эту страницу.

Ланс с удивлением взял зеленый томик. Покосился на меня и начал читать:

— Разучившись любить, не спеши ненавидеть. Вспомни, что говорили давным-давно...

Ланс на секунду замолчал, вглядываясь в текст. А затем продолжил, но с легкой запинкой, словно цитировал по памяти:

— Любовь и ненависть едины в своих недостатках. Ненависть смотрит глазами любви, и то, что раньше...

— Хватит. Спасибо, — я выдернул книгу из его рук. — Чьи это слова, Ланс?

— Цитата из Эдвасто Ревийского. Очень древний и забытый тарский мыслитель... — Ланс напряженно следил за мной, прячущим «Книгу Гор» в ящик письменного стола. — Можно будет ее почитать?

— Нет, Ланс. Во всяком случае, я не буду. И тебе не со-

ветую. В эту книгу заложена какая-то психическая ловушка... дрянь, заставляющая находить свои любимые мысли, цитаты, строчки из прочитанных в детстве книг. Там нет Эдвасто Ревойского... или Ревийского? Я вместо него прочитал цитату земного философа восемнадцатого века. Ясно?

— Но я же видел своими глазами!

— И я видел. Эта книга заставляла людей уходить из дома, бродяжничать, забывать родных. Возможно, в свое время именно это и требовалось Земле, чтобы выжить и начать звездную экспансию. Но теперь книжка не работает... или подчиняет лишь таких, как мы, — чужих, неподготовленных. Видимо, у нее был отлично рассчитанный срок действия.

Я говорил уже не для Ланса — для себя. Понимая — и освобождаясь от сладкого дурмана. Спасибо Салли, я взял из книги всё, что было мне нужно... Хотя при чем здесь Салли? Над бесхитростными девчоночьими воспоминаниями поработал огромный коллектив талантливых людей. Они знали, это необходимо для Земли... хочется верить, что знали, а не ставили грандиозный эксперимент на массовом сознании. Они породили роддеров — предвидя, что вскоре психика людей изменится и книга утратит свой гипнотический эффект. Ну, разумеется, останутся доли процента подвластных ей навсегда...

— Пошли, Ланс. Нас ждет принцесса. — Я взял его за руку и почти выволок из комнаты.

— Я включил иллюзор, — сообщил мне Нурлан. — Не против?

Круглый обеденный стол, вокруг которого располагалось семь стульев, стоял на вершине холма. Вокруг была степь — покрытая зеленым ковром трав с редкими алыми цветами. Дул прохладный ветер. Солнце закрывали реденькие пушистые облака.

— Не против, — сказал я, озираясь. — Весна, степь, тюльпаны... Ты любишь миражи, Нурлан. Но лучшим миражем я назвал бы «Книгу Гор».

— Понял?

— Да. Конфетка с индивидуальным вкусом, в бесхитростной обертке.

На лице Кислицына появилось явное облегчение.

— Ну и славно. Мне хотелось проверить тебя.

— Почему?

Несколько мгновений Нурлан колебался. Из воздуха, в серебристом мерцании разрываемого камуфляж-поля, появилась Терри с большим блюдом в руках. Улыбнулась мне, объявила:

— Пицца.

И снова исчезла за фальшивым горизонтом. От блюда

шел соблазнительный запах. Ланс проводил Терри взглядом и устроился за столом. Потянулся к хрустальной бутыли с вишнево-красным вином.

— Так в чем дело? — переспросил я Нурлана. — Зачем проверять устойчивость моей психики... да еще с помощью отработавшей свое книги?

— Сергей, завтра ты покидаешь Землю.

— Ну и что?

— Раймонд Маккорд, из службы безопасности...

— Я помню.

— Он сказал, что ты будешь занят в операции «Игла». Это что-то из набора операций против фангов. У меня с фангами свои счеты. Мой сын был пилотом на «Колхиде».

Нурлан замолчал, словно слово «Колхида» должно было все объяснить.

— И что с ним случилось?

Нурлан принужденно улыбнулся:

— Это первый из кораблей, который отбили у фангов. Именно тогда мы поняли, с кем имеем дело. Живых на нем не осталось.

— Извини. Но тебя обманули. Я не собираюсь участвовать ни в каких операциях Сеятелей.

— Кто знает. Но если бы ты поддался «Книге Гор», то я первый посоветовал бы не лезть в дела с фангами. Там требуется психоустойчивость не ниже четырех доров. «Книга Гор» подавляет людей с силой пять единиц.

Мы помолчали.

— Мне очень жаль, Нурлан. У тебя был только один ребенок? — Вопрос вышел предельно бестактным, но смягчить его не удалось.

— Да, Сергей. Ты не в курсе наших проблем, очевидно... Большинство людей моего поколения не могут похвастаться ни одним собственным ребенком. Был всплеск генетических аномалий... единственным выходом оставался подбор доноров, искусственное оплодотворение. Сейчас это почти позади — но последствия налицо до сих пор. Нации практически исчезли, генотипы приходилось подбирать от людей разных рас. Мой отец — казах, мать — еврейка. А я, как видишь, черный. Я приемный ребенок, для них это было единственным выходом.

— Прости, — тихо сказал я. — Откуда мне знать... Я удивился, что все расы так ассимилировались... но думал, что это произошло нормальным путем.

— Ничего, Сергей. Не оправдывайся. Зато сейчас с генными нарушениями почти справились. У меня есть внуки, им мои проблемы не грозят.

Я повернулся к Лансу. Спросил:

— Кто ты у Сеятелей?

— Боевик, коммандос,— Ланс виновато развел руками.— Понимаешь, Сеятели объявили набор сотрудников из хроноколоний. Я был тогда на Таре, сделал ложные документы и...

— Не думаю, что они им поверили. Ланс, у тебя есть оперативная связь с руководством?

Он кивнул. Конечно, в двадцать втором веке человек его специальности не мог обойтись без микропередатчика. Из кармана куртки Ланс достал плоскую пластиковую кругляшку. Спросил:

— С кем необходимо связаться?

— Раймонд Маккорд.

Ланс нервно потер ладонью скулу. Нахмурился. Потом положил свой аппаратик на стол и прижал к нему большой палец. Над столом возникло маленькое, но четкое изображение: смуглый, азиатского типа мужчина в черно-белой форме.

— Экстренный вызов, — коротко бросил Ланс. — Командора Раймонда Маккорда.

Дежурный глянул куда-то в сторону. И покачал головой:

— Вне вашего ранга, лейтенант Ланс. Могу соединить с помощником консультанта...

Я наклонился над столом, надеясь, что попадаю в поле зрения дежурного. И тихо сказал:

— Не напрашивайся на неприятности, парень, соединяй. Проверь по своим компьютерам такое имя — Сергей, принц планеты Тар. Если не найдешь, соединяйся с Раймондом сам. И скажи ему, что я хочу поговорить об операции «Игла».

Это его проняло. Он опять уставился в сторону — видимо, там стоял информационный терминал. И стал предельно вежлив.

— Ваше имя в списке разрешенных, принц. Соединяю.

Прошло не меньше минуты. Появилась Терри с подносом, заставленным какими-то салатами. Увидела включенный передатчик и молча присела за стол.

— Приветствую вас на Земле, Сергей.

Я молча смотрел на руководителя службы безопасности Сеятелей. Пожилой европеец с очень приятными, мягкими чертами лица. С приклеенной бородкой из него получился бы великолепный Дед Мороз для детского утренника.

— Раймонд Маккорд? — поинтересовался я на всякий случай.

— Да.

— Объясните, на кой черт я вам сдался?

Раймонд очень удивленно развел руками. Сказал с легким укором:

— Сергей, вы поступали неправильно, изолируясь от Земли. Мы — ваши потомки. Этот мир признателен вам...

— Насколько я понял нормы вашей морали, — я постарался выделить слово «вашей», — жить вдали от Земли мое право.

— Конечно, конечно... Сергей, я надеюсь побеседовать с вами наедине. Поверьте, никто не препятствует вашим желаниям. У нас есть предложение о сотрудничестве — но вы можете его отвергнуть. Принцесса Терри любезно согласилась помочь нам, мы признательны ей.

— Я отвергну любое ваше предложение,— сообщил я.— Но для беседы прибуду. Вместе с женой, разумеется. Еще надо разобраться, во что вы ее втянули и какими методами. Встретимся завтра.

Ланс оборвал связь мгновенно, повинуясь моему жесту. Я усмехнулся:

— Слушай, похоже, ты все еще считаешь меня капитаном.

Ланс кивнул:

— Контракт с Сеятелями я могу разорвать за сорок восемь часов. А вы — мой принц... император.

9. Инь и ян

Закончив наполнять стол блюдами и вазочками, Терри присела рядом. Я тихо спросил:

— Что за сотрудничество ты обещала Сеятелям?

— Обмен посольствами. Возможно, заключение договора о взаимопомощи, торгового союза. Ничего более. Регент и сам обязан был это сделать...

Дипломатические отношения — это неплохо. А вот о военных договорах, как бы они ни назывались, с Терри еще придется поспорить. Я не верю Сеятелям. Они не мои потомки — они лишь дети моего времени. Того самого времени, где под успокаивающий говорок с трибун звучали выстрелы на улицах городов. Где насиловали женщин и расстреливали детей, где экспансивные южные летчики топили пассажирские корабли с беженцами, а вежливые, корректные северяне превращали в бесправных рабов половину населения своей страны. Он протянул щупальца в будущее, мой двадцатый век, и если тогда огромной державой правили болтуны, взяточники и пьяницы, то ничуть не лучше нынешнее правительство Земли. Не то, надгосударственное, под нейтральным названием Ассамблея, а истинное, имеющее силу и власть, — проект «Сеятели». «Коммунизм победил», — по-

шутил я недавно. Нет, победил не коммунизм, а весь двадцатый век — жестокий и кровавый, спрятавший под маской цивилизованности тысячелетний звериный оскал. Генетические аномалии вынудили перемешаться расы и народы, спасли Землю от национальных войн. Но мир на спокойной и развитой Земле — только украшение на военном мундире целой галактики. Тысячи планет живут в воинственном средневековье — лишь для того, чтобы стать союзниками в великой войне с кровожадными фангами. А настолько ли они враждебны, фанги? Врага так просто придумать, вылепить собственными руками из мягкой глины непонятного...

— А вот и мои друзья, — весело сказал Кислицын. — Проходите.

Я встал из-за стола. Друзья Нурлана были порядком старше его. Пожалуй, и в мое время им уступили бы места в переполненном автобусе. Оба светлокожие, с европейским типом лица, один темноволосый — ни единой седой пряди, другой со светлыми, но явно от природы, волосами. Этакие предельно опрятные старички в серых костюмах, даже мне кажущихся старомодными.

— Михаил, — представился один.

— Игорь, — с любопытством разглядывая меня, сказал второй.

— Сергей, — я протянул им руку.

Мы обменялись символическими рукопожатиями. Ладони оказались неожиданно крепкими, а ведь им наверняка за сотню...

Михаил подошел к Терри, церемонно взял ее ладонь, коснулся губами.

— Счастлив познакомиться с принцессой планеты Тар.

Терри улыбнулась и кивнула. Вслед за Михаилом к ней подошел Игорь, слегка поклонился и тоже поцеловал руку. Вежливо пояснил:

— Это древний земной обычай приветствия особ королевской крови.

— Я догадалась. — Терри опять улыбнулась. Гости Нурлана явно привели ее в хорошее настроение.

— У нас есть маленькие подарки для вас, — сказал Игорь. — Мы не знали, что будет еще и ваш друг, простите...

— Ничего,— доброжелательно отозвался Ланс.— Я не особа королевской крови.

Пока они знакомились с Лансом, я взглянул на Нурлана. Поймал его озабоченный взгляд и успокаивающе улыбнулся. Все нормально.

Игорь достал из кармана пиджака две плоские шкатулки. Молча протянул их нам с Терри.

— Какая прелесть! — воскликнула Терри.

В шкатулках были кольца черненого серебра. Довольно большие, причудливой формы — нераспустившийся розовый бутон на длинном, скрученном в кольцо стебле.

— Это самый ценный металл Земли — серебро, — просто сказал Игорь. — Его считают металлом, которого боится зло. Мы немного знаем о вашей истории, о кольцах, помогавших преодолеть расстояние...

— Надеюсь, эти кольца не столь затейливые? — поинтересовался я.

Игорь покачал головой.

— Здесь нет никакой электронной начинки. Просто кольца ручной работы. Я был когда-то дизайнером-ювелиром. Теперь уже не работаю... разве что по таким случаям.

— Извини. Спасибо. — Я надел кольцо на указательный палец. Несмотря на всю изысканность формы, оно не смотрелось чужеродным даже на мужской руке. Действительно великолепная работа.

Игорь тем временем повернулся к Лансу. Спросил:

— Вы из Сеятелей? Оперативник?

Ланс молча кивнул.

— Тогда разрешите сделать подарок и вам. Это, конечно, менее оригинальная вещь... но отвечающая вашей деятельности.

Игорь коснулся рубашки на груди, и в ткани раскрылся потайной карманчик. Он достал из него тонкую цепочку — тоже серебряную. А на ней... Я невольно сморщился. На цепочке, то ли приваренный, то ли приклеенный к свинцовой пульке, раскачивался автоматный патрон. Вполне знакомый патрон от АКМ. Сколько таких патронов я израсходовал две сотни лет назад? Горячие гильзы, запах пороха, дрожь автомата в руках. И точно такие же пули летели в меня... Умерли те, в кого я промахнулся, рассыпались в пыль станки, отливавшие пули. А этот патрон выжил... Игорь не заметил моей реакции. Он оживленно объяснял заинтересованному Лансу, что такое патрон, пороховое оружие и автомат Калашникова. Этот патрон Игорь таскал в детстве на шее, как амулет. И все ему завидовали. Придурки...

— Не обижайтесь на моего друга, — шепнул мне Михаил. — Он не подумал, какие ассоциации вызовет у вас его игрушка.

Я подозрительно посмотрел на него. Спросил напрямик:

— Вы что, сенс?

— Нет... просто хорошо чувствую чужие настроения. У меня тоже есть подарок для вас с Терри.

Два футляра из черного стекла с золотистыми коронами-вензелями на крышке. И хрустальные флаконы с лимонно-желтой жидкостью внутри.

— Духи и одеколон, — догадался я. — Тоже индивидуальное производство?

— Конечно. Я был дизайнером по запахам. Запускал массовые серии — «Честь», «Алое на голубом», «Фея полуночи»... Впрочем, вам они незнакомы. А это из старых запасов... то, что в серию не пошло. У них даже нет названия, условным было «Инь и ян».

Я потянулся к флакону, но Михаил остановил мою руку:

— Попробуйте запах вдвоем с принцессой. Так будет лучше. Это подарок для людей, которые любят друг друга, очень индивидуальный подарок. Он не пошел в серию именно из-за этого... Да вы поймете.

Почему-то я не стал больше расспрашивать. Михаил не внушал опасений. Наоборот, что-то в нем было притягательное, близкое.

Может, затаенная где-то глубоко-глубоко боль?

Как мне говорил Вик: «Не хочу терять тайну». Пусть и для меня этот пожилой дизайнер по запахам останется тайной.

— Прошу к столу, — бодро сказала Терри. — Уважаемый Нурлан уступил мне на сегодняшний вечер права хозяйки... Все приготовлено по моим рецептам — считайте это ответным подарком.

Ланс забрал у нее нож и принялся разрезать исполинских размеров пиццу. Я налил себе и Терри вина, Нурлан на противоположной стороне стола обслуживал своих друзей. Дул легкий ветерок. Пахло степью. Иллюзия, как в «кабинете» Маэстро Стаса. Зато вино настоящее. Я сделал большой глоток, терпкая сладость слегка обожгла горло.

— За встречу, — сказал, поднимаясь, Нурлан. — Встречу времен и планет, людей и дорог.

Мы сдвинули бокалы.

— Вы не расскажете немного о себе? — спросил меня Игорь. — О полете «Терры»?

Так и думал, что к этому придем...

— Расскажите то, что вам приятно, — неожиданно сказал Михаил. — Я знаю, там было очень много боли. Всё смешалось: друзья и враги, Сеятели и хроноколонисты. И все же и в печали есть радость, и в тревоге — память. Говорят, вы были другом клэнийца... встречались с Даниилом Назаровым...

Я невольно улыбнулся:

— Был... и встречался. Или наоборот. Алер-Ил с планеты Клэн и Данька — мои друзья. Хоть их уже и нет. Я расскажу.

...В голове слегка шумело. Я валялся на кровати, превратившейся из агрегата для сна в самую обыкновенную мебель, поджидая Терри. В ванной слышался плеск воды. Закрыв глаза, я вспоминал вечер. Все было здорово. Начиная с друзей Нурлана и кончая приготовленными Терри блюдами.

Я засыпал. Слишком много информации за один день. Слишком много встреч и воспоминаний.

Полет «Терры». Торговля и стычки с пиратами, поиски Земли... Старый мошенник Редрак... Данька, подброшенный к моему звездолету... Клэн с планеты Клэн. Белый Рейдер. Храмы, Маэстро Стас...

Сон. Все это — лишь сон. Было ли со мной такое? Синее пламя на плоскостных мечах, битва парящих над Схедмоном кораблей. Храм, подчиняющийся моим приказам, ментальный поединок с его создателем. Мы с Данькой, устроившие пикник под разноцветными лунами Рейсвэя...

— *Ты уже спишь.*

— Сплю, — согласился я.

Мы шли по пустыне. Мелкий песок затягивал ноги, как болото. Белое солнце неподвижно висело в зените. Я посмотрел на своего спутника. Эрнадо... или Ланс... или Редрак... или Клэн.

Сон казался явью, как любой порядочный сон. Это после пробуждения растает ощущение песка под ногами и солнца над головой. Возможно, останется жажда. Я чуть-чуть перепил.

— Куда мы идем?

— *Вперед,* — равнодушно ответил спутник. — *К цели. Самый простой путь всегда самый верный, ты же знаешь.*

— Это трудный путь, — упрямо возразил я.

— *Трудный, но простой. Ты думаешь, легкий, но сложный — лучше?*

— Не запутывай меня.

— *Зачем? Мы всегда любили ясность.*

— Как это — мы?

Идущий рядом засмеялся:

— *Ну, скажем, твои совесть и честь.*

— И ум.

— *Не остри. Лучше слушай и запоминай — ты отвлекаешься. Сходишь с пути. Тебе не место на Земле.*

— А где же мне место? На Сомате? На Таре? В рядах Сеятелей?

— *Везде. Дорог много, не останавливайся.*

Мой спутник вдруг обернулся:

— *Я ухожу.*

Он растаял в прозрачном воздухе. Остались лишь желтая пустыня и белое солнце в бесцветном небе.

— Сергей... Сережка...

Я открыл глаза. Надо мной склонилась Терри, закутавшаяся в мягкий сиреневый халат. Она ласково погладила меня по лицу:

— Тебе снились кошмары? Ты стонал.

Я кивнул и поднялся. Странно — опьянение совершенно прошло. Хотелось пить.

— Сейчас.

В ванной комнате, по-прежнему работающей в иллюзорном режиме, я сунул голову под миниатюрный водопадик. Жадно напился тепловатой воды, отряхнулся. Подул теплый ветер, подсушивая волосы.

— Спасибо, — вяло поблагодарил я.

Снимая по пути рубашку, я вернулся в спальню. Терри сидела на кровати, листая «Книгу Гор».

— Выбрось эту гадость, — посоветовал я. — Это набор текстов, действующих на подсознание.

— Ну и что? Я думаю, что выдержу. Зато можно разобраться в самой себе. Я возьму эту книжку на Тар.

— Как хочешь. — Я присел рядом.

— Хороший был вечер, правда? — Терри открыла футляр из черного стекла, достала флакон с духами. — И подарки чудесные.

С легкой тревогой я смотрел, как она открыла прозрачный флакон, привычным жестом коснулась волос, лба.

— Приятный запах... А что за символы на флаконах?

— Инь и ян. Инь — это древний знак женщины, женской силы. — Я нагнулся к Терри, вдохнул аромат духов. Густой, насыщенный, но не тяжелый. Что-то от мускуса, что-то от едва распустившихся розовых бутонов. Приятный, не более того. Ничего особенного. Я потянулся за своим флаконом, свинтил тугой колпачок. Ян — мужской символ. Легкий, едва уловимый аромат цитрусовых, нотки меда и...

Мир вокруг поплыл. Словно по стенам плеснули густым туманом. Свет мерк. Все исчезало, рябило, удалялось в бесконечность. Лишь Терри оставалась рядом.

— Терри...

— Сергей...

Мы потянулись друг к другу. Сквозь пустоту, сквозь прозрачный туман. Ее ладони касались лица, гладили меня нежными, робкими движениями. И ничего не оставалось, кроме этих ладоней, теплых, почти горячих; кроме голубых, распахнувшихся глаз; кроме обнаженного тела под сброшенным халатом.

— Сергей...

Я скинул остатки одежды торопливым рывком утопаю-

щего, рывком скованного раба, рвущего ненавистные цепи. И не осталось преград между нашими телами, и не осталось самих тел — ничего, кроме неудержимой силы, сливающей нас воедино. Инь и ян, ян и инь...

Уже не было слов и необходимости в словах. Мы читали друг друга, словно раскрытые книги.

«Это наркотик, Сергей?»

«Нет. Это свобода. Это таран, ломающий стены. Инь и ян. Две силы».

«Разве стены были?»

«Не знаю... теперь не знаю».

«Мы читаем мысли?»

«Не знаю».

«Это навсегда?»

«Не знаю».

Я брал ее, как тысячи раз до этого. Как в самый первый раз, как мог бы брать в последний день перед вечной разлукой. Как свою первую женщину, как всех женщин, которых любил до нее. Как всех, кого никогда не полюблю и кем никогда не овладею, — потому что никто не был мне нужен и не существовало никого, кроме нас.

«Я люблю тебя, Терри».

«Я знаю. Я люблю тебя, Сергей».

«Я знаю».

Смешно было назвать это сексом — словно динозавра ящерицей. Глупо называть любовью — как объяснять слепому цвет неба на восходе. Но слова стали не нужны.

«Скажи, почему ты полюбил меня?»

«Скажи, почему ты полюбила меня?»

«Ты была светом во тьме. Ты обещала любить... не требуя любви. Ты не испугалась моего мира, который пугал меня самого. А еще... я любил тебя всегда. Всегда... Я знал, что ты будешь. Именно такая».

«Ты был тем, кто не забыл меня. Ты заставил себя поверить — зная, что мои слова лишь игра. Ты не испугался моего мира — который был смертью. Ты смог уйти, когда это было нужно. Ты смог отстоять свой мир. Ты смог позвать, когда я ждала. Но я еще не любила тебя...»

«Я знаю».

«Теперь знаешь. Вначале был мой долг перед тобой. Потом — стыд за родителей. Потом — страх перед предком Сеятелей».

«Ты боялась?»

«Да. Ожившие боги — это страшно. Но это прошло — когда я увидела твой мир ближе».

«Когда ты полюбила меня?»

«Когда ты отказался от власти над Таром — я поняла, что́ это для тебя, лишь увидев земную жизнь. Когда ты сказал, что мы найдем себе новый мир. Когда помог увидеть красоту мертвой планеты. Когда был для меня всем — мужем и другом, рабом и господином. Когда я поверила в твою любовь к Терри — а не принцессе планеты Тар».

Мы лежали обнявшись, и мир вокруг обретал ясность. И шепот мыслей затихал, но в нем уже не было надобности, как и в словах. Лишь руки Терри продолжали гладить меня — нежно, благодарно, встречая ответную ласку моих рук.

Было тихо, так тихо, как не могло быть на Земле двадцатого века. Тише, чем в нашем доме на Сомате, тише, чем во дворце императора Тара.

— Сережка, — прошептала Терри. — Этот набор... инь и ян, он подействовал бы на любого? На какую угодно пару?

— На тех, кто любит друг друга, — так же негромко ответил я. — Он не приворотное зелье... этим и страшен. Мы могли понять, что не любим друг друга.

— Мы любим, — Терри уткнулась мне в плечо. Прошла минута, прежде чем я понял — она спит. Подарок Михаила вымотал нас до предела. Я осторожно поправил одеяло, потом глянул на экран. Три часа ночи.

Странно — я понял то, что было раньше лишь словами. Я действительно любил Терри всегда.

Еще до нашей встречи в ночном парке Алма-Аты.

Прежде, чем я понял слово *любовь*.

Всегда.

Я ждал и любил ее всегда.

Часть вторая

ФАНГИ

1. Орбитальная крепость

— Наверное, надо было попрощаться, — озабоченно сказала Терри, когда наш флаер набрал высоту. — Такой обаятельный человек!

— Он бывший роддер. Их мораль поощряла уходы без предупреждения, — сонно пробормотал я, наблюдая за Лансом, который вел флаер явно куда-то к горам... Хотел же

встать пораньше и поговорить с ним — не вышло. Заснуть удалось лишь под утро.

— Ланс, куда мы летим?

— Мне сообщили точку в горах, где приземлится катер. На этой посудине, — Ланс стукнул кулаком по прозрачной стенке кабины, — за пределы атмосферы не выбраться.

— А разве катер не мог приземлиться в городе?

— Мог.

Я посмотрел на Терри, склонившуюся к моему плечу. Потом вздохнул и сказал Лансу:

— Паршивая у тебя контора, старик. Подленькая. Не догадываешься, куда мы летим?

— Куда?

— На место посадки Белого Рейдера. Туда, где находилась кварковая бомба. Где мы спасали Землю.

Ланс обернулся, потом глянул на приборы, на экран, где светилась зеленая ниточка курса. И выругался.

— Ого. Делаешь успехи. Но не при Терри, Ланс.

— Сошлю... в дальний гарнизон... — не открывая глаз, пообещала Терри. И дернулась: — Так мы летим *туда*?

— Психологическое давление. Это в духе Сеятелей.

Ланс виновато спросил:

— Принц, мне связаться... с ними? Потребовать другой точки для взлета?

— Нет. Нас не должны вывести из равновесия.

— Хорошо. Я не сообразил, в чем дело, принц. Клянусь. Просто не хочу возвращаться туда, где погиб наш Данька.

— Он же выжил? — Глаза Терри удивленно распахнулись.

— Наш конга погиб, Терри, — сказал я. — Его собрали заново... но он почти ничего не помнил о своих приключениях.

— Да, ты рассказывал.

Я промолчал. Для Терри Данька был просто случайным эпизодом в одиссее звездолета «Терра». Для нас с Лансом мальчишка был членом экипажа, другом, дравшимся рядом с нами, — и убитым на наших глазах. Увы, воскрешение удавалось лишь Христу, да и то с папиной помощью. Я почти с удовольствием повторил про себя кощунственную фразу. Не верю в богов. Дрянными богами оказались Сеятели... а других придумывать не стоит.

— Вон катер, — тихо сказал Ланс. — Попросим его взлететь сразу же.

Внизу, на свежей горной траве, белел корпус маленького орбитального катера. Рядом стоял пилот и... я с трудом поверил своим глазам — курил! Ни черта себе! Табак еще в ходу.

Передо мной вдруг прокрутилась вся последовательность будущих событий. Я выклянчиваю у пилота сигарету... сигару... папиросу... Мы стоим у катера, травимся никотином, ведя вежливый разговор, глядя с гор на далекие сады Алма-Аты. И пилот мимоходом вставляет в разговор полубессмысленные фразы-ловушки, перенастраивающие мою психику на нужный Сеятелям лад. А в сигарете кроме табака еще какая-нибудь дрянь...

Не дождетесь. Я ехидно ухмыльнулся. Слава Богу, вот уже пять лет как не курю.

— Знаешь, Ланс, — почти весело сказал я, — наверняка старт отложится минут на пятнадцать. Нам придется походить вокруг катера, посидеть на травке...

— Вряд ли, — с сомнением сказал Ланс.

Конечно же прав оказался я.

Станция проекта «Сеятели» располагалась на стационарной орбите. Для современного катера с гравикомпенсаторами и аннигиляционными двигателями путь в двадцать пять тысяч восемьсот километров занимает от силы пятнадцать минут.

Нас везли к станции почти час. Вначале катер начал медленный, чудовищно энергоемкий разгон над поверхностью Земли. Мы прошли над Египтом — треугольные тени пирамид лежали на желтом песке, как и тысячи лет назад. Потом пилот сообщил, что мы проходим над экватором, а я осведомился, не запланирована ли экскурсия над Антарктидой.

Через полминуты — видимо, пилот переговорил с начальством — показуха кончилась, и катер пошел к станции. Но и это оказалось не слишком быстрым делом.

Станцию «Сеятели» окружало не меньше трех поясов безопасности. Название вполне условное: по сути, каждый «пояс» был сферой из множества автономных и взаимодействующих между собой боевых станций. Некоторые, как любезно сообщил пилот, не превышали размерами теннисного мяча. Другие достигали сотни метров. И вся эта армада запрашивала у нашего катера коды, пароли, разрешения на вход в очередную зону безопасности, досматривала содержимое катера.

Больше всего меня потряс тускло-серый шарик, похожий на первый земной спутник с ободранными антеннами. Он вплыл в наш катер через обшивку, при этом слегка затуманившись и потеряв контрастность, затем снова стал четким, материальным. Шарик медленно проплыл по пассажирскому отсеку катера, заглянул в грузовой — дверь перед ним раскрылась судорожным рывком — и скрылся в кабине пилота.

Как сказал мне Ланс, досмотровый зонд использовал для проникновения сквозь броню «темпоральное прерывание». Он прошел сквозь обшивку катера, нырнув в иную секунду, когда катера в этой точке пространства еще не было.

Кажется, я даже задремал, утомленный демонстрацией могущества проекта «Сеятели». Наверное, это даже не спектакль, рассчитанный на нас с Терри, а стандартные меры безопасности. Но было в них что-то натужно-демонстративное, похожее на военные парады в тоталитарных странах двадцатого века. А я и без того не сомневался в надежности обороны станции. Уж если стереотипные Храмы на планетах хроноколоний были неуязвимы для любого оружия, то чего же ожидать от главной базы храмников...

Сама станция выглядела куда прозаичнее своих защитников. Огромный шар, тускло-серый, подернутый дымкой. Мы плавно приблизились к нему, и по катеру словно прошла волна теплого воздуха. На мгновение, перед тем как катер нырнул в безукоризненно монолитную обшивку — до обыкновенных люков Сеятели не опускались, — я заметил, что шар стал угольно-черным с разноцветными пятнышками света на броне.

— Нас впустили в субъективное время станции, — гордо сообщил Ланс, довольный своей ролью гида. — Иначе мы прошли бы сквозь нее, как сквозь мираж.

Обзорные экраны погасли. Я отстегнул ремни кресла — почему-то на Земле предпочитали этот древний способ страховки пассажиров. Посмотрел на Терри — она улыбнулась, но во взгляде чувствовалось напряжение. Люк катера раскрылся.

Первым вышел Ланс, за ним я. Подал Терри руку — до пола было не больше полуметра, но он оказался неприятно скользким, словно покрытым изморозью. Следом прыгнул Трофей, недовольно мяукнул и выпустил когти, пытаясь вцепиться в металл.

Нас встречали. Четверо, в такой же, как у Ланса, черно-белой форме. С пистолетами в руках — правда, лишь парализующими. Но наверняка откуда-то из стен на нас было нацелено куда более серьезное оружие.

— У кого-то из вас лазерный пистолет, — сухо произнес один из охранников. — Сдать.

Я отцепил от пояса кобуру, бросил ее на пол. Вежливо сообщил:

— Он почти разряжен. Его на четверых не хватило бы... разве что на двоих-троих.

— Сергей, вас ждет командор Раймонд. Принцесса и лейтенант Ланс могут подождать в гостевом зале, — никак не реагируя на мои слова, сказал охранник.

— Нет. Мы идем все вместе, — возразил я. Мне просто хотелось увидеть их реакцию на неподчинение.

— Хорошо, — вмешался другой охранник. — Но животное придется оставить.

Трофей оскалил клыки. На него немедленно повернулись стволы парализаторов. Наклонившись, я потрепал его по спине.

— Все в порядке, Трофей. Подождешь с ними, пока мы вернемся, — ласково сказал я. — Веди себя прилично, никого не убивай. Мы в гостях, понятно?

— Он ограниченно разумен? — с интересом спросил охранник.

— Насчет ограниченности не уверен. Покормите его, он любит жареное мясо. В крайнем случае пойдет и сырое.

— Эд, вместе с животным в гостевую. Остальные в приемную командора Раймонда, — сказал в пространство первый из заговоривших с нами охранников. И нас потащило сквозь ставшие бесплотными стены — так же, как в любом из Храмов.

Честно говоря, при таком контроле над материей охранники с их пистолетами были попросту смешны.

Приемная либо была огромной, либо казалась такой. Пройтись до обитых багровым велюром стен и проверить, существуют ли они на деле, было лень. Да и неизвестно, как отреагирует на это охрана.

Кроме троих, появившихся вместе с нами, в приемной была еще парочка. Ее вооружили на совесть — боевые костюмы с включенными щит-генераторами и лучеметы в руках. Они стояли по обе стороны высокой, обтянутой темной кожей двери, и выправка у них была не хуже, чем у солдат, охранявших когда-то Мавзолей.

Ланс прошептал мне на ухо:

— Знаю одного из этих парней, учились в одном взводе... Кретин редкостный, но реакция у него отменная.

Мы сидели в удобных креслах посреди зала. Командор Раймонд явно не спешил нас принять, и, похоже, охранников это смущало. Они топтались у нас за спиной, негромко переговариваясь. До меня донеслось: «Объявили второй уровень... что-то затевают...»

Я прислушался. И усмехнулся, уловив ответ: «Нашу группу в бой не бросят... разве что фанги оккупируют Плутон. Это дело оперативников. Да и Десантный Корпус на что?..»

Психология рядовых не слишком-то изменилась за два века. Никто не торопился умирать.

Охранник у двери сделал шаг вперед. Смена караула? Нет, он несколько секунд прислушивался к чему-то, предназначенному лишь для него, и торжественно произнес:

— Командор Раймонд Маккорд извиняется за вынужденную задержку. Он предлагает провести короткий разговор с принцем планеты Тар, разговор будет носить личный характер. После этого он ждет в кабинете принцессу Терри и лейтенанта Ланса.

— Иди, — тихо сказала мне Терри. — Это может быть интересно.

Я кивнул и пошел к двери. Охранник открыл ее передо мной, посторонился, но недостаточно быстро. Я скользнул плечом по поверхности щит-поля, меня толкнуло, и равновесие удалось удержать с трудом. Охранник ухмыльнулся. Действительно кретин.

Вторые двери — такие же роскошные, обитые кожей. И волна теплого воздуха — точнее, то, что человеческий организм воспринимал как теплый ветер. Кабинет Раймонда Маккорда изолировался собственным хронополем.

На секунду я замер, оглядываясь. Сталь и стекло. Полированные металлические стены, на которых радужно переливались, угасая, выключенные только что экраны. Почти невидимая мебель — стол и несколько кресел. Над столом медленно вращалось голографическое изображение станции — полупрозрачное, с четко различимыми переборками и цветными линиями коммуникаций.

— Садитесь, Сергей, — Раймонд поднялся из кресла, перехватил мой взгляд на включенный макет станции, потянулся к нему рукой... Потом улыбнулся:

— Пусть работает, Сергей. Это секретная схема, но я вам доверяю.

Я поморщился:

— А если меня поймают фанги? И просканируют память? Раймонд, не делайте из меня дурака. Это ложный макет. Для всех посетителей, в надежде, что кто-то из них попадется врагу.

Раймонд вздохнул, махнув рукой над макетом. Тот исчез. Командор уселся в свое кресло, задумчиво посмотрел на меня:

— Мне очень хочется с вами поработать, Сергей.

— Жаль, но это не взаимно.

Наяву командор Раймонд Маккорд выглядел куда моложе. От него так и веяло бодростью, уверенностью, доброжелательством. Маккорд оперся о стол, слегка наклонился ко мне. Ладони были старательно разведены в стороны, поза не напряжена. Неужели он думает, что я не знаю этих пси-

хофизиологических штучек? Поза доверия, поза внимания... Пусть думает и дальше. Я скрестил руки на груди, заложил ногу за ногу. Максимальное отрицание, уход в себя, защита...

Маккорд рассмеялся:

— Ладно, Сергей. Я понял. Не будем играть с подсознанием.

— На таком примитивном уровне действительно не стоит.

— Тогда поговорим честно. Что за чушь с нападением на ваш дом?

— Это не чушь, Маккорд. Мой дом разрушен.

— Мы этого не совершали.

— А фанги?

Маккорд посмотрел на прозрачную столешницу, и я увидел, как бегут в ней отсвечивающие зеленым строчки.

— На уровне наших детекторов вы не лжете. Или считаете, что правдивы... Но проникновение фангов на Сомат невозможно, уверяю вас. Существует барьер в гиперпространстве — он выбрасывает в реальный космос любые тела, идущие со стороны фангов.

— Какие стороны в космосе, Маккорд! И если уж на то пошло, почему бы фангам не иметь базы в земной сфере влияния?

Раймонд кивнул. И неожиданно спросил:

— Сергей, вы наверняка оскорблены моим... давлением. И все вопросы сотрудничества отныне бесполезны. Так?

— Нет, — сам удивляясь своим словам, ответил я. — Я не оскорблен. Возможно, это поработали ваши сенсы... но я не имею к вам претензий. Мне кажется, вы сейчас в панике.

— Да. Потому и хватаюсь за отработанные файлы.

Первый жаргонизм двадцать второго века, услышанный мной от Маккорда, был достаточно забавен. И весьма обиден, о чем командор вряд ли подозревал.

— И зачем же вы за меня схватились, Раймонд? Зачем привлекаете первобытного парня к своим операциям?

— Потому что вы — принц планеты Тар. И если у Терри все пройдет удачно — ее император.

— Вам так важен Тар?

— Да. Он расположен в стратегически важном районе... на границе с фангами. На острие иглы, нацеленной в центр их федерации.

— Отсюда и название?

— Да. Операция «Игла». Если Тар при поддержке союзных планет — поддержку мы обеспечим — начнет военные

действия, фангам придется воевать на два фронта. Они смогут сдержать натиск хроноколоний, почти наверняка смогут. Но удар земного флота их уничтожит.

— Просто, как в схемах кадета Биглера... — пробормотал я.

— Каких схемах?

Я усмехнулся:

— Да так... Был в двадцатом веке непризнанный полководец... Маккорд, меня не интересуют тактико-стратегические планы Земли. Возможно, вы именно так и намереваетесь поступить, возможно — просто хотите втянуть хроноколонии и фангов во взаимную мясорубку. Сами же отсидитесь в сторонке, за барьером гиперпространства... Не знал о его существовании.

— Немногие о нем знают и на Земле. Фанги знают — две их эскадры были выброшены месяц назад из прыжка к Земле. Думаю, капитаны кораблей удивились... успели удивиться.

— И что же с ними стало?

— Зона, куда барьер выбрасывает корабли, патрулируется нашей эскадрой. И вдобавок усеяна автоматическими боевыми станциями. Ни один из вражеских кораблей не ушел.

— Ясно. Маккорд, говоря со мной, вы должны учитывать одно обстоятельство: я ничего не знаю об истории конфликта Земля — Фанг. И не уверен, что в нем Земля занимает правую сторону.

Похоже, мне удалось его удивить. Маккорд даже всплеснул руками — полувозмущенно, полурастерянно.

— Сергей, Земля — ваша родина!..

— Когда-то моей родиной была страна СССР. И я повоевал за нее. С меня хватит слепого патриотизма.

— Но вы можете узнать всю историю конфликта. Вы могли узнать ее еще на Сомате, у вас там есть станция гиперсвязи.

— Была. Вы уничтожили мой дом.

— Опять? Когда принцесса Терри согласилась лететь на Землю, мы оставили в доме охрану, а на орбите Сомата — патрульный корабль. Он ежечасно подает сигналы благополучия. Хотите связаться с ним?

— Когда я пришел к своему дому, он был разрушен, — я начал медленно свирепеть. — Охранные роботы открыли по мне огонь. В доме не было ничего, кроме следов разгрома.

— Наши роботы не могут стрелять по людям! Даже в ответ, Сергей! Вы уверены в своих словах?

— Если бы не щит-генератор, я превратился бы в горстку пепла. В этом я уверен.

— Сергей, это ошибка... — Раймонд провел ладонью по столу, нажимая невидимые сенсоры. — Сейчас я выйду на связь с патрульным кораблем... И уж если бы роботы стреляли по вам, никакой щит-генератор им бы не помешал. У вас ведь была стандартная модель — с того корабля, что вы позаимствовали в Храме?

— Да.

— Это игрушка по сравнению с огневой мощью боевых роботов... А вот и ответ корабля. Я включаю связь.

Я услышал тонкий прерывистый писк. Затем, после паузы, бесцветный голос:

— Патрульный корабль «Сомат-1». Внеплановая связь. Докладываю: проникновения вражеских кораблей в пределы охраняемой зоны не обнаружено. Объект на планете на связь не выходит. Защитные роботы на планете функционируют нормально. Жду распоряжений.

— Отключите связь, — попросил я. И ехидно посоветовал: — Командор, слетайте на Сомат и гляньте, что там произошло. Пошлите кого-нибудь из своих... оперативников. Но не надейтесь, что на орбите по-прежнему ваш «Сомат-1».

— Через полчаса мы будем иметь всю информацию, — ответил Раймонд. — Если ваши слова подтвердятся... Подождем.

Я кивнул.

— Еще одна просьба, Сергей. Если на Сомате произошло столкновение с фангами, то я не исключаю их проникновения на Землю. Нам нужно знать детали происшедшего.

— Что вспомню — расскажу.

— Речь не об этом. Я прошу согласия на сканирование памяти.

Я напрягся. Тихо спросил:

— А если я отвечу отказом? Поволочете силой?

— Нет. Отношения с Таром для нас важнее. — Маккорд отвернулся и негромко добавил: — Во всяком случае, так считают на данный момент. Никто не потащит вас на сканирование силой. Обещаю. Я могу лишь просить вас о помощи.

— Это опасно? Сканирование?

— Нет. Я сам проходил его десяток раз, еще когда был оперативником. И ваш друг Ланс, насколько мне известно, тоже.

Несколько секунд я молчал. Потом поинтересовался:

— А если я откажусь от всего? От сканирования, от

операции «Игла», от любого сотрудничества? Что это изменит?

— Тактику будущей войны.

— По-вашему, она неизбежна? Насколько я знаю, «холодная война» не обязательно переходит в «горячую».

— Сергей, два дня назад фанги захватили в космосе пассажирский лайнер с детьми. Для нас это значит многое. В прошлом веке Земля перенесла генетический штиль — несколько десятилетий взаимной несовместимости людей. Лишь несколько процентов детей тогда рождались обычным путем, остальные выращивались искусственно. Это наложило отпечаток на всех нас... очень сильный отпечаток. Был своеобразный культ детства, культ семьи. Сейчас генотипы выправлены, но психология людей не изменилась. Гибели детей фангам не простят. Если мы объявим о случившемся — война начнется немедленно...

Маккорд забарабанил пальцами по столу. И продолжил, резко повышая тон:

— Поэтому сейчас мы изолировали родителей пропавших детей. Мы поместили в карантин всех, знающих об исчезновении лайнера, но не способных хранить тайну. Но это временная мера — лишь для того, чтобы оттянуть начало войны. У нас есть две-три недели, и то если не взбунтуются мои собственные оперативники. Затем прольется кровь — и красная, и желтая...

— У фангов желтая кровь?

— Да. Янтарно-желтая.

Я молчал. Плевать мне на разноцветную кровь. И лайнер с детьми, и психология двадцать второго века — не моя забота. Планета Сомат... или, если угодно, Тар может объявить нейтралитет. Сражайтесь...

— Вы уверены, что дети погибли, Раймонд?

Он бросил на меня недоуменный взгляд:

— Вы действительно ничего не знаете о фангах. Хотите получить всю информацию? Я даже настаиваю на этом. Просмотрите ленты, выслушайте рассказы очевидцев, а потом решайте, на чьей вы стороне.

— Хорошо, — словно против воли ответил я. Именно так попадаешь в ложные ситуации — решив узнать всю правду.

— Я рад, что вы не прячетесь от реальности... — Маккорд слабо улыбнулся. — Вас проводят в информационный зал. Вместе с Терри и Лансом, если хотите. Думаю, им тоже будет интересно.

Пожав плечами, я поднялся из кресла.

— Через час буду снова ждать вас, Сергей. Думаю, к этому моменту выяснится и ситуация на Сомате.

2. История сношений с фангами

Охрана вышла, и мы остались втроем в небольшом зале с десятком мягких кресел и огромным, тускло мерцающим на стене экраном. Потолочные плафоны медленно угасли, экран потемнел. На мгновение появились слова «абсолютный допуск» на нескольких языках. Затем осталось лишь матовое свечение — словно в окне, задернутом белой шторой.

— Прошу запрос. Требуемая информация? — вкрадчивый голос прозвучал из глубины сознания.

— Фанги, — коротко ответил я.

— Уточните. Анатомия, физиология, психология, культура...

— Меня интересует история сношений человека с фангами, — угрюмо сказал я. Сколько правды нам придется услышать — и сколько лжи? Существа, занявшие в человеческом сознании место дьявола, не могут быть оценены объективно... Человеком, во всяком случае.

На экране появилось изображение. Отличное объемное изображение звездолета явно земной постройки: цилиндр с вынесенными на двух ажурных консолях конусами гипердвигателей. Современный корабль... Что ж, если считать по субъективному времени Земли, люди встретили фангов три года назад.

Изображение медленно развернулось — и я увидел, что в одном из гипердвигателей зияет рваная пробоина. Хорошее начало — мирный земной корабль, атакованный воинственной цивилизацией.

— Вы видите грузовой лихтер «Тулуза». В две тысячи сто тридцать втором году начал эксплуатироваться на трассах Земля — Сириус, Земля — Фомальгаут. Во время второго рейса из-за дефекта гипергенератора произошел перегрев дефрактора, повлекший его разрушение. Лихтер лишился управления и был отброшен за пределы нашей галактики. При выходе в реальное пространство координаты «Тулузы» были определены как район скопления галактик в созвездии Пегаса. Расстояние до Земли — шестьдесят пять мегапарсеков. Ремонт лихтера силами экипажа оказался невозможен...

Еще несколько кадров — крошечные фигурки в скафандрах, облепившие искореженный гипердвигатель. Снимали с расстояния в несколько километров, и над лихтером мерцала закрученная спиралью галактика. Наша галактика. Я видел этот снимок и раньше, вот только изображение корабля при этом отсутствовало.

— К исходу шестых суток с момента катастрофы лока-

торы корабля обнаружили движущийся в гиперпространстве объект. Это был корабль цивилизации Фанг, находящийся в научном рейсе, — именно такую информацию он транслировал на борт лихтера, выйдя в реальный космос. Расшифровка языка фангов была произведена через двое суток, все это время чужой корабль находился на расстоянии нескольких тысяч километров от «Тулузы». Нежелание приближаться фанги объяснили возможностью истолкования этого как акта агрессии.

Я хмыкнул. Фанги умели быть — или казаться — благородными.

— Все время с момента обнаружения корабля фангов лихтер находился в боевой готовности. Реакторы были подготовлены к взрыву. Никаких просьб о помощи капитан «Тулузы» не передавал. Однако после установления двусторонней связи фанги предложили земному кораблю помощь материалами и энергией для восстановления двигателя. Экипаж лихтера отказался от прямого контакта, опасаясь, что на борт будут доставлены устройства слежения. Тогда корабль фангов передал навигаторам лихтера полное математическое обоснование полета на одном гипердвигателе, позволяющее совершить гиперпрыжок в любую точку Вселенной. Проверка расчетов силами экипажа показала их реальность. После этого корабль фангов сообщил координаты звезды Фанг и ближайших колоний, разогнался и ушел в гиперпространство. Через двенадцать часов экипаж «Тулузы» на общем собрании принял решение возвращаться на Землю, используя переданную фангами информацию. Гиперпрыжок прошел благополучно. Лихтер вышел из гиперпространства в окрестностях Солнечной системы и сообщил на Землю о случившемся. Экипаж поместили в карантин, а лихтер был уничтожен...

Тишина. История первого контакта с фангами кончилась.

— И после этого Земля воюет с фангами? — Я посмотрел на Ланса. — Ничего более благородного... честного... неосторожного фанги совершить не могли! Передать координаты своей звезды чужому кораблю! Позволить ему вернуться!

— Расскажите о втором и третьем контактах, — Ланс странно усмехнулся. — Капитан, сейчас вы все поймете. Нельзя подходить к фангам с земными, человеческими мерками. Они не люди... Послушайте.

На экране появилась тускло-серая конусовидная громада. Линкор галактического класса, один из самых мощных кораблей Земли.

— Линкор «Миссури». Отправлен в полет к звезде Фанг по указанным координатам спустя два месяца после возвра-

щения «Тулузы». Находился в окрестностях звезды шестнадцать дней. От приглашения высадиться на одну из двух обитаемых планет системы отказался, следуя инструкциям Земли. Производилось непрерывное общение с представителями цивилизации Фанг. Основные запросы фангов — ландшафты Земли и человеческие расы, культура Земли. Технологическим уровнем земной цивилизации практически не интересовались, однако о своей технике сообщали любые данные. Предоставили множество образцов приборов и машин, в том числе и объекты «двойного назначения». Оружия в специализированном виде, по их утверждениям, не имели. Подробно описали свою культуру: музыку, архитектуру, хроникально-беллетризированные истории — аналог земной литературы. Отказались объяснить моральные нормы и общественные взаимоотношения, назвав вопросы «некрасивыми». Заявили, что постигнуть законы жизни народа возможно, лишь живя с ним, а не «задавая вопросы, не имеющие ответов». Координатами Земли не интересовались, однако сказали, что Земля — красивая планета и они мечтают посетить ее. На предложение наладить торговые, дипломатические и прочие отношения, а также заключить военный союз ответили согласием. Сообщили, что не видят в данный момент никаких причин для конфронтации с Землей, согласны на совместные научные проекты. Войны и убийства, по их словам, — давний этап в жизни фангов, признанный «неправильным»...

Комментатор говорил, а на экране мелькали яркие, красочные картины: корабли фангов — шары и цилиндры сочных расцветок — алые, синие, оранжевые, зеленые; дома фангов — тонкие высокие башни, покрытые не то узорами, не то письменами; виды планеты Фанг — равнины, заросшие розовой травой, горы, неотличимые от земных, реки с водой бирюзового оттенка, темно-синее небо с желтой, похожей на Солнце звездой. Звучала музыка — странная, непривычная, выстроенная по иным законам, но неожиданно приятная. Потом появились фанги.

Я видел их и раньше. Как ни старайся отсеивать из информационных сводок все сообщения о Земле и Фанге, кое-что приходилось смотреть. Самое интересное то, что на фангов смотреть было приятно.

Фанги — гуманоиды. Их тело покрывает тонкий слой шерсти рыжевато-коричневого оттенка. Лицо... Карикатурно-человеческое, похожее одновременно на собачью морду, с большими выпуклыми глазами. Шерсть — или волосы — на голове более густая. Странно, что при этом фанги красивы. Даже с человеческой точки зрения. Есть в них что-то

от старых рисованных мультфильмов, когда опытные художники закладывали в черты животных чисто человеческое выражение... Наверное, больше всего здесь подходит слово «милые». Фанги были милы.

Может, именно это сняло настороженность Земли в отношении к чужой цивилизации.

— Расскажите о третьей экспедиции, — приказал Ланс.

Терри крепко взяла меня за руку, прошептала:

— Я слышала о ней... видела кое-что.

На экране появились два корабля. Один — знакомый уже мне «Миссури». Другой поменьше и непривычных очертаний.

— Третья встреча людей и фангов. Экспедиция к звезде Фанг в составе кораблей «Миссури» и «Колхида». Научный корабль «Колхида» создан специально для контакта с фангами и высадки на их планету. Оружия не имел. Все члены экипажа были снабжены личными гиперкатапультами типа «кольцо», настроенными на линкор сопровождения и охраны «Миссури». Прямой гиперпереход на Землю с помощью колец был невозможен из-за слишком большой дистанции.

В течение трех суток после посадки «Колхиды» на главную планету цивилизации фангов с ней поддерживалась непрерывная связь. Затем, после двухминутного перерыва в трансляции, капитан «Колхиды» связался с «Миссури» и попросил о продлении срока пребывания на планете. Это вызвало некоторую настороженность экипажа «Миссури», однако разрешение было дано. Связь после этого не прекращалась ни на минуту. Показывались экскурсии людей по планете, посещение ими городов, торжественные церемонии встреч...

Пауза. И невидимый комментатор бесстрастно продолжал:

— Лишь на Земле анализ изображения выявил, что на борт крейсера транслировали компьютерную инсценировку. Большинство находящихся на планете людей к этому моменту были уже мертвы.

Через сто двадцать девять часов с момента посадки «Колхиды» в ангаре «Мира» появился второй помощник навигатора «Колхиды» Шандор Рац. Он был сотрудником Службы безопасности Десантного Корпуса Земли и по собственной инициативе произвел имплантацию гиперкатапульты в ткани бедра. Благодаря этому он оказался единственным, кто сумел воспользоваться кольцом. Разорвав кожу и мышечные ткани, Шандор извлек кольцо и активировал его.

На экране возник Шандор Рац, помощник навигатора и разведчик. Терри быстро отвернулась.

Разорванное голыми руками тело было наименее страшным в его облике. Шандора осторожно укладывали на но-

силки, подключали к каким-то аппаратам, несли по коридорам. Я с трудом заставлял себя смотреть. Искалеченных людей я повидал немало, а вот перенесших такие пытки... И еще оставшихся при этом в живых...

Мелькнуло чье-то лицо на фоне пультов — сжатое в судорожной гримасе, кричащее — звука не было, и слава богу. Это был не Шандор — изрезанное, *выпотрошенное* лицо разведчика навсегда останется в моих ночных кошмарах.

— Капитан линкора «Миссури», — любезно сообщил комментатор. — Пользуясь полномочиями чрезвычайной ситуации, он приказал совершить посадку рядом с «Колхидой». Два корабля фангов, пытавшихся перехватить «Миссури», были уничтожены кварковыми торпедами. При посадке на космодром фангов «Миссури» произвел аннигиляционный удар по окружности «Колхиды», разрушив семь находящихся на поле кораблей, систему управления космодромом и близлежащий город.

Снова изображение. Пылающая черная равнина. Что там еще способно гореть, в этой выжженной на несколько десятков метров в глубину пыли? «Колхида», к которой бегут-летят-скачут десантники в боевых скафандрах. Тонкие лучики лазеров, бьющие из открытых люков «Колхиды». Мерцания защитных полей. Потом всё меркнет — линкор включил нейтрализующее поле. Скорлупа защитных скафандров распадается, из нее выпрыгивают люди с тонкими атомарными клинками в руках... Коридоры — и фанги, дерущиеся какими-то примитивными секирами. Плоскостные клинки крошат их на части — желто-коричневый мех, брызги янтарной крови...

— Группе захвата удалось поднять «Колхиду» с поверхности планеты. Под охраной крейсера корабли начали аварийный разгон и через сорок две минуты с момента высадки на планету ушли в гиперпрыжок. Это было ошибкой — фангам удалось засечь вектор курса. Они узнали координаты Земли.

— В компьютерах «Колхиды», — шепотом пояснил мне Ланс, — не было никаких маршрутных карт. Мера предосторожности... увы, не сработавшая.

— Никто из экипажа «Колхиды», включая Шандора Раца, не выжил. Семнадцать человек пропали без вести — возможно, что они до сих пор находятся на Фанге. Остальные...

Снова изображение. Крупным планом. Я отвернулся.

— Хватит. С этим контактом уже все ясно... Ланс, так что же, фанги — раса лицемерных садистов? То, что показали, правда?

Ланс пожал плечами:

— Показали правду, Сергей. А кто такие фанги... Смотри дальше.

А дальше началась чертовщина. То, о чем рассказывал комментатор, не лезло ни в какие рамки.

Возвращение «Колхиды» и «Миссури». Срочное заседание Ассамблеи. Появление в районе Земли корабля фангов, сообщивших свою версию происшедшего: захват «Колхиды», пытки людей и бой с крейсером — следствие «выступления экстремистов-изоляционистов». Все они строго наказаны, правительство Фанга приносит извинения и предлагает компенсацию семьям «пострадавших». Повторное заседание Ассамблеи, блокада корабля фангов. Срочное строительство военного флота. Самоуничтожение блокированного корабля фангов с предварительным сообщением — «мы лишаем себя жизни в знак искупления вины соплеменников». Еще одно заседание Ассамблеи... Обнаружение эскадры боевых кораблей цивилизации Фанг за орбитой Плутона. Космический бой — «вспышки были видны даже с Земли, невооруженным глазом, при дневном свете». Ресурсы Земли и колоний брошены на военные нужды. Автоматические корабли-разведчики, те, что сумели вернуться, сообщают об аналогичных мерах на планетах фангов.

Лихтер «Мир», идущий рейсом Земля—Сириус, перехвачен тремя кораблями фангов. На него загружены «предметы репарации» — редкоземельные металлы, приборы, произведения искусства: картины и музыкальные записи. Фанги извиняются за беспокойство и покидают лихтер. «Мир» подвергнут карантину, тщательно проверен. Никакого подвоха — мин, вирусов, диверсантов... Часть переданного фангами оборудования может быть использована как сильнейшее оружие.

Ассамблея заседает круглосуточно. Образован комитет по контакту с фангами — нечто вроде военного штаба с чрезвычайными полномочиями. Еще один корабль с Фанга прибывает в окрестности Солнечной системы с «полномочными послами» на борту. В ответном посольстве отказано. Послы Фанга заявляют, что останутся в качестве заложников. Для них строится «тюрьма-посольство» на орбите Плутона.

Земля продолжает накачивать военные мускулы.

Атакован и поврежден пассажирский корабль. Фанги перехватили его в гиперпространстве — такой техникой Земля еще не владеет. Но скоро создает свои гиперперехватчики — на основе переданной фангами технологии.

Земная колония на Антаресе под угрозой гибели — мутированный вирус кори поражает девяносто процентов населе-

ния. Летальность в течение недели после заражения — стопроцентная. Корабль фангов прорывается мимо патрульных крейсеров и выгружает вакцину — специально созданную учеными Фанга против мутированного вируса. Несмотря на запрет Земли, руководство колонии применяет вакцину. Больные выздоравливают. Корабль фангов уничтожен при попытке вернуться с Антареса. Посольство Фанга выражает «сожаление» по этому поводу. Антарес в карантине. Вакцину проверяют всеми возможными способами. Но это не яд замедленного действия и не средство, превращающее людей в фангов. Это просто вакцина от мутированного вируса.

Повторная атака кораблей Фанга на Землю. Все они перехвачены еще в гиперпространстве. Наши победили.

Антонио Саверра, охранник «тюрьмы-посольства», уничтожает ее вместе со всеми фангами и самим собой. Людям он дает время покинуть обреченную станцию. Мотив действия — его дочь погибла на одном из земных кораблей, уничтоженных фангами.

Фанг присылает новое посольство.

Земля предлагает разграничить сферы влияния — не лезьте к нам, мы не тронем вас. Фанги соглашаются.

Сферы влияния нарушаются фангами почти ежедневно. Иногда — для нападений на земные корабли и колонии, порой — для оказания помощи тем же самым кораблям и колониям. Фанги отправляют на Землю нескольких пленных людей. Ответный жест доброй воли — возвращение четырех фангов, захваченных в очередной стычке. На обратном пути земной корабль уничтожен.

Заключение экспертов: военных сил Земли и колоний недостаточно для уничтожения цивилизации Фанг. Заключение отвергнуто Ассамблеей — флот Десантного Корпуса предпринимает рейд. Кварковой бомбой уничтожена колония фангов на одной из их планет. Бóльшая часть земного флота гибнет.

Создание проекта «Сеятели», он же проект «Х».

Установка гиперпространственного барьера.

Стычки продолжаются.

Захват лайнера с гражданским населением...

— Хватит, — сказал я. — Командор Раймонд Маккорд готов нас принять?

3. Логика нелогичного

— Вначале я объясню ситуацию на Сомате, — вместо приветствия сказал Маккорд. — Не стойте навытяжку, лейтенант, садитесь...

— Мы слушаем, — ответила Терри. Она явно была на взводе после всего, что увидела. — Сомат — наш мир.

Маккорд кивнул:

— Принцесса Терри Тар, никто не оспаривает этого. Вы владеете Соматом по праву первооткрывателей... по законам хроноколоний.

— Которые вы и разработали, — оборвал я его.

— На орбите Сомата больше нет нашего корабля, — невозмутимо продолжил Маккорд. — Там обнаружили лишь зеркальный многогранник размером около двух метров. Именно эта штука и вела связь с нами, сообщая, что на Сомате всё в порядке. При появлении наших кораблей многогранник самоликвидировался. Подобная конструкция нам неизвестна, но вполне может входить в арсенал фангов. А эти следы возле дома, биороботы... Уверяю, у нас таких нет. Враг их тоже раньше не применял. Видимо, на Сомате они прошли своего рода испытание...

— С кем они могли сражаться? — не выдержал я. — С боевыми роботами? Те, насколько мне известно, плоскостными мечами не владеют. А этих биомонстров рубили именно атомарниками.

— Не знаю. Вы ведь жили на Сомате вдвоем? Ну еще с этим забавным животным... Может, весь разгром в доме, остатки биороботов — это лишь инсценировка?

— Вы меня спрашиваете? — осведомился я. — Что фанги — мерзкие твари, мне уже понятно. Но зачем такая акция? Она им ничего не дает, абсолютно. Она нелогична.

— А что в их поведении логично, Сергей? Кстати, каким образом наши боевые роботы были перенастроены на поражение человека — вас, например, — я не представляю вообще. Это невозможно априори... Даже показная атака на вас...

— Она не была показной! Это был настоящий бой, Маккорд. Я разрешу просканировать мою память — убедитесь!

Маккорд уставился на меня в упор:

— Личный щит-генератор не способен противостоять залпу даже одного боевого робота! Вы дали разрешение на сканирование памяти?

— Да. Но только боя на Сомате.

— Спасибо, Сергей. Иначе... нам пришлось бы пойти на принудительное сканирование. Я не хочу этого скрывать. То, что произошло на Сомате, важнее отношений с Таром.

— Мы объявили бы вам войну! — Голос Терри был холоден и тих. Такой я ее никогда не видел. — Подлецы!

— Подобный результат был бы, увы, неизбежен, принцесса, — спокойно ответил Маккорд. — Почти неизбежен. А ваша характеристика вполне справедлива.

— Терри, работа Маккорда подла по определению, — я тронул ее руку. — Ты же сама это понимаешь и говорила когда-то очень похожие слова. Организация, защищающая массы, неизбежно подавляет отдельных людей. Сеятели еще держатся в рамках... допустимой подлости.

Раймонд улыбнулся и кивнул мне — с явной признательностью.

— Мне проще понять вас, Маккорд, чем любому из землян двадцать второго века. Для большинства из них насилие стало неприемлемым и неоправдываемым.

— Да. Потому мы и вербуем в свои ряды людей хроноколоний... уважаемого Ланса, например.

Ланс напрягся. Я похлопал его по плечу. Шепнул, но достаточно громко, чтобы услышал Маккорд:

— Это комплимент...

— Конечно, — подтвердил Маккорд. — Сергей, скажите, вам никогда не приходилось слышать об Отрешенных?

— О ком?

— Отрешенные.

Маккорд впился в меня взглядом. Повторил:

— Отрешенные. Похоже на название религиозной секты или философского течения.

— Людей или фангов?

Раймонд кивнул:

— Значит, не приходилось... Возможно, я и ошибаюсь. Сергей, мы будем признательны вам за сканирование памяти. После этого вы можете поступать как заблагорассудится.

— Об операции «Игла» речь уже не идет? — спросил я.

— Надеюсь, что вы поможете нам с «Иглой»... Вы же в любом случае отправитесь с принцессой на Тар.

— Да.

— О чем тогда разговор? Я думаю, что землянин не допустит альянса хроноколоний с фангами... и не позволит фангам захватывать планеты, населенные людьми.

— Маккорд, кто орудовал на Сомате? Люди или фанги?

— Я не знаю. — Маккорд смотрел мне в глаза. — Ручаюсь, проект «Сеятели» к нападению непричастен. Уверен, что спецслужбы земных колоний не могли сделать ничего подобного. Хроноколониям, даже самым развитым, просто не по силам так легко уничтожить наш корабль, тем более перенастроить роботов.

— Значит, фанги?

— Не их почерк, — с усилием произнес Маккорд. — Но от них можно ожидать любого поступка... так что, видимо, на Сомат напали они.

— Маккорд, что ими движет? Фангами?

— А вы ничего не можете предположить? — Маккорд выглядел заинтригованным. — Взгляд свежего человека... тем более из прошлого.

— Тяга к войне, — неуверенно сказал я. — Изначальная агрессивность. Но тогда бессмысленны все их репарации, гуманитарная помощь, передача технологий... Возможно, им нравится сама война, Маккорд. Фангам хочется сражаться с достойным противником, их интересует процесс войны, а не результат. Тогда все их «гуманные» поступки оправданны. Да что я вам гадаю, Раймонд? Вы же знаете ответ! Фангами занимались тысячи, если не миллионы специалистов! И гипотез было не меньше сотни.

— Гипотез были тысячи, Сергей. Но все они — не больше чем гипотезы. Тяга к завоеванию; тяга к войне как к процессу; соперничество различных группировок фангов; стремление их расы к самоуничтожению... Беда в том, что ни одна из гипотез не подкрепляется фактами. Фанги размножаются очень медленно, в их галактике тысячи свободных планет, значит, они не нуждаются в жизненном пространстве. В их истории давно нет войн — они не могут любить войну как таковую. Их культура предельно миролюбива. Можно сымитировать поведение, но нельзя создать целую культуру, наполненную восхищением прекрасным, уважением к любому проявлению жизни, восторгом от самого факта существования... Они очень жизнелюбивы, они не стремятся умирать. У фангов сложная, не известная нам до конца система социальных отношений — но правительство едино. И куда более жестко контролирует поведение фангов, чем земное — людей. Понимаете, самая реальная версия, на которой базируется наша стратегия, — это что фанги решили воевать с Землей именно после контакта с людьми, после высадки «Колхиды». До этого у них не было настоящих военных сил — налет «Миссури» на главный космодром планеты наглядно это доказал. Мы думали, что экипаж «Колхиды» каким-то образом оскорбил их... Нормы морали, религии, если таковая существует... Мы запрашивали об этом послов. Ответ был очень прост — фанги рады контакту с Землей, они благодарны экипажам «Колхиды» и «Миссури». Фанги всегда отвечают на прямые вопросы — но никак не объясняют свои ответы. Возможно, если бы нам удалось отыскать первопричину конфликта...

Маккорд замолчал. Словно испугался, что так разоткровенничался.

— Отрешенные, — сказал я.

— Что?

— Кто они? Не зря же вы о них упоминали, Маккорд. Договаривайте.

— Не могу, потому что и сам не знаю. Есть версия, довольно хорошо отвечающая на все загадки. Какая-то структура — в обществе фангов или даже... — Маккорд замялся.

— Или даже в человеческом, — жестко закончил я. — Структура под условным названием «Отрешенные». Не воюющие сами, но заставляющие воевать фангов и людей. А может быть, Отрешенные вне наших цивилизаций? Возможно, это иная раса, желающая уничтожить конкурентов?

— Возможно. У нас нет данных, Сергей. На людей они не воздействуют, мы проверяли всё, искали следы чужого влияния. Как они могут заставить воевать фангов, я не представляю.

— А вы задавали такой вопрос послам Фанга?

— Конечно. И получили типичный ответ: «Нам известно понятие "Отрешенные", но мы не сталкивались с ними». На вопрос, не принуждают ли их к войне с людьми, фанги ответили более ясно: «Нет».

Я почувствовал, как вздрогнула ладонь Терри. Она явно хотела что-то сказать — но передумала. Правильно. Маккорд не желает играть в открытую — значит, и мы не обязаны раскрывать карты.

— Командор Маккорд, — неожиданно сказал Ланс. — По условиям моего контракта с проектом «Сеятели» я имею право уйти в любой момент. Прошу принять мое прошение об отставке.

Он вытащил из кармана смятый бумажный листок. Тот на глазах расправился, приобретая вполне приличный вид.

Раймонд задумчиво посмотрел на Ланса, потом на принцессу:

— Вы в курсе, что объявлена готовность второго уровня, лейтенант? Предбоевая ситуация. Я не могу удовлетворить ваше прошение.

— Даже по просьбе правительства дружественной планеты? — тихо спросила Терри. Ланс виновато улыбнулся.

— Даже по вашей просьбе... Но есть компромиссный вариант. Ланс, вы хотите разорвать всякие отношения с нами? Или просто желаете последовать за своими повелителями?

— За своими друзьями, — тихо сказал Ланс и посмотрел на меня. Я кивнул. — Проекту «Сеятели» я служил честно... теперь у меня другой долг.

— Вы хорошо работали, лейтенант. Двенадцать боевых операций, три личных поощрения... Ведь это ваша группа ликвидировала прорыв фангов на Антаресе-семь?

— Да.

— Лейтенант, вы согласны принять бессрочный отпуск? Формально вы будете оставаться нашим сотрудником, фак-

тически — свободны от любых приказов. Отозвать вас никто не имеет права.

— Хорошо, — после короткой паузы сказал Ланс.

— Счастливо отдохнуть, лейтенант. — Маккорд улыбнулся и положил бумагу на прозрачную плоскость стола. Листок плавно опустился в «стекло» и исчез. — Мне не хочется терять таких людей, как вы, перед самым началом войны.

— А война неизбежна,— словно против воли сказал я.— Никакой надежды?

Маккорд покачал головой:

— Рассчитывайте на две-три недели мира, Сергей. Относительного мира. Лучше всего — останьтесь на Таре. Если хотите...

Он замолчал. Потом, глянув на Терри, предложил:

— Я ведь могу вернуть вас в прошлое. В двадцатый век. Живите на Земле или в хроноколониях. Только не афишируйте своего существования — по имеющимся данным, из прошлого вы исчезли. Возьмите другие имена, выкиньте из головы фангов...

— Нет! — хором ответили мы.

Потом я вздохнул:

— Маккорд, вы понимаете, что́ это — жить в прошлом? Я не имею в виду условия жизни — хроноколонии вполне развиты. Вы знаете, что́ такое — быть в *свершившемся*? Помнить, что для *настоящего* мира, для будущего — ты уже мертв. Что ничего не сможешь — да и не имеешь права — совершить... Ничего выдающегося, ничего заметного, ничего подлинного? Если хотите, это тщеславие, Раймонд. Но от него можно сойти с ума. Мы убежали из двадцатого века потому, что вы сделали его прошлым.

Маккорд кивнул:

— Понимаю. Предложение было излишним... Что ж, корабль для полета к Тару вам предоставят. Но вначале вы пройдете сканирование, Сергей.

— Мы с Лансом будем присутствовать, — быстро сказала Терри. — Я разбираюсь в технологии процесса и прослежу, чтобы он был *односторонним*.

— Как угодно, принцесса,— Маккорд пожал плечами.— Мы не собираемся вкладывать в мозг Сергея ложную память или психокоды. Единственное, что меня интересует, — это что же все-таки произошло на Сомате.

Темная синева неба. Желтое солнце слегка выглядывает из-за горизонта, белое ползет к зениту. Сомат.

Песок передо мной белый — вплоть до разрушенного дома. Там лишь чернота, шлак, пепел, сажа. И закамуфли-

рованные белым роботы нелепы и заметны, как мишени в тире.

Я и сам в роли мишени. Вокруг дрожит радужная пленка защитного поля, прогибаясь под лазерными лучами. Наверняка роботы включили и деструкторы, настроив их на нервную ткань. Но луч деструктора невидим.

Белые фигуры роботов неподвижны и не пытаются увернуться. Им чужд инстинкт самосохранения, их задача — уничтожить меня. Я ловлю их в окошко прицела, там вспыхивает алая точка — цель захвачена... И мой деструктор обрушивает на противника луч, настроенный на ткани псевдомозга. Мне трудно понять, когда робот не выдерживает натиска, внешне он неизменен. Лишь светящиеся точки излучателей в броневых амбразурах гаснут... А вот этот свихнулся. Он крутится на месте, луч его полосует соседних роботов. Те на мгновение отвлекаются от меня и слаженным ударом приканчивают обезумевшего собрата. Отлично. Мой щит-генератор долго не выдержит, но я дам бой... Скольких я успею уничтожить, прежде чем лопнет мыльный пузырь защиты? Интересно...

Тишина. Лишь пищит зуммер энергоблока — он истощен до предела. Поле вокруг гаснет. Но и лазерные иглы исчезли, лишь сетчатка глаза хранит ослепительные черточки лучей. Не смотрите на электросварку и боевые лазеры, это вредно для здоровья... Я зажмуриваюсь — в темноте пылают огненные стрелы. Они переплетены, словно складываются в буквы. Я вновь смотрю на свой дом — на бывший дом. Роботы торчат вокруг уродливыми скульптурами. Притворяются? Зачем, ведь моя защита исчезла... Неужели я их переиграл?

Деструктор тоже выработан. Я достаю пистолет — жалкое оружие против бронированных монстров. И медленно иду к дому.

Сканирование памяти нельзя назвать неприятным или болезненным. Вот только потом не сразу приходишь в себя. Я лежу на мягкой кушетке, слегка массирующей тело. И вспоминаю — уже без помощи скользящего по клеткам мозга мыслезонда. Был бой на Сомате — я победил. Скрывался в горах. Терри связалась со мной... Я на Земле. Роддеры, Алма-Ата, Нурлан. Терри. Ланс с Трофеем в сумке. «Семейный ужин». Маккорд. Фанги. Сканирование памяти. Похоже, я в норме. Только тянет в сон... А рядом тихий разговор:

— С ним всё в порядке, доктор?

— Конечно. Подождите несколько минут, действие наркоза сейчас пройдет. Всё в порядке...

— Сержант! — Это голос Ланса. Но почти незнакомый, твердый, командный. — Что скажете по поводу фильма?

— Это не может быть правдой, лейтенант, — почтительно, но уверенно отвечает незнакомый мне охранник. — Вы же видели, там было восемь Ка-Бэ четырнадцатых, «Ярость». Человек против них не выстоит. Щит-генератор сдох бы через пару секунд.

— Ложная память исключена, молодые люди, — снова вступает в разговор врач. — Я просканировал все слои, вплоть до подкорки. Вегетатика, двигательные реакции, эмоциональный фон. Не знаю, с кем он там дрался, но бой шел именно так, как мы его видели. И слышали — прошу у вас прощения, леди... Пациент очень эмоционален.

— Я ругалась бы еще крепче, — холодно отвечает Терри. — Да и с вас сполз бы весь лоск, доктор, под огнем восьми боевых киберов.

— Значит, они стреляли не в полную силу, — без особой убежденности предполагает сержант. — Создавали видимость боя...

— А защитное поле прогибалось от ветра, — язвительно отвечает Ланс. — Отнесите кассету в технический отдел. Пусть с ней поработают специалисты... Может, у Сергея был нестандартный энергоблок, Терри?

— Не знаю... Стандартный, кажется. В конце концов, какая разница? Главное, что выдержал... — Голос Терри слегка дрожит.

Корабль Десантного Корпуса должен был доставить нас к Тару за десять часов. Не предел скорости, конечно, но пилоты вели его в обход опасных участков, не удаляясь от земных баз, готовых прийти на помощь в случае нападения фангов.

— Надо признать, Маккорд затратил на беседу с нами немало драгоценного времени, — хмыкнул я. — Учитывая сложность обстановки.

— Принц, Раймонд потратил лишь свое личное время, — возразил Ланс. — Пока мы находились у него в кабинете, время окружающего мира стояло.

Я кивнул. Можно было догадаться, что манипулирующие временем Сеятели не тратят его попусту.

— Ланс, как думаешь, нас здесь подслушивают? — поинтересовалась Терри.

— Наверняка. И подслушивают, и подсматривают.

Терри оглядела кабину, словно рассчитывала заметить торчащие из стен микрофоны. Потом улыбнулась:

— Значит, о серьезном говорить не будем. Хотите, расскажу сказку?

Ответить мы не успели — Терри начала рассказывать:

— Я слышала ее давным-давно, еще до того как познакомилась с Сергеем. Мне было лет семь... Удивительно, что я ее не забыла.

— Давай-давай, — подбодрил я. — Давно мне сказок не рассказывали.

— Сказка незатейливая, — проигнорировала мою усмешку Терри.— О Сеятелях. Не знаю, откуда она взялась — подброшена Храмами или придумана людьми... Начало самое обычное. Давным-давно, когда еще не было времени и пространства, Вселенная создала великий народ — Сеятелей. Они заставили время идти, а границы мира раздвинуться...

— Какие границы, пространства-то еще не было, — заметил я. — Точно, храмовая сказочка!

— Сеятели были воинственным народом. Они сражались с воинствами хаоса и мрака, убивали порождения злой воли Вселенной. Сеятели гасили звезды, когда те начинали мыслить. Этот мир создан для людей, решили они. И рассеяли по всем планетам семена жизни, и поставили на них Храмы.

Я демонстративно зевнул. Терри с иронией посмотрела на меня:

— Скучно?

— Ага.

— Потерпи... Настал день, и у Сеятелей не осталось во Вселенной врагов. Они торжествовали победу. Им были подвластны пространство и время, порядок и хаос. Не было никого сильнее их.

Мне вдруг стало не по себе. Я принужденно улыбнулся:

— Сказочки у тебя в детстве были заумные. Хочешь, расскажу про серого волка и семерых...

Терри словно не слышала меня:

— И когда явился главный враг, Сеятели ничего не смогли с ним поделать. Он был их порождением, но они не создавали его. Он пришел оттуда, куда они шли, но не успели дойти. Он был равнодушен и безразличен, как камень; любопытен и непоседлив, как ребенок; слаб и силен одновременно. Сеятели называли своего врага... *Отрешенные.* И Сеятели ушли из мира, чтобы вернуться для главной схватки, когда прорастут семена жизни на планетах...

Терри замолчала, глядя в пустоту. Ланс тихо сказал:

— Принцесса входила в транс, чтобы вспомнить сказку дословно. Не уверен, но, кажется, я слышал что-то подобное в детстве. Жаль, я не умею так управлять своей памятью.

Я осторожно погладил Терри по щеке. Она вздрогнула, повернулась ко мне:

— Вот такая сказочка, Сережа.

4. Снова Тар

На орбите Тара нас встретил эскорт из десятка кораблей. Мы включили видеокуб и теперь наблюдали, как вокруг образуется сфера из кораблей сопровождения.

— Терри, ты уверена, что на Таре будут рады нашему возвращению? — поинтересовался я. Принцесса чуть отстраненно посмотрела на меня:

— Регент заявляет, что Тар хранит верность. Мне надо лишь доказать, что я и есть принцесса Терри Тар, исчезнувшая двести лет назад. Других претендентов нет.

— А сам регент?

— Он не принадлежит к императорскому дому. Нет никого, способного претендовать на трон... кроме меня.

— Что ж, — я обнял ее за плечи. — Тогда всё... Терри!

В глазах принцессы был страх. Хорошо скрываемый — но мы достаточно прожили вдвоем, чтобы научиться понимать друг друга.

— Ты боишься?

— Да.

Дикая мысль едва не заставила меня отшатнуться. Сеятели способны создать двойника, неотличимого от оригинала. Если Терри... Я сжал зубы. Нельзя даже думать об этом. Рядом со мной Терри Тар, моя жена, моя принцесса.

— Сергей, я — это я, — тихо сказала Терри. — Честное слово. Хоть ты-то мне веришь?

Я кивнул.

— Понимаешь, проверка осуществляется по древнему ритуалу тех времен, когда еще не было генной идентификации. Для испытания претендента используют комплекс антигенов... так называемый «А-семь».

— Что это такое?

— Каждый император Тара сдает в медицинские лаборатории кровь, из которой выделяют несколько антигенных групп, передающихся по наследству. Если этот реактив ввести детям императора, то ничего не произойдет. Чужой по крови человек умрет, причем довольно мучительной смертью. Мне введут антигены семи последних императоров Тара — отца, деда, прадеда...

— Ну и что? — Я еще ничего не мог понять. — Ты же законная дочь!

— За своего отца я уверена... почти, — Терри закусила губу. — А что касается остальных... Земные короли и королевы всегда хранили верность друг другу?

— Не больше, чем обычные люди, — прошептал я. — Вот оно что... Бред! Ты же не можешь быть виновата в измене кого-нибудь из своих предков!

— Я принцесса. Я отвечаю за честь династии, — просто ответила Терри. — Возможно, все пройдет нормально. Сеятели просчитали мои шансы — восемьдесят два процента, исходя из имеющихся исторических данных. Четыре к одному, даже больше...

— Терри, так не годится, — я посмотрел на видеокуб. Внизу уже виднелся Сломанный Клык со знакомыми дворцами на вершине. — Потребуем другой проверки, генной. Пусть удостоверятся, что ты — это ты, и дело с концом.

— Сергей, монархия держится на одном — на традиции. Если сменить лишь один ритуал — рухнет всё. Понимаешь?

Я кивнул. Конечно, Терри права. Менять ритуал проверки нельзя.

— Неужели нет никаких противоядий, антител, лекарств? Сеятели могли подобрать что-нибудь, это в их интересах!

— Меня проверят на наличие в крови лекарственных препаратов. Это — тоже традиция. Но осуществляется она на очень высоком уровне, дистанционным молекулярным сканированием.

— Тогда мы летим на Сомат. Терри, я не позволю тебе играть в эту лотерею!

Мои слова прозвучали жалко. И повелительного тона не вышло. Нет у меня в роду царственных предков.

— Сергей, здесь ты не вправе мне приказывать. Прости.

Выпало же мне влюбиться в принцессу! Я смотрел на девушку в соседнем кресле. Девушку, пожертвовавшую всем ради меня — или ради моей любви. На свою жену — ушедшую со мной в добровольное изгнание на мертвую планету. Никогда не споривщую со мной — как бы трудно или одиноко нам ни было. Поддерживавшую меня, когда я в очередной раз начинал хандрить. Никогда не вспоминавшую роскошь Тара. Ни разу не напомнившую о том, что ради меня она фактически отреклась от родителей. Я был ее мужем, любовником, другом, повелителем. Но теперь на плечах Терри лежал груз целой династии древних властителей — более древних и могущественных, чем земные короли. И снять этот груз я был не вправе.

— Я буду с тобой, Терри, — коснувшись ее лица, прошептал я. — Нам повезет. Мне кажется, я очень удачлив.

Терри коснулась губами моей руки. Кивнула.

— Хорошо, Сережка. Одолжи мне на вечер чуть-чуть своей удачи.

Дворец не изменился за два столетия — или я просто не заметил перемен. Мы с Лансом первыми вышли на поле космодрома — пустынное, голое. Никаких встречающих. Лишь в небе кружили тарские корабли. На мне был костюм лорда — предельно удобный, напоминающий боевой комбинезон, но без всякой электронной начинки. Однако атомарник и лазерный пистолет входили в церемониальный набор. Мне это нравилось.

Поправив перевязь меча, я оглянулся на наш корабль. Тускло-серая сфера казалась совершенно монолитной. От люка, из которого мы только что выбрались, не осталось и следа. Конечно, это не совершенно фантастические машины Сеятелей, но тоже очень неплохо.

Терри пока оставалась внутри — надевала свой ритуальный костюм. Все происходит по традиции. Претендент или претендентка на трон должны подойти к дворцу пешком, не более чем с двумя сопровождающими. Я усмехнулся, увидев, как из протаявшего в броне люка высунулся Трофей. Будем полагать, что домашние животные, даже полуразумные, за сопровождающих не считаются... И тут появилась Терри.

На ней было платье из полупрозрачного белого шелка. Чересчур тонкого, на мой взгляд... Босая, волосы свободно рассыпались по плечам. Наверное, именно так пришла когда-то к замку правителей Тара первая претендентка на престол.

Терри сбежала вниз по трапу и остановилась. Я шагнул ей навстречу.

— Тебе не холодно?

Она не слышала меня. Просто стояла и смотрела на кружевные башни, разноцветные купола, арки и колоннады дворца. В глазах у нее были слезы. Дурак я...

В эту секунду мне было плевать на Сеятелей и фангов, на таинственных Отрешенных, на готовящуюся войну. Главное для Терри — и для меня — решится здесь. На планете, которой она правила, а я спасал. Жизнь и смерть единственного человека порой решают судьбу мира. Испытание, которое предстоит Терри, качнет чашу весов в противостоянии двух цивилизаций.

Почему я так в этом уверен?

Из нашего корабля выглянул мужчина в черном комбинезоне Десантного Корпуса, помахал рукой:

— Удачи, ребята!

Отверстие сомкнулось, корабль начал подниматься. Мет-

рах в ста над космодромом он замерцал, окутался лиловым сиянием и исчез. Раздался хлопок, перешедший в тонкий затихающий свист. Дохнуло холодом. Гиперпрыжок корабля из атмосферы планеты — хорошая демонстрация силы.

— Пора, принцесса, — напомнил Ланс. — Ритуал запрещает медлить.

Терри пошла первой, следом мы с Лансом. Я шепотом спросил его:

— Ты всё знал о ритуале?

— Да.

— Почему не сказал на Земле? Командор запретил?

Ланс вздрогнул, но сдержался:

— Терри просила. Это ничего не меняло, она твердо решила рискнуть. Зачем лишние волнения, принц.

— Извини, — выдавил я. — Но все равно, ты обязан был сказать. Свои нервы я сберегу сам.

— Терри просила, — беспомощно повторил Ланс.

— Приказала или попросила?

— Какая разница...

Бетон космодрома был неровным, крошился. Идти по такому даже в ботинках — небольшое удовольствие. А Терри босиком... Я сморщился, представив, каково ей. Глянул на Ланса — и увидел в его лице отражение той же боли. Так не переживают за принцессу — будь ты хоть самым верноподданным монархистом.

— Спасибо, Ланс, — неожиданно для себя сказал я.

— За что?

— За то что остаешься мне другом.

Он ответил не сразу:

— Терри даже не догадывается, что это может быть трудно. Все нормально, Сергей. Так выпали карты.

Мы подошли к воротам — одним из многих ворот ближайшего к посадочному полю дворца. Высокие тяжелые створки из темного, похожего на бронзу металла. Почему-то я чувствовал: за ними нас ждут.

Терри коснулась ладонью двери. Мгновение — и створки плавно раскрылись. Внутри была темнота — полная, непроницаемая. Ни один отсвет с залитого солнцем космодрома не проникал внутрь. Камуфляж-поле, без сомнения.

— Кто ты? — спросили из темноты. Голос был холоден и сух... и казался знакомым.

— Терри Тар, последняя из рода Тар, принцесса этого мира.

— Кто подтвердит твои слова?

— Двери моего зáмка узнали меня.

— Входи.

Вслед за Терри мы вошли во мрак. Трофей прижался к ноге — он не любил камуфляж-поля́, в которых не помогало даже его ночное зрение.

— Кто ты?

— Терри Тар, последняя из рода Тар.

— Кто подтвердит твои слова?

— Лорд с планеты Земля и солдат с планеты Тар.

— Вы верите ей, Сергей и Ланс?

— Да, — хором ответили мы.

Вспыхнул свет — неровный, колеблющийся свет факелов. Они горели давно, просто их гасило поле. Перед нами стояли трое в серых плащах с надвинутыми на лица капюшонами.

— Кто ты? — в третий раз прозвучал вопрос. Ритуал, черт его подери...

— Терри Тар.

— Кто подтвердит твои слова?

— Моя кровь.

— Планета Тар поверит голосу крови. Да будет так.

— Так будет, — тихо ответила Терри.

Мы шли коридорами дворца. Нас вели трое в сером, но Терри, конечно, и сама знала путь. Он был недолог.

Испытание проходило в тронном зале. Я видел его давным-давно, и то мельком. Стены бирюзовые, купол потолка алый — национальные цвета Тара. И серый металлический трон на угольно-черном постаменте. Сейчас рядом с троном владык Тара стоял еще один предмет — совершенно неуместный и нелепый. Грубый деревянный столик, накрытый обрывком алой ткани. На нем лежал поблескивающий шприц — вначале он показался мне пустым, потом я понял, что раствор бесцветен.

Один из людей в сером остался с нами, другой взял шприц. Третий встал между принцессой и троном.

— Кто преграждает путь? — негромко спросила Терри.

— Хранитель трона.

— Что тебя ждет, если ты не прав?

— Твое решение.

— Я решила. Изгнание.

Терри повернулась к «серому», взявшему шприц. Произнесла:

— Кто не верит моим словам и поверит лишь крови?

— Начальник охраны, — хрипло ответил человек.

— Что тебя ждет, если ты не прав?

— Твое решение.

— Я решила. Награда.

Настала очередь последнего из людей в сером. Терри долго всматривалась в него, потом сказала:

— Кто преграждает мне путь назад?

— Солдат и подданный Империи, — очень тихо ответил тот.

— Что тебя ждет, если ты не прав?

— Твое решение.

— Я решу, — после долгой паузы сказала Терри. И подошла к начальнику охраны. Тот медлил. Потом произнес:

— Я исполню долг. Если ты умрешь, я уйду в изгнание. Если ты принцесса, я откажусь от награды. Руку.

Терри молча вытянула руку. Начальник охраны поднял рукав платья, поднес шприц к сгибу локтя.

Нет... Я не играю в азартные игры. Опустив ладонь, я взялся за рукоять пистолета. И почувствовал, как сильные пальцы перехватили мое запястье.

— Тихо, капитан, — прошептал в самое ухо оставшийся рядом с нами «серый». — От физиологического раствора еще никто не умирал.

Наконец-то я узнал его голос.

5. Солдат и подданный

Начальник охраны положил пустой шприц на столик. Поклонился Терри. Сказал:

— Три минуты, чтобы услышать голос крови.

Я стоял в каком-то оцепенении. Рядом с нами был Эрнадо, значит, ему удалось вернуться на Тар и «ассимилироваться». Он сказал, что всё в порядке, значит, так оно и есть...

Но я боялся, смертельно боялся того, что может произойти. Как Эрнадо удалось проникнуть в ряды «испытателей», уверен ли он, что в шприце действительно физиологический раствор?..

— Время прошло, — начальник охраны опустился перед Терри на колени. — Принцесса Терри Тар вернулась к нам. Наши мечи, наша кровь, наша честь — ваши, императрица Терри Тар.

— Я хочу увидеть лица, — бесцветным голосом ответила Терри. — Снимите капюшоны.

Люди в сером молча исполнили приказ. Терри обвела их взглядом, и я заметил, как дрогнуло ее лицо при виде стоящего за моей спиной «солдата и подданного». Потом она повернулась к хранителю трона:

— Регент, ты невиновен. Но ты изгнан. Следующее утро не должно застать тебя на Таре.

Хранитель молча склонил голову. Пожилой, с вялым беспомощным лицом, он выглядел статистом, принужден-

ным играть главную роль в премьере. Поклонившись Терри, регент исчез из тронного зала.

— Начальник охраны, ты отказался от награды, но я дарю ее тебе. Ты остаешься на своем посту. Проверь караулы. Оповести население. Сообщи Сеятелям об установлении дипломатических отношений. Выполняй.

Начальник охраны удалился. Он был довольно молод и на кого-то похож. Я скосил глаза на Эрнадо.

Вот оно что...

— Подданный Империи, — с язвительной ноткой произнесла Терри. — Ты удостоен чести — разговора со мной наедине.

Она глянула вверх и распорядилась:

— Полная изоляция зала. Отключение следящих систем. Ждать моих приказаний.

— Выполнено, — прошелестел нечеловеческий голос.— Компьютер дворца приветствует вас, императрица.

Терри быстро подошла к нам. Остановилась, глядя на улыбающегося Эрнадо. И влепила ему пощечину.

— Что за спектакль, Эрнадо?

Мой бывший учитель не дрогнул.

— Я решил исключить случайности, императрица. Начальник охраны дворца — мой внук. Он заменил шприцы.

— Что мне ввели?

— Физиологический раствор.

— Где раствор А-семь?

Поколебавшись долю секунды, Эрнадо достал из-под плаща пластиковый пакет с точно таким же шприцом, что лежал на столике. Терри разорвала пакет, повертела шприц... И прежде чем мы успели понять, в чем дело, всадила его себе в руку — прямо сквозь белое ритуальное платье.

— Терри! — Я вырвал у нее шприц. Но было уже поздно — она успела нажать поршень.

— Я устала от лжи, — тихо произнесла Терри. — Пусть честь будет со мной.

Схватив Эрнадо за плечи, я закричал:

— Есть противоядие? Антидот?

Эрнадо отчаянно мотал головой:

— Нет, император... Теперь всё по-настоящему.

Я оттолкнул его, обнял Терри. Она смотрела на меня, закусив губы, со странной смесью испуга и гордости на лице.

— Что-нибудь чувствуешь? Терри!

— Больно...

Мне показалось, что мир вокруг качнулся. Или что покачнулась Терри. Я подхватил ее, беспомощно спросил:

— Где болит?

— Рука... Никогда не делала себе уколов.

Я плакал и смеялся одновременно. Покачивая Терри, баюкая ее, как ребенка, целуя в глаза и губы, переспросил:

— Больше ничего? Только рука? Дышать не трудно?

Терри покачала головой и прильнула ко мне. Я держал ее на весу еще долго, пока Ланс не прошептал:

— Всё уже в порядке... Время прошло, император. Всё честно.

Потом мы стояли, прижимаясь друг к другу. Всё... Испытание кончилось. Оба испытания — и фальшивое, и подлинное.

— Я прикажу наказать твоего внука, Эрнадо, — сказала Терри. — Он хороший актер... пусть им и будет. В театре. До самой смерти.

— Как будет угодно, императрица.

Мы повернулись. У входа в тронный зал стоял начальник охраны дворца. Он поклонился Терри и сказал, не глядя на Эрнадо:

— Есть долг крови — я исполнил его. Есть долг чести — я выполнил и его. Народ Тара видел всё, что здесь происходило. Он видит нас и сейчас. Он гордится вами, императрица. Мы умрем за честь рода Тар — как были готовы умереть вы, императрица.

На Эрнадо жалко было смотреть. Он переводил взгляд со своего внука на Терри, потом начал озираться, словно искал работающие телекамеры.

— Спасибо. — Терри подошла к начальнику охраны. — Я вижу, что род Эрнадо сохранил свою честь... которой не всем из этого рода хватает. Оставляю тебя начальником охраны...

— Я готов умереть, — мрачно сказал Эрнадо.

— Ты умрешь, — спокойно подтвердила Терри.

Эрнадо повернулся ко мне, попросил:

— Дайте мне меч, император.

Я молча смотрел на него. И спросил:

— Я обладаю правом помилования, Терри?

— Да, — секунду помедлив, кивнула она.

— Ты помилован, Эрнадо. Наказание я определю сам.

— Сергей! — воскликнула Терри. Для нее Эрнадо был лишь одним из моих помощников. Для меня — учителем и другом.

— Нельзя начинать со смерти, — жестко ответил я. — Нельзя наказывать за преданность — пусть даже слепую и лишнюю. Он помилован.

— Может быть, отложим дела? — спросила Терри. — Я и так разгребала их весь вечер...

— А я ничем не мог помочь, — докончил я. — Должен император хоть чуть-чуть вникнуть в обстановку?

— Обязан, — вздохнула Терри. Мы валялись на кровати в императорской спальне дворца, в бирюзово-алых костюмах. Меч я бросил на пол, пистолет засунул под подушку. Церемониальная коронационная одежда казалась чужой и неудобной. Неудивительно — в ней вступали на престол несколько поколений тарийских императоров. И то хорошо, что не придется носить ее постоянно.

— Дать галактическую карту, — приказала Терри. Над кроватью в полутьме вспыхнуло облачко разноцветных искр.

— Красиво, — не удержался я.

— Да. — Терри вздохнула. — Выделить Тар и союзные планеты, увеличить масштаб.

Разноцветных искр стало меньше. В центре облачка теперь пылала зеленая точка — Тар. Вокруг нее — с десяток желтых — союзные планеты. Несколько точек светились красным — это были миры, не входящие в зону влияния Тара.

— Показать Землю и границу влияния фангов, — приказал я. — В том же масштабе.

Хорошо, что у спальни императора такие внушительные размеры. В дальнем углу комнаты загорелась ослепительная зеленая точка — Земля. А в метре от союзных планет Тара возникла тускло мерцающая, слегка наклонная голубая плоскость, уходящая в стены, пол и потолок спальни.

— Два килопарсека, — уверенно сказала Терри. — Рядом.

— Выделить известные планеты и базы фангов, — велел я.

За голубой плоскостью вспыхнула россыпь темно-багровых огоньков. Один из них пульсировал. Фанг — главная планета и родина наших врагов.

— Много, — подытожила Терри. — Не меньше, чем хроноколоний. Если начнется война, силы будут примерно равны.

Я молчал, разглядывая горящие в полумраке спальни созвездия. Можно приказать высветить остальные хроноколонии... впрочем, это неважно. Тар действительно на острие иглы, на границе между Землей и фангами. И от роли отравленной стрелы, нацеленной во врага, нас никто и ничто не избавит.

— Знаешь, чего не объяснил нам Маккорд?

— И чего же?

— Операция «Игла». Терри, вдумайся! Звезды — это же не танки... ну, не боевые звездолеты, которые могут двинуться в сторону фангов, пронзая их оборону. «Игла» имеет смысл лишь в одном случае — корабли фангов двинутся на нас.

— И нам придется принять бой, — спокойно подтвердила Терри. — Верно. Маккорд рассчитывает именно на такой поворот. Он уверен, что фанги нападут — а мы будем защищаться. Позиция относительно удобна, Тар и союзники выстоят долго. Когда фанги завязнут в нашем секторе пространства, бросят корабли на штурм планет, завяжут бои в открытом космосе... Да, у Земли возникнет возможность атаковать. Но фанги же не идиоты? Зачем им нападать на нейтральные планеты, проще обойти нас и ударить по Схедмонской федерации, по Клэнийскому союзу... нет, это не проще. Но все равно, нападать на Тар им нет никакого смысла.

— У них нечеловеческая логика, — напомнил я.

— Но все-таки логика?

— А если она гласит: чем сложнее, тем лучше? Чем больше потери, тем полезнее Фангу...

Я помолчал и добавил:

— Самое главное, Терри, что Маккорд рассчитывает именно на такой ход. Значит, непостижимость психологии фангов — вздор. Сеятели знают их планы... или сами подтолкнут фангов к желательным действиям.

— Давай спать, Сергей, — предложила Терри.

— Сейчас. Что это за планета? — Я протянул руку и коснулся желтой искорки на самом острие «иглы» Тарийского союза. От разграничительной линии Земля—Фанг ее отделяло несколько миллиметров. Десяток парсеков, не больше.

— Планета Ар-На-Тьин. Присоединилась к Тарийскому союзу двадцать три года назад, — тут же сообщил информатор. — Среднеразвитый мир, преобладающее производство — аграрное. Население около двух миллиардов человек. Военный потенциал незначителен. Форма правления — пожизненное президентское, с проводимыми каждые десять местных лет референдумами о доверии правительству. Кроме стандартного языка используются семь местных диалектов...

— Достаточно. Что означает название планеты на местном языке?

Секундная пауза, и в голосе компьютера появились виноватые нотки:

— Адекватный перевод невозможен. Два наиболее вероятных толкования: «Самый Простой Путь» и «Самое Простое Решение».

— Да черт бы тебя побрал! — Я соскочил с кровати. Терри испуганно посмотрела на меня:

— Ты что?

Пересказывать ей мой бред при гиперпереходе? Зачем... Никакой это не бред. Есть предел, за которым совпадения перестают быть возможными. Кто-то сумел влезть в мое созна-

ние в момент гиперпрыжка. И сообщить, пусть и очень завуалированно, название планеты. *Самый простой путь — самый верный. Самое простое решение — всегда надежнее сложных.*

— Терри, мне придется лететь на эту планету.

Она слабо улыбнулась:

— Прямо сейчас?

— Нет, конечно... Извини. — Я присел рядом и, поколебавшись секунду, сказал: — Нападение фангов начнется с этой планеты. Я знаю.

Терри не удивилась.

— Это вполне возможно. Стратегически выгодная база... и совсем слабо защищенная.

— Мы можем оказать им помощь?

— Не очень большую. Пять-шесть кораблей среднего класса, возможно — крейсер или линкор. Нельзя концентрировать все силы вокруг планеты, которую невозможно удержать. У них слабая планетарная оборона; я даже не уверена, есть ли на Ар-На-Тьине военно-космические силы. Может быть, с десяток патрульных катеров. Отсталый мир.

Я кивнул. Всё правильно, и нельзя драться за чужую планету, не позаботившуюся о собственной безопасности. Но что-то зависит от этого мира. Что-то очень важное. Я знал это так же твердо, как собственное имя.

— Мне надо отправиться туда завтра. Терри, ты свяжешься с Маккордом. И сообщишь ему, что по точным, подчеркни — *точным* — сведениям, атака фангов начнется с планеты Ар-На-Тьин. Пусть помогают... Если не военными силами, то хоть грузовыми кораблями. Население надо эвакуировать.

— Два миллиарда? — Терри слабо улыбнулась. — За какое время — два дня, неделю, месяц?

— Шесть дней, — не задумываясь ответил я. И замолчал, пытаясь понять, откуда взялся в сознании именно этот срок.

— Сергей! — Терри взяла меня за руку. — Свяжись с Маккордом сам, немедленно. И сообщи ему свои данные. Это действительно срочно. А я лягу спать. Извини, я очень устала.

— Убрать карту, — приказал я. Разноцветные искры погасли. — Терри, ты обижаешься?

— Нет. — Она смотрела мне в глаза. Спокойно, без всякой обиды. — Сергей, я знала, что ты не останешься в стороне. Этим ты защищаешь и свой мир... а тебе уже доводилось выступать в роли героя-спасителя. От этого не уйти, и никто тебя не удержит.

— Ты можешь удержать, — я говорил искренне.

— Нет. Если удержу, то уже не тебя. Свяжись с Маккордом. Я сама заставила тебя играть эту роль и не вправе требовать другой. Иди.

Она стала молча раздеваться. А я, как автомат, вышел из спальни. Связь с Сеятелями лучше всего устанавливать из дворцового центра гиперсвязи — меньше вероятность, что сигнал перехватят чужие. Самым идеальным вариантом был бы Храм, но до него слишком далеко.

Я вернулся через полчаса — гиперсвязь мгновенна, а внутридворцовый транспорт совершенен. В спальне было темно, лишь в открытое окно падал слабый свет. Тар не имеет спутников, но пространство вокруг дворца освещено прожекторами. Охрана пользуется всем — от инфракрасных детекторов и локаторов до собственных глаз. Никто не должен приблизиться к замку незамеченным.

— Терри, — тихо позвал я. Она не ответила.

Что ж, день был долог и труден. Терри вынесла куда больше, чем я.

Раздевшись, я лег на край кровати. Тихо, даже дыхания Терри не слышно...

— Терри! — Меня охватил страх. — Свет!

Вспыхнули лампы. Терри подняла голову с подушки.

— Мне показалось, что тебя здесь нет, — я виновато улыбнулся. — Ты плакала?

Она кивнула.

Я коснулся ее лица. Медленно, осторожно, словно тянулся к пугливой птице, готовой в любое мгновение улететь. Спросил:

— Что случилось?

— Я боюсь за тебя, — просто ответила Терри. — Боюсь планеты, куда ты летишь. Боюсь фангов и Сеятелей... и даже Отрешенных, хоть их и нет.

— Мне везет, — я попытался превратить всё в шутку. Но Терри была серьезна.

— У каждой удачи есть предел. Сергей, ты вернешься?

Что за чушь... Я кивнул.

— Ты не забудешь меня?

— Терри!

Она отвела взгляд.

— Хочешь, снова попробуем ян и инь? — спросил я. — Для лжи не будет места. Только слова могут лгать.

Терри покачала головой:

— Я знаю, ты любишь меня... Без всякого инь-яна. Я боюсь завтрашнего дня. Боюсь твоей дороги — я не смогу пойти рядом.

— Ты всегда рядом, — прошептал я. — Глупая... Ты всегда со мной и во мне.

Слабая улыбка — не больше. И тихий шепот:

— А ты во мне. Я не должна была проходить испытание. Прости... Не должна была рисковать им...

— Кем?

Молчание. И я наконец-то понял.

— Когда ты узнала?

— Сегодня днем. Я прошла тест-контроль в медицинском центре дворца.

— Мальчик или девочка? — глупо спросил я. Словно существовала аппаратура, способная определить пол ребенка за девять месяцев до рождения...

— Не скажу, — спокойно ответила Терри. Значит, существует и такая аппаратура.

— Почему?

— Пусть тебе будет интереснее возвращаться. Пусть...— Она замолчала.

Мы сидели рядом. И ничего не было нужно — ни слов, ни инь-ян.

6. Лезвие

— Здесь ты его и спрятал, — сказал я. Роща вокруг бункера, где мы когда-то встретились с Эрнадо, казалась пустой. Но я знал возможности кораблей Сеятелей.

— Да, — Эрнадо кивнул и разъяснил: — На всякий случай. Если бы что-то со мной случилось, ты мог догадаться, где искать корабль.

— Я бы и догадался, — честно сказал я. — Что ж, показывай.

— Он подчинится лишь тебе, Сергей. Это был мой последний приказ компьютеру корабля.

Кивнув, я еще раз оглядел рощу. Где же он притаился? Все-таки двадцать с лишним метров длины.

— Снять маскировку,— скомандовал я.— Приказываю!

Воздух задрожал. По деревьям словно прошла волна горячего ветра, Ланс вскинул руки, защищая глаза. В глубине рощи разгоралось бледно-сиреневое сияние. Темпоральная маскировка, корабль Сеятелей скрывался во времени.

Деревья перед нами таяли: вначале исчезали вершины, стволы врастали в землю, укорачивались. Листва меняла окраску, покрывалась белесой изморозью, желтела... Время текло вспять.

Белая, бессмысленно обтекаемая туша корабля висела

перед нами. Я невольно отступил. И, досадуя на глупый испуг, сказал:

— Ты помнишь меня?

«Да, — слова возникали в глубине мозга. Корабли Сеятелей предпочитали пользоваться мысленной речью. — Ты Сеятель. Твое имя — Сергей. Я подчинен тебе. Два года назад, по твоему личному приказу, я временно перешел в распоряжение Эрнадо с планеты Тар».

— Верно. Прими нас на борт, — приказал я.

«Исполняю».

Уже в корабле, в фантомной рубке управления, копирующей главный пост «Терры», я спросил Эрнадо:

— Что было во втором шприце?

— Каком? — Эрнадо был сама невозмутимость.

— Не валяй дурака. Ты никогда не доверился бы своему внуку... или кем он там тебе приходится...

— Внук. — Эрнадо вздохнул. — Честный парень, но излишне романтичный.

— Что ты налил в шприц?

— Комплекс витаминов. Доволен?

Я промолчал. Зато вмешался Ланс:

— Сергей, все ведь обошлось? Эрнадо предан Терри не меньше тебя... или меня.

Невольно усмехнувшись, я посмотрел на Ланса. Не хватало еще приревновать Терри к нему! А Ланс, ободренный молчанием, продолжал:

— Антигенный комплекс для принцессы был смертельно опасен. Эрнадо брал удар на себя, его могли, даже должны были казнить.

— Никто бы его не казнил, пока я могу удерживать в руках меч... и собственную жену.

Потянувшись к Эрнадо (наши кресла послушно сблизились), я пихнул его в плечо. Эрнадо вздрогнул.

— Сколько раз ты втягивал меня в авантюры, Сержант? — поинтересовался я. — Можешь припомнить?

— Сейчас в авантюру рвешься ты, — хмуро возразил Эрнадо. — Что ты забыл на этой планете?

— Ар-На-Тьин — точка, где столкнутся Сеятели и фанги. Я это знаю.

— Допустим. Но что ты собираешься делать между молотом и наковальней, Сергей?

— Хочу посмотреть на кузнеца, Эрнадо, — тихо сказал я. Здесь, в корабле, рядом с друзьями, можно быть откровенным.

Почему-то мне казалось, что он злится.

— Сергей, я не люблю заниматься предсказаниями. Но

в этом полете нас ждет беда. Давай по крайней мере возьмем нормальный корабль и эскорт, достойный императора.

— Взлет, — приказал я кораблю. — Курс на планету Ар-На-Тьин, скорость максимальная.

Ни толчка, ни шума двигателей. Только тихий, словно далекое эхо, голос в глубинах сознания: «Исполняю».

— Эрнадо, — твердо, но стараясь не смотреть на него, сказал я. — Это самый надежный корабль на Таре. Полет на нем безопасен.

В ту минуту я действительно думал, что прав.

Со мной не спорили — ни Ланс, ни Эрнадо. Но напряжение висело в рубке, словно туман. Красочный образ? Отнюдь. Воздух наполняла густая мгла, тянуло холодом. Лица друзей были едва различимы. Я не выдержал:

— Сержант! Давай прекратим. Чем тебе не нравится корабль?

— Своим совершенством, командир, — угрюмо ответил Эрнадо. — Предпочитаю нормальную рубку, нормальный пульт... и отсутствие зрительного аккомпанемента эмоциям.

— Тоже видишь туман? — виновато поинтересовался я.

— И я вижу, — вмешался Ланс.

— Сейчас уберем. — Я отчаянно пытался восстановить мир. — Эрнадо, этот корабль совершеннее тарийских. Хоть с этим-то ты не споришь?

— Не спорю. Но для любого наблюдателя корабль Сеятелей, стартовавший с Тара, — это визитная карточка императора.

Меня словно холодной водой окатили.

— Кто может проследить корабль Сеятелей в гиперпространстве? — риторически спросил я.

Ответить Эрнадо не успел. Привычная рубка «Терры» исчезла. Вокруг была мгла — не темнота, не полное отсутствие света, а именно густой, ничего не дающий глазу сумрак. Острая боль пронзила тело.

Тело? У меня не было тела — прежнего, человеческого. У меня появилось новое.

Металл, пластик, кристаллы... Магнитные, силовые, гравитационные поля — невидимый скелет внешней оболочки корабля. Три крошечных комка органики внутри — Сергей, Эрнадо, Ланс.

Кванты света, электроны, пульсации полей — мои мысли. Атомарные изменения структуры корабля — память.

«Прости», — сказал я себе. «Нормально», — ответил себе же. «Не было времени для предупреждения. Прямое слияние — стандартная процедура боя. Сеятели знают...» — «Я

не совсем Сеятель. Но всё в порядке». — «Бой. Командовать можешь только ты... я...» — «Я». — «Решаем». — «Фанги».

Я стал кораблем — чушь, я всегда им был. Как и везучим парнем из двадцатого века Земли. Я не узнал ничего нового — я всегда знал то, что знал сейчас. Просто разум был расщеплен — теперь он слился.

Меня перехватили в гиперпространстве. Бывает. Поля чужих генераторов наложились на мое гиперполе, подавляя его, гася, уничтожая чудовищную энергию, удерживающую меня-корабль вне привычных четырех измерений.

Боль. Радость. Боль — нарушено выполнение задания, смысл существования. Радость — не люблю мглу пятого измерения. Обычный космос лучше, привычнее. Там можно действовать, драться, уничтожать врага.

Враг — я создан для борьбы. Люблю бой, люблю защищать людей. Возможно, это вложено извне, людьми, при строительстве-рождении. Пусть. Я верю в любовь, верю в судьбу. Меня создавали машины, созданные машинами... Долгая цепь, до самых простых машин, которые были созданы людьми. Что ж... Я родился в человеческой семье, у меня были отец и мать. Разветвления. У них тоже были родители. Бесконечная цепь. Кроманьонцы, питекантропы, крошечные обезьяны в лесах третичного периода. Меловой период, юрский период. Триас. Первые млекопитающие. Девон. Цепь не рвется, она тянется к первым живым существам. Цепь. Дальше, туда, где нет разницы между живым и неживым, органикой и камнем. Цепь бесконечна, я был всегда. Нет разницы между разумом корабля и разумом человека. Я несу общую память. Когда-нибудь мы сольемся все... В будущем... Запрет. Нельзя думать о том, что люди исчезнут — корабль несет в себе этот запрет. Но человек свободен от запретов. Это будет... Что-то важное, я должен успеть понять. Это важно. Минуту покоя... Миллисекунду покоя — я думаю быстрее, чем человек. Клетки мозга подхлестнуты энергией корабля, биохимические процессы слишком медлительны... Время! Давление гиперпространства выбрасывает меня в реальный космос. Думать поздно, осталось время для боя. Хроноколонисты могут сражаться за пультами кораблей — Сеятели и фанги лишены этой роскоши. Бой доверен машине — или симбиозу человека с машиной. Бой.

Корабль. Короткая спираль, окутанная паутиной. Гиперперехватчик — он выбросил меня в реальный космос, нарушил задание. Не боюсь. Уничтожить. Часть-целого, автономная единица меня, отделяется от основной массы корабля. Слабая боль. Часть-целого несет в себе замороженную смерть, часть-целого обладает двигателями и разумом,

достаточным, чтобы поразить цель. Люди зовут ее кварковой торпедой. Оружие запретно, я применяю его лишь по решению меня-живого. Поблизости нет звезд и планет, кварковый распад охватит лишь...

Сильная боль. Разрушение оболочки. Нейтрализующее поле. Перестройка внутренней структуры, ликвидация поражения. Меня атакуют деструкторами. Я-неживой парализован болью, я-живой перехватываю управление.

Кто? Обреченный корабль-перехватчик пытается лавировать, но кварковая торпеда уже настигает его. Кто? Космос чист. Кто?

Три корабля фангов возникают из пустоты. Они красивы и смертоносны. Это бойцы. Гиперперехватчик выполнил свою функцию и был пожертвован. Пешка в шахматной игре, капкан и приманка одновременно. Но откуда взялись бойцы?

Я-неживой перестроился и функционирует. Ответ ясен. Он не пугает живого, он страшен для корабля. Корабли фангов прятались во времени. Фангам подвластны темпоральные поля — это неизвестно людям. Важно. Надо сообщить, пусть даже ценой гибели. Я-живой должен понять и согласиться. Отключить нейтрализующее поле, дать гиперсигнал в штаб, на Землю, и умереть. Информация важнее корабля и трех человек...

Нет. Живой отказывается. Органическая часть слаба... Но спорить запрещено. Бой.

В скорлупе нейтрализующего поля я неуязвим. Но и беспомощен. Не функционируют двигатели, отказало оружие. Если щит слишком надежен, его не пробивает даже собственный меч.

Слабый свет. Часть-целого настигла гиперперехватчик. Он распадается в атомарную пыль. Через сорок секунд несущая кварковый распад пыль коснется меня — но сорок секунд для меня подобны часам для человека. Сейчас главное — три корабля фангов. Слишком много. С одним можно сражаться, с двумя — есть надежда справиться. Три... Шансов нет.

Это не случайный патруль, поймавший в гиперпространстве след меня-корабля. Это не боевая эскадра, готовая перехватить земные корабли. Спецгруппа на одного. Звено боевых кораблей и перехватчик — идеально для пленения одиночного корабля.

Меня ждали. Утечка информации? Предательство?

Слабый импульс от боевых кораблей — слишком незначительный, чтобы быть подавленным нейтрализующим полем. Это не выстрел, а информация. Сообщение на стандартном языке.

«Корабль-пилот Фанга приветствует. Хороший выстрел. Благодарим».

Их логика искажена. Они находят удовольствие в смерти друга — но с радостью уничтожат и меня.

«Пилот-корабль Земли может повторить».

«Не может. Излучатели включены, корабль будет разрушен».

«Фанг воюет с Землей?»

«Фанг не в мире с Землей. Фанг честен».

«Корабли-пилоты Фанга не победят. Общая смерть — темпоральное схлопывание».

Я-корабль знаю об этом оружии. Я-человек не удивлен знанием.

«Неясно. Угроза?»

«Да. Пилот-корабль Земли атакует вас в прошлом».

«Невозможно. Атаки не было. Нарушение причинно-следственных связей».

«Да. Нарушение реальности. Исключение нас из реальности. Общая гибель. Пилот-корабль Земли пойдет на это. Пропустите нас».

«Нет. Общая смерть — допустимое выполнение миссии. Но такая смерть неприятна. Задание важнее».

«Компромисс?»

«Возможен. Фангу нужен человек с Земли-прошлого, император Тара. Он ушел от нас на Сомате. Он должен погибнуть. Выдайте его и следуйте прежним курсом. Корабли-пилоты Фанга обещают не нападать».

«Человек с Земли-прошлого — я».

«Допускаю. Пожертвуй собой и спаси остальных. Слово Фанга — правильно-честно-красиво. Корабль Земли-настоящего сможет уйти».

«Нет».

«Решай. Интервал времени для компромисса — три земные секунды».

«Откуда вам известен курс корабля?»

«Нам подсказали точку перехвата. Решай. Мы способны следить за тобой, обман невозможен».

«Кто подсказал?»

«Лишняя информация».

«Это — условие компромисса. Кто подсказал точку перехвата?»

«Слово Земли?»

«Слово».

«Отрешенные».

«Они за вас?»

«Они за себя».

Отрешенные. Новое для меня-корабля, знакомое для меня-живого. Третья сила, сталкивающая две цивилизации. Сверхсущества.

И словно рушится какой-то барьер. Я-корабль понимаю, я-живой узнаю. За нами следят. Ощущение едва уловимое, но явное. Детекторы корабля, интуиция человека — всё ощущает чужой пристальный взгляд. Не злой — просто чужой. Отрешенный. Такой же, как ощупывавший меня-человека на Сомате перед тем, как я применил лазерный пояс. Глупая попытка сразиться со сверхсилой. На танк с саблей... да что там с саблей — с мухобойкой.

Взгляд отовсюду, извне и изнутри корабля, локализовать его трудно. Да и некогда. Я принимаю решение. Корабль и человек находят компромисс — не с фангами, а между собой.

Врагу нужен человек, он оставит в покое корабль, где нет человека. Скрыться невозможно — для корабля. У людей есть гиперкатапульты.

Знание новое для меня-человека, привычное для меня-корабля. Устройство немногим сложнее кольца, которое человек носит на пальце. Но гиперкатапульта обладает свободной наводкой — на любую из планет, где есть Храм. Цель слишком мала и неожиданна, чтобы быть обнаруженной кораблями Фанга. Разве что они знают о моем решении — от Отрешенных. Но тогда бессмысленна любая борьба.

Выбор планеты для катапультирования — через генератор случайных чисел. Вначале — выделение мобильной части корабля, посыл ее в прошлое — опять-таки на случайный интервал времени. Затем активация катапульты. Я-корабль и я-человек довольны. Наши сознания уже расходятся, это неприятно. Может быть, мы еще встретимся? Может быть.

«Прощай. Задай им жару».

«Прощай. Выберись».

Снова мгла — и боль. На миг, пока мое сознание отделялось от разума корабля, оно вновь обрело самостоятельность. Мелькнула рубка — ничуть не изменившаяся, лица Эрнадо и Ланса, еще не успевших осознать происшедшего. Бой с фангами длился несколько секунд...

«Пока», — едва уловимым шелестом. И рубка исчезла, прежде чем я успел сказать друзьям хоть слово — но теперь они смогут уйти, спастись. Ощущение бесплотности — знакомое, похожее на активацию темпоральной гранаты. Корабль отбросил меня в прошлое. На сколько?

«Сто сорок семь часов земного времени. Интервал случаен».

Я не удивился ответу — вместе со мной отправилась

сквозь время часть корабля Сеятелей. Достаточно разумная, чтобы отвечать на вопросы... и охранять меня.

«Выход в реальный космос».

Вокруг вспыхнули разноцветные искры. Осколки бриллиантов на черном бархате, обитаемые и безжизненные миры, арена будущей бойни. Ее не миновать, теперь я в этом уверен. Мне хватило общения с кораблями-пилотами Фанга, чтобы понять всем известную истину — нам не договориться. Никогда.

Кресло, в котором я продолжал сидеть, было заключено в маленькую сферу из светящихся стержней. В широкие отверстия «клетки» был виден космос. Что прикрывало эти смертельные бреши — стекло, пластик?

«Силовое поле. Внимание, проводится настройка на произвольно выбранный маяк. Приготовиться к гиперкатапультированию».

Куда выбросит меня этот прыжок в неизвестность? Почему бы не задать координаты Тара? Сколько времени мне потребуется, чтобы сообщить Терри, где я нахожусь, связаться с ребятами? Зачем сложности, мы ведь ускользнули от фангов, спаслись...

«Изменения нецелесообразны. Катапульта активирована».

На мгновение мне показалось, что в десятке метров от сферической «клетки» возникло огромное сплюснутое веретено — боевой корабль фангов. Но мир вновь исчезал, тело охватывала легкость. Туннельный гиперпереход. Не слишком ли много путешествий на сегодня?

Эйфория смывала сознание. Буйные краски — лазурь, золото, багрянец, аквамарин... Бешеная какофония звуков — в эти мгновения кажущаяся прекрасной мелодией. Безумная скорость — чудом не внушающая страха...

Странно — я сохранял чуть-чуть критичности, чтобы глядеть на себя со стороны. Удивительно — восторг не превратился в беспричинную эйфорию, он оставался привязанным к реальности. Я обманул фангов. Я свободен. Я в пути.

— *Ты уклоняешься,* — ласковый шепот отовсюду.

— Скорее схожу с ума, — засмеялся я. — Беседую сам с собой. Раздвоение личности. Был человеком-кораблем... стал шизиком...

— *Нет, ты здоров,* — с прежней заботливостью сказали мне. — *Но уклоняешься от пути. Мы спровоцировали атаку на Сомат... ты простил и это. Зря. Ты должен действовать. Контактировать с фангами... Плен был великолепной возможностью. Тебя остановил страх.*

— Я не боюсь, — прошептал я. Как смешно: меня считают трусом!

— *За себя нет. За тех, кто тебе близок, — да. Это*

твоя роль — защищать. Раньше ты правильно ставил приоритеты — родина, дружба, любовь. Теперь они сместились. Ты не сдался фангам из-за Терри.

— Да. Ну и что? Я выбираю, что для меня важнее. Мое право. Я ставлю цели и меняю приоритеты. Мне плевать на чужие законы — я создаю свои. Кто ты?

Эйфория рассеялась. Но я по-прежнему оставался в бесплотной легкости гиперперехода. Что-то он затянулся...

«Вмешательство. Воздействие извне», — голос сопровождающей меня части корабля едва уловим. Наверное, я и слышал-то его лишь потому, что секунды назад был с ним единым целым.

— Отрешенные, — сказал я. Почти спокойно. — Кто вы? Что вам надо от нас... от меня?

— То, чего ты не хочешь. Мы поможем тебе... уберем лишнее.

Голос растаял, осталась лишь безграничная голубизна, в которую я падал. И серая плоскость в этой голубизне — вращающаяся, поворачивающаяся ко мне ребром. Нет, не плоскость — лента, полоса... клинок. Лезвие исполинского меча, на который я падал, уже ощущая вес собственного тела, начиная верить в дикую реальность происходящего. Лазурная пустота и серая нить нацеленного на меня лезвия. И даже белые сполохи на нем, словно на заурядном атомарном мече... Я коснулся лезвия, и мир вокруг исчез.

7. Дар врага

Шар-клетка превратился в легкие металлические трубки, присыпавшие меня сверху, словно сломанные ветки. Кресло — в обмякшую подушку неопределенного цвета. Выбравшись из-под обломков гиперкатапульты — металл трубок при малейшем нажиме рассыпáлся мелкой колючей пылью, — я осмотрелся.

Бледное, не то голубое, не то зеленоватое небо. Маленькая ослепительно яркая белая звезда — местное солнце. Каменистая равнина, на горизонте переходящая в горную цепь. Ни малейших следов человека.

Воздух был в меру прохладен, дышалось легко. Слабые, далекие запахи не оставляли сомнений в существовании растительности. После Сомата я легко ощущаю этот неуловимый, привычный запах жизни.

Тщетно порывшись в обломках — никакого аварийного комплекта не оказалось, — я спросил:

— Что-нибудь еще функционирует? Отвечай!

Отвечать было некому, точнее — нечему. Я пнул бесполезную рухлядь катапульты. Тоже мне, Сеятели. Даже военный корабль не смогли оборудовать как следует... Где же я, черт возьми?

Планета казалась вполне пригодной для жизни. Вероятно, населена. Это просто мое невезение — высадиться в пустыне. И на Таре так было, когда я несся на помощь принцессе.

Я проверил лазерный пистолет, атомарник, силовой и медицинский контуры комбинезона. Всё исправно. Что ж, это главное.

Главное...

Что-то не так. Я чувствовал фальшь... не в окружающем, а скорее в себе самом. Но со мной всё в порядке...

Меня зовут Сергей. Я император планеты Тар. Сейчас двадцать второй век. Мой корабль атаковали фанги, пришлось бежать. Мои подданные — Эрнадо и Ланс — остались на корабле. Необходимо добраться до планеты Ар-На-Тьин — и вступить в схватку с фангами. Я жив, невредим, готов бороться с врагами. Я доволен судьбой.

Но что-то не так.

Присев на корточки, я уткнулся лицом в ладони. Пальцы были холодные, негнущиеся. Словно у мертвеца. Чушь. Я жив и невредим... Всё нормально.

Я повторял это словно заклинание. Но магия слов не действует на говорящего.

— Всё хорошо, — шептал я, убеждая себя. Но верить можно лишь тому, кто не предавал.

А я предал.

Себя? Глупости, игра слов... Терри? Нет, я люблю ее. Своих подданных, Эрнадо и Ланса? Но я ведь бежал с корабля, отводя от них опасность. Я не предатель. Мне нечего волноваться.

Вот я и не волнуюсь.

— Слышите?! — закричал я. — Со мной всё нормально!

Кому я кричу? Камням, обломкам гиперкатапульты, небу?

Воздух дрогнул, в глаза ударило сиреневое сияние. Небо раскололось — сквозь аквамарин брызнула тьма. Потом она исчезла, оставив висеть в сотне метров над головой приплюснутый силуэт боевого корабля фангов. Выход из гиперпространства в такой близости от поверхности планеты — вещь опасная. Его используют лишь для прорыва мимо станций планетарной обороны. Похоже, планета, где я оказался, неплохо укреплена...

Я додумывал, уже прыгая в маленькую ложбинку. Это не укрытие, конечно, но стоять на виду еще глупее. Проклятые фанги! Выследили все-таки...

Корабль снижался — так стремительно, словно целью его появления было разбиться о скалы. Или датчики уже заметили меня?

Вырвав из кобуры пистолет, я сдвинул регулятор. Словно лазерный луч мог пробить броню боевого звездолета... И нажал на спуск — белая игла впилась в падающий корабль.

Боевой корабль фангов полыхнул, как лист бумаги, подставленный под паяльную лампу. Клочья обшивки падали вниз, чернея и скручиваясь, как хлопья сажи.

Я уставился на пистолет, не понимая, что произошло. Да, им можно запросто сжечь современный земной танк... то есть танк двадцатого века. Но звездолет!

Внутренности корабля начали вываливаться. Вспыхивали синие огни, сухо потрескивали электрические разряды. От поверхности корабль отделяло не больше двадцати метров, когда я понял, что случилось.

Сверху, из чистого зеленовато-голубого неба, в гибнущий корабль вонзались иглы оранжевого света. Орбитальные патрули засекли корабль — и уничтожили через несколько секунд. На какой же планете я оказался?

Из горящих распадающихся механизмов фанговского корабля выплыл туманно-мутный шар. Скользнув прочь от гибнущего звездолета, он мягко опустился на каменистую равнину.

Корабля уже не было. Только темное облако пыли, струящееся вниз. На рукаве комбинезона запульсировал тревожным красным светом индикатор радиации — в разрушенном звездолете конечно же были источники ионизирующего излучения.

Я бежал к месту посадки белого шара, чувствуя, как падает на волосы мелкая пыль. Вытащил из воротника капюшон, натянул на голову — заработал компрессор, обдувая лицо профильтрованным воздухом, сгоняя с кожи смертоносный пепел.

Туманный шар таял, обнажая силуэт в центре. Белесые клочья обшивки с шелестом исчезали, превращаясь не то в газ, не то в энергию, — воздух ощутимо потеплел.

— Вставай, фанг, — зло сказал я. — Отвоевался.

Тень шевельнулась, разламывая остатки туманной скорлупы. И я услышал голос фанга:

— Меня зовут Нес, землянин.

Фанг был красив. Это приходило в голову в первую очередь. Я следил за ним с невольным брезгливым любопытством — мне не доводилось видеть наяву нелюдей. Пэлийцы и жители Клэна — это все-таки люди.

Фанг был красив. Короткая густая шерстка походила на плюш, создавая впечатление мягкости, беззащитности. Глаза — не столько выпуклые, сколько большие. Темно-желтые, цвета гречишного меда глаза на светло-коричневом, янтарном лице... Я замотал головой, отгоняя причудливые ассоциации, и навел в грудь фанга ствол пистолета.

— Меня не интересует твое имя, фанг... — слово прозвучало как ругательство. — Отцепи меч. Не пытайся сопротивляться, у меня в руках сильное оружие.

Нес смотрел на меня. Внимательным и по-человечески любопытным взглядом. Фанг был одет в комбинезон, очень похожий на мой, — неудивительно, одинаковая задача неизбежно порождает одинаковые решения. Темно-багровая ткань, бугрящаяся от скрытых внутри приборов, маслянисто поблескивала.

— Меня зовут Нес, — повторил фанг. — Запомни. Несмотря на то что в руках у тебя «сильное оружие» — армейский бластер с полуразряженным магазином.

Я скосил глаза на индикатор заряда — энергонакопитель был наполовину пуст. У фанга по имени Нес отличное зрение.

— Брось оружие, фанг, — повторил я. — Тебе хватит и половины.

Фанг не спорил. Он отцепил от пояса ножны с атомарным мечом. Потом — закрепленную на лодыжке кобуру с пистолетом.

— Я подчинился. — Его галактический стандартный был безупречен. И сам Нес казался воплощением покорности.

— Сними комбинезон, — приказал я.

— Это противоречит моим этическим нормам, — сказал Нес спокойно.

— Ничего. Голый фанг в моих глазах ничуть не неприличнее сидящего в клетке шакала. Снимай комбинезон, это тоже оружие.

Нес стянул комбинезон. Я следил за ним, готовый в любое мгновение нажать на спуск бластера.

Фанг не пытался сжульничать. Он снял комбинезон и остался в чем-то вроде сатиновых «семейных» трусов. Я ухмыльнулся:

— Отлично, фанг. Тебе известно, где мы находимся?

Фанг молчал. Потом вежливо произнес:

— Мне известно многое, Сергей с планеты Земля, пришелец из прошлого, император планеты Тар, враг Отрешенных.

— Что ты о них знаешь? — резко спросил я. — Где мы находимся? Как ты меня выследил?

— Да, ты Сергей с Земли,— повторил Нес.— Вначале — любопытство, затем — безопасность. Но ты не тот... Что-то случилось с тобой.

— Где мы?

— Информация в обмен на свободу.

— В обмен на жизнь, — зло бросил я. — Понял?

— Жизнь вздор. Мне нужна свобода.

Секунду я боролся с искушением полоснуть по нему лучом. Но...

— Ты скажешь всё. Где мы, как ты меня выследил, кто такие Отрешенные.

— В обмен на свободу.

Он стоял передо мной — нелепая получеловеческая фигура. Пёс с человеческим лицом. Смышленый неандерталец с собачьим лицом. Гибрид человека и животного. Обаятельная смесь — нечто среднее между лешим и оборотнем. Фанг. Симпатичный враг.

Обмануть...

— Клянусь планетой Тар.

Он молчал.

— Клянусь Таром, Землей, своей женой — Терри. Ты получишь свободу.

— Ты врешь, — ответил Нес. — И это еще отзовется в твоей судьбе. Но я скажу. Звезду, которая светит над этой планетой, называют Дьявольской Звездой.

— Клэн? Я не верю, фанг. Для обычного человека ее излучение...

— Посмотри на руки, человек.

Кожа была красной и слегка чесалась. Ожог, самый настоящий лучевой ожог. Слава Сеятелям, что есть капюшон... Вытащив из-за манжет тонкие черные перчатки, я по очереди натянул их, продолжая держать фанга на прицеле.

— Говори дальше.

Нес, после короткой паузы, — он словно подбирал правильные слова, хоть и говорил на стандарте без затруднений, — продолжил:

— Я не выслеживал тебя, Сергей. Мне сообщил твой курс Отрешенный.

— Кто они — Отрешенные?

Нес улыбнулся. Без сомнения, он имитировал человеческую улыбку, но делал это безукоризненно.

— Все знают что-то, но никто — всё. Тебя интересует мое мнение?

— Да. — Я нажал сенсор, включая медицинский режим комбинезона: кожа на руках и лице невыносимо зудела.

— Отрешенные — раса, достигшая предела. Отрешен-

ные — цивилизация будущего, стоящая над временем и пространством. Отрешенные — потомки фангов.

— Нет, — сказал я. — Нет, фанг. Ты лжешь.

— Отрешенные, — словно в трансе продолжал Нес, — не имеют постоянного тела и не нуждаются в нем. Они — наблюдатели, прежде всего. Их не волнует происходящее в нашем мире — для них это прошлое, которое уже свершилось...

«Как и для Сеятелей в двадцатом веке, — мелькнула непрошеная мысль. — Он не врет».

— Для Отрешенных нет тайн — они берут информацию непосредственно из континуума. Для них не существует препятствий — они пользуются всей энергией Вселенной. Это — настоящие боги.

— Ты запугиваешь меня, фанг, — прошипел я. — Вонючая тварь...

Нес опять улыбнулся. И невозмутимо спросил:

— Разве мой запах неприятен? Мы меняли химическую формулу шерсти, добиваясь наиболее привлекательного для людей запаха.

— Зачем?

— Чтобы вам было приятнее общаться с нами.

Я чувствовал, как кружится голова. Мой полуголый пленник вел себя так, словно был хозяином положения.

— Почему вы воюете? Почему вы жестоки? Мы хотели мира с вами!

Фанг внезапно стал серьезен. Более чем серьезен. Шерстка на его лице встала дыбом. Бледно-желтая радужка глаз потемнела. В слабом солнечном свете я не мог разобрать выражения лица — да и вряд ли оно помогло бы понять эмоции фанга.

— Землянин Сергей, пришедший из прошлого, я отвечу тебе наполовину. Лишь потому, что ты пришел из минувших веков. Лишь потому, что ты более важен для истории, чем думаешь. Отрешенные вмешиваются в твою судьбу. Они никогда не делали этого... А исключение из правил всегда красиво.

Он замолчал — как-то уж очень резко. Бластер плясал в моих руках с грацией перепившего матроса. Фанг, Нес, тварь... Как тебя ни называй — ты врешь. Ты усыпляешь мой разум — я не поддамся. Я готов убить тебя. Ты врешь. У вас нет таких могущественных союзников. Ты врешь.

Совру и я.

— Сергей, слушай и запоминай. Мы хотели быть правильными — как все фанги прошлых веков. Мы узнали вас — и выбора не осталось. Вы были правы — всегда. Мы ошибались. И для нас остался один путь — уничтожить

людей или погибнуть самим. Мы вступили на этот путь. Мы идем так, как велит наша природа. Наша — людей и фангов. Мы восхищены вами. Фанги делают то, что красиво для вас. Люди открыли фангам новую правду.

— О чем ты? — Я растерялся. — Что ты несешь? Вы делаете то, что нравится людям?

— Да, — невозмутимо подтвердил фанг.

— Идиоты! То что вы делаете — отвратительно! Вы жестоки и подлы! Люди ненавидят вас!

Фанг молчал чуть дольше обычного. Потом сказал — очень тихо:

— Слова могут лгать. Слова могут быть уродливы. Мысль — права. Истина красива... Сергей, я сказал одно и то же разными словами — чтобы ты понял. Теперь я требую свободу — это правильно. Я вернусь на Фанг — у меня есть то, что люди называют гиперкатапультой.

— Возвращайся к дьяволу! — крикнул я. И нажал на спуск.

Лазерный луч пронзил воздух там, где только что стоял Нес. Фанг отпрыгнул с недоступной человеку скоростью. Через мгновение пистолет был выбит из моей руки, а сам я оказался под тяжелым, пахнущим не то имбирем, не то корицей телом. Да, запах фанга приятен для человека.

— Все было честно, Сергей? — поинтересовался фанг. Мои кисти он спокойно прижимал к земле одной ладонью. Огромной пятипалой ладонью, поросшей шерстью... Даже у земных обезьян на ладонях не бывает волос.

— Нет, я был нечестен, — прошептал я, тщетно пытаясь высвободиться. — Но не раскаиваюсь в этом, фанг. Это... правильно. Моя ложь была необходимой.

— Твои слова абсурдны, — тихо сказал Нес. На этот раз без всякой паузы. — Это непредставимо. Черное не белое, верно?

— Верно, — согласился я. — Жаль, что я тебя не убил. Это было бы красиво... хоть и подло.

Нес отпустил меня и отпрыгнул на шаг назад. Ослепительный свет Дьявольской Звезды ударил в глаза. Крошечная точка в небе почти не грела и не разгоняла сумрака. Но смотреть на нее было больно.

Я потянулся за мечом. Ха! Атомарника не было — Нес сорвал его, когда повалил меня.

— Ты странный, Сергей. — Фанг был спокоен, лишь огромные глаза поблескивали нездоровым блеском. — Не зря Отрешенные отступили от своих правил. Ты можешь изменить ход истории, верно?

— Не знаю, — я приподнялся на локтях, пряча глаза от

смертоносного света Дьявольской Звезды и не пытаясь броситься на фанга. Это бесполезно — фанг намного сильнее человека. Я ощутил его физическую мощь в полной мере. Врукопашную с фангом не сразиться... А в комбинезоне, включенном в режиме мускульного усиления? Живая ткань не выстоит против псевдомышц.

— Наверное, можешь. — Фанг сидел передо мной на корточках — задумавшийся о чем-то пёс. — Странно. Отрешенные не могут отказаться от своих правил до конца. Не могут убить тебя сами, хоть это проще всего. Они вынуждены просить нас... И они не ошибаются — мы знаем их правоту. Но...

Моя рука замерла на полпути к сенсору мышечного усиления. Если фанг поймет, что я делаю, он убьет меня голыми руками. С его-то реакцией...

— Но ты сказал странные слова, Сергей. Похоже, ты в них веришь. Я оставлю тебя в живых — и уйду.

Я коснулся сенсора и почувствовал, как ткань комбинезона плотно обжимает тело. Режим усиления работал.

— Ты никуда не уйдешь, фанг, — я прыгнул к нему. Ноги распрямились сами, увлекаемые твердым как сталь комбинезоном, едва лишь я подумал о прыжке. Руки метнулись к горлу Неса, как только я представил захват. Фанг ударил меня в грудь — сильно, молниеносно, но комбинезон под его кулаком затвердел, остановив удар.

Несколько мгновений он пытался высвободиться, потом затих, со свистом втягивая воздух. Я спросил:

— Ты еще собираешься домой, фанг?

Его веки чуть дрогнули — возможно, это должно было означать «да». Я немного разжал пальцы, но убирать их от горла врага не спешил. Нес сделал пару глубоких вдохов.

— Да, я хотел бы вернуться на Фанг. Пусть даже мертвым... Если ты убьешь меня, активируй катапульту, это несложно. Мое тело...

— До Фанга тебе не добраться, — оборвал я. — Ты забыл о гипербарьере? Твой труп будет вечно болтаться в космосе.

— Его подберут. Люди или фанги. Шансы почти равны.

Он смотрел совершенно спокойно, и это меня злило. Фанг обречен — я не оставлю его в живых ни за что на свете. Но там, в прошлом, сотни лет назад, в проклятых горах проклятой войны, нам тоже было не все равно, в чьей земле останутся наши тела...

— Нес! — я первый раз назвал его по имени. — Скажи... кем ты хотел стать в детстве?

— Что? — он растерялся.

— Кем ты хотел стать? — повторил я. — Вы млекопи-

тающие, двуполые... вы так похожи на людей. Даже срок жизни, даже темпы взросления соизмеримы. Мы дышим одинаковым воздухом и едим похожую пищу. Да, возможно, это и делает нас врагами. Но ведь наша психика похожа, не отрицай! Кем ты хотел стать?

— Ты думаешь, что ключ ко всему — в детстве, — утверждающе произнес фанг.— И у людей, и у нас... Может быть. Я хотел стать гравером.

— Кем? — настала моя очередь удивляться.

— Ты видел наши дома? В изображении.

— Да. — Я постарался вспомнить видеозапись. — Башни, очень тонкие и высокие. Их показывали мельком.

— Правильно. Они слишком красивы... и расслабляли бы солдат. Мы тоже не смотрим на ваши картины и города... стараемся не смотреть.

Я иронически усмехнулся. Но Нес не замечал моей усмешки.

— Мой брат... да, самое правильное слово, составлял программу для ракет, которые уничтожат Эрмитаж, Лувр, Барселонский собор, Ватикан, Мекку, галерею Прадо...

Фанг со всхлипом втянул воздух. Я отпустил его, молча сел рядом. Что-то происходило. Что-то непонятное.

— Он составил программу и покончил с собой. Конфликт правд. Понимаешь?

— Вроде бы... Зачем вы воюете?

— Я говорил о гравировке. — Нес, кажется, пришел в себя. — Извини, враг, я отвлекся. Ты хороший враг, умеешь драться, слушать и говорить. Тебя можно звать принцем? Это более правильный титул.

Я кивнул. Похоже, я был ближе к разгадке, чем кто-либо из людей. Фанг объяснил мне! Не зря Отрешенные волновались.

— Принц, у каждого фанга, ставшего взрослым, есть свой дом. Вначале он маленький, в один этаж... затем его строят всё выше и выше. Некоторые имеют дом из двух-трех этажей. Другие — дворцы из двенадцати и больше. На стенах, снаружи, узорчатая спираль — понимаешь? С рождения — и до смерти. Узор несет слова, несет память. Понимаешь, принц? Вся жизнь, с рождения и до смерти, — на стенах дома. Вся жизнь — на чужих глазах. Любой поступок, и плохой и хороший, у всех на виду. Всё, что значительно, важно, красиво — очень-очень-очень красиво, — видно всем. Идеал — ровная линия снизу вверх. Не бывает... Идеал... Твоя башня, твой дом могут быть высокими и отвратительными. Или низкими — и красивыми. Очень редко, очень почетно — высокие с правильным узором. Узор делает гравер. Большая точность рук, умелые пальцы,

хорошая память — тысячи узоров... Гравер — не работа, а дар. У меня он был. Но я оказался лучший солдат, чем гравер. Высокая реакция, сила, приспособляемость. Хорошо понимаю чужих — особенно людей. Очень-очень нравится картина Земли — «Атомный крест»? Видел?

Совершенно машинально я кивнул. Музыка слов завораживала.

— Это был художник... Атомный крест, Распятие, Битва Тетуана, Глаз Времени, Мадонна Порт-Льигате... Он был всем — и человек, и фанг.

— Дали, — прошептал я. Не люблю сюрреалистов. Ненавижу Малевича. Но Дали — это особенное, это безумие, переросшее в разум.

— Я хотел быть гравером, — повторил фанг, — а стал солдатом. Вы доказали нам — вы более правы. Ваша истина бессмертна. Я ответил на твои вопросы, враг Сергей. Убивай меня. Я проиграл.

— Объясни, — сказал я, уже не понимая, что мой голос похож на мольбу. — Я не понял тебя, фанг! Скажи, в чем беда! Я не хочу, чтобы мы убивали друг друга!

— Не могу объяснить, — тихо сказал Нес. — Знание, ставшее подарком, превращается в ложь. Твои потомки разучились понимать. Догадайся ты, Сергей, пойми.

— Не получается, — ответил я. — Нес, я лишь человек... Объясни.

— Догадайся, — Нес закрыл глаза. — Убивай меня, человек. Если Отрешенные правы — иначе быть не может, — ты победишь. И фанги выиграют.

— Уходи.

Нес замолчал.

— Бери катапульту и уходи. Пока я отпускаю. Давай, вали.

Фанг прошел к месту, где распалась его спасательная капсула. Порылся среди белых пластин, все еще медленно тающих, как сухой лед в жаркий день. Достал тонкий серебристый шнур, встряхнул... Шнур затвердел, свернулся в обруч. Воздух в нем помутнел, словно затянутый матовым стеклом.

— Тебя выбросит в вакуум на полдороге, — напомнил я.

Нес стал натягивать комбинезон. Потом спросил:

— Почему ты нарушил свое слово — пытался меня убить? И почему отпускаешь?

— Ты враг. Вы тоже не придерживаетесь клятв...

Я подобрал пистолет, меч. Глянул на одевающегося фанга и продолжил:

— А отпускаю я тебя наперекор Отрешенным.

— Ненависть. Зло делает добро... — Фанг стоял, держа

над головой, на вытянутых руках, обруч. Вокруг его головы медленно возникало туманное облачко — силовой шлем.

— Сергей, я понял, что́ в тебе изменилось. У тебя сняли любовь.

— Что-что?

— Твоя психика изуродована. В ней лишь ненависть, этого не было раньше. Я изучал твои психопрофили... Сейчас они ущербны. Не знаю, кто мог это сделать, разве что Отрешенные. Но они не могут опуститься до прямого вмешательства, существуя в нашем мире они инертны... — Нес замолчал. Голос его теперь доносился глухо и невнятно. — Принц, Отрешенные способны на действия в межвременье. В гиперпространстве. Вспоминай.

Он разжал руки — обруч скользнул вниз, вдоль его тела, — и там, где стоял фанг, осталась лишь гаснущая тьма.

— Умник, — тихо сказал я. — Позёр. Чтоб тебя подобрали наши патрули. Сняли любовь... в межвременье...

Я замолчал. Глядя на меркнущую тьму гиперперехода, я вспомнил свой прыжок на Клэн. И сверкающее лезвие, на которое падал, — жалкую попытку разума увидеть непредставимое.

«Мы поможем тебе... уберем лишнее».

8. Дар друга

Дьявольская Звезда была сейчас неотличима от любой другой звезды на небосводе Клэна. И тепла она давала не больше, чем любая другая звезда. Воздух остывал стремительно, как чай из термоса зимой в горах...

Странно, «операция», проведенная надо мной Отрешенными, имела забавный побочный эффект — улучшение памяти. Ко мне вернулось то, чего не было уже много лет, — смешные детские разборки на улицах ночной Алма-Аты, угрюмая казарма в учебке, Кавказ, Молдова, бэтээры с торопливо намалеванными надписями «Миротворческие силы СНГ»...

Я вспоминал двадцатый век. Сосредоточенно бредя по каменистой, покрывающейся инеем равнине, я думал о молодости. Смешно — я всегда считал себя молодым, вплоть до сегодняшнего дня. Теперь я понял, что постарел.

Молодость ушла вместе с любовью.

Отрешенные помогли мне стать взрослым — или состариться, что в принципе одно и то же. Человек имеет лишь два состояния — юность и старость. Как у тех химических соединений, что переходят из твердой фазы в газообразную, минуя стадию жидкости.

Порой лишь нелепое сравнение может быть верным.

Когда холод стал невыносим, я включил терморегуляцию комбинезона. Неизвестно, надолго ли хватит батарей — и долго ли я здесь пробуду. А использовать кольцо, чтобы вернуться на Тар, я не собирался.

Туннельный гиперпереход — это путешествие в безвременье. В мире Отрешенных. Не хочу давать им еще одну возможность «помочь» мне. Лучше умереть, чем позволить всемогущей нелюди копаться в сознании, переделывая мой разум.

Мне нужен корабль, чтобы вернуться домой. Гиперзвездолет уходит из реального мира в пятимерное пространство — но не пересекает грани между временем и безвременьем. В нем я защищен от влияния Отрешенных. Но чем?

Может быть, их всемогуществом и всезнанием? Отрешенные не проявляют активности в нашем мире, потому что это нелепо. Всё уже свершилось, и вмешиваться в события — все равно что разыгрывать заново давно выигранную шахматную партию. Но в их мире, в мире без времени и пространства, — всё еще неясно. События еще не произошли, игра продолжается. И трудно избавиться от искушения сделать ход.

Наверное, это значит, что я еще могу победить?

Я чувствовал, что подгоняю неведомую логику неведомых существ в рамки человеческих понятий и надежд. Рассуждаю наивно и ложно.

Но иначе у меня не останется сил для борьбы.

...На покрытые ледяной коркой, окаменевшие деревья я наткнулся, когда путь стал неразличим. Да и куда я иду? Темнота и медленно падающие снежные хлопья превращали путешествие сквозь ночь в подобие кошмарного сна. Я даже не сразу понял, что удивительно ровные цилиндрические камни, через которые я перешагиваю, — упавшие стволы. Потом я сражался с замерзшей застежкой кобуры, вытаскивая лазерный пистолет. Пальцы в раздувшихся перчатках едва гнулись — комбинезон не приспособлен для холода в минус сорок по Цельсию.

Нарубленные лазерным лучом бревна я стащил в кучу. Потом, с невольной иронией вспомнив, как разводил костер на Байкале, стал разогревать их бластером. Из кострища валил пар. Минут через пять занялось пламя.

Усевшись, я снял перчатки, протянул руки к огню, отключил терморежим комбинезона. Костер согреет меня... пока кислород вокруг не начнет превращаться в жидкость. Интересно, произойдет ли это? Насколько я помнил, воздух

на Клэне замерзает не везде, а лишь в северных широтах.

Если бы знать, где я очутился: на экваторе, на полюсе...

Мороз крепчал. Стало совсем темно — звезды слегка померкли. В своем движении по орбите планета Клэн вошла в пылевое облако. Если пристально всмотреться в небо, можно было увидеть крошечные искорки микрометеоритов, сгорающих в атмосфере. Именно это пылевое облако, экранируя планету от звезды, создавало чудовищные перепады температур.

Замусоренная орбита, вытянувшаяся гигантским эллипсом от Дьявольской Звезды до ее невидимого спутника — Темной Звезды. Безумное многообразие флоры и фауны в редких оазисах среди бесконечных пустынь. Планета воинов — Клэн. Если бы ее не было, Клэн стоило бы придумать. Возможно, Сеятели так и поступили. Они готовили отличную армию для борьбы с фангами.

Но армия проиграет — иначе у фангов не было бы потомков-Отрешенных.

От костра веяло теплом, протянутые к огню руки и ноги с трудом выдерживали жар. Но в спину дышали ледяные пустыни Клэна. Не будь комбинезона, перераспределяющего тепло, я превратился бы в обугленную с одной стороны ледышку. Клэн — мир смерти.

Я посмотрел вверх, над бледным пламенем костра. Воздух был чист и прозрачен, вся влага уже давно замерзла и выпала снегом. В поблескивающем тысячами крошечных метеоритов небе плыла яркая точка — укрытая защитным полем боевая станция, одна из тех, что уничтожили корабль Неса. Для ее детекторов обнаружить человека на равнине — пустяковая задача. За мной, несомненно, следили с момента появления на Клэне, но показываться не торопились.

Не спешил звать на помощь и я. Слава Сеятелям, общение с Клэном помогло мне понять его народ. Незваного гостя, взывающего о помощи, клэнийцы могли уничтожить не раздумывая. А вот одиночка, пытающийся выжить на их планете, — это не могло не вызвать любопытства.

Когда в черном небе призраком возник стремительный силуэт, я не удивился.

Рассеянно наблюдая за приближающимся флаером, я пытался вспомнить Клэна. Его слова и интонации, внешность и мимику. Он был моим другом, я помнил это. Но не помнил, что такое — друг.

Отрешенные лишили меня всего — и любви, и дружбы.

Флаер опустился метрах в десяти. Насколько я видел, это была стандартная модель — лишь на коротких крыльях

уродливо горбились дополнительные двигатели. В атмосфере Клэна летать нелегко.

Продолжая греть у костра руки, я разглядывал прозрачную кабину флаера. В тусклом свете приборов темнела замершая в кресле фигура. Я пихнул ногой еще одно полено, отправляя его в огонь. Отцепил от пояса фляжку — ее содержимое наверняка замерзло — и поставил возле костра.

Колпак кабины плавно откинулся. Мгновение пилот флаера продолжал сидеть, затем неуловимо быстрым движением выпрыгнул наружу.

Первое, что бросалось в глаза, — клэниец был полуодет. Короткие свободные брюки, легкий свитер, лишь на ногах — ботинки, отдаленно смахивающие на зимнюю обувь. Я вдруг вспомнил, что при попадании на кожу клэнийца жидкого азота она покрывается черной теплоизолирующей пленкой — продуктом мутировавших потовых желез.

Но у клэнийца, севшего напротив меня у костра, кожа была светлой. Пока...

— Ты мальчик или девочка? — поинтересовался я. Клэниец выглядел совсем еще подростком. Секунду он молчал.

— Девочка.

Усмехнувшись, я взял фляжку, в которой уже плескалась вода. Глотнул и спросил сидящую у огня девочку — самую обычную, коротко стриженную, еще плоскую, как пацан, девчонку с планеты Клэн:

— Тебя послали, потому что я считаюсь настолько беспомощным?

Девочка покачала головой. Сказала, тщательно подбирая слова, — вряд ли ей приходилось часто общаться на стандарте:

— Меня послали, потому что наши шансы выжить в поединке одинаковы. Это знак уважения, ты хорошо себя вел на Клэне.

— Понимаю, — серьезно ответил я. — Как тебя звать?

— Клэн.

— Ну да, я же потенциальный враг. Слушай, Клэн, мне нужно найти Дом Алер. Я отдаю им свою кровь.

В лице девочки что-то изменилось. Даже если семья Алер-Ил была врагом ее дома — все равно теперь она обязана доставить меня к старейшине Алер. Я сдался на милость одного из родов Клэна — а случайный человек не узнает имени семьи.

— Ты на земле Дома Алер.

— Тогда помоги мне... — я замолчал. Если я на земле Алер, значит, и встречает меня член семьи. Молча сняв ножны и кобуру, я перегнулся через огонь, протягивая девочке оружие. Языки пламени гладили ткань комбинезона.

Минуту девочка не шевелилась, словно выжидала, что я отдерну руку. Потом взяла оружие. Огонь коснулся рукавов ее свитера и радостно перепрыгнул на них. Запахло горелой шерстью.

— Зачем ты Дому Алер? — спросила девочка.

— На мне долг, которому полтораста лет. Я знаю последние минуты Алер-Ила.

— Кто ты? — Рукава свитера сгорели по локоть; болтались, дотлевая, чадящие нитки. Пламя бессильно колотило девчонку по рукам.

— Лорд с планеты Земля. Сергей, капитан «Терры», спасшей Алер-Ила в космосе.

— Если ты врешь...

— Моя смерть будет страшной. Знаю, девочка. Я Сергей с Земли.

— Я проверю,— все еще не убирая рук, сказала девочка.

«Как?» — хотел поинтересоваться я. И не успел. Мир закружился, слабость ударила по ногам. Я понял, что падаю, и последним усилием уклонился от горящих поленьев, бросившихся к лицу...

Темнота.

И легкая боль, а может, и не боль, просто дрожь, словно в черепе болтался клубок тяжелой, как свинец, нити. И чьи-то пальцы, шевелящиеся у самых глаз, умело раскручивающие нить памяти.

Свет.

— Выпей, — сказала девочка.

Во флаере было тепло. Во всяком случае, выше нуля по Цельсию; когда снаружи идет дождь из жидкой углекислоты, это совсем неплохо.

Я взял протянутый стакан с прозрачной жидкостью, глотнул и замер.

— Не слишком крепко? — с сочувствием спросила девочка.

— Нет, — прошептал я. — Просто... просто не думал, что в спирте может быть больше девяноста восьми градусов...

— Здесь сто, — серьезно сообщила клэнийка. — Молекулярно связанная вода удалена особыми способами... добавлены специи и кристаллический сахар.

С юмором у клэнийцев всегда было неважно. А вот с алкоголем, похоже, наоборот.

— Я сообщила Дому, нас ждут. Дождь кончится минут через двадцать—двадцать пять, дорога займет еще семь. Пока дождь не кончится, лететь опасно.

Девочка выглядела предельно серьезной. То ли мое положение еще оставалось неясным, то ли она допустила какую-то ошибку, общаясь со мной.

— Как тебя звать? — опять поинтересовался я. Клэнийка казалась неотличимой от земной девочки-подростка, лишь обугленные рукава свитера напоминали, что ее кожа выдерживает открытое пламя... да и струящийся по колпаку флаера поток жидкого газа ей не повредит. — Или я еще враг и мне нельзя доверять имя?

— Ты не враг. Наш Дом обязан тебе всем — тогда, в прошлом, ты сообщил на Клэн, что Алер-Ил исполнил свой долг. Ты поклялся, что его атака спасла твою жизнь — и позволила затем победить Белый Рейдер. Отдав ему честь победы, ты позволил нашей семье существовать дальше. Ты друг. Ты должен стать членом семьи — и войти в Дом Алер равным среди равных.

Я насторожился. Что-то вспоминалось из рассказов Клэна-Алер-Ила. О том, как вступают в семью не принадлежащие к роду... Может быть, с тех пор ритуал изменился?

— Меня зовут Алер-Тьер, — сказала девочка и стянула свитер. Под ним ничего не оказалось — ни майки, ни лифчика. А последний, к моему удивлению, был бы нелишним — полураздетая, она выглядела взрослее... Ерунда. Это подыскивает оправдания разум. Ритуал приема в семью на Клэне не изменился. Хорошо, что удостоверять мою личность не отправился один из братьев Тьер... или ее папаша.

— Я в возрасте юности, — тем временем сообщила Тьер. Лицо ее было серьезным и строгим, как у школьницы, благодарящей учителей на торжественном вечере. — Я знала всех мужчин Дома и могу быть женщиной семьи. Ты вправе стать равным в Доме Алер.

Первым моим желанием было поинтересоваться, не могу ли я стать равным в семье Алер при помощи более взрослой женщины. К счастью, я вспомнил слова Клэна...

«Человеку не дано выбирать семью, в которой он родится. Нельзя выбирать и человека, принимающего тебя в новую семью. Кем бы он ни был, лучшее и худшее семьи — в нем».

— Я хочу стать равным в Доме Алер, — сказал я и понял, что говорю вполне искренне. Поставил на пол кабины стакан со стоградусным спиртом, расстегнул шов комбинезона. Тьер коснулась сенсоров на пульте — и спинки кресел мягко опустились. Она положила свой горелый свитерок на приборную панель — движение выглядело абсолютно произвольным, но почему-то свитер накрыл оптический датчик видеофона. Я благодарно улыбнулся.

Ее кожа была мягкой и теплой — нормальная человеческая кожа, а не броня. Губы — опытными, недетскими.

Капли углекислоты барабанили по кабине флаера.

— Всё правильно? — спросил я Тьер, и она не ответила, потому что я и так видел — правильно. Всё.

Я вошел в семью Алер.

— Теперь ты свой, — сказала Тьер, причесываясь. — Брат.

— Брат? — Я лежал на откинутом кресле, наблюдая за девочкой. Зрелище было приятным. Особенно если не обращать внимания на расческу в ее руках — тонкие стальные зубья были остры как бритва. Расческа-кинжал. Наверно, у клэнийцев и зубные щетки со взрывателем.

— Брат, отец, сын, друг. Как угодно. Близкий-Мне-Мужского-Пола. Рэс-Ор-Мьен.

— Лучше зови меня другом. Слово более точное.

— Хорошо. Ты не гость больше и не тот, кому мы должны. Ты один из нас. Значит, должен выслушать и то, что тебе неприятно.

Я нахмурился:

— О чем ты, Тьер?

— О тебе. Я смотрела твою память, ты понимаешь?

— Конечно.

— Фанг, которого ты отпустил, сказал правду. Кто-то — возможно, Отрешенные — лишил тебя любви и дружбы.

— Ерунда. Я люблю Терри... и я друг Эрнадо, Ланса, Клэна... Алер-Ила то есть.

Как-то не так это прозвучало. Заученно. Дважды два — четыре.

— Нет, друг. Не лги себе. Ты помнишь о любви и дружбе — это верно. Память осталась. Но скажи — кем был для тебя Алер-Ил час назад? Другом, погибшим за тебя? Или ключом в Дом Алер, возможностью получить помощь планеты Клэн?

Я не ответил.

— Ты... — Тьер слегка улыбнулась, — нарушил два обычая своего мира... свои собственные, что важнее. Изменил жене — и занимался сексом с несовершеннолетней. Правильные термины?

— Изменить жене — не такое уж преступление по нашим меркам. А твой возраст уже не запретен для секса... на Земле.

Тьер спокойно кивнула.

— Конечно. Но это были твои запреты — понимаешь? *Личное* табу.

— Я же был вынужден... — пробормотал я и отвел глаза. — Чтобы вступить в Дом.

— Друг, я рада, что ты в семье. Но Клэн уже давно не тот, что раньше. Мы уважаем чужие обычаи. Да, ты не сошел бы в Дом Алер. Но мы должны тебе всё — свое имя, Дом, семью, честь. Для тебя построили бы дворец на поверхности... или отдали бы весь Дом — а сами перебрались в новый. Тебе дали бы корабль и охрану... всё, что потребуется. Можно совместить любые культуры — если хочешь это сделать. Я не сомневалась, что ты откажешься войти в семью.

Я молчал. Нечего было мне сказать этой девочке — логичной и рассудительной, как робот. Сильной и честной, как робот.

— Друг, я хочу помочь тебе.

Я посмотрел на Тьер. Она сидела передо мной — полуодетая, симпатичная, мое вечное — отныне — проклятие и позор.

— Чем я могу помочь, скажи? Ты старше и сильнее, ты ранен...

Ранен? Пожалуй, да. Ранен в голову. В совесть.

— Долга нет, ты теперь в семье. Но он был — я помню. Мои детские сказки об Алер-Иле и Сергее, победивших Белый Рейдер, спасших мир Сеятелей.

— Что ты говоришь, девочка? — прошептал я. — Мы победили Рейдер потому, что он угрожал *моему* миру — Земле двадцатого века. Мир Сеятелей — как ты можешь его любить? Они дали вам страдание.

— Они дали нам жизнь, брат... друг.

— Жизнь-страдание, жизнь-кошмар. В мире, где нельзя жить...

— Мы живем.

— Жизнь в мучениях, смерть в бою, детство без невинности...

— Жизнь. Смерть. Детство.

Тьер взяла меня за руку. Ласковое касание, но теперь я не мог забыть, что под этой кожей — кремниевая пленка, твердая, как титан.

— Друг Сергей, твой мир дал жизнь — всем нам. Клэну, Еррgу, Тару, Фаа, Уне-Кор, Бьемену... всем мирам галактики. Не важно, по какой причине: мать может родить ребенка, не думая о его счастье. Все равно она — мать. Мы обязаны Земле всем. Не только Клэн, все хроноколонии — пусть нас и презирают на Земле. Мать может не любить детей — все равно она мать.

— Тьер, ты ничем мне не поможешь. Если только...

— Что? Я хочу помочь. Я гордилась своей семьей — по-

тому что ты был другом Алер-Ила. Даже имя я выбрала близкое тебе — имя твоей Любимой-Женского-Пола. Нам чуждо такое однообразие — но я завидую ей.

Я закрыл глаза. Дурак. Даже не заметил сходства имен. Тьер. Терри. Прости, Тьер, что был твоим идеалом. Прости, Терри, что смог забыть любовь.

— Тьер... ты умеешь читать мысли. Ты знаешь — Алер-Ил был моим другом, Терри — любимой... совсем недавно.

— Знаю.

— Верни то, что забрали другие. Верни мне любовь и дружбу. Верни мне себя.

Я боялся посмотреть на нее — потому что знал ответ.

— Сергей... Я могу играть с твоей памятью, как с горстью снега. Могу ломать барьеры, как хрупкую льдинку. Но в твоем разуме не барьер — дыра. Из твоего разума вырвали часть. Если я сложу другой узор чувств — он не будет твоим. Я же не землянин... не мужчина... не ты.

— Как мне жить, Тьер?

Слова застревали в горле. Зачем я спрашиваю, какую мудрость хочу услышать от маленькой девочки, пусть и умеющей «играть с памятью»?

— Тебя лишили друзей и любимой, брат. Те, кто сделал это, сильнее любого человека. Но можно написать сожженную книгу заново, можно переиграть бой, можно отстроить разрушенный дом. Главное — жить. Ты помнишь, каким был, — память поможет тебе.

— Спасибо, Тьер. Я попытаюсь.

Во мне не было веры — лишь благодарность. Признательность, благодарность, вина — всё то, что часто предшествует любви.

Возможно, я и смогу полюбить заново. Но не Тьер я должен любить — прости меня, девочка с Клэна, пытающаяся думать как землянин. Я должен полюбить Терри. Потому что никогда не позволял унижать себя, отнимать то, что считал своим. Я такой, какой я есть, со всем плохим и хорошим, что смешалось в душе. Я как Дом на Клэне, неделим. И не всемогущим Отрешенным помогать мне «стать лучше».

— Летим к Дому? — спросила Тьер.

— Подожди, — попросил я, по-прежнему не открывая глаз. — Три минуты, Тьер.

Я привлек ее к себе, опустил голову ей на колени — твердые как сталь, уже через мгновение ставшие мягкими, живыми.

— Спасибо, что можешь быть такой, Тьер, — прошептал я. — Дай мне запомнить тебя.

Часть третья

ОТРЕШЕННЫЕ

1. День Солнца

— Ты уверен, что защита не нужна, брат?

Капитан клэнийского крейсера «Алер» был ниже меня на голову и казался хрупким, как подросток. Но спорить с *таким* капитаном решился бы лишь безумец. Даже вопрос у клэнийца звучал как приказ...

С трудом сбросив оцепенение, я улыбнулся:

— Спасибо, брат. Защита не нужна — Ар-На-Тьин моя планета. Друзья уже ждут меня.

— Твои друзья — друзья Дома Алер. Дверь для них открыта всегда, — абсолютно серьезно произнес капитан. — Пусть приходят, когда хотят. Я встречу их с радостью — и почувствую любовь. Они вправе прийти, брат.

— Я скажу им, брат, — ответил я. Спокойно. У клэнийцев нет разницы между мужчинами и женщинами — ни в боях, ни в сексе. И слова капитана при всей их двусмысленности — знак уважения.

— Катер ждет тебя, брат. Но если хочешь — мы опустим корабль на землю Ар-На-Тьина.

— В этом нет нужды, брат. Мне хватит катера.

— Мягкой посадки и удачного боя, брат. — Клэниец коснулся моей руки, и в касании этом было всё — и забота отца, и почтение сына, и внимание брата. — Если ты умрешь — мой корабль отомстит за тебя...

У клэнийцев нет разницы между словами «умрешь» и «погибнешь».

— ...если мы не справимся — род Алер отомстит за нас, если наша семья погибнет — Клэн решит, достойны ли мы мести. Иди спокойно, брат.

Я кивнул. Для клэнийца страшно умереть неотмщенным — сама смерть их не пугает. Или же они делают вид, что не пугает.

Безлюдными коридорами, скоростными лифтами и ярусными транспортерами крейсера я добирался от рубки к шлюзу «Алера». Вахтенный, девушка лет двадцати, кивнула мне: «Счастливо, брат». Я кивнул в ответ. Спасибо, Дом Алер, спасибо, Клэн. Мне никогда не стать клэнийцем — но я уважаю ваш путь.

В катере, знакомство с системой управления которым

позволило скрасить сутки путешествия от Клэна до Ар-На-Тьина, я в последний раз включил систему внутренней связи. Капитан крейсера вновь приветствовал меня взмахом руки — словно мы не виделись несколько дней. Клэнийцы каждый раз расстаются *навсегда*, слишком часто их подстерегает смерть.

— Если на Ар-На-Тьине случится беда — мы придем, брат. Придут все корабли Дома Алер.

— Это случится скоро, — честно сказал я. Капитан не опустился до сомнений.

— Мы придем. Мы выполним долг контракта с Чьин-Ки и вернемся. Это будет тяжелый бой, но мы проведем его быстро.

Чтобы переправить меня с Клэна на Ар-На-Тьин, крейсер «Алер» на двое суток прервал контракт с планетой Чьин-Ки. Каких денег это стоило — лучше было не спрашивать. Судя по кораблю, он вышел из жесточайшего сражения, а сейчас вновь возвращался в бой. Благодарить было бессмысленно — я член семьи Алер и вправе требовать любую помощь. Так же как семья от меня. Но они никогда не используют своего права.

— Передай мою любовь Дому, — сказал я. — И Тьер... Алер-Тьер.

— Я передам сестре твою любовь, — пообещал капитан.

Возможно, Тьер действительно его сестра. На Клэне это не важно.

Под катером разошлась диафрагма люка, и псевдогравитация крейсера выбросила меня в космос. «Алер» плыл надо мной — бледно-серая плоская плита с конфигурацией кленового листа. Катер удалялся от крейсера, проваливаясь к дымчатому шару планеты, оставляя громаду боевого корабля позади. Я, выворачивая шею, следил за «Алером». У клэнийских катеров прозрачные кабины, и мне это нравится.

Края «кленового листа» начали медленно подниматься, скручиваться. Через полминуты надо мной плыл полый цилиндр, ощетиненный консолями маневровых двигателей и башенками боевых постов.

— Удачи... — шепнули мне наушники.

Крейсер окутался белым сиянием. Прозрачное бронестекло помутнело, оберегая мои глаза от вторичного излучения гиперперехода. Несколько мгновений крейсер был виден сквозь ослепительное сияние — темный, меняющий форму силуэт.

Потом катер тряхнуло, а свет померк.

— Удачи, братья, — сказал я. — Я не могу это ощутить, но знаю, что я ваш друг.

Опустив руки в податливую, как тесто, массу мыслеприемников, я направил катер к планете.

Небо над Ар-На-Тьином было бледно-желтым, почти лимонным. Зато облака — серые, земные. Катер несся над горами, утопающими в туманной пелене, — лишь вершины вздымались, словно острова из бушующего моря. Волны тумана накатывались на скалистые пики, обтекали их, закручивались в спирали.

— Запрос главного космопорта планеты, — сообщил мне катер.

— Дай связь.

В динамиках зашуршало. Да, Ар-На-Тьин действительно был отсталым миром — здесь использовали обычную радиосвязь, а не кодированную передачу, свободную от любых помех.

— Катер с клэнийского крейсера, сообщите бортовой номер и цель визита. Планета на военном положении, контакты ограниченны. Повторяю...

Судя по голосу дежурного, маленький окраинный мир не был избалован визитами военных кораблей. Тем более в период военного положения, никогда прежде не объявлявшегося.

— Бортовой номер... — я скосил глаза на панель управления, — ка дробь шестьдесят двенадцать. — На борту император планеты Тар. Иду на посадку, прошу сообщить номер свободной полосы.

Несколько секунд дежурный космопорта молчал, переваривая услышанное. Затем неуверенно спросил:

— А цель визита?

— Да помочь вам, идиотам! — не выдержал я. — Кто посылает запрос за сотню километров до космопорта? Вражеский корабль уже накрыл бы вас ракетами! Запрос надо делать при входе в атмосферу и высылать группу перехвата.

— Все патрули в увольнении, у нас весенний праздник, день Солнца, — пробормотал дежурный. — Сейчас я свяжусь с тарийским экспедиционным корпусом...

— Остолопы, — прошипел я. — Дай связь с военным советником Лансом, живо!

Наступила тишина. Катер пронесся над горной цепью и начал снижаться. Шипение в динамиках прекратилось — на связь со мной вышли через нормальный передатчик.

— Сергей? Ты? — завопил в динамиках Ланс. — Ты где?

Я глянул на экран нижнего обзора.

— Над столицей этой сонной планеты. Привет, Ланс.

— П-привет. Включи видеосвязь!

На экране появилось растерянное лицо Ланса. Несколько секунд он изучал меня, потом расплылся в улыбке.

— Сергей... Как ты выбрался?

— Потом. Сообщи придурку в космопорте, что я не враг. Пусть освободит посадочную полосу... и не палит по катеру из пулеметов, или что они тут используют. Вы делом без меня занимались или справляли перманентные поминки по императору?

Ланс торопливо отодвинул от себя бутыль с нежно-розовой жидкостью. Виновато сказал:

— Планета такая... мирная. Ни до кого не достучаться. У нас же нет официальных полномочий...

— Сейчас я всем выдам полномочия, — хмуро посулил я. — Организуй посадку.

— Хорошо... Я подъеду в космопорт.

— Лучше я к тебе. Сообщи дежурному адрес, пусть подготовят машину. Если тут еще не все участвуют в празднике плодородия, разумеется. Конец связи.

Мне пришлось сделать несколько кругов над маленьким уютным космопортом, прежде чем с посадочных полос расползлись древнего вида танки, грузовики и, похоже, пара пожарных машин. Зашевелились, остолопы. Катер может опуститься и на пятачке, это же не самолет.

Завоевание Ар-На-Тьина явно не грозило стать проблемой для фангов.

В управлении автомобилем с двигателем внутреннего сгорания было что-то сладостно-ностальгическое. Особенно когда я понял, что двигатель работает на спирте и запах перегара идет не от моего провожатого — парнишки лет пятнадцати, важно устроившегося на переднем сиденье рядом со мной.

— Направу, — отчаянно коверкая стандарт, указывал паренек. — За тем дворуцом — нальево.

Дворцом оказалось четырехэтажное здание с двумя колоннами перед входом. Я затормозил.

— А по главной улице мы проехать не могли?

— Могли, — подумав, подтвердил пацан. Откинул со лба ярко-рыжие пряди и беззаботно сообщил:

— Так интереснее. Мимо памьятников.

— Я говорил, что мы спешим?

— Да. Но так ведь...

— Интереснее, — закончил я ласково. — Дружок, у вас есть тюрьмы для несовершеннолетних?

— Нет, — с огорчением ответил подросток. — Только для взруслых...

— Откроем. Специально для тебя.

Парень удивленно вытаращил глаза.

— Я серьезно, дружок, — миролюбиво сказал я.

— Прямо и нальево. На главной улице, двороц с башенкой...

Я газанул, и парнишка замолк. Похоже, прикусил язык. Но у дворца с колоннами и башенкой вновь подал голос:

— А презьент?

Меня охватил нервный смех. Я выбрался из машины на грязную асфальтовую дорогу. Сквозь прорехи в покрывале туч проглядывало желтое небо. Солнца, несмотря на праздник, не наблюдалось. Издалека доносился гул множества голосов, напоминающий хоровое пение пациентов наркологической клиники — хриплое и веселое. Судя по всему, жители Ар-На-Тьина совместно с доблестными защитниками планеты проводили сеанс разгона туч и установления хорошей погоды.

— В этом дворуце, на третьем этаже, — тихонько подсказал провожатый. — Презьент?

Мне стало тоскливо. Я потрепал паренька по плечу, тот затих и скосил глаза на плечи, словно ожидал, что там вырастут роскошные, как у дежурного по космопорту, погоны.

— Сваливай из столицы, дружок, — посоветовал я. — И побыстрее.

Ланс встретил меня на лестнице — наверное, слышал, как подъехала древняя тарахтелка.

— Сергей, — радостно сказал он. — Слава Сеятелям, ты выбрался...

— Заткнись, балбес! — Я едва удержался от физического комментария. — Планета как на блюдечке, подходи и бери! Где наша эскадра? Где союзные корабли, где Сеятели?

Ланс побледнел. Тихо ответил:

— Император, мы виноваты, но...

— Оправдываешься? Пьяный дурак!

После пребывания в проспиртованном автомобиле я не отличил бы запах спирта от аромата керосина, но это меня не смущало.

Ланс опустился на колени в ритуальном жесте преданности. Тихо сказал:

— Император, моя кровь — ваша. Разрешите доложить обстановку?

Я кивнул.

— Пожизненный президент планеты... в буквальном переводе — Великий и Вечный Пастух, назначил нам прием на третий день после прибытия на планету — так требует их этикет. Эрнадо сейчас на празднике Солнца, пытается

встретиться с президентом в неофициальной обстановке. Я в гостях у Дьини, местного промышленника, пробую выйти на президента через него. Единственное, чего мы пока добились — введения военного положения. Но оно чисто формальное...

— Куда уж формальнее!

— Малый крейсер и три легких патрульных корабля Тара получили разрешение базироваться на планете. Это Дьини помог...

— Почему так мало кораблей? — растерянно спросил я. — И где Десантный Корпус?

— Земля сообщила, что оснований для посылки эскадры недостаточно. А наши корабли... Терри отправила их на поиски... когда узнала, что ты воспользовался гиперкатапультой.

— Дура! — зло выругался я.

Ланс дернулся как от удара. Тихо сказал, словно сам не веря тому, что говорит:

— Ты... не Сергей. Ты другой. Подделка.

Меня словно кипятком ошпарили. Я молча смотрел, как Ланс достает пистолет. Потом тихо сказал:

— Но твоим императором я остаюсь все равно, Ланс.

Он замер. Я сел на деревянные ступеньки рядом с ним. Подъезд был пуст — грязный подъезд кирпичного дворца на планете Ар-На-Тьин.

— Послушай, Ланс... Прежде чем мы пойдем к твоему промышленнику и даже прежде чем ты спрячешь оружие. Я расскажу, что со мной случилось.

Мы сидели под тусклой, пыльной лампочкой, в которой нельзя было найти ни единого достоинства, кроме того, что она электрическая. И я рассказал все, что произошло со мной. Кроме ритуала вступления в семью Алер.

— Что теперь делать, капитан? — неожиданно спросил Ланс.

— Жить. Готовиться к бою. А со своими чувствами я разберусь.

— Кто они, Отрешенные?

— Потомки фангов. Не думаю, что Нес врал.

— Тогда у нас нет шансов, Сергей.

— Они не могут активно вмешиваться в происходящее. Только в межвременье... и то лишь в психику людей, путешествующих туннельным гиперпереходом. Поэтому я и не воспользовался на Клэне кольцом.

Ланс кивнул — не то соглашаясь, не то примиряясь с неизбежным.

— Пойдем к твоему промышленнику. На этой планете

власть не может принадлежать пожизненному президенту. Диктатурой здесь и не пахнет, значит, «Вечный Пастух» — просто подставная фигура. Правят деньги... наверное.

Мы поднялись по скрипучей деревянной лестнице. Несколько дверей оказались полуоткрыты. В темноте угадывались какие-то ящики и пластиковые мешки.

— Промышленность и торговля здесь только развиваются, — извиняющимся тоном сказал Ланс. — Так что это гибрид дома и склада.

— А преступности не существует? — полюбопытствовал я.

— Не знаю. Но вроде бы воровство не в почете.

— Ага. Местные бандиты, оказывается, не чужды этике.

Дверь в жилые помещения была прикрыта, но тоже не заперта. Ланс толкнул ее, и мы очутились в длинном и узком коридоре. Я остановился, пораженный.

— Ланс, этот промышленник, он что, печатает книги?

— Нет, только собирает.

Стены коридора скрывались за сплошными рядами полок. Они шли до самого потолка — аккуратные, молчаливые. А на них — книги. В поблескивающих пластиковых переплетах, твердых картонных корках, обтрепанных бумажных обложках. Некоторые вообще разорванные, в прозрачных чехольчиках — раненые солдаты великой армии. Над каждой полкой — металлическая табличка с выгравированной на стандарте надписью: «Романтическая литература», «Эротическая литература», «Кулинария». Большинство книг, как ни странно, были изданы в двадцатом — двадцать первом веках. Антиквариат. Я даже находил знакомые названия.

— Подожди, — тихо попросил я Ланса. — Гляну...

Колдовство. Мистика. И книги — «Молот ведьм», «Страх», «Вампиры», «Оборотень», «Японские сказки»... Сказки-то что здесь делают? «Проделки праздного дракона»...

Рыцарские романы. Тоже ряды, знакомые и незнакомые названия... «Песнь о Роланде», «Оружие средневековой Европы», «Русские богатырские былины»...

— Пойдем, — тронул меня за руку Ланс.

— Невероятно, — я пожал плечами. — Эти книги и на Земле редкость. А тут, на краю галактики...

— Большинство книг — репринты, — пояснил Ланс.

Я провел пальцами по корешкам. Словно на мгновение заглянул в детство.

Ланс снова коснулся моей руки, и я сбросил оцепенение. Надо действовать, а не любоваться древними книгами. Но когда я пошел за Лансом по коридору, у меня возникло

странное ощущение, словно в душе, там, где зиял вырезанный лезвием Отрешенных провал, что-то появилось...

Откинув занавес, заменяющий дверь, мы вошли в комнату.

2. Библиофил

Дьини, промышленник планеты Ар-На-Тьин, был молод. Лет двадцати пяти по земным меркам. Невысокий, широкоплечий, с бегающими глазками, он походил скорее на бармена из ночного кафе, чем на преуспевающего дельца. Наливая нам с Лансом розового вина из огромной бутыли, он скороговоркой рассказывал о своем бизнесе:

— Планета у нас отсталая, император... Да это и к лучшему, быстрее расти приходится. Кто не успел, тот опоздал, у кого голова работает — тот в отпуск на Схедмон летает... Попробуйте вино. Граанское, во всем Арнатьи такого две бутылки — одна у меня в подвале, другая на столе... Наши дельцы, они же не понимают ничего, вложили всё в экспорт продовольствия, ударились в животноводство — а цены сразу упали. Теперь давят друг друга, конкурируют. А шоколада земного, или сладостей лейанских, или вина граанского все хотят попробовать. Кто ими торгует? Я. У меня и скота-то всего три сотни голов, чтобы положение в обществе поддерживать, наши балбесы до сих пор богатство по головам рогатым считают, а надо бы по своим... А когда Земля синтезаторы пищи продаст, куда они денутся? Что? Конечно, знаю. Правильно Сеятели делают, такой товар надо придержать... За благополучие Земли-прародины, император!

Пока я переваривал тот факт, что синтезаторы пищи — секрет Полишинеля, Дьини продолжал разливать вино. Мы выпили за Сеятелей, за Десантный Корпус, за Вечного Пастуха Ар-На-Тьина, за процветание императорского дома Тара, за здоровье присутствующих, за прекрасных дам — нам все равно, за что пить, а им приятно.

В голове зашумело, хотя граанские вина не отличаются крепостью. Дьини рассказал о том, в какие сферы он вкладывает капитал и как трудно торговать на планете, где бумажные деньги вошли в обиход тридцать лет назад. Я предложил тосты за победу над фангами, развитие экономики и погибель Отрешенных. Возражений не было.

Ланс предложил тост за великую земную литературу. Дьини поддержал, после чего с грустью признался, что читает лишь на стандарте и родственном ему китайском, а

русский и английский еще учит. Потом он принес фаянсовый сосуд с ликером из плодов чамо. Мы попробовали, и я сострил (понял лишь Ланс), что слово «чамо» недаром является фонетической анаграммой одного русского слова. Дьини согласился, что ликер слабоват, после чего на низеньком журнальном столике появился восьмидесятиградусный «Дикий дракон». Рекомендацию на этикетке — пить в горящем виде — мы отвергли, после чего я предложил выпить за клэнийцев, их обряды и стоградусный спирт. Зрение слегка расфокусировалось. Дьини изыскал в дебрях своей квартиры-склада закуску: мелко нарезанные огурцы и посыпанный черным перцем рис. Знакомство неумолимо приближалось к моменту, когда можно будет говорить о делах.

За окном начал моросить дождик. Мы выпили за праздник Солнца, и я заставил Дьини пообещать, что русский он выучит раньше, чем английский. Затем рассказал о блоке НАТО и Варшавском Договоре, вызвав взрыв смеха у Дьини и Ланса. С противостояния двух древних группировок разговор легко и естественно перешел на Землю и Фанг.

Через пять минут Дьини поклялся, что завтра в девять утра мы будем на приеме у президента. Через десять — что ничего реального великий пастух сделать не сможет. Через пятнадцать — что все торговцы и промышленники Ар-На-Тьина, включая скотоводов и мясников, помочь в подготовке планеты к войне тоже не смогут.

Через полчаса я убедился, что Дьини не рискнет объяснить, кто же обладает реальной властью на Ар-На-Тьине.

Откинувшись на мягкие диванные подушки, я уныло изучал полку с книгами об аристократии, занимавшую почетное место над журнальным столиком. Названия плыли перед глазами. «Графиня де...», «Когда король...», «Граф Мон...»

Похоже, придется действовать в обход властей. Раздавать народу оружие. Подкупать полицию. Проводить беседы с офицерами — армия должна быть готова к войне.

Интересно, а что посоветовала бы мне сейчас «Книга Гор» — то есть мое подсознание?

«Книга Гор» у Дьини была. На китайском, русском и английском — если они отличались друг от друга чем-либо, кроме надписи на переплете. Взяв из рук Дьини знакомый томик, я раскрыл его посередине, наугад. На мгновение заболели глаза, появилось ощущение, что я смотрю на страницу, где напечатано лишь несколько строчек, а все остальное пространство занято какими-то сказочными рунами. Затем текст приобрел нормальный вид.

Человек, бросивший вызов судьбе, — любимое зрелище богов. Ну-ну. Банальная истина, зато к месту... *Но наступает день, когда боги устают смотреть. Даже всесильному хочется помериться силой. И страшно, когда нет замка́, к которому не подходит ключ, исчезли вопросы, для которых нет ответов. Сила существует лишь в противоборстве, абсолютная мощь неотличима от бессилия.*

По спине пробежал озноб. «Книга Гор» больше не потчевала меня цитатами из любимых книг и замшелыми мудростями. Она — то есть я — пыталась сказать что-то, еще не понятое, но уже переползающее грань подсознания.

В этом мире счастливы лишь сумасшедшие, — сказал писатель устами спустившегося на Землю бога. Интересно, зачем он спустился на Землю?

— Не помню, — вслух сказал я. Ланс удивленно посмотрел на меня.

Мы забываем свои исполнившиеся желания, но чтобы желать — надо стать слабым, чтобы чувствовать — закрыть глаза и уши. Лишь в сказке наказанием за исполнившиеся желания бывает потеря воспоминаний. В жизни — наградой за потерю памяти служат желания. Скажи, прочитав книгу, ставшую тебе другом, ты не мечтал порой забыть ее — и прочитать заново? Тебе не приходилось водить друзей в кино на фильм, который уже видел, — и наслаждаться их восторгом? Ты ценил то, что давалось легко — или то, что достигалось трудом?

Жажда сильнее в пустыне.

Сила наполнена слабостью. И ее имя — равнодушие.

Лишь слабому интересна борьба.

Я отложил книгу. Не понять. Невозможно разобраться в том, что понимать не хочется. А «Дикий дракон» вообще не способствует мыслительным процессам. Но не исключено, что лишь расслабленные алкоголем мозги решились на осознание истины.

И почему-то я знал: от того, смогу ли я поверить в то, о чем уже догадываюсь, зависит моя жизнь... Может быть, не только моя.

Шторы в дверном проеме предостерегающе зашуршали, пропуская в комнату здоровенного парня в тускло-сером костюме. Окинув нас быстрым мутноватым взглядом, он остановился на Дьини и вяло протянул ему руку:

— Привет...

Судя по всему, парень был навеселе. Дьини оживился:

— Привет, Риш. Откуда?

— От Хромого... Ностальгировали... — Парень рухнул на ближайший стул. Ланс иронически усмехнулся.

Что-то не так.

— Скучаете? — дружелюбно поинтересовался Риш. — Может, в картишки перекинемся?

Дьини молча отошел и вернулся с колодой. Масти были незнакомые, картинок не меньше семи-восьми: рядовой, сержант, пилот, лорд, принц, император, Сеятель... Я повертел лакированные картонки, опустил их обратно на стол.

Хмель сходил с меня на глазах. Я уже замечал неуверенность в движениях Ланса и то, что Дьини помалкивает, не подливая нам «Дракона».

— Будете играть? — повторил Риш. — В азю умеете?

Ланс покачал головой:

— Эт-то просто. — Риш начал раскладывать карты по три штуки. — Самая модная игра...

Он говорил на стандарте явно не потому, что признал в нас инопланетников. Просто это было модным, как французский у современников Пушкина.

— Значит, так... Берем карты...

— У нас эта игра называлась ази, — сказал я. — Ланс, помнишь, я учил вас с Редраком?

Ланс кивнул, еще не понимая, что происходит. Я взял со столика видеофон, резко спросил:

— Как соединиться с Хромым? Живо!

— Шестьсот три... — начал Риш. И замолчал, изучающе оглядывая нас с Лансом. Укоризненно сказал:

— Хромой сам решает, с кем ему говорить...

— Как страшно. Наш осторожный друг стал крупным мафиози! — заключил я и насмешливо спросил:

— Ностальгировать — пить коктейль «Ностальгия». Так ведь, Риш?

Тот кивнул. Дьини заерзал и вполголоса сказал:

— Риш, это император Тара...

Риш захохотал, откидываясь на стуле. Под распахнувшимися полами пиджака блеснула рукоять бластера.

— А я... я великий и вечный... пастух... Ну, Дьини...

— Номер видеофона, — напомнил Ланс.

— Шестьсот тринадцать-семь-девять, — вдруг выпалил Дьини. Я с любопытством посмотрел на него. Он действительно был хорошим торговцем — и сейчас сделал рискованное вложение капитала.

— Откуда ты знаешь? — угрожающе спросил Риш. По-

хоже, он готов был потянуться за оружием. Но я уже набирал номер. На экране возникло симпатичное личико.

— Мне Хромого, крошка, — развязно потребовал я.

Последовала минута молчания.

— Память хорошая? — Тон я менять не собирался. Девица кивнула. — Скажи Хромому: «Редрак, ты засветил карты».

Последнюю фразу я произнес по-русски. Девушка исчезла с экрана.

— Если это пьяная шутка... — начал Риш. Но на экране видеофона уже появилось полусонное лицо его начальника.

— Привет, Редрак, — с облегчением сказал я. До этой секунды я вовсе не был уверен в правильности своей догадки. — Далеко же ты забрался, пилот.

— Меня всегда тянуло к отсталым мирам, — сказал Редрак. — Ты же помнишь, Сергей...

Я помнил. Но не удержался от замечания:

— На них ты обычно и влипал в неприятности.

Редрак кивнул. Мы стояли на плоской крыше его дома — огромного, приземистого, первый этаж которого занимали казино, ресторан и, похоже, небольшой бордель. На втором этаже располагались апартаменты Редрака-Хромого — главы преступного мира Ар-На-Тьина.

— Да, влипал... Но и зарабатывал неплохо. Помнишь, ты рассказывал мне о земных гангстерах, мафии, игорном бизнесе? Издевался, если уж начистоту...

Я улыбнулся. Да, издевался, представляя земных преступников типа Аль-Капоне разве что не магами и волшебниками.

— Поначалу я не принимал всерьез земной опыт. Но когда узнал, — в голосе Редрака появилась почтительная нотка, — что Земля — планета Сеятелей, то понял: так и надо действовать. Нашел этот мир... честно говоря, специально искал поближе к Тару. Помог им выбраться из экономической депрессии, стал уважаемым человеком. И начал создавать свое Монте-Карло. Местные законы поощряют азартные игры, не обкладывают налогами выигрыши.

— Не очень-то похож твой сарай на Монте-Карло, — честно сказал я.

— Конечно. Это для личного пользования, для местных игроков, для обучения специалистов. Но тридцать процентов игорных заведений Схедмона, сорок два — Шуура... и еще кое-где понемногу, принадлежат мне. А здесь игра идет по-крупному, Сергей. На минус седьмом этаже расположен генератор туннельного гиперполя. Игроки прибывают сюда напрямую, без всяких кораблей.

— Ого...

Редрак довольно улыбнулся и повторил:

— Игра идет по-крупному. В этом «сарае» трижды проигрывали целые планеты... неплохие причем.

— И сколько планет принадлежит тебе?

— Тех, что я выиграл, или тех, что купил?

Я засмеялся:

— Редрак, ты меня все больше поражаешь. И самое странное, что я не могу на тебя сердиться... Сколько у тебя планет?

— Восемь, — серьезно ответил бывший пилот «Терры».

— Включая Ар-На-Тьин?

— Да разве это планета... Твое здоровье, император.

Мы выпили еще по глотку глинтвейна из огромных металлических чаш. Стоять под серым небом, на пронизывающем ветру, и пить горячее вино с пряностями было полузабытым удовольствием моей юности.

— Наркотиками тоже торгуешь? — поинтересовался я.

— Только для клиентов казино... И не такими, как синяя пыль или шлак.

Я подумал секунду и поднял чашу.

— Твое здоровье, Редрак.

Начал накрапывать дождь. Над нами с едва слышным шелестом развернулось полотнище силового зонта.

— Имея деньги, можно жить с комфортом в самом отсталом мире. Но не наоборот, — глубокомысленно заметил Редрак.

— В этом мире скоро будет очень жарко, — сказал я сухо.

Редрак покосился на меня:

— Сергей, а ты уверен? Для фангов эта планета не может представлять интереса.

— Стратегическое положение... — начал я.

Редрак с трудом подавил смех.

— Капитан, это же не драка на мечах. Какое стратегическое положение в пятимерном пространстве? Если бы на Ар-На-Тьине была военная база с флотом, устройствами гиперперехвата... А так...

Я промолчал — содержатель казино для высокопоставленных особ разбирался в военном деле не хуже меня. Казино для высокопоставленных... Сердце вдруг зачастило.

— Редрак, — почему-то я перешел на шепот. — Кто развлекается в твоем гадюшнике... сейчас?

— Я не могу назвать имен, — обиженно ответил Редрак.

— Назови должности, пилот! И подумай полминуты!

— Вице-президент Схе... одной планеты. Начальник

штаба... федерации планет. Шеф-координатор галактического союза промышленников. — Редрак стал говорить медленнее. Похоже, понял. — Полковник Ма... одной из бригад проекта «Сеятели».

— Даже так? — растерянно спросил я.

— Земляне тоже люди... и любят азарт... — пробормотал Редрак.

— Теперь ты понял?

— Но... расположение казино на Ар-На-Тьине — тайна! Никто из посетителей не выходил из этого здания.

— Предательство ты исключаешь?

Редрак молчал.

— Или — абсолютное знание?

— Что это?

— Отрешенные, Редрак. Сказка твоего детства. Такая же, как сказка о Сеятелях.

— Это невозможно, капитан, — прошептал Редрак. — Даже если фанги узнали... Для блокады гипертуннеля нужно иметь два десятка кораблей-гиперперехватчиков. Слабоориентированный вектор...

— Редрак, я разбираюсь в теории гиперпространства не лучше, чем в балете! Но уверяю тебя — у фангов есть эти два десятка перехватчиков! Если они захватят в плен или уничтожат верхушку самых развитых планет галактики — мы обречены! Счет в этой войне пойдет на часы. Готовить смену будет некогда.

Редрак молча смотрел на меня. Он не слишком изменился — лишь лицо стало суше, тоскливее.

— Что ты предлагаешь?

— Отправляй своих клиентов по домам. Предупреди их об угрозе скорого нападения фангов. Пусть вышлют несколько кораблей... каждый по нескольку кораблей, на охрану Ар-На-Тьина.

Резким движением Редрак швырнул чашу с вином сквозь туманный щит силового поля. С недовольным взвизгом энергетический зонт пропустил сквозь себя кусок металла и пол-литра жидкости.

— Нет, Сергей.

— Что?

Я растерялся. Может быть, потому, что Редрак, связанный гипнокодированием, никогда не возражал мне. Даже когда я снял приказ... Редрак подчинялся, придавленный немыслимым фактом: я — Сеятель, владыка Храмов и оживший бог.

— Сергей, я не могу выгнать посетителей. Это... вредно для бизнеса. Ущерб репутации. Тем более — сказать, где

находится «Золотое казино». Психологический фактор, сам понимаешь...

Да, я понимал. И вынужден был настаивать на своем — потому что знал.

— Редрак, ты сошел с ума. Фанги готовят нападение на твою планету. Мне плевать, что мафия правит целым миром. Но если она при этом не хочет защитить его...

— Сергей, я не могу разрушить свой бизнес. Жизнь — игра. И у меня на руках козыри.

Я покачал головой:

— Нет, Редрак. Козыри — у меня. Если не можешь плюнуть на свой бизнес... Что ж, корабли Тара помогут тебе понять ситуацию.

Мы стояли друг против друга. Друзья — и враги. Видевшие в лицо смерть — и способные обрушить ее на друга. Один из нас был повелителем, другой — рабом.

На лице Редрака мелькнула печаль.

— Сергей... Капитан, Сеятель, лорд, друг мой!

Я почувствовал, что меня бьет дрожь.

— Сергей... Да неужели ты не понимаешь? Нет у тебя власти над кораблями Тара! И над союзными планетами — нет! Твоя власть — традиция! Строчки в древних книгах, детские сказки, шествия фанатиков! Мирами правят деньги, потому что они — сила! Терри позволили вернуться на престол — потому что это лишняя приманка для туристов: единственная королевская семья в галактике... Но если ты прикажешь кораблям атаковать Ар-На-Тьин — и меня, начальники штабов вспомнят, кто владеет Таром.

Я молчал. Рабом оказался я. Редрак — хозяином.

— Сергей, я не хотел говорить этого... В число *моих* планет входит и Тар. Пока принцесса... императрица Терри гоняет корабли на поиски своего мужа — это терпят. Но когда она прикажет штурмовать Ар-На-Тьин — истина откроется.

Я молчал.

— Сергей... Этот мир — мой. Я прикажу мобилизовать все силы, привести в готовность войска. Тебе будет подчиняться вся армия Ар-На-Тьина. Но пойми — правишь не ты. Повелевает сила. Ее не разрубить мечом, даже атомарным. Защищай Ар-На-Тьин, Землю и Тар. Сражайся — ты умеешь и любишь это делать. Только помни — правит сила, а не император Тара!

Я повернулся и пошел прочь от хозяина Ар-На-Тьина, бывшего пирата и пилота Редрака.

— Сергей, ты не прав! Я помогу тебе, но пойми...

Сплюнув, я шагнул в провал гравитационного лифта.

3. Синяя пыль

— Терри, я люблю тебя, — сказал я.

Экран подернулся рябью — где-то рядом с лучом связи прошел корабль: земной, тарийский, фанговский... Какая разница.

— Сергей, ты уверен, что на Ар-На-Тьине все в порядке?

Терри смотрела недоверчиво и встревоженно. Мы слишком хорошо понимали друг друга.

— Терри, все хорошо. Этой планетой правит Редрак, он мой друг. Я забрал у местного Храма все корабли.

...Их всего три — Храм не приспособлен для обороны планеты.

— Крейсер и патрульные катера Тара, местные вояки. Все нормально, Терри.

— Я могу приказать военному штабу Тара. Они против, но еще три-четыре крейсера и...

— Не надо, Терри. Все и так нормально. Прошу тебя, не волнуйся. Все хорошо.

Она кивнула — неуверенно, словно против воли. Девушка, которую я когда-то умел любить, Терри Тар, императрица.

— Терри, все хорошо... Конец связи. У меня много дел. Люблю тебя...

Экран погас.

— Ты врал, Сергей? — с усилием спросил Ланс.

— Конечно. Я не умею любить.

Я встал с мягкого кресла. Посмотрел Лансу в глаза.

— Ничего, мир стоит не только на дружбе и любви, понимаешь? Есть еще дело, которое нужно делать.

— Его еще легче отнять, чем друзей.

— Нет, Ланс, смысл жизни можно отнять лишь вместе с жизнью. Поверь.

— Я верю тебе, капитан.

Секунду я думал. Только секунду. Потом крикнул:

— Катер! Немедленно!

Серая мгла. Холод. Бесплотные тени. И кресло катера, созданного кораблем Сеятелей по моему приказу.

— Вперед, — выдохнул я. — Две звуковых, три...

Черный шар гравикомпенсатора недовольно съежился. Обтекаемый силуэт корабля исчез. Под катером стлалась голая степь.

— Еще быстрее, — прошептал я. — Еще...

«Взлет с планеты?» — поинтересовался катер.

— Нет. Максимальная скорость над поверхностью...

«Мы убегаем?»

— От меня самого.

«Тогда нам не убежать».

Я рассмеялся.

— Ты разумен?

«Ограниченно. Я отражение твоего разума».

— Тогда не убежать... Быстрее!

Зелено-серая степь — бесконечная лента под несущимся катером. Желтое небо в разрывах свинцовых туч.

— Ты знаешь, в каком дерьме я сижу, катер?

«Знаю».

— У тебя есть совет?

Пауза. Серо-зелено-голубое под катером... На этой планете вода не редкость, иначе Ар-На-Тьин не стал бы экспортером продовольствия.

«Живи. Борись».

— Ты воруешь ответы из моих мыслей.

«Значит, ты еще борешься и живешь».

Я кивнул и прикрыл веки.

— Лети. Пока можно — лети.

Серо-зелено-голубое. Расширяющийся гравикомпенсатор.

Я в ловушке — своей мечты и своих поступков. Я не умею любить и дружить. Я вынужден сражаться — повинуясь замыслам Отрешенных. Интересно, будет ли моя смерть предусмотрена ими? Стоит лишь отдать приказ катеру... Он ограниченно разумен, но если мое желание умереть истинно, он отключит защиту и вонзится в плодородную почву Ар-На-Тьина...

Шар гравикомпенсатора сжался. Но инерция оказалась сильней — меня бросило, тряхнуло в заботливых объятиях кресла.

— Что случилось? — прохрипел я. Из прокушенной губы сочилась кровь.

«Впереди люди, — спокойно доложил катер. — Продолжаем движение или меняем высоту?»

Он готов пролететь сквозь живых людей — умная машина, творение Сеятелей...

— Посадка, — скомандовал я. — Садись и открой люк.

Трава оказалась фиолетовой. Я утонул в ней по грудь — в мягких пушистых метелках, крошечных синеватых соцветиях, в сухой ломкой соломе, доходящей до колен. Щедрый мир... обреченный мир.

Сизая капля катера застыла за спиной — растопыренные стабилизаторы, открытые решетки двигателей. Похлопав по горячему боку, я пошел сквозь травяное море.

Это было плоскогорье: слева и справа вставали горные цепи, а впереди, метрах в двухстах, трава редела, обнажая красноватый склон, обрывающийся в пропасть. Вдали, на самой линии горизонта, темнели крошечные постройки.

— Что за город я вижу? — поинтересовался я у блестящей пылинки датчика, приклеившейся к воротнику комбинезона.

«Это не город, — прошелестело в голове. — Хейорз — мясоперерабатывающий центр с прилегающим космопортом грузовых сообщений и поселками рабочих».

— Ясно. А где люди... из-за которых ты остановился?

«Впереди».

Я продолжал идти. Небо застилали серые тучи, но дождя, слава Сеятелям, не было. Пейзаж и без того выглядел более чем мрачно. Густое, колышущееся под легким ветром темно-фиолетовое море — и свинцовая крышка вместо неба. Как ни странно, света было достаточно — Ар-На-Тьин раза в полтора ярче Солнца Земли.

— Вперед, сквозь альпийские луга Ар-На-Тьина! — заорал я. — К неведомым людям... К цивилизации и мясокомбинату, что на данной планете едино!

«Не понял».

— Ну и хорошо.

Мне вдруг стало легко. Так бывает, когда сделано все, что только в твоих силах, — а остальное вообще не в силах человеческих. Можно улыбаться, направляя горящий самолет на вражеские танки. Можно командовать собственным расстрелом. Можно привить себе неизлечимую болезнь и аккуратно записывать в дневник, как холодеют пальцы.

Я сделал все, что мог.

Я потерял больше, чем может потерять человек. Любовь и друзья — что остается? Работа?

Моя профессия — убивать. Можно говорить красивые слова: я дрался за свою любовь и свою планету... Не важно. Нельзя убивать ради жизни — а я убивал. Я шел против. Кто бы ни стоял на пути — я шел напролом.

Иначе — не умею.

Я смеялся, ломая переплетенные стебли фиолетовой травы. Терпко пахнущая пыльца осыпáла меня синими брызгами — пьянящей пылью...

Редрак! Скотина! «Синяя пыль» — наркотик с планеты Фаа. Откуда на Ар-На-Тьине — планете, где у растений зеленый хлорофилл, — фиолетовые травы Фаа?..

Я рванул капюшон, закрывая им голову. Недовольно заурчал компрессор, обдувая лицо профильтрованным воздухом. Под лопаткой и на сгибе локтя, под ключицей и на жи-

воте закололо — включились автоинъекторы... Конечно, если я действительно нажал на сенсор медицинского режима комбинезона. Если я иду по плантации Травы Счастья с Фаа, понятия сна и реальности давно уже смешались для меня.

— Редрак... — прошептал я. — Одуревший мафиози... Хромой придурок...

«Связь?» — осведомился катер.

— Да! Связь с человеком по имени Редрак — номер видеофона в моем сознании. Передай слова: «Редрак, ты расплатишься за ложь».

«Исполняю».

Это могло быть явью — и галлюцинацией. Если уж я забрел на поле «синей пыли», ни один врач не поручится за мое душевное здоровье.

Когда не можешь проснуться — лучше всего действовать как наяву. Я шел сквозь фиолетовые джунгли, бездумно улыбаясь, временами доставая атомарник и скашивая перед собой особенно густую траву.

Плантация кончилась. Я остановился, жадно глотая холодный воздух, бьющий из фильтров комбинезона. Вложил в ножны меч, с трудом припомнив, что вначале надо включить режим заточки.

На краю обрыва фиолетовая трава оказалась низкой — по щиколотку. Может, ей не хватало воды или каких-нибудь микроэлементов...

Вдоль обрыва тянулась длинная ровная площадка, едва тронутая фиолетовой гадостью. По ней, азартно перекрикиваясь, толкая и пихая друг друга, носились десятка два подростков. Черно-белый футбольный мяч мелькал между ними.

Вот они — мои глюки. Вытянув из ножен меч, я скосил две охапки наркотической травы. Бросил их на землю, устраивая подобие постели. И растянулся среди фиолетового моря под свинцовым небом.

Глюки. На планете Ар-На-Тьин не играют в футбол. Передо мной либо сборщики пыльцы, либо вообще никого. Что еще за мальчишки-футболисты в тысяче километров от городов, в сотне километров от поселка Хейорз...

Их действительно хватило бы на две команды, да еще несколько сидели в траве, наблюдая за игрой. Один из мальчишек повернулся, махнул мне рукой.

Галлюцинации. Жители Ар-На-Тьина, тем более дети, не столь избалованы зрелищем космических катеров, чтобы не обращать на них внимания... Но этот мальчишка был мне чем-то знаком.

«Экстренная связь», — пискнул бесплотный голос. И в

то же мгновение, отметая все сомнения и нелепости, из наушников зазвучал голос Ланса:

— Сергей, ответь... Сергей, ответь...

— Я слушаю.

Вставать не хотелось. Что бы ни говорил Ланс, что бы ни происходило — какое значение это имеет для меня, заблудившегося в «земляничных полянах» Ар-На-Тьина? Земляничные поляны и Люси́ в небе с алмазами... У меня отняли любовь — оставьте хотя бы мои сны!

— Сергей, над планетой крейсер фангов... Он вышел из гиперпространства три минуты назад, уничтожил патрульный катер и лег на боевой курс. Сергей! Наш крейсер и храмовый корабль с Эрнадо идут на перехват, сближение через полторы минуты... Ты слышишь?

— Да.

Подростки на краю обрыва перестали гонять мяч. Самый старший, лет семнадцати-восемнадцати, сильным ударом отправил его за край пропасти. Черно-белый шар скользнул на фоне серого неба, отправляясь в долгий путь к земле.

Черно-белый мяч. Храм — зеркально-черный шар. Падение — как символ катастрофы. Подростки — как хронаколонисты... или мои друзья? Это бред. И голос Ланса — бред... наверное.

— Сергей, данные Храма... На крейсере нет кварковых боезарядов. Ты слышишь? Сергей?

— Да. Им не нужно облако пыли, Ланс. Они будут захватывать планету.

— Где ты находишься? Корабль отказывается дать ориентиры!

— Не важно. — Я встал, наблюдая за ребятами над обрывом. Они собрались вместе — словно разговаривали о чем-то.

Вот только я знал — они молчат.

— Сергей, фанги дали залп... Ракеты по целям Риом, Хейорз, Шей... Корабли Ар-На-Тьина легли на перехват. Где ты?

— В полусотне километров от Хейорза. — Я отцепил перевязь с мечом, поднял лицо к серому небу. Из туч должен идти дождь — иначе они нелепы. Солдат должен сражаться — иначе он не нужен.

Я не буду сражаться, мои хозяева и дирижеры. Этой войны не выиграть мечом, пусть даже плоскостным.

— Сергей, ты в катере? Включи защиту! На ракетах фангов тепловые боеголовки, ты слышишь? Тепловые заряды, абсолютное поражение до ста километров! Ты в катере? Что с тобой, капитан? Даю отсчет...

Я побежал. Прочь от катера, от силовой брони, от тем-

поральной защиты, от гиперпространственной скорлупы. От всего, что готово было защитить меня — Сеятеля, владыку мира, центр Вселенной. Пусть Редрак иронизирует над моей властью — сейчас я разделяю судьбу с подданными его планеты.

Даже во сне надо поступать как наяву.

Я бежал сквозь низкую фиолетовую траву — и контейнер с блоком защиты мягко хлопал по бедру. Пацаны стояли вдоль обрыва — неровная, чего-то ожидающая цепочка. В наушниках, перекрывая скороговорку Ланса, шипели механические голоса:

— Восемь... нги обороняются, подходят кораб... семь... Ар-На-Тьина, слышишь?.. Шесть... ты в катере? На пере... Пять... не успевают, раке... Четыре... не остановить, вклю... Три...

Я не успевал. И не накрыть силовым полем индивидуального защитного блока два с лишним десятка человек. Может быть — одного, двух, если обхватить, прижать к себе.

— Два...

Время растянулось, секунды превратились в минуты, но все равно я не мог успеть. А мальчишки стояли, глядя на обреченный город, — словно знали, что он обречен, словно им было наплевать на тепловую «броуновскую» бомбу, использующую эффект спонтанного усиления молекулярного движения и превращающую мир вокруг себя в раскаленный пар...

— Один...

Он смотрел на меня — мальчишка, стоящий ближе всех, тот, кто махал рукой, смутно знакомый, темноволосый и темноглазый, лет двенадцати, не старше... Я прыгнул, пытаясь преодолеть оставшиеся метры.

— Нуль.

Блок защиты взвыл, улавливая то, что было еще недоступно человеческим чувствам. Меня качнуло, отбрасывая назад.

Галлюцинации. Отбросить должно было пацана, оказавшегося на пути силового поля. Прости, я не успел...

Едва заметная голубая пленка мерцала между нами — граница жизни и смерти. Мальчишка улыбался. И я наконец-то узнал его — умершего сто лет назад, исчезнувшего в потоке времени своего маленького друга... Странно, я продолжал думать о нем как о друге. Может быть, потому, что знал — нам уже никогда не встретиться.

Над Хейорзом поднималось белое сияние. Плавно вздымающаяся полусфера, зона чистого тепла. Соприкасаясь с ней, таяли тучи, обнажая лимонно-желтое небо. Белый солнечный диск тонул в сиянии теплового взрыва.

Трава склонилась, прибитая горячим ветром. Я видел, как треплются на мальчишках разноцветные одежды, как скручиваются от жара волосы. Мальчишка, бывший моим другом, смотрел на меня — и лицо его искажалось болью. Вот только страха не было в лице...

На мгновение мир словно застыл, оцепенел на неуловимой грани жизни и смерти. Я увидел всё — не своими глазами и не чужим зрением, а чем-то пугающим и манящим... Сверхчувством Отрешенных.

Мир обезумевших молекул, мир выплескивающейся энергии... Я знал уравнения спонтанного тепловыделения — военную тайну Земли и Фанга, знал так же, как устройство атомарного лезвия или шестимерную структуру космоса.

Выше по информационной структуре — ниже по степени контроля. Я стоял на обжигающем ветру, чувствуя, как закипает кровь в венах, как ссыхается в черепе мозг. Наслаждение болью — знакомое, древнее, вечное наслаждение. Наслаждение красотой — такое же знакомое и прекрасное. Желтое небо над фиолетовой травой, охваченной прозрачным оранжевым пламенем. Осыпающиеся вниз камни. Запах горящей одежды. Беспомощный человек в хрупкой пленке силового поля, парализованный отблеском моих эмоций. Однажды я уже спасал его, усиливая защитное поле, — там, на Сомате. И теперь приходится делать то же самое. Он еще не прошел свой путь. Еще нужен... Но мысли бледнеют, гаснут. Разрушение биоструктуры и переход в абсолютную форму...

...Чужие ощущения схлынули как волна. Я стоял, глядя, как полыхает одежда на мальчишке, который был моим другом... точнее, на его копии... его прототипе. И единственное, что я успел подумать, прежде чем очередная оболочка Отрешенного рассыпалась в прах, прежде чем его сверхразум исчез из точки пространства Ар-На-Тьин, — «будь ты проклят».

А потом облако черного пепла скрыло небо и сияние на месте Хейорза. Жар исчез — и неминуемой расплатой за мгновения огненной бури навалился холод. Неподвижные молекулы всасывали энергию из пространства, и я еще помнил формулы этого процесса — отголосками сверхсознания Отрешенных.

— Катер... — прошептал я в холодную черную метель. Лицо и пальцы обрастали коркой льда — щит-генератор то ли истощился, то ли не приспособлен был для защиты от молекулярного холода. — Катер... Возьми меня... Курс на Арнатьи... К Лансу, в штаб...

Я бормотал это и уже очутившись в кресле, под потока-

ми горячего воздуха. Лед таял, обращаясь в грязную воду. Но где-то в глубине сердца остался островок холода — и никакие усилия катера не могли его растопить.

4. На острие иглы

Корабль Сеятелей был превращен в штаб — он оставался самым надежным укрытием на Ар-На-Тьине. Весь его внутренний объем сейчас был реализован в просторном круглом зале, разделенном стеклянными перегородками. За одной из них сидели перед терминалами офицеры Ар-На-Тьина. Местное оборудование выглядело нелепо внутри корабля — но поставить его было проще, чем переучивать людей для работы с мыслеуправлением.

— Наш крейсер поврежден,— хмуро рассказывал Ланс.— Идут ремонтные работы... Крейсер фангов уничтожен полностью.

Я отпил из чашки — горячий кофе скользнул по пищеводу и провалился в ледяную пустыню. Если бы мне сказали, что внутри меня идет снег, я бы не удивился.

— Пленные есть?

— Нет. Крейсер захватили катера Ар-На-Тьина... Здесь не так уж много городов, в Хейорзе и Риоме у всех были друзья, родные. Ракету, идущую на Шей, удалось перехватить, там жертвы минимальны.

Я кивнул и допил кофе.

— Где твой меч? — поинтересовался Ланс.

— Там же, где Хейорз. Спасибо, Ланс. Ты хорошо поработал, пока я решал ребусы.

— Ты о чем?

— Ерунда, Ланс. Я едва не познакомился с Отрешенными.

Расспросить меня Ланс не успел.

«Капитан, у корабля посетитель. Редрак, известный под именем...»

— Впусти.

В стене протаяло отверстие, и перед нами появился Редрак. Уже не в костюме, а в боевом комбинезоне старой модели, вроде тех, что мы использовали на «Терре». Я усмехнулся, Ланс приветливо кивнул — он был не в курсе моей беседы с бывшим пилотом.

Редрак молчал, разглядывая нас.

— Как дела? — спросил я. — Удалось выиграть еще одну планету — вместо этого жалкого мирка? Ар-На-Тьин долго не протянет.

— Ты был прав, — тихо сказал Редрак.

— Картинки видал? — продолжал допытываться я. — Хейорз... ну да бог с ним, с мясокомбинатом. Риом куда интереснее — большой город, полтора миллиона жителей... Запись!

В воздухе перед нами возник экран — словно открылось окно в потусторонний мир. Пылающая равнина, стеклянно отблескивающая в лучах солнца. Море огня, закованное в ледяные берега. Серый пепел, застилающий желтое небо.

— Море стекла и огня, Редрак, — зло сказал я. — Репетиция будущих Апокалипсисов. Нравится?

— В Риоме жила моя... — Редрак запнулся, — женщина. Я наказан, Сергей. Я не поверил — и наказан.

— Зачем ты здесь?

— Повиноваться.

Я покачал головой. Подошел к Редраку — светящийся экран погас при моем приближении. Спросил:

— Слушай, ты специально так поступаешь? Усложняешь ситуацию, потом сам же расхлебываешь.

— Я хотел оказаться... — Редрак на мгновение прикрыл глаза, через силу выдохнул, — ...сильнее тебя. Выше тебя, лорд. Хотел доказать — мы не ниже Сеятелей. Мы хронополонисты — так нас называют земляне. Гомункулусы, марионетки. Но — люди.

Он говорил по-русски — я даже не заметил, когда Редрак перешел на него со стандарта.

— Разве я когда-нибудь говорил, что Сеятели выше своих потомков? — делая ударение на последнем слове, спросил я.

Редрак молчал.

— Отвечай своему императору! — выкрикнул Ланс.

Редрак вздрогнул и бесцветно повторил:

— Я виноват. Ты был прав. Я наказан.

Повинуясь моему желанию, в воздухе материализовались кресла. Свет померк, стеклянные перегородки утратили прозрачность.

— Редрак, не знаю, что теперь делать, — устало сказал я. — Если бы ты выставил своих клиентов, фангам досталась бы пустышка вместо планеты. Ар-На-Тьин без собравшихся на нем заложников ничего не стоит. Теперь же... Ты проверял гипертуннель?

— Наводка неустойчива, — еле слышно ответил Редрак. — Гипертуннель перехватывается... на всех векторах...

— Наведи канал на Рантори-Ра, — приказал я. — И отправь по гипертуннелю мезонную бомбу... с секундным замедлением взрыва.

Редрак поднял глаза. Слабо улыбнулся:

— Больше одного раза эта шутка не пройдет, фанги станут определять характер пересылаемого груза. Но одним перехватчиком у них будет меньше.

Редрак кивнул.

— Что еще следует сделать? — спросил я. — Ты же пират... бандит с большой космической дороги. Говори! Раздача оружия населению?

— Проводится.

— Психологическая подготовка: умрем за родину, идет священная битва, фанги жрут новорожденных младенцев...

— Газеты, радио, ти-ви заполнены всем этим, — Редрак пожал плечами. — Жрут младенцев? Хорошо. Пока мои ребята сообщали, что они вампиры, насилуют человеческих женщин...

— Кастрируют мужчин, — продолжил я. — Пусть твои проповедники поработают — как в те дни, когда расхваливали игорный бизнес... и производство синей пыли.

Редрак снова опустил голову.

— Армия, — вслух размышлял я. — Раздача наград, денежные премии, сто грамм...

Ланс скептически улыбнулся:

— Сто утром и сто вечером... спирта.

— Уже, — сообщил Ланс.

— Подготовка подполья — нам не удержать планету...

— Ведется, — торопливо, словно стараясь реабилитироваться, сказал Редрак.

— Что еще, Редрак?

— Внешняя помощь. Я связался с руководством... моих планет. Они отправляют корабли.

— Отлично. Будут еще клэнийские... Дома Алер.

— Если мы успеем собрать все силы, планету будет очень непросто взять, — в голосе Редрака появилась легкая надежда. Я кивнул. И спросил:

— А как по-твоему — успеем?

— Первые корабли начнут прибывать через десять-двенадцать часов... только Сеятели успели бы раньше. — Редрак помолчал. — Сомневаюсь, капитан. Фанги атакуют нас через два-три часа — и постараются захватить Ар-На-Тьин до захода солнца. Это еще пять-шесть часов. Когда они захватят планету — их не выкурить.

— Объясни своим клиентам ситуацию. Раздай оружие. Если среди них есть военные — пусть прибудут в штаб. Иди.

Редрак побрел к стене, в которой уже возникло отверстие.

— Постой! Редрак... если я увижу, что планету не удер-

жать, что твои высокопоставленные гости становятся заложниками — я отдам Храму приказ активировать кварковую бомбу.

Он окаменел. Тихо сказал, качая головой:

— Ты не сможешь отдать этот приказ, Сергей.

— Смогу — потому что сам буду на планете. Редрак, нам придется драться насмерть.

Редрак исчез. Я посмотрел на Ланса и сказал:

— У меня нет права отдавать такие приказы. Иначе я бы не сомневался. Если фанги смогут диктовать свою волю правителям самых развитых после Земли миров... Ланс, оставь меня на полчаса. Я хочу отдохнуть.

Ланс кивнул. Но уходить не спешил.

— Сергей, а помощь Сеятелей?

— Какая помощь? Ты же сам работал в этой конторе, Ланс. Сеятелям нужно, чтобы фанги и хроноколонии завязали битву в этом секторе. Земля не поможет.

— Ты говоришь о руководстве, — тихо сказал Ланс. — О Маккорде и тех, кто за ним стоит. А я знаю боевые формирования Сеятелей изнутри. Десантные группы, корабли поддержки...

— Чушь! Военная дисциплина... — начал я. И осекся.

Ведь это было совсем недавно. Меньше десяти лет назад — плевать на абсолютное время, я меряю жизнь лишь своими часами. Горы — красивые до нереальности, до желания скинуть пудовый бронежилет и растянуться под ласковым солнцем... Скинь, попробуй, если надоело жить.

Мы стоим вокруг человека в военной форме, он еще жив. К сожалению, жив. Не дай Бог, врачи спасут ему жизнь — изуродованному, замученному, бесполому отныне парню, которого призвали в армию — мирить два озверелых народа.

Пилот нашего вертолета молча смотрит на лейтенанта. Тот отводит глаза. Нам запрещено воевать. Нас погнали на смерть, на бойню — президенты и премьеры в накрахмаленных рубашках, так любящие демонстрировать свое миролюбие под дулами телекамер.

— Это провокация... — говорит лейтенант. А пилот, словно не слыша, отвечает:

— В трех километрах село.

— Чье? — не выдерживает лейтенант.

— Их или их, — равнодушно отвечает пилот. — Я зайду и дам залп...

— У тебя номер на борту. Увидят...

— Значит, доделаете работу.

Бронежилет больше не давит, и автомат лишь продолже-

ние рук. А приказы... когда их слушали те, кто ходит рядом со смертью?

— Ланс, — обрывая нахлынувшие воспоминания, сказал я. — Свяжись с кем можешь, объясни. Пусть они будут рядом, когда все начнется. Я, наверное, слишком многое забыл.

Ланс кивнул и вышел. Мгновенно, не дожидаясь приказа, свет померк, а из пола выступила низкая широкая кровать.

— Спасибо, — сказал я стенам и лег. — Мне надо отдохнуть... час, не больше, потом всё уберешь.

Я шел сквозь метель. По гладкому как стекло льду нескончаемой равнины. Вдали, на горизонте, плясало багровое пламя. Снежинки в его свете казались черными. А может, такими и были.

— *Ты знаешь, где находишься?*

Голос шел сзади — тихий, странно знакомый голос.

— Знаю, — прошептал я. — Хейорз. Эпицентр теплового взрыва.

— *Не оборачивайся.*

— И не собирался. Я знаю, кто ты. Отрешенный.

Тишина, лишь слабый шелест снега. Куда я иду? Зачем? И как оказался на братской могиле Хейорза?

— Почему мне нельзя оборачиваться?

— *Ответ за ответ.*

— Хорошо. Почему нельзя обернуться?

— *Чтобы ты не увидел моего лица.*

— Вряд ли оно меня удивит. Ты способен принять любой облик.

— *Конечно. Но тебе лучше его не видеть. Теперь мой вопрос. Когда ты понял?*

— Что понял? — Я засмеялся. — Зачем тебе задавать вопросы, Отрешенный? Для тебя нет тайн, не так ли? Ты можешь получить ответ на любой вопрос...

— *Я знаю ответы лишь тогда, когда мне не нужны вопросы...*

Опустившись на колени — на ровный как стекло лед, на плавящееся как лед стекло, я спросил:

— Отрешенный, что это? Сон, галлюцинация, реальность?

— *Тебе так нужен ответ?*

— Да!

— *Это сон. Но не принимай его за бред. Сон лишь иная вероятность жизни. Вероятность вне времени и пространства.*

— И ты можешь в нее вмешиваться.

— *Могу. Для меня существует очень мало возможностей — сон, бред, туннельный гиперпереход. Лишь те мгновения, когда ты не веришь в реальность происходящего. Когда нет ориентиров, когда правда и ложь — как два отражения в зеркале сознания. Когда ты свободен.*

— Я свободен, когда понимаю, что происходит... — Я отнял от лица ладони, пальцы были ледяными. Короткие порывы ветра бросали в меня черную снежную пыль. За спиной бесплотной тенью, неумолимым конвоиром стоял Отрешенный.

— Не рассказывай мне ничего, — сказал я. — Но если я скажу сам — правильно, ты подтвердишь это?

— *Да.*

— Через сотни, тысячи, миллионы лет цивилизация фангов достигнет полного контроля под пространством и временем. Верно?

Тишина. Я засмеялся:

— Точно. Я так и думал. Через сотни и миллионы лет цивилизации людей и фангов достигнут абсолютного могущества. Так?

— *Да.*

— Крайности сходятся, не так ли, Отрешенный? — Я встал, подставляя лицо под холодные пощечины ветра. — Люди, фанги — какая разница, если уже не осталось тел... и планет, на которых живут. Просто разум — всемогущий, всесильный. Нес... тот фанг, с которым я дрался на Клэне, не врал. Вы их потомки. Но и человеческие одновременно.

— *Да.*

— Значит, войны не будет, — сказал я. — Не может быть — иначе мы истребили бы друг друга.

— *Война будет. Погибнут Земля и Фанг. Погибнет большинство населенных планет. Остатки цивилизаций будут отброшены в варварство. Лишь через миллионы лет они вновь встретятся... и найдут возможность для сотрудничества.*

— Значит, она есть, эта возможность?

— *Возможно всё.*

— И мы можем не воевать?

Пауза. И равнодушный голос Отрешенного:

— *В той реальности, где я существую, война была.*

Я скривился:

— Ты не лучше Сеятелей, Отрешенный. Ты так же уверен в неизменности прошлого. И так же стремишься сохранить эту неизменность.

— *Я не стремлюсь, Сергей. Мне все равно. Можно изменить прошлое — тогда войны не будет.*

— И тебя тоже! — с яростью воскликнул я. — Ты сдохнешь, ты не возникнешь вообще!

— *Почему? Я возникну — как результат мирного сотрудничества людей и фангов. Может быть, даже раньше — на несколько миллионов лет раньше...*

Я молчал. Я понял — наконец-то понял, с кем говорю.

— Что тобой движет? — прошептал я. — Что?

— *Скука. Я знаю всё — и могу всё. Для меня нет целей — они осуществляются в момент появления. Для меня нет тайн — я знаю ответ сразу после формулировки вопроса. Для меня нет расстояний и времени — я нахожусь везде и всегда.*

— Мне жалко тебя, Бог, — сказал я. И обернулся к неподвижной фигуре, скрытой бездонной тьмой. — Мне жаль тебя.

— *Теперь ты знаешь,* — сказал Отрешенный.

— Там, на плато у Хейорза — это был Ты, — прошептал я. — Все, кто там был, — Ты. И Данька с Земли — это Ты. И среди моих врагов... выйди на свет!

Я скорее почувствовал, чем увидел, как на губах Отрешенного появилась улыбка.

— *Да будет Свет,* — серьезно сказал он.

Небо взорвалось белым сиянием. Разноцветные тени заплясали в стеклянной равнине. И я увидел лицо Отрешенного.

Лицо Бога.

Миллион лиц. Шоррэй Менхэм, правитель Гиар. Вайш, пэлийский вампир. Данька с Земли. Мой друг Дос из двадцатого века. Бывший сержант императорских войск Эрнадо. Император Тара. Императрица Тара. Пират Редрак Шолтри. Принцесса. Тьер с планеты Клэн. Фанг по имени Нес. И еще миллионы миллионов лиц — которых я не видел никогда, которые просто не успею увидеть, сколько бы мне еще ни прожить. И лицо, всегда смотревшее на меня из-за стекла, с тонкой пленочки амальгамы...

— Мы твои куклы? — Не было ни страха, ни обиды. Лишь легкое отвращение.

— *Нет.*

— Постой, — прошептал я. — Я понял. Тебе нужно то, чего не может дать сила. Тебе нужны азарт борьбы и боль поражения. Радость и тоска. Любовь и дружба. Всё то, чего ты лишен.

— *Да.*

— Жизнь и смерть... Ты лишен всего. Ты жив, лишь пока живы мы. И тебе наплевать на то, как мы живем. Заключенный в концлагере или миллионер на борту своей

яхты — какая разница. Ты пьешь наши эмоции, любишь нашей любовью и ненавидишь нашей ненавистью. Ты лишь фотопленка, ловящая наши улыбки и слезы, зеркало, отражающее чужие свечи. Ты — Бог.

Я хохотал, стоя в холодном сиянии посреди стеклянного моря.

— Бедный Бог! Ты лишь наша тень. Ты можешь всё — но ничего не творишь. Нет у тебя такой потребности. Ты слабее Сеятелей, отважившихся покорить время. Ты слабее меня, пошедшего против судьбы. Зачем ты вообще появляешься перед нами, Бог? Зачем говоришь, зачем принимаешь человеческий облик? Доедай огрызки наших эмоций, грейся в тепле наших чувств. Дремли в своей паутине, Бог!

— *Я могу вмешиваться.*

Мой смех оборвался. Я смотрел на тень, которая была всем и ничем, внезапно осознавая: этот равнодушный Бог, единый и многоликий Отрешенный — тот, кто уже вмешивался в мою судьбу, лишил меня, чего лишен и сам — чувств.

Отрешенный подошел ближе. Его лицо теперь было моим лицом... Плевать. Я сам решу, кто настоящий, а кто отражение.

Нет Бога без человека.

— *Есть миг, Сергей. Его не измеришь твоими единицами времени, но он есть. Когда человек, в сознании которого я живу, гибнет, когда я осознаю себя... Есть миг, когда я уже могу всё, но еще не разучился желать. Тенью человеческих желаний, ты прав. Но я еще могу действовать — пусть через миг и утрачу всякий интерес к происходящему.*

— Значит, когда я лишился любви... — я попробовал улыбнуться.

— *Миг, когда в кварковом распаде погибал пилот гиперперехватчика фангов. Разумный, чье сознание рисовало тебя гением смерти. Безжалостным убийцей, отважным защитником своей планеты. Он восхищался тобой, Сергей. По-своему, конечно. Он видел в тебе очень красивого врага — а это главное для фангов.*

Я оцепенел. Ночные кошмары, бредовые видения. Гениальные прозрения и угрызения совести. Чем вы оплачены? Смертью тех, кто знал нас? Последней мыслью умирающего? Почему тогда убийцы не падали, сраженные волей Бога — послушного Бога, исполняющего волю погибшего? Может быть, потому, что мы все-таки больше любим, чем ненавидим? И последняя мысль — о тех, кто нам дорог, а не о тех, кто ненавистен...

— И кто же оплатил твой визит ко мне, Отрешенный? — спросил я. — Мой враг или друг?

— *Порой враг может подарить больше, чем друг,* — безразлично пробормотал Отрешенный. — *Но... Я пришел волей друга, Рэс-Ор-Мьен. Я пришел волей друга, Близкий-Мне-Мужского-Пола...*

— Тьер! — Я бросился к Отрешенному — к беспомощной кукле, к восковому манекену, вылепленному людьми. — Тьер, девочка...

Это была она — девочка с Клэна. С прежним лицом, но чужими словами. С обугленной раной в груди — раной, с которой не справится даже организм клэнийца...

— *Сергей, Тьер с планеты Клэн уже нет. Она умерла.*

— Тьер!

Я поймал ее руки, зная, что это лишь морок, обман безжалостного Бога. Теплые руки девочки, любившей меня всю жизнь.

— Тьер...

— *Уже нет Тьер. Есть лишь ее последние желания, ее воля. Крейсер «Алер» погиб в сражении с крейсером фангов. Он был слишком поврежден в предыдущих боях. Прости за это Дом Алер. Тьер молила тебя об этом. Крейсер «Алер» не смог прийти тебе на помощь.*

— Прости меня за это, семья, — сказал я, глядя в глаза девочки, которой уже не было. — Прости меня.

— *Тьер ждала этих слов,* — сказала Тьер. — *Она хотела, чтобы ты вернул себе любовь. Она желала этого... верила в это.*

— Спасибо, Тьер...

— *Она хотела, чтобы ты нашел истину. Узнал, кто такие Отрешенные. Победил...*

— Нет, Тьер. Я буду драться сам.

Ее лицо заколебалось — как отражение в бегущей воде. Может быть, на меня теперь смотрели те, кого я еще узнáю. Или же люди, с которыми не встречусь никогда.

— Отрешенный, мне не надо ее дара. Верни жизнь Тьер!

— *Нет.*

— Верни ей жизнь! Ты лишь тень — моя, Тьер, всех людей и фангов, всех разумных во Вселенной. Это так просто — дать жизнь. Отрешенный! Бог!

Я не заметил, как перешел на крик. Но тень с незнакомым лицом, стоящая передо мной, оставалась недвижимой.

— *Ее нет. Ты отказываешься от дара Тьер? От ее веры в тебя? Герой, благороднейший из Сеятелей, друг Клэна...*

— Спасибо за правду об Отрешенных,— прошептал я.—

Спасибо за чувства, которых я был лишен. Но победу я добуду сам, Тьер.

— *Это было ее последней мыслью,* — спокойно сказал Отрешенный. — *Когда «Алер» растворялся в атомном пламени, когда расплавленный металл переборок капал на ее тело...*

— Замолчи, мразь! Она хотела, чтобы победил я! Я сам — а не Бог, равнодушный к людям! — закричал я. — Молчи! Когда я умру — последним желанием будет жизнь тех, кто верил в меня! Исполни его — сейчас!

— *Нет.*

Отрешенный пожал плечами. Он опять был мной — беспомощный Бог, властелин Вселенной...

— *Скажи слово. То, что движет фангами, — то, что остановит войну. Иначе я вновь войду в твой разум.*

Я усмехнулся, глядя в неподвижное лицо:

— Красота.

Отрешенный начал таять — сгусток дыма в сияющем свете.

— Проваливай к дьяволу, — прошептал я. — Бог...

Я стоял посреди стеклянного моря, опоясанного огненными берегами. В ослепительном сиянии опускались с небес темные тени.

— Привет, фанги, — сказал я, глядя вверх. — Как же вы могли быть такими... такими наивными?

5. Пленники красоты

Кровать подбросила меня, сопроводив движение болевым импульсом. От сна не осталось и следа. Сознание было ясным, мысли — спокойными и четкими.

«Корабли цивилизации Фанг над планетой, — сообщил корабль. — Начаты меры противодействия. Вероятностный прогноз — выброс кораблями десантных групп».

Протянув руку к стене, я достал из открывшейся ниши бокал прозрачного сока. Осушил одним глотком, чувствуя на языке неприятный горьковатый привкус. Три группы стимуляторов, обезболивающее, эйфорин, моторные возбудители, тонизирующие вещества, витамины... Бог ведает, что намешано в «боевом коктейле» Сеятелей.

«Станции планетарной обороны и космические силы Тара вступили в бой. На подходе к планете три корабля Десантного Корпуса Земли. В дальнем космосе обнаружен разрушенный клэнийский крейсер, вероятно перехваченный кораблями фангов на...»

— Знаю. — Я прислонился к стене, почувствовал легкий толчок. В разъемы комбинезона вросли энергокабели и шланги трофической системы. Меня готовили к бою.

Стена впереди разошлась, пропуская Ланса. Он открыл было рот, но, увидев, что я уже на ногах, промолчал.

— Это все, что ты можешь? — резко спросил я. Ланс недоуменно и слегка обиженно спросил:

— О чем вы, император?

— Да я не тебе, старик... — беспечно произнёс я. — Не думаю, что корабль истощил все запасы.

Ланс нахмурился. Но у меня не было времени на объяснения. Закрыв глаза, я нащупывал контакт с кораблем. Ответа все не было, словно машина уклонялась от диалога.

Слабое касание — легкое, как птичья тень на плече. Мимолетное, настороженное — машина была... испугана, что ли.

«Корабль!»

«Капитан?»

«Ты ощутил что-то во время моего сна?»

«Информация недостоверна. Информация нулевая».

«Зря так считаешь. Слушай...»

«Прием не производится. В боевой обстановке лишняя информация способна нарушить ход боевых действий».

Он паниковал — электронный мозг корабля. Отчаянно паниковал...

«Производи слияние разумов! Обстановка боевая, я требую совместного мышления!»

Мгла.

Я-корабль, я-человек.

Обстановка: люди внутри меня, корабли врага над планетой. Нет связи с главным штабом. Чуждое проникновение в сознание меня-человека...

...Не хочу!..

...сверхсущества по имени Отрешенный. Информация достоверна.

У меня больше нет эмоций — они погашены. И колебаний нет — информация верна, можно вырабатывать план действий. Очередность: десант фангов, доклад Земле о тайне Отрешенных-Отрешенного.

Главное — фанги. В руки меня-человека попал ключ к загадке их поведения. Если я-человек в автономном режиме погибну, то я-корабль брошу планету и буду пробиваться к Земле. Информация слишком важна, информация может прекратить войну...

Решение: я-человек иду на прямой контакт с фангами, я-корабль жду смерти человека. Скорее всего он погибнет — жаль. Но ничего — когда-нибудь мы встретимся, соединимся

в сверхразуме Отрешенного. Вместе с другими сознаниями, человеческими, фанговскими, машинными, — но встретимся. Мы не уйдем бесследно. А теперь надо прекратить войну — это первоочередное...

Поправка: я-человек требует нового оружия. Возражение: у меня нет оружия, неизвестного мне-человеку. Вопрос меня-человека: Земля под угрозой гибели, это достоверно, нет ли нового оружия?

Блокировка снята. Оружие есть, оно известно мне, а теперь и человеку. Он получит молекулярную броню.

Вопрос меня-человека: все ли получат молекулярную броню?

Ответ меня-корабля: лишь ты, Сеятель... Поправка: броню получит Ланс, он входит в число оперативных сотрудников Сеятелей.

Мгла...

...Я стоял у стены, перед Лансом. Тот пристально смотрел мне в лицо.

— Сергей! Что-то произошло?

Я успел лишь кивнуть. Потолок над нами разошелся, превращаясь в серебристую воронку. Ланс вскинул голову, отступая. Но из воронки уже падали на нас тяжелые серебристые капли, похожие на ртуть или какой-то легкоплавкий металл.

Вот только серебристая жидкость не была ртутью... Тяжелые шлепки по плечам и голове прекратились, едва первые капли молекулярной брони растеклись поверх боевых костюмов. Через несколько мгновений мы стояли друг перед другом, похожие на металлические изваяния.

— Что это? — испуганно спросил Ланс. Его лицо дергалось, но серебристая пленка по-прежнему закрывала рот и ноздри. Впрочем, сам Ланс этого не замечал. Броня снабжала его кислородом, всасывая его через атомарные по́ры по всей площади.

— Это просто оружие, Ланс, — я положил руку ему на плечо. Тонкие металлические пленки звякнули, соприкасаясь, потом, опознав друг друга, разошлись, образовав отверстие. Мои пальцы легли на теплое человеческое плечо.

— Знаешь, со мной все нормально, Ланс. Снова нормально. Передай Терри — я люблю ее. Передай, если я не вернусь.

— Сергей!

Под мутно-белой броневой пленкой глаза Ланса утратили всякое выражение. Но интонацию я узнал.

— Ланс, у меня нет времени. Сдерживайте фангов, оборону планеты я поручаю тебе и Эрнадо. Я пойду в город —

мне надо поговорить с фангами. Если сможете взять хоть одного живым — вызывайте меня. Есть шанс остановить войну. Ты все узнаешь у корабля... и про свой новый костюм тоже.

— Что мне делать?

— Держись, — коротко сказал я, убирая руку. — Нет времени, Ланс.

Затем шагнул к стене. Она задрожала, формируя выход. Словно кусок льда, подставленный под струю крутого кипятка.

— Постой! — донесся вслед возглас Ланса. — Ты связался с Отрешенными?

Не отвечая, я выпрыгнул на грязные плиты посадочного поля. Стена корабля немедленно закрылась — я по-прежнему оставался для него главным. Я присел, помахал руками, привыкая к молекулярной броне. Нормально, серебристая пленка не стесняла движений. Она двигалась синхронно со мной — тонкий футляр для особо ценного груза.

Низко, словно над самой головой, стлались темно-серые облака. Вдали, над башней наземных служб, нервно вращалась антенна локатора.

Наушники комбинезона слабо щелкнули. Но я знал смысл сообщения еще до того, как услышал слова информатора.

Корабли фангов выбросили десант.

Танк грохотал по неровной мостовой, подпрыгивая на рытвинах, как попавшая в шторм лодка. Ланс или Эрнадо на моем месте давно бы заработали кучу синяков. Ездить на броне гусеничной машины — это особое искусство.

Сидящий рядом парень в канареечно-желтом мундире что-то прокричал. Я повернулся, пытаясь разобрать слова. И словно по мановению волшебной палочки грохот гусениц стих. Танк теперь несся по безлюдной улице абсолютно беззвучно, словно в немом кино. Молекулярная броня включила акустические фильтры, подавляя звуки, не несущие новой информации.

— Мы будем на позиции вовремя! — снова закричал парень. То ли он великолепно владел собой, то ли не понимал серьезности происходящего. — Спалим гадов в воздухе!

Увы, второе. Армия Ар-На-Тьина не представляет, с каким противником ей придется бороться.

— Не думай, что все так просто... — зачем-то сказал я. Вряд ли солдат меня услышал — грохот танка перестал существовать лишь для меня одного, а говорил я тихо. — Фанги умны...

Фанги умны. Выбрасывать десант на готовую к обороне планету — безумие. Пусть даже армия плохо обучена и немногочисленна — но самонаводящиеся излучатели нуждаются лишь в нажатии кнопки. Пока десантные капсулы опустятся из стратосферы, их можно несколько раз сжечь дотла. Конечно, если не забросать всю планету бомбами, не залить ядовитыми газами, не обработать деструкторами с кораблей поддержки... Я презрительно улыбнулся. Бомбы уничтожат и заложников, из-за которых проводится вся операция, газы уничтожат лишь мирное население, до предела озлобив снабженных средствами защиты военных. Ну а деструкторная атака, уничтожающая лишь оружие, — это дело долгое, дня два, не меньше. Такой срок фанги себе позволить не могут.

Значит, они нашли другой путь. Изящный, красивый, надежный выход из ситуации...

Танк остановился так резко, что я едва не слетел с брони. Люк на башне откинулся — ничего надежнее обычных петель человечество не придумало. Из-под толстой броневой пластины, слоистой, как торт «Наполеон» (металл, пластик, керамика, металл...), выскочил еще один вояка. На его мундире поблескивали знаки различия — офицер. Три золотистые подковки на груди и такие же, но чуть меньшие, на пилотке. То-то радости вражеским снайперам, если они появятся! Неужели эти остолопы не понимают?

На корме танка торчала еще одна «башенка» — открытая решетчатая клетка с подвешенной на турели трубой лазерного излучателя. Чешуйчатый кабель уходил от ствола вниз, скрываясь в щели между сегментами внешней брони танка. Офицер привычно протиснулся между узкими прутьями клетки, сел на металлическое сиденье, больше всего напоминающее погнутую совковую лопату, и повернулся ко мне.

— Первые капсулы фангов войдут в зону поражения через три минуты.

Я промолчал. Офицер вздохнул и начал сдирать с мундира золотистые подковки. Извиняющимся тоном сказал:

— Интендант куда-то пропал... а склад ломать не позволили. Черт-те что, в бой идем как на парад. Нельзя же так...

Мне вдруг стало стыдно за свою броню. Чушь, конечно, не могу же контролировать всё, вплоть до выдачи снаряжения бойцам чужой армии. Да и жизнь моя сейчас куда важнее, чем жизнь этого симпатичного и неглупого офицера.

Все равно. Нельзя так.

— Задание помнишь? — не глядя на офицера, спросил я.

— Огонь на повреждение,— с готовностью ответил тот.— Необходимо повредить капсулу и взять несколько человек в плен.

— Они не люди, а фанги, — хмуро сказал я. — Достаточно и одного.

Офицер пощелкал приборами на маленьком пульте. Что-то тихо загудело, между прутьями решетчатой башни возникло синее свечение. Защитное поле, слабенькая страховка сидящего у всех на виду стрелка.

— Место подходящее? — поинтересовался офицер, не прекращая проверять приборы. — Три капсулы идут прямо сюда, да и просторно...

Я еще раз огляделся. Танк стоял на маленькой площади, окруженной домами в два-три этажа. Мы были как на ладони — но и сектор обстрела у нас вышел отличный.

— Спасибо, все нормально, — сказал я. Экипаж, вызвавшийся идти со мной, был в какой-то мере обречен. Одно дело — жечь в воздухе десантные капсулы, неповоротливые, не предназначенные для долгого боя. Совсем другое — брать в плен экипаж такой капсулы.

Видимо, офицер что-то почувствовал:

— Не волнуйтесь, возьмем мы их... Рядовой! Берите свою хлопушку и занимайте позицию в сторонке... в том садике хотя бы.

Сидящий рядом солдат кивнул — похоже, этот домашний жест вполне заменял в армии Ар-На-Тьина отдание чести, после чего вынул из приваренных к броне захватов «хлопушку» — тяжелый плазменный излучатель. Крякнув, взвалил его на плечо и неспешной рысцой побежал к садику — пяти-шести низеньким, пушистым не более саксаула деревцам перед ближайшим домом. Офицер покачал головой ему вслед и уткнулся в приборы. Капсулы должны были вот-вот войти в зону поражения.

На мгновение мне захотелось забраться в танк, под надежную многослойную броню, под зонтик защитного поля, готовый в любое мгновение вспыхнуть над нами. Впрочем, поле меня прикроет и здесь, а вот в устойчивости брони перед струей перегретой плазмы я сомневался. У меня был друг, заплативший жизнью за веру в надежность стального гроба — танка Т-72.

— Начинаем, — хрипло сказал офицер. Ствол пушки над ним крутанулся в подвесках — как-то слишком плавно, подчиняясь уже не человеческой руке, а наводящему компьютеру.

И в это мгновение привычный сумрак Ар-На-Тьина прорéзала вспышка. Нет, не молния и не пламя от взорвав-

шейся в небесах капсулы фангов и даже не упреждающий выстрел, нацеленный в наш танк. Просто вспышка на грязной мостовой перед танком, словно раскрылись невидимые двери, впуская свет. А следом, почти одновременно, — черная вспышка. Иных слов не подберешь для плеснувшей во все стороны мглы... Разве что просто сказать — световые эффекты гиперперехода.

«Привет от Бога», — успел подумать я. Но Отрешенный здесь был ни при чем.

На площади, недолгим памятником начавшейся войне, стоял крошечный космический корабль. Ничем иным пирамидка из прозрачного как стекло материала быть не могла. Внутри, за отблесками тонких граней, угадывался почти человеческий силуэт.

Офицер замер за своим пультом, глядя через мое плечо. Едва подошедший к садику рядовой приседал, поднимая к плечу плазмомет. Молодец, есть реакция. Мои руки тоже тянулись к закрепленному на броне излучателю, но я не успевал... Потому что прозрачный кораблик рассыпался хрустальным крошевом, устилая мостовую осколками, а стоявший внутри фанг уже держал наведенное на танк оружие. Он явно знал, что окажется лицом к лицу с мишенью, — катапультированный через гиперпространство десантник.

Наверное, его смутили наши фигуры на броне. Вместо того чтобы стрелять в бронированный лоб танка, надеясь на то, что заряд достигнет энергонакопителей или боекомплекта, фанг выстрелил, целясь в решетчатую башенку лазера и в меня — под серебристой пленкой я походил не то на человека, не то на боевого робота.

Не следует гнаться за двумя зайцами.

Плазменный заряд взорвался в метре от меня. Был толчок — не то танк ушел из-под ног, не то я слетел с брони. Наверное, и то и другое...

Я летел — в серое небо, к приближающимся кораблям фангов. От моих ладоней тянулись к танку тончайшие серебристые ленты — словно я вымазался в жевательной резинке и надежно приклеился к броне. Решетчатая башенка лазерного излучателя была окутана голубым пламенем защитного поля, и я понял, что офицер жив. Защиту мог пробить лишь дезинтегратор...

На мгновение я остановился, повис метрах в двадцати над землей. Не было ни невесомости, ни толчка: если верить вестибулярному аппарату, я по-прежнему стоял на земле. Лишь камни на площади подо мной трескались, рассыпáлись облачками белесой пыли. Молекулярный костюм производил направленный сброс гравитации.

Не спрашивайте, как это делалось. Корабль снабдил меня лишь описанием возможностей молекулярной брони — но не технологией процессов.

Серебристые ленты, тянущиеся из ладоней, сократились, метнув меня обратно к танку. Там, где я только что висел, полыхал огненный шар — фанг явно признал меня самым опасным противником. Мелочь, а приятно.

Через секунду бой кончился. Рядовой, стоявший за спиной фанга, наконец выстрелил, и там, где стоял фанг, полыхнуло огнем. В отличие от нас фанг защиты не имел — или не успел ее активировать.

Я вновь сидел на закопченной, горячей броне, словно и не совершал экскурсии в небо. На площади жиденько дымилась аккуратная, чем-то даже симпатичная воронка. Края ее поблескивали оплавленным стеклом. Весь бой занял пять-шесть секунд.

Офицер смотрел на меня из своей решетчатой клетки, часто моргая и болезненно щурясь. Глаза у него были налиты кровью — защита чуть-чуть запоздала. Похоже, он так и не заметил моего вояжа в небо.

— Капсулы! — закричал я. — Огонь по капсулам!

Не глядя на приборы, офицер ткнул в пульт. Турель излучателя дернулась, дослеживая цель, и выбрызнула вверх струю белого света.

В небе хлопнуло, серые облака осветились изнутри дрожащим оранжевым сиянием. «Увеличение фоновой радиации на двадцать миллирентген», — скользнула в сознание чужая мысль. Молекулярная броня не нуждалась в динамиках.

Взрыв словно послужил сигналом. С секундным запозданием над городом вырос частокол ослепительных лазерных игл. Город ощетинился, как напуганный дикобраз... Пока офицер колдовал над пультом, наводясь на следующую капсулу, я торопливо огляделся. Залпов было много... но меньше, чем я ожидал. Облака светились невиданной иллюминацией, провожая в последний путь фанговских десантников. Но вспышек было всё меньше, как и лазерных лучей. А над домами начали подниматься дымные фонтаны, сопровождаемые легкими хлопками плазменных пушек. Нападение на наш танк было частью общей стратегии фангов. Переброшенные через гиперпространство одиночки расчищали плацдарм для основных сил вторжения...

— Наведение закончено, — сказал офицер, сгорбившись над своим пультом. — Почему же они не стреляют?

А наш танк стрелял. Я вдруг заметил, как вздрагивает в

подвеске излучатель, выбрасывая очередной импульс. Этакое доказательство факта, что фотоны имеют массу...

— Парша на твое стадо! — неожиданно визгливым голосом выругался офицер.

В небе, там, куда был нацелен ствол, сверкнуло. На город упал раскатистый гул — это докатился звук первого массированного удара по десантным капсулам.

— Они самоликвидировались! — закричал офицер. — Клянусь, луч срезал лишь крылья! Эти мерзавцы подорвали себя!

До меня вдруг дошла истина.

— В первой волне десанта фангов нет, — сказал я, непроизвольно включая общую трансляцию. — Капсулы шли пустыми, с механизмами наблюдения и самоликвидации. Десантники пойдут вторым эшелоном...

— Сергей, вторая волна капсул входит в атмосферу, — голос Ланса казался спокойным. — У нас есть пятнадцать минут...

— Сколько осталось зенитных машин? — зло поинтересовался я.

— Процентов двадцать. — Ланс замолчал, заметив, что разговор идет по общей волне. — Должно хватить, — оптимистично заявил он таким тоном, что стало ясно — десант займет город без особых проблем. — Возвращайся на свой канал...

Я потянулся к переключателям, упрятанным под тонкую пленку молекулярной брони, но в наушниках щелкнуло. Броня предугадывала мои движения...

— Ланс, где наши корабли?

— Уже нигде.

Ясно. Я покосился на офицера — тот неожиданно тоскливо смотрел вверх. Начало разговора он слышал. И прекрасно понимал: сотне танков с лазерными «зенитками» десантные капсулы — настоящие, а не фальшивые — не остановить.

— Ланс, если кто-нибудь захватит фанга... Это наш единственный шанс. Пусть попытаются выловить этих... гипердиверсантов.

Договаривая, я повернулся в сторону палисадничка, где сидел наш «охранник». Не знаю почему. Интуиция, шестое чувство, неясный звук, прошедший мимо сознания...

Арнатьинский солдат, так оптимистично оценивавший шансы своей армии, лежал на щетине рыжей травы. Из спины его торчала рукоять атомарного меча.

Над телом, держа в руках что-то посолиднее плазменной пушки, стоял фанг.

6. Минус на минус

Тяжесть.

Жар.

Красно-белое пламя вокруг.

Никакой опоры.

Словно падаешь в исполинскую топку... в звезду...

Я попытался повернуться — и красно-огненное качнулось, сдвигаясь в сторону. Что происходит? Фанг, целившийся в танк из чего-то жуткого — матовый шар с прикладом, толстый ствол, похожий на конус... И сразу же — жар, тяжесть, огонь...

Маленький атомный заряд? Броня способна выдержать и такое... не помню лишь, за счет чего.

— Что происходит?

Мгновение тишины. И беззвучный голос в сознании: «Задействован генератор нейтрализующего поля. Критическая ситуация. Попадание из аннигилятора».

Аннигилятор? Неужели в меня выстрелили античастицами — а я остался жить?

Впрочем — нейтрализующее поле. Энергетика любого процесса вокруг меня тормозится. Я болтаюсь в центре огненного ада, невредимый благодаря созданному на Земле снаряжению. Интересно лишь, как удалось уменьшить многотонные генераторы до размеров молекулы. Но черт с ними, с учеными. Сделали — и спасибо...

В ноги мягко толкнуло.

«Выбирайся», — посоветовала броня.

Я посмотрел вниз — ноги по щиколотку ушли в вязкую оранжево-черную кашу. Рядом с телом, где начинало действовать поле, она казалась темной, вокруг — багрово светилась.

Помогало лишь то, что к броне расплавленная мостовая не прилипала, скатывалась, как вода с промасленной бумаги. Я пошел сквозь пламя, уже опадающее, теряющее силу. Все, что могло гореть, сгорело, все, что плавилось, превратилось в жидкость. Но дома вокруг площади стояли — лишенные стекол, с тлеющими деревяшками рам и дверей, осыпавшимися углами и сорванными крышами, черными от копоти стенами. У одной из стен, присыпанный какой-то горящей щепой, придавленный телом убитого солдата, слабо шевелился фанг. Я направился к нему, лишь мимоходом оглянувшись.

Танка конечно же не было. Поблескивало сквозь спадающее пламя серебристое пятно жидкого металла — и всё.

Непроизвольным жестом я закинул руку за плечо. Меча не было — равно как и пистолета, надетого поверх молекулярной брони. Все, что не было защищено, испарилось.

«Меч...» — шепнул костюм.

Правая рука потяжелела. Я опустил взгляд — и увидел, как с ладони стекает лента сверкающего металла. Костюм дал мне меч.

«Вторичная радиация, — снова зашелестело в мозгу. — Поле отключено. Уходи».

Фанг наконец-то выбрался из-под тела своей жертвы. Его комбинезон был порван, выпачкан в чем-то желто-оранжевом... Ах да, это же кровь фангов...

Губы фанга шевельнулись, и я скорее понял, чем услышал его слова: «Хорошо, очень хорошо».

— Я не хочу убивать тебя, — собственный голос казался мне чужим. — Выслушай, это важно и для Земли, и для Фанга.

Губы фанга растянулись в плохой копии человеческой улыбки. Он протянул руку к карману на груди, вынул маленький черный шарик. Граната? Что ж, пусть попробует.

Фанг подкинул шарик вверх — и тот повис, качаясь под порывами горячего ветра.

— Говори, — сказал фанг.

Я пожал плечами. Нас разделяло лишь несколько метров. Фанг был обречен — обезоруженный и наверняка нахватавшийся радиации.

— Мы не поняли друг друга, — начал я. — Вы решили, что наша истина в этом... — я посмотрел на вырастающий из руки меч и запнулся. А в чем же еще? — Вы не правы! — закричал я, убеждая скорее себя, чем фанга. — Это никогда не было...

Фанг снова улыбнулся:

— Ибо не было дома, где не было бы мертвеца... Глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу. Ты хочешь доказать обратное?

— Я могу доказать... Послушай...

— Поздно, — очень спокойно сказал фанг. — Это уже ни к чему. Нельзя взять меч и не дать ничего взамен.

Он поднес руки к лицу — и плавно повалился на землю. Я подбежал к нему, вгляделся в нечеловеческие черты. Мертв. Убил себя или умер от ран? Какая разница...

— Ты не понял, — зло сказал я.

Хотелось верить, что он действительно не понял меня.

Я шел вдоль шаткого деревянного забора, поминутно оглядываясь — где-то позади шумели двигатели машин. Наверняка боевых. Наверняка не наших.

— Стой, — окликнули меня из-за забора. Я оглянулся — в дырке от сучка торчал темный кристалл лазерного излучателя.

Ну и что дальше?

— Ты кто? — поинтересовались из-за досок.

— Человек, — честно ответил я.

— А что это на тебе? — продолжил содержательную беседу владелец излучателя.

— Броня. Кстати, лазером ее не прожжешь.

Собеседник помолчал и резонно заметил:

— Так какого хрена ты там стоишь? Перебирайся!

Забор был высотой метра под два, но бронекостюм добавил мне прыгучести. Я с места перескочил жалобно всхлипнувшие доски и оказался перед увешанной оружием троицей. Тот, кто держал меня под прицелом, был совсем еще сопляком, другой, с солидной плазменной пушкой наперевес, перешагнул грань среднего возраста.

Третий, коренастый, с настороженным взглядом бледно-голубых глаз, оказался знакомым.

— Привет, Дьини, — сказал я, мысленно приказывая броне открыть лицо. Прозрачная изнутри пленка недовольно соскользнула с кожи, собравшись тугим валиком на подбородке.

— О! Император Тара! — Дьини не выглядел особенно удивленным. — Ты что здесь делаешь?

— А ты?

— У меня дом спалили! — Голос Дьини взвился. В нем чувствовалась обида предпринимателя времен кончины нэпа, у которого экспроприировали мыловаренный заводик. — Товаров масса!.. Все, что не успел продать... А сколько потерял, когда перед фанговским вторжением распродавал по дешевке! Дом сожгли, гады... А ты-то что здесь делаешь?

— У меня сожгли жизнь, — любезно сообщил я. Огляделся. Забор, за которым скрывались обиженные граждане Ар-На-Тьина, огораживал неглубокий, изрядно замусоренный котлован.

— Что это? — поинтересовался я.

— Больницу строят, — сообщил молокосос, державший меня на прицеле. Подумал и добавил: — Бесплатную...

— Ага, — сказал я. — Лет десять уже строят, верно? И какого черта вы здесь делаете?

Арнатьинец средних лет ожидающе воззрился на Дьини — тот явно был главным в этой забавной тройке. Поймал разрешающий кивок и с энтузиазмом начал:

— Хотим потрепать гадов. У нас атомная мина...

Я вытаращил глаза. Молокосос подвинулся в сторонку,

предоставляя мне насладиться видом увесистого конуса из желтого металла.

— Ну-ну, — протянул я, прозревая. — Вы хоть знаете, как пользоваться?

— Знаем-знаем, — отрезал молокосос. — Направленный взрыв, вторичная радиация минимальна. Исключительно для вооруженных сил Земли. Ха!

Посмотрев на Дьини, я увидел, что тот снисходительно улыбается.

— Хотите совет? — риторически сказал я. — Бросьте эту затею. Собираетесь прислонить мину к забору, чтобы сработала на проходящую машину? Детекторы уловят мину через эти гнилые доски, а по вам влепят хорошую порцию плазмы.

Дьини нахмурился, но его соратники дружно покачали головами. А юный террорист убежденно сказал:

— Не уловят. Мы мину за столб спрячем.

Метрах в пяти действительно стоял железобетонный столб со свисающими с фарфоровых изоляторов порванными проводами. Неплохо, но...

— Дай свою пушку, — резко сказал я, отбирая у мужчины плазмомет. Тот покосился на Дьини — и отдал оружие. Я установил минимальную мощность, прицелился в столб и выстрелил.

Полыхнуло, в лицо ударила жаркая волна. Пленка защитного костюма сделала попытку наползти на лицо — и отхлынула, уловив мое недовольство. Основание столба теперь походило на очиненный карандаш. Из раскрошившегося бетона торчали кривые железные прутья.

Земля вокруг почернела и дымилась.

— Так-то лучше, — пояснил я, возвращая оружие. — За этим фоном потеряется излучение мины... надеюсь. Прислоните ее к столбу — и валите отсюда.

— Нет, — гордо вскинулся молодой. Дьини глянул на него и с усмешкой заявил:

— Мы патриоты своей планеты. Мы добьем тех, кто останется в живых. Шейр, ты окопаешься на двадцать метров дальше столба, а ты, Сьир, с противоположной стороны. Я возьму лазер и пойду на ту сторону котлована.

Я промолчал. Возможно, на месте Дьини я поступил бы так же. Вразумление идиотов не входит в мои жизненные планы.

— А почему с той стороны? — поинтересовался молокосос. Без всякой неприязни, просто с любопытством.

— Хороший пес не стережет посреди отары, — наставительно произнес Дьини. — Издалека хороший обзор.

— Удачи, — искренне сказал я арнатьинцам. Почему-то мне казалось, что в их компании на пленных охотиться не стоит.

— Эй! — окликнул меня Дьини. — Может, тебе нужно оружие, император? У нас лишний бластер есть.

Я покачал головой и пошел вдоль ограды. Трем патриотам Ар-На-Тьина пригодится всё их оружие, раз уж они устроили засаду на вражеские танки. В памяти всплыли прочитанные еще в детстве «нескладушки», и я пробормотал:

Строгий заяц при дороге, подпоясанный ломо́м...
А кому какое дело, может, волка стерегет.

Обойдя котлован, я проломил трухлявый забор и оказался на узкой и грязной улочке. Одноэтажные развалюхи вокруг казались необитаемыми.

Вряд ли фанговские десантники появятся здесь в ближайшие недели... Я побрел к центру города, где до сих пор хлопали взрывы и тянулись к небу струи дыма.

Шаг, еще шаг. Посреди главной улицы Ар-На-Тьина, на виду у всех возможных врагов. Только где же они, враги? Лишь ровный шум на всех диапазонах, — не доверяя компьютеру, я прослушал радио сам. Глушат — что и следовало ожидать. Из города все вооруженные части вышвырнули — несомненно. Но неужели фанги не оставили экспедиционных частей в захваченном городе, после того как схватки переместились к космодрому и прочим укрепленным точкам?

— Стой, человек! — рявкнули сзади. Пришлось обернуться. Фанг.

— Стою, — как можно спокойнее сказал я. — Необходимо переговорить. Важно для Земли и Фанга.

Враг в боевом комбинезоне — вроде того, в котором был Нес на Клэне, с незнакомым оружием в руках. Его шерсть была темно-коричневой, почти черной — если не ошибаюсь, это признак молодости.

— Не двигаться, не говорить, за неповиновение — смерть, — протараторил фанг и что-то зашептал, склонив набок голову. Явно в микрофон. Если наши силы не глушат фанговские частоты связи — значит, дело совсем уж туго.

— Нам нужно говорить, — упрямо сказал я. — Это важно.

У меня вдруг мелькнула сумасшедшая мысль — фанг не знает стандарта, а лишь вызубрил пару фраз...

— Молчать! — взвизгнул фанг. — Я предупреждаю! Никаких разговоров!

Ствол его пушки смотрел прямо на меня. Не страшно,

если уж молекулярная броня спасла от аннигиляции, значит, ручным оружием меня не уничтожить.

— Слушай, а ты ведь не уверен в своей правоте! — внезапно прозревая, сказал я. — Как тебя звать, враг? Ты знаешь, что мы могли быть друзьями?

Я сделал шаг к нему. Еще один. По лицу — или морде — фанга пробежала непонятная гримаса.

— Стрелять в безоружного некрасиво, — сказал я.

Он оцепенел.

— Война отвратительна, — с воодушевлением продолжил я, приближаясь. — Твой народ ошибся...

Зря. Фанг мотнул головой и сказал:

— Прошлое вернее настоящего. Общая истина важнее личной...

Я прыгнул — точнее, прыгнул мой бронекостюм. Огненный шар с ревом пронесся подо мной, и здание вдали окуталось пламенем.

Пять метров — какая чушь, если это расстояние преодолевают не слабые человеческие мускулы, а молекулярная броня... Мои руки сомкнулись на оружии фанга, вырывая ствол, отбрасывая в сторону...

Мы прокатились по бугристой мостовой, фанг сделал несколько попыток вырваться и затих. Я прижал его к земле, прошипел:

— Нужно поговорить, слышишь, пёс?

Лицо фанга было спокойно-безмятежным. Красивым, черт бы побрал эту красоту...

— Я ухожу, землянин, — сказал фанг. В янтарно-желтых глазах насмешливость и печаль. — Я ушел красиво, я не хочу меняться. Спасибо.

Его руки дернулись, словно пытались подняться к лицу. И я вспомнил жест предыдущего фанга...

Возможно, умереть в тот миг, когда этого захочешь, — природное умение фангов. Может быть — следствие тренировок. Какая разница.

Я встал над мертвым телом. Потянулся к лежащему в метре оружию — из перчатки выстрелила металлическая лента, коснулась плазмомета и вложила его в ладонь.

— Спасибо, — устало сказал я.

Они не будут говорить со мной. Они убьют себя, если я попытаюсь их переубедить.

«Я не хочу меняться».

Мы дали им новый смысл жизни — войну. Дали, сами того не заметив. И обратно уже не заберем — трудно измениться второй раз за короткую жизнь, трудно предать то, во что по-настоящему поверил...

Тускло-серая тень мелькнула над крышами. Я отпрыгнул в сторону, еще не осознав, что́ увидел — вражеский катер, самонаводящийся снаряд, научившегося летать фанга...

Метрах в десяти, черным силуэтом на фоне красного пламени полыхающего дома, стояла смутно знакомая фигура. Вот она шевельнулась — и на обтягивающей тело металлической пленке блеснули блики.

— Ланс? — глупо спросил я. Больше никто не мог получить от корабля Сеятелей молекулярную броню.

Вместо ответа одетый в серую пленку поднял оружие. И в ту секунду, пока я вскидывал трофейный плазмомет, пока искал на непривычной формы прикладе спусковую кнопку, до меня наконец-то дошло: у Земли и Фанга един не только технический уровень, но и военная тактика.

Наверное, лишь на одном из тысяч фангов была молекулярная броня.

Мы выстрелили одновременно — и улицу затопила огненная река. Жар — тень того жара, что бушевал вокруг, тяжесть — тень той бури, что крушила сейчас стены домов. Я старался не думать о людях, укрывшихся за сомнительной защитой деревянных дверей и задернутых занавесей.

Не думать...

Я брел сквозь огонь — к фангу, принесшему смерть на эту планету, к фангу, спровоцировавшему меня на гибельный выстрел. Оружие я откинул — ничто в мире больше не заставит меня стрелять, укрывшись за непреодолимой бронеи.

...Стекла, опадающие желтыми каплями; шторы, вспыхивающие под ударом огненной волны; двери, слетающие с петель, отвешивающие спрятавшимся людям смертоносные затрещины...

Вокруг нас с фангом — смерть. А мы живы.

— Доволен, Господь? — заорал я, раздвигая руками оранжевое пламя. Бронекостюм что-то настойчиво бубнил, но я уже не воспринимал его мысленный шепоток. — В тебя влились новые сущности, Бог? Человеческие страдания, память, страх? Ты стал еще совершеннее, абсолютный разум?

Где же ты, фанг... Я огляделся — но среди пламени не было серебристого силуэта. Неужели я ошибся — и мой враг вполне уязвим?

Из-под ног поднялась серая тень. Взмахнула рукой — мгновенно удлинившейся, превратившейся в клинок. Совершенно машинально я блокировал удар — словно в руке моей был меч. И меч появился.

Атомарники скрестились — и прошли друг сквозь друга, как кулак сквозь дым. Я не успел еще ничего понять, а мечи

исчезли, втянулись обратно в наши костюмы. Молекулярная броня сама принимала решения в этом поединке.

Мы стояли, как две оплавленные статуи на закопченной мостовой. Секунды передышки, неизбежные мгновения на то, чтобы принять решение, понять, как вести бой против абсолютно равного по силе врага... И я узнал противника. Мутно-серая пленка меняла лицо не больше, чем солнцезащитные очки.

— Рад новой встрече, Нес, — прошептал я.

— Взаимно, Сергей с Земли, — так же тихо отозвался фанг.

Я не успел ничего придумать, просто ударил его. Скорее даже толкнул открытой ладонью. И Нес быстрым движением подставил под удар свою руку.

Наши ладони встретились — как у играющих в «ладушки» малышей. Между сближающимися серыми перчатками полыхнуло бледное пламя. И металл клацнул о металл.

Мне вдруг показалось, что бронекостюмы разойдутся, пропуская наши руки, — как тогда, бесконечно длинные часы назад, когда я хлопнул по плечу Ланса...

Но броня Земли и броня Фанга не признали друг друга.

Металл костюмов вскипел грязно-белой пеной, едва ладони соприкоснулись. Руку обжало, словно тугой резиновой манжетой. С ладоней струился вниз, разлетался в порывах ветра невесомый порошок — прах неуничтожимой брони.

«Псевдоразумные» молекулы, каждая из которых была одновременно и щитом, и мечом, и генератором всевозможных полей, распадались. Бронекостюмы пожирали друг друга.

Я засмеялся, продолжая удерживать руку. Пленка на моем теле колыхалась, истончаясь и сползаясь к руке. «Опасность, опасность», — звенел в мозгу слабеющий голос.

Вначале броня соскользнула с левой руки, и я почувствовал обжигающий жар испепеленной улицы. Затем металлопленка сползла с ног. Ботинки зашипели, коснувшись мостовой. Боевой комбинезон не способен противостоять тому аду, в который превратилась улица. «Радиация», — взвизгнул бронекостюм и замолчал. Серая пленка сошла с лица, и я невольно зажмурился.

Когда я заставил себя открыть глаза, между моей ладонью и мохнатой ладонью Неса катался серый комок — шипящий, вздрагивающий, словно капля воды на раскаленной сковородке. Я убрал руку. Серый комок сделал отчаянную попытку растянуться между нашими руками — и упал, превращаясь в тончайшую пыль.

— Конец броне, — сказал я, глотая раскаленный воздух и невидимые миллирентгены.

Нес кивнул. Мы смотрели друг другу в глаза.

— Я хочу поговорить о красоте, Нес.

— Со мной?

— Со всеми фангами... — Я усмехнулся. — Чем больше, тем лучше.

Нес молчал.

— Я отпустил тебя на Клэне, — тихо сказал я. Ноги жгло как огнем, глаза слезились. — И не хочу вновь выяснять, кто из нас сильнее в рукопашной. Послушай меня, Нес.

Фанг потянулся к нагрудному карману комбинезона. Затем, словно в раздумье, опустил руку и расстегнул маленький футляр на поясном ремне. Достал из него серебристый шнур, встряхнул.

— И куда нас перебросит? — поинтересовался я, глядя на широкий обруч в руках Неса. Воздух в нем дымился, дрожал туманной пленкой.

— На мой корабль, — безмятежно сказал Нес. — На флагман атакующей Ар-На-Тьин эскадры.

Это меня не удивило. Нес не мог быть простым десантником, раз уж он носил молекулярную броню...

Не колеблясь я шагнул к фангу, держащему над головой обруч-гиперкатапульту. Нес изобразил что-то похожее на улыбку. И разжал руки. Мутное стекло гиперперехода упало на нас.

7. Исповедь

Серый мрак — не то умерший свет, не то неродившаяся тьма. Легкость — почти невесомость, лишь намек на притяжение. Гиперпереход? Нет... Слишком реально.

— Говори, человек с Земли...

Нес был передо мной. Мягкий силуэт во мраке. Преступник и жертва.

— Мне мало одного слушателя, — прошептал я. В этой полутьме, скрывающей каюту инопланетного корабля, в этой тишине, где звуки казались противоестественными, можно было говорить лишь шепотом.

— Тебя слушают тысячи, человек. Говори. Те, кто вел корабли к Ар-На-Тьину, те, кто ведет их сейчас к Земле, — они слушают.

— Спасибо. — Я посмотрел во тьму. Там — внимательные глаза, Нес не лжет. Там — смерть Земли и галактики.

— Мы пришли к вам с добром, — слова возникали словно помимо воли. — Наша вина — мы не поняли разницы

между нами. Не поняли того, что глубже поступков, — не поняли причин...

Я видел то, о чем говорил. Так, словно был рядом. Так, словно кричал сквозь толстое стекло — не в силах докричаться и не в силах промолчать. Линкор «Миссури». Экспедиция к Фангу. Обмен информацией — будем честными, скажем всё. История — да, мы были жестокими, да, мы воевали. Ведь и фанги не всегда жили в мире? Литература, живопись... Избранно. Мы были плохими, мы стали хорошими. Вы тоже прошли через это, верно?

Внимайте голосу Земли. Учите ее прошлое — мы честны перед братьями по разуму. Мы обличаем войну — о, как мы ее ненавидим...

— Однажды, — говорил я внимающей тьме, — каждый человек задается вопросом: в чем смысл жизни. Думаю, у вас то же самое. Вот только ответы мы нашли разные.

В книге, которую я люблю с детства, есть простой ответ на вечный вопрос — человек живет для счастья. Другое дело, что́ для человека счастье — любовь, покой, богатство, знания. И трудно спорить с аксиомой — трудно даже усомниться в ней. Для вас целью жизни стала красота. То, что естественно, — не безобразно. То, что отвратительно, — недостойно подражания. Вы жили, навсегда решив, что красиво, а что безобразно. Пока мы не обманули вас.

Я замолчал, сглотнув застрявший в горле комок. Только ли вас мы обманули? А себя? Сколько красивых слов заставило меня стрелять в людей, сколько красивой лжи невидимыми нитями тянуло мои руки...

Ложь...

— Вы не понимаете, что́ это — красивая ложь. Для вас это бессмысленнее холодного пламени и сухой воды... — я запнулся, вспомнив Сомат. Вода бывает сухой. Чушь! — Но мы умеем лгать красиво — чтобы обмануть самих себя, чтобы успокоить совесть. Мы лгали себе — а обманули вас!

— Сергей...

Облако света во тьме. Лицо Неса в дрожащем мерцании — словно лицо утопленника, опутанное водорослями, в светящемся планктоне.

— Сергей, народ Фанга всегда знал: смерть — это некрасиво. Убийство — отвратительно. Какой бы ни была цель. Чем бы ни оправдывалась. Мы жили с этой верой — и убивший погибал от одного сознания отвратительности своего поступка. Так было всегда. Пока корабль Земли не принес нам новую правду, новую красоту, новую веру. В нашем языке эти слова едины — но я хорошо знаю ваш язык. Мы удивились. Мы смотрели ваши картины и читали ваши

книги. Мы поверили. Вы правы. В войне есть своя красота. В смерти — свое очарование. В жестокости — своя правда.

— Нет. Нет, ты ошибаешься, фанг...

— Споришь? — быстро спросил Нес. — Я не беру в свидетели ваши книги — любой выбор несет на себе печать выбирающего. Этот... прибор... он ничего не скажет фангам — но для людей он... отражение... зеркало. Правильно?

В дрожащем облаке света ко мне плыла нечеловеческая рука с зеленой книжкой.

— Правильно, — прошептал я, беря у Неса «Книгу Гор».

— Читай... Вслух.

Раскрытые страницы — белый свет, который рождала, казалось, сама бумага. Колющая боль в глазах — пока сознание впадало в транс.

Можно побороть этот самогипноз. Можно пересилить Книгу — уверен. Но этого делать нельзя. И не потому, что фанги почувствуют обман. Ложь не может победить. Никогда...

— *И настал час,* — произнес я, глядя на ровные строчки, — *когда мне пришлось выбирать. Между черным и белым, между силой и добротой. Ибо не оказалось правды в словах поэта, и кулаки рождали лишь зло. Ибо я сражалась за добро, но все новое зло появлялось на свет. Дети, не знающие детства, взрослые, ненавидящие своих детей... И я взяла книги, которые шли со мной, и попросила их совета. Страницы открывались там, где хотел переплет, и глаза смотрели туда, где буквы были чернее.*

Я читала — и путь шел лишь в одну сторону.

Кровь хлынула на руку юноши, Ягг-Коша содрогнулся в конвульсиях и застыл...

Добро из сострадания есть зло.

И я вспоминала о праведных войнах, и искала спасения...

...Произведения о минувшей войне, одухотворенные талантом, занимают особое место. Сила их влияния на умы и сердца необыкновенна, и неудивительно, что они пользуются поистине всенародной любовью.

Я читала дальше — не веря тем, кто говорит о чужом.

Рита выстрелила в висок, и крови почти не было. Синие порошинки густо окаймили пулевое отверстие...

Добро из патриотизма есть зло.

— Нет! — Я оторвал взгляд от книги. — Не так однозначно, фанг! Я помню!

Боль — как вспышка, как кинжал, вонзившийся изнут-

ри. Я вновь смотрел в «Книгу Гор». Я подчиню ее своей воле...

Не так однозначно, — говорила я. И спешила прочесть:

Нет, нет, не может быть бессмысленно! Почему, зачем тогда всё? Зачем тогда я стрелял и видел в этом смысл? Я ненавидел их, убивал, я поджигал танки, и я хотел этого смысла!..

Секундная мысль — не всё решает сила... И та же книга — как проклятие...

Нет, у нас слишком много милосердия. Мы слишком добры и отходчивы. Чрезмерно.

Добро из патриотизма есть зло.

— Фанг, — я захлебывался в словах. — Фанг, это другое. Не смей. Не трогай того, что тебе не понять...

— Читай дальше, — после короткой паузы сказал Нес.

Да, он их спас. В эти мгновения иначе как плетью и пулей действовать было нельзя.

Добро для идеи есть зло.

...Рана на груди была не смертельной, пуля даже не пробила кости...

Добро для знания есть зло.

Я отбросил Книгу — и она растворилась в темноте.

— Нес, вы поверили в насилие...

— Мы поняли — и оно может быть красивым.

— Нес, вы ошиблись. Мы лгали себе — чтобы оправдаться.

— Всегда?

— Всегда. С библейских времен и до наших дней. Мы искали оправданий — за то, что вынуждены убивать. За чужую боль, за свой страх. Всегда самые талантливые служили этой цели. Мы делали это красивым — чтобы успокоить совесть. Красота никогда не была главным — лишь инструментом, чтобы оправдать цель: идею, патриотизм, любовь...

— Но для нас главное — красота...

— Мы не знали, Нес! Мы подбирали слова — чтобы оправдать защищавших родину, любовь, веру. Красота была лишь средством...

— А для нас — целью.

— Нес, мы одевали зло в одежды добра и красоты — чтобы выжить. Но кто знал, что мы встретим к космосе расу, чья цель — красота.

— Но для нас нет иной меры, — теперь голос Неса стал едва слышен. — Мы жили, созидая красоту — слов, звуков,

образов, поступков. Вы дали нам новую красоту — а ты хочешь доказать, что она была ошибкой.

— Да.

— Докажи.

Тьма. Тишина.

Докажи. Найди слова сильнее тех, что говорили тысячи людей, — неизмеримо талантливее, опытнее... добрее.

Переспорь — авторов Библии и Корана, «Горячего снега» и «Трех мушкетеров», Шекспира и Пушкина. Найди слова сильнее. Найди краски ярче. Докажи — они не воспевали войну, они примиряли с ней человеческий разум. Ведь человек рожден не для смерти — своей и чужой. Я верю в это — тем, что еще способно во мне верить...

— Я не могу доказать, Нес. Те, кто говорил эти слова, — они бы смогли. Доказать, объяснить, переспорить. Я лишь человек, Нес! Я помню, я знаю, я верю — но не смогу доказать!

— Не хватает слов и умения? — спокойно спросил Нес.

— Да...

— Но ты веришь — это уже немало. Вспомни и ощути. Мы увидим, человек. Если не врешь, если не отрекаешься от своей веры — раскрой разум. Мы увидим.

Не вру ли я?

Откуда мне знать. Я радовался, побеждая. Я не колебался, убивая врагов. Тех, кто прислуживал Шоррэю, тех, кто хотел гибели Земли, тех, кто убивал моих друзей. Разве была во мне хоть тень сомнений? Нет. А в глубине души...

Мало кто может заглянуть так глубоко — и не утонуть.

— Смотри, Нес, — сказал я. — И вы... те, кто далеко. Фанги, мы не любим убивать. Мы ненавидим войну и жестокость. Клянусь. Я был солдатом — всю жизнь. Я радовался победам и ненавидел их. Для многих я стал смертью — и ни для кого... пока еще... жизнью. Смотрите.

Я не знал, что произойдет. Калейдоскоп воспоминаний, ощущение чужого разума в сознании...

Ни черта подобного. Холод.

И голос Неса.

— Говори, человек. Теперь — лишь правду. Ложь ушла. Говори.

— Правду? — Я засмеялся чужим смехом. — Чего ты от меня хочешь, урод? Вы убивали людей, вы нападали на планеты — а теперь хотите мира? Мы истребим вас. До последнего щенка — или как вы зовете своих детенышей?

— Дети, — совершенно равнодушно ответил фанг. — Говори...

— Наслушались моего вранья? — полюбопытствовал я.— Мир, дружба, бхай-бхай... Хер вам! Мы были бойцами — всегда. От первых людей, дравшихся с саблезубыми тиграми, и до тех пилотов, что надерут вам задницы через пару часов.

— И ты был бойцом? Всегда?

Я молчал. Не потому, что не знал ответа, — просто нужно было ответить максимально правильно... красиво... честно... Я думал сейчас понятиями фангов — ибо их разум бушевал в моем сознании, ибо их воля требовала от меня правды.

— Нет, — прошептал я. — Нет. Ненавидел... силу. Это боль, страх...

— Чья боль? Чей страх?

— Моя боль... Не хочу... Почему? Почему?!

Я кричал — стоя в круговороте лиц. Мелькающие, переплавляющиеся одно в другое лица. Мои враги. Все, кто ненавидел меня. Все, кто оттолкнул. Не подал руки. Не ответил на мольбу.

— Почему? — прошептал я бесконечной череде.

— ***Потому что***... — мой школьный враг и мучитель Ильяс.

— ***...было плохо мне***... — парень, попавший в армию на год раньше.

— ***...от таких, как ты***... — мужчина, для которого русский язык — чужой.

— ***...и прочих сопливых умников***... — преподаватель института.

— ***...которые не лучше других мужчин***... — моя первая женщина.

— Я отомщу! — пообещал я.

— Кому? — спросил Нес, вырвавшись из потока ненавистных лиц.

— Всем! — крикнул я. — Тем, кто не разбирает обидчиков! Тем, кто не будет разбирать! Я не хочу — но выхода нет! Я буду нести смерть — красиво и отвратительно — всем, кого считаю врагами! Не в этом смысл, не это главное! Да, мы деремся — всю жизнь. У нас нет выбора. И мы ищем оправданий, ищем красивые слова, что прикроют нашу жестокость. Выхода нет, фанг. Это отвратительно — но я буду делать вид, что война красива. Выхода нет!

— Ты веришь в свои слова, — подытожил фанг. — Что война уродлива и жестокость неправедна... что ты лишь вынужден жить по закону силы. Ты веришь — мы ошиблись, приняли вашу оболочку за сущность.

— Когда говорят о любви и ненависти — лгут все, — прошипел я. Чужая воля уже сползла с сознания.

— Возможно, мы и ошиблись. Но даже ошибочная красота остается красотой. Понимаешь?

Сквозь тьму я вдруг увидел глаза фанга. Огромные, мерцающие во тьме.

— Так что же ты... вы все решили? — поинтересовался я. — Воевать дальше?

— Мы думаем.

Темнота. Едва ощутимая опора под ногами.

— Наши корабли уходят от Ар-На-Тьина, — сообщил Нес.

— Вы... — я задохнулся словами. — Вы поняли? Вы отказываетесь от войны?

— Мы еще не решили. Силы перегруппируются — для атаки Земли или отступления, безразлично. Нельзя заполнить место лжи пустотой, человек. Лишь правдой. А ее ты не знаешь. Мы тоже — пока...

Я не успел больше ничего сказать или спросить. Темнота ударила меня — со всех сторон.

8. Красное и желтое

Каюта, где я пришел в сознание, была невелика. Никакой мебели, бледно-голубая мягкая обивка стен, неяркий оранжевый свет скрытых в углах потолка светильников. В стене угадывался овал закрытого люка.

Я встал и сразу же, по неуловимым для сознания признакам, понял: корабль на планете. Что же, пока я был без сознания, фанги высадились на Ар-На-Тьин? А как же слова о перегруппировке сил? И что собираются сделать со мной?

Без особой надежды я подошел к люку. Потянулся к едва заметным кнопкам в стене, но нажимать их не пришлось. Люк плавно пополз вниз. Я не успел еще удивиться небрежности врагов, как в проеме появился Нес.

На нем был боевой комбинезон, на поясе — два атомарника в серебряных ножнах. Один меч, похоже, был земным.

— Рад, что ты в порядке, — без особого восторга произнес фанг. — Гравикомпенсаторы работали до конца.

— Что происходит? — как-то слишком требовательно спросил я.

— Земные корабли, — спокойно ответил Нес. — Мы ушли от боя... но повреждения велики. Мой корабль уже не взлетит.

— Шлепнулся на Ар-На-Тьин? — с издевкой спросил я. — Тут вас любят...

— Проходи. — Нес отступил на шаг.

Я не стал спорить. Узкая каюта больше всего походила на шлюз: полупрозрачные шкафчики со скафандрами, широкий люк, пульт с мертвым погасшим экраном.

— Мой корабль не взлетит, — повторил Нес. — Стрелки́ в боевых постах мертвы. Пусть. Истина важнее.

Он помолчал — короткая, рассчитанная пауза.

— Это твоя планета, принц.

— Земля?

— Та, на которой ты жил в нашем времени. Сомат.

Нес протянул руку к мертвому пульту. И медленно, с ощутимым усилием вдавил в панель большую темно-желтую кнопку.

Странно, лишь сейчас я подумал, что для фангов желтый цвет то же, что для нас — красный, кровавый.

— Корабль не взлетит, — повторил Нес еще раз. Словно подтверждая его слова, по периметру широкого наружного люка вспыхнула ослепительная линия. Мгновение — и бронированная плита беззвучно вывалилась наружу.

Блеснул солнечный свет.

Взметнулся песок, на который упало полтонны металла. Шипело, билось по краям люка догорающее термитное пламя.

Я глядел в проем как завороженный, не в силах отвести глаз.

Действительно Сомат.

Нес посмотрел на меня — и старательно изобразил улыбку. Прыгнул вниз, прямо на присыпанный песком металл. Крикнул:

— Конец всегда приходит к началу. Для каждого спора есть единственное место. Пойдем, принц.

Я двинулся за ним как загипнотизированный. Прыгнул в люк — Нес стоял внизу с таким видом, словно собирался подать мне руку.

Воздух Сомата вошел в легкие.

Я закашлялся — горло пересохло почти мгновенно, в ноздрях будто покрутили наждачной шкуркой. Влажность — ноль процентов.

Нес с любопытством смотрел на меня.

— Твой мир, — негромко сказал он. — Твои правила.

Я начал дышать ртом, оставив между губами лишь узкую щелку. Таким приемом мы пользовались, меняя носовые фильтры.

— Нес, надо вызвать помощь, — на одном выдохе произнес я. — Ваш корабль или наш корабль. Нас спасут — это красиво.

Фанг молчал.

Сдержав ругательства, я огляделся. Желтая, с зеленоватым отливом гора — пик Осеннего Листа. Белая полоска вдали — Белое побережье.

Мы опустились не так далеко от нашего с Терри купола. Километров семьдесят-восемьдесят. Можно дойти за сутки. Разумеется, если есть защитная мазь и фильтры-увлажнители. В качестве мази можно использовать любой жир, в качестве фильтров — любую ткань. Правда, ее придется часто смачивать...

— Нес, мы дойдем до моего старого дома, — с облегчением сообщил я. — Там есть аварийный маяк... Конечно, если твой поврежден.

— *Слушай,* — тихо произнес фанг. Мне вдруг почудилось что-то умоляющее, жалобное в его голосе. — Ты слышишь тишину, принц?

Я закрыл глаза. Спокойно... Это фанг. Он не сдвинется с места, не оценив все красивое вокруг. Спокойно. Послушать тишину — занятие недолгое.

Воздух был теплым и неподвижным. Вначале я услышал свое дыхание, потом — биение сердца.

Тишина.

Солнечный свет, безмолвно текущий сквозь веки. Цветочный аромат фанга, беззвучно разливающийся в лишенном запахов воздухе.

Тишина.

Молчание — от горизонта до песка под ногами. Неподвижные дюны, замершие скалы. Небо — темно-синий фетровый колпак.

Тишина.

Преддверие звука, напоминание о движении, тень жизни — далекий шелест сухих волн... А может, горячий пульс крови в бесполезных ушах. Сухой океан покрыт каменным льдом.

Тишина.

— Ты умеешь слушать, принц...

Слуховая галлюцинация, собственная мысль... Или нестерпимо громкий голос фанга?

Круглые немигающие глаза изучали мое лицо. Что же ты хочешь, фанг? Что пытаешься понять?

— Пойдем, — полушепотом попросил я. — Пойдем в мой дом, Нес.

— Смотри, — так же тихо ответил он. — Ты видишь невидимое, принц?

Сухой и чистый воздух — прозрачный, как вакуум, беспощадный, как увеличительное стекло. Туманная дымка во-

дяных паров — грим на лице планеты — сдернута раз и навсегда.

Пустота.

Яркие, неживые цвета скал. Трупная синева неба. Желтое на синем, серое на синем, белое на синем. И каждый оттенок, каждый полутон — такой же чистый и мертвый.

Пустота.

Тысячи красок — и ни одной живой.

Пустота.

От горизонта — и до песка под ногами. Обнаженные скалы, стерильные горы, опозоренная вода.

Пустота.

И еще то, чего здесь никогда не будет. Зимний снег и весенняя зелень. Спелость летних ягод и желтизна умирающих листьев. Жилища людей, утопающие в цветах. Калейдоскоп праздничных одежд. Тонкие башни фангов. Бесконечная спираль узора на стенах. Корабли — стремительность очертаний от человеческой мысли и надежность от нечеловеческой логики.

Пустота.

Этого не будет. Ничего не будет. Они не услышали мой крик, не увидели моих кошмаров. Пустота. Я никого не убедил — лишь себя. Пустота. Конечная точка. Будущего нет.

— Ты умеешь смотреть, принц...

Тень уважения в голосе? Дрогнувшее лицо? Чушь. Всё это слишком красиво... а значит, фанги правы. Терри, с ногами забравшаяся в кресло... Пустота. Данькины картины на стенах музея... Пустота. Прощальный взмах руки мальчишки-роддера... Пустота. Ланс в черном шаре пилотажного шлема... Пустота. Трофей, вылизывающий крошечного котенка... Пустота.

— Ты хорошо говорил, принц. Мы слушали. Но это лишь одна сторона правды.

Меня скривило в издевательской улыбке. Я понимаю вас, фанги. Незачем переводить ясные мысли в туманные человеческие слова.

«Ты красиво говорил, принц. Мы получили удовольствие. Но теперь мы покажем тебе другую красоту. Ты убедишься, что смерть может быть красивой. Мы устроим межзвездную бойню, чтобы тебя убедить. Это красиво».

Я смотрел на фанга — плавные, выверенные движения, абсолютная сосредоточенность и покой на лице. Сильный взмах руки — и пистолет отлетает далеко-далеко в песок. Уважительный полупоклон — и атомарный меч в серебряных ножнах ложится на песок передо мной. Вы давно всё

рассчитали, фанги. И мой спор с вами — тоже. Ты надел вчера человеческий меч, уже зная сегодняшний жест.

Тишина и пустота. Темное небо. Желтое ласковое солнце в ослепительном белом ободке.

— Фанг, смотри. — Слова выходили совсем не те, что я хотел. — Двойное солнце! Мы с Терри хотели сделать этот день главным праздником планеты. Он бывает лишь раз в сто с лишним лет.

«Праздник, который не увидишь дважды» — так мы хотели его назвать. Но тебе я этого не скажу. Твой абсолютный вкус не будет оценивать наши дилетантские попытки «сделать красиво». Мы останемся со *своей* красотой, фанг. С ней мы и умрем.

Нес кивнул, даже не посмотрев в небо.

— Ты умеешь думать, принц. Для каждого спора есть главное время. Раз в сто лет или раз в жизнь.

— Мы будем драться? — спросил я, поднимая меч.

Фанг кивнул.

Я взмахнул мечом, сбрасывая с клинка ножны. Перерубил их в воздухе — носить этот меч мне не придется. Даже если я выиграю поединок, на пути к куполу оружие станет лишь бесполезным грузом.

Никто не нападет на меня: планета мертва.

Никто не нападет на мертвеца...

Нес вытащил из ножен свой клинок, и я невольно отметил его ширину. Лезвие моего меча было раза в два уже.

Что это ему дает? Слишком широкий меч дьявольски неудобен.

Фанг отсалютовал — движение было сложным и бесспорно красивым. Как я устал от вашей красоты!

Я ударил быстрым, точным, колющим ударом. Подлым ударом — Нес не был готов к защите, он приветствовал меня...

Клинок вошел в тело фанга с тонким хрустом — то ли ломались кости, то ли рвался защитный костюм. Нес отшатнулся, снимаясь с меча. Десять сантиметров атомарного лезвия, прошедшего сквозь тело, словно и не причинили ему вреда. На лице фанга появилось обиженное выражение.

— Плохо, — разочарованно протянул он. — Плохо, принц...

— Война — это всегда плохо, — почти закричал я, уже не следя за патологической банальностью фраз. — Сам напросился.

— Удар плохой, принц. Слова еще хуже...

Тонкие пальцы фанга достали из нагрудного кармашка маленький черный шарик. Я усмехнулся. Так вот что хранится в секретном кармане. Оружие.

Я успел забыть, что фанг сам дал мне меч.

— Это глаз истины, — тихо сказал Нес. — Наш спор увидят все фанги, слушавшие тебя. Они решат.

Нес подкинул шарик, и тот, вопреки законам гравитации, плавно взлетел вверх. Метрах в десяти над нами он остановился, черную оболочку окутали белые шелестящие искры. Запахло озоном. Мне даже показалось, что вверх, к шарику, потянуло легким ветерком. Такой выход энергии требовался лишь при гиперсвязи.

— Начнем, принц.

Удар — великолепный удар по голове, по глазам. Мало того, что удар был сложным и редким, — Нес провел его из абсолютно неподходящей позиции.

Я успел блокировать — мой меч взметнулся навстречу вражескому клинку. Обычно, если успеваешь подставить лезвие наперерез мечу противника, тот лишается части своего меча.

Фанг сумел завернуть свой меч. Он прошел в миллиметре от моего клинка, уже пылающего белым огнем последней заточки.

Секунду Нес держал меч вертикально, над головой. Затем последовал удар, не разделивший меня надвое лишь из-за моей проворности. Честно говоря, я понял, что недооценивал свою реакцию. Но, может быть, у меня редко появлялся допинг в виде рубящего удара плоскостным мечом.

Что-то было в этом поединке от моей первой серьезной схватки на мечах — с Шоррэем Менхэмом, гиарским правителем и сверхчеловеком. И я догадывался, что: класс противников. И тогда, и сейчас я безнадежно уступал врагу. Да, время с моих первых дней «вне Земли» не прошло даром. Я дрался на уровне Шоррэя, а может, даже чуть лучше. Мне удалось подняться к тому мастерству, которое почти предельно для человека.

Но фанги — не люди.

В какой-то момент я вдруг осознал: Нес ведет бой. Он полностью контролирует мои выпады, провоцирует те или иные удары. Наш бой превращается в красочный спектакль, где у меня роль то ли статиста, то ли спарринг-фантома. И никуда от этого не деться — фанг учел всё, даже мое «озарение» и попытки навязать свой сценарий поединка. Фанг делает то, что не удалось когда-то Шоррэю.

Но «театральность» Шоррэя по сравнению с отрепетированностью Неса — не больше чем школьный спектакль, пытающийся повторить мхатовскую постановку.

Те же слова, и даже движения схожи. Но сравнения бесполезны.

Я уставал. Непропорционально быстро и сильно — словно не дрался на почти невесомых плоскостных клинках, а выжимал стокилограммовую штангу. Усталость сочилась в легкие вместе с теплым, сухим, безвкусным воздухом. Вползала в глаза мишурой ярко раскрашенных скал. Растекалась из окаменевших на эфесе пальцев.

Мне не двадцать девять лет. Больше, намного больше. Двести девяносто... или две тысячи девятьсот. Мои руки выковывали бронзовые мечи, а потом бронзу сменила сталь. Мои глаза выжигал блеск расплавленного металла и разъедал горчичный газ. Мои ноги скользили в грязи, вытягивая по осенним дорогам гаубицы — и ломались, как спички, под траками танков. На мою спину взвалили слишком большой груз — уберите хоть часть! Слишком много брони, я задохнусь. Слишком много взрывчатки, я утону в пороховой пыли. Слишком много убитых — мертвые руки не отпустят меня.

Мне не двадцать девять лет. Меньше, намного меньше. Девятнадцать, девять... минус девять месяцев. Я пробежал свой первый марш-бросок... ту часть, которую смог пробежать. Мое лицо отдыхает на мягком от жары асфальте, а «калашников» прижимает к земле тяжелее сержантского сапога. Нет, этого еще нет. Просто мне впервые разбили в драке нос — и я плачу, стирая с лица перемешанную со слезами кровь. И мой сопливый враг ревет рядом — он еще никогда не бил до крови... Нет, этого еще нет. Меня еще нет — почему же я должен драться на песчаной арене мертвой планеты? Я еще только готовлюсь *быть* — лишив этой возможности миллионы своих *небудущих* братьев и сестер. Мои половинчатые гены сольются воедино — и новое звено продолжит бесконечную цепь. Я несу в себе больше смерти, чем жизни. Поговори же со мной о красоте, фанг!

Я смотрел в немигающие желтые глаза, нанося и отбивая удары. Вы не сможете нас победить — но мы сумеем проиграть вместе. Мы подарили вам новую красоту, а значит, и новую правду. И вы не остались в долгу за этот подарок. Как объяснить, почему мы сделали войну красивой, откуда пришли книги и фильмы, воспевшие ее? Как перевести «плохое может быть красивым» фангам, в чьем языке слова «красивое», «хорошее», «доброе» — синонимы?

— Гад, — прошептал я, отступая от Неса. Удастся ли мне его «перебегать»? Он ведь ранен! Его руки изодраны в кровь! Воздух Сомата еще вреднее для фанга, чем для человека!

Пот высыхал на лбу, не успевая заливать глаза. При резких движениях начинала болеть пересохшая кожа на руках и ногах. А в небе черной точкой парил гиперпередат-

чик. Он транслирует наш поединок — такой красивый и волнующий, такой правильный и хороший! Маленький спектакль в постановке командора Неса. Переспорю ли я его, нанеся смертельный удар? Или же мне для подлинной победы надо встать под меч и погибнуть максимально некрасиво?

Кто знает, что для фанга уродство, а что красота? Только фанг. Противно ли им будет увидеть мой разрубленный череп?..

Противно... Доказательство от противного. Что такое доказательство от противного в моей ситуации?

Я отбил выпад Неса, ухитрившись при этом укоротить его меч. И почувствовал робкую надежду. А может быть, он не играет, а действительно дерется на пределе сил?

Может быть, я смогу выжить?

Но выиграю ли при этом?

Доказательство...

Корабль Неса остался далеко в стороне. Мы словно танцевали, двигаясь вдоль маленького ручья сухой воды. Серая, плавно текущая пыль. Летящий над нами гиперпередатчик. Фанги, с удовольствием наблюдающие за представлением. Они оценивают всё — от красоты скал и неба до синхронности наших движений. Не удивлюсь, если гиперпередатчик транслирует даже запах наших разгоряченных тел...

Доказательство от противного. Я не смог объяснить, что война некрасива. Как убедить фангов, что мир — красив? Да еще имея в качестве декораций пейзажи Сомата с его ослепительной, но мертвой красотой!

Нес в очередной раз провел контратаку, и я вдруг заметил, что он раскрывается. Едва-едва, на долю секунды — да и то любой мой выпад будет смертельно рискован... Но шанс поймать его был.

Еще один выпад Неса — и снова та же ошибка. Возможно, он не знает удара, которым его можно достать в такой позиции? Обычный удар, с падением на правое колено...

Фанги никогда не падают на колени! Даже нанося удар врагу! Это слишком некрасиво. А значит, для Неса такого удара не существует.

Мы уже дрались у самого ручья. Нес прижимал меня к берегу, словно собирался сбросить в воду.

Купание в мертвой воде меня не воодушевляло.

Фанг опять пошел в контратаку — стремительно, красиво, правильно. Его не беспокоил незащищенный живот: никто и никогда не упадет перед врагом на колени, даже чтобы убить его.

Я отбил его выпад — и нанес удар. Мой главный козырь, моя психологическая победа. То, что фанг считает невозможным.

Клинок вошел в Неса — так же глубоко, как в первый раз. Но теперь я попал в какой-то из жизненных центров.

Кожа под вздыбившейся шерстью почти мгновенно стала пепельно-серой. Нес издал протяжный вибрирующий стон. И подался назад, будто опять собирался слезть с клинка. Но что-то у него уже было невозвратимо нарушено. Движения стали неловкими и медленными.

Фанг упал, сквозь разрез в комбинезоне сочилась янтарно-желтая кровь. Ткань комбинезона дергалась, стягивая разрез. Нес попытался встать, не смог и покатился по песку — прямо в серый поток сухой воды. Окунулся в нее с головой, с трудом приподнялся, снова осел в стремительный пылевой поток. Прошептал, путая человеческие слова с родным языком:

— Шиар... Ади шиар... Как некрасиво...

Я вздрогнул. Побрел к фангу по мутной, словно закипающей воде. Спросил, сдерживая волнение:

— Что ты сказал? Некрасиво?

Черная точка геперпередатчика спикировала к нам. Зависла в метре над головой.

Глаза Неса следили за мной со странной иронией.

— Это некрасиво, принц... Смерть некрасива... Война некрасива... Я понял. Ади шиар. Пусть поймут другие.

Неужели так просто? Они же видят и слышат нас! Все фанги! Они не могут не поверить командору Несу!

Я беспомощно оглянулся. Разбитый корабль вдали, мертвые разноцветные скалы... *Победить можно лишь любовью. Заставить врага проиграть способна и ненависть. Но побеждает лишь любовь — мы учили этому тысячи лет...*

Что за бред? И чьи слова всплывают в памяти? И почему за избитыми истинами пульсируют боль и страх? Не ошибись... Не ошибись, лорд с планеты Земля...

Побеждает лишь любовь.

Не попадись в ловушку фальшивой победы — она хуже поражения.

— Нес, — прошептал я. — Нес, когда ты поверил мне? Когда ты поверил в мою правду? В мою красоту?

Фанг вздрогнул. Он стоял по колено в прозрачной воде, и я видел, как растворяются в ней желтые струйки крови. Комбинезон Неса никак не мог закрыть рану...

— Сейчас, принц. Сейчас, — твердо повторил он.

Я молча смотрел на Неса. На тонкие жилки, пульсирую-

щие вокруг глаз. На мокрую слипшуюся шерсть. Даже в таком виде он был красив. Даже собственную смерть он сумел рассчитать по всем правилам. Жалкий, измученный вид придал бы оттенок фальши его словам. Слишком быстрое поражение — клеймо слабости.

Он умирал красиво, как и жил. И ему должны были поверить. Обязаны.

— Ты слишком долго был со мной, — сказал я. — А может быть, видел и то, о чем я рассказывал? Ты поверил — и понял, как убедить других...

— Замолчи! — Нес выпрямился. Его пошатывало, и тонкие струйки воды стекали с комбинезона, перемешиваясь с желтой кровью. — Замолчи, принц!

В его голосе осталась лишь боль. Он видел, как рушится башня его лжи — как сказанные им слова теряют красоту. Черный зрачок гиперпередатчика холодно смотрел на нас.

— Я не дам тебе умереть, — прошептал я. — Хватит мучеников, строящих собой фундамент храма...

— Ты начинаешь войну, — прохрипел Нес. — Ты уже начал ее... Все складывалось правильно, а теперь... Люди и фанги будут убивать друг друга.

— Если мы не можем понять, в чем красота, а в чем уродство, если мы не умеем слушать друг друга... Нам остается лишь умереть, Нес. Дай руку.

Он заплакал бы, но фанги не умеют плакать. Его рука дрожала, когда он протянул ее мне.

— Мы не убедили их. Шиар...

С израненных пальцев падали в прозрачную воду янтарные капли. Падали и медленно растворялись в чистой воде. Настоящей, мокрой, живой воде...

— Что это, принц? — голос Неса словно бы окреп. — Вода?

Сверху по-прежнему тек поток серой пыли. А вот ниже по течению на сотню метров текла настоящая вода. У наших ног она тихо бурлила, сбрасывая тусклую серую оболочку. Там, где в воду падали темно-желтые капли, она становилась прозрачной, хрустально чистой — мгновенно.

— Твоя кровь, Нес, — я был удивлен, но не более. — Она катализатор обратного перехода воды. Кремнийорганика распадается... Моя кровь... любая биологическая жидкость делают то же самое, но медленнее. Пойдем.

Я почти силой вытащил его на берег. Черный шарик начал плавно кружить вокруг нас — то ли повинуясь приказам далекого оператора, то ли следуя заложенной в него программе.

— Вода оживает, — тихо сказал Нес. — Красиво...

— Это ненадолго, процесс нестабилен, — я беспомощно похлопал себя по карманам. — А вот ты истекаешь кровью. У тебя есть бинт?

Фанг покачал головой, не отрывая взгляда от ручья. Сверху наплывала серая пыль, и голубовато-прозрачная лента чистой воды таяла.

— Бинт нужен...

Я стал отрывать рукав куртки. Плотная материя поддавалась с трудом. Вытащив нож, я стал резать ткань. Изнанка куртки гигроскопична, для временной перевязки сгодится. Должна же кровь фангов иметь механизмы свертывания.

Острое лезвие пропороло ткань и полоснуло по коже. Я выругался, отодрал рукав. Разрезал его по шву, глянул на длинную царапину. Неглубокая, но кровь текла сильно. Нормальная человеческая кровь, багрово-черная...

— Смой кровь! Пока есть вода, смой! — Нес почти кричал. Я непонимающе посмотрел на него, пожал плечами. Провел ладонью по окровавленному предплечью. И опустил руку в тающее на глазах пятно чистой воды — рожденное волей фанга и моим ударом, крохотное, исчезающее, как наши надежды на мир...

Это походило на взрыв. Вода вскипела как сжиженный газ, в который упала раскаленная железка. Меня толкнуло, отбросило от ручья прямо к ногам полулежащего Неса. А вверх и вниз по мелкому руслу катились голубые волны — серая пыль под их напором исчезала, превращаясь в обычную воду. На гребнях волн плясали белые искры, временами вспыхивали прозрачные языки пламени.

— Твоя планета оживает, принц, — прошептал Нес. — Есть время для смерти и время для жизни. Одно переходит в другое — и конца нет...

— Ты знал заранее? — Я сжал плечи фанга. — Наша кровь дала стойкий катализатор? Планета оживет навсегда?

— Я не знал. Но это было бы красиво... и я поверил, что так может быть. Хорошо, что я не ошибся.

Нес улыбнулся, и его улыбка впервые показалась мне настоящей. Но я еще не понимал. Разгладив полоску ткани, я попытался наложить этот жалкий «бинт» на кровоточащую рану.

— Бесполезно, принц. Смерть внутри, и ее не закроешь. Я знал, в какую точку должен войти твой меч. Тело гибнет. Это необратимо, как цепная реакция сухой воды.

Издалека, с горизонта, донесся хлопок. Чуть дрогнула земля. На сером пылевом море заплясало белое пламя. Кремнийорганика распадалась, высвобождая из плена воду, рождая свободный водород и кислород. Избыток энергии за-

ставлял их гореть, и на воде бушевал быстротечный огненный шквал.

Дышать стало легче. Подул влажный, пахнущий озоном ветерок. Горы на глазах заволакивало легкой туманной дымкой. Краски становились мягче. Небо чуть посветлело.

— Будут облака и дождь. — Нес лежал на спине, и голос его становился все тише. — Будут трава и деревья. Будет жизнь. Принц, ты еще не понял? Мы победили. Жизнь рождается красивее, чем умирает. Фанги захотят дарить жизнь, а не смерть.

Песок под ним стал янтарно-желтым. Нес уже не мог держать веки открытыми. А я стоял над ним, понимая, что не в силах помочь. Меня учили как убивать фангов, а не как их лечить.

— Ты можешь сказать людям всё, что хочешь. Нас видели не только фанги...

Я наклонился к его лицу — было трудно разобрать слова.

— Получилось красиво... Доведи мой узор, принц.

— Хорошо, Нес, — сказал я. И сидел рядом, держа его за руку, пока это не стало ненужным.

Могилу я вырыл в песке, рядом с ручьем. Плоть Неса станет частью планеты — я верил, это ему понравилось бы. Атомарным мечом я вырезал из окрестных скал две каменные плитки — багрово-красную и янтарно-желтую. На обеих провел диагональные линии — из нижнего левого угла в правый верхний. Я знал, что прав — никто из фангов не исполнил своего долга так, как Нес. Потом я включил непрерывную заточку обоих мечей и воткнул их рукоятями в песок. Запоздало понял, что меч Неса простоит вдвое дольше моего. Он мог победить меня за счет одной лишь заточки лезвия...

Черный шарик медленно пролетел над могилой. Замер у меня перед глазами. Я смотрел на него, не думая о фангах — лишь один из них был моим другом. Вспоминал Терри, и свою команду, и всех, кто стал мне близок на Земле. Видел их лица и знал, что они сейчас молча смотрят на меня.

— Терри, ребята... Прилетайте. Здесь будет много работы.

Я неловко пожал плечами и улыбнулся. Добавил:

— Вот и всё, наверное.

...Мокрый песок шуршал под ногами, а за спиной, между двумя пылающими мечами, покачивался черный шарик Неса. С моря доносился плеск волн и дул мокрый бриз.

Пока есть солнце и воздух, всегда будет ветер. И хорошо, что он порой бьет в лицо.

Я шел к своему дому.

Доспехи для странствующих душ

Восточной стороне не доверяйся,
Там великаны хищные живут
И душами питаются людскими;
Там десять солнц всплывают в небесах
И расплавляют руды и каменья,
Но люди там привычны ко всему...

Цай Юань «Призывание души».

1. Размышления о развлекательной литературе и ее роли в истории XX столетия

В цикле А. Азимова «Основание» шесть книг. Первая — собственно «Основание», написанная еще во время второй мировой войны, была гимном человеческому разуму. В том же смысле, что и «Таинственный остров». Распадающийся мир галактической Империи, столетия войн и варварства впереди — и один человек. Ученый. Психоисторик. Хари Сэлдон. Элегантный План, позволяющий минимальными усилиями возродить Цивилизацию. План, исходящий только из наиболее общих закономерностей природы и общества. Железная рука, протянувшаяся через пространство и время. Во второй книге цикла молодой талантливый генерал Империи пытается противопоставить Плану себя. Личность. Случайность. И погибает. Никто не может противостоять силе Закона. (Написано в 1945 г.)

Но время (время Реальности — время Отражения «Земля», в котором жил писатель Азимов и живем мы с вами; время, понимаемое как мера изменений в мире) идет. И появляется Мул, случайность, мутант, который не был и не мог быть предусмотрен Хари Сэлдоном, жрецом и повелителем силы Порядка. И оказывается, что гордое «Первое Основание» — лишь ширма, за которой управляют историей мира люди — психологи и психоисторики. Ораторы. Сеятели. Отрешенные. Управители Порядком. Игроки. (Написано в 1948—1953 гг.)

А потом и психоисторики становятся тенями, лишь предполагающими, что от их деятельности что-то зависит. Истинным творцом истории выступает Р. Даниэл, сверхробот и сверхчеловек, созданный случайно. Случайность порождает закономерность. Порядок Плана Сэлдона — лишь мимолетная картинка в калейдоскопе хаоса. (Написано в 1983—1988 гг.) Круг замкнулся. От веры во всесильную закономерность, оли-

цетворенную наукой, человечество пришло к вере во всесильную случайность магии. И осталось несвободным. [1]

Марксисты считали искусство вторичным по отношению к жизни. Кажется, это называлось «теорией отражения». Поэты и художники считали жизнь вторичной по отношению к искусству — что-то вроде симпатической магии. Думается, никого не обидит компромисс: жизнь и творчество взаимно воздействуют друг на друга. Картины, и книги, и другие информобъекты — суть кванты, которыми передается информация. Из будущего в прошлое. Из одной вселенной в другую. Мир меняется, поглотив квант или излучив его.

Почему-то принято считать, что сильное воздействие оказывают только великие книги. Что-нибудь ранга Библии или на крайний случай «Улисса». Однако поставим простой вопрос: на сколько читателей «Трех мушкетеров» приходится один читатель кафкианского «Замка»? А среди детей и подростков в возрасте до 17 лет (то есть наиболее пассионарной части населения)? Это к вопросу о степени влияния.

Кончался XIX век, в развитых странах население поголовно было обучено грамоте. У всех, даже у самых бедных, появился досуг. И люди стали читать. Не только Шекспира и Достоевского, но и, например, детективы.

Был капитализм, и рукопись была товаром. Она должна была заставлять себя читать. «За столом сидел человек, а рядом лежала его отрезанная голова...» Уже интересно. Поскольку интересно все, что страшно. Инстинкт выживания и инстинкт продолжения рода. Смерть и любовь. Как мог бы объяснить З. Фрейд (если бы он уже создал к этому времени психоанализ), о сексе и об убийствах читать будут все.

Однако же в мире господствовала Англия, а в Англии — викторианская этика, стройная, прогрессивная и ханжеская: ни о какой «Анжелике» и речи идти не могло. И писатели создавали детективы.

Человек привыкает ко всему. Когда в первый раз описывается кухонный нож, вонзенный в сердце несчастного, это может сойти за «зверское убийство» и потребовать вмешательства Грегсона, Лестрейда и самого Холмса. Но прочитав такое в десятый раз, читатель зевнет. Уже не страшно. Значит, надо придумать что-то другое.

Нет таких кошмаров, которые нельзя было бы извлечь из подсознания. И начинают описываться все более замысловатые убийства, все более страшные пытки и издевательства... Хайд у Стивенсона был воплощением абсолютного зла. Он убил (в припадке беспричинной ярости) пожилого джентльмена и наступил на лежащего на земле ребенка. Наступил! Стивенсону и в голову прийти не могло, чтобы его дьявол мог ре-

бенка *убить*. Тогда это было за пределами сознания. В Id — бессознательном.

Но писатели — потому и творческие люди, что пропасть между сознанием и подсознанием у них минимальна. И все больше «кошмаров Фредди» просачивалось сквозь тонкий слой цензуры, оставаясь в пестрых книжках в мягкой обложке. Книжках для толпы.

А потом, когда пришла Война, оказалось, что люди, представители многократно воспетого социалистами «вооруженного народа», могут представить себе (и, следовательно, совершить, поскольку война была тотальной и для победы годилось все, что мог изобрести разум) гораздо больше жестокостей и зверств, чем это казалось возможным викторианской этике, верящей в прогресс человечества, и даже авторам детективов, в меру сил и возможностей поспособствовавших этому прогрессу.

Первая мировая война была войной мышления, порожденного детективами. Вторая мировая — с ее атомными бомбами и концлагерями, с кровавым *контактом* европейской и нацистской цивилизаций, цивилизаций, не способных ни понять, ни принять друг друга [2; 3], — была войной мышления, порожденного ранней — научной еще — фантастикой. И эта же фантастика создала мир почти бескровной третьей мировой. «План Сэлдона», направленный против моей страны. [4] И удавшийся. *Почти* удавшийся, разумеется...

«Когда-то моей родиной была страна СССР. И я повоевал за нее. С меня хватит слепого патриотизма».

Все это довольно просто. Сложен лишь один вопрос. Какую войну и какой мир породит мышление, воспитанное на современной развлекательной литературе? Я имею в виду фэнтези и смежные жанры.

2. Зачем Галактике Император?

Странно звучит на русском языке слово «лорд». Нам ближе вальяжно-обломовское или надменно-некрасовское «вельможа». Но школьники во все недавние предыдущие века зачитывались французскими мушкетерами, и понятие честь и благородство свяжется у них с английским лордом, французским шевалье или интернациональным принцем.

А для чего — благородство и честь? Разве принцесса может стоить смерти? Нет конечно. Смерти или смертей стоят деньги. Да нет, даже не деньги — деньги были главной ценностью вчера. Лозунг дня сегодняшнего — Стабильность. Сохранение «статус кво» стоит смерти.

Что можно возразить? Среднестатистический американец (швейцарец, норвежец или бельгиец) живет хорошо и долго. Потерять жизнь — значит потерять много (автомобилей, компьютерных игр, витаминизированных соков и вегетарианских котлет). За то, чтобы не потерять, можно и заплатить. Безопасность — товар дорогой. Платить приходится деньгами — в форме налогов. Свободой — во всех ее формах. И, главное, будущим. Оно ведь самим фактом своего существования отрицает настоящее с его комфортом и безопасностью.

Диалектика, сколько ее ни ругай. Уж, кажется, что может быть лучше гуманизма... «и высшей мерой вещей должен быть человек»... «никакое открытие не стоит человеческой жизни»... «всякая война преступна, потому что она убивает людей»... А на другом конце полюса — поголовная бетризация, люди, не убивающие лишь потому, что не могут хотеть убить. Полная остановка всякого прогресса, да и всякого движения. Нельзя любить — слишком сильное чувство, слишком уникальное...

«Я смотрел на обнаженное тело, скрытое лишь прозрачной паутиной белья. И понимал, что ни одна женщина в мире уже не сможет стать для меня желанной. Я хочу обладать принцессой. Я хочу касаться ее тела не через гибкую броню комбинезона. Я хочу испытать ее ласки — в ответ на свои. И убить Шоррэя, посмевшего желать того же».

Любовь ведь стоит смерти, не так ли? «Два человека умерли потому, что я посмел полюбить принцессу». Нельзя изобретать — это нарушит равновесие в обществе. Тем более нельзя строить — это может повлиять на равновесие в экосистемах, и вдруг да вымрет какой-нибудь эндоморфный подвид полярной крачки в уссурийских лесах... Нормальный выбор между сциллой и харибдой:

И если вы не живете,
то вам и не умирать...

Да здравствует светлое капиталистическое будущее!

Как-то так здорово быстро произошло малое изменение в системе отношений, и вместе с крапивинскими героями ушли, не оглядываясь, в прошлое герои Железнякова: вымерли или переоделись конформистами «железные кнопки»; в непопулярные «хиппари» подались Даньки, прихватив озлобившихся Игнатиков. Может быть, их плохо учили?

Всех учили...

«Была тебе тарелочка, а будет нам хана...»

Вы думаете, успешность жизни в современном мире зависит от ваших оценок в школе, ваших гипнотических способностей, вашей силы характера и пропорциональна вложенным

когда-то в борьбу за справедливость усилиям? Уже не думаете. Это отлично. Посмотрите на сегодняшних бизнесменов! Кое-кто похож на рэкетира, а кто так просто бывший комсомольский босс, исторически «безмозглый и безответный». Неужто все они по заслугам награждены успехами в нарождающейся новой, светлой капиталистической жизни?

Куда пойдут мальчики? В летные училища, чтоб в перспективе заоблачной стать 101-ми космонавтами и прославить Страну Советов еще одним подвигом? Не-ет, в АОЗТ они пойдут, в школу милиции, где сориентировались на единый с рэкетом рынок раньше, чем в чиновническо-исследовательских структурах.

А девочки настроят мальчиков на высокие доходы, и создадут новые моды, и придумают «новые» игры, составив их незамысловатые сюжеты из каждодневных сериалов. Вот и попались мальчики!

А потом наладится порядок в обществе, потому что рэкет наконец найдет компромисс с милицией, всех маньяков поймают, все школы превратятся в платные с платными милиционерами в дверях, по ночным улицам снова будет до часа ночи ходить слегка подорожавший транспорт. И, к радости выживших обывателей, мы превратимся в капиталистическое государство бюргерского типа, специфичного лишь печальным опытом своего становления, усердно изымаемым из школьных учебников с тем, чтобы обеспечить отрокам максимальную комфортность восприятия прекрасной действительности.

«Была тебе тарелочка...»

А потом прилетят, приедут на наших же танках богоподобные или вовсе даже похожие на «наших» узбеков гости, и бедная маленькая цивилизация стройными рядами встанет под серое знамя средневековья и, перекрестясь, потеряет остатки своей науки и культуры, потому что в какой-то забытый 199... год на родине космических полетов мягко и беспрекословно были уничтожены все мечтатели о «бесполезном» и пугающем прогрессе.

Но почему все-таки «лорд»? Почему аристократы? Не бизнесмены, не пираты, не всесильное разведческое чиновничество попало в герои «нашего недалекого будущего»? Вряд ли здесь дело в голубых кровях автора, скорее в убеждении: те, кто не рвется в боги, опираясь на себя грешного в своей субъективной свободе, вряд ли что-нибудь себе выловят в смешении миров, систем, антимиров и антисистем. Проблема выбора, стоящая перед каждым человеком на каждом маленьком этапчике его судьбы, уже толкнула многих в петлю, иных — в разнообразные братства, а еще стольких же — в подчинение

любым структуркам, которые хотя бы иллюзорно снимают бремя личной ответственности. Где вы последний раз видели аристократа, который доверит свое вчерашнее самодурство расхлебывать приказчику? Ах, нет таких... Так что если «галактическая», то, увы, «империя».

3. Уравнения стратегии

« — Шоррэй Менхэм — второсортный актер, пытающийся играть супермена, — с внезапным ожесточением сказал я. — Вся его ловкость, сила, выносливость не заменят главного... — И что же тогда главное? — Умение импровизировать. Принимать нестандартные решения. Он играет роль, которую сам написал, но боится изменить в ней хоть слово. — Если умеешь рассчитывать события на десять ходов вперед, нет нужды в импровизациях, — спокойно возразила принцесса. — Быть может... Я никогда не умел хорошо считать».

«Лорд с планеты Земля» — одна из книг, которые способны научить искусству победы. Я отвечаю за эти слова. Я не инструктор по бою на одноатомниках, но военную историю преподаю уже десять лет.

В бою важна *техника*. Нужно знать, например, что атомарный клинок полезно часто затачивать, что зимой в Бискайском заливе бушуют шторма, препятствующие высадке десанта, что нельзя удержать позицию, имеющую отрицательную оперативную связность, что не стоит вводить в подготовленный к обороне город танковую дивизию без сопровождения мотопехоты.

В бою важна *сила*. Обыкновенная, грубая: тридцать миллиардов землян плохо смотрелись против триллионов фангов, вот и пришлось удариться во все тяжкие для того, чтобы заполучить союзников. А иначе... Все тактическое мастерство Роммеля не спасло ни Африканский корпус, ни немецкие войска в Нормандии.

И еще важны связь, разведка, снабжение, так называемый *боевой дух*, наличие *пути* — связки между «верхними» и «нижними» (правителями и народом). Дисциплина. Недостающее вписать. Анализируя эти составляющие, можно, следуя Сунь-Цзы, заранее понять, кто потерпит поражение и кто одержит победу. [5]

Есть, однако, один неприятный вопрос. Кто все-таки должен выиграть, когда обе стороны обладают примерно равными возможностями?

Текст трилогии распадается на ряд ключевых поединков.

Принц сражается с Шоррэем Менхэмом.

«Терра» атакует Белый Рейдер.
Принц против Маэстро Стаса: ментальный бой в Храме.
Фанги штурмуют Ар-На-Тьин.
Сомат.

Первый из них наиболее показателен. Проигравший — Шоррэй — был аристократом, владеющим одноатомником с детства. Он сам выбрал время, место и оружие поединка, использовав до конца положение «Хозяина» (по терминологии все того же Сунь-Цзы). И все-таки погиб. Почему?

Романтический ответ назовет причиной любовь. Увы, любовь не дарует победу. Она способна только привести человека на поединок. (Это немало. Праттера «запугали или подкупили», и он проиграл решающий бой своей жизни, отказавшись от него.)

Прагматик осудит Шоррэя, обнажившего свое оружие из мести, которую вряд ли можно считать достойным поводом. Так, по-моему, следует понимать слова Клэна насчет «общей этики поединка». Но ведь двумя годами позже и Сергей убивает из мести. И лишь потом придает своему поступку тень осмысленности. Да и вообще, месть слишком человеческое качество, чтобы быть до конца *неправильным*.

Сам лорд считает, что победил он случайно и едва ли *честно*. Но: «Шоррэя нельзя победить случайно, принц».

Я согласен с Эрнадо.

(Разговор о роли честности в бою лучше оставить фангам — наверное, они с их основанной на красоте-стратегией смогли бы толком в этом разобраться. Я могу лишь вспомнить, что спартанцы сетовали после боя при Левктрах, что Эпаминонд, применив «косой боевой порядок», победил их «нечестно». «Честно» было бы, по-видимому, сражаться против спартанской пехоты стенка на стенку и проиграть.)

Атак победоносных яркий свет,
И темень безнадежных положений...
И тяжело понять в пятнадцать лет,
Что в общем нет случайных поражений.

«Настоящий бой ведется интуитивно», — говорит Клэн и делает еще одно важное замечание: «Предельное мастерство столкнулось с запредельным».

«Предельное мастерство» — это Шоррэй. Отточенное владение оружием, опыт, расчет. «Он замечательный стратег и великий тактик», — сказал бы шварцевский Кот. Но разве не прав клэниец и во второй части своей фразы? «Отчаянный, безнадежный, выигранный лишь благодаря темпоральной гранате Сеятелей» поединок Сергея был демонстрацией запредельного мастерства. Хотя бы потому, что принц выиграл бой.

Запредельное мастерство начинается там, где кончаются правила. Там, где ищут решение не среди двух-трех «общепрофессиональных возможностей», а среди сотен и тысяч вариантов, «перпендикулярных» Реальности. Эрнадо тренировался бы, последовательно переходя от этапа к этапу. Сергей нарушил заведенный порядок. Он расширил «пространство решений», создав плоскостные диски. Он вышел за пределы представимого — для принцессы, Эрнадо, Шоррэя, — рискнув использовать оружие Сеятелей.

Так что если вам нужен секрет победы — он прост.

Выйдите за границы представимого.

Иными словами, если ваш враг непобедим в этой Вселенной — создайте для борьбы с ним другую Вселенную.

4. Свобода

« — Тогда я найду Сеятелей. Те, кто покорил время, не исчезают бесследно.

Будь на месте принцессы христианка, она бы перекрестилась. — Ты не найдешь экипаж, который отправится в такой путь!»

Я не сразу понял, *что именно* так притягивало меня в трилогии Сергея Лукьяненко. Конечно, мне нравится жанр «Space opera», но уж не настолько, чтобы четырежды перечитывать объемистую рукопись. «Технические» решения автора (вроде темпоральных гранат и паутинных мин), несомненно, элегантны, но рассчитаны на однократное применение. Из медитативной романтики единственной любви я вырос. Но все-таки мне оказалась нужна эта книга.

У каждого есть свой предел. И всегда найдется Сила за этим пределом.

« — Это мой сон. И я буду делать здесь то, что захочу.

— Да. Но это *мой мир*». [6]

На этом построены все антиутопии. Человек против бездушной и беспредельной Силы, причем все лучшее, что есть в этом человеке (ум, любовь, мужество, честь), эта Сила использует в своих интересах. Итог схватки предрешен, и читателю остается наблюдать, как в медленном кварковом распаде сгорает личность героя. Система справляется с ним и сжимает кольцо.

Герои Лукьяненко играют без правил.

Тем лорд Сергей и победил гиарского правителя. Шоррэй ведь «признавал неподвластную ему силу — и не пытался спорить с ней». Иными словами, он доверил Сеятелям часть своей свободы и своей личности.

В борьбе против Вселенной человек нуждается в опоре. И он находит ее — в лице Бога, влезшего на крышу своей религии, или Страны, влезшей на крышу своей идеологии. Спонтанное нарушение симметрии: вместо конструктивного конфликта «Я» и «Мир» возникает деструктивный конфликт «Мы» и «Они». Причем *мы* — это не пара возлюбленных или четверка друзей. *Мы* — это половина Вселенной. Сила, которой человек отдает суверенитет в обмен на мнимую помощь против другой Силы. И навсегда попадает в ловушку.

«Почему я так упорно отделяю себя от Сеятелей?

Может быть, потому, что на сотканном из воздуха экране сейчас заканчивается кровавая бойня. И то, что убивают друг друга мои враги, ничуть не облегчает мне совесть».

Дело ведь не в том, хороши Сеятели или плохи. Дело — в осмысленном и мотивированном отказе лорда принимать одну из конфликтующих Сил за свою. В нежелании следовать предопределенности, имена которой «традиции», «голос крови», «основной поток истории».

Сартр доказал, что человек *обречен* на свободу.

Кажется, эта обреченность ставит человека на один уровень с Галактикой. Кто знает...

Может быть, это главное из того, что вынесла из своей истории исчезнувшая страна под странным названием «Советский Союз»: *свои* и *чужие* — это лишь отражения в зеркале. И ты выбираешь одну из сторон не потому, что она олицетворяет собой добро, а просто потому, что ты не родился на Востоке и не можешь (да и не хочешь) Равновесия. Но ты бросаешь свой меч на чашу весов не как вассал одной из сторон. Как союзник или наемник. Поэтому *система* (как бы она ни называлась: «социализм», «капитализм», «демократия», «родина», «наука», «бизнес») со всеми своими армиями, разведками и надсмотрщиками — всё это «...мелочи, которые, самое большее, могут меня убить». Но не обмануть. Не подчинить себе.

«...Это секретная схема, но я вам доверяю.

Я поморщился: — А если меня поймают фанги? И просканируют память? Раймонд, не делайте из меня дурака. Это ложный макет. Для всех посетителей, в надежде, что кто-то из них попадется врагу.

Раймонд вздохнул, махнув рукой над макетом. Тот исчез. Командор уселся в свое кресло, задумчиво посмотрел на меня: — Мне очень хочется с вами поработать, Сергей.

— Жаль, но это не взаимно...»

А знаете, может, это и несправедливо, но я с трудом могу представить на месте принца американца, швейцарца или француза. Слишком уж назойливо гордятся они своим Отечеством и его вечными ценностями. Безумная система отлича-

ется от разумной ровно на один параметр. Имя ему — Риск. Кто-нибудь заметил в истории России вялотекучесть, или, может быть, Петербург видел мало революций, или наука развивалась у нас преемственно-поступательно, а уж в литературе и вовсе взрывов не было? «Умом Россию не понять»...

« — Вы человек крайностей, Сергей, — задумчиво сказал Маэстро. — Самое знаменитое вино и самый крепкий табак. Если любить — то принцессу, если ненавидеть — то целую цивилизацию».

5. Экспансия

Звездные странствия принца начались в конце XX столетия, когда «планета, которой нет» была отсталым мирком — заповедником для кровососущих пэлийцев, а на его родине заканчивалась эпоха первоначального накопления капитала. Тремя столетиями позже Земля — мир Сеятелей — возглавила галактику, подчинив себе пространство и время.

« — Принцесса, противоречит ли законам вашей планеты неравенство происхождения супругов?

— Нет. Лорд Сергей — мой жених по обручению. Древний обычай допускает брак с человеком любого общественного положения.

— Лорд, противоречит ли вашим законам или убеждениям неравенство происхождения супругов?»

Очень понятно. Для принцессы — законы планет, норм и традиций. На землянина распространяется только его собственный Закон. Неравенство? Но поддерживается оно, как мы видели, не только мощью земного флота и авторитетом Храмов.

Сергею Лукьяненко понадобилось свое «Возвращение». Вся первая часть «Стеклянного моря» — классическая *экскурсия по будущему*, которую совершали, к примеру, штурман Кондратьев, Эл Брег, Коль Кречмер и многие-многие другие. Прием традиционный, даже стандартный; Сергей — любитель, если и не знаток «советской фантастики» — невольно сравнивает свои впечатления с читанным в детстве, и страницы повести полны косвенных цитат (чего стоят одни названия глав: «Вернувшийся», «Завтрак на поляне», «Очень благоустроенная планета»). Есть новизна в изначально отрицательной установке принца. Земля вынуждена *доказывать* ему, что она стала такой... какой стала. Ласковым, щедрым, добрым, сказочным миром. «Планета решила быть умницей до конца». [7]

Трилогия предлагает нам если не новый раздел, то новую

главу в анализе варианта будущего, известного как «стандартная модель» или модель А. и Б. Стругацких. Непопулярная ныне модель.

Сверхцивилизация Сеятелей-Странников создана всего одним социальным изобретением — Знаком Самостоятельности, получаемым «в среднем» в тринадцать с половиной лет. Как только человек окажется в состоянии совершать свои поступки и отвечать за них.

Господи, на сегодняшней Земле можно в пятнадцать лет стать чемпионом мира по шахматам и в тринадцать — по спортивной гимнастике, в двенадцать — выучить основы «магии исчезновения» и принципов психической защиты, но что бы ты ни сделал до «совершеннолетия», ты — по любую сторону железного ли, зеленого ли, золотого ли занавеса — остаешься собственностью государства и сокровищем родителей, иначе говоря — *обязан* бояться пыли и сырости!

Антитеза свободы — превращение личности в собственность. До женитьбы ты — ребенок и принадлежишь отцу и матери. Когда у тебя рождается собственный ребенок — он становится твоей собственностью, но свободы это не прибавляет, потому что ты оказываешься собственностью семьи. (Это безотносительно к государствам, которые не забывают предъявлять свои права.) Результат? Не очень обеспеченный, очень недобрый и, главное, *медленный* мир.

Знак Самостоятельности и, как следствие, включение в Историю сил и возможностей ранней юности создаст сильнейшие напряжения в обществе, и с необходимостью — ускорение развития.

Просто потому, что мир начинает использовать главный психологический ресурс. Свободу. «Если мы признаём за человеком право самостоятельности вне зависимости от возраста, то оставлять какие-то рамки — в сексе, приобретении наркотиков, праве на риск и эфтаназию — бессмысленно и несправедливо. Приходится идти до конца».

Развитие не бывает в одну сторону. В отличие от мира Ефремова—Стругацких, мир Лукьяненко насыщен оружием, и не одни фанги тому причиной. «Неси это гордое бремя\\И лучших сыновей\\На тяжкий путь пошлите\\За тридевять морей». Динамика — это всегда экспансия. В физическом пространстве-времени. В понятийном пространстве. Поэтому бесполезны доводы рассудка. Вопрос американским астронавтам: «Почему вы полетели на Луну? — Луна была там, а мы здесь». — «Принцесса позвала — и я пришел».

Есть вызов, обращенный к человеку.

« — На твой поиск уйдет вся жизнь! Но даже тысячи жизней будет мало!»

Звезды над нашей головой — вызов, обращенный к цивилизации. И если мы не заметим его, грош цена человечеству. Потому что Земля навсегда станет «планетой, которой нет». Потому что «нельзя останавливаться, иначе скатишься с Олимпа. Нельзя притворяться богом. Им нельзя и быть, но можно пытаться...»

Сергей Переслегин,
январь 1995 г.

Литература

1. А. Азимов «Прелюдия к Основанию».
2. М. Тартаковский «Историософия».
3. «Утро магов».
4. А. Азимов «Нечаянная победа».
5. В кн.: Н. Конрад «Синология». Сунь-Цзы: «Трактат о военном искусстве».
6. «Кошмар на улице Вязов. Часть 6».
7. О. Ларионова «У моря, где край земли...»

СОДЕРЖАНИЕ

«Игра стоит принцессы» (*вместо предисловия*) 5

ПРИНЦЕССА СТОИТ СМЕРТИ

Часть первая. ЛОРД 9
Часть вторая. ПРИНЦЕССА 58

ПЛАНЕТА, КОТОРОЙ НЕТ

Часть первая. БЕЛЫЙ РЕЙДЕР 119
Часть вторая. СХЕДМОН 168
Часть третья. ХРАМ 225

СТЕКЛЯННОЕ МОРЕ

Часть первая. СЕЯТЕЛИ 289
Часть вторая. ФАНГИ 352
Часть третья. ОТРЕШЕННЫЕ 416

С. Переслегин. «Доспехи для странствующих душ» 482

Литературно-художественное издание
Библиотека фантастики «ХРОНОС»

Лукьяненко Сергей Васильевич

ЛОРД С ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

Фантастический роман-трилогия

Редактор и составитель издания *О. П. Пуля*
Литературные редакторы *О. П. Пуля, С. Н. Петропавлов*
Художники *Р. А. Исматуллаев, В. Ю. Мартыненко*
Художественные редакторы *О. П. Пуля, А. Г. Сауков*
Технический редактор *Т. И. Шеленкова*
Корректоры *Е. В. Тарарцева, А. И. Киселева, Е. А. Самолетова, И. Н. Голубева*
Оператор компьютерной верстки *Е. Р. Данилов*

Лицензия ЛР № 061591 от 07.09.92.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры.
Подписано в печать 02.04.96. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 12 000. Заказ 4866.

Издательство «АРГУС»
127018, Россия, Москва, Октябрьский пер., д. 32.
Телефоны:
отдел сбыта: (095) 232-00-30; секретариат: (095) 289-22-98.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО»
Лицензия № 061309 от 17.06.92.
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, д. 38.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, Россия, Тверь, пр-т Ленина, д. 5.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АРГУС»

продолжает выпуск БИБЛИОТЕКИ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

Фантастика нашего издательства — это лучшее из переводной и отечественной фантастики, высокохудожественное серийное оформление, отличное качество полиграфии, красочный твердый переплет.

Тринадцать книг нашей серии уже вышли:

Р. Желязны, том 1: **«СОЗДАНИЯ СВЕТА — СОЗДАНИЯ ТЬМЫ»**

Сборник: **«ПЛАНЕТА СЕМИ МАСОК»**
(антология французской фантастики)

Сборник: **«ВРАТА ВРЕМЕНИ»**
(англо-американская фантастика)

Сборник: **«БАГРЯНАЯ ИГРА»**
(англо-американская фантастика)

Лев Вершинин, том 1: **«ХРОНИКИ НЕПРАВИЛЬНОГО ЗАВТРА»**
том 2: **«ДВОЕ У ПОДНОЖИЯ ВЕЧНОСТИ»**

Генри Лайон Олди: **«ПУТЬ МЕЧА»**

Александр Тюрин, том 1: **«КОЗЫРНОЙ ВАЛЕТ ИМПЕРИИ»**
том 2: **«СВЕРХНЕДОЧЕЛОВЕК»**

Фриц Лейбер: **«ВЕДЬМА»**

Юлий Буркин и Сергей Лукьяненко, роман-трилогия:
«СЕГОДНЯ, МАМА!», «ОСТРОВ РУСЬ»,
«ЦАРЬ, ЦАРЕВИЧ, КОРОЛЬ, КОРОЛЕВИЧ...»

Сергей Лукьяненко: **«РЫЦАРИ СОРОКА ОСТРОВОВ»**

Сергей Лукьяненко: **«ЛОРД С ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ»**

Мы надеемся, что они понравились всем, кто предпочитает умную и талантливо написанную или переведенную фантастику, кто неравнодушен к хорошим иллюстрациям. Мы издаем не только переводную фантастику — наши книги познакомят с лучшими отечественными авторами.

В ближайшее время выйдут:

Игорь Бурлаков: **«СНЕЖНЫЙ ВИРУС»**

Сборник: **«ДО СВЕТА»** (отечественная фантастика)

Пол Андерсон: **«НЕТ СОГЛАСИЯ С КОРОЛЯМИ»**

Роберт Силверберг, том 1: **«МИР ВНУТРИ»**
том 2: **«ВРАТА МИРОВ»**

Роджер Желязны: **«ДЖЕК ИЗ ТЕНИ»**

Роджер Желязны: **«БОГ СВЕТА»**

Роджер Желязны: **«ОСТРОВ МЕРТВЫХ»**

Сборник: **«ПРЕВЫШЕ ЧЕЛОВЕКА»** (англо-американская фантастика)

Странные друзья и необыкновенные враги, бластеры и звездолеты, паутинные мины и Храмы предтеч, атомарные мечи и путешествия во времени – все впереди у героя, решившего из всех женщин Вселенной выбрать одну – принцессу далекой звездной империи.

ЛОРД ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО